

МУХАММЕД

Чингиз Тусейнов

МУХАММЕД



ЖЗЛ



Чингиз
Тусейнов



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ISBN 978-5-235-04028-1



9 785235 040281 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я



ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1870

(1670)

Чингиз Тусейнов

МУХАММЕД



МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2017

УДК 28-31
ББК 86.38
Г 96

При оформлении переплёта использованы изображения Каабы — мусульманской святыни, находящейся во внутреннем дворе Мечети Масджид аль-Харам в Мекке, а также Мечети аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме и Мечети Масджид ан-Набави (Мечети Пророка) в Медине.

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-04028-1

© Гусейнов Ч. Г., 2017
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017



*Почему вы облачаете истину ложью
и скрываете истину,
в то время как вы знаете?*

Коран, 3/71

**Автор советует читателю,
прежде чем приступить к основному тексту,
перелистать эти страницы.**

Попытка воссоздания жизни и деятельности пророка Мухаммеда (570—632)¹, с чьим именем связаны ниспосланный ему Богом Коран и рождение мировой религии ислам, — настоятельная потребность автора, который родился в Азербайджане, в мусульманской семье, многие годы жил в России с доминантой христианской православной культуры, а в последнее время избрал местом проживания Израиль, страну иудейской цивилизации, в чьих недрах возникли восходящие к праотцу Аврааму религии монотеизма, названные «авраамическими».

То есть автору одинаково близки Книги религий, единых этическим ядром, философией жизни и смерти, но вместе с тем существенно различающихся ритуалами, возведёнными, как представляется, в абсолют по всем параметрам бытия вплоть до летоисчисления и дней недели: статус последнего, «седьмого» дня творения по Торе шабат (субботы-шенбе), когда надо посвятить себя духовному совершенствованию, обрели у христиан воскресенье, а у мусульман пятница-«джума».

Задаюсь прежде всего вопросом: что есть «пророк» и в чём его отличие от обычных людей?

Ответить можно, лишь прибегнув (с учётом направленности издания, а также следуя авторскому настрою) к тому или иному стилю — как секулярному, «светскому», или исследовательски-научному, с системой доказательств и аналитичностью, даже критичностью, так и духовно-религиозному, для которого вышеперечисленное, исходя из объекта

¹ На русском языке нет единого написания имени: Магомет, Мохаммед, Мухаммад, Мухаммед.

рассмотрения (Мухаммед + книга Бога Коран + Ислам), вовсе не обязательно, порой даже не позволительно, ибо всё надо принять за веру, не мудрствуя, как говорится, лукаво.

В этом смысле ответ на вопрос, что есть «пророк», звучал бы с опорой на обе стилистики, вполне здесь совместимые, примерно так: «пророк» — это человек (библейское определение: «боговдохновенный»), который обладает полученной от Бога редкой способностью («Божьим даром») слышать, видеть в знаках-символах, а также воспринимать внутренне или интуитивно Божественные повеления, передавая их (общепринятое — «вдохновение») людям, быть рупором Его идей-слов-заповедей.

Не было, — это в Коране, — чтобы Бог говорил с человеком иначе, как в откровении или позади завесы, или посылал посланника и открывал ему по Своему повелению, что желал. И Мы, — говорит Бог Мухаммеду, — внушили тебе дух от Нашего веления: ты [прежде] не знал, что такое книга и вера².

Впрочем, на вопрос, кто такой «пророк», ответил А. С. Пушкин в своём одноимённом хрестоматийном стихотворении, в котором показано — в единстве двух стилей, «секулярного» и «религиозного», — перевоплощение человека в глашатая Божественных идей, или Пророка: «Духовной жаждою томим / В пустыне мрачной я влачился, — / И шестикрылый Серафим / На перепутье мне явился. / Перстами лёгкими как сон / Моих зениц коснулся он. / Отверзлись вещие зеницы, / Как у испуганной орлицы, / Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон. / И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полёт, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье. / И он мне грудь рассёк мечом, / И сердце трепетное вынул, / И угль, пылающий огнём, / Во грудь отверстую водвинул. / Как труп в пустыне я лежал, / И Бога глас ко мне воззвал: / “Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей”».

Стихотворение, кстати, создавалось (есть такое суждение) в пору увлечения поэта Кораном, и импульсом к со-

² Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1986. Сура «Совет», 42/50—52 (первое — номер суры, второе — номера стихов-айатов). Айаты даны, кроме особо оговорённых, в переводе И. Ю. Крачковского (далее — Крачковский).

зданию явилась легенда, связанная с Мухаммедом, о чём в Коране есть аят-строка: *Разве Мы не раскрыли тебе твою грудь?.. И тем возвысили твоё поминание*³.

По преданию, однажды два человека в белых одеждах, повалив наземь подростка Мухаммеда, который пас овец, разрезали ему грудь, вынули сердце, обмыли снегом и вложили обратно в грудь. Есть и короткая версия, что ангел рассёк грудь Мухаммеда, очистив сердце от чёрного дьявольского сгустка.

Мухаммед, каким он видится в Коране, — и простой смертный, как все люди, но и *расул*-посланник, *набий*-пророк, отмеченный даром доносить до нас ниспосланное ему Богом.

Физически невозможные с научной точки зрения события или действия, изобилующие во всех религиях, носят неоспоримо реальный, с точки зрения религий, характер, а с точки зрения светской — это легенда, иносказание, метафора, художественный образ.

Достаточно вспомнить иудейское чудо с волнами моря, которые расступились, чтобы спасти евреев при бегстве из египетского плена, а потом сомкнулись, чтобы погубить преследующее их войско фараона.

Или в христианской притче хождение по воде как выражение наивысшей степени приверженности к вере: если верность абсолютна — пройдёшь по воде, а если относительна — провалишься.

Или «небошество» Мухаммеда в исламе — перелёт с помощью архангела Гавриила-*Джебраила* на легендарном коне *Бурак*-Молния из Мекки в Иерусалим, встреча с пророками и возвращение обратно; и при этом он успел удержать от падения кувшин, который выпал у него из рук при небошестве, и не дал ни капли воды вылиться.

Взаимодействие или, точнее, сочетание светского (поведать, пытаясь объяснить или обосновать то или иное явление) и религиозного (принимать за веру) реализуется в книге. Её стиль местами как бы созвучен или имитирует коранический слог, который вобрал в себя традиции богатой доисламской арабской поэзии с многообразием в ней де-

³ Крачковский. Сура «Разве Мы не раскрыли» (или «Рассечение»), 94/1, 4. Поэт чутко уловил мотив ненасилия, составляющий суть Корана: *С небесной книги список дан / Тебе, пророк, не для строптивых. / Спокойно возвещай Коран, / Не понуждая нечестивых!* (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977. Т. 2. С. 189).

кламационных приёмов с риторическими вопросами и ответами, диалогическими монологами, ассоциативностью и контактными повторами, отступлениями и возвращениями, налётом тайнописи.

Более того, в этом перечне особо отмечу и стилистику «потока сознания», демонстрируемую Богом в Коране уже тогда, в VII веке, но открытую в художественной практике только в XX столетии.

У латиноамериканского писателя Х. Л. Борхеса, автора известного труда «Письмена Бога», есть не бесспорная, но оригинальная «теория священной книги» (имеются в виду Библия в составе Ветхого и Нового Заветов, Коран, а также Веды): им, ярким художественным явлениям, которые могли остаться в прошлом или исчезнуть, уйти в небытие, была придана религиозная форма, чтобы они сохранились; это, естественно, не отменяет и того, что они имеют для нас «некоторую святость, которую мы не должны терять»⁴.

Ныне, думается, следовало бы, независимо от того, за какой верой эти тексты жёстко закреплены и в какой вере замкнуты, почитать их как значимые явления общечеловеческой цивилизации, разомкнуть их, сделав достоянием не только религий, но и всей мировой художественной культуры.

Главным источником изучения судьбы Мухаммеда является, прежде всего и главным образом, Коран, в котором через обращения Бога к Своему посланнику, так или иначе отражаются вехи его пророческой деятельности.

В исламоведении есть даже исследовательское направление, изучающее и выявляющее причины ниспослания откровений, при котором они тотально привязываются, выступая как иллюстрации, к тем или иным конкретным обстоятельствам жизни Пророка.

Помимо Корана биографы опираются также на дошедшие до нас и многократно превышающие объём божественной Книги так называемые «сунны», «хадисы», то есть вести-рассказы современников о Пророке, в которых содержатся его взгляды и оценки происходящих событий.

Сунны-хадисы (далее — *хадисы*) начали создаваться или складываться при жизни Мухаммеда, но особенное распространение получили после его смерти. Их сотни тысяч, это десятки томов⁵, и отношение к ним послужило одной из

⁴ Борхес Х. Л. Думая вслух / Пер. Ю. Ванникова. 1979 (<http://www.bibliomsk.ru/library/global.phtml?mode=10&dirname=borges&filename=jlb26001.phtml>)

⁵ Они частично изданы или выложены в Интернете в переводе на

причин раскола среди мусульман, продолжающегося до сей поры, на суннитов, которые руководствуются в своих действиях помимо Корана суннами-хадисами, и шиитов, которые придерживаются лишь Корана (впрочем, у шиитов есть свои хадисы, но их значительно меньше; принято считать суннитскими шесть, а шиитскими три сборника хадисов).

При ссылке на хадисы, как правило, выстраивается для достоверности предания цепочка имён-передатчиков: от кого пошло, через кого передано, и ряд непременно замыкается именем человека, который был современником Мухаммеда, лично слышал его. В противном случае весть считается малодостоверной, а то и вовсе не достоверной.

При этом априорно предполагается, что в текст Корана не вошёл ни один хадис, ибо это — высказывание Мухаммеда-человека, хоть и возведённого в пророческий сан, а не явлено Богом, о чём и сам Мухаммед неоднократно предупреждал при жизни. К тому же в Коране постоянно подчёркивается, что главная миссия, возложенная Богом на Пророка, — это повторять ниспосылаемое Им, ничего не добавляя от себя, не убавляя:

Скажи: я только увещатель...; Ты по милости твоего Господа не прорицатель и не одержимый; Это не слова поэта, а ниспослание от Господа миров. А если бы он [Мухаммед] изрёк на Нас какие-нибудь речения, Мы взяли бы его за правую руку, рассекли бы у него сердечную артерию, и не нашлось бы среди вас ни одного, кто бы удержал от него! (38/65, 52/29—30, 69/41—47)⁶.

Именно на основе двух источников — божественного Корана и земных хадисов — были составлены век с лишним спустя после смерти Мухаммеда его первые биографии. Самая древняя из них, по мнению исламоведов, — труд Ибн Хишама (полное имя Абд ал-Малик бин Хишам ал-Химйа-

русский. Назову три сборника: Хадисы пророка / Пер. и коммент. Иман Валерии Пороховой. М.: Аванта+, 2001; Радость сердец благочестивых, а также Сахих аль-Бухари. Сборник хадисов в двух томах. Оба в переводе Владимира Абдалла Нирша. М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль-Ибрагим», 2002.

⁶ Есть иные переводы последних аятов: *Не слова они поэта там какого-то... И не слова гадателя [пустого]... Ниспослан [Коран] Господом обитателей миров. Если бы [самовольно] добавил он хоть что-то [в слово Наше], схватили бы Мы его за руку правую и перерезали бы ему вену, что доставляет кровь к сердцу, и никто из вас не помешал бы этому.* Коран / Пер. с араб., коммент. М.-Н. О. Османова. М.: Ладомир, 1999. С. 581 (далее — Османов).

ри) «Жизнеописание господина нашего Мухаммеда, посланника Аллаха»; автор жил примерно в VIII веке от Р. Х. или во втором веке по мусульманскому летоисчислению хиджры.

Ибн Хишам при этом постоянно ссылается на ранние материалы, составленные Ибн Исхаком, который, по преданию, успел ещё застать в живых современников Мухаммеда⁷. А потому часто при ссылках на ранние источники указываются они оба в форме Ибн Исхак / Ибн Хишам.

Сегодня несть числа биографиям пророка Мухаммеда. Одна из них, созданная в новейшее время, — это фундаментальный двухтомный труд востоковедов-коранистов Н. В. Ефремовой и Т. К. Ибрагима⁸, в котором основательно, в подробностях и деталях, с опорой на Коран и хадисы, рассматривается жизнь Пророка, а также систематизируется и обобщается, в сущности, всё изданное прежде, главным образом арабские источники. К тому же труд этот канонизирован и одобрен рядом официальных мусульманских организаций, в частности Центральным Духовным управлением мусульман России и европейских стран СНГ, Советом муфтиев России, Духовным управлением мусульман Республики Дагестан, Координационным Центром мусульман Северного Кавказа, и рекомендован к распространению и использованию в качестве учебного пособия в образовательных учреждениях.

По признанию авторов, они следуют в книге «имманентной» методологии, выражают «традиционное мусульманское видение священной истории», предупреждая при этом об отсутствии «авторской версии», то есть никак не позиционируют себя и своё собственное видение, максимально придерживаются «классической историографии», подчёркивая «нормативное, культово-правовое значение» двухтомника⁹.

Ещё два момента представляются мне крайне важными.

Первый связан с общепринятой в исламе формулой благопожелания, которая в полном или шифрованном аббревиатурном виде автоматически пристёгивается к словам «Мухаммед», или «Пророк», как только они возника-

⁷ Частично изданы на русском: Хрестоматия по исламу / Пер. с араб., введ., примеч. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994, 238 с. (далее — Хрестоматия).

⁸ Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада: В 2 т. М.: Российская академия наук; Институт востоковедения; Научно-исследовательский центр «Ладомир», 2009. Т. 1, 1032 с.; Т. 2, 548 с. (далее — Жизнь, с указанием тома и страницы).

⁹ Там же. Т. 1. С. 7.

ют в тексте: «Да благословит его Аллах и да приветствует». В данной книге, дабы не перегружать текст и не создавать излишние помехи к его восприятию, это, как правило, опускается.

Второй момент касается написания имени Всевышнего, когда вместо принятого в русском языке слова «Бог» употребляется арабское «Аллах», что невольно создаёт впечатление, что речь идёт о едином Боге лишь приверженцев ислама, а не всех монотеистических религий. Впрочем, не могу не поделиться ощущением, которое возникало в процессе работы: о том, что Единый Бог зачастую по-разному видится представителями монотеистических религий. Для иудеев Он явлен лишь к избранному Им народу, которым обещан приход Мессии, и Он спасёт от гнёта и притеснений евреев, соберёт их вместе, чтобы они явили миру образец жизни, достойный подражания. У христиан — Бог-Отец в системе Троицы, и в лице Бога-Сына Он уже явил Мессию всему миру. У мусульман Он — с чётким именем Аллах, Который напрямую обратился к Мухаммеду, призвав не только арабов, но и всех людей в новое единобожие. Отсюда возникла устойчивая позиция, что ислам как хронологически последняя религия есть не только итоговая, но и единственно верная — но об этом позже.

В тексте книги имена пророков-посланцев Бога будут зачастую называться по правилам русского языка, чтобы читатель имел в виду, что Нух — это Ной, Ибрагим — Авраам, а Муса и Иса — соответственно Моисей и Иисус. Замечу: случалось, что имя Иисуса на русском воспроизводилось по иудейскому написанию — Йешуа (например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»), а слово «Бог» — усечённо, как принято у иудеев, — «Б-г»: у каждой национальной культуры есть свой диктат языка при назывании имён, чему и надо следовать.

Хотелось бы также заметить, что автор придерживается актуальной сегодня тенденции не разъединять, не противопоставлять религии друг другу, а искать точки сближения между ними, следуя адресованному в Коране ко всем верам призыву состязаться в добрых делах.

И последнее: автор руководствуется принципом историзма, подразумевающим следование, во-первых, реалиям конкретного исторического времени, в которых протекала деятельность пророка Мухаммеда, а во-вторых, современному состоянию идей и практики ислама, адресуясь при этом к читателю любознательному и мыслящему.



I

НАЧАЛО

1. Цена человеческой крови, или Гадательные стрелы, к которым прибѣг Абдул-Мутталиб, чтобы определить, кого из сыновей принести в жертву богам, выбор пал на первенца, Абдуллу, будущего отца Мухаммеда; а далее обряд самоочищения — отправился Абдул-Мутталиб паломником в Иерусалим, или *Эль-Кудс*, что означает *Святыня*, в чью сторону при молитве обращают взоры язычники-арабы.

Да, Мухаммед тогда ещё не родился, но дух его уже витал, замечу витиеватым стилем, столь характерным для бедуинской поэзии, над Меккой, коль суждено ему было скоро родиться, о чём Абдул-Мутталиб, естественно, и не догадывался, да и праздное это дело заглядывать в далёкие дали — столько забот, что даже бороду почесать некогда!..

Уже который год Абдул-Мутталиб по наследному или потомственному праву является настоятелем Каабы в Мекке, где молятся и язычники, и единобожцы... — на древе верований обилие ответвлений, а у арабов каждое племя-род имеет своих божков. Отсюда и распри.

Происходил Абдул-Мутталиб из рода хашимитов, племени курайшей, и именно им, курайшам, доверена защита Храма, и счёт язычеству тут ведётся уже не один век, — идолов в Каабе и вокруг столько же, сколько дней в году.

Мекка — оживлённый торговый город в центральной Аравии, из каких только стран сюда не ведут земные тропы, какие только языки не услышишь, о чём не узнаешь на арабских базарах, они и уши, и уста людские.

Персы сюда заезжают, их земли простираются от моря до моря, египтяне из страны *фирауна*, как называют арабы фараонов, и византийцы-*бизанцы*, турки, индусы, которые везут из *Индостана* корицу, мирру, золотой песок, слоновую кость. А далее всех земель — таинственный *Чин*,

или Китай, край света, где некогда, молва такая, выпало из крыла вечной птицы нетленное перо, не отыскалось до сей поры.

Бедуины, вольные дети пустынь, стали проводниками верблюжьих торговых караванов, с их помощью устроены и торговые места в оазисах, хотя, как сказано, «и птица здесь не поёт, и трава здесь не растёт», на каждом шагу колючки, хороший корм для верблюдов.

Арабы выработали суждения о чужих купцах, о себе — ни слова: персам отказывают в искренности, но у них могучая и сильная держава, турки лишены верности, быстро забывают данное слово, византийцам-христианам, они в вечной вражде с зороастрийской Персией, не ведомо, мол, благородство, высокомерны и хвастливы. Хазары нет-нет, а дают о себе знать, вероломны, настырны, хватки; индусы красивы, стройны, чарующая у них музыка, но лишены целомудрия. И все, кто проходит дорогами торговли, являются в Каабу, двери которой по давнему обычаю открыты паломникам-пилигримам, они несут дары, приносят жертвы; каждый желает, и кто успешен в делах и кто потерпел неудачу, хоть на какое-то время остаться наедине с самим собой, совершить молитву по своим обрядам, заручиться поддержкой неземных сил.

А ещё говорят, что Кааба излечивает от бесплодия, дескать, этим особо ценным даром обладают идолы, чьи каменные изваяния тут восседают, они и помогли Абдул-Мутталибу, и нет оснований ему усомниться в этом, хотя ни первая, ни вторая жена никак не могли родить ему сына, продолжателя рода, и обет дал, что родится первенец — тут же принесёт его в жертву богам!..

Пока собирался, время так стремительно бежит! — уже семеро у него сыновей!.. Впрочем, «семеро» — популярная метафора множества... — якобы воспротивилась третья, любимая жена: родить сына-первенца, чтобы расстаться с ним?!

И всё же укоренилась версия, что именно первенца решил принести в жертву богам, и дал ему имя Абдулла, что означает *Раб Аллаха*... — тут следует прервать повествование и разобраться в истоках имени отца Мухаммеда: ведь ещё не явлен Коран, в котором Аллах — единый Бог. Ответ, однако, прост: слово «Аллах» в основе имени отца Мухаммеда вовсе не означает, что имеется в виду Бог, Который есть Открыватель Истины, и много иных у Него ипостасей в Коране: здесь речь об идоле, коего звали Аллах, и «Аб-

дулла» означает «Раб Аллаха идола», почитаемого в Каабе, и три его дочери, Лат, Узза и Мануту, были жёнами другого, главного идола Каабы Хубала, старшего брата Аллаха, такое родство, при котором младший — тесть старшего своего брата. Абдул-Мутталиб Хубала остерегался и побаивался, а к идолу Аллаху питал, очевидно, приязнь, если первенца назвал в его честь, и особое расположение деда к идолу (Аллаху) не могло не запечатлеться в памяти внука, в воспитании которого дед сыграл определённую роль.

Как правило, биографы Мухаммеда, называя имя его отца, замалчивают это обстоятельство, и причина тут, думается, в стремлении упростить ситуацию, избежать путаницы. А получается — сеют новую. Однако в связи с этим становится ясно и то, почему Бог в первых айатах (если, конечно, согласиться с тем, что принято: Коран — прямая Его речь) называет Себя «Создателем», «Творцом», или «Rabbi», дабы мекканцы не считали, что единый Бог носит имя известного им идола (к этому вопросу я ещё вернусь).

О том, что Мухаммед в допророческую пору более всех идолов верил в Аллаха, говорит первый биограф Мухаммеда:

«Сказал ибн Исхак: рассказал мне Вахб б. Кайсан, маула рода аз-зубайра: я слышал, как Абдаллах б. аз-Зубайр говорил Убайду б. Умайру б. Катаде ал-Лайси: “Расскажи нам, Убайд, о самом начале пророчества посланника Аллаха, когда явился ему Джибрил”.

Убайд ответил, обращаясь к Абдаллаху б. аз-Зубайру и прочим присутствовавшим, а я тоже был там: “Посланник Бога каждый год проводил месяц в уединении и размышлениях на Хира, так курайшиты проявляли во времена язычества своё благочестие... А когда заканчивалось это месячное уединение, первое, что он делал, выйдя из своего уединения, — приходил в ал-Каабе прежде, чем войти в свой дом, и совершал обход её семь раз или столько, сколько пожелал Аллах [идол?]. Потом он возвращался домой”»¹⁰.

Тут сказывается, как можно полагать, особое отношение Мухаммеда к слову «Аллах», которое составляло основу имени его отца.

Вот же, сыновья Абдул-Мутталиба, — не наглядное ли это подтверждение чудодейства идолов, что столько у него сыновей: да будет крепнуть племя курайшей мужчинами!..

¹⁰Хрестоматия. С. 19. Пер. Вл. В. Полосина.

Известно мекканцам, как это делается, чтобы именно сын родился: велят женам втайне провести рукой меж ног идола Хубала, нащупав, если повезёт, твёрдое, а он и есть, идол этот, и есть весь твёрдый.

А ещё из женских хитростей: тайком, ибо если увидят, то непременно сглазят, коснуться Хубала запретным своим, которое с ума сводит мужчин, ненасытных в своём сладострастии, — тут уж наверняка сына жди!

Из секретов — постоять молча возле мужского и женского идолов, кои были, по легенде, юными мекканцами, звали их Асаф и Найла, — именно идол Аллах превратил их в камень, наказав за чрезмерную любовь друг к другу, ибо местом греховного свидания избрали Каабу.

А при молитве, как советуют некоторые мекканки, непременно уповать на жен верховного божества Хубала, они же, помнить, — дочери Аллаха, хотя и сомнение порой одолевает женщин: сами-то богини, и Лат, и Узза, и Мануту, как известно, были бездетными, и молва о том, что дети их — ангелы, не могла быть для женщин утешением: хотелось своего живого по плоти сына!..

Как гласит предание, и не для кого не тайна, не замалчивается, но и не провозглашается, что здесь, в Аравии, в части её, называемой Хиджазом, наряду с многожёнством, сохранялось и многомужество, и отчего-то мужчины более всего липли к таковым арабкам: манит якобы их дурманящее тело, умащённое благовониями. Такая женщина могла иметь, были наделены изуственным правом, до двенадцати мужей, и иной паломник не прочь рассчитывать, разлучённый с семьёй, на временную жену.

Таковая женщина, родив сына (о дочерях не принято было говорить в ту пору, названную впоследствии Мухаммедом временем языческой «джахильи», или «невежества»: родившихся дочерей могли, как обузу, попросту закопать живьём), собирала своих мужей и указывала на отца, хотя зачастую и сама не ведала, от кого зачала, ибо как проследить, который?

Ещё из правил: если она занята кем из мужей своих, то вывешивает на двери жёлтого, кажется, цвета флажок, и он мог висеть и день, и даже месяц...

Так вот: та, что обрадовала сыном мужа, в мекканской бане в женский день всего за одну серебряную монету расплачивалась при выходе с той многомужницей, которая с удовольствием поделилась с непонятными ей одному мужицким секретом, чтобы непременно зачался мальчик, — да,

странное племя рабынь, имеющих на всех одного-единственного мужа, который повелевает, и не дождёшься, когда твой черёд наступит.

А секрет — проще простого: чуть противиться мужу, чтобы взял силой, хотя и этот секрет требует особого умения — не переступить некую черту, а то станешь сопротивляться — муж и вовсе охладет, особенно если ленив.

Благословенны боги Хубал и брат его Аллах! — из всегдашних молитв Абдул-Мутталиба при сборе семьи, прежде чем приступить к трапезе: мясо крупными кусками, в глубоких глиняных пиалах бараний навар, приправленный пряностями, гора риса в котле.

Но прежде — хвала в честь идола Хубала, он властелин грома и дождя, самый большой из каменных изваяний, выточен из красного сердолика, супруг трёх богинь (а джинны — их сыновья). Вокруг идолы поменьше, бесформенные для непосвящённого камни, да падёт кара на голову сомневающегося! И паломники приходят поклониться своим богам, будто жар те источают. Тут же неподалёку колодец Замзам, или Много воды, всегда — холодной, отрада телу.

Абдул-Мутталиб, сколько себя помнит, не уставал благодарить Хубала и Аллаха, заодно, следуя сану, почитать и других богов, богинь, особенно Мануту (означает *рок*) за то, что явлена Мекке Кааба, которой восторгался ещё Птолемей: макораба, или храм, говорил он.

Им, хашимитам, доверены ключи от Каабы — множество и других обязанностей, выстроены столбцом на узком свитке, хранится в особой нише, что-то там записано, но многое передаётся изустно:

судить за проступки;

совершать поминальные обряды;

справлять ритуал совершеннолетия, заключать браки и разводить;

есть и такое: девиц справлять, готовя замуж, — срывают с них старое платье и надевают новое.

А ещё — командовать вооружёнными отрядами и оберегать священное знамя — недавно знаменосцем стал, он определяется во время войн, а таковая стычка недавно и произошла с абиссино-эфиопским отрядом, аль-Ас бин Ваил ас-Сахми, из рода абладдар: он в особой набедренной повязке и нешитой накидке (одеяние сие в пору пророчества Мухаммеда станет обязательным ношением при палом-

ничестве мусульман) предстал перед божеством Асафом и принёс ему присягу, что никогда в бою не выпустит из рук знамя, — боя, впрочем, не произошло.

Из обязанностей ещё, распределены между родами:

привечать паломников, род абдманаф ответствен за их поение (не скупиться на финиковое вино), а за кормление — род асад;

оберегать священный колодец Замзам, чьими водами поддерживается жизнь, — расчистили его недавно хашими-ты, и при этом обнаружилась золотая статуэтка газели;

встречать и провожать караваны, чьи пути пролегают как по плодородным ущельям и долинам с пастбищами, виноградниками, плодовыми садами, хлебными полями, пальмовыми рощами, так и по безжизненным пустыням, где ядовитые змеи, скорпионы, шакалы и гиены, встретишь и льва, лучшая пища для которого — дикий осёл; летом караваны шли в Сирию, увозя туда шкуры, кожу, финики, зимой — в Южную Аравию и Йемен, страну пряностей, кофейных древ, благовоний и ладана, жемчуга — вылавливается у берегов Персидского залива; Абдул-Мутталиб часто вспоминает, как ездил в составе курайшей (с ним были главы родов абдшамс — Умаййа бин Абдшамс и тайм — Абдулла бин Джудан) в столицу Йемена Сану поздравить Саида бин Зу-Йазана по случаю изгнания абиссино-эфиопов и воцарения в стране);

дела казны, налоги, взимаемые от паломников в пользу Каабы и бедных;

ну и налоги, взимаемые с них, — дань, которой они обложены, хотя не обременительна, от своих бы родичей обезопаситься!.. — часты, почти каждый день ведутся разговоры о хиджазских родах-племенах, что славны Каабой, о чужих, которые сильны и могучи, властвуют над мирами.

И тут услышишь про империи — Византию и Персию, которые как будто далеки, но огненное дыхание их вражды ощущается в Аравии, особенно в северной её части, их люди наезжают за налогами-поборами для императора, или цезаря, а то и персидского шаха.

Чужое ярмо, дабы чувствовать себя в безопасности от набегов, всё же терпимо, не то что свои: горе, если над тобой свой, к тому же выполняет чужую волю, не забывая при этом о собственной выгоде. Но какая разница быку, который вертит жернов, чтоб размолоть зерно, чьё это ярмо, своё или чужое?.. Будто слышав, задрал бык хвост и пустил ветры. Жернова судьбы, жернова войны, начнёшь — не завершишь!

Но разве есть какой устойчивый союз?

Война рождает страдания, страдания обнажают чувства, чувства изливаются в слова, из коих складываются строки.

Чуть что — о бедуинах пустынь, презирающих корыстолюбие и жажду обогащения, вечных в движении, ибо и Луна не стоит на месте, а обувь из воловьей кожи, охватывающей пятки и щиколотки, не стирается.

Бедуины постоянны в дружбе, но и в ненависти тоже.

Четыре высших блага у них: чалма, гостеприимный шатёр, кинжал и меткое слово, или песня, и стихи — на все случаи жизни и смерти: и надгробные, и в честь гостей, и насмешки, кого-то воспеть и ославить

Верно, щедры бедуины, но и не прочь обогатиться разбоем, того и жди: нападут и ограбят.

Но кто мы? откуда? — попробуй, если даже грамоте научен, прочесть на песке узоры. Но раз мы существуем, то мы от Измаила, сына Агарь-Хаджар, зачатого праотцом Авраамом-Ибрагимом, а сам Измаил — прародитель, как о нём говорят, всех арабов, не сосчитать, столько их, племён, но часто вспоминаются самые древние, будут упомянуты в Коране — адиты, самудиты и мадяниты, из коих вышли «наши пророки» Худ, Салих и Шуайб.

Но что мы свершили такого, чтобы привлечь внимание других?

Ах да: одомашнили одnogорбых верблюдов, это дромадеры, а также догадались изготовить верблюжьи сёдла с лукой!..

Но Кааба!.. Здесь, сказывают, похоронен был Измаил, где-то между восточным углом Каабы и колодцем Замзам!.. Не отыскалась могила!..

А кем из знаменитостей кроме Измаила гордиться могут?

Мудрецы? Полководцы? Поэты?

Неужто лишь женщины?!

И снова возникает Агарь-Хаджар: египетский фараон подарил её, никакая не рабыня, а дочь знатного вельможи, Аврааму-Ибрагиму, когда тот покидал Египет, дабы вернуться в Палестину. И родила ему сына-первенца Измаила, — курайшей к нему ведёт прямой путь, а потому не смеет уподоблять Хаджар бесплодной пустыне Синайской!..

Знатны арабы, сразу бы вспомнить царицу сабейскую-Савскую Билкис, как прибыла из каменистой Аравии, держа путь к закату солнцу, к Соломону, услышав о великой его славе и мудрости, что выстроил в Иерусалиме

Храм из древ кипарисового и кедрового, Дом царский и Стену крепостную. Испытать решила загадками неразгаданными.

Верблюды царицы были навьючены золотом, драгоценными камнями, благовониями и пряностями: анисом, тмином и мятой, бальзамом, — никогда не приходило такого множества даров царю-градостроителю!

Какие загадки? Беседовала обо всём, что на сердце, с Соломоном, и ничего не знакомого царю, чего бы не смог он изъяснить ей.

И о горах своих, о которых рассказывают иудеи не без чувства... какого? Абдул-Мутталиб задумался: может, самодовольства? Да, именно так: с чувством превосходства, что ж, очевидно, имеют на то право, и не случайно их называют «людьми Писания».

Отзвуки событий: то ли случились теперь или вчера, то ли давние, и только что достигли Хиджаза... — много тем, о чём будет и не раз, хотя не все дела-обязанности хашимитских правителей Каабы перечислены: ещё одна есть, неизвестно кем и когда предложенная, но важная для Абдул-Мутталиба в сей день: в Каабе хранятся «гадательные», как их называют, стрелы!

«Что ж, пора!» — подумал однажды Абдул-Мутталиб, вспомнив запоздало про свой обет жертвоприношения, достал стрелы из сундука, и одна, помеченная как особая, указала на самого красивого из его сыновей — Абдуллу (по одной версии — первенца, по другой — самого младшего).

По Хиджазу пошли слухи, что в Мекке готовятся принести в жертву человека, давно такого не было, и старая-престарая прорицательница с мужским именем Хикмет, или «Мудрость», явилась к Абдул-Мутталибу, кого помнила рассудительным юношей, и спросила:

«Какова цена человеческой крови за неумышленное убийство, которое прекращает кровную месть?»

«Десять верблюдов или сто овец».

«Предложи эту цену богам, а если они не согласятся, поторгуйся с ними, пока не примут замены твоему жертвоприношению!»

Абдул-Мутталиб воспринял совет как приказ — от прорицательницы исходила неземная сила: боги долго не уступали, повышая цену, жребий девяносто девять раз падал на Абдуллу, и смилостивились лишь на сотом верблюде, соглас-

ные на замену человеческого жертвоприношения верблюдам.

«Вот цена, — заметила Хикмет, — человеческой крови: сто верблюдов».

И спасся сын!..

Абдул-Мутталиб громко заявил, что отныне в Каабе налагается запрет на жертвоприношение людьми! И каждый раз, сидя на коврике в тени Каабы, благодарил в молитвах богов, одаривших его сынами, радовался, глядя на улицу, уходящую в пустыню, когда видел, как Абдулла, красивый и статный, шагает к дому, — недавно женил его на дальней родственнице Амине.

«И она родит Мухаммеда».

Красавицы Хиджаза мечтали об Абдулле, и множество отвергнутых им девушек, узнав о свадьбе, в одночасье якобы испустили от ревности дух... — Абдул-Мутталиб понимает, что это, конечно же, придумали поэты-бедуины, чтобы польстить ему, настоятелю Каабы, а заодно оставить память о себе, но что опечаленных девиц было много — сущая правда.

Увы, рука об руку шагают события радостные и горестные, которые не счесть, уготованы богами и Абдул-Мутталибу, а пока... — паломничество в священный Иерусалим, древнюю землю *мусавитов*, как называют рассеянных по свету, точнее, изгнанных с родных мест сторонников Мусы-*Моисея*, и с некоторых пор здесь господствуют *исавиты*, или сторонники Исы-*Иисуса*.

Сказано было ещё в древности, в те далёкие времена, когда мусавиты обосновались здесь и объявили Йерушалаим, как они называют город, столицей Исраэля:

«Городов на земле много, но истинный Город один!»

И ещё сказано: «Десять мер красоты спустилось на землю: девять на Йерушалаим, лишь одна — на остальной мир».

То же соотношение и с мерами мудрости: девять — их городу, одна — на всех других. Вот и сглаз!..

Что ни год, паломничество откладывалось, ибо дороги беспокойны, хоть и давно завершились в Аравии две великие бедуинские войны: начались в дни юности Абдул-Мутталиба и длились сорок лет.

Воскурилось благовонное зелье *маншим* на их земле, *бакриты* и *таглибиты* истребляли друг друга всего лишь из-за заблудшей верблюдицы, а *абсы* и *зобьяны* — из-за бегового жеребца, кто-то кому-то не уступил, и дух ненависти рассеялся среди арабов. Но сказано: «Ничто не сравнится с го-

рем седовласых, у которых из семи сыновей остались лишь похороненные».

Ехал Абдул-Мутталиб в Иерусалим морем до Эйла на севере Красного моря, — здесь, заметил кто-то, якобы постигла иудеев кара Бога за нарушение святости шабата-субботы, — занялись в запретный день рыболовством: старики превратились в свиней, а молодые — в обезьян.

Караванный путь пролегал через Ярбу и Мута, — ощущение было, что прибыл из «машрига», откуда солнце восходит, а вернулся из «магриба», и закатное солнце, храня ещё жар, жгло спину.

Потрясение начинается на подступах к Городу: белокаменные, а под лучами солнца розовые дома на холме: белый цвет на лазоревом фоне! А небо ночное искрится светом неведомым, будто боги зажгли свечи, вечернее несёт прохладу, предрассветное и рассветное высоко и чисто, небосклон ровно затянут розовым шёлком без шва, неровностей и заплат.

Шёл по широченному каменному мосту к Яффским воротам вдоль крепостных стен, которые громадой высились справа, узкие щели бойниц, на деревьях распускаются почки, молодая зелень, нежно-сиреневое облако цветенья.

Рвы, уходящие вниз, в самую толщу, в немыслимые глубины земли.

Мостовые, огромные камни — неровные, плотно пригнанные друг к другу, улицы — то глухие, ведущие в какие-то таинственные дворы, а там — ещё двор и улица, и бесконечны их пересечения. Дороги, подъёмы и спуски, камни и камни, лабиринт. Даже многоопытному Абдул-Мутталибу лучше не забираться вглубь — не отыщешь пути назад.

Думай, когда идёшь, как будешь возвращаться! — частая присказка предка его Хашима, сумел упрочить их род хашимитов из племени курайшей, о них слыхивали, как оказалось, в Эль-Кудсе тоже!

Много десятилетий минуло с тех пор, как воцарились тут христиане, и первое, что Абдул-Мутталиб увидел, ступив после Яффских ворот на небольшую прямоугольную площадь, была кровь.

Над головой сияло чистое ласковое небо, и мир казался огромным и красивым, а под ногами грязь, валяются вдоль стен отбросы, гряда мусора.

В вырытой поодаль большой и глубокой яме толпились люди с окровавленными руками, валялись бараньи потроха... — праздник жертвоприношения?

Направился, покинув это место, к Храмовой горе, конечному пункту паломничества. На плоскогорье — заброшенный пустырь, снова свалка мусора, развалины, поросшие серой пыльной травой. Что ж, ничего необычного, привычное зрелище, и в их Мекке увидишь подобное, но что такое запустение возможно на священной земле, расстроило.

Когда рушится Храм, а в Иерусалиме он рушился дважды, человек утрачивает связь со святостью. И невозможно объяснить, что утеряно после того, как случилась потеря Храма: каждый день на земле прибавляется проклятие. Живое ощущение богов может быть, когда есть Храм, где собираются люди.

У нас, подумал, это наша Кааба! И тут же себе: не возгордись и не будь придирчив, ты в священном городе, который возвели люди Писания, или «ахли-Китаб». Потомки тех людей, поистине исполинов, рассеяны ныне по миру, изгнаны или убиты, и часть уцелевших перебралась к ним, в Аравию.

«А мы? Кто же мы?!»

Нет, не причислены они к людям, имеющим Писание. Или мы — другие, но кто?! Мысль не додумалась, из-за бойниц крепостных стен будто глянули на него первочеловеки, создавшие Город, они жили долго, триста, может, поболее лет, даже девятьсот, и не старились, как бы и теперь Абдул-Мутталиб мог, представил себе, лицезреть родоначальника их, арабов, — Аднана!.. Это из тех имён, которых сохранила память курайшей.

Отец Абдул-Мутталиба Хашим говорил ему, было так давно, что, кажется, и не было, а он поведал сыновьям, всегда почему-то глядя на Абдула: «Есть несколько имён, надо помнить! Близкий предок Аднан, а дальний...» — и назвал Измаила. «А первый, кто всех нас породил, — Адам!» Прочертил даже на песке семь колен от родного к чужому, получился занятный треугольник:

Я,
сын,
внук,
правнук,
потом «итог»,
за ним «корень»,
а далее «привязка»,
и «чужой», с кого новое Я.

Как начало нового семизвенного колена.

А родословные — это колена длинной протяжённости, восходящие к Адаму, и допотопные, где десятое колено — Ной-Нух, а следом поколения послепотопные, средней протяжённости, от Праотца и его сына Измаила.

С них и начать, Ибрагима и Измаила?

Не с них, а с неё — праматери нашей Агарь-Хаджар!

Рабыни фараона?

Подаренной Аврааму!

И она родила мужу, раз первая жена Сарра была тогда бездетная, сына Измаила, прародителя нашего!..

Впрочем, не одно семикратно семь колен пролегает и в родословной короткой протяжённости, если отсчитывать не после себя, что прочерчено, где Я, ибо следы ветром сдуло, а до-до-до.

Уроки родственных уз важны для воспитания потомков, и дед начинает отсчёт с себя, в третьем лице, что часто практикуется на Востоке:

Абдул-Мутталиб, отец Хашим, давший имя роду, и все мы — хашимиты, а у деда вашего — свой дед Абд-Манаф, «Сын Манафа» (не надо уточнять, и так ясно: имя в честь языческого божка), который прародитель Амины (так что к одному предку восходят и мать, и отец Мухаммеда), далее Кусейя, который вернул курайшам ключи от Каабы, отнятые вероломно родом губшанов (пьяница Абу-Губшан вернул ключи за бурдюк дурманящего напитка), — и тут остановился, назвав ближнего прародителя, это *Аднан* из пустыни Фаран, вот и все колена в нашем родословном древе!..

Когда Мухаммед, рассказывая уже своим внукам о своём роде, говорил, это есть в хадисе: «Кто занимается выявлением генеалогии и копается в семейном древе, тот невольно прибегает к сочинительству», то соглашался, что Аднана от Измаила отделяет сорок поколений.

Взор залил вдруг отблеск облаков кровавый.

То был закат, точно вода, окрашенная красным соком дерева сакуры?

Увы, живая кровь, на земле разлитая, и отразилась в небесах, точно отброшенная на облака!

Однажды ночью, о чём в хадисе, Мухаммед молился в мечети, а как завершил, хранитель молельного дома спросил:

«О, посланец неба, почему ты молишься ночью?»

«Мне нужно было, — ответил Мухаммед, — услышать от Бога ответ на три вопроса, которые меня с некоторых пор мучают».

«И что же?»

«На два моих вопроса Бог ответил “нет”, а на третий — “да”».

И пояснил: «Я спросил у Бога, уничтожит ли Он нас, как были уничтожены многие грешные на земле народы?» Бог ответил: «Нет». Потом спросил: «Погибнет ли наша вера после моей смерти?» И снова услышал: «Нет». И третий вопрос: «Произойдёт ли после моей смерти раскол в общине на враждующие группы и прольётся кровь?» «Бог долго молчал, я ждал, и вдруг услышал: “Да” — ответил мне Бог».

А утром обратился к верующим, когда собрались на утренний намаз:

«Да не случится так, что после моей смерти вы подымете мечи друг на друга! Все ли слышите? А кто слышал, пусть передаст тем, кто не слышал!»

Было и такое, запечатлел хадис: кто-то спросил его, чем он родовит.

«Воистину, из сынов Измаиловых, — ответил Мухаммед, — Бог избрал Кинану, из кинанитов Курайша, из курайшей Хашима, а из хашимитов меня!» А ближе к концу жизни Мухаммед сказал: «Явился я из лучших поколений, следовавших одно за другим, вплоть до Адама»¹¹.

— Расскажи!.. Расскажи!.. — пристали к Абдул-Мутталибу, забыв, что это запрещено: принято, чтобы каждый совершил паломничество в святой город.

Но Абдул-Мутталиб жаждал выговориться:

— Да, мир необозрим, велик, а Хиджаз лишь по неведению представляется нам огромным, и горы наши не так уж высоки, как видны с близкого расстояния. — И, завладев вниманием, говорил, не уставая, что изрезана, окровавлена, истоптана земля. И много в ней зелья зависти! — Увы, человек слаб и грешен изначально, нельзя оставлять его наедине с самим собой, ибо смешаны грех и святость, вероломство и благородство! Часто гнев, порожаемый тьмой души, вожделением неуёмным, становится владыкой человека. Да, от крови создано море, плоть сотворила землю, а скалы — это те же окаменевшие кости!

— ...Некий выдавал себя за нового посланника Бога,

¹¹ Жизнь... Т. I. С. 14; содержится ссылка, это просматривается по всей книге, на арабские источники, главным образом суннитские хадисы.

Он у них Один, и, дабы доказать истинность свидетельства, вырыл у Храмовой горы яму и стал таскать туда дрова. «Сырое, фиговое, не загорится!» — настаивали сердобольные. «Сохрани себя как жертву для эллинов!» — кричали скептики. «Нет, — дразнили третьи, падкие до зрелищ, — докажи свидетельство!»

Абдул-Мутталиб не верил, что случится самосожжение, но что сильнее: страх смерти или тщеславие? И... — в это трудно было поверить: тот сжёг себя! Никто с места не сдвинулся, чтобы броситься к костру, спасти, разбросав горящие поленья! От растерянности? По жестокосердию? Показалось, что из костра взлетел коршун, может, то была гарь? Померещилось: «Возношусь!»

Ждать прихода смерти, ибо есть некая грань между жизнью и смертью, переступить которую человек не вправе.

— А что до единого Бога, вездесущего у иудеев ... — Абдул-Мутталиб любил говорить сам, но и умел терпеливо выслушать собеседника, не перебивая, таковой ему встретился в Иерусалиме, и стал повторять услышанное, что «разные у Бога скрытые имена: Адонай, некое Господствующее начало, нечто Первое и Последнее, или Саваоф, Сильный земным и небесным воинством, Яхве, Элогим», но что «всеу произносить их нельзя!», — не то что у них в Каабе!.. Множество имен множества богов, и надобно их часто помянуть, но чаще — всевластного Хубала, вызывающего дождь, и Аллаха, его брата, чтобы снискать благосклонность.

Беседа, как лесенка: то вниз по ступенькам в глубины веков, то вверх, приближаясь ко дню нынешнему — к тому, что *сегодня*, и неведомо, где кончаются или во что упираются ступени в земной тверди, тем более небесной.

(Впоследствии именно здесь, где самое близкое, как полагают, расстояние до Бога и куда явится Мессия в иудейском значении (о чём ещё будет сказано), родится понятие «иерусалимский синдром»: некие, казалось бы, энергетические токи из-под земли и особые волны сверху воздействуют на излишне чувствительные натуры, возбуждая в них уверенность, что они — посланцы Всевышнего или даже Мессии.)

Беда: Абраха, военачальник абиссинно-эфиопских христиан, вторгся в Мекку, в памяти это сохранилось как год Слона: мекканцев ужаснул боевой слон в войске: вот он, качающий головой и довольный произведённым впечатле-

нием. Большой, тяжёлый, с величественными ушами и шагом огромных ало-коралловых ног... Точно поступь самой истории, скажет потом Абдул-Мутталиб, тогда и присказка родится, столь популярная ныне и всегда: Побольше верблюда слон есть!

А повод или предлог: что в языческой Каабе среди каменных изваяний идолов установлена, оказывается, фигурка Марйам-Марии, которая держит в руках младенца Ису-Иисуса!.. кто-то, очевидно, донёс абиссинскому владыке Абрахе, и христианский дух в нём воспламенился гневом. Да, и впрямь фигурка находилась тут, Абдул-Мутталиб часто на неё поглядывал при молитве, почти не видимая, поодаль от Хубала, подаренная Храму арабом-паломником, который верил в Богосына, а может, сами хашимиты отвели ей место тут, дабы привлечь сюда и христиан. Фигурка стояла, никому не мешая, и вполне вписалась в ряд изваяний. Абраха в окружении воинов явился в Каабу, заполненную народом: мол, грех тягчайший, чтобы Богоматерь томилась среди идолов, «к тому же вы, дикие язычники, — заявил громогласно, — по-прежнему приносите людей в жертвы!.. Сама старуха Хикмет...».

Ситуацию спас сын Абдул-Мутталиба Абдулла, согласившись поначалу с Абрахой, дабы утихомирить его, а потом и возразить: «Да, было такое со мной, имела место игра в гадательные стрелы, — голос уступчивый и спокойный, но тут же: — Но никаких жертвоприношений, вот он я, живой, перед Вами!..»

«Но в Хиджазе живьём закапывают девочек, которые рождаются!»

«Когда это было! — на сей раз возразил Абдул-Мутталиб. — Кааба осуждает эти мерзкие обычаи!.. — Но разве они не правы? молвил самому себе. Сын твой Абу-Лахаб дерзостно ослушался тебя: небо Мекки сотряс вопль его жены, невестки твоей: сын закопал живьём твою внучку!.. — А вы? — укорил Абраху. — Какие вы христиане, если вошли без спросу в дом, где я настоятель и только что вернулся из паломничества в священный и для вас Иерусалим?.. Мы почитаем и своих богов, но и почитаем вашу Богоматерь и Христа!..»

Сражаться с паломниками-пилигримами? Опустошать Каабу? Хиджаз полон святилищ, эти менгиры, дольмены, вефили, окружённые оградой из огромных камней в виде четырёхугольника или эллипса, а то и просто отполированная наклонная плита, положенная на два стоящих камня вышиной около двух локтей, служит для возлияний, на что указы-

вают углубления: отверстия и стоки на поверхности. И затеян поход не в наказание, это всего лишь повод, а ради лёгкой наживы. Не званы, потому ненавистны. Лишь гибкостью луков расхвастались, показав, как далеко летят стрелы.

Дело уладилось крупным выкупом: долго стояла на дорогах Мекки пыль от бредущей тысячной отары — дань курайшей абиссино-эфиопским воинам, и они спешно покидали край, гонимые непонятной хворью.

Сказано будет в своё время в явленном Коране: *Обратил Бог Единый козны незваных пришельцев в заблуждение! Наслал на них стаи птиц! Несли в когтях крепких, закрыв небо широкими крыльями, большие камни и бросали их на головы захватчиков. Сберёг город, где вскоре родится новый пророк!..*

А разве не боги Каабы, которым дед служит, развеяли в прах злоумыслы непрощенных воинов? Чтобы неповадно было никому, а пуще тем, кто первым напал, будь то иные язычники, или христиане, или иудеи, а то и зороастрийцы, которых с их двоебожием, Богами Добра и Зла, тоже считают идолопоклонниками, затевать близ священной Каабы кровопролитие.

Но не ведал Абдул-Мутталиб, что как бы ни почитал богов, они его скоро беспричинно накажут смертью сына! Мсть за его паломничество, неугодное Хубалу, а может, причина в ином — что изменил первоначальному обещанию принести в жертву богам именно его, сына Абдуллу!.. В облике Хубала, показалось Абдул-Мутталибу, когда ступил в Каабу, вдруг исчезла привычная теплота!.. Да, неожиданная смерть сына-первенца!.. И неизвестно, при каких обстоятельствах умер Абдулла вдали от дома в очередную свою караванную поездку, — отправился в Йасриб привезти финики, а заодно получить в ал-Абве долги, и в пути умер. Сглаз? Кто отравил?.. Нет, наказан идолами!..

2. Ночные страхи матери Амины, которая после свадьбы — минуло всего лишь месяц-другой, проводила мужа Абдуллу в караванную поездку, а по дороге он умер, так и не узнав, что вскоре родится сын, и сжалилась Алима, бедуинка-кормилица, над Мухаммедом, у чьей матери от горестей пропало молоко, и взрастила младенца.

То ли случайное совпадение, то ли некое предзнаменование, с криком родившегося младенца Мухаммеда, вычиталось из свитка, когда его развернули, всё вокруг ярко

осветилось, а в окрестном мире... — но о том, что приключилось на свете при рождении Мухаммеда, прочтётся в своё время, тем более что свиток исписан сохранившимися свою крепость чёрными чернилами, дабы уберечь записи, и они манили, ибо с давних пор известно, что текст оживает, лишь когда согрет взглядом читателя.

Ну да, кто станет омрачать сомнением то, что произошло?

Торговые караваны обычно отправлялись в путь ночью, когда спадает жара, а она была в тот день невыносимой: солнце, собрав всю мощь, неподвижно застыло над песчаными холмами. Блеск его величия был столь яростен, что слепящий свет разлился в мире. Невесомая яркость казалась осязаемой, скользя, словно в руках переливающийся шёлк.

Вспомнила Амина, что в такой же жаркий день, на пороге девичества, когда ещё подросток, но уже пробуждается женское и лик озаряется загадочным светом, потрясение у неё было от услышанного, что можно родить, не будучи замужем. Непорочно. Слово, от которого замирает сердце. Что такое прежде случалось. И не раз! Но у особо отмеченных!

Ни к кому не всходявши на ложе... — это про какую-то богиню. И, точно игла, чтобы зашить мысль, восклицание как облегчение: уже сосватана!..

Проводив мужа, она легла спать, и то ли во сне, то ли наяву слышала шёпот, но прогрохотал в ушах, точно гром: открыла глаза и чуть не ослепла от света солнца, которое, собрав в пучок свои лучи, будто женщина — волосы, устремило всю свою яркость на неё:

«Ты беременна!»

«Нет, — возразила тотчас, — я бы знала!»

«Не перечь мне!»

«Кто смеет...» — загорелась в ней бедуинская кровь.

«Молчи и слушай! — Амина замерла от страха: голос был властный и беспрекословный. — Отныне ты носишь в себе лучшее создание всех миров!»

И чтобы сыну дала имя Мухаммед, или Прославляемый.

«Что за имя? — с дрожью в голосе спросила. — Никому не ведомо!»

Гулко застучало в груди. Высохли губы. Горело нутро. Тут же, откуда ни возьмись, — а может, это случилось до услышанного голоса? — красивый голубь высветился в темени открытого окна, влетел и крылышком нежно коснулся её жаркого бедра и тотчас исчез. Очень захотелось пить.

И вдруг в руке у неё — кто ж преподнёс? — медная чаша с шербетом. Ледяной напиток. Белее молока и слаще мёда. Осушила и, счастливая, откинулась на подушку.

Пришёл час, и Амина родила сына.

Мухаммед не раз задумывался об отце, облик его никак не складывался.

Но разве не видишь ли его в своих очах, глядя на их отражение в святом колодце Каабы Замзам, чья вода сладка? Напоминанием об отце меч над изголовьем. И слова отца, переданные дедом: меч — отмститель неправды!

Но нет-нет, а порой уже в зрелом возрасте застревает в горле слово, так и не выговоренное, и оно царапает, точно рыба кость: солнце как животворящий дух? Так привиделось матери!..

Но точно и никаких сомнений, что родила Амина, дочь Вахба, внучка Абд-Манафа, правнучка Кусейя!.. Слышал впоследствии Мухаммед и о том, что мать при родах никаких болей не испытала и, родив, тотчас послала оповестить о том свёкра Абдул-Мутталиба: «Внук у тебя родился — и первый, и особенный, приди посмотреть на него».

Ходила невестка, недавно овдовевшая, тихая, даже не заметно было, что во чреве у неё новая плоть, и вдруг внук, продолжатель рода, явленный ему будто взамен неожиданно покинувшего этот бренный мир первенца-сына. Столько с ним связано у Абдул-Мутталиба переживаний!..

Да, не успел стряхнуть с себя пыль дорог, как весть о смерти сына ударила в самое сердце. Но разве боги, коих просил явить чудо, остались глухи? Вот же: по дороге, куда глядел, спешит гонец с вестью: «Сын умерший послал тебе внука, к тому же с признаками святости — обрезанным!»

Тут же озадачил вестника, что «не в том дело, каким родился, а в том, как будет жить. — И добавил, пока тот, ошарашенный, смотрел на него: — При обрезании края плоти своей наш праотец был девяносто девяти лет, сыну его Измаилу, прародителю нашему, было тринадцать. Полезно, если следуешь завету предков, а если преступаешь, не является ли твоё обрезание необрезанием? Ибо не тот возвышен и правоверен, кто таков по наружности, вроде обрезания на плоти, а тот, у кого святость в сердце.

...Молодая вдова Амина внесла в круг семьи ребёнка, завёрнутого в ярко-зелёную шаль, чтоб удостоверились в рождении именно мальчика. Дед взял внука невесомого на руки, что ж, имя новое, но торжественно звучит, долго глядел на него, смущаясь, что удивлён, а явление обыденное;

вскоре и сам испытает подобное чувство, забытое и радостное: боги даруют ему на старости лет собственного сына, родила молодая жена, дал ему имя Хамза. Не взамен ли первенцу явлен — помимо внука — и его последыш?

Немало народу в эти дни скопилось здесь: сирийцы и йеменцы со слугами и телохранителями, византийцы, явились *шейхи* — предводители вчера ещё враждовавших бедуинских племён бакритов и таблигитов, и абсцы здесь, и зобьянцы, мекканцев не дадут в обиду, если что начнётся.

Кто прибыл почтить присутствием Абдул-Мутталиба, поздравить его с последышем Хамзой и внуком, чьё необычное имя Мухаммед трудно запоминается, почти ровесники они, сын и внук, — да, не поспоришь о том, как зыбка грань между горем потери первенца и радостью-весельем рождения внука и сына-последыша!..

А кто-то зван на щедрую свадьбу: богатый купец женится на красавице Хиджаза, ей минуло двенадцать, справили совершеннолетие и выдают теперь замуж, имя ей — Хадиджа, запомнить, ибо суждена ей великая роль в судьбе новорожденного Мухаммеда!..

Нет, не день-два, а много дней и ночей празднуется свадьба, песни доносятся с крыш домов, где установили для певцов шатры, покрытые чёрным войлоком из шерсти коз; угощают бедняков на пустырях, за которыми начинается пустыня.

Молодая вдова Амина лишь на миг вышла с младенцем, передав сына рабыне Умм-Айман — свадебный подарок мужа в подмогу жене, и стала прислуживать гостям. Всё утро Амины с того мига, как увидела лик младенца, ликовало. По случаю рождения сына она велела зарезать светлошерстную овцу, а ей в придачу двух круторогих чёрных баранов (от Абдуллы осталось в наследство сыну, помимо меча, с десятков овец, три верблюда, один меченый, с надрезанным левым ухом).

Однажды Абдул-Мутталиб скажет внуку:

— Мама твоя, да будут боги милосердны к ней, была похожа чем-то на Марйам. — И, помолчав, добавил, не уверен, что внук поймёт: — Юным личиком ли, кротостью ли, смуглостью ли щёк, беспомощностью во взоре?..

Говорил, не ведая ни о белом голубе, влетевшем к ней (не рабыня ли Умм Айман, абиссинка-христианка, поведала своей госпоже о тайном зачатии Марйам?), а когда случайно узнает от рабыни, то усомнится, но промолчит: мало ли что может придумать молодая невестка?.. Но разве

не мнит себя человек иным в подражаниях известному?.. Много чего пришлось услышать Абдул-Мутталибу, но вот она, реальность: чествуют внука, рождение сына собственного, их теперь пятеро, не начнут ли соперничать за верховенство? Зубайра косит лихорадка, Абу-Лахаб груб и непослушен, лишь Абу-Талиб благоразумен, а далее трёхлетний Аббас и Хамза, ровесник внука.

Вскоре гости ушли, кто сочувствуя горю, что умер Абдулла, кто радуясь счастью, — сидели в дальней части дома, глядящей единственным окном на пустыню, захватившим кусок звёздного неба.

— Странное, однако ж, имя! — Абу-Лахаб про новорождённого.

— А моё разве не странное? — спросил Абдул-Мутталиб. — Кто теперь вспомнит, как прежде звали меня? Привёз меня сюда мой дядя Мутталиб, брат отца моего Хашима, призванный править Каабой, и здесь решили, что я не племянник Мутталиба, а раб его, или Абдул-Мутталиб, *Раб Мутталиба*.

— Прежде не слыхивали *Мухаммед*, или *Хвалимый*. Кто выдумал?

— Узнаю брата! — сказал Абу-Талиб. — Просидел, не проронив ни слова, — а когда уже состоялось наречение имени, решил спор затеять!

— Голоден был потому что! А голоден — слова от меня не услышишь, мыслей никаких, но как наемся — и голова вдруг начинает варить.

— У меня иначе: у голодного острее ум!

— Оттого и умом богат, что беден!

— Много граней у слова, — поправил Абдул-Мутталиб сына, — не *Хвалимый*, а *Достойный восхваления*!

— Только родился, и такая честь? Вот персы сначала проверяют, на что способен, а потом имя дают!

— Так пожелал покойный Абдулла, — сказал Абдул-Мутталиб.

— Если каждый начнёт придумывать сыну имя, не разгневаем ли богов? Лишь они восхваления достойны!

«Что ж, сын на сей раз прав», — подумал.

Абдул-Мутталиб, дабы обозначить дату рождения внука, назвал число двадцать и добавил: месяц по ассиرو-вавилонскому календарю нисан, то бишь апрель. «А год, — сказал, с чего-то прибегнув к летоисчислению христиан, — пятьсот семидесятый от Воплощения Христова» — словосочетание, услышанное при паломничестве.

С чего это он прибег к летоисчислению чужих! Разве не мог — ведь принято у арабов! — сказать: Двенадцатая весна минула со времени окончания войны из-за скакового жеребца, — даже имя назвать — Дахис, — и кобылы Габры. Или: Двадцатая весна после войны из-за верблюдицы, чьё вымя было прострелено, и смешались кровь с молоком. А то и определить, как принято, по годам правления могущественных властелинов, сказать: Сорок второй год царствования всеславного персидского шаха-сасанида Ануширвана, чьё имя означает «Бессмертная душа»! — тем более что тот благоволит к ним и доброе поминание имени могло быть уловлено в царственном дворе. И, услышав такое, никто б из сородичей не удивился!

Разговор о годе и месяце лишь запутал обозначение времени.

И, умолкнув, снова и снова говорил, что мир расколот, Абдул-Мутталиб, разность годов даже у христиан, «к чьему летоисчислению я только что прибег, назвав 20 апреля 570 года»: абиссинцы не нарушили ход времён, у них 6060 год от сотворения мира, а монофизиты, видел Абдул-Мутталиб их дома за высокими стенами в Иерусалиме, с Бизансом-Византией в ссоре, тайно поддерживают Персию, учиться у них, как меж сильными сохраниться! учредили, избрав тщеславное одиночество, новое летоисчисление: вступили лишь, как сказывают, в год девятнадцатый, и молодо древнее племя.

Радость-счастье — одним, печаль и горести — другим, но есть и уготованные третьим страх и тревоги: было такое и в отроческую пору самой истории, продолжается и поныне, когда, казалось бы, мы вступили в зрелость истории, хотя как знать?..

Моменты радости, что с криком родившегося младенца всё вокруг ярко осветилось, и невиданное доселе явление: животные, выражая радость, заговорили по-человечески, случится такое — жизнь так скоротечна — и когда Мухаммед покинет сей мир: животные заговорят, чтобы выразить своё горе.

Их множество, этих *что-что-что*, приключившихся, когда родился Мухаммед, знаки osobости произошедшего запечатлены будут в разных сказаниях, преданиях и легендах, дошедших до нас, и такая запутанная вязь букв, что фразы не развязать, чтобы выстроить строки одну под дру-

гой, обозначив каждое событие с красной строки и, естественно, заглавной буквой:

Во дворце хвастающих могуществом персов-сасанидов, величающих себя шахиншахами, или царями-царей, рухнули, точно от ураганного ветра небывалой силы, мраморные колонны!

Погас в Храме огнепоклонников священный очаг, зажжённый от Солнца ещё Зардуштом-Заратустрой, пламя не одну тысячу лет поддерживалось чародеями-магами, а также очаг малый, торжественно зажжённый в начале царствования сасанидов.

Развеялся пепел от самовозгоревшихся коровьих шкур, на которых золотыми буквами были запечатлены все на земле бытующие священные писания, точно в ожидании новой святыни! башня, в которой они хранились, рухнула! ибо возожётся, — такая выпренная речь, — огонь нового закона, все иные законы превратит в пепел, и они вмиг устареют!

Оправдался сон, увиденный верховным жрецом в Египте: арабский всадник летит на разъярённом верблюде, быстро, как выпущенная стрела.

Озеро Сава в Бизансе, возле которого пред собором много веков с пышностью, поражающей мир, короновались императоры, вмиг высохло, обнажив дно, и оно тотчас потрескалось от безводья.

Да, неистошимо перо, выводящее строки «за» и «против» (но, признаюсь, я этих свитков в руках не держал).

Разбушевался Тигр, выйдя из берегов и далеко вокруг затопив земли!

Рыбы морские ушли на дно, спрятались!

Песок пустынь столбами закрутился!

Птицы небесные замертво пали!

Кресты, венчающие церкви (не указано, где и какие), заколебались, задвигались, наводя ужас на окружающих, и пали на землю.

А на Ниле солнце вдруг уменьшилось на треть, лучи стали бледны и холодны; ночь выдалась безлунная, лишь адский огонь ярким светом озарял небо, на котором сталкивались кровавые пики молний. Кто-то видел, и весть сразу распространилась по свету, что вчера ещё считавшаяся священной река многобожников-язычников родила двух уродов, не то мужчин, не то женщин, и они изо дня в день выходили из вод, устрашали диким воем рыбаков, и те, обезумев, бросали свои сети и бежали прочь.

А в Мекке... — всех, кто пришёл утром в Каабу, увиденное потрясло: рухнули, поймав с подставок, идола! Хубал и его жёны, дочери Аллаха!.. Что ж, случается: рухнувшие идола снова были установлены на своих местах.

Не пора ли развернуть новый свиток? Мелкая узорчатая вязь искусных каллиграфов, отливающая позолотой, ровные меж строк просветы, сохранившие первозданную белизну, и прячут в витиеватом орнаменте арабских букв красноречие повествователя, их в Аравии не счесть: это притча про кормилицу Алиму, которую Абдул-Мутталиб нанял для внука, и была поведена слепым старцем, чьё имя Джахм, сын Аби-Джахма, внук Амра, да продлится живущим отпущенное им время.

Многоречивый Джахм собирал на ярмарках вокруг себя людей, и они внимали искусным его рассказам о замечательных событиях на этой облюбованной богами земле, особенно наивные бедуины, хотя не столь уж и наивны они, сам из них; каждый второй, кто здесь родился, — бедуин!

Бог или боги — Джахму всё едино, не утас бы пыл красноречия!

И что правдив он. Молвит истину.

Якобы достоверно поведал ему про кормилицу некий старец из рода хашимитов, кажется Абдул-Узза, а может, Асад?

Но оба, — поправил его кто-то, — не хашимиты!

Что с того? Племя-то одно — курайши!

Стал вспоминать, путаясь в именах и коленях, не считаясь с годами, приговаривая (сам ли только что сочинил?): А есть ли на земле годам начало? / И в них какой сокрыт порядок? / Кем определён? / Кому-то каждый год — его начало, и каждый год конечный для кого-то.

«Я общался с теми, — говорит Джахм для достоверности, и рассказ будет занесён в свиток, — кто лично видел самого Мухаммеда!»

И льётся плавно речь, вроде б для себя, и неважно, внимает ему кто или нет.

Весь он, как поэт... — кого б назвать из знаменитых, уподобиться кому? Может, Аль-Мухальхилия, кому воспоминания, точно песок, слепили глаза, но зорек взгляд Джахма, особенно как глаз один видеть стал, надеется, что обретёт полное зрение: слепота была наказанием: посланника Божьего тогда не признал!.. Или Тааббата Шарра-

на? — но нет, как у того, колких, как меч, строк в речениях Джахма!.. Вот кого назвать — Абузара, влюблённого в свою речь: непременно произвести впечатление.

И Джахм чётко назвал дату, которую вычислил, потратив на это не одну ночь, собиратель сур Корана умнейший Зейд ибн Сабит, некогда раб Мухаммеда, а потом и приёмный сын его, — и с паузой, без упоминания имени Зейда, — раз узнал, то это уже его собственность, и в одно дыхание произнёс: «Родился Мухаммед в первый день после пятницы по миновании девяти (может, двенадцати?) ночей месяца Раби'-аль-Авваль, первого в год Слона».

«Это по-теперешнему», — услышал Джахм и тут же ответил тому, кто его перебил, что в чём-чём, а уж в этом он прекрасно сведущ: нового-то летоисчисления ещё не было!.. Лунное исламское летоисчисление, или хиджра, начнётся с переселения Мухаммеда из родной Мекки, находящейся под властью идолов, в Йатриб, или Йасриб, где с давних пор, не со времён ли изгнания из Палестины, осели племена иудеев, живут и христиане, из арабов, язычники, где их только нет в Аравии!.. Но вскоре город, впрочем, уже обрёл, кажется, новое имя Медина, или «Город Пророка», *Медина ан-Наби*.

«Ну да, — тотчас согласился, — название *Медина* пошло, кажется, от покойного Абу-Бакра чуть ли в первый год хиджры».

«Скажи точнее: не *переселения*, а *бегства*!»

Следом другой: «*Изгнания*!»

К чему ворошить старое? Не проследить, как меняет слово свой смысл.

«Родичи даже грозились убить Мухаммеда!»

Удивлённо вскинул брови, точно новость для него, впервые слышит. И тотчас про *спасительное пристанище* Йасриб.

«Сначала — *чуждый*, потом — *спасительный*!» — не унимались всезнайки.

Кинул на них Джахм взгляд незрячим глазом, а в нём лукавство застыло: путает себя, чтобы запутать слушателей? Или память слабее стала? С чего-то неважно про верблюда, кому не повезло в животном цикле годов, через каждые двенадцать лет — по новому кругу, даже именем мыши назван год, а о верблюде — ни слова, зато полтыщи обозначений верблюжьих видов в арабском!..

Договорились животные — кто первый увидит пришествие нового года, его именем и назовётся. «Конечно,

увидишь я!» — заявил самонадеянно верблюд. Но мышь взобралась на его горб и первой увидела. А верблюд от обиды убежал в пустыню, где и пребывает поныне.

Так о чём я? Да, о кормилице!.. Славилась бедуинки, особенное молоко у них: впитываешь ловкость наездника, мужество воина, силу богатыря.

И красноречие повествователя!

Направим стопы к племени бедуинов бану са'д, откуда родом была кормилица Алима, дочь Абу Зу'айба ас-Са'ди. Если что случилось — должно было непременно случиться, тем более что случившееся уже состоялось, такая вот популярная на Востоке скороговорка-головоломка!..

Ушла кормилица Алима из своей земли с мужем и грудным новорождённым ребёнком, а также с женщинами своего племени бану-са'д в Мекку, где обитали богатые купцы.

Якобы кормилица рассказывала, поклялся Джахм, лично ему, в памяти отпечаталось, когда был юн, и поговорку привёл, присказку, что память молодости — это резьба на камне, а старости — черчение на песке. И ни искорки сочинительства во взоре, мол, настолько точен, что приносит клятву в духе старых языческих времён: Клянусь всеми богами Каабы!

Отправились кормилицы на заработок искать младенцев, которых можно взять выкармливать. И уточнил: мальчиков! Кто ж, мол, девочек станет выкармливать? Живы были дурные обычаи закапывать рождающихся девочек как лишнюю обузу, заслышав их первый плач: жестокость Абу-Лахаба вошла в поговорку, заброшенное место на окраине Мекки — *девичье кладбище* — недаром названо его именем.

И вдруг заговорил Джахм языком кормилицы, что засушливый, всё истребивший год был; ехала на серой ослице, и с ними ещё старая верблюдица, которая не давала ни капли молока, — не потому ли, что меченая, с надрезанным ухом? Такая, тоже меченая, была и у отца Мухаммеда, доставшаяся Амине: она не спала целыми ночами из-за ребёнка, он плакал от голода, а в груди не было для него молока.

Укоряла себя Алима: поехала искать ребёнка, чтобы кормить, а тут и своему не хватает, чтобы напоить!.. Ехала, задерживая караван, из-за слабости и истощения ослицы от голода. Но вскоре с надеждой на дождь и облегчение они добрались до Мекки; и не было ни одной женщины, которой не предлагали бы новорождённого Мухаммеда, но каждая отказывалась, узнав, что он без отца. Говорили: Чем

может вознаградить ставшая вдовой мать или дед сироты? И странное имя — отпугивало!.. Вдруг кто вытолкнул слова из уст Алимы: — Я пойду к этому сироте и возьму его!

Муж, обычно настаивавший на своём, вдруг согласился: — Может быть, боги пошлют нам благо?

И папущаемая мужем, тотчас пошла к сироте и забрала его.

— А побудило меня к этому, как сейчас помню, только то, что я не нашла другого и не хотела возвращаться и быть единственной среди женщин нашего племени, кто не взял младенца.

... За окном раздались крики: Кормилицы! Кормилицы!

И тут же к хашимитам постучалась бедуинка.

— ...Вернулась я к своей стоянке, и, когда прижала взятого ребёнка к себе, обе груди мои склонились к нему, в них оказалось столько молока, сколько он хотел. И он пил, пока не насытился, а вместе с ним пил и его отныне молочный брат. Они оба насытились и уснули, а раньше мы не могли спать из-за моего ребёнка.

Муж мой подошёл к старой нашей верблюдице и — о чудо! — увидел, что у неё полное вымя и ей не терпится, чтобы подоили её!.. И стал пить муж вместе со мной, пока мы оба не напились и не насытились.

А какую прекрасную ночь мы провели!

Наутро муж говорит мне:

— Знай, Алима, что ты приняла благословенную душу!

— Надеюсь, что так, — ответила я.

Потом отправились в путь.

Я ехала на своей ослице и везла детей с собой.

И, клянусь богами, моя ослица обогнала весь караван, и ни один из ослов не мог тягаться с ней, так что мои спутницы стали говорить мне:

— Горе тебе, о дочь Абу Зуайба, остановись и подожди нас! Разве это не та ослица, которая еле тащилась?

— Та самая! — отвечала я им, и они, изумлённые, клялись богами:

— Не иначе как чудеса с ней творятся!

Так и приехали мы в наши кочевья, а более бесплодной земли в Аравии, чем наша, я не знаю.

Но с тех пор, как привезли сироту, моё стадо приходило ко мне по вечерам сытым, с полным выменем, мы доили животных и пили молоко. Никто другой не мог выдоить и капли молока из пустого вымени, так что сородичи наказывали пастухам: -

— Горе вам, пасите там, где пасёт пастух дочери Абу Зу-айба!

Но их скот всё так же приходил по вечерам голодным, не давая ни капли молока, а мой возвращался сытым, с полным выменем, и мы одаривали молоком голодных и нищих.

Мы не переставали узнавать новые благоволения богов к нам: мальчик рос как никакой другой и начал самостоятельно есть, когда ему ещё не было двух лет, и я, отняв младенца от груди, вернула его матери.

Впрочем, Джахм не всё вспомнил: а обретший дар речи мул, на котором кормилица ехала?

Не мул, а ослица!

Неважно! Но животное вдруг промолвило, что ребёнок будет велик и прославится в мире: в три месяца уже стоял на ногах, в семь бегал, в восемь говорил, в девять свободно изъяснялся, а в десять метко стрелял из лука!

И про луну не сказал: она надолго однажды остановилась на небе, зачарованно глядя на светлый лик спящего младенца. И дерево иссохшее, как встал в жару под ним, такое было однажды, тотчас покрылось густой листвой.

Услыхав такое... — слова застряли, дабы не выдать незнания, запутались в густой и давно не чёсанной бороде велеречивого старца.

3. Мухаммеда после смерти матери усыновил дед, и начались пастушьи годы отрочества, ознаменованные таинственным событием, когда ангелы в человеческом облике, разрезав его грудь, очистили сердце от скверны; и о том, как Мухаммед после смерти деда обрёл третьего отца, им стал его дядя Абу-Талиб, младший брат отца.

[Впечатление, что выцвели чернила, но отчётливо прочитывается в искусном сплетении букв слово, вводящее в текст: *Махабба*, «любовь».]

Следом за отцом Мухаммеда, словно исполнив предназначение, вскоре ушла и мать: она умерла в селении ал-Абва, на возвратном пути из Йасриба, куда каждый год ездила, в этот раз не одна: с сыном — навещать могилу мужа, потом их могилы сравнились с землёй.

Богам Каабы виднее! — сокрушались курайши по слу-

чаю ухода Амины. Или снова какой иной, кроме проговорённых, тайный знак, словно татуировка в исчерченном венами запястье словоохотливого Абдул-Мутталиба, и она прочитывается как *мой раб*. Надоумил он сыновей, Хамзу и приёмного Мухаммеда, стать пастухами.

Не было, кажется, в мире ни одного пророка, который бы не пас овец, от Давида, может, ещё раньше пошло. Но не каждый, кто пас, — пророк! Зато каждый — грешник! Поневоле, а не изначально: не зарежешь овцу — не поешь!

Смутен облик деда, характер — тоже.

Что был строг? Резок? Вспыльчив?

Но разве Абдул-Мутталиб ибн Хашим — не араб, не курайш?

В его устах частое, когда собиралась вся многолюдная семья: — Мы, хашимиты! Или: — Мы, курайши!

«Так кто мы, — однажды дерзко спросил внук, — то говоришь, что мы хашимиты, а то — курайши». Абдул-Мутталиб вспыхнул: «Ах ты! — но, глянув на внука, тут же смягчился: — Мал ещё, — строго заметил, — задавать вопросы!»

И впредь... — якобы после невиданной выходки внука дед чаще вспоминал племя курайшей, нежели собственный свой род — хашимитов.

Ещё при жизни матери, помнит, прибежал в Каабу, прошёл на теневую её сторону, будто впервые увидел коврик Абдул-Мутталиба. Краски излучали прохладу, синие полосы на нём, как морская вода, а белые нити — как пена.

Решил: сяду, будь что будет!

Сел, понимая, что этого делать нельзя. Мама наказывала: сюда, где коврик, не приходи! «Ниспослан богами!.. Когда я была маленькая...»

«Как?» — удивился.

«Ну да, девочкой когда была маленькой».

«И тебя!..» — Вдруг ужаснула мысль, что девочку-маму могли закопать! Тут же, перепрыгнув через мысль-ступеньку, испуганно произнёс — мать сначала не поняла, о чём он: — «А как бы тогда я родился?»

«Сказка спасла, — успокоила сына. — Боги летящий ковёр прислали, села и улетела, обгоняя птиц, не смогли меня закопать... Дяди твои почтительно ждут, когда дед к ним выйдет, тогда вокруг коврика и рассаживаются!»

«Он что же, священный?» Обо всём в Мекке говорится: священное! И фигуры богов, улица, ведущая в Храм, Чёрный камень, и вода колодца Замзам.

«Не подходи к колодезю близко!» — кричал дед. Страшно упасть в чёрную дыру, когда крышка колодезя снята. Светится в глубине воды круг, а в нём — твоё отражение. Долго опускается пустое ведро, звонко о стены колодезя ударяясь, гулко отзывается, коснувшись воды, ложится на бок, сразу наполняясь, став тяжёлым. И большие сильные руки тащат его осторожно, чтобы не расплескать — каждая капля дорога и священна.

Коврик манил Мухаммеда сотканным рисунком газели, копии той самой золотой скачущей фигурки, которую откопали, когда чистили дно колодезя Замзам, — подошёл, сел и стал озиаться вокруг.

А тут входят дяди.

«Как посмел?» — Абу-Лахаб, кого Мухаммед невзлюбил, узнав, что тот живьём закапывал девочек, двинулся на племянника, чтобы сбросить с ковра. Нет! Мальчик вцепился в ворс, как в гриву коня, не стащить!.. Окрик деда спас: «Оставьте моего внука в покое!»

С точностью известно: спустя восемь лет, два месяца и десять дней после похода Слона... — но что? Дед поклялся, что внуку суждено великое будущее и отныне сажал его рядом с собой. Хамза признался: не осмеливался подойти к отцу, когда тот сидел на ковре, и смотрел на молочного брата с завистью, высовываясь из-за угла Храма.

Разве нет?

Но что? Зависть Хамзы? Великое твоё будущее? Или что дед клялся?

Клянутся, чтобы поверили. И убедить в своей правоте.

Не счесть и ложных клятв.

А как их отличить, истинную и ложную?

Ложны, когда клянутся многими богами. И опасно кого-то забыть!

«Клянусь Аллахом, — воскликнул дед, имея в виду идола, — что...»

Но о том сказано, *что* он предрёк. Что будешь *избран*.

Будущее озарило прошлое?

Но важен *случай*, хоть и он часто *не случаен*: не здесь, так в другом месте, не этот, так другой.

Случайность случая?

Но есть свидетельствующие, услышанное передаётся другому, это магическое: «Сказал я...», а поведал мне тот, чей титул Правдивый, а тому — кто-то ещё из Истинных, а ему — Памятливый, и уже не отыщется тот первый, и притча стала былью?

Разве *знающий* лишь Джахм ибн Аби-Джахм? Можно ещё вглубь уйти: Ибн Давуд! Ибн Исхак и Халил ибн Ма'дан ал-Килаби. Ибн Хишам! Салам ибн Салам ибн Вакаш! Участник сражения в Бадре против язычников, родичей Пророка, стоял бок о бок с ним!

И у каждого — своя память.

Не только: но и тайна тоже! Знаки требуют разгадки?

А притча и есть знак!

Но дна достичь не каждому дано.

Это как царапина на груди: шрама нет, но след остался.

Понятливый поймёт, а непонятливому что ни поведай — не уразумеет.

История о том, как Мухаммед с молочным братом Хамзой пасли ягнят однажды за шатрами.

...Две фигурки, чьи имена сокрыты, лишь буквы, высвечивающиеся в темноте, *Лям* и *Нун*, вышли из-за уступа скалы, подошли к нам в белых одеждах. Таз несли золотой, полный снега. Впервые Мухаммед видел снег: белый-белый, смотреть больно, и золото блестящее тускнело пред снегом!

И не заметил, как тотчас повалили его, ахнуть не успел — разрезали грудь, больно не было, вынули сердце, видел, как трепетало и билось в руке *Ляма*, рассекли, извлекли оттуда нечто чёрное, сгусток крови, отбросили прочь, чтобы поглотила земля! Потом обмыли сердце белым снегом, вложили в грудь и зашили.

Лям говорит своему спутнику, очистив сердце:

— Взвесь теперь его и десять человек из его народа.

Тут откуда ни возьмись и люди появились, будто за скалой прятались, рослые и крупные, а Мухаммед — хрупкий подросток, лёгкий как пух.

Взвесили его с ними, а весы диковинные, свисают с небес, как это мы раньше их не заметили? и он оказался равен десятирным мужчинам по весу.

Тогда первый сказал:

— Взвесь его и сотню его сородичей.

Десять удесятилось, и Мухаммед снова был им равен по весу.

Первый опять повелел:

— Взвесь его и тысячу людей из его народа.

Земля закачалась под тяжестью весов — огромная чаша, вместившая сотню, которая умножилась в тысячу.

Чаша Мухаммеда и на сей раз уравнивала их и даже... медленно поползла вниз, перевесив.

— Оставь его, — сказал первый. — Если б возложил на чашу весь его народ, все племена курайшей — а как ты знаешь, весы, установленные Богом, Который и небо воздвиг, могут собрать не только курайшей! — он снова был бы равен им по весу, снова бы перевесил.

Так же неожиданно, как появились, исчезли, холм опять был безлюден.

И тут Мухаммед увидел, что Хамза без памяти лежит, а когда в себя пришёл, долго переживал, отважный впоследствии, от своей трусости.

А весы? Ну да, купец-мекканец, как без весов?! Но уразумей притчу, и да не будешь тем, кто нарушает меру и вес: Весомость истины!.. Но многое подзабылось или утратило первоначальный смысл.

Тайна тайн, именуемая любовью?

Тогда и теперь господствует страсть придавать буквам значимость.

Кто спорит?! Так о чём мы? Да, первое слово махабба, или любовь, которое произнёс, о чём впоследствии поведали те, кто слышал речь младенца. И всю последующую жизнь пытался постичь его объём. Или силу, заключённую в этом слове? Услышанное и произнесённое долго оставалось непонятным сочетанием звуков!

Но звуков беспокоящих!

Очарованным взором узреть чудо сотворённого!..

Туманные эти разумения наступят нескоро, а пока о любви-махаббе напомнит умирающий дед, ему сто двадцать лет — мало или много, Мухаммед поймёт потом, как и то, что случаются на свете преувеличения, когда хочется предстать в более таинственном, нежели примелькавшееся, обличье (а то и возвысить кого рядом, и возвыситься самому). Кто ныне знает ритмику той жизни и как исчислялись годы?

Прими как есть и сто, и триста, даже девятьсот, прочь сомнение!

Собрались у деда, лежит на ковре, укрыт светло-жёлтым верблюжьим одеялом, жестом руки — иссохшая, почернела — подозвал Мухаммеда и, показывая на него, говорит сыновьям своим, даже улыбка у губ слегка обрисовалась, напоминает им:

«Да, вот он, мой внук особенный, а особенность его... — помните, большая засуха была, ничто умиловить богов не могло, и тогда я решил, будто кто мне подсказал, привлечь к молению о ниспослании дождя его, — показывает

на Мухаммеда, — и ты стоял, — обращается на сей раз к нему, — прислонившись спиной к Каабе, и не успел ты, как я показывал тебе, воздеть руки к нему, как вдруг из-за горы Саль появилась туча, похожая на щит, и когда заняла середину неба, то стремительно разрослась, разошлась вширь, и вскоре пошёл такой дождь, что вода бурлила в каждом водостоке!.. Так что всегда помни о том, что некогда стал кормильцем сирот и защитником вдов!»

Умолк, задумался, и тень печали всей тяжестью легла на облик его.

«Ну вот, — голос стал чужой, — Аллах (о Хубале умолчал, дабы не разгневать упоминанием, обессиленным хворью, главного бога Каабы) дал знать, что забирает меня туда, где наши предки. — Сначала сожаление, что уходишь, потом понимание, что смерти никому не избежать и твои близкие когда-нибудь уйдут. — Со всеми простился, поговорю с тобой и навсегда покину вас. — И ты, подумал с печалью, когда-нибудь уйдёшь, внук мой!»

Много лет спустя Мухаммед, вспомнив про дождь, скажет внукам:

«Вот ключи сокрытого, о них знает лишь Всевышний, их пять: никто не ведает, что будет завтра, никто не знает, что скрыто в душе, никто не знает, что приобретётся человеком завтра, никто не знает, в какой земле и когда умрёт человек. — Помолчав чуток, добавил про пятое: — Никто не знает, когда пойдёт дождь, и надо молиться, чтобы Он его послал, дабы утолить жажду полей и чтоб реки не иссохли».

Богов Каабы Мухаммед боялся, особенно Хубала: руки-обрубки, недавно одна с грохотом отвалилась, подняв едкую пыль, вихрилась под косыми лучами солнца, точно шайтанята резвились. В мекканцев вселился ужас, попросили ювелира-иудея отделать руку золотом, чтобы бога умиловить, закрепили на прежнем месте. Врос в землю, взор слепой, тяжёлый. Войдёт Мухаммед в Храм, даже не глядя на Хубала, чувствует, что тот *видит, знает* о его страхе, нелюбви к нему. Но стоило на фигурку женщины с младенцем мельком глянуть, как сразу успокаивался. В детстве, помнит, шептал про себя: Она — моя мама, а её младенец — это я.

«Первое слово помни, — говорил внуку умирающий дед, — что произнёс!»

Слышал Мухаммед, рассказывали не раз, и уверовал, что помнит: с Амины и пошло, что сын, до того ни слова

не произнёсший, однажды, когда взяла его на руки, вдруг замер, напыжился, набрав в щёки воздуха и выпалил: *Мхабб!* — тут же следом как выдох: — *ба!*

Тайное *махабба*, любовь! Или ослышалась, выстроив из первых ничего не значащих звуков младенца *мхаб* и *ба*. Вслух не высказанное, но жило в ней всегда, и сын, будто уловив растерянность матери, чётко и сразу, не по слогам, выговорил: *Махабба!*

Это что же, неосознанное влечение?

Состояние любви!.. Подростком влюбился Мухаммед в дочь Абу-Талиба, двоюродную сестру Фахиту. Глаза спешили увидеть, руки дотронуться, а губы... — вдруг захотелось, чтобы её губы, они манили чётким рисунком, спелые в припухлости, приблизились к его, соединились, и по мановению чуда забываешь обо всём на свете: лишь ты, себе доселе неизвестный, и она, влекущая к себе.

Хамза отговаривал: мол, некрасива, приводил в пример дочь Абу Хурайра Арву, не ведая, что на ней сам вскоре женится: что у неё белая, чуть розоватая кожа, тонкая линия рта и губы изящные, а какой ровный носик, стройна, черноока, и Фахита во всём уступает Арве.

И не мог Мухаммед объяснить Хамзе, соглашаясь, что да, по всем внешним достоинствам избранница уступает Арве, но почему-то именно Фахита привлекательна для его сердца и глаз.

Абу-Талиб впоследствии, когда возмужавший Мухаммед изъявил своё желание, отказался выдать за него дочь: «От наших двух бедностей, моей и твоей, — сказал племяннику, — не наживётся богатство».

Об иной любви, оказывается, речь, что изрёк мудрый Абу Йакуб: ослеп, ибо сильно горевал при виде неисчислимых пороков своего племени, любя его, и пошла от него присказка: «Кто слёзы льёт, горюя за народ, — ослепнет!»

...Мухаммед пастушил год-другой на дальних и ближних холмах Агаба и Сафа. Тут был он один на всём свете, и внимали ему, когда поговорить хотелось и рядом не было долговязого Хамзы, молчаливые овцы и козы. И голод ни почём: подоишь послушную козу, молоко чуть горчит, но есть в нём пряность мягкая успокоения, не похоже на овечьё, а верблюжье с кислинкой.

И холод не страшен — ляжет между ними, согреваясь их шерстью и чтоб не давила теснота, и взглядом уходит в небесную высь. А там, это часто, облака, похожие на караван верблюдов.

Мухаммеду вдруг пришла в голову мысль, что в чём-то схожи Храм и он: оба одиноки в окружении гор и холмов, и клочья неба ниспадающие, но и, как всё живое, даже растения, неприкосновенны, хранимы и оберегаемы добрыми духами, ибо священна территория, на которой расположились: он — по рождению, а Храм — по велению богов, а вдалеке, куда глядится пещера и где Мухаммед спрячется в жару, открывается безжизненная пустыня, и небо, её отражающее, — жёлтое, точно кожа: человек там жить не может, обитают злые духи, огромные и уродливые чудища, и доступ им в Мекку ограждают именно боги Каабы.

Однажды приснилось: красное на небе, как луна полная, спрятавшаяся за тучами, вымя верблюдицы, и струится из него, словно дождь, молоко. И долго это видение его не отпускало.

Медленно плывёт облачко по небу, меняя по ходу очертание, срезан горб и львом стало облачко!.. Миг — и лев в дикого осла переливается-перетекает, но уже рожки на нём: в струну вытянулось в прыжке облачко-антилопа.

Узнать бы: не случайны ль очертания? Полететь по небу? Дед не удивился мечтаниям внука:

«Сначала походи по земле, измерь её шагами, подойди к морю и по воде пойдешь, и даже полетишь, если очень в свои силы поверишь». Внизу едва заметная полоска сочной земли, а далее бескрайняя желтизна пустыни.

О разном думается в течение дня и вечером, когда стемнеет, чудо яркий лунный свет разливается над землёй. И хорошо, когда пустыня — не знающая дождей Руб-ель-Хали, или *Мёртвая*, обжигая нутро сухим зноем. Смотришь — зверёк какой или насекомое задело лапкой всего лишь песчинку, и отозвалось на другой, передалось третьей — и осыпается, оживая, выступ.

Только что виднелась пустыня, а уже исчезла, растворяясь в тёмной серой дымке, если зима, а летом — тает, исчезая, в плавящемся мареве.

Опёршись на локти, Мухаммед чувствует твёрдую опору, и овцы по нему, копытцами грудь оцарапав, и ранка, точно розовая нить, саднит.

А между тем мекканский верблюжий караван уже на торговом пути, ведомый Абу-Талибом, он Мухаммеду и дядя, и новый отец, взял его, пора вовлечь в дело, везут в Сирию дары Хиджаза: одежды из верблюжьей шерсти, осо-

бенно ценилась розовая... — поездка оказалась неудачной, вернулись ни с чем, зря только верблюдов гоняли, подвергаясь риску.

Чем, как не рассказом о прошлом, коротать долгий путь? Заговорит если Абу-Талиб — не остановишь, умолкает тоже надолго. Мухаммед с детства ведает про распри родов курайшей, даже внутри их рода — зависть и раздоры, слышал, как спорили, кому обладать ключами от Храма. А за пределами Мекки — единое племя курайшей, коим другие племена противостоят.

Не потому ли славится меч?

Иудеи и христиане?

Но прежде — о христианах. С ними, как запечатлено у мекканцев в договоре с владельцами слона, надлежит быть в *вечном мире*, ибо могучий покровитель Абиссинии (арабы её называют *Аксум*) — *Бизанс*, империя Византийская, мнящая себя преемницей Рима. Высоко ценятся, наряду с персидскими драхмами, её золотые номисмы в Аравии.

Судьба, однако, переменчива, чаша дружбы и вражды на аравийских весах колеблется: то христиане благорасположены к мекканцам, а иудеи, напротив, в ссоре, а то не поймёшь, отчего *эти* настроены миролюбиво, а *те* впали вдруг в озлобление, будто чем их обидели. Так не лучше ли нам, мекканцам, коль скоро не на кого опереться, не брать себе в сподвижники ни тех ни других?

Но есть в недалёких соседях и сасанидская Персия, мнящая себя центром Земли, в которой будто бы семь островных стран, и все семь известных климатов, да столько же сфер на небе, за которыми неподвижные звёзды и горный рай, и посреди всего мироздания — Персия, как пуп на теле человечьем. Ей покорится в Иерусалиме *Священный дом*, Храм Соломона, *Бетха-микдаш* у иудеев, а у арабов *Бейт-аль-мукаддас*, вывезет оттуда святыню христиан, *животворящий*, как те говорят, *Крест Господень*. Прошествоует по азиатским провинциям Бизанса, покорив и поработив их; алое лазоревое знамя персов, оно кожаное, украшено румийской, или византийской, парчой, а на золоте — алмазный узор.

Частые уверения в незыблемой дружбе и — постоянная война.

Но вскоре, с похода Слона не так уж и много времени пройдёт, арабы в битве при Кадасии захватят знамя зороастрийцев-персов, сделанное якобы из кожаного передника легендарного кузнеца Кавэ, оно обшито леопардовой шку-

рой и украшено драгоценными камнями. И тотчас предадут знамя огню.

О, кузнец Кавэ!.. Не он ли приковал цепями к вершине неприступной горы тирана-Заххака, прежде скрутив головы двух змей, которые росли из его плеч и ежедневно требовали в пищу мозги двух умерщвляемых для этой прихоти юношей?

Мухаммед со всех сторон слышит, что, мол, персы заполнили мир, власть шахиншаха, о ком говорят, что украшает своей милостью землю, распространяется дальше путей Солнца и крайних пределов видимого. А над небесами парит птица Симург: крыло у неё оранжевое с металлическим оперением, а морда — собачья. Видевшие птицу рассказывают, что у неё человеческая голова, а хвост рыбы.

— Увы, и в ясный день, — продолжал Абу-Талиб, — когда кругом разлит свет солнца, не говоря про полнолунную ночь... — не завершил мысль, ибо впереди из-за песчаного холма возник идущий навстречу караван.

В пространстве разлилась тревога *тех*, что *эти* замышляют злое, и тревога *этих*, что *те* глядят *недобро*, но всё же успел Абу-Талиб досказать: нигде не сыщешь мира, ибо такова природа человека.

А караван всё ближе — персы! По разноцветью флажков узнал? по особой мелодии висящих на шее верблюда-вожака колокольчиков? Поодаль (на продажу?) — светлой масти длинноногая красноватая молодая верблюдица, ещё не сужеребая, но готовая к зародышу, определил опытный глаз Абу-Талиба, привлекла внимание и Мухаммеда: не такой ли верблюдице уподобляют хиджазские поэты красавицу?

Кто дрогнет?

К счастью, рассветная пора — не ночь, когда тьма нагнетает страх и неясность обоюдного вероломства — надо, если учуял опасность, успеть напасть, чтобы не застигли врасплох, но силы вроде бы равны, и белые флажки арабов как будто трепещут дружелюбно.

А в воображении Мухаммеда... — вот бы и пригодились бойцовские навыки! С детства учили его и Хамзу искусству метания копья, гибкого, из тростника, а наконечник — заострённая верблюжья кость, заменённая потом на нож, который можно отвязать. Мухаммед ласково называл копьё «*мой джерид*», а в душе: «Да не пригодишься ты мне!»

Учили стрелять из лука — два упругих изгиба, соединённых прямым коротким перехватом, точно полумесяц, а к луку два вида стрел: длинные лёгкие, с гладким железным

наконечником, летят на дальние расстояния, и короткие тяжёлые, он их не любил, — на расстояния недалёкие.

Для предохранения правой руки от удара при обратном отскакивании тетивы сгиб руки прикрывали металлическим щитком или надевали на большой палец костяное кольцо в виде напёрстка: в детстве видел, как из конских копыт вытачивались панцирные нашивные пластины для рукояти ножей, а в составных луках костяные напальчники для натягивания тетивы.

Гулко застучало сердце Мухаммеда в предчувствии битвы, как представил блеск высоко поднятых мечей, выхваченных из ножен. Пики высекали искры, ударяясь о щиты, свистели стрелы, флажки их белые пропитались кровью, став красными, но... — Мухаммеду показалось, что благодаря ему обошлось миром, взгляд приковал и долго держал, зацепив, не отпуская, взор впереди идущего, смягчил его, стерев опаску.

Караваны, словно не замечая друг друга, пошли своими путями.

Абу-Талиб заговорил о странной на сей раз невоинственности только что встреченных персов. Устали проливать кровь? Довольно умствований, хоть поучительны знания, сказал поэт. Какой? — Абу-Талиб не вспомнил: поэты почитаемы в Аравии, наделены даром извлекать из сердец слова, вызывающие восторг и слёзы, таких высот Абу-Талибу не достичь, и у него порой нечто пробуждается, вслух никогда не произнесёт, думая, что уронит честь купца и предводителя рода. Глянул на племянника, а тот ему, что, де, прочёл в его глазах: слова, нанизанные, как бусинки, на нить: о чём они? Вдруг дядя ему: — Про сердце твоё, некогда очищенное от скверны!

— Но полное любви!.. — И выстроилось некое состязание, выговориться после испытанного, вроде шутят, играя в слова:

— Открытое всему сущему?

— Вместилище для духов всех божеств!

— И капище паломника?

— Про Каабу не забудь, — напомнил дядя, — где многобожников приют.

— И где... — но что? Угас у Мухаммеда пыл, как вспомнил идолов.

И дядя как бы замкнул: — Куда б ни шли караваны любви, не миновать им наших сердец... — Мухаммеду почудилось, что дядя успокаивает, чтобы не переживал из-за до-

чери, отказанной ему. А Мухаммед, точно копируя деда, невольно про клич бедуина, пробудил: вознестъ иль погубить?

4. Узлом завязанный язык, или Двуетидная история о старцах, с которыми, таково предание, встретились Абу-Талиб и Мухаммед в их караванную поездку, и те, первый — монах-христианин, а второй — иудей, не сговариваясь друг с другом, постигли и предсказали, лишь глянув на юношу, то, чего не узрели простые смертные: будущего пророка.

Заголовок этот был спрятан в сплетении букв, точно зверёк в зарослях камыша, и тут же стихи какого-то поэта, очевидно, бедуина, судя по смыслу:

Но что с того, что ведомо тебе про эти распри?

И верблюдицы рёв,

в чьё вымя налитое впился язычок стрелы,

жадно пьёт, чтоб вкус молока, что с кровью перемешано, изведать,

(и про оперение стрелы, — два слова лишь).

Есть края более счастливые, нежели их Аравия, слева — Шам, или Сирия, куда держит путь их с дядей Абу-Талибом караван, и он словно потеряет себя, очутившись в Дамаске многолюдном, и справа — Йемен, где вскоре Мухаммед тоже побывает.

Ещё — Вавилония, откуда торговцы стекаются к ним ради ладана, что добывается на юге, и разных всяких пряностей.

Звёзды подсказывали путь: двигались по ночам, дабы обезопаситься от нападения кочевников — лихой народ бедуины! Есть бедуины *свои*: вождям-шейхам хашимиты прежде дань платили на пути следования по их землям за охрану караванов, нанимали сопровождать торговые караваны, делились с ними прибылью. А есть бедуины *чужие*, неведомо где обитают: только что располагались тут серо-чёрные шатры кругами или прямыми рядами, и возле каждого шатра, как страж, воткнуто в землю копье, у входа привязан конь, готовый ринуться в бой, тьма-тьмушая овец, но миг — и уж их нет, кочевье с места сорвалось, ветром сдуло, всадники, женщины, дети, повозки, верблюды, быки и ослы, навьюченные палатками, котлами, яркими коврами, — движутся в поисках воды и пастбищ, из пёстротканых сумок на спинах животных выглядывают детские головки.

Ночью торговый караван, в котором был Мухаммед, — в движении, и при свете полной луны тени верблюжьих шей покачиваются на песке, а днём все отдыхают, спасаясь от жары в тени, — в лёгких палатках.

Устроение шатров?

Раскинут шатёр, ни кола, ни столба, — лишь небо над головой!

Их Мекка — всего лишь поселенье вокруг Каабы, круглые хижины из камня и глины, нынче заменяемые, правда, большими квадратными домами, копирующими Каабу, — прежде осуждали, что боги могут обозлиться, теперь сходство трактуют как подражание, угодное богам.

И колодцев стало немало, но — постоянная скудость воды.

Шатры, которые ставят или разбивают здесь, и ценятся войлочные. То растут шатры, то убывают. Чаше паломники сами и возводят их, и всё больше — лёгких палаток, не прибегая к помощи мастеров-шатёрников, которые много запрашивают, дороговизна с каждым годом.

— Кто спорит, — это Абу-Талиб Мухаммеду, — устроение шатров, как пастушество, — дело достойное.

Ремесленники и скотоводы почитаемы в их Хиджазе, земледельцы тоже (но мекканцы не любят земледельцев из Йасриба, а за что — ответить затруднятся). А ещё шерстобитчики, валяльщики, сапожники. Не забыть про воинов, подчеркнув, что они — лишь для защиты от набегов, и, конечно же, напомнить о кочевниках-бедуинах, с которыми надо жить в мире.

— Занятие наше, — продолжил, — купечество, тем и славны, и тебе, думаю, великое купеческое будущее уготовано!

— А жрецы?

— Что жрецы? — будто не понял.

Мол, не является ли их Кааба средоточьем *всякого рода* жречества?

Абу-Талиб с чего-то умолчал, забыл сказать об *аррафах*-провидцах и *кахинах*-прорицателях, — просто уснул под мерную поступь верблюда.

Встрепелось вдруг животное, будто для резвости кто смазал его обжигающим взваром сока кедра, — и стремительная поступь верблюда навязывает быстрый ритм.

Возьми в дорогу кожаный колчан, и лук, и стрелы!

Копьё — оно остро, сработано на славу, самхарийское.

И меч возьми, но прежде закалив клинок.

Рубить он славно станет.

Нет, не хочу.

Уже!

И льётся кровь!

Пески жёлтые, белые, серые, даже красные, зыбучие и сыпучие, их жар ощущаешь на лице, горят от сухости глаза, но вот подул ветер, приведший пески в движение, вскоре наступает жёлтая мутная мгла, небо сплошь затянуто, солнце, как бледное пятно, въедаются в кожу всепроникающие песчинки, хрустят на зубах... — не уберечься! самум!..

Так часто. И всегда было то, что вскоре наступал ясный день, далёкие дали очищались, но душу, постоянное чувство, не покидала тревога, смутное ожидание чего-то важного, что непременно должно случиться. Точь-в-точь как с верами, что своё, а что чужое: представления то чётки, то размыты, и не разберёшь, кто предпочтительнее: дед принимал все веры, не делая между ними различия, при этом подчёркивая свою преданность идолам.

И никто не отступит от веры отцов. Еврей один имел дерзость предложить Абу-Талибу принять веру иудеев: *«Не сын ли нашего праотца Авраама ваш предок Измаил? Самим Богом проложена вам дорога — следовать за нами...»* — может, словоохотливость от полнолуния?

И Мухаммед вдруг, на удивление Абу-Талибу, — копилось, как вода в колодце Замзам, пробилося наружу — встрял в спор с ним об Агарь-Хаджар и Измаиле:

Что да, вы правы, наш предок Измаил... И вы, кто считает его, рождённого рабыней, стоящим ниже истинно ваших!.. — Тут же перескочил на другое: о том, как притесняли мать прародителя нашего.

Иудей тотчас возразил, мол, Агарь (никакая не Хаджар!), как только узналось, что она зачала, такая, мол, природа у человека, стала презирать бездетную свою госпожу Сарру (а по-вашему, знает, Сара). А это — грех, когда рабыня восстаёт против госпожи!.. И Сарра, дряхлая старуха, по велению Божьему зачала от столетнего Авраама!

И спросил Мухаммед, вспомнив услышанное, что означает в книге иудеев: «Сын твой Измаил будет между людьми как дикий осел!»?!

Но где юноша наслышался таких историй?! У какого мудреца был подмастерьем, что уши улавливали знание, взгляд примечал удивительное, сердце наполнилось чуткостью? Мол, следует чаще прислушаться к звёздному небу и что мудростью здешний воздух напоён, — не наивный лепет, а слово

мужа, но вот-вот оборвётся. Скажешь и не сумеешь больше повторить, сколь бы ни просили, не прольётся снова речь, ясная и полная глубокого, как кажется, смысла.

Иудей вовлёк Мухаммеда в такие словесные хитросплетения, запутав пальмовые волокна его речений, что он растерялся.

Научиться б переговорить в споре иудеев, но как?!

Хотел сказать о праве первородства у Измаила, отнятом иудеями в пользу Исаака, сына от Сарры, и довод даже привести, что наследие, данное Измаилу, это не шатёр, в котором жил, не верблюд, на котором ездил, а... — но не успел, ибо собеседник перебил его:

— Достойна похвалы твоя память! — чтобы тут же, польстив, сразить, упиваясь найденным: — Но не забывай про величие числа! — и, не дав Мухаммеду опомниться, добавил: — К тому же идолов!

Это вечное чувство неравности!

С иудеями?

Христианами тоже!

«Вглядишься в них, — говорил себе Мухаммед, — ничто не предпримут, не установив пред собой ниспосланные им священные Книги».

У иудеев Тора, или *Таврат*, советуются с нею, неземная книга, видел однажды, излучает будто тепло и завернута в мягкую, цвета каштана, кожу.

У христиан — *Инджил*, или Евангелие. Потому не витает над их головами страх, не ведают печали в *этой* жизни, зато в *той* обещана им награда.

А что дано нам?

Каждый сам по себе вроде умён, смел, щедр, добр, размышления частые в кругу приёмных отцов — деда, а потом дяди, а как соединимся... — стадо разгневанное верблюдов, у которых опустел горб!..

Чуть что, и вспомнят праотца Авраама, как он по настоянию жены Сарры, сжигаемой ревностью, изгнал из своего дома наложницу-служанку Агарь-Хаджар с сыном Измаилом, первенцем его!.. Нет, не брошен был Авраамом Измаил, отец часто думал о сыне, проявлял о нём заботу, чего нет в иудейских источниках, но есть у арабов [рождено в исламскую пору?!].

Так вот: Агарь-Хаджар с Измаилом, мать и сын, после долгих блужданий покинули пределы, где обитали сыны Исраила, и, преодолев огромное расстояние, добрались до земель аравийских. Именно в здешних краях, где

возникнет впоследствии Мекка, металась Хаджар-Агарь в поисках воды, мучимая жаждой, семь раз бегала от одной возвышенности к другой, это нынешние холмы Сафа и Марва, и семикратный пробег стал впоследствии одним из условий паломничества, или хаджа, в исламе.

И вдруг там, где выстроится будущая Кааба, отрок Измаил ждал мать, случилось чудо: от удара об землю то ли ножки Измаила, то ли острого крыла Гавриила, который оберегал их, забил живительный источник, родник, названный *Замзам*, «Много воды», и мать и сын смогли утолить жажду.

Авраам, живя в Палестине, не раз, оказывается, навещал, по арабским преданиям, сына именно в Аравии, в будущей Мекке, а Кааба, Храм монотеизма, по преданию, — детище Авраама и Измаила.

Авраам, неужто о том говорить и говорить, пока мир не уразумеет, возмущаются арабы, по доброте душевной не мог не навесить изгнанных, особенно сына, и прибыл вслед за ними в пределы будущей Мекки, где не только выразил свою верность Богу, готовый принести в жертву первенца Измаила, но и по велению Бога построил с сыном дом (*ал-байт*) Каабу, вокруг которой и возникла Мекка. И Авраам призвал всех совершать сюда паломничество!.. Лишь потом арабы забыли заветы предков, изменили праотцу, и Кааба стала Домом не единого Бога, а идолов.

Можно предположить, что рождение арабских преданий случилось лишь после пророчества Мухаммеда, когда Мекка была объявлена в Коране «матерью городов», или «матерью поселений» (6/92, 42/7).

Выстраивается с исламом и другая легенда, отличная от иудейской, запечатлённой в Торе¹² (Коран и Тору отделяют друг от друга более двух тысяч лет), что именно вблизи от Мекки у горы Сабр Авраам собирался принести в жертву своего первенца-сына Измаила¹³. Тем самым сместились не только хронология монотеизма, но и сменился пространственный ориентир: Мекка и Кааба заменили то, чем были Иерусалим и Храм для иудеев, как Иерусалим и Гроб Господень для христиан. Но обо всём, что связано с Измаилом, сказано лишь в Торе: «...и услышал Бог голос отрока; и Ангел Божий с неба воззвал к Агари и сказал ей: что с тобою, Агарь? не бойся; Бог услышал голос отрока оттуда, где он находится; встань, под-

¹² Бытие, гл. 22: Авраам приносит в жертву Исаака.

¹³ Жизнь. Т. I. С. 11.

ними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ. И Бог открыл глаза её, и она увидела колодезь с водою, и пошла, наполнила мех водою и напоила отрока. И Бог был с отроком; и он вырос, и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука» (Бытие. 21: 17—20).

Но не оспаривать, что арабы-язычники Каабы в первые годы исламской поры молились в сторону Иерусалима; это продолжалось в Медине: в первой мечети, возведённой Мухаммедом, главные врата открывались, указывая направление молитвы-кыблы, в сторону Иерусалима, и лишь впоследствии, после захвата Мекки, кыбла была изменена в сторону Мекки.

Беспокойство за сына, как гласят арабские предания, продолжалось и после того, как Измаил женился: Авраам однажды явился навестить Измаила, уже женатого, и на встречу вышла невестка.

«Где твой муж?» — спросил Авраам.

«Кажется, на охоту ушёл... Нет, за финиками в оазис, а, может, с матерью своей встретиться захотел?..»

Авраам сидел на верблюде, он поклялся ревливой жене Сарре, что, не сойдя с верблюда, лишь узнает, как сыну живётся. Но подумал при этом, что сойдёт, если невестка пригласит. А она ему: «Пить-есть будете?..» Вот первый урок отсутствия гостеприимства: не спрашивать надо, а предложить поесть и попить!.. Не понравилась невестка Аврааму:

«Мужу передай, — ей говорит, — чтобы сменил убранство дома!»

Измаил понял, что имел в виду отец, развёлся с женой и привёл другую, звали её Фатимой, происходила из бедуинского племени джурхум — у них, кстати, Измаил научился арабскому языку.

Через три года отец снова навестил сына, опять его не оказалось дома, — погнал верблюдов на пастбище. На сей раз невестка не стала расспрашивать старца-путника, кто он и откуда, а ссадила его с верблюда и, не дав опомниться, угостила свежим хлебом и чашей молока. Доволен остался Авраам, что у сына славная жена.

...Потом путники говорили о звёздах, которые для того, вне сомнения, и существуют, чтоб караван, находя по ним дорогу, не заблудился. Что? Не для того, чтобы поиск удался?! Что-то ещё? Ах, красота ночного неба?!

Слышатся голоса, и трудно различить, кто говорит: иудей? христианин? И на языке каком?.. Смесь наречий. Первый вроде бы внятно излагает мысль, речь арабская, и акцент для непосвящённых неуловим, но, однако, знающий определит, что акцент — сирийский; второй запинаятся в поисках нужных слов, связывая их по наитию, но в голосе — явная уверенность, сабий с его мекканским, как у купцов, говором; и спорят с ними иудей и христианин о выборе веры, а самый юный из купцов, но взгляд не купеческий, открытый, без хитринки, будто возражает, перебивая то одного, то другого, и горячится.

И всецело господствовала речь мекканская — об изначально нарушенной людской природе, и, перебивая друг друга, стали перечислять пороки: тщеславны и несговорчивы, завистливы и злопамятны, кичливы и вероломны... — да, велико зло человека на земле, и вся склонность мыслей сердца его только зло во всякое время, хотя — может, возразить? — никто не зол по доброй воле. И пожалел Бог, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своём. Разве изменишь природу человека, чтобы хоть чуток поумнел? Перечисляя грехи *людские*, Абу-Талиб думал о пороках *сородичей*.

Две крайности в них: или злодей из злодеев, грудь матери своей срежет, «уфф!» не скажет, или добряк из добряков, точно мул: садись верхом, не взбрыкнёт (на удивление ослице, которая его родила), не пожалуется на усталость (на удивление коню, который его зачал), мол, *будь добр, дай отдохнуть*; ловкач из ловкачей: наденет, обманув, ошейник на шайтана и продаст на базаре пронырливых из проныр; или лентяй, каких свет не видывал. А то и пустит порочащий слух про тебя, сболтнёт что на ум взбредёт, а потом, поверив в это, повторять будет, каждый раз что-то новое присочиняя!

Неужто пороки рода-племени перечислять придётся до следующего привала в Босре, а это — пять часов езды? А, может, и в Тайме, это по пути, но там Абу-Лахаб услышит о Мухаммеде нечто новое, что приведёт дядю в замешательство, о чём — в свитке, изготовленном из папируса, и похвальные строки в честь него, что нежен и порист, мягче лозы и крепче травы.

Дерево-губка с твёрдой кожей и податливой сердцевиной, стройное и упругое? Великолепный плод! Но сказать непременно ради истины, что изготовлен из поросли затхлых болот, вырастает из *отвратительных* топей!..

А сама бумага с белоснежной поверхностью — поле поэтического красноречия и пророческой мудрости!

И лукавств?!

Но безобидных!

А и лжи?

Во спасение.

Старо!

Но к ней приходишь, идя по дороге правды.

И сворачивая на обочину, чтобы отдохнуть в царстве самообмана?

В утешение, что непременно придёшь к истине?

Горизонт, который близок и недостижим.

Но прежде — про сокрытый знак, или царапину на груди.

Память современников, себе не в тягость, а также упрощая сложное, дала обоим провидцам одно имя — Бахира, что и запечатали два не ведающих друг о друге каллиграфа арабского письма. И ни один из летописцев-арабов не задумался, что бахира — это верблюдица, объявленная священной за принесение приплода в течение пяти лет подряд, — её, надрезав ухо, отпускали вольно пастись, хотя бахира по-сирийски означает надёжный, верный.

С одним из прорицателей встретился Абу-Талиб, направляясь с племянником по делам торговым в Сирию. В южном городе Босре был привал, и старец, знакомый Абу-Талибу по прежним поездкам, неожиданно отсоветовал продолжать поездку, почти у конечной цели! преодолев такое расстояние! немедля воротиться, ибо опасается за жизнь Мухаммеда.

Не внял Абу-Талиб предупреждению старца!

С другим судьба свела в Тайме, на границе с пустыней Нафуд, когда Абу-Талиб, почти ни с чем, возвращался из Сирии домой.

«Случилось то, что случилось, — многозначительно промолвил старец, — однако неудачей в торговле вы от беды откупились!»

А в одной большой рукописи, чьё название не сохранило время, безымянный сочинитель, представившийся как благочестивый правдолюбец, не сочтя нужным назвать имя предсказателя, мол, «некий монах черпал вдохновение в готовых легендах Аравийской пустыни, происхождение коих подозрительно. И он возвестил курайшам, что будто бы среди них находится пророк». И не пытался безымянный

сей сочинитель, впрочем, и те, что были прежде, осмыслить загадочную подсказку уже явленного к тому времени Корана: *Разве Мы не раскрыли тебе грудь?*

Свиток — та же папирусная бумага, выделанная из сирийского благовонного тростника, что растёт у озера Шам, судя по неравноудалённости букв, что является отличительной особенностью раннекуфического письма (это могло проистекать и от особенностей стиля писчика), более древний, нежели светло-жёлтая в него вклейка.

...На окраине южносирийского города Босра, откуда птица, купаясь в лучах солнца, может увидеть холмы вечно-го Иерусалима, отыскалась келья, в которой жил отшельник монах, всеми позабытый, и редко заезжали сюда мекканские купцы, чтобы не петлять, удлинняя дорогу.

И удивились земляки, когда узнали, что жив Бахира, сведущий в науках христиан и тех, кто был прежде, — иудеев. Даже в ночных видениях проникает в начало начал, когда восходил питаемый мудростью Солнца Зардушт, — точно идёт по канату над пропастью, а надо от одного берега к другому пройти, нельзя ни остановиться, ни вернуться, ни вдаль глянуть, ни назад взор обратить. И в такие он пропасти минувшего проваливается, откуда не выкарабкаешься, дабы узнать, чем стало и куда пришло то, что некогда мощно процветало. И — застрянешь.

Но сказано мудрецом: Не спеши выносить суждение о сегодняшнем, ибо завтра оно может быть ошибочным.

Так кто ж он, этот монах? Отменный лазалыщик по скалам в поисках орлиного помёта для зелья, обещающего вечную молодость? Выкарабкался Бахира из дебрей, вернулся в келью, продолжив постижение ведомых и неведомых вер по рукописи, которая передавалась, как говорят, по наследству от одного к другому... Тут и Абу-Талиб явился с верблюжьим караваном.

А что дальше, повествует, суммируя, *знающий*, как выражаются в Аравии, человек — Ибн Хишам, а ему сказал Ибн Исхак, которому поведал Джахм бин Аби Джахм, кому известно было со слов Абдуллы бин Джафара. Но прежде него был Абдулла бин Салам, ему поведал отец ал-Харис, кому, в свою очередь, рассказал отец Хатиб. И несть им числа, хранителям заветов!..

...Верблюды остановились неподалёку от этой кельи, и монах Бахира, который прежде не то что не заговаривал с

купцами мекканскими, но даже не выходил к ним, не проявлял интереса, уже стоял, будто ожидая их, у ворот.

И, как только они появились, пригласил, к удивлению Абу-Талиба, к себе: «Сначала отведайте моего угощения, а потом я вам скажу: случилось то, что случилось!» — любимая присказка Бахиры.

Находясь в келье, монах увидел приближающийся караван, заметив при этом удивительное: с караваном на синем жарком небе двигалось белое облачко, прикрывая тенью своей путника, некоего юношу. Караванщики остановились неподалёку, и облачко застыло над юношей, ветви дерева склонились над ним, укрыв. Облачённый во власяницу, Бахира вышел к ним:

— О курайши, я приготовил для вас угощение, оно скромно, хотел бы, чтобы пришли вы все, малый и великий, раб и свободный.

— Клянусь богами Каабы, ты преобразился! — сказал ему Абу-Талиб, удивлённый переменой. — Тот ли ты монах, каким я знаю тебя давно? Прежде ты не замечал нас, хотя часто мы проезжали здесь. Что же с тобой произошло?

— Ты прав, — ответил ему Бахира, — мне нечего возразить, хотя дни искушений, признаюсь, случались прежде, но мягкосердие может оказаться ложным и привести к греху!.. А теперь — иное, будьте моими гостями и переступите порог кельи. Хоть и тесен мой кров, но почтить вас хочу, чтобы утолили жажду и голод.

Все пошли за Бахирой, один лишь Мухаммед, по молодости лет или не расслышал, увлечённый думами, остался с поклажей под деревом. Разглядев гостей, Бахира заметил:

— Но пришли не все.

— Да, ты прав, — ответил один из караванщиков.

— Зато пришли все, — сказал другой, — кому следовало прийти.

— Нет только юноши, — сказал третий. — Он самый младший из нас и потому остался с караваном.

— Позовите его, пусть разделит с вами трапезу.

— Клянусь богами Каабы, — вмешался в разговор сабий, назвав при этом богинь Лат и Уззу, — мы будем достойны хулы и порицания, если сын добрых курайшей Абдуллы и Амины, внук почтенного Абдул-Мутталиба, племянник стража Каабы Абу-Талиба будет не с нами! — И, ковыляя, пошёл к Мухаммеду, чтобы привести его в келью.

Взгляд Мухаммеда, как только он вошёл, привлекла высокая камышовая корзина, из которой торчали свёрну-

тые трубочкой папирусы. И монах пристально разглядывал Мухаммеда, отмечая про себя разные приметы на его лице, о которых знал лишь по одному ему известному описанию. А когда люди поели овечьего сыру, попили отвару из изюма с какими-то пахучими травами и, довольные, покинули келью, и Абу-Талиб с ними, Бахира дотронулся до руки Мухаммеда:

— О юноша, останься, хочу поговорить с тобой.

— Но кто ты?

— Простой монах Бахира.

Мухаммед еле сдержал смех, искорка мелькнула в глазах.

— Понимаю, тебя рассмешило, что *бахира* по-вашему священная верблюдица, а я, как видишь, просто *верблюд*! — Старец действительно был похож на... — благоразумие не позволило Мухаммеду поддаться шутке старца, тот это оценил. — Да будет известно: имя — не арабское, а сирийское, бахира — человек надёжный, верный. Так вот, я хотел поговорить именно с тобой, отдай мне твой слух и взор! В чём твоя сила?

— Хочешь узнать, что метко стреляю из лука, ловко скачу на верблюде?

— Спрошу иначе: кому поклоняешься, в ком черпаешь силу, юноша?

Мухаммед улыбнулся: сказать ли (это придётся по душе Бахире) об особо привлекательной фигурке Марьям, она похожа на мою маму, с младенцем Исой, чей лик не обозначен, лишь продолговатый орешек, и Мухаммед домысливает взгляд, рисуя глаза и губы. Но тогда монах, такое уже случалось, поведёт речь о *привлекательности* христианства:

Бахира терпеливо ждал, что Мухаммед ответит, а тот... — нет, отвлекать его, кого столько лет он ждал и верил, что дождётся, не будет.

И Мухаммед... — ожило услышанное про Авраама, как рушит идолов, изготовленных отцом, хорошо покупались, и, оставив самого крупного, вложил палку ему в руку. *Не об Хубале ли речь?* — подумал тогда Мухаммед.

И тут появляется отец Авраама:

— Что ты натворил?!

— Это не я, принесли паломники муку в жертву идолам, а те передрались!

— Ты издеваешься! — возмутился отец. — Что могут истуканы?!

— Вот ты и ответил, что ни к чему не пригодны!

Но кому поклоняться? — будто очнулся Авраам. *Солнце* очарован, но оно зашло. *Луной* очарован, но туча её закрыла. *Туче* поклонюсь, но ветер её разогнал. *Ветер* — вот бог, но не свалит он идущего человека! *Человек*?! Но кто ж станет поклоняться слабому из слабых?!

— Я ещё не готов к ответу, о старец! — сказал Мухаммед.

— Но тогда именем *моего* Единого и Вездесущего прошу ответить: скажи, что тебе привиделось во сне этой ночью?

— Летал меж звёзд.

— А вчера?

— Ходил по морю, и волны меня не поглотили.

— Снятся ли тебе пожарища?

— Прошёл однажды сквозь бушующее пламя, и оно, как дуновение прохлады, касалось щёк моих.

— Видишь ли во сне земные дали?

— Пески пустыни снятся, белые и шелковистые, беру в ладонь, струятся, чистые, как вода Замзама, меж пальцев.

— Ещё у меня просьба!..

Мухаммед по просьбе монаха — показалась странной — расстегнул ворот своей рубахи, и Бахира удовлетворённо вздохнул, увидев царапину на его груди. Потом просил спину показать: так и есть — меж лопатками явственно обозначена *печать*! И больше ни слова Мухаммеду: сновидения юноши и шрам на груди, похожий на след кровососной банки, совпадали с описаниями, что имелись в книгах и свитках... — но скептики, коих немало в мирах *этих* и *тех*, зачастую судят друг о друге, прибегая ко всем оттенкам чувств, жестов и мимики, — от подобострастия и лести до — пройдя через иронию и ухмылку — издёвки. Найдутся такие, кто скажет, что печать на спине — родимое пятно величиной с куриное, а для кого — с перепелиное, яйцо!.. Короче, монах пригласил Абу-Талиба, велел Мухаммеду оставить их наедине.

— Кем тебе доводится юноша? — спросил.

— Он сын мой, — ответил Абу-Талиб.

— Неправду изрекли твои уста, — возразил Бахира. — Он, как о том мне открылось, сирота. Отца его не должно быть, как и матери, в живых!

— Ты прав: он сын моего покойного брата. Но и тебе я молвил правду: племянник мной усыновлён.

— Это ответ истинный. Теперь внимательно слушай! Я узрел святость в юноше! — Изумлённый Абу-Талиб расте-

рялся, не зная, что сказать. — Да, именно то, что ты услышал, и я удивлён не меньше твоего!

Монах, спеша избыть накопившееся, быстро заговорил об особом сиянии очей Мухаммеда, тайном знаке — шраме на его груди; что прихода Мухаммеда люди ожидают именно теперь, когда земля погрязла в нечисти безверия, жестокостях и разврате, а невежество поставлено на большую высоту, и что о явлении пророка сказано в древней книге.

Не вставая с места, протянул руку к нише в келье, достал книгу в кожаном переплёте, приложил к губам:

— Моё дело сказать правду, которую я узрел, и не заставлять никого в это верить. Но настоятельно прошу, чтобы немедленно возвращался с ним домой и опасался, — предупредил, — иудеев! Именем Бога Единого тебя заклинаю: если приедешь с Мухаммедом в Сирию, иудеи убьют его!

— Но мы только что вели с ними мирную беседу!

— Слушай и не перебивай! — вскричал на Абу-Талиба. — Я даже могу назвать имена их, кто вознамерится убить, они приведены в этой книге! арабы Зурайр и Таммам, а также еврей Дарис!..

— Как понять? — недоумевал Абу-Талиб. — Мухаммеда ещё не было на свете, а враги его уже названы в древней книге?! Ослушался монаха!..

А Бахира-иудей, — торопливая запись чужой рукой сбoku, — скажет, чтобы Абу-Талиб опасался христиан, и названы будут те же имена, что произнёс монах Бахира, но со сменой в обозначении веры.

Абу-Талиб был взволнован, внимательно разглядел грудь племянника, когда при возвращении остановились в Йанбу: тот скинул рубаху, чтобы нырнуть в воды Красного моря, а дядя повернул его лицом к солнцу, чтобы удостовериться в правоте старца. И, кажется, увидел царапину на его груди. Даже уточняется время их, Абу-Талиба и Мухаммеда, первой поездки по торговым делам в Сирию: двенадцать лет, два месяца и десять дней спустя после похода Слона!..

А в местечке Тайма Абу-Талиб решил по совету соседа-сабия непременно навестить *святого* знатока всех вер. Наш сабий, — гордо заявил сосед, — но, увы, иудей.

Учёный, уже другой, но с тем же именем Бахира, спросил у Абу-Талиба:

— Кем тебе доводится юноша?

— Сын моего покойного брата, — ответил Абу-Талиб.

— Жалеешь его? — спросил и, услышав: «Да», изрёк про-

тивоположное тому, что слышал: — Береги племянника от козней христиан!..

И долго, уже в присутствии Мухаммеда, они говорили; Бахира произносил ясные Мухаммеду, словно когда-то слышал их, изречения, что «всё, что есть сегодня, было всегда, а что будет — тоже было, однако, не скоро, свершается суд над худшими делами, оттого не страшится сердце человеческое делать зло. И праведников, — на Мухаммеда глянул, — порой постигает то, чего заслуживали б нечестивые, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали б праведные».

Ещё о том, что именно он свыше данным ему озарением «ублажил мёртвых, которые давно умерли, и они более живые, нежели те, кто жив доселе, а блаженнее тех и этих тот, кто ещё не существовал и тем самым не видел злых дел, творящихся под Луной» — слова, мол, одной мудрой книги, — заметил Бахира.

А заметив на груди Мухаммеда тонкую, чуть розоватую полоску: — Что это?! — спросил. Всплыло вдруг, как уснул внезапно, а проснувшись, не сразу заметил на груди царапину, чесалась очень, и не успел Мухаммед ответить, как тот: «Грудь вскрыта! — произнёс. — Вынуто сердце и очищено!.. — И тут же вскричал: — Прочь безверие умствующего скептика, гореть ему в аду! Абсолютная достоверность, что запечатлено», — и заговорил вдруг про чернила: «В незапамятные времена были подобны крови мучеников за веру, а ныне что? Цветная вода! И начисто стирается нестираемое!.. Да, утрачен секрет изготовления особых чернил! — заявил не без гордости и, не дожидаясь, когда попросят, поведал, будто только что сам их изготовил: — Взять кусок смолистой сосны, положить в огонь, сверху поместить поливную чашу, чтобы там собиралась копоть. Собрать её в ступку, растирать, пока есть сила в руках. Копоть станет, как мягкий воск, но надо потереть ещё, пока не превратится в мазь. Поставить в тень просохнуть, затем смочить водным раствором, влить в чернильницу и употреблять. Но не оставлять никогда чернильницу открытой, ибо чёрная невидимая обезьяна ждёт, пока люди кончат писать, чтобы выпить оставшиеся чернила! Если хочешь, чтобы надпись стала невидимой, намажь её смесью купороса белого и сока редьки, смоченных уксусом. А захочешь сделать надпись, которую можно прочесть, пока сырая, но которая после высыхания исчезнет, возьми голубиной крови, смешай с мочой и пиши. Из секретов ещё: если не же-

лаешь, чтобы на чернильницу или тобой написанное селись мухи, добавь в чернила немного желчи. Но непременно бычьей!»

События истории, часто говорил Абдул-Мутталиб, отмерены слоновьей поступью, а годы — поступью верблюжьей. Скорые они, когда войны, — ни доскакать, ни догнать, но успеть первым поразить врага стрелой, сбить пикой, вонзить кинжал, чтобы не пасть самому, истекая кровью. И медленные, как торговые поездки, — плетутся, будто караван упрямо примеряется к шагу черепахи, и убытки неминуемы, добавлял Абу-Талиб: не везло ему в торговле.

Но разве то, чем занимаются мекканцы, торговля? Не умереть с голоду: продал — купил, чтоб снова продать, если прежде не ограбят.

...На обратном пути из Йемена, куда Мухаммед ездил с дядьями (с ними был и Хамза), стал караван жертвой не разбойников, что часто случалось, а соседей, племени бани-хавазан, рода кайс, те вдруг с чего-то вздумали враждовать, напали на них в местечке Эказ по дороге в Таиф. Дяди велели Мухаммеду не стрелять: сунется в бой сгоряча — сразят. Лишь снабжал стрелами дядей своих, Зубайра и Аббаса, они были чуть его старше. Абу-Талиб, точно предчувствуя беду, вышел из Мекки с вооружённым отрядом навстречу каравану, развевалось знамя чёрное хашимитов... — тем и спаслись от истребления, лишь Хамзу слегка ранило.

Нечестивая война, или сражение *Фаджари-сани*, велась в месяц паломничества, когда запрещено кровопролитие.

Запомнилась первая битва Мухаммеду. Копьё сплелось с копьём, не прямые будто они, не ломкие, а гибкие, змей бы так извиваться не смог. Летели стрелы, небо от множества их, звенящих над головами, было застлано. точно сплошным крылом, и земля во тьму погрузилась, некуда спрятаться. И позавидуешь тушканчику — имеет нору, прибежище от опасностей.

Сколько ещё будет битв, рано ставить точку; впрочем, в Коране точек нет, ибо ниспосланное Богом не может иметь окончания, завершаемого точкой; но что говорить о битве, если, хоть и кровавая, была короткой? Но длилась короткими стычками, затухая и разгораясь, столь кратно, что порой приходилось останавливать караван, чтобы пересечь с верблюда на коня. На коне, известно, воевать легче. «Хилаф ал-Фудуль», или «Вечный союз», как в мирном договоре за-

писано, между хашимитами, кланом мутталибов, а также зухра, тайм, харит и асад о взаимозащите и помощи незаслуженно обиженным. И да продлится время мира, когда жизнь течёт размеренно, молодость сменяется зрелостью и сыновья погребают умерших от старости отцов.

5. Новые торговые поездки — на сей раз по поручению знатной мекканской госпожи Хадиджи, богатой и многомудрой вдовы (некогда день в день совпали её замужество и рождение Мухаммеда), нанялся к ней работать, и в тот миг, как переступил порог дома, из покоев её ударил в нос терпкий запах мускуса в смеси с иными нежными.

Мухаммед вернулся в Мекку из дальнего торгового путешествия, Хадиджа продала привезённые товары, выручив в два раза больше, чем обычно случалось... — всё так, но не подоспело ли время, отставив подробности путешествий, рассказать о первой любви и женитьбе Мухаммеда?

Сначала была женитьба!

Женитьба без любви?

Нравиться ещё не означает любить!

Любовь родилась потом?

Всё было первое у Мухаммеда: и любовь, и женитьба, которые волей случая оказались связаны с бедой: эказской стычкой, короткой и кровавой.

Среди жертв бойни был богатый мекканец, муж Хадиджи, которого звали, как и дядю Мухаммеда, Абу-Талибом; он щедро опекал Каабу. Сама Хадиджа почиталась в Мекке за отзывчивость. Щедрая и добрая, обо всех тут достойных ведала, кто чьей ветви и кому наследует, и все знали её. Не она ли — но как удалось ей разузнать? — составила впоследствии родословное древо Мухаммеда до седьмого колена, дальше заглянуть не смогла. Но важно, что было положено начало. И умна, и красива. Сколько ни сказать о ней — будет мало.

Муж Хадиджи, смертельно раненный копьём, рухнул, подмятый собственной лошастью, которая, натянута уздечка и подогнуто копыто, тоже пала. Красивый был конь, золотисто-рыжий, с белыми подпалинами. Мухаммед вынес с поля боя Абу-Талиба, он ещё дышал, и дух испустил при въезде в Мекку.

Спас Мухаммед и Вараку, двоюродного брата Хадиджи, — вот кого могло погубить удалство!

Понял Мухаммед, что сражение — и это после договора *о вечном мире!* — проиграно, надо отступить, пока живы, оставив вероломному недругу трёх двугорбых верблюдов, нагруженных тюками тканей и кожи, а поверх — ещё гора всяческого добра: пять дней верблюды меж горбами несли груз! И чувство досады у Мухаммеда, что пал его одногорбый верблюд, дромадер, с которым немало дней провёл на путях караванных, был он беговой породы, мог пробегать, не зная усталости, от восхода до заката.

После траурной церемонии — дома вывесили синие и белые платки, цвета траура — совет старейшин Каабы отметил мужество Мухаммеда и прибавил к его имени титул *Благоразумный*.

Хадиджа, ещё молодая, уже дважды успела овдоветь, так и не поняв, как впоследствии признавалась, что означает быть замужней, хотя в первом браке родила сына и дочь, — детей после смерти мужа забрала к себе его богатая родня, из рода максумов; и не было брата у покойного, чтобы тот, как тоже принято, взял её в жены, и Хадидже представилась полная свобода распоряжаться собственной судьбой. Вскоре, она ведь так юна и красива, второе замужество: и на этот раз вышла за богатого, из рода тамимов, он был её старше, но бездетный. Когда сватали... — долго сопротивлялась: снова стать женой человека, который намного её старше?

И сдалась!

Прожили со вторым мужем дольше, чем с первым, и никого ему не родила. Зато познала иное — тамим Абу-Талиб (тёзка дяди Мухаммеда) нанял ей учителя, чтобы тот научил её чтению удобных авестийских букв или новомодного тогда курсивного письма сасанидов, созданного жрецами зороастрийскими.

— Немало их было, — говорил старец-учитель Пур-Саррадж, или «Сын седельника», то есть из рода, очевидно, мастера по шитью седел при знатном (шахском?) дворе, ставший учёным человеком, — которые, я видел некоторых из них, денно и нощно трудились, чтобы запечатлеть, вернее, восстановить созданное мудрецом Зардуштом! Первые записи составили двенадцать тысяч коровьих шкур и хранились в особом дворце, все были сожжены потом воинами Искандера Зуль-Карнейна (Александра Македонского) в Персеполисе, и память жрецов сохранила и спасла, увы, лишь часть!..

Складываешь буквы в уме, смешивая, и вычитывается удивительное, особенно когда стихи про чувства мужест-

венного и благородного *его* — к ней, возлюбленной, нежной и верной; вслух не произнесёшь, но не уймёшь волнения, вчитавшись.

Помнит, часто шептал ей муж на ложе, где от глаз завистников укрыта, — сам ли сочинил, у другого кого вычитал? — про руки её, напоминающие ляжки молодой верблюдицы, и ноги — две точёные фигуры из мрамора, украшения которых звенят нежно: муж накопил для неё множество браслетов, и для ног тоже, как это водится в Хиджазе; а груди, запретные для рук посягателей, уподобил шарам из слоновой кости, и два других шара — упругие и прохладные, одно прикосновение к которым разжигает бешеную страсть, и бока нежной стройной фигуры тяжело поднимаются над тем, что около них.

Снова вдова.

Спросить у жреца, это часто делали мужчины: что будет завтра?

Купцов, проводивших жизнь в торговых поездках, волновали прибыли: станет ли товар добычей разбоев? Или как переменится судьба? Уготована ли долгая жизнь? Кто из сыновей и братьев умрёт?

А Хадиджу преследует желание покончить с одиночеством.

В последние дни слишком часты думы о молодом Мухаммеде, кому обязана спасением Вараки, двоюродного брата, он старше её и часто спорил с учителем её, наступал, а тот оборонялся, часто уходя от продолжения, то ли соглашаясь с Варакой, то ли не желая ему возражать.

А Хадиджа... — неужели этот высокий, кто волнует, она ему по плечо, и есть тот самый хилый подросток с редким и странным, никогда прежде не слыхивала, именем Мухаммед?

Пришла в Каабу жертву принести покровительницам мекканских женщин, жёнам Хубала, особенно благоволила Мануте, и странно было, что вопреки обычаям Абу-Талиб обратился к ней не через мужа, а напрямую: «Мы ведь родственники!» Дед у них общий, Кусейя.

Хадиджа велела казначею щедро отблагодарить Мухаммеда, и пусть готовится к новой роли, какой — вскоре узнает, подарила золотой перстень покойного мужа с изображёнными на нём солнцем и львом (подношение перса купца хранила в преподнесённой им же шкатулке из чёрного дерева, отделанной перламутром; есть версия, что шкатулка была индийская), а в придачу — красиво вышитый плащ из верб-

люжьем шерсти, и он тут же накинул его на плечи, и высокий ростом Мухаммед словно стал ещё выше.

...Помянув жертвоприношениями сороковой день смерти мужа, Хадиджа начала готовить торговый караван в Сирию, пятнадцать верблюдов. И уже решила, кому доверить караван — Мухаммеду, пусть осваивается. Пред тем советовалась с казначеем, но не для того, чтобы укрепиться в своём решении, тем более что тот сразу согласился с нею. И раба Мейсара послала за Мухаммедом: дело есть, пусть придёт к ней.

А до того уговорила в бане двух женщин, с которыми была дружна: Мухаммед должен согласиться на её предложение, оплата — четыре молодых верблюда, чрезмерно щедрая. Обе женщины близки ей, и обе — сёстры матери Мухаммеда Амины: одна — двоюродная, это жена Абу-Талиба, а другая, её зовут Атика, — сестра родная.

Не он ли, муж Хадиджи, спорил тогда с владельцами слона? Но рассказывают, то был Абдулла, сын Абдул-Мутталиба и отец Мухаммеда. А ещё версия, что муж Хадиджи спас тогда фигурку Марьям с младенцем Иисусом!..

...И снова путь Мухаммеда в Сирию через Босру, который он проходил с дядей Абу-Талибом, но на сей раз в новом качестве: доверен ему караван богатой мекканской вдовы Хадиджи. Вспомнил старца Бахиру — умер недавно, дядя в одной из своих молитв в Каабе поминал того. Решил заглянуть в келью, где был уже другой, новый старец, Настура. Начал Мухаммед ему рассказывать, как много лет назад... — Но Настура перебил:

— Ты Мухаммед?

— Но как узнали?

— Такое разве забывается? — Усомнился тогда Настура в прозорливости своего учителя Бахиры, а теперь, когда познакомились, сомнение не ослабло, но понял, отчего заблуждался старец: ближе к смерти нестерпимы козни, злодейства, жестокости, несущие гибель, и пороки людские особенно заметны — не такова ли природа человека, потрясая некогда, по легенде, самого Творца. И невольно возбуждается ожидание скорого прихода Мессии или хотя бы нового пророка... Разговор о Мессии — это как мечта о лучшей доле, светлое видение далёкого будущего. И старец Бахира, ослабевший разумом, *да минует меня сия напасть!* поспешил при своей жизни увидеть всеми ожидаемого пророка в обыкновенном юноше с открытым ясным взглядом, источающим, как сказал, «подлинно христиан-

скую доброту»: поразил старца суждениями о святости собственной своей матери, похожей на Марйам, и приходит в Каабу именно из-за фигурки Богоматери с младенцем.

Но Настура испытал благорасположение к молодому купцу и отговорил его держать путь в Сирию: мол, дороги опасны, торговля невыгодна, перекупщики захватили базары, и, используя свои связи, помог ему продать товары в Босре — Мухаммеду сопутствовала удача, и, к радости Хадиджи, он вернулся раньше ожидаемого срока.

Сведущие рассказывают, что старец первым замечет его и спросил у слуги: «Кто это, — показал в сторону Мухаммеда, — стоит под деревом?»

«Это курайшит, — сказал Майсара, — из Святилища, что в Мекке».

«Прежде лишь избранные останавливались под ним», — заметил старец.

А слуга сообщил своей госпоже, что видел, будто два ангела укрывали «хозяина», почему-то так назвал Мухаммеда, тенью широких крыл, когда в полдневный зной тот ехал на верблюде.

Брат Хадиджи Варака, будто кто-то слышал, считает себя приверженцем единого Бога, но произносит при этом слово «ханиф», и об этом говорится почему-то шёпотом, хотя Кааба, известно, приемлет всех, даже тех, кто не верит в богов Каабы, но об этом, естественно, не объявляется вслух. Это как привычные еврей-мусавит или исавит-христианин, которые открыто посещают Каабу, но почему-то произносится именно слово *ханиф*, что означает «отвернувшийся от язычества».

Очевидно, дело не в ханифстве: просто Варака считает унижительным для себя поклоняться идолам, говоря при этом, что есть единый Бог, кому поклонялся их праотец, который и есть первый ханиф, тот, кто с сыном-первенцем Измаилом восстановил как Дом единого Бога Каабу, воздвигнутую ещё сыном Адама Сифом в честь Бога, сотворившего его отца Адама, после того, как она погибла во время всемирного потопа, — давний спор, возникает вдруг, что Кааба долгое время была храмом единобожия, но люди по забывчивости превратили его в пристанище идолов.

О Вараке Мекка знала, но более как о брате богатой сестры, и кто-то скажет о нём, что он приверженец веры прямо-то, а что за вера такая — не уточнялось, и якобы стремятся преодолеть путь от заблуждения к истине, или, как сами ханифы говорят о себе, что они, де, отвернулись от всего,

что ложно. А в Мекке часто можно было услышать про Вараку, на кого падал отсвет его сестры Хадиджи, — пусть верит во что угодно, а главное, что он честный человек.

Ханиф — ханифом, а вера праотца Авраама по-арабски *ислам*, а сами верующие — *муслим*’ы, то есть *предавшиеся, или вручившие себя воле единого Бога*, но Вараку часто называют ханифом: *муслим* появится с Кораном. Но коли Варака верит в единого Бога, то не стал ли он тем самым иудеем? или приверженцем Христа? Уже три века бытует Библия, в которой христиане соединили книги иудаизма и свои собственные, совершив текстологическую, в понятиях нынешних, революцию: обозначили как преемственность с иудеями, так и отход от них, и повернули весь пласт иудейских книг в сторону Иисуса. Спор по этому поводу возник у Вараки ещё с учителем Хадиджи, научившим её, как уже сказано, писанию и чтению, и она тогда не стала вникать в существо их, казалось ей, мирной беседы, из которой, правда, узнала про зороастрийцев, Зардушта и что Авраам был «ханифом».

«Так вы еврей?» — спросил Вараку перс-учитель Хадиджи.

«С чего взяли?»

«Или “хачперест”? (Перс Пур-Саррадж обозначил по-персидски христианина: «хачперест», или «приверженец креста».) Мы ведь знаем лишь две веры единого Бога».

«Но я не приемлю ни первых, ни вторых».

Старец промолчал, и Варака, ничего не сказав в объяснение, заспешил куда-то по делам, да и не хотел отвлекать Хадиджу от учёбы — разговор бы затянулся, ибо Варака знал (оттого и был скрытен), что иудеи Йасриба и христиане-сирийцы, с коими он общался, считали тех, кто называет себя ханифом, еретиками; кстати, «Шалом, Шлом, Салам, Ислам»... — образованы от единого семитского корня, означают «мир», «покорность», «повиновение».

А потом то-сё, поездки Вараки по торговым делам и прочее, пока не возник на горизонте Мухаммед в качестве... — но о том в своё время. Так кто же он, Варака?! Нет, Авраам не был ни иудеем, ни христианином, тогда и слов таких не знали, но уверовал в Единого Бога, разрушив идолов в доме отца. Не потому ли и Варака не является ни тем ни другим... — каабцам показалось бы неуместным произнесение имени Вараки рядом с праотцом, впрочем, слово однажды было произнесено, и его уже не отменишь.

Весть о ханифах принёс однажды в дом Абу-Талиб, у кого жил Мухаммед, и не в осуждение, а как новость. Тем

более что для всеядной Каабы, как уже сказано, нет понятий *еретик*, лишь бы паломники, вступая в храм, почитали обряды и тех, и других, и третьих, короче — не хулили ничью веру.

Да, всем дорога в Каабу открыта — это, ясное дело, зазывающий призыв, чтобы кипела-бурлила жизнь в Мекке, бойкая торговля всем на пользу, и лавки, и караван-сарай, и постоянные дворы-дома, так что были б добрые намерения и помыслы, не важно, многобожец ты или иудей, зардушт-зороастриец, огнепоклонник или христианин, среди которых и есть так называемые синайские подвижники: храм Кааба — Дом для всех.

Абу-Талиб услышанной вестью про Вараку то ли решил удивить Мухаммеда, то ли косвенно объяснить поступок Вараки, который демонстративно отказывается приносить жертвоприношение богам; акт был добровольный, дабы умиловить идолов обильным кровопролитием, раздавая жертвенное мясо нищим и бедным, да и самим его есть во удовольствие плоти. Говорили, что Варака или скуп на траты (при богатой-то сестре Хадидже), или, что маловероятно, боится якобы вида крови. Поговаривали, что и Мухаммед, хоть и не *ханиф*, но вот если женится (кто-то слышал эти его слова), тоже перестанет приносить жертву божкам и есть жертвенное мясо. О том, может, сам Варака расскажет, как вернётся из Бизанса, — уехал давно, пока не вернулся: а вернётся ли?

Тут и двадцатипятилетие Мухаммеда, некогда обретшего почётное звание «Благоразумный». Вскоре прибавится к его имени, о чём будет сказано, и новое имя, точнее, качество, «Амин» — «Справедливый», и даже изберут в Совет старейшин Каабы.

Сколько же мне? — Хадидже страшно подумать, что уже тридцать шесть, почти век прожила курайшский, равный именно тридцати шести лунным годам плюс год в утробе, который тоже засчитывается, итого тридцать семь, *роковое число*. Много это или мало? Но она ещё... — да разве что было с первым мужем или со вторым? Кажется, что ничего особенного и не было. Хотелось чего-то особенного, исключительного, чего не испытала прежде. Мечты, в которых и себе не признавалась. Рассеянна, щёки от непонятого — понятного ей! — пылают. Слушает, как двое мужчин — брат Варака, он недавно из *Бизанса* прибыл, и другой, с недавних пор предводитель её караванов, — спорят. Нет, Мухаммед молчит, слышен лишь голос Вараки, он словоохотлив,

тьма у него тем для разговоров, и ей неважно, прав он или нет, тем более что не настаивает на своём, да и Мухаммед больше молчит, чем говорит... — но лишь бы они всегда были рядом с нею!..

Недавно было в Мекке состязание поэтов, устраиваются дважды в год на торговых ярмарках. Звучали стихи о любви. Запоминала, как бы ни были они длинны, удивляя подругу: Нафиса услышит и забудет, а Хадиджа — нет.

Слова не представлялись ей выдумкой поэтов, стремящихся выиграть в споре: кто красивее скажет о возлюбленной? Было в стихах нечто иное, невыразимое, и хотелось ещё раз услышать, чтобы понять.

Среди победивших на ярмарках стихотворений, что висят на стенах Каабы и образуют собой — это Варака придумал — *ожерелье из семи крупных жемчужин*, было одно, которое особенно тревожило, и оно начиналось так:

Проснись, о, дева, со своею чашей (не о ней ли?), преподнеси и нам утренний напиток,

не щади вин эндеринских, которые, смешаешь если с тёплой водою, становятся, как будто в них шафран, — светлее.

Томление в ожидании кругового кубка, пока дойдёт до нас, дабы могли отвлечься от терзаний страсти (но гасить чувства — зачем?!).

Смерти не миновать — так что насладимся тем, что нам дано,

и пусть свершится то, что суждено нам!

Строки наполняют сердце ожиданием и предчувствиями, кажется, сердце остановится, если не увидит Мухаммеда. Нафиса, подруга её, стала выполнять поручения Хадиджи, удивлённо восклицает:

«Ты, уважаемая и почитаемая в Мекке, стать чьей-то рабой?! Да кто он такой, этот Мухаммед! Только дай знать, сам прибежит!»

И Нафиса пригласила к себе Мухаммеда *для важного*, сказала, *разговора*. Не успели войти — и она давай рассказывать похвалы, говоря о его *великой надёжности, честности и благородном нраве*, и что он, такое ему выпало везение, привлёк внимание, как не возрадоваться ему? — женщины *достойной, рассудительной и очень-очень богатой*.

Движением головы Мухаммед прервать хотел её речь, мол, рано ему жениться, не интересуют его женщины. Одна есть, но недосыгаема.

«О чём ты, Мухаммед?! Счастье летит в руки!.. — и что

он, как молодой мужчина... Мухаммед в напряжении слушает, но уже не перебить, поздно, уже названо имя: — Твоя, Мухаммед, благодетельница!»

И он... — да, именно на ней он хочет жениться! Внезапно *другая* Хадиджа предстала пред ним, прежние отроческие волнения дополнились новыми: он предчувствовал, когда напутствовала его в первый караванный путь!

Обратилась к нему: «О сын моего дяди!..» — и тут же, поняв, что не точна, ибо Мухаммед доводился ей двоюродным не брагом, а племянником, заговорила о другом, что ты привлёк меня родством, высоким положением среди сородичей, добрым нравом и правдивостью. *О, сын моего дяди!..* — вырвалось у Хадиджи невольно, выговорилось мечтаемое, ибо в таком её обращении как бы содержался намёк на предложение о браке. Так называемый *кузенный брак*, когда предпочтительно брать в жёны двоюродных сестёр по отцу. Это реальное родство, но, как арабам представлялось, более далёкое, чем двоюродная по матери, и потому — возможность брака.

Имя её, когда Мухаммеда впервые пригласили к ней, невольно связалось со священным Чёрным камнем, или *Хаджари*, что покоится в храме Кааба, такое вдруг неожиданное созвучие: Хаджари — Хадиджа. А ещё *Хаджар*, как арабы называли Агарь. И даже край называется похоже: *Хиджаз!*.. Вот и выстроилась в воображении Мухаммеда цепочка!

А Хадиджа, миг назад чужая, недоступная ещё вчера по положению и весу в обществе, вдруг стала с ним вровень.

Близка и желанна?

Обрёл... Но и прежде чувствовал!

Или догадывался?

Улавливал!

Женскую ласку?

Видел женщину, которая любит!

Тоска была?

Не только.

Постоянное чувство бездомности?

Дом свой искал.

Но разве дома деда или дяди были не родными?

Порывает с проклятой и унижительной бедностью.

Гостя... Точнее, он — гость, и хозяйка, куда приглашён, с ним откровенна, а коли так, то и ему надлежит быть с нею откровенным:

«Но свадьба...» — И хозяйка тотчас прерывает Мухаммеда, ведь согласен (посмел бы отвергнуть!):

«Да, я знаю, что свадьба — это расходы мужней стороны, — говорит ему Нафиса, — и немалые, так у нас принято. — И что она понимает, что соблюдать традиции его обязывает принадлежность к хашимитскому роду!.. — Хадиджа берёт на себя все свадебные расходы до дирхема!»

Сваты Мухаммеда, уточнить, что после похода Слона минуло двадцать пять лет, два месяца и десять дней, — это Хамза, который неизменно рядом, и Абу-Талиб, как старший в роду бани хашим, он и возглавил с вождями других мударитских племён шествие к отцу Хадиджи Хувайлиду.

Пришли сваты, взял слово Абу-Талиб, держал, как старейшине подобает, речь, расписывая, как было принято при сватовстве, благородные качества сына-племянника, его внешний облик статного мужчины, но прежде, так заведено, о своём роде:

«Слава богам Каабы, которые сделали нас потомками Авраама, отпрысками Измаила, плодом семени Аднана, потомством Мудара и Ма'адда, попечителями Дома, дарованного нам и неприступного!..» И далее: «Этот вот известный мекканцам мужчина, сын моего брата, зовут его Мухаммедом, он удостоен старейшинами титулов Благоразумный и Справедливый. Если взвесить его на весах почестей с любым человеком, — обязательно перетянет.

Да, он не богат, но разве неведомо: богатство — тень исчезающая, состояние переменчивое, или, по выражению покойного моего отца, грязь на руке человека, что легко смывается?

Ясный взгляд, полный решимости!.. Красят его густые волосы на голове и чёрная, как мекканская ночь, борода! И сросшиеся брови как знак неразделимости дум и дел, помыслов и свершений. Он отзывчив и сердечен и, говоря с собеседником, смотрит ему прямо в глаза, не отворачивая взора, с доверием. Всего лишь, говорят о нём злопыхатели, погонщик верблюдов! Но чей погонщик? Хадиджи! Самой красивой и уважаемой женщины Хиджаза!

Так вот: Мухаммед, ваш сородич, с нашей помощью сватается к дочери Хувайлида, — о нём в третьем лице, хотя он присутствует здесь, — принёс ей брачный дар: и то, что сразу представить надобно, и то, что надлежит внести позже, из моего добра. А в будущем о нём, я верю, разойдутся великие вести, ждёт его славная судьба».

И пока держал речь, думал, как умно поступил год назад, не выдав дочь за Мухаммеда, просил племянник, и не

только — и Хамза просил, ровесник Мухаммеда и дядя его, он же младший брат Абу-Талиба, умоляли его, чтобы разрешил Мухаммеду жениться на двоюродной своей сестре Фохите! Сказал ему, что найдёт богатую жену, всем подмога будет. Уже тогда была у него на примете Хадиджа, дочь Хувайлида из семьи Асада. И вот случилось: согласие получено, скоро свадьба, счастье, выпавшее на долю Хадиджи и Мухаммеда.

Свидетели сторон: невесты — дядя Хадиджи по отцу Ибн Асад, двоюродный её брат Варака ибн Науфал, жениха — двое дядей Мухаммеда, Абу-Талиб и Хамза, благословляющие союз: счастье, выпавшее на долю Хадиджи и Мухаммеда, который пригнал в отару Хадиджи, нет, подарил двадцать с половиной окий золота, что равносильно двум десяткам молодых верблюдов. А на свадьбу зарезал у входа в дом крупного верблюда, и мясо роздано бедным.

Жена подарила мужу раба Зейда, юношу из племени калб, захваченного в детстве во время набега и проданного в рабство (Мухаммед вскоре торжественно освободит его перед Каабой и объявит своим сыном). Хадиджа к тому же, узнав о намерении Мухаммеда отблагодарить кормилицу, дала ей сорок овец и верблюда для езды.

Разница в годах? Но разве она заметна? Будто ждали друг друга давно, и Хадидже суждено быть женой Мухаммеда.

Но столько толков вызвала женитьба: что была намного старше, польстился, мол, на богатство старухи!

Старуха? Она — быстрая, подвижная и горячая?!

— В присутствии женщин, — говорил Мухаммеду Хамза, — ты оживлялся.

— Не отказываюсь: всегда восхищался совершенством женских тел, эти плавные линии плеч! Гладкие руки! Изящество и гибкость стана, мягкий взгляд... Я прав?

— Про брови не забудь, про губы, углём нарисованные будто.

— А дома о женщинах говорили: мать моих детей, и ничего более.

— Мой брат, а твой дядя хашимит Абу-Лахаб тоже?!

— Как могут ужиться: убийство собственных дочерей и любовь к матери дочерей, к своей единственной обожаемой женщине Умм-Джамиль?!

— Готовая по первому же хотению мужа оголиться и лечь в ожидании!

— Пригодная лишь для этого! Рожала, смиряясь с участью убиенных!

— Женщина прекрасна, когда... — перебил, зная, что последует:

— Но учти: обнажаясь, женщина с одеждой совлекает себя стыд!

— И потому укрыть её с головы до ног?!

— В одеянии женщина полна тайны, мужчины оказывают уважение!

— Но всю-всю спрятать, явив лишь лик?

— Велик мужской соблазн!

6. Увлекла вас охота, или О том, что имя *Мухаммед* — частое в устах Хадиджи, и никто ни до, ни после не вкладывал в это имя столько нежности, как она: «Произношу, — пошутила однажды, — чтобы не забыть, как тебя зовут, такое редкостное имя!»

— Ты сильный, — сказала на рассвете, будто *это* у неё впервые, и у Мухаммеда покой на душе, что есть его дом, есть его жена. *Моя жена!*

— Мужчине и подобает быть сильным! — ответил. — Я такой с тобой.

— А с другими?

— Стёрлись из памяти... — А ведь ничего не было!

Недоверчиво посмотрела. В Мухаммеде есть нечто такое, чего не было ни в её мужьях, ни в тех, кого знала, и этим дорожила, боясь, что обманется.

А вдруг её волнует только его молодость?

— Руки у тебя ласковые!

— А ты красивая, — сказал просто, но восприняла, будто не о ней.

— Мне это и раньше говорили. — И тут же: зачем она ему об этом?!

— И молодая.

— Правда?.. — Упоминание о мужьях, уловила, неприятно ему. — Я тебе верю. Верю, но и боюсь.

— Боишься? — удивился Мухаммед. — Но чего?

— Что ненадолго наше счастье.

— О чём ты? Что может нам грозить?

И она вдруг, *не надо бы!* — о годах. *Нет, не будет утаивать!*

— Я с тобой не чувствую годов, будто моё первое замужество.

— Был год Слона... — с чего-то произнёс Мухаммед.

— Да, ты тогда родился. — И подумала: *Для меня.*

Любовь была щедрой, как продолжение свадьбы, нескончаемой, как праздник: Хадиджа сразу понесла, и с точностью до дня, когда подоспело время, родила сына, назвали Касымом. Всегда в Аравии — только ли здесь? — рождение мальчика — событие: сын-первенец, наследник, продолжатель главной линии — мужской.

И в его честь соединяются имена сына и отца: *Абуль Касым Мухаммед*, или *Мухаммед — Отец Касыма*. А также матери и сына: *Умм аль-Касым Хадиджа*, или *Мать Касыма*.

Праздник и у дяди-отца: у Абу-Талиба третий сын после Талиба (имя первенца легло в основу собственного: Абу-Талиб, или *Отец Талиба*) и Агила от молодой и любимой жены родился, — Джафар. Детей у него много, прозвали *Многодетный Абу-Талиб*: от двух жён шестеро сыновей и пятеро дочерей; ещё тещи, а у одной из жён бабушка жива — как прокормить всех?

А у Мухаммеда и Хадиджи — недолгая радость: не дождалась, когда сын сможет подняться на ноги, жил лишь несколько месяцев. Кого прогневил?

Ждали: родится сын, появилась дочь, дали ей имя Ру-гийя.

Помнить, Хадидже тридцать девять, а Мухаммеду — двадцать семь.

От траура по сыну идут раскалёнными песками. Вглубь и вглубь того, что покрыто забвением? Добраться бы до ясных и чётких времён!

А дочь растёт.

Вскоре — сын! Думали назвать... — да прожил всего лишь день!

Следом — дочь Зейнаб. Крепышка!

Счастье — иметь дочерей, дядя Абу-Лахаб бы услышал: живьём дочерей закапывал, яма глубокая, дабы плач заглушить, — бросали, завернув в тряпицу, на самое дно.

И разровняли — никаких следов. В оправдание убийства дочерей — *благая мысль*: мол, уравновесить мужчин, ибо их убыль в боях, и женщин. У мекканцев высшая *родовитость* — обладание достоянием и сыновьями.

Узнали в роду, когда Абу-Лахаб затеял второе погребение, готовый в гнев живьём закопать и любимую жену, если та воспротивится.

«Не отдам! Не отдам!» — кричала Умм-Джамиль. В ушах по сей день её вопль. Чтобы припугнуть, поволок он жену

к краю вырытой ямы. Отпрянула, лишившись чувств. Абу-Лахаб прижал её, опустошённую после родов, к груди и, целуя в солёные губы, унёс на руках домой.

«Жертвы мои окупятся!»

Каждую ночь допоздна он предавался исступлённой, неумённой страсти, доводя жену до обморока. И стали один за другим рождаться сыновья — даже раньше, чем у Абу-Талиба.

Увы, после всего, что случилось, Мухаммед выдаст двух дочерей — Ругийю и Умм-Гюльсум за Атаба и Атиба, двух сыновей своего дяди-врага Абу-Лахаба!

... Упоены наслаждением.

Что ж *такое* прячется в женском теле, когда избранница любима?

Хадиджа никак не насытится любовью, с каждым родом молодеет. Сына ждать, сына! Но так ли это важно: девочки тоже его дети!

И сын родился! Не спешить с именем? День... два... три... неделя! Не успели дать имя Теюб, как... — отчего, кто скажет, боги уносят сыновей?!

Дочь родилась, третья, Умм-Гюльсум, так и чередуются: дочь — сын! Дочь живёт, сын умирает, нескончаем траур в семье.

Нафиса ей, Хадидже:

— Чем я могу утешить тебя, что сказать? Да, великий дар у тебя рожать мальчиков, не каждой мекканке удаётся! Но почему они умирают? Молись своей богине Мануту!..

Но дочери вокруг, и что бы ни случилось: ясны небеса!

...Хадиджа опять беременна. Может, на сей раз сын?

Новый друг у Мухаммеда на караванных дорогах — торгуют на паях кожами: мекканец Абу-Бакр. Впрочем, не новый: знакомы с подростковой поры, к тому же родственными узами соединены — из курайшского рода *максум*, моложе на три года, что поначалу было заметно, да ещё когда встретились в первый раз и тот представился Абу-Бакром, Мухаммеда это рассмешило: ведь *абу* — это *отец*, а *бакр* — *верблюжонок*.

«Отец верблюжонок? А где же твой верблюжонок?»

Не по возрасту сметливый Абу-Бакр (тогда ему было лет десять), поняв шутку, улыбнулся и по-взрослому ответил вполне рассудительно:

«Так меня называли мой отец Осман Абу Куфаха и

мать, — тоже её полное имя произнёс, — Умм аль-Хайр Сальма бинт Шакр».

Пойдёт рядом с Мухаммедом до конца дней его. «Ты надёжен в братстве и мудр в советах, дружба с тобой — моё богатство», — скажет ему Мухаммед.

К двум друзьям присоединится потом третий, это Варака, он постарше и поопытней их, приобщён к неким книгам, которые называет Писанием.

...Уже давно Мухаммед женился, а они — и Абу-Бакр, и Варака — пока холосты, точно опасаются, что женитьба ослабит их братский союз... Варака так и не женится, поздно уже, а Абу-Бакр... — нет, не скоро, в канун выхода Мухаммеда к мекканцам с открытой проповедью. А пока... — И движется ночь, и заря с десятью ночами, и сиянье... — строки услышанные или рождённые доселе неизведанным чувством близости возникают, тут же уходя в звёздную ночь, растворяясь в небе.

Всё иное — но что оно, иное? — притаилось в глубинах, невыговоренное, ждёт, когда прорвётся. Ты не поймёшь — и ты, и ты!

Мухаммед слышал в детстве о том, о чём вскользь сказал Варака, в устах матери: Некое единое Божество. И что в уединении с Ним — высшая страсть.

Абу-Бакр заговорил о купеческих делах, об удаче, недавно выпавшей на его долю: выгодно продал кожу и шерсть, вывезя их в тюках чёрных, белых и золотистых, а привёз пёстрые ткани, а также ценящиеся здесь бусы, серьги и кольца, которые быстро раскупили.

«Но зачем тебе столько золота и серебра? — не то спросил, не то укорил его Варака. — Семьи у тебя нет, детьми не обзавёлся. На что думаешь деньги свои употребить?» Мухаммед и Абу-Бакр удивлённо слушали: куда тот клонит? «Мне тут недавно купец из Бизанса подозрную трубу предлагал, богатство бедного, говорит, гордое одиночество с подозрной трубой, много денег за неё просит, может, купишь?»

«Куплю, чтобы подарить тебе!»

Кстати, Абу-Бакр так и поступил, и Варака до конца дней не расстанется с подозрной трубой, часто будет вглядываться в ночное небо, словно желая что-то разглядеть там, дабы избавиться от некоего сомнения, но какого?!

Так и умер, но это не скоро, по пути в Бизанс во вторую туда поездку, с подозрной трубой в руках — лежал, прижав её к бездыханной груди.

Строки элегические, странны, тревожат Хадиджу. Может, слова любви, идущие в караване иных настроений? Втайне записала на желтоватом клочке телячьей кожи, приготовленном для письма, *пергаменте*, и спрятала в шкапулку, благодарная старцу-учителю Пур-Сарраджу, который научил её *месопотамскому* письму, рождённому в Хире, предшественнице Куфы, что назовётся позднее *куфическим* письмом. Почерк (о том уже было) приземистый, буквы прямолинейные, угловатые. Научил также и новому *мекканскому* письму, округло-криволинейное.

«Письмо, — говорил старец, — это то, что может читать-ся, если ясно выведены буквы. А написать — то же, что постичь половину знания! Мысль! Звук! Знак! — Торжественно провозглашал: — Священнодействие! С богами общение! Да, три достоинства, нам данные: мысль — то, что здесь спрятано, — показал на голову, и здесь — показал на грудь; потом речь, которой выражается мысль, а третье — письмо, хранящее мысль и речь! Я служил каллиграфом в Nabateyskom государстве, был учителем будущего гассанидского царя Хариса, познал роскошь столичной жизни!..»

А поведав о долговечности писем на папирусе, коже оленей, овец и телят, лопаточной кости верблюжьей или бараньей, спрашивал:

— Что надобно писцу? — Сам же отвечал: — Перо тростниковое, или калам... нет, я о пере обычном, которым пишут, а не священном.

— А разве есть такое? — спросила.

— Пером небесным, или Божественным, озаряется всё, что воспринято и освоено из ниспосланного Свыше. Знание узнанное, прочитанное открывается лишь тому, кто стучится у врат сокрытого. Но и не дремлет Бог зла!.. — но ушёл от разговора о зороастризме с его двубожием. — Так вот, кроме пера, писцу надобны нож перочинный, чернильница, мешалка, чернила и пергамент. — И наказывает про калам: — Держать всегда отточенным, кончик должен быть расщеплённым, и, если сегодня был в употреблении, завтра очинить, дабы влажность вчерашних чернил сошла с него полностью; в чернильнице перочинным ножом и каламом не помешивать, чтобы оставались острыми, иметь для этого мешалку — пластинку из кости; надобно добавить в чернильницу для благовония немного мускуса или розовой воды, иметь тряпочку для вытирания кончика калама, а чернила должны быть не густыми, а текучими и блестящими, дабы писец не утомился при письме.

Их много в Аравии, поэтов: каждый третий хиджазец, а из бедуинов — чуть ли не каждый второй мнит себя *шаиром*, якобы владеющим тайной вещего слова.

Шаир и означает *вещий*.

Волшебство заклинания?

Мелодия мерной езды на верблюде. И стих подгоняется под убаюкивающий или, напротив, обрывистый, ибо учащённое дыхание, темп скачущего всадника. Может, слово в подмогу — напевы погонщиков?

Варака нелестно отозвался о *шаирах*: сочинения, мол, даже *вредные*, ибо воспевают утех.

Тут и начинаются споры, в которых участвуют Варака и Хадиджа. Она знает стихи поэтов *наизусть*.

Абу-Бакр, далёкий от поэзии, но ценящий меткое слово, — недаром, если спор, зовут его — рассудит по справедливости. А сны разгадывать, найти и выразить многозначный их смысл, — тут Абу-Бакр незаменим.

Мухаммед вдруг неожиданно спросил у Вараки:

— Что тебе ведомо о наших ранних свитках?

— Наших? — удивлённо глянул. — Разве ранние свитки наши?

— Чьи же?

— Иудейские! И называются Пятикнижием.

Ответил, как показалось Мухаммеду, с вызовом: мол, толкуешь о праотце, не ведая, что свитки потомков — не наши, а чужие.

— А что у нас?

— У нас, как известно, *шаиры*, которые... — умолчал, лишь рукой покрутил в воздухе, что могло означать *удаль* или *веселье*.

— Но разве, — вступила в разговор Хадиджа, — поэты лишь удовольствия воспевают?

— Ну да, воспеть коня или верблюда, это называется *васф*.

— Надёжны и преданны человеку в минуту опасности!

— Но и стихи *тар*, зовущие к кровной мести! — атакует Варака.

— А описание горестей и страданий? Стихи, оплакивающие погибшего в бою друга, женскую беду? Столько в строках скорби, печали, помню, даже у тебя они вызвали слёзы! — И произнесла, к удивлению Вараки и Мухаммеда:

Увяла без тебя! Зачем мне пышные наряды? Для чьих очей цвести? Будь у меня трава забвения, её в саду б я развела, но и тогда не смогла его забыть!..

Варака, оказывается, восхищался стихами Абузара и Аниса на состязании поэтов, это вроде как пить вино, пьянея не от напитка, а от любви к *Ней, Возлюбленной*. И описание *Её* божественного стана, сводящих с ума бёдер и завораживающей впадины пупка, — такие стихотворения называются не то *насиб*, не то *хамр*. И тотчас ополчился на Бизанс: безмерно привержены, видел и дивился, к мирским прихотям и слабостям, помпезности и чревоугодию. Резко меняет тему: *вот, дескать, как звучат премудрости Соломоновы*, увлечён переводом *Пятикнижия*, старается быть точным, зная, как некогда мудрецы объявили траур по поводу перевода *Торы-Таврата*: мол, «кто даёт буквальный перевод Писания, тот лжёт, а кто неточный — тот кошунствует!».

Так вот: Подлинно суетны те, кто не ведаёт о едином Боге. И почитают за богов тех, кто правит миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звёздный круг, или бурную воду, или небесные светила... Ещё прочесть или достаточно? — Явный намёк на Хадиджу, она верна богине Мануту, и Мухаммеда, почитающего идола Аллаха, отца Мануту.

— Читай, если готов отречься, — сказал Абу-Бакр, — от веры предков.

— Точь-в-точь как в Премудростях Соломона: Но более жалки те, которые называют богами дела рук человеческих: изделия художества, изображения животных, негодный камень — дело давней руки. Дерево кривое и сучковатое, округлённое на досуге и уподобленное образу человека. И тленное названо богом!

...Абу-Талиб к ним явился с радостной вестью: жена четвёртого сына родила, ещё не обрёл имя и просит, чтобы Мухаммед назвал.

— Будет Али! — предложил Мухаммед.

— *Высший*?!

— Даже *Наивысший*!.. Нет, вижу, ты насторожился, богов дразнить не станем, лишь *Возвышенный*, мой родной, — но не сказал *двоюродный*, — брат.

Очень запутанно, кто кому кем доводится: братья — отец Мухаммеда Абдулла и Абу-Талиб женаты на двоюродных сёстрах, поэтому сыновья Абу-Талиба, и новорождённый Али, доводятся Мухаммеду по отцовской линии двоюродными братьями, а по материнской — братьями троюродными.

Ещё одна мамина сестра была замужем за Абдул-Мутталибом, дедом Мухаммеда, а потому сам Абу-Талиб по материнской линии является двоюродным братом Мухаммеда, и дети Абу-Талиба, такой клубок уз родства, — ещё и троюродные его племянники.

Путаница не только с людьми, с божками тоже: какой-то из них, запамятовал, сочетался с собственной матерью, она родила ему дочь, на которой он впоследствии женился.

А разве не случалось подобное с пророками? Лут, он же Лот, когда погибла жена, обратился к дочерям в жёны, дабы не прервался род человеческий!

Отвлеклись! Оказывается, просьба у Абу-Талиба, чтобы *богатый племянник* взял на попечение Али и вырастил его. Мухаммед услышал в предложении Абу-Талиба: *Утолишь тоску по сыну*. А другого сына Абу-Талиба, Джафара, согласился взять в свою семью брат Аббас.

Мухаммед словно примирился, что он — отец дочерей, любит их и в каждой чтит женщину. И мать своих дочерей любим.

— Чувствую себя с тобой, — Халиджа Мухаммеду, — будто мне восемнадцать и ничего прежде не было. — И тут же: — Кто я тебе?

— Ты дочь моя. — Ей нравится, она поделится с подругой, та скажет ещё кому, и вскоре вылетит из чьих-то уст: «Он одержимый, меджнун!...»

— А ещё я кто тебе?

— Сестра и друг.

— Подруга — это точнее. Даже... — подумала было сказать, что *мать* она ему, но смутилась и перевела разговор в шутку: — Так что, — голос звонкий, — всегда слушайся меня!

Скорая, вся — движение, глаза светятся радостью.

— Я тебе ещё сына рожу! — убеждена. — Но надо щедро одарить, чтобы умилились, мекканских богов!

Из давних её намерений, когда вторично замуж вышла: восстановить сообща Каабу, одной не под силу. Забор в человеческий рост надо расширить, укрепить и поднять: паломников порой негде разместить. Песок разъел стены, обветшали, люди не помнят, когда храм подновлялся, нельзя гневить богов.

Лёгко сказать: отстроить Каабу! Столько надобно динаров, окий, дирхемов! К тому же ограбили храмовую казну! Это в недавнюю бурю случилось — разразилась над Меккой, вызвав панику. Кто-то, суматохой воспользовавшись, проник в колодец, где в особом ответвлении прятали драго-

ценности Каабы, и выкрал их. В бурю был также выброшен на берег потерпевший крушение в порту Джидда близ Мекки торговый корабль византийцев, — может, кто из матросов украл?

Но как грабитель мог успеть? Надо и знать, где казна!

Спохватились не сразу. Тень подозрения пала на каждого.

У Абу-Талиба отнялась речь, не ел, не пил, истязая плоть.

— Что ж, такова участь покинутого Богом храма *полидемонистов*, — Варака привёз это мудрёное слово из Бизанса: мол, беда ниспослана в наказание многобожцам! Ибо сказано: *И горе всем, если Я покину Храм!*

Тогда и соединились, следуя одно за другим: невозможность долее терпеть ветхость Каабы, и Хадиджа заметила, что сон Мухаммеда — *вещий*.

7. Излучающие весть: то ли услышанная одинокая строка, неведомо почему и откуда возникшая, то ли разгадка сна Мухаммеда.

Приснилось: стоят у обветшалых ворот Каабы понурые праотец Авраам и его сын Измаил, — мекканцы часто вспоминают предков, дабы прекратить раздоры. Мухаммед, помнит, подумал: *Не хотят войти в храм!*

— Это и есть наша святыня Кааба?! — в недоумении говорит Измаил отцу.

— Да, — вздыхает Авраам. — Некогда построенный храм-шестигранник! — Это именно слово: *шестигранник*. Печаль во взоре праотца! И молвил сыну, показав на Священный камень: — Увы, почернел белый яхонт, ниспосланный некогда праотцу Адаму.

— Но камень всегда был чёрный! — робко возражает Мухаммед.

— И ты меня будешь учить?! — вскричал Авраам. — От людских пороков он почернел! — недовольно нахмурился.

Мухаммед смущён, растерян, приглашает их внутрь, умоляет, те не двигаются с места, не слышат, казалось бы, его.

— Нет, — голос Авраама непреклонен, — уйдём! Здесь неуютно!

— Мы вас так ждали! — обидно Мухаммеду, вот-вот расплачется, что не находит нужных слов. — Мы на вас надеялись!

— Правда? — Измаил вдруг обрадовался.

А отец упорно молчит.

— Ну да! — обретает Мухаммед уверенность.

— Пригласить в развалины?! — не сдержался Авраам. — Омрачить наш дух? Даже крыши над головой нет!

— Мы...

Но не даёт ему Авраам договорить:

— А камень, на котором отпечаток ноги моей, — где он?

— Вот же! — показывает Мухаммед.

— Где?!

Смотрит Мухаммед — нет на месте камня!

— Да будет тебе ведомо, — сердится Авраам на Мухаммеда, — что камень служил мне подмостком, и я поднимался по мере того, как возводились стены храма! Куда вы подевали этот камень?!

— Наши богатства украли... — Авраам, не стерпев, снова прервал его:

— Смеешь рассказывать, что нищи, нет у вас денег?! Я, — с укором глянул на Мухаммеда, — ни от кого никогда не взял ничего, от нитки до ремешка обуви, чтобы не сказали: «Я обогатил Авраама!»

Сон как явь: в окно смотрел молодой месяц. Проснулся и уже не мог уснуть. Проснулась и Хадиджа. Видение? Но умолчал про *Чёрный камень*, ибо увиденное во сне расходилось с услышанным от деда: как Авраам мог не знать, что известно всем мекканцам: чёрный камень был ангелом-хранителем, приставленным к Адаму в раю. И превращён, наказанный, в камень, ибо не углядел за ним, и низвергнут на землю и чудодейственно спасён Джабраилом при потопе, отдан затем Аврааму, и он вделал камень, светивший в ночи, точно луна, в угол внешней стены Каабы. Белый и блестящий камень был виден на расстоянии четырёх дней пути до Мекки. Но постепенно почернел от поцелуев и прикосновений грешных губ и рук. Верили, что в день Страшного суда воскреснет как ангел и защитит всех, кто целовал его, окаменевшего.

— Кааба, — сказал Абу-Бакр, — утратила первозданный вид, и твой сон указал выход.

— Хватит ли сил восстановить?

По преданию, дед рассказывал, Кааба имела величественные ворота на восток, где Иерусалим, и на запад, они назывались *Лунными* и *Солнечными*. И развалин от ворот не осталось.

Абу-Бакр ушёл, Хадиджа — Мухаммеду:

— Я часто думаю про Хаджар, как обрадовала Ибрагима, родив ему сына.

— И ты родишь!

— Я?

Не так её понял. Нет, я уже не рожу! — про себя. И чуть что — про сыновей умерших, особенно о первенце Касыме.

— Вот восстановим Каабу!..

Одно за другим — случайные совпадения: разобрать потерпевший крушение византийский корабль, выкупить, собравшись родами курайшей и окрестными племенами, корабельные балки и мачты, привлечь к работе матросов, заняв их делом, и — начать восстанавливать храм. Судьбе было угодно ускорить восстановление храма — пожар случился, потушенный ливнем, и сель довершила начатое дождём: высилась отныне Кааба полуразрушенным уродливым остовом.

Но кто осмелится навлечь новый гнев богов, начав доламывать невысокие, в рост человека, старые стены? Валуны, сложенные кое-как, их надо заново установить, возвести новые высокие стены, покрыть Храм крышей. И разросшийся вокруг терновник вырубить.

Кто не побоится притронуться к тому, что осталось от Каабы? Нашёлся смельчак! Валид бин Мугира: *Боги*, — обратил взор к небу, — *мы не желаем вам зла, хотим только добра!* Взяв кирку, стал ломать стену между Чёрным камнем и йеменским углом, топором вырубил терновник.

Но решили ночь переждать: если за дерзость будут наказаны — перестанут ломать, пусть Кааба останется такой, какая есть. А если... Боги, похоже, были довольны. Бросили жребий, кому какие стены рушить, чтоб вовлечь все роды курайшей (поровну и грех!). Каждому выпала сторона, куда смотрят их кварталы: напротив входа — жилища родов абдманаф и зухра; к юго-восточной стене роды тайм и максум примыкают; к юго-западной — сахм и джумах, к северо-западной — абдаддар и асад.

Разобрали, разрушили, а когда дошли до основания, увидели камни зелёно-серого цвета, похожие на верблюжьи горбы. Кто-то воскликнул:

— *Камни, положенные Авраамом!*

Стали возводить стены — из перемежающихся рядов камней и деревянных корабельных брусьев.

Вход подняли вдвое, чтобы был выше человеческого роста, до восемнадцати локтей, стал выше роста человеческого.

Впервые Храм получил крышу, её поддерживали шесть деревянных столбов, — изрядную тут сноровку проявил корабельный плотник.

Изнутри стены были оштукатурены и покрыты росписями (их стёрли впоследствии, признав чужеродными, *византийскими*).

Спор возник по завершении стройки из-за священного Чёрного камня — он при строительстве был вынесен и укрыт в доме Мухаммеда. Камень издавна покоился внутри и считался ключом к Храму Небесному. Прежде камня была жемчужина, может, белый яхонт? Основа всего сущего! Первое, что сотворено на земле. И жемчужина, якобы Абдул-Мутталиб говорил, почернела от прикосновения «нечистых женщин».

Людских пороков! — вспомнил Мухаммед сон. — Женщины ни при чём!

Спорили мекканцы: кому, чьему роду внести в Храм и установить на своём месте чёрный камень? Клялись, доказывая друг другу, чей род древнее. Перессорились, осыпая друг друга оскорбительными выкриками. И, ни до чего не договорившись, разошлись, настроенные воинственно и готовые драться.

А пока выжидали, тот же Валид подал голос: он ломал стены, когда боялись потревожить даже кустарник, ему и войти первым! К тому же их род Абдалдар почитаем в Мекке, и направился к камню.

— Род твой ни при чём, — кто-то ему из толпы, — все роды достойны, а ты хочешь замолишь грехи свои.

Оглянулся Валид — Хамза! С ним лучше не спорить, отличается недюжинной силой, но заметил:

— Какие у меня грехи?

— Первый, что кичишься богатством! Деньгами хотел откупиться, зная за собой грехи и продолжая их творить, мекканцы могут свидетельствовать! Или сказать, как над рабом своим измываешься? — Толпа зашумела, всем известно, что когда мекканец, принявший на себя грехи Валида, явился за деньгами, тот выдал ему лишь самую малую часть: — Нарушил слово, недопустимое в среде купцов, и это грех второй!

Но тут к мекканцам вышел Мухаммед: — Не спорьте, и пусть тот, кто недополучил обещанное, сочтёт, что одолжил их Валиду. И помнил: если должник не может или не хочет в срок расплатиться, ждать терпеливо, когда сможет или захочет.

— А если не дождётся? — недовольно спросил Хамза, уловив в словах молочного брата прощение Валиду.

— Тогда обратит долг свой в милостыню!

Толпа одобрительно отнеслась к услышанному, и Мухаммед, воспользовавшись наступившим миром, подсказал, как разрешить спор со святыней: велел рабу Мейсару расстелить на площади широкий палас, вынес и положил на него Чёрный камень.

— Теперь, — сказал, — пусть представители всех родов курайшей подойдут ко мне, возьмутся за края паласа и сообща внесут священный камень в Храм!

И новый титул к прежним *Благоразумный* и *Справедливый*, обретенный Мухаммедом за подсказку: *Надёжный*.

Чёрный камень будто ожил, когда установили его, — шестигранник, а подставка держалась на шести колоннах.

Тут и пропажа обнаружилась — в лачуге только что умершего нищего, который уже многие годы выклянчивал подавание у паломников: на площади перед Каабой испустил дух. Но те ли это были золотые монеты-таланты, римские динарии, имевшие хождение и в Аравии? Те ли серебряные ваги? И множество, как подобает быть в казне нищего, медных ассарий, были и лепты, и кодранты.

Восстановление Храма совпало с рождением дочери.

«Она появилась в особенный год, — сказал Хадидже. — Назовём звёздным именем *Фатимейи-Зохра*, или *Фатима*».

Мухаммед шел в Каабу, довольный жизнью и собой в этом мире. У него есть дом. Есть любимая жена Хадиджа. Он уважаем в родном городе. Дочери есть. Особенно дорога Фатима.

Но и Зейнаб, Ругия, Умм-Гюльсум — тоже твои дочери!

Как же без них, и они любимы!

Построили, восстановив, *Солнечные* и *Лунные* ворота Каабы. Покрыли Храм крышей. Вокруг возвели ограду в рост человеческий. Но ощущение, что кому-то она помеха. Кто-то постоянно её рушит, пытаясь через неё перелезть. Никак не избавится Мухаммед от навязчивой поговорки, что родилась: *Кто разрушает ограду, того непременно ужазит змея*.

Вдруг чей-то явственный голос: — Время придёт, крова лишишься! — Но тут же следом: — Но времени уже не будет!

Произнёс невольно: — Но вот он я, и вот оно, время моё!

Кто-то коротко хохотнул: — Его уж нет, времени твоего!
Вперёд глянул — никого. Налево и направо — ни души.
Повернулся назад — пустынно. Громко произнёс, чтобы услышал *неведомый*:

— Что ж, все умрём, покинув этот мир. Уйдём из дому.
Я тоже.

Но тот же голос: — Не о смерти речь веду!

Не успел ответить... — но кому отвечать?!

— Тебя, живого и сильного телом и духом, зрелого в мудрости, обвинят в безумии, изгонят из родного города! И камни будут вслед тебе бросать, кишки верблюжьи! И колючки под ноги, чтобы поранился!

— Кто ты, покажись! Кто кличет мне беду?! — Согбенная старушка зашевелилась у забора! Точно с неба, из-за туч свалилась.

— Ты это пророчествуешь?

— Я помалкиваю, да видно мне, что ждёт тебя.

— Но я слышал!

— Не знаю, что услышал ты, — тихо прошептала и закашлялась, поперхнулась, но вдруг... Преобразилась вдруг! — Да, мои слова слышал! Тебя изгонят, ибо взором чист!

— ?!

— Здесь, в Мекке, посеется семя недоброе. И произрастёт оно, это семя, гневом и злобой к тебе!

— Что скажешь ещё?! — Недоволен, что заговорил со старухой. Но и не верить ей опасается. *Кто-то, принявший облик её?*

— За плечами твоими широкими вижу... Кого б ты думал?

— Ангелов?

— Они у каждого, — и, к удивлению Мухаммеда, назвала даже их имена: Атид и Ракиб, — записывают дурные и добрые дела его.

— Так видишь ты кого?

— Не знаю: такого, чтоб плечи излучали свет, припомнить трудно.

— Всё потому, что за спиной у меня лучи закатного солнца!

— Я не слепа, обычный свет не спутаю с небесным!

— Свет солнца и есть обычный свет, но он и небесный.

— Не запутывай меня, а слушай, что говорят тебе!

— Но кто ты? Тебя не видел прежде я. Рабыня ты? Но чья?!

— Я — это ты!

— Старуха?!

— Но кто тебе сказал, что встретил ты старуху? Старик — ты сам!

Мухаммед, всё нутро его тряслось, заспешил домой, пред глазами играли слова из причудливо сплетённых букв, изображали чашу или пиалу, ею черпал воду из колодца Замзам.

Хадиджа глядела на укрытого одеялом мужа и вспомнила, как он сказал ей (возвращались как-то с поэтической ярмарки) про *живительную воду*, что собирается в колодце Замзам и не иссякает с той поры, как колодец был очищен дедом Мухаммеда — Абдул-Мутталибом.

Хадидже услышалось: Тоска по сыну! Стало грустно. И жаль мужа.

В полубреду, рожая нового ребёнка, Хадиджа молилась услышанными строками, от них веяло тревогой. И — новой надеждой: мальчика родила!

Но о том, что вскоре он умрёт, как умер их первенец Касым, и что родившийся — последыш, Хадиджа не ведала. Месяц-другой сын носил имя отца Мухаммеда, *да отдаст Абдулла лета свои непрожитые внуку!*

Но снова, как прежде, смерть, и она пришла в отсутствие Мухаммеда: он был в караванной поездке. И похоронила без него. Пусть боги объявят: за что им такое наказание? За какой грех губят её детей, обращая их в прах? И зачем позволяют зачать, чтоб родились, и не губят во чреве, прежде чем дитя родится? Не будь многоречивой, Хадиджа, — услышала будто Мухаммеда, — ибо во множестве слов нет правды! Неведомый промысл богов?

— Боги *видимые*, — именно это слово подчеркнул Варак, — ни при чём: камни ни сном ни духом не ведают о горе. Таково повеление единого Бога!

— Но гнев за что? — Хадиджа вст-вот зарыдает.

— Это Его тайна. Но, может, и некий знак нам подан!

— Не болел, на ногах стоял крепко... — Расплакалась. Смерть потрясла повторяющейся нелепостью. Думы, уводящие, точно ступени, но куда? В звёздное ли небо, в подземный ли мир, где мрак и ужас? Девичьими — его дочерей! — голосами заполнен дом. Растут, их трое, нет, четверо! Зейнаб, Ругийя, Умм-Гюльсум. И Фатима. А с Хадиджой — пятеро любимых женщин.

При Мухаммеде всегда Али, брат двоюродный, почти сын, ему уже десять. Смышлён, иногда скажет не по воз-

расту мудрёное, Мухаммед изумляется. Недавно, когда пошёл разговор о бедности Абу-Талиба, вынудившей его отдать сыновей своих брату Аббасу, а его, Али, Мухаммеду, выпалил вдруг: «Если бы бедность была человеком, я бы убил её, эту бедность!» А вчера Али возьми и скажи Мухаммеду: «Когда ты споришь с понятливыми, можешь их убедить, а когда с *джахилом*, невеждой споришь, не пытайся убедить!»

«Да, — ответил Мухаммед, — времена *джахиллы* продолжают на аравийской земле! — Помолчав, добавил: — Увы, *невежество* неистребимо, и, помани мои слова, худшее — впереди!»

Рабыня Хадиджи однажды сказала госпоже, что на мекканском базаре Мухаммеда *бездетным* прозвали и оттого, мол, порой слетают с уст его непонятные слова, точно одержимый их произносит. «Как так бездетный?! — возмутилась я. — У него дочери есть! И в Али видит сына!» А они мне... — Замолчала: известно, что ей могли ответить, если нет в семье собственного, своего сына, который бы продолжил, это так важно в арабском мире, род по мужской линии. Правда, и по сию пору к Мухаммеду обращаются по кунье, или сыну: Эй, Абуль-Касым! — Отец Касыма, хотя сын, нет в том ни для кого секрета, давно умер. И потому не всегда уловишь, с каким умыслом его так называли, мало ли злопыхателей и завистников, и по привычке уколоть бездетностью.

Хадиджа не сразу решилась. Слышала про Сарру, жену праотца Авраама, и вроде бы невзначай обронила: — Я больше не рожу тебе! — А в голове вертятся слова Сарры: Бог лишил меня плодородия. Тут же возразила самой себе: Но я рожала!

— Знать не можешь, — ответил Мухаммед. — Да помогут нам богини!

Хадиджа почитает Мануту с девичества, и когда осознала себя женщиной, и долго ещё, даже после того, как уверует в Единого Бога, втайне и до конца дней своих будет молиться богине. Ни слова о годах. Но так ли важно: случилось, что в сто рожают!

— Ведь зачала от столетнего праотца девяностолетняя жена? Неужели, — говорил, — от столетнего будет сын? И обрати внимание: говорил, смеясь!

Хадиджа упрямо настаивала: — Тебе надо иметь наследника.

— Я участью своей доволен.

— Не в этом дело.

— К чему тогда весь этот разговор?

— Ты знаешь, что хочу тебе я предложить! — И не дав возразить: — У меня есть на примете молодая, красива и крепка, я ей верю. Её и приведу к тебе!

— Говоришь почти словами Сарры: «Пойди к рабыне моей!»

— Вот именно!.. Даже совпадение есть, она, как Хаджар, египтянка.

— Ты хочешь, чтоб у меня была вторая жена?!

— У всех есть...

— Ты и есть все мои жёны!

— Будет, как я решила, не возражай: родит сына, но матерью буду я!

И скажет той, кого изберёт: «Я хочу, чтобы ты родила ему сына!»

Неужто Хадиджа хочет отдохнуть и от ласк мужа! ей уже в тягость, порой мечтает остаться *одной*. Думала: *Та родит Мухаммеду сына, как некогда Хаджар Измаила, а потом я сама, как Сарра, рожу ему сына!*

Хадиджа отправила верблюжий караван в Аказ с нанятыми погонщиками (теперь знатны и богаты, и Мухаммед избавлен от необходимости ездить по делам торговли), там большой рынок и должны присмотреть новых верблюдов, решила впустить к мужу египтянку:

— Покинешь ложе задолго до рассвета!

Чтобы Мухаммед не видел, как юна и привлекательна?

— А если...

— Что бы ни случилось!

— Это у меня впервые, мне страшно!

— Он тоже не знал девиц. — Вспомнила неожиданно про свой страх и первое замужество, когда ждала: явится муж и *что-то* случится.

— С ним тебе будет хорошо! Но покинешь ложе затемно!

— А если дочь?

— Будет тогда у нас не четыре, а пять дочерей.

Надо непременно успокоить её: если войдёт она к Мухаммеду со страхом, он откажется, изучила мужа: если что не так — не сможет: впечатлителен. Искать тогда другую?

— Ни эта и никакая ни другая!.. — Мухаммед вторгся в их разговор и нарушил затею Хадиджи, чему, и сама не предполагала, обрадовалась. К тому же... — Хадиджа и впрямь родит седьмого ребёнка, мальчика, последыша. Назовётся Тахир. Но и ему суждена будет короткая жизнь.

И снова Хамза, их частые разговоры о женщинах, мол, почему не желает обзаводиться ещё женой, если... — но вслух не ранит, что сын умер.

— Я о другом, об одножёнстве твоём. У других не две, а четыре!

— Поболее даже!

Скуп? Или, за глаза болтали, не может?

Повторяли с ехидством, а то и глумясь над его словами: Жена, мол, не только для того, чтобы спала со мной и рожала мне детей, — друг она мне!

— Ты женщин любишь, это правда. Помню, часто говорил: Более всего на земле я люблю женщин и ароматы.

— Не женщин, а Хадиджу!

— Но в ней женщину?

— Не только! А и праведную жену!

— Да, слышал, как говорил: Видимый мир дан в пользование временное, и лучшее, что есть в нём — праведная жена! А однажды, ведь это был ты, при Абу-Талибе сказал: Женщины божественны! И вызвал его удивление, а потому добавил, чтобы не затевать спор, что полное наслаждение находишь всегда в молитве.

Да, Хадиджа... Но кто ведает, что будет завтра? Знал бы Хамза, сказал: После Хадиджи будет немало женщин в твоей жизни. Женитьбы твои!.. Чем больше жён — тем более почитаем, не так ли?

Хочешь услышать да или нет?

Определённость красит мужчину.

Не с нас пошло.

И первые люди Писания — ахля-ль-Китаб, полагали подобное.

И даже со времён фирауна!

Мне довольно было одной, ты знаешь.

На удивление даже той единственной, что была тебе верной женой.

Недоумевала Хадиджа.

И вторили ей — нетрудно домыслить — мекканцы.

Как-то говорил Мухаммед с поэтами племён, прибывшими Каабе поклониться, а потом участвовали в поэтическом состязании в местечке Аказ, на расстоянии дня караванного пути от Мекки.

До состязаний — единоборства силачей — упражнялись в искусстве верховой езды, метания копья, игры в мяч —

ударить так, чтоб мяч с луною встретился. Стрельба из лука — кто попадёт в цель. А ещё — сколько стрел выпустить, пока тень от солнца не увеличилась ни на палец, то есть пока не сосчитаешь до тридцати. Пять стрел? Семь? Или десять?

Однажды среди победителей оказался Хамза, молочный брат Мухаммеда, а по родословной, о чём не раз было, — родной дядя, чьи стрелы вонзились в сердце мишени, изображающей онагра, к тому же выпустил десять стрел!..

Мухаммеда и Хамзу учили орудовать мечом, кинжалами, палицей, стрельбе из лука. Чтобы всё тело было готово побеждать.

Скачки на коне, верблюде.

Прыжки через ров, с горы.

Спуск по крутому склону, почти наотвес.

Верхолазание.

Аркан — бросить и захватить: скольких жеребцов они с Хамзой заарканили! Точно так же, как копьеметание.

Состязались и в искусстве слова: кто кого переговорит, поразив голосом, пронзительностью взгляда, а главное — игрой метафор, чувственностью описаний, чтобы были и смех, и слёзы тех, кто внимает.

И стихи победителей, золотыми буквами написанные, о том было, но повторить не грех, вывешиваются затем на стенах Каабы, чтобы прочли паломники.

Разнородные хиджазские наречия, но все как будто говорят на схожем, да и строки... Подобны *чёрной ночи* волосы возлюбленной, а стан — это *гибкая ветвь*, жемчуг — слёзы, и щёки пылают, *точно отдали ей жар свой розы лепестки* (а у иного — *припечатались к щекам*).

— Послушаем и тебя! — обратились к Мухаммеду.

— Мне говорить не о чем. — Тут же: — Ваш хиджазский — это разнородная смесь, не вполне ещё язык, надо говорить по-курайшски!

— Язык бедуинов и есть поэзия! — ответил Абузар.

— Знаю, — перебил его Мухаммед, — о чём сказать хочешь, слышал тебя однажды: Мой друг Ааша сочинил в честь бедуина, у которого гостил, всего лишь двестише, и наутро явились к нему восемь сватов сватать восьмерых его дочерей! Но хиджазцу надобно избрать язык курайшей! К тому же сам Ааша был бедуином из племени курайшей!

— Яви образец! — снова Абузар.

Мухаммед промолчал, насупился.

— Скажи! — попросила мужа Хадиджа.

И Абу-Бакр стал просить, и Хамза!..

Но Варака — нет: неловко ему: скажет не то — засмеют!

Обвёл Мухаммед всех взглядом, полным недоумения, будто не понимая, чего от него хотят, и вдруг произнёс, будто само вырвалось:

Весть излучающие!

Умолкли поэты: не понимают, что-то таинственное. Ну а дальше?

И снова, лишь переставив слова: Излучающие весть!

Сказав, молча ушёл, а с ним — Хадиджа.

В недоумении поэты: вызов? глумление? тайна какая-то в молвленном? Брошенная им одинокая строка вскоре забылась, и ещё долго продолжалось состязание: кто кого поразит неожиданностью образов, на сей раз воинственных.

Победили стихи Абузара про мечи, падающие на врага, но уподобленные гибкостью цветным платочкам в руках играющих детей. И этот контраст, как ни было Абузару странно, пришёлся внимающим, настроенным на боевой клич по душе, особенно финальная строка:

Одежды сражающихся, словно обмакнутые в кровь или вымазанные ею.

Вдруг строка, вырвавшаяся из уст Мухаммеда, заиграла, точно крылья птицы в лучах закатного солнца, над площадью.

— Может, — сказал Анис брату Абузару, — ощущение кажущееся?

— Ты о чём? — удивлённо спросил Абузар.

— Я о Мухаммеде. Строка всё ещё излучает весть! Будто вызывает к продолжению, какая-то тайна в ней!

— А может, — выразил Абузар сомнение, — никакой строки не было, слышалось.

— Тебе и мне? Всем сразу?

— Такое случается.

— Кто знает, продолжи он нанизывать строки, висели б его стихи рядом с твоими на стенах Каабы, а?

Обиделся Абузар, привыкший быть первым:

— *Весть излучают!* — с иронией. — Два слова и уже победа?

— Но не ты ли учил меня, о старший мой брат: где сказано мало, там сказано много! Разве нет?!

...Мухаммед, будто спасаясь от чего-то чуждого и тревожащего, выскочил из дому и заспешил к горе Харра.

Зов оттуда, и всё чаще: *Уйди в пещеру, затаись!*

Ищет уединения — сидит молча, погружённый в ду-

мы, а Хадиджа ждёт, не прерывает его размышлений. Но он будто и не замечает её внимания.

Ничего не видит вокруг. Томится.

— Сидя спит, — сказал Хадидже Али (он с недавних пор постоянно его сопровождает).

Что с ним происходит? Сидит столь долго, что звёзды успевают на небе переместиться, ушла луна, а он сидит неподвижно, опустив руки на колени и держа прямо голову, глаза полузакрыты... — сначала видел при свете дневном, потом луны, потом звёзд, а далее лишь угадывал видимое.

...Абу-Талиб к ним явился, давно не видел ни Мухаммеда, ни сына Али, переступил порог их опустевшего за год дома (Мухаммед и Хадиджа выдали дочерей замуж: сначала старшую Зейнаб за троюродного брата Мухаммеда Лакита (по кунье — Абул-Ас), он же двоюродный племянник матери, а затем, по настоянию Абу-Талиба, Ругию и Умм-Гюльсум за двух сыновей Абу-Лахаба... — Да, были две свадьбы разом как знак примирения в семье).

Дома лишь Фатима, мала ещё, ждёт своего часа, да ещё Зейд: отец его, богатый купец, долго искал сына, взятого в плен и проданного в рабство, и нашёл! А найдя, выкуп за него предложил Мухаммеду, чтобы тот вернул ему сына, наученного до того грамоте: писать и написанное суметь прочесть.

«Если хочет уйти, пусть идёт без выкупа, он это заслужил, — ответил отцу Зейда Мухаммед. — А если захочет остаться, могу ли противиться?»

Зейд отказался покинуть Мухаммеда: «Он относится ко мне как отец», — сказал, и Мухаммед вскоре усыновил раба.

И как всегда, сын Абу-Талиба Али рядом с Мухаммедом. Но это теперь редкость — в последнее время Мухаммед чаще уходит надолго в пещеру один.

Хамза недавно к ним навещался:

— В пещере? Что он там ищет? — спросил. — Или по нашим с ним пастушьим годам истосковался?

Абу-Бакр тоже спрашивал, где Мухаммед. Слово оправдываясь, Хадиджа повторяет, что он на горе Харра. А что ещё сказать — не знает.

— ...Уединяется в пещеру? — удивился Абу-Талиб. — Но зачем? С чего ему прятаться в мёртвой пещере?

— Мёртвая пещера?! — то ли услышалось (Опомнись: это Лучезарная Гора, Джабаль ан-Нур!), то ли взгляд Хадиджи сразил, Абу-Талиб тотчас умолк: неужто сказал лишнее? И дабы снять напряжение, поспешно заметил:

— Может, поститься начал прежде времени? Но до поста ещё не скоро!

Будто Абу-Талиб родного отца своего услышал, который наказывал: *Прежде чем принять важное решение — постись, Каабу обойди семикратно... чем больше, тем лучше! а уже потом уединяйся!*

Но на что должен решиться Мухаммед, какое важное дело заботит? У него дом, жена, дети, торговые дела идут, пусть и без особого успеха. И, слава богам, ничей не должник. Даже любит прощать должникам их долги!..

В тот день шествовал Мухаммед к горе не один, и Али с собою взял. И странное испытывал чувство, что на сей раз не скоро вернётся домой: что-то произойдёт, должно случиться! Неспроста показалось, что две смоковницы, что росли на дороге, кланяются ему ветвями.

С чего бы? Остановился, подошёл, чтобы потрогать, и уловил пальцами некое живое тепло под корой.

У подножия горы разбросаны камни, множество камней.

— Ты заметил, Али?! — спросил.

— Что?

— Камни, произрастая из земли, приподнимаются в приветствии!

Племянник в знак согласия кивнул: ему и впрямь это показалось.

А вот и пещера... Ещё светло, солнце её освещает, но уход его скор: закатится за море, сразу наступит мрак. Сухо внутри. Пахнет чем-то терпким, точно толкли тмин... Да, запах толчёного тмина!

Постелил овечью шкуру, сел у входа, уставился на низину, конца и края ей нет, а там — пустыня.

Али проголодался и предложил Мухаммеду поесть.

— Ешь сам! — Недоволен, что отвлекли. — И пока светло, возвращайся домой. Я останусь один.

Лепешка манила румяным, как у закатного солнца, ликом. Посыпана сверху маковыми родинками. Молоко гулко отозвалось в кувшине.

Али ел молча, не спешил, — Мухаммед о нём забыл, захваченный думами.

Не ты первый, кто ушёл в пещеру, чтобы приблизиться к себе.

Тревожно.

Отчего-то — боль, тяжесть на душе.

А о себе что ведомо? Кроме того, что сорок лет тебе исполнилось.

Через неделю!

Считай, что уже!

Но что ты есть, сын Абдуллы? В своих сомнениях, ожиданиях, зыбких, как мираж, ощущениях себя в мире?

Но и мира в себе!

Видимого?

Но и невидимого!..

И ты — уйдёшь!..

Что я? Ушли, исчезли вавилоняне, ассирийцы, их предки аккадо-сумерийцы, или шумеры, халдеи, каппадокийцы.

И Вавилон, некогда великий, — пустыня, груда камней! Закат судеб: усталость и упадок.

Остерегайся чрезмерного умствования!

Видно на склоне холма дерево корявое, будто чудовище застыло, оно — бог, которому мекканцы поклоняются. А поодаль — камень, тоже бог.

Тлен, тлен!.. — пророчествуют хиджазские кахины: пришли, мол, неведомо откуда, и уйдём неведомо куда.

Вход, не имеющий выхода.

Дорога без возврата.

Слоями пыль от ног ушедших — словно пепел.

Молитвы, точно гимны.

Гремящий гнев и страстный пыл.

И поучения: кто не страшится богов своих — тот, подобный тростнику, срезан будет.

Соломоновой мудростью налитаны Хадиджа и брат её двоюродный Варака, как верблюжонок — молоком верблюдицы. Любила Хадиджа слушать, как поют псалмы, забур, под звуки лютни, песни пророка — царя Давида-Давуда: надо же, что он, в чьих могучих руках железо становилось мягче воска, обладал, как сказывают, дивным голосом, пел собственные сочинения под чарующие свои мелодии.

Как дикий верблюд мы — гордый и мстительный!

Дано ли Слово нам?

Изнеженных утех!

Иль похоть?

Мечом опоясанные, великодушны и воинственны мы, кочующие меж Евфратом и Нилом!

Кругом — небо и горы, ущелья, никого вокруг, ушло, исчезло, вымерло.



II

ЯВЛЕНИЕ КОРАНА

1. Никого не минует игра воображения, рождённая греховным вдохновением, или Первое из троекратного, а во Втором — марево танцующих горбов верблюжьих, лишь в Третьем долгожданное: зов Ночи могущества был явственен, на миг пространство озарилось слепящей вспышкой и услышано: «Эй, Мухаммед!»

— Возвращайся, — сказал Мухаммед Али каким-то новым, незнакомым тоном, голос его был не спокойным, как всегда, а тревожным. — Дальше я пойду один.

Поодаль паслась, мирно жуя сочную траву, её много в этом году, одинокая овца. Белая курчавая шерсть густо облепила круглые её розовые глаза, голову подняла, глянув удивлённо на Мухаммеда, и закивала.

Кланяется мне!

Али будто не слышит: «Не оставляй его одного!» — наказывала Хадиджа, недовольная, что в прошлый раз, когда Али вернулся, не удержался и рассказал ей, что «сам видел», как Мухаммед подошёл к смоковнице, долго стоял возле дерева, а потом дотронулся до него, и оно зашелестело (а ветра никакого) ветвями, точно приветствуя (о камнях умолчал).

В ушах Мухаммеда по мере приближения к горе, где пещера, сквозь гул пробивался женский голос, неясный, беспокойный... А какой был голос у матери, не она ли? «Да, голос матери!», подумал: вчера Мухаммеду исполнилось сорок лет — не могла не откликнуться! А утром... — лишь тут заметил, что он не один, рядом с ним Али.

— Ты ещё здесь?! Оставь меня одного! Знаю, что тебе наказывала Хадиджа! Нет-нет, оставь меня, и немедленно!..

Насилу выпроводил Али и, когда тот уже спускался со склона горы, бросил ему вслед:

— Если кого встретишь в пути, идущего ко мне, вороти! И не приходите ко мне, пока я сам не явлюсь!

В углу пещеры кувшин с водой из колодца Замзам.

Рядом на скатёрке чаша — пить из кувшина, узелок с едой: лепёшки и сыр из овечьего молока. Но у Мухаммеда пост, привык не есть весь день и голода не ощущает; приступит к трапезе, когда звёзды на небе загорятся.

Серовато-красная впереди пустыня. В тишине какие-то шумы, то ли где-то воеет собака, то ли далеко-далеко кошка жалобно мяукает. Чувствует себя так, будто затерялся на необозримых просторах и никуда не придёшь. Но надо идти, чтобы куда-то выйти, но куда?

Ближе к закату Мухаммед почувствовал озноб — волнами прокатился по телу, охладив спину. Ушёл в глубину пещеры и там сел, укрывшись накидкой из верблюжьей шерсти.

Открыл глаза и в темноте... — темнее тёмной ночи стало вокруг, но явственно различил некие очертания, которые тотчас исчезли, нет, то был не человек, а великан, или Некто, и он закрыл собой вход.

— Доколе тебе прятаться в пещере?

Потемнело в глазах. И трудно стало дышать. Не выйти отсюда! Он наглухо заперт!... Видение стало явью.

— Кто ты? — спросил, свой голос раздался будто чужой.

Тот назвался не сразу, помедлив слегка:

— Джебраил я!

«Человек с именем ангела?» — удивился Мухаммед.

— Но дух ты, не имеющий плоти! — страх вдруг отпустил его.

— Только ты один зришь меня!

— Но где же, — вспомнил услышанное от деда, — твои шестьсот крыльев?!

— Ты дерзок!

— Я только хотел... — Тот перебил:

— Не задавай пустых вопросов!

— Или волна моей разгадки набежала на берег твоей загадки?

— Опасны твои мысли!

— Не звал тебя, ты сам явился!

— Пророков всех наставник я! С Адама начиная!

— А разве Адам... — неосторожно усомнился было,

вспомнив про грех первородный, рассказанный дедом, и тут видение исчезло. Но кто пояснит: первочеловек, который согрешил, поддавшись соблазнам, и ... пророк?!

Будто деда услышал: «Люди на земле пошли с Адама, что на языке хашимитов, так и сказал, означает *Созданный из праха земного*, или *адим*. А может, — тут же добавил, — от слова *удма*, что означает *смуглый*, как ты, или *темнокожий*, как я, по цвету земли или праха, из коего создан, а из самого короткого и хрупкого его ребра, *кусайра* называется, сотворил жену Хавву (Еву). И про то рассказал, как Бог... — «но который, — не сдержался на сей раз Мухаммед, — Хубал или Аллах?». Дед улыбнулся: «До чего ж мы с тобой схожи: о том и я в твои годы спросил у своего деда». — «У тебя был дед?!»

Некто исчез. Нет, не Джебраил!.. Да и какой первородный грех, если Адам взвалил на плечи ношу ответственности за созданное Богом на земле? И есть хлеб, тобой возвращённый, разве грех? И что наделён Его естеством?!

Старцы толковали со старцами, отцы — с отцами, дети — с детьми. Люди Писания, запутавшись в ниспосланном, долго не могли уразуметь, есть ли у Евы душа, вполне ли человек? И не в наказание ли ей, что дети рождаются в муках?! То — величественный акт самопожертвования! И если разрешаются благополучно роды, ей отпускаются прежние грехи, будь даже числом с пенные брызги морские! А если скончается в родовых схватках — возведена будет в сан мучениц и пребудет в раю до Дня Воскресения, когда воссоединится с мужем!

Рай — под стопой матери? И лучший из вас не тот, кто пренебрегает ради небесного земным, а чтит земное, помня небесное.

Тот Некто вспомнил Адама, кого вылепил Бог из звучащей глины, вдохнув в него от Духа Своего! Глядеться в него, видя Собственное отражение? Был сокрытым неведомым сокровищем, стал узнаваемым в сотворённом? Неужто трудно уразуметь?

Нет большего богатства, чем мудрость, нет большей нищеты, чем невежество!

Но истина выше!

— С кем говоришь, Мухаммед? — произнёс вслух. — Не с самим ли собой?

Уснёт на миг Мухаммед, проснётся и, уже не раз бывало, долго не может уйти в сон, цепляние слов как вязь.

На рассвете покинул пещеру, мучимый тревожными

думами. Хадиджа спокойно выслушала его про то, что ему привиделось: чей-то зов, смешенье голосов, и выбрасываются навязчивые слова. Такое не только в Мекке, но и в Хаджазе, даже в иных пределах, куда ведут караванные тропы, случается.

Хакамы, судьи-защитники племён, которых чтят за благоразумие, и те порой в потоке слов такое насочинят о своём племени, что от услышанного уши торчком: утверждают право именно своего племени на некие преимущества при дележе территорий, пастбищ и источников воды, отчего другим от обиды, что кто-то из соседей, ничем не примечательный, лучше и достойнее их, а главное, умеет в притязаниях убедить других, что им ничего иного не остаётся, как завершить споры войной, кровопролитием и силой оружия утвердить собственное превосходство. Да, кто силен, тот и побеждает. А потерпевший поражение, опозоренный и униженный, замышляет месть.

И бесконечны распри — только бы начать мстить!

И наружу извлекается недуг сокрытой злобы.

А прорицатели-*кахины*, жрецы, что восхваляют собственных божков, принижая божков других?! Но пуше всех будоражат толпу поэты, разжигая распри. И каждый утверждает, что именно он заключает в строках истину и правду: воспеть и превознести доблести племени, а то и страшат, извещая:

Мы пронзаем копьями, пока враг держится вдалеке от нас

(копья тёмные, выточены из хаттского тростника, тонкие и гибкие),

мечами рубим белыми, взвивающимися, когда враг напирает, и шеи скашиваем, подобно луговой траве, и головы летят, точно выюки с верблюдов.

Торчат поэты на площади перед Каабой и выкрикивают, воспалённые видениями, свои речения, предсказывая скорое наступление небесных кар. Чаще всего страшат о Судном дне, гибели мира, погрязшего в разврате.

Но да не уподобимся мы племени воинственному и жестокому, имя которому, что произносится со страхом, — *йаджудж-маджудж*.

Ещё недавно казалось, что обитают они, эти дикие племена, далеко на севере, где устремилась ввысь заросшая непроходимыми лесами горная гряда Каф, чёрной чертой прочертившая плоский диск земли.

И неведомо, по ту или эту сторону горной гряды, недо-

ступной и недосыгаемой, это племя расселилось: на севере *йаджуджей-маджуджей* ждут с юга, а здесь опасаются, что нагрянут с севера. И питаются огнём, коего здесь, на Кафе, полыхает немало.

Некогда племя, ведомое их царём, кому имя — Йаджудж, нападало, сказывают, на арабов.

Одно лишь упоминание о них, неведомых, таинственных, наводит ужас!

Но разве исчезли, уйдя в прошлое? В будущем больше настоящего, как и в настоящем — прошлого. А будущее — уже прошлое, только мы о том не знаем.

Запутанные поэтические тропы — куда приведут они шаирав?

Тайный сговор у них, вспомнил Мухаммед, с дьяволом, шайтанами!

Хадиджа заметила, что муж успокоился, и, осмелев: — Не хотела тебя беспокоить, — сказала, — но если позволишь... — Достала из шкатулки-ларца запись недельной давности. Каждый раз, что-то записывая, с благодарностью вспоминала учителя-старца Пур-Харраджа, нанятого покойным вторым мужем, тамимом Абу-Талибом, чтобы тот научил её грамоте.

«Только ли чтению или и писанию тоже?» — спросил старец.

Хадиджа вдруг возмутилась, мол, естественно, что только чтению, «не пристало госпоже учиться писать, есть для этого тяжкого труда рабы, которых этому научили, а ей, госпоже, определено судьбой лишь чтение!».

«О да, вы правы, — сказал учитель и усмехнулся. — Есть чудо чтения! Но и в писании, извините, есть чудо, когда выводишь буквы своей рукой! Тут же с нескрываемым удовольствием, даже восторгом, лицо у старца помолодело, вывел... это был, потом узнает, *Каф*, и приписал к нему *Лям* и *Мим*, — вот и составилось, — воскликнул, — слово *калям!*»

И о почерках, особенно таком, как ныне модное курсивное письмо сасанидов, и что создано зороастрийскими жрецами: «Кто знает, а не понадобится ли вам, о юная красавица Хадиджа, записывать услышанное?»

И, доставая листки, Хадиджа чуть вслух не произнесла: *Спасибо тебе, мудрый старец, понадобилось!* Стало стыдно, как вспомнила про возмущение своё: мол, учиться письму то же, что и признаться, что ты — рабыня!

Хадиджа записывала на листках услышанное, свод пра-

вил и, прибавив к тем, которые были прежде, складывала их в эту шкатулку, блестящий ларец из чёрного дерева, некогда подаренный купцом из далёкого Индостана, кого Хадиджа с первым мужем приютили в доме своём.

Небольшой ящичек, крышка которого, закрывавшаяся на ключик, была инкрустирована перламутровыми девичьими фигурками, шествующими по рисованным живописным лугам, и белые-белые облака над ними, тоже из перламутра. Ларец был двух уровней, в нижнем Хадиджа с давних пор хранила свои драгоценности, а в верхний стала складывать записи, Мухаммед как-то назвал их «лепестками». Открыла, точно выпустив из ларца сокрытую в нём тьму, и тут же осветился листок. Мухаммед изумлённо слушал, как Хадиджа читает про... — что за «чистое горение»? Или «ночь, которая черней, чем чёрный уголь»? А то и замысловатое про «мареву танцующих горбов верблюжьих». Мухаммед вспомнил, как привиделся ему в первую караванную поездку по заданию своей госпожи танец верблюжьих горбов в мареве миража.

Явится ли ещё кто в пещеру?

...Вихрь, загрохотало, прогремело небо. Такой силы удар обрушился на гору, что Мухаммед упал, больно ударился о твердь пещеры.

Страх охватил тело.

Потом — беспмятство.

Кто-то позвал: «Проснись!»

«Ты кто?»

Снова, как в тот раз, назвался Джебраилом, что послан Богом.

«Хубалом или Аллахом?» — переспросил.

«Единственный есть Бог! — разгневался. — Вездесущий, Начало начал!»

Мухаммед в тревоге проснулся.

Тут же при свете выглянувшего солнца, ласкового на рассвете, успокоился, пожалев, однако, что не успел спросить о пророках!

— Это твои видения, — успокаивает Хадиджа, хотела добавить, но осеклась: не напоминать ему, что мекканцы стали называть его с некоторых пор одержимым, даже безумцем.

Зыбка грань между явью и видениями, которые продолжают беспокоить Мухаммеда своей реальностью.

Абу-Бакр тоже не может предложить в разгадку что-либо, хоть славится в Мекке искусным толкователем всякого воображаемого, в том числе снов.

— А то сны твои, — сказала Хадиджа, противореча только что сказанному и видя, что не успокоить Мухаммеда, — вешие, скоро сбываются.

— Сон или другая явь? — спросил Абу-Бакр.

— Может, Аллах, — высказала Хадиджа догадку, — отвергнув своего брата Хубала, дабы верховодить единолично, — испытывает нашу готовность поверить в него единственного?

— Несговорчивость богов сродни козням курайшей?

— Земные распри, — заметил тут же Абу-Бакр, — перекинулись на небо. Или наоборот. — Не поймёшь, шутит или говорит всерьёз.

— Нет, — упорствовал Мухаммед, не соглашаясь, — в меня определённо вселился Джинн, сын Аллаха!..

Но тут Хадиджа внезапно вскричала:

— Молчи! Гнев его накличешь!

Чтобы Хадиджа вспыхнула?! Это так неожиданно! И впервые!

Но вскричала, чтобы спасти!

Пробудился Мухаммед — опять был сон!

Сон во сне?!

И с новой силой ощутил зов, настоящий, нетерпеливый:

— Уйди в пещеру!

...Тьма покрыла твердь земли и неба.

Мухаммед, отпив глоток воды из кувшина, укутался в плащ, прилёг и тотчас уснул.

Вдруг в полночь...

В ту иль в эту?

И в ту, и в эту!

И даже во все последующие — какие были и какие будут.

Ибо явлено отныне могущество каждой ночи!

На полях последняя строка повторена с переставленными словами: Ночь могущества, без восклицания, которое и не нужно, ибо ей предпослано восклицающее: Воистину!

Пещера нестерпимо ярко озарилась.

Вскочил.

Но тут же, будто кто ударил его, упал навзничь и лишился чувств.

Снова раздался властный окрик:

— Восстань, в себя ушедший!

Не успел разглядеть, что за существо перед ним, лишь поразился его огромным крыльям за плечами.

— Кто ты?

— Спроси, не кто я, а кто отныне ты!

Голос был спокоен:

— Мне ведомо, кто я: Мухаммед ибн Абдулла!

— Уже не тот, кто прежде был!

— Да, сорок лет...

— Немалый жизни срок!

— Вчера как будто в мир явился!

— В наивные твои суждения вникать я не намерен!

Тотчас исчез! Ушёл! Растворился в небе! Явь или снова козни шайтаны, соблазны дьявольские? В ушах грохотало услышанное. Будто вся Мекка в гримасах злорадно кричала ему, отшельнику, уединившемуся от мирских забот: «Безумец! Безумец!»

Нет, долее так жить не может! не будет! не хочет! Выскочил, побежал к вершине горы, к краю пропасти, чтобы броситься вниз, избавиться разом от самого себя. Вот-вот достигнет вершины, а там... — услышал вдруг:

— О Мухаммед! — Голос шёл от линии горизонта человека. — Противно Богу задуманное тобой!

Возникло нечто огромное, в испуге Мухаммед отвернулся, но куда бы ни глядел — это Нечто представляло в туманном обличье.

— Бог ждал, когда годов достигнешь этих! Пророческие то лета! И более не жить тебе жизнью ни купца, ни затворника, не предаваться прежним греховным видениям!

— Как мне жить?! — хотел спросить, но от страха уста сомкнулись.

— Чрез испытания пройдёшь, предательство родных познаешь, козни недругов, потери близких! Увещавателем, благовестником в мир послан в месяц рамадан! Чтоб неустанно объявлял Божии повеления!

— Смею ли?

— И смеешь, и сумеешь!

Загрохотало в голове, точно звон колокола, Джебраил развернул перед ним огромный шёлковый свиток, светился сиянием полной луны и был исписан видимыми, но непонятными буквами-знаками:

— Читай! — повелел Джебраил.

Грохот усиливался.

Читай же!

Не разумею я!

Ты несмышлён?

Прочесть не в силах!

Можешь, должен и обязан!

Я это не могу прочесть!

Но видишь знаки! Неужто не ясны?

Умми, умми...аа! — воскликнул Мухаммед, словно цепляясь за первое попавшее, мол, не умеет, «умми», ни писать, ни читать.

Умми или умма?

Звук искривился, затемняя смысл.

А до ушей иных... — но разве кто ещё был рядом? Может... — да уточнение, что в умми сокрыт и смысл иной: мол, мы не имеем Книги, нам, как другим, которые, из паломников, порой являются молиться в Каабу, не дано Писание, чтобы читать?..

Куда ни повернётся — всюду Джебраил.

Так растерялся Мухаммед, что и не вспомнить теперь, что вырвалось из уст и какой смысл в этих выкриках. Как будто снова умма — это о всех, про всех, но почему? А может, всё же умми?

Я жду! — властно потребовал голос Джебраила, прежде спокойный, и тотчас исчез колокольный звон, подумал снова признаться, что это неведомо ему, как вдруг ясно различил... — новое зрение!

Узнай, чего не знал!

И чертится каламом читаемое. Дух перевести! Слепый свет!

Повторяй запечатлённое!

Это вне моего разумения!

И снова:

Умма — все мы, ни о чём не ведающие?

Не знают они!

А может, умма — невежды-идолопоклонники?

Толпа и чернь?

Скажи им!

О чём?

Что ангелы нисходят!

Огромная фигура вдруг закрыла собой видимый впереди холм, на склонах которого росла ююба — терновый куст.

Так повторяй же! И не спрашивай ни о чём: ниспослано в ночь могущества!

Что даст мне знать, что за ночь?

Могущества ночь — мир откровений, весомей тысяч месяцев, о ней не ведающих.

И в эту ночь нисходят ангелы, и Дух с дозволения их Бога, чтоб возгласились Его повеления, и длится ночь до наступления зари!

И вдруг глаза обрели зоркость и ясность:

Читай! Воззови во имя Создателя твоего!

Который сотворил человека из сгустка кровавого!

Воззови, и да услышат! Создатель твой Наищедрейший,

Словом, что начертано каламом¹⁴,

человеку осветил Он познание прежде неведомого¹⁵.

Не успел Мухаммед произнести в душе: «Всего лишь пять строк?» — как Джебраил строго предупредил: *Не говори «строка», говори «айат»! И явленное целое отныне словом «сура» называй!*

Так же неожиданно, как появился, Джебраил в мгновение ока исчез.

Небо, горы — всё погрузилось во тьму.

Мухаммед обессиленный, точно после тяжкого труда — казалось, Джебраил крепко сжал его пред тем, как раскрыть свиток, аж хрустнули кости в теле, — впал в полузабытьё.

Всю ночь его трясло, как в лихорадке. С недугом справиться бы.

Увиденные таинственные знаки то оживали перед ним, увеличиваясь в объёме, то делались невидимыми, и Мухаммед силился их удержать в памяти... — Вижу: вот Он воздвигся на самом краю неба — горизонте вышем, потом приблизился, спустился, был на расстоянии двух луков или ближе!

А утром чуть свет... — Хадиджа забеспокоилась, спешно послала к пещере Али с рабом Мейсаром: нет Мухаммеда там!

Али вдруг увидел Мухаммеда — лежал чуть ли не на вершине горы, в двух шагах от пропасти, щёки его пылали.

¹⁴ *Калам* в земном значении — тростниковое перо, в Коране — *перо Божественное*.

¹⁵ *Ибн Гасан*. Коранические суры, расставленные по мере ниспослания пророку. М.: Три квадрата, 2002. С. 11—12. На тюркском *Гасаноглу*, на персидском *Пургасан* (*ибн, оглу и пур* означают *сын*); был причислен к еретикам, посягнул на неприкосновенность Корана, хронологически выстроил айаты и, вопреки запрету, перевёл на язык предков, тюрков-огузов (далее — *Ибн Гасан*).

— Холодно, укройте меня!

...Они уже дома. Мухаммед еле стоял на ногах.

— Хадиджа, — сказал, — такой холод!..

Внесли сухой верблюжий помёт, который быстро схватывает огонь и хорошо горит, затопили печь. Мухаммед лёг и неслышно прошептал:

— Хадиджа, вчера я родился, а уж сорок лет прошло! На сей раз вправду ко мне являлся Джебраил, крылья его издавали звон, подобный колокольному.

— Потом расскажешь, поспи, ты устал!

— Как потом?! — Тотчас стало жарко, Мухаммед вскочил, скинув с себя одеяло: — Явился Джебраил и развернул передо мной свиток! Шёлк озарённый, как блеск вечерней звезды. Или предрассветной. И с букв священных струился свет! Когда начнётся... — Умолк, трудно было говорить. — Всмотрись в меня, ты чутка и почувствуешь, когда начнётся, может, в моих глазах увидишь отражение свитка, его ни с чем не сравнимый свет.

Вдруг побледнел... — такого прежде не было, но отныне будет часто.

Крупные, точно жемчуг, капли пота выступили на лбу. Затряслись руки.

И, словно в бреду, стал изрекать, глядя перед собой и с кем-то невидимым то ли споря, то ли недоумевая.

Глаза расширились, будто пытаясь в изумлении охватить увиденный мир, — отныне Хадидже часто видеть этот взор, прикованный к некоему чуду.

Продолжение явленного в пещере?.. Посетил Каабу, куда влечёт сила привычки, он уже дома... Вся та же первая сура «Сгусток»¹⁶ обрастала новыми аятами¹⁷: *Но нет! Гордыней обуян человек, нажитым упиваясь, в неблагодарности преступает, а ведь возвратно бытие его к Создателю!..*

Обессиленный, лёг. Беспокоен во сне, то в жар бросает, и он скидывает с себя одеяла, а то дрожит от холода. Пробу-

¹⁶ Первой считается и 74-я сура Корана, со слов Мухаммеда: *«Меня окликнули. Вперёд посмотрел, назад, направо, налево — никого! Ещё раз окликнули — никого! В третий раз... — вдруг вижу: ангел в воздухе! Меня охватила дрожь, поспешил к Хадидже: — Закутай меня!.. — И ниспослано было: О, завернувшийся!»*

¹⁷ Пятиайатная сура стала впоследствии девятнадцатияйатной (цифра, священная в Библии: Нав. 19, 38; 4 Цар. 25, 8; Иер. 52, 12; см. также 1 Пар. 24, 16; 25, 26). Составители Корана соединили в одной суре аяты, явленные с перерывами в течение одного отрезка времени: ночью в пещере, в Каабе, при Хадидже.

дится, взглянет на Хадиджу — однажды не узнал её — и снова уходит в себя, с головой прячется под одеялом.

Однажды Хадиджа на минуту оставила его (воз корма привезли им для животных: проследить, чтобы разгрузили), а вернувшись... — Мухаммед босой стоял на коврике, устремив куда-то широко открытые глаза, и с дрожью в голосе, такого прежде не было, восклицал: «Восстань! И возглашатайствуй, Создателя восславив!»

— Но как? О чём сказать, с чего начать? — вдруг Мухаммед в отчаянии спросил будто у самого себя, точно кто был рядом, но Хадиджа никого, кроме Мухаммеда, не видела, зато слышала отчётливо, как муж произносит повеления и сам же кому-то отвечает, но не своими, а чужими словами:

Очисть одежды и от скверн беги, и не одаривай, чтоб выгоду из милости извлечь! В терпении, ниспосланном Создателем, крепись! И день придёт, и затрубит труба, тяжёлый день, тяжкий для неверных!.. Оставь его со Мной, кого Я сотворил, богатством наделил, дал сыновей, и щедрости пред ним дорогу распротёр. А он? Ему б ещё, ещё... — он ненасытен. В Мои знамения неверием он обуян и не страшится казни ада. Вообразишь ли, что такое адский огонь?! И вспыхивает кожа, схваченная вмиг!

И девятнадцать ангелов над ним!

Душа, и всякая, — заложница того, что заслужила... Что проще: знать, получив заранее, свитки своих прегрешений. Так нет же, нет!

Хадиджа слышит. Запомнить, но как можно запомнить такое?!

Если бы моря были чернилами, а леса — каламом, что чертит и высекает огонь знаний, то иссякло бы море прежде, и перья б перевелись раньше, чем иссякло б и перевелось слово Создателя!

Любопытство зрячих в своей незрячести, — глаза залиты чёрной водой, а души закрыты от Его напоминания, и деяния — как пепел, над которым усилился вихрь, и никто не властен над тем, что приобретено.

Умолк и, еле доташившись до постели, упал навзничь.

Лихорадка не отпускала.

Лежал всю ночь. И утро, следующее за нею.

Слова какие-то в бреду ли, наяву? Разговоры: то про себя, а то и вслух, будто кому отвечает. И отчаяние в его голосе: слышит ли он самого себя?

Хадиджа внимала Мухаммеду: прервать его — как

вскрыть ножом аорту, вот она, вздулась, наполнилась кровью.

«Скажи, что ты — посланник, и сердце твоё не солгало: Неужто спорить станете о том, что видел я?»

«Но площадь на куски расколется!»

«Скажи!»

Замер.

И тут Хадиджа тихо спросила:

— Ты меня слышишь?

Глаза Мухаммеда смотрели изумлённо, будто видели нечто. А потом, снова будто к кому-то обращаясь, заговорил:

«Дух? О духе рассказать вам?» — Странные слова, его и не его, неземные:

И видел Его при нисхождении другом, близ ююбы (лотус-акация?), у крайнего предела, за которым тенистый сад [рай?], прибежища Его, и открыл то, что открыл! Разве сравниются знающие с теми, кто не ведаёт?

«Но какое знамение?»

«Знамение, скажи им, — это твоя речь!..»

Какое-то время Мухаммед стоял, не шелохнувшись, а потом, усталый, опустил на ковёр.

О явлении аятов, с которых начинается пророчество Мухаммеда, рассказывает первый его биограф Ибн Хишам, выстраивая, как было принято, для достоверности цепь передатчиков:

«Сказал Ибн Исхак: рассказал нам Абд ал-Малик б. [бин] Абдаллах б. Аби Суфйан б. ал-Ала б. Джарайя ас-Салафи, обладавший хорошей памятью, со слов кого-то из учёных мужей, что когда Бог захотел оказать свою милость посланнику и начал его пророческую миссию, посланник Бога, выходя, бывало, по какому-нибудь делу, далеко уходил, так что дома оставались позади, и заходил в мекканские ущелья и углублялся в вадии. И каждый камень, каждое дерево, мимо которых он проходил, говорили ему: “Мир тебе, о посланник Бога!” Потом явился ему Джибрил [Джебраил] и принёс милость, когда он был на [горе] Хира в месяце рамадан... Посланник Бога рассказывал:

“Явился мне Джебраил, когда я спал, с парчовым покрывалом, в которое была завернута какая-то книга, и сказал:

‘Читай!’

Я ответил: 'Я не умею читать'.

Тогда он бросил на меня это покрывало, я подумал, что он меня задушит, смерть моя пришла, нечем было дышать, но так же внезапно он отпустил меня и сказал: 'Читай!'

Я ответил: 'Что читать?', желая только избавиться от него, чтобы он не стал меня душить.

Опять сказал: 'Читай! Во имя Господа своего, который сотворил человека из сгустка... научил каламом человека тому, чего он не знал'.

Я прочитал это [важное признание Мухаммеда: то есть свершился акт перехода из язычества в единобожие!], тогда он покинул меня и исчез. Я провалился в сон, а когда проснулся, в сердце моём словно сделана была запись. Потом я, дойдя до середины горы, услышал голос с неба:

'О Мухаммад, ты — посланник Бога, а я — Джебраил!'

Я поднял голову и посмотрел на небо, увидел Джебраила в облике человека, стоявшего ногами на горизонте... Я глядел на него, не двигаясь ни вперёд, ни назад, стал поворачивать лицо в разные стороны, но куда бы ни посмотрел, везде видел его таким же. И я стоял так, не двигаясь ни вперёд, ни назад, пока Хадиджа не послала людей искать меня...»¹⁸.

Сходно, с незначительными различиями в деталях, рассказывает о явлении первой суры и сам Мухаммед в одном из достоверных хадисов: что Джебраил развернул перед ним блестящий шёлковый свиток, повелев:

«Читай!»

«Я не могу это прочесть!» — ответил Мухаммед.

Эти слова Мухаммеда и породили всемерно распространённое суждение о его неграмотности: он, де, не умел ни читать, ни писать.

Здесь прослеживается, как можно предположить, некая аллегория: имеется в виду не столько по-земному незнание Мухаммедом алфавита, а что он был язычником и не подготовлен к духовному восприятию единобожия, «неграмотность» как незамутнённость ума и помыслов побочными влияниями, и потому выбор Бога пал на него, пожелал, чтобы Его слова ложились на чистую душу Мухаммеда. И в пророчестве, повторяя вслед за Богом ниспосланное, он проходил большую школу постижения мира и человека, знания земного и небесного.

В Мухаммеде, не готовом, будучи язычником, постичь,

¹⁸Хрестоматия. С. 18, 19. Пер. Вл. В. Полосина.

уразуметь явленное от Бога, то есть, повторю, «неграмотном» в истинной вере в Единого Бога, вдруг, после неоднократных настояний: «Читай!» — произошло некое перевоплощение, переход в новое пророческое качество, и, как отмечает первый его биограф, он стал читать и понимать текст.

«Неграмотный» в общепринятом понимании вряд ли смог бы повторить, не говоря уже о том, чтобы запомнить, услышанное — текст Корана не простой, почти невозможен для восприятия «неграмотным».

Первые биографы не прошли мимо и физического состояния Мухаммеда во время произнесения им аятов: «обмороки», «сильные судороги», что «глаза закрываются и лицо покрывается испариной» (Ибн Исхак/Ибн Хишам), и эти описания, именуемые на языке веры «боговдохновенностью», излишней возбудимостью или взволнованностью, содержатся также и в хадисах, в работах исследователей. Так, на вопрос Хариса ибн Хишам, как нисходят откровения, Мухаммед отвечал: «Иногда они приходят ко мне в форме звящего колокола, и мне приходится очень тяжело; он прекращает звенеть, и я помню всё, что мне сказали». Айша свидетельствует: «откровение пришло к нему в очень холодный день; когда оно прекратилось, весь его лоб был в испарине». Или: «Лицо посланника было красным, и он тяжело дышал какое-то время, а потом освободился от этого»¹⁹.

О «звоне в ушах», «покраснении лица» при явлении откровений как о «судорогах, симптоматичных для височной эпилепсии», пишет со ссылкой на «известного психиатра А. Е. Личко» исламовед О. Г. Большаков²⁰.

Это состояние сродни так называемой «болезни апостола Павла», о чём и он сам говорил, что дано ему «жало в плоть, ангел сатаны удручать меня», «чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений» (2 Кор. 12, 7).

Известный востоковед В. В. Бартольд в книге «Ислам» пишет, что было время, когда Мухаммеда «изображали эпилептиком и истериком», «установлено медицинское название его болезни, *hysteria muscularis*». «Теперь, — заявляет академик, — это мнение оставлено; эпилептические и истеричные натуры не могут быть свободны от болезненных

¹⁹ https://vk.com/wall-22126537_14942. См. также: Резван Е. А. Коран и его мир. СПб., 2001. С. 127.

²⁰ Большаков О. Г. История Халифата: В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 238.

колебаний и увлечений; ничего подобного мы не видим ни в жизни Мухаммеда, ни в его простом и ясном, может быть, слишком трезвом, учении»²¹.

Подобное особенно наблюдается в мединские годы, когда исчезают у Мухаммеда, во всяком случае, об этом почти не говорится, признаки, характерные для мекканской поры: ни бледности лица при произнесении божественных аятов, ни капель пота на лбу, ни расширения глаз, и руки уже не трясутся, как прежде: такое впечатление, что пророчество привычно, аяты произносятся легко, без духовного и физического напряжения.

«Пойти к Вараке!» — решила Хадиджа. К счастью, брат двоюродный пока никуда не уехал. Но не успела собраться к нему, как на пороге появился он сам и услышал странную, как ему показалось, речь Мухаммеда, в голосе чувствовалась дрожь, будто кто ему или он кому приказывает:

«Скажи: Господь — Единственный Бог... Сотворённые небо и земля, сменяющиеся ночи и дни, корабль, который плывёт по морю с пользой для людей, вода, что низведена Богом с неба, и оживлённое ею семя, и рассеянная на земле всякая живность, и переменчивость движения ветров, и облако, меж небом и землёй Им ведомое... Неужто ждут, чтоб к ним явился Бог в сени облаков и ангелы чтоб с Ним явились? И тогда поверят?»

Особенная речь, и это — не то, что приходилось Вараке прежде слышать от Мухаммеда. А может... — мысль эта показалась ему вначале нелепой, — Мухаммед и есть тот пророк, о котором говорит Писание: явится, восстав против мерзостей, какие творят народы сии, прорицатель, гадалец, ворожея, чародей, обаятель, духов вызывающий, волшебник, вопрошающий мёртвых?

Вспомнил Варак: недавно читал «Второзаконие», Бог говорит Моисею:

«Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого, как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им всё, что Я повелю Ему.

А кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу».

Слышал, как Мухаммед — бледен, голос дрожал, кто-то вкладывает в его уста слова... Не осуществлены ли в нём

²¹ <https://www.litmir.me/br/?b=250688&p=3>

Божии слова? Так что же, Варака не приемлет пророческого дара Мухаммеда? Мол, ритмизованная проза, сочинённая им, наподобие проповедей мекканских жрецов.

Но разве не сказано, мысли эти не отпускают Вараку, что будущий посланец не будет уметь ни читать, ни писать, и что Мухаммед таков, говорят в Мекке все? Варака помнит из Писания:

«Всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: “прочитай её”, и тот отвечает: “не могу, потому что она запечатана”. И передают книгу тому, кто читать не умеет, и говорят: “прочитай её”, и тот отвечает: “я не умею читать”».

И слова Иисуса, сказанные ученикам своим:

«Я умолю Отца, и Он пошлёт вам Предводителя [Утешителя?], который принесёт вам напоминание обо всём, что Я вам сказал, будет свидетельствовать обо Мне. И если Я не уйду, он не придёт к вам. И когда он придёт, он будет говорить вам о добре и зле, и о дне Суда. И говорить он будет не от себя, а передаст, что слышит. Он будет славить меня!»

Варака был растерян и взволнован, появилось чувство досады, будто обнажили тайну его, проникли в его думы. Но ведь неслыханная дерзость — выдавать себя за посланника Бога, как это делает Мухаммед, муж сестры!

А тут ещё на днях Варака, будучи у Хадиджи, вторично стал свидетелем того, как Мухаммед, не видя пред собой никого, с жаром, без запинки, напряжённо произносил «айаты», как назовёт он потом строки, якобы ниспосылаемые ему, и крупные капли пота выступили у него на лбу. И умолк, обессиленный сел на коврик и прислонился к стене, и бледность не сходила с его чела, полуприкрыл глаза.

Хадиджа ждала, что скажет Варака, а он и сам не знает, что ему показалось, а что на самом деле случилось. И хотел бы согласиться, что приключившееся с Мухаммедом истинно, но и что-то внутри противилось принять явное чудо, немыслимое в обыденности дней и забот.

Эти же сомнения переживал и Абу-Талиб, покинувший «дом Хадиджи», как по-старому называл пристанище Мухаммеда, хотя он отныне уже муж, а потому... — нет, не получалось сказать: «Дом Мухаммеда». Следом за ним поспешил и Варака проститься в растерянности с сестрой, велел лишь «верить в чудо» и «беречь мужа». А у самой двери произнёс скороговоркой: «Об этом ещё поговорим!» — «О чём?» — спросила удивлённо Хадиджа, но тот уже ушёл.

Сказывают, что была вскоре его встреча с Мухаммедом — столкнулись неподалёку от Каабы и долго стояли на углу, никто не отвлекал, как будто решили оставить их вдвоём:

— ...Ты говорил, я слышал, про знаки на свитке, развёрнутом перед тобой, поначалу не уразумел, но спустя мгновение сумел прочесть, ведь так?

— Да, истинно так!

И явлено будет: «сокрытая знаками тайными»²², — это про Коран!..

— Но такое подвластно лишь пророкам, они от нас тем и отличаются. И знаки Бога ты сумел воспринять на родном арабском, точнее, их перевести.

— Но и ты переводишь явленное Богом: Тору и Евангелие.

— Я перевожу существующее, а ты — знаки, тут непосредственное общение с ранее неведомым Словом, и Бог говорит от Своего имени... Ты произнёс, слышала Хадиджа, слово Бога, Который якобы сказал: «Клянусь!» Но Бог ничем не может клясться, об этом в Писании.

— Я ответил Хадидже твоими же словами! Услышал: *К народу каждому является из их среды посланник. И каждый говорит на языке своём!*

— Прочувствуй знаки точнее, Мухаммед!²³ О Боже, — воскликнул Варака невольно, — кому ты говоришь? Пророку! — Тотчас умолк, будто устыдившись выпренности слов своих. Мухаммед ждал, что тот ещё скажет, и услышанное ввергло Мухаммеда в недоумение: — Дожить бы мне до того времени, чтобы увидеть, как народ изгоняет тебя!

— Но почему он должен меня изгнать?!

— Известно по древним книгам. Впрочем, пока тебя слышим лишь мы, близкие тебе, а мекканцы не ведают. Но я... да, я постараюсь, если буду жить, оградить тебя от толпы!..

²² «...Книга, знаками [тайными] записанная», то есть недоступная для непосвящённых и могущая быть открытой лишь для пророков. См.: Османов. С. 788.

²³ «Арабский почитается не потому, что это язык Бога, а потому, что это родной язык Пророка, которым записан Коран... Язык Бога — знаки и символы, и лишь Пророк способен видеть, слышать и постигать их». Утверждение Ибн Гасана спорное, но бесспорно то, что он придавал большое значение интуиции, одной из «наук толкования, наряду с грамматикой, ораторством, даруемом Богом через труд и подвижничество, и её лишены те, в чьём сердце спесь и гордыня, кто погряз в земных страстях и упорствует в грехах, признавая лишь собственное разумение». Ибн Гасан. С. 3.

Вопрос о том, чей язык — язык Корана, Бога или пророка? — казалось, прост и ясен, ибо в Коране сказано: «И да услышится ниспосланное [тебе] на [твоем] родном арабском языке» (12/2); «Нашею волею содеяно, что ниспосланное слышите на языке [арабском], который разумеете [в уразумение вам]!» (43/3), то есть Бог, избрав пророком араба, облегчал ему постижение на родном языке в способах выражений, основанных на традициях высокоразвитого арабского языка, приближённых к богатой образностью и метафоричностью бедуинской поэзии: Коран — это «стихи в прозе», к тому же айаты рифмуются, так что Коран *озвучен* Мухаммедом на арабском.

Бог, известно, ниспосылал айаты пророку тремя путями: Мухаммед, как правило, слышал и осваивал нутром, ибо, в отличие от рядовых людей, «обладал единственным в своём роде сердцем, способным вместить подобное откровение и высказать его на человеческом языке»²⁴, а то и видел текст (первая сура: шёлковый свиток с непонятными буквами-символами!), то есть в пророческой миссии Мухаммеда участвовали его уши, душа и глаза.

2. Первой уверует в избранничество Мухаммеда Хадиджа, и она его попросит: «Научи меня своей вере». Но не скоро решится собрать на площади перед Каабой людей и поведать им о явленном ему Богом. И площадь разволнуется, зашумит, смешаются возгласы удивления, злорадный хохот, иронические выкрики, негодования, полные сарказма.

— ... Наконец-то явился — видим тебя среди нас!

— Снизойшёл к нам с горы Харра!

— Покинул пещеру!

— Говори же, мы внимаем тебе!

— Послушаем, чем удивить нас вздумал!

Очевидцы его бдений уже успели разнести молву по Мекке: влюбился, де, Мухаммед, слывший прежде благо-разумным, в некоего своего Бога Единственного, одержим им.

— Да кто он, твой *Создатель*?

— *Как коротка ваша память! Забыли про год Слона?*

— Это когда ты родился?

²⁴ Щедровицкий Д. В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. М.: Оклик, 2005. С. 31.

— *Явлено мне было напоминание:*

Не видел разве, как Богом наказаны были хозяева слона? И стаи птиц на них наслал! И пали камни на головы их, и нивой сделались, чьи зёрна саранчой изъедены²⁵.

— Что скажешь ещё?

И он произнесёт — прокричит в толпу:

— *Оставьте раздоры!*

— Ах, как ты удивил нас! — услышит.

— *Да будет союз курайшей!*

Снова чей-то крик прервёт его:

— Много раз о том говорено!

— *Да соединятся племена курайшей на путях караванных зимою и летом! Да падут ниц пред Единственным Владыкою Дома сего! Во дни голода Он их утолил, и страх изгнав, обезопасил!.. (106/1—4).*

Гул неприятия: — Неправда! Мы не ведали голода!

Неумолчные выкрики обуянных гордыней: — Нам некого бояться!

— *Не страшитесь Бога? Того, Кто дал скрижали каменные, закон и заповеди пророку Мусе? Сказал ему Бог: «Да не будет у вас других богов, кроме Меня!»* Того, Кто в ярости умеет наказывать и нещадно карать! Возгордились в презрении друг к. другу! Уповать на силу богатства, будто оно крепость!..

— Но кто он, твой Бог? — спросил мекканец.

— Поведано мне: *Скажи: Он, Бог, Един, Вечен Бог, не родил Он и не был Он рождён, нет никого, кто был бы Ему равен!*

— И это тебе внушено? Всего несколько слов?!

— Но зато какие весомые!²⁶

И повторится не раз: Мухаммед, не помня себя и никого пред собой не видя, говорил, повторяя явленное... — но кто ему внимал? в кругу семьи или приближённых слушали и запоминали.

И частое, форма обращения к нему Бога, и Он повелевал: «Скажи!»²⁷

²⁵ Пятиаятная сура 3 (105) «Слон» (первая цифра — хронологическая, вторая в скобках — номер в каноническом Коране.

²⁶ О четырёхаятной суре 112 «Очищение» Мухаммед говорил, что она равна четверти Корана.

²⁷ Пяти- и шестияятные суры «Рассвет» 8 (113) и «Люди» 9 (114). В своде Ибн Гасана сур не 114, а 133, и делятся они на священную в Писании цифру 19, в первом случае получается 6, ни разу не упоминаемая в Коране цифра, во втором — 7, часто возникающая в Коране:

— Но как зовут твоего Единственного?

— Нет у нас идола в одиночестве! — другой ему.

— Или разлучил Аллаха, кого чтит, с братом Хубалом?

Посыпались имена богинь: Хубал! Лат! Узза! Мануту? Чем угомонить толпу? Придёт ли на помощь Он, пославший к нему Джебраила, убедить сородичей? А может... — от самой мысли, которая пробудилась, забилося сердце гулко-гулко: просить, чтобы ангел Джебраил встречу ему устроил?!

С кем? С Самим Богом?! — Джебраил так смертоносно глянул на Мухаммеда, мол, как он смеет, что Мухаммед... — нет, не вздрогнул: помнит свой страх, когда впервые услышал его властный окрик, — привычный к явлениям Джебраила, на сей раз не растерялся: — Да! Лично удостовериться! Им чудо явить, чтоб уверовали в избранничество!..

Но разве не явил Он чудо?!

Прозвучал лишь аят: *Когда солнце будет скручено!..*

И тут, заслышав непривычный зачин, разом умолкли мекканцы:

Ниспослано в ночь могущества!

...Кто ко Мне на пядь приблизится — приближусь к нему на локоть!

Кто приблизится на локоть — приближусь на сажень!

Кто направится ко Мне шагом, к тому побегу!

*Кто встретит Меня грехами, что покроют землю, пре-
взойдут горы, но с надеждой воззрит на Меня, тому Я прощу
грехи его!*

Закрыв глаза, укутавшись в толстое одеяло из верблюжьей шерсти, чтобы было тепло, в голове роились буквы, принимая странные очертания. Пытался ухватиться за ручку похожего на ковш *Нун*'а и им зачерпнуть воды из священного источника Замзама, и много вокруг народу столпилось у врат Каабы, — напиться, утолив жажду. А то вдруг *нун* — не ковш, а огромная рыба — уплывает, пропадая в морских безднах.

Кто-то позвал, услышал явственно: «Пора!»

Дрожь сразу прошла, и наступило просветление.

Встал, скинув одеяло. Стоял прямо в привычной по-

«семь твердей неба», семь аятов суры «Фатиха»; семь притч о ранее явленных пророках. Кстати, 1-я сура состоит из 19 аятов, вторая — из 57, что делится на 19; подобное, очевидно, просматривалось изначально, но было утрачено или нарушено.

зе молящегося многобожца, который просит богов прежде всего обезопасить верблюжьи караваны на торговых путях; не убиться всаднику во время верховой езды; уберечь в шторм полные груза суда; чтоб не убывало в мире добро.

Нун²⁸. Восхитимся каламом, им начертанным восхитимся! Нет, ты по милости Бога не одержимый, не меджнун, и, воистину, для тебя — награда неистощимая, и, воистину, возвышенного нрава ты... Не поддавайся обвиняющим [тебя] во лжи!.. Исходит злобой: О том наслышаны, — кричит, — то сказки первых [древних, ранних]!²⁹

Разве Мы сравним муслимов³⁰ с теми [язычниками], кто нечестив и грешен? Быть может, есть у вас Писание?³¹ Есть из него что выбрать?

Полуприкрыл глаза и обратил лик к закату, свет струился из окна, взор простирался над Меккой, устремляясь в далёкие дали.

Ниспосланное — напоминание мирам!

То и в свитках первых Ибрагима [Авраама] и Мусы [Моисея].

Мухаммед пал на колени.

Это было ново у мекканцев.

Низко поклонился Богу!

...Неслышно подошёл Абу-Талиб.

«Кому молишься?» — Но промолчал: нельзя отвлекать от молитвы.

Скажи: Пришла истина, и исчезла ложь!.. Ложь исчезающая!

И снова раздражающий Абу-Талиба нелепый поклон, да ещё... лбом земли коснулся! Как принято у христиан! И не раз, не два: семь раз, — сосчитал Абу-Талиб, припал племянник лбом к земле.

И ладони открытыми держит перед глазами — что сие значит?!

Только теперь Мухаммед повернулся к Абу-Талибу:

— Я молился, — сказал. Уловил недовольство Абу-Талиба.

²⁸ Арабские буквы появляются в начале сур изредка; среди множества объяснений есть и такое: это инициалы имён тех, с чьих записей составлена сура.

²⁹ Часто в Коране, что ниспосылаемое Им повторяет «сказки первых», то есть книги иудеев и христиан.

³⁰ Впервые употреблено слово «муслим», чьё изначальное значение — человек, предавшийся Единому Богу; к ним причислены также иудеи и христиане.

³¹ Имеется в виду Тора.

— Давно не видел тебя в Каабе молящимся (про *странные* поклоны умолчал, а в пылу спора забыл спросить. И про открытые ладони тоже).

— Кому там молиться? Идолам?

— Это наши боги!

— Бог един. — И произнёс: Ля-иллях-иль-ляль-лях!

— То притча иудеев, что истинный Бог — Единственный!

— Да, ты прав: прежде Бог избрал евреев, направив к ним Мусу.

— И кто тебе о том поведал? Не сам ли... Муса? — Мухаммед оставил вопрос Абу-Талиба без ответа: — А после Мусы Бог обратил Свой взор на Ису!

— И ныне Бог... — Мухаммед понял, к чему клонит Абу-Талиб:

— Не во мне дело! Через меня возжелал Бог приобщить нас и наши племена к вере праотца Ибрагима!

— Глубь веков как глубь пустыни.

— И начало начал!

— Засыпаны песками!

— Но следы на них, будто было вчера! Остановиться? Идти дальше?

— Но кто захочет тебя услышать?

— Не мои то речи, а Бога!.. Именно здесь, рассказывал твой отец и мой дед Абдул-Мутталиб, и я запомнил, некогда был рай.

— Ныне, как ты знаешь, пустыня, непригодная для жизни.

— Но ты говорил, что здесь жили наши предки? И пустыня превратилась в ад не потому ли, что мы стали поклоняться идолам? Нам ниспослан Коран!

— Не на твоих ли ладонях, в которые глядел во время молитвы, запечатлена книга?

— Неуместна твоя ирония, Абу-Талиб! — обратился к дяде по имени.

— Ты мне не ответил, о мой любимый племянник! — Абу-Талиб как бы намекнул на вольность его обращения.

— Легко сказать: покажи, мол, вот она, Книга!

То убеждённость, а то — Абу-Талиб уловил — сомнение.

И как убедить, если... — нет, это от *поэтического*, свойственно им всем, когда мучительно ищешь нужное слово, и

дразнят буквы, сплетаясь и обретая смысл, а то и рассыпаясь, и не соединить их!

— ... В Коране есть об Ибрагиме истина: предупреждал он отца об идолах!

— Но ведомо, что отец прогнал сына!

— Ты произносишь айаты Корана!

— Но кто о том не знает по прежним книгам?..

— Или сомневаешься в прародителе нашем?!

— Не хочешь ли сказать, что ты... — ухмыльнулся Абу-Талиб, не досказав, и лицо его вдруг стало чужим. Прости ему, подумал Мухаммед, неведение его!

Как могла уверовать Хадиджа, женщина умная, пронзительная? Убережь Али! Сказал лишь, уходя, Мухаммеду:

— Я, как опекающий Каабу...

— Знаю, тебя община избрала стражем идолов!

— Богов! И они предостерегают, утешают и дают надежду!

— Всё разом?

— Мы верим во множество богов, персы в двух, иудеи — в одного, и он, кажется им, хранит их единство, не даёт евреям, рассеянным по свету, они и в Йасрибе, и в Сирии, где их только нет, распасться! А христиане признают даже трёх богов!.. Каждому дороги обычаи его племени!..

— Нет укора тебе, Абу-Талиб, и не по пристрастию я говорю!

— Но отчего Богом избран именно ты?

— Спроси, если властен, у Него!

— И про семь достоинств курайшей, поведенных тебе?

— Кому, как не тебе, стражу Каабы, знать, чем славны курайши? — И повторил: первое достоинство, что все мы курайши.

— Похвально услышать это из уст твоих.

— Второе, что именно курайшам велено накрывать покрывалом Каабу и жажду утолять паломников водами священного Замзама!

— Мудрость в твоих словах!

— Третье, что им была дарована победа над слоном!

— Что ж, это ведомо всем.

— Но о том явлена Богом сура! И Он особой сурой помянул, выделил нас, курайшей, среди других племён, призвав к миру и согласию, и если следовать этому, то не проявится ли четвёртое, наиглавнейшее достоинство курайшей как мирного племени? А пятое... Разве не курайшу дарован сан пророческий?

— Дерзко сказанное тобой!

— Лишь повторяю Бога! А шестое достоинство... на-
шлись славные курайши, и они без колебаний поклонились
Превеликому Богу!

— Что ж, пусть так. Но каково достоинство седьмое?

— Седьмое... Не устами ли курайша Мухаммеда ты ус-
лышал ниспосланное Богом?

— Многие выдавали себя за посланников, не приводя
доказательств.

— Они-то приводили!..

— Кто?

— Иудеи!³²

— И нам стать ими?

— Нет, стать избранными, как они!

— Стереть с наших богов налёт древности?

— Наш спор — как о тени осла!

— От богов переход к ослу?!

— Неожиданности порой помогают остудить пыл. К то-
му же осёл — дар человеку от богов.

Притча, популярная в Мекке: кому первому, когда жжёт
солнце, принадлежит право укрыться в тени осла: владель-
цу или нанимателю?

— То сказки!

— Но в них поучение!

Абу-Талиб, уходя от Мухаммеда, глянул на Али: в глазах
сына виделся протест. И весь путь сопровождал Абу-Тали-
ба холодный взгляд сына.

Неужто Мухаммед — воплощение достоинства ку-
райшей? Предсказания Бахиры всплыли как доброе на-
путствие уходящего старца, кому захотелось в язычнике,
приемлющем символы его веры, увидеть знак её обнов-
ления.

Нет, Мухаммед, — думал Абу-Талиб, направляясь в Ка-
абу, — я не верю в пророческую твою миссию! Новый, не-
знакомый приёмный сын, родной племянник... Но что бы
ни случилось впредь — защитит его, в обиду не даст!

³² О сыны Исраила! Мы вознесли, избрав вас, перед другими. «Коро-
ва», 2/122.

Сынов Исраила в краю благословенном [метафора Палестины] Мы
поселили. «Йунус», 10/93.

Сыны Исраила, возвышенные знаниями над народами другими.
«Дым», 44/32.

Сынам Исраила Мы дали Книгу, мудрость, дар пророчества, их на-
делили благами, и над мирами их превознесли. «Коленопреклонённые»,
45/16.

А как переступил Абу-Талиб ворота Храма, несколько паломников, стоявших тут же, тотчас почтительно его приветствовали.

— ...Я это знала, — говорит Хадиджа Мухаммеду.

— Что?

— Что ты не такой, как все. Но думала, сочтёшь моё признание как назойливость женщины в любви к мужу... Столько *поэтического* в услышанном, строки как стихи!..

— Не называй откровения стихами, если хочешь уверовать.

— Но ханифы... — Прервал:

— Они верят тайком, но какая эта вера, если боятся в том признаться? К тому же и сами полны сомнений: «Если бы я мог знать, какой образ угоден Богу, — говорили, — сразу б его принял. Но я не знаю!»

Какой прок в вере, если скрываешь? Стыдливо созерцаешь?

Да, в Мухаммеда сначала уверовала Хадиджа. Потому что жена? Мол, как убедишь других, если не убедишь жену? Но кто потом? С кого начать?

Имена отовсюду раздаются — каждый спешит, чтобы именно он услышан был. Вольноотпущенник Зейд ибн Сабит? Абу-Бакр? Али?

— Нет, я! Я раньше всех поверил, что Мухаммед явлен в мир пророком!

Ну да: это Абдуррахман бин Ауф: гордился, что он — первый в этом качестве из рода джумах! «Нас было четверо, первых джумахцев, — говорил Абдуррахман впоследствии. — Я, мой ныне покойный брат, погибший за веру Мухаммеда, и сестра, а прежде сын её Аркам...»

«Но Аркам, — перебивает его Али, — не из джумахов, а максумит!»

«По отцу, да, а по духу — истинный джумах, и мы первыми уверовали, ещё до того, как стали тайно собираться в доме моего племянника Аркама!»

Но как бы то ни было, первые, кто откликнулся на призыв Мухаммеда поверить в Единого Бога, были названы впоследствии «опередившими».

И разделятся поверившие в истинность ниспосланного на три этапа:

Первые: *До прихода в дом Аркама*, племянника Абдуррахмана, вторые: *В доме Аркама* (где стали тайно собираться сторонники Мухаммеда, чтобы его послушать), а третьи: *После дома Аркама*.

Но Хадиджа — первая. И единственная из рода асад.

У шиитов³³ сразу после Хадиджи следует Али.

Но он был мал летами!

Зато духом чист и смыслён!..

И нескончаем спор.

Но так ли важно, кто второй или третий?

Рядом с Хадиджей возник Али: она недавно велела ему, и Зейду тоже, запоминать, что услышат от Мухаммеда: — Мы с тобой, — как-то сказала Али, обняв его за плечи, и Мухаммед слышал, — первые равии.

— Нет, не равии, — вторгся Мухаммед в их разговор, — равии у поэтов, а вы куррахи, носители услышанных из моих уст божественных аятов.

Куррахи, Сура, ещё какие будут новые слова?

Но что в нём, Коране?

Откровение от Создателя небес и земли! В нём различие между истиной и ложью, правдой и неправдой!

Уверовал в Мухаммеда сразу же после Али его старший брат Джафар, он зачастил к Мухаммеду и вскоре стал себя называть «приверженцем ислама», или «единобожия»; говорит гладко, убеждённо, несколько выпренно и без колебаний, будто вышел на базарную площадь и не сомневается в сказанном.

Но это — втайне от своего дяди Аббаса, кому Джафар был отдан своим отцом Абу-Талибом на воспитание, а когда понял, что долее хранить тайну не в состоянии, решил поделиться с Аббасом, но тот отнёсся к вести не столь осуждающе, как Абу-Талиб, тот по долгу настоятеля защищал богов Каабы.

И пятилетняя дочь Мухаммеда Фатима уверовала.

— У тебя, — сказал жене, — святая дочь.

— У нас с тобой, — поправила Хадиджа.

— Три святые женщины.

— Три? Кто ж они?

— Ты вторая.

— А первая Амина?

— Нет, Дева Марьям.

— А третья? — Тут уж точно мать. Нет, и на сей раз Хадиджа ошиблась:

³³ О суннитско-шиитском противостоянии — позже.

— Наша бесстрашная дочь Фатима, — сказал, ещё не ведая, что в трудную минуту она защитит его от нападков мекканцев.

— Да, великая у нас армия, — признал Абу-Бакр, когда и он поверил в избранность Мухаммеда Богом.

— Если ещё включить сюда, — сказала Абу-Бакру Хадиджа, — и твоих детей: двоих сыновей, спасибо тебе, что сыну второму дал имя *Мухаммед*, и дочь. Вырастут и наверняка будут с нами!

Абу-Бакр вдруг смущённо: — Не двое у меня детей, Хадиджа, даже не трое, а уже четверо: вчера жена родила дочь!

— Тем более!.. И как её назвали?

— Я дал ей имя Айша.

— Айша? — переспросила Хадиджа, самой непонятно, отчего весть так её взволновала. Вспомнила! Про Айшу-разлучницу в сказке какой-то в детстве читала!.. — Хорошее имя, не правда ли? — спросила у Мухаммеда, и он согласился, уловив при этом её волнение. Так всегда, стоит лишь при ней завести речь о чём-то рождении... — да, никогда уже не сбыться её желанию родить Мухаммеду сына.

Пришёл-таки однажды Мухаммед в Каабу, чтобы именно там помолиться: первое посещение Храма после явления Джебраила было по привычке, а второе — уже осмысленное и смелое, не зашёл внутрь, чтобы не видеть противных Богу идолов, поначалу никто не обратил внимания, может, даже не узнали Мухаммеда, такой, как все, в простом плаще.

Не успел, однако, воздев руки кверху, произнести: «*Во имя Создателя!*» — как трое, стоявшие поодаль, узнали в нём Мухаммеда. И, решив помешать ему молиться, стали издавать непотребные звуки, кружить вокруг Каабы, затем ещё люди к ним присоединились, они были, как заметит Зейд, *голые*, свистели через сложенные пальцы рук, хлопали в ладоши... — продолжалось до тех пор, пока не вышел Абу-Талиб, и шум прекратился, но люди не расходились, замерли в ожидании.

— Ты? Мухаммед?! — Лишь на миг отразилось удивление на его лице, тут же приветствовал: — Рад, что ты среди молящихся!

Однако Мухаммед, показав на *глумящихся*, так назвал их, заметил:

— Так ли надо молиться, с криком и кривляниями?! Свистеть, будто скот созывают? Хлопать в ладоши, будто стадо баранов от посевов отгоняют? Изображать из себя

петухов, вокруг кур бегающих? И это ты называешь молитвой? Ярмарочное фокусничанье это!

И дал слово больше к Храму не подходить. Впрочем, доведётся Мухаммеду ещё дважды приходить сюда: сначала, это обрадовало многобожников, помолиться, а потом... — О! снова пришёл, чтобы, как пояснил, прилюдно проклясть себя, осудить, что позволил себе поддаться искушению сатаны и кланялся идолам.

Это вызвало новый всплеск негодования мекканцев, даже их ярость, особенно как заявил, что ниспослано ему Создателем новое откровение, *да послушаете, кто не глух!*

Всех, кто стал тайно приходить к Мухаммеду молиться, уже не вмещал их дом: надо было искать другое место. И тут помог Аркам: предложил собираться в его просторном доме, что на склоне холма Сафа.

Как-то Хадиджа по забывчивости или специально оставила крышку своего ларца открытой, и Мухаммед увидал исписанные листки, спросил Хадиджу: о чём они? И она прочитала:

Не сотвори себе, помимо Бога, кумира!

Припомнят вам — и спросят об утехах!

И не оказывай милость в ожидании вознаграждения!

Однажды Хадиджа спросила Мухаммеда о молитве.

— Нет, не как в Каабе, — ответил Мухаммед. А как — не сказал. *Пока не знает*, — подумала Хадиджа и не переспросила, набралась терпения.

Однажды Мухаммеду приснилось: старец показывал ему (Джебраил, представший в облике старца?), какие во время молитвы следует принимать позы и смысл, в них заключённый. Впрочем, тот лишь повторял вслед за Мухаммедом, но казалось, что за старцем повторяет он, и было неловко, что избранному пророком неведомо, как молиться. Чувство запомнилось, но оно — понял, пробудившись, не потому, что чего-то он не знает и принуждён узнавать от другого, а что он учит старца условиям веры. Но запомнил сказанное им: «Знай, сын мой! — так и обратился: *сын мой!* — Без омовения нет молитвы!»

И четыре условия омовения... — но разве Мухаммед не знает, что чистота — половина веры? что надо обмыть кисти рук до локтей, рот и горло прополоскать, очистить нос, вымыть лицо и макушку головы, промыть глаза, промыть уши, вымыть шею и ноги до колена? Даже знает, что при

каждом действе надобно произносить формулы молитвенные, сказать воде, прежде чем её взять чуть больше необходимого и чуть меньше возможного:

«Во имя Бога — клянусь, что вода волею Его чиста и не грязна!»

А перед тем, как мыть руки:

«Боже, — сказать, — прими меня в число кающихся и очищенных!»

И перед полосканием рта молвить:

«Боже! Свидетельствуй обо мне в Судный день! Мой приучи язык к поминанию Тебя!»

А промывая нос, сказать: «Боже! Не запрещай вдыхать райские запахи!»

И мыть лицо, чтоб светлым оно предстало перед Богом.

Сказать при мытье правой руки: «Боже! Книгу деяний моих дай мне справа, а вечность в раю слева!» и левой — чтоб Он спас от огня геенны, а ног — чтоб Он укрепил их, когда путь становится скользким, может отвратить от следования к Истине.

А если нет воды, её заменит чистый песок пустыни.

И не говорить во время молитвы. Не есть, не пить. Здороваться с кем бы то ни было или отвечать на чьё-либо приветствие. Отворачиваться хоть на миг от направления молитвы — в сторону Иерусалима:

«Но это — на первых порах!» — заметил старец (то был Джебраил?), что настанет день, и *кибла* будет повернута в сторону Мекки — к Каабе.

И ладони, прикоснувшись к ушам, открыть небу — чтоб можно было услышать Его. И раскрыть пред глазами — чтоб вчитываться в предопределённую Им судьбу. И что лучше молиться с другими, ибо укрепляет дух братства, утверждает идею равенства, превосходит молитву в одиночестве в двадцать семь раз! Ещё наказал Мухаммеду старец: «Достигнет сын твой семи лет — пришла пора приобщать его к молитве!»

Сын... — родится ли? И, родившись, доживёт ли до семи лет?

Хадиджа вздохнула, прикрыв крышку ларца.

Мухаммед — пророк?!

Кто-то, говорят, слышал, что осёл, на котором Мухаммед ехал, заговорил голосом человеческим: «Эй, мекканцы, везу на себе величайшего человека!..»

О, Абу-Лахаб!.. Родной дядя, который деяниями своими, — так говорил о сыне дед Мухаммеда Абдул-Мутталиб, — позорит род курайшей!..

Рассказав об осле в кругу семьи, Абу-Лахаб высмеял племянника: де, не пристало вводить в заблуждение наших простачков, пересказывая на свой лад небылицы, слышанные от иудеев и христиан.

— Но там, у иудеев, — добавил Абу-Лахаб, — это притча, а у тебя что?

— Не моя та речь, твоя, и выдаёшь за мою!

Точно не слышит: — С чего бы ослу, если никто не нуждается, вдруг обретать дар человеческой речи и кричать на всю Аравию, пусть он на себе тащит самого что ни на есть из величайших, и пусть им будет, если таково разумение ослиное, наш племянник, но зачем о том вопить? Если каждый осёл... — И так далее, со всякого рода колкостями и намёками, вернув ему брошенное им же, мол, «не возвышай голоса, потому что самый неблагодарный из всех голосов есть голос осла».

Абу-Талиб тотчас заступился за Мухаммеда:

— Как страж Каабы, я не позволю...

— Не прерывай — да не прерываем будешь! Ты б за меня заступился, когда именем своего Бога страшал, будто я проклят!..

Да, было такое: день за днём Джебраил являл Мухаммеду то на рассвете, а то в полночь божественные откровения, и он, заслышав будто зов, Хадиджа уже привыкла к тому, что он вскакивал и замирал в ожидании, точно копя силы, чтобы произнести. Айаты были короткие и легко запоминались:

Обилием щедрот Мы тебя одарили, так помолись Создателю и жертву принеси! А тот, он враг твой, куций, Я семя изведу его! (108/1—3).

И вдруг... — да, именно это услышал Мухаммед:

Да отсохнут руки Абу-Лахаба, да сокрушит его погибель! Богатством не откупится, и всем, что приобрёл!

Гореть ему в огне пылающем, а жена его носильщица дров для растопки, будут ей удавкою на шее волокна пальмовые! (111/1—5).

— ...Надо же, — воскликнул Абу-Лахаб, дядя Мухаммеду, говоря своему брату Абу-Талибу, настоятелю Каабы, — о моём существовании знает, оказывается, Единственный Бог, пославший нам на беду нашего племянника! А что до тебя, страж Каабы, то знай, что мы, хашимиты, готовы вы-

делить в Каабе рядом с Хубалом, если иудеи пожелают, достойное место многоимённому их богу! И дадим ему в руки сочинённый им Таврат — *Тору*, пусть читает, если и вправду он Создатель, а мы будем внимать его заветам!

И тут все явственно услышали доносящийся с улицы голос: то был Мухаммед, он стоял у порога дома и, глядя на небо, не заметил вышедших к нему Абу-Талиба и Абу-Лахаба.

Бледный, с горящими глазами, он изрекал непонятное им, и они лишь расслышали: *Неси мекканцам слово Моё, пока не уверуют!*

А потом, обессиленный, еле добрался до дерева, растущего поодаль, и прислонился к нему, будто ища защиты, чтобы не упасть.

Абу-Талиб — надо же, чтобы человек, отличающийся крепким здоровьем, выглядел так, словно масло сгорело у лучины! — обнял Мухаммеда и, оставив Абу-Лахаба у калитки, помог дойти до дому. А пока шли, Мухаммед очнулся, будто не понимая, что с ним произошло и почему дядя его провожает.

И, словно оправдываясь за слабость, что-то пытался сказать, чувствуя, что тот не поймёт:

— Выше человеческих сил повторять ниспосылаемое!

— А ты, — дядя ему, — сбрось с себя эту ношу.

— О чём ты? И не в моей это власти, пойми!

И тут им навстречу Валид, сын Мутиры, одного из курайшских старейшин. Некогда был дружен с ним: именно Валид, помнится, уговорил византийских моряков, чей корабль, как о том было, потерпел крушение у берегов Аравии, разобрать его на строительные балки, не спешить покинуть Мекку, принять участие в восстановлении Каабы, которую столетия превратили в развалины. Мухаммед поймал взгляд Валида, полный не то недоумения, не то жалости: вот, мол, до чего довёл себя!

Чтоб Мухаммед, кого Валид знает чуть ли не с детства, к тому же дальние родственники (впрочем, родственники все мекканцы), — и пророк?

Дар откровений в умирающем теле?

Поэтические строки — да, но откровения?!

...Оказался однажды Валид у холма Сафа. Здесь, неподалёку от горы Арафат, по преданию, Адам и Хавва встретились после изгнания из рая, долгого в двести лет одиночного и горестного блуждания по земле: Адам оказался на островных землях Большого моря, где Индостан, — трудно

вообразить эту даль, но Бог укоротил долгий путь, сделал его коротким: свернул, как кожу, земную твердь под ногами первочеловека!

А Хавва очутилась в Аравии, в Дихне — меж Меккой и Таифом... С чего это вдруг о том вспомнил, и сам не поймёт. И Валид, проходя мимо дома Аркама, молодого мекканца из рода, как и Валид, максумов, увидел у дверей двух своих знакомых — Аммара и Сухайля, к их разговору прислушался: узнать, о чём они толкуют?

Спросил один у другого: — Что ты здесь делаешь?

Тот ответил вопросом: — А что делаешь ты?

— Священная земля!

— Ну да, место встречи Адама и его жены.

Чувствовалось, что недоговаривают. Может, подумал Валид, меня увидели? Отвернулся, сделав вид, что ему не до них, и тут вдруг услышал:

— Хочу войти к Мухаммеду.

А разве не сражён тяжелым недугом? Сам его недавно видел — передвигался с помощью своего дяди! Силён как никогда?! Де, слабеет, — пусть Валид слышит, — когда откровения ему являются.

Валид смекнул, что в доме Аркама скрывается Мухаммед, ведь знает он, что старейшины, если не одумается, намерены изгнать его из Мекки, во что Валиду верилось с трудом: легко сказать — изгнать из Мекки! Прежде требовалось, чтобы род хашимитов лишил его поддержки, и тогда... Но мыслимо ли это, когда в Каабе властвует Абу-Талиб?!

И поняв, что здесь затевается *нечто*, Валид, подождав чуток, вошёл в дом Аркама и неожиданно для себя стал свидетелем *тайной* встречи сторонников новой веры.

3. Неслышный зов, или о том, как в просторном доме Аркама ждали Мухаммеда: вот он! легко вошёл, точно полный сил крепкий воин, даже предводитель воинства.

Валид с изумлением заметил, что пришли не только близкие Мухаммеду из рода абдманаф: О боги!.. даже сын его Халид здесь!..

При виде Мухаммеда Валид, как и все, кто был здесь, замер, околдовали будто, и недодумал мысль, опасаясь встревожить ею наступившую тишину.

И не успел Мухаммед произнести: *О мои верные...* — как

Валид сорвался с места: — Эй, Мухаммед, умолкни! — И не дав никому опомниться: — Не один год мы знакомы. И да будет всем известно, что я первым признал тебя великим поэтом Хиджаза!..

— О чём ты?! — вскричали с места. — Умолкни!..

— Более того, — продолжил он, не обращая внимания на возмущения, — я, Валид бин Мутира, готов с сегодняшнего дня пойти в добровольное услужение к тебе равием, носителем стихов, и пусть мой сын, который прячется, чтобы я его не видел, слышит и убеждается, сколь благороден его отец, готовый стать равием!..

— Чтобы стать равием, надо иметь хорошую память!

— Я запомнил услышанное от тебя на площади!.. Такие яркие строки!

— То откровения, а не стихи! И не мои, а ниспосланные мне!..

— Не отрекайся! То стихи!.. Могу, если угодно, прочесть, дабы в крепости памяти моей ты удостоверился!

Мухаммед заколебался: согласиться? запретить? Может что-то исказить, придать ниспосланному иные оттенки, смыслы!..

Отовсюду раздались выкрики:

— Пусть читает!

И Валиду кричат:

— Читай, чего медлишь?!

Выпятил грудь, копируя кого-то из поэтов, кажется, Абузара, устремил вдаль глаза, полуприкрытые ресницами, они густые, и потому кажется, что глаза закрыты, и полумесяцем чётко очерченные брови, не спеша, чуть хриловатым голосом и с паузами продекламировал, а пока читал, прерываемый возгласами восторга, Мухаммеду казалось, что ниспосланное, которое запомнил Валид, и очень знакомо ему, но как будто и не его, чужое:

И небо и земля... — Мухаммед тотчас перебил: — *Сотворённые!..*

Валид продолжил, не обратив внимания на сказанное Мухаммедом:

И дни, и ночи, сменяющие друг друга, и корабль, который плывёт по морю с пользой для людей, дождь, низведённый Богом с небес, чтоб семя, умерев, ожило, и на земле рассеянная живность всякая, и переменчивость движения ветров, и облако, меж небом и землёй Им ведомое...

Вдруг Валид запнулся, остановился: забыл, что ли?

И ему кто-то из сидящих в доме:

Во всём, что явлено, знамения для разумеющих!

Снова молчит:

— Что ж недоговариваешь, Валид? — Это Мухаммед ему.

И сын Валида отцу строками Корана:

Скажут те, которые в неведении пребывали: О если бы возможен был возврат, тогда б от них мы отреклись, как отреклись они от нас! Покажет им Бог деяния их, не спасутся от геенны!

— И ты мне грозишь? — Валид от волнения вспотел.

— Грозит не сын твой, — заступился за него Мухаммед, — а Бог, эти строки мне ниспославший, предупреждает!..

— Уразумей, Халид, — произнёс кто-то, — что Мухаммед пророк!

— Если каждый... — глянул на Мухаммеда: — Может, расскажешь, как тебе кланялись овцы? Или как камни, когда ты шёл, приподнимались, приветствуя тебя?! Не довольно ли твоих сказок?

Сторонники Мухаммеда возроптали, Валид гордо покинул дом Аркама. А потом передали Мухаммеду, как он с дядей Мухаммеда Абу-Лахабом глумился над его *пророчеством*:

— Купец и — пророк?! Безумцы и бездельники они! А этот, племянник мой, хитрый обманщик! Воплощённая ложь! Жалкие проделки фокусника!

— Да, — ответит Абу-Лахабу Мухаммед, — купечество — высокое на земле занятие, соединяет людей и города. И любимое Создателем!

Абу-Лахаб прервал его: — Кстати, нашим божеством Хубалом тоже?

— Есть только Единственный Бог и никаких иных божеств!

— И Ему не чужда купеческая речь? Чем же торгует Он?

— Как бы не пришлось выторговать у Него прощение твоих грехов!

— О том поведал сам Бог тебе, о любимый внук Абдул-Мутталиба?

Так нет! Упорен он пред Нашими знамениями!

Мухаммед вскарабкался на скалу напротив Каабы и обратился к мекканцам на базарной площади, воскликнув:

— О, утро!

Народ замер: что ж, традиционное оповещение, каждый, если есть что сообщить, вправе обратиться на базарной площади к мекканцам. Даже поделиться чувствами, излить душу.

Да восхитимся розовеющей зарёй!..

— О чём ты?! — крикнул кто-то.

А другой: — Сочинитель он! Откровения измышляет!

— А если б я вам сказал, что гигантский огненный шар загорелся за моей спиной в пещере, поверили б вы мне?

— Да!

— Что большой караван верблюдов, который шёл в Мекку, вдруг исчез, испарился в мареве пустыни, поверили б?

— Да!

— И что у подножия горы Харра показались полчища врагов?

— Нам прежде не случалось испытать, чтоб прибегал ты ко лжи!

— Но если это истинно так, то я должен поведать вам об угрозе более страшной, нежели набег врага!

— Какая опасность грозит нам, Мухаммед?

— Наказание за грехи!

Площадь будто подменили. И люди вдруг переродились, став другими, — куда девалась их согласная вера в его правоту? Шум:

— Сказки!

— И я, как посланник... — Снова не дали договорить:

— Кого-кого?

— Единственного Бога всех людей, а я — посланник Его!

Крики:

— ...О вы, неверные!

Вот-вот его сгонят со скалы.

Скажи им, Мухаммед!

— Вы, ненасытные в обожании богатства!.. Власть грешников!..

Но кого клянёт? Не родичей ли своих?

— Быть может, тайною наделены и сокровенное познали?

— Ваши боги, эти каменные изваяния, они мертвы! А Бог единый невидим, но Он зрим везде и всюду.

— Как свет?

— Как свет тоже, но он — не свет.

— Как лучи солнца? Как лунное сияние?

— Если впрямь ты пророк, яви чудо! — Мухаммед замешкался, и Валид тут решил, что тому нечем возразить:

— Отчего б, если впрямь посланник, не уговорить Бога, чтобы превратил хотя бы холмик какой в золото? Или приведи ангела, чтоб свидетельствовал, что ты пророк!

И тут Мухаммед произнёс такое, что толпа замерла, как случалось на многолюдных ярмарках, когда состязались шайры и вдруг кому-то удавалось завладеть всеобщим вниманием.

А дальше... — будто каждая строка особо выделена. Их девять плюс дважды по семь и ещё две. Они рассыпаны по свитку:

Когда солнце будет свёрнуто, и когда звёзды отлетят, и когда горы будут сдвинуты с мест, и когда беременные верблюдицы десять месяцев будут без присмотра... И когда зарытая живьём будет спрошена, за какой грех она была убита, — Да, это вы!.. вы зарыли живьём ваших дочерей!

Ни звука.

Все застыли, внимая Мухаммеду.

— Молчите? Вам нечем возразить!

Что скажет ещё Мухаммед?!

И когда небо будет сдёрнуто, и когда ад будет разожжён... И когда рай будет приближен, — народ будто очнулся и, как это было минуту назад, зароптал, выражая недовольство.

— Чего с ним связываться? — крикнул Валид.

Переговорить толпу?!

Но во всеуслышание поведал, указывая на Валида, и неясно, явлено ли тоже, как прежние строки, или это Мухаммед от своего имени осуждает его:

Ведь он вероломен: в задуманном им — зло!

Валид, услышав такое, побагровел и вскинул голову, возвысившись будто над остальными, залился смехом, обнажив крупные белые зубы:

— Пророчество?! — Бровь у виска Валида изогнулась, разломав полумесяц: — Колдовство волшебника, которое заражает и передаётся!

Гул нарастал.

Тут подошёл к Мухаммеду слепой Абдулла, тёзка отца.

— Я тебя слышал, где ты, Мухаммед, дай руку, хочу дотронуться!

Мухаммед, не заметив слепого, резко отвернулся. Вспомнил потом: «Слепой Абдулла!» Поискал в толпе, окликнул — никто не отозвался.

И тотчас явлено ему было:

Ты смел, нахмурившись, отвернуться от слепого, который явился к тебе с тщанием, испытывая, может, страх неведения. Но тот, кто богат (Валид?), — к нему ты поворачиваешься!..

Долго потом каялся Мухаммед. Может, и на Валида зря гневается? Вспомнил, как дружно восстанавливали с ним Храм.

Люди стали расходиться.

Куда ж вы идёте? Это — не речь сатаны, побиваемого камнями!

Уходят!

Разве их удержишь? Бросить им клич — мигом прибегут:

— Эй, кость вам уготована с куском жирного мяса, получайте даром! — Или, что каждого ждёт пара добрых овечьих копыт!..

Но не довольно ль отвернувшихся?

Вдруг Мухаммеду стало плохо, закружилась голова, упал, над ним столпились мекканцы, не успевшие покинуть площадь... — вскоре пришёл в себя, еле поднялся. И сказал, точнее, произнёс услышанное:

Всего лишь ты увещатель, а власть над сущим — только у Бога.

И я, посланник Бога, читаю Слово-прямое. Суметь растолковать Коран, ибо тот, кто бездумно читает и не умеет истолковать, подобен бедуину, который частит, бормоча неясные строки! Но тут же Мухаммед вспомнил аят, в котором Бог возлагал объяснение явленного лишь на Себя, а не на пророка!.. И не забудь: *Да не спешит язык твой всеу изрекать узнанное, — воистину, озвученное предстоит собрать, когда ниспосланное Нами повторяешь, следуй ему строго!.. На Нас лежит и разъяснение его!* (75/16—19).

Но сородичи, обуянные недоверием, их тьма-тьмушья!..

И если ты последуешь совету большинства живущих, то будешь сбит с пути Бога!.. Ты думаешь, что большинство способно слышать, разуметь? Они ничем не лучше стада, сбитого с толку!

И всё же — не отпускают Мухаммеда горестные мысли: забвение, как пыль, начиная с тебя и кончая... Кем же кончая?

Достать из бездонных глубин нужное время, подолгу вглядываясь в неохватную тьму, мерцающую вспышками, и боль глазам, съедаемым слезами.

Но так ли важно, — голос из чьего-то прошлого? — когда забвение?

Ждёшь... даров? Преподнесут тебе за откровения?

Сородичи облюбовали окрестности холма Сафа, и летом, когда долгожданный и радующий мекканцев северный ветер приносит прохладу, отправляются туда гулять — может, снова Мухаммед обратится к ним с проповедью, явится потешить?

Кто-то ночью разбросал у дома Мухаммеда пальмовые волокна, смешанные с колючками, чертополохом, — выходя, не заметил, укололся больно. Потом узнает, что это проделки Умм-Джамиль, жены его родного дяди Абу-Лахаба, сама сгоряча призналась... Мухаммед лишь промолвил: *Во имя Бога!..* как Абу-Лахаб оборвал его:

— Уймись и покайся!

Хвала Владыке миров, Царю в день Суда!..

— Не разлучай братьев — Хубала и Аллаха!

— Да не возвысит несогласный голос, полный злобы, — ответил Мухаммед, — ибо самый неблагодарный из голосов — голос дикого осла!

Что тут началось!..

— Не награды жду, ибо она у того, кто меня создал, не платы прошу, и не отягчены вы долгами!..

— Здесь не ярмарка! — перебили.

И отсрочу Я им!

И поистине те, которые не веруют, готовы опрокинуть тебя взорами, когда слышат поминание, и говорят они о тебе: «Он ведь одержимый».

— Но есть ли у вас Книга, которую читаете? Сокровенное, что читаете?

— Ни мы, ни ты сам — никто из нас не причислен к людям Писания! Мы не иудеи, и мы не христиане!

— *Нет, и мы люди Писания, ибо у нас — Коран!*

— В ряду книг иных?! Где доказательство?

— *Может, вы сотворены из ничего или сами творцы?* — Голос Мухаммеда тонул в гуле голосов: — Я скажу вам про тень чёрного дыма, вдохнуть и не выдохнуть, камни — топливо, и огонь пылающий разбрасывает искры, каждая — точно жёлтый верблюд.

Надоедливые угрозы адом — уготован будто мекканцам за грехи, и самый тяжкий — гордыня неверия!.. А и госпо-

дину, рабов притесняющему, вождю высокомерному, торговцу лживому, благоденствующему невежде.

Но нет: жить жизнью *ближней* и не страшиться жизни *дальней*, последней?! Вы слушаете, не разумея услышанного, вам кажется, что строите дворец жизни, а на деле рушите мир!

— ...Надоел!

Кто-то кинул в него камень, а следом... — Мухаммед пытался перекричать толпу, что, мол, выступает не сам по себе, а лишь как посланник Бога, — Атаба (Утба?), сын Абу-Лахаба, уже решивший, что разведётся с дочерью Мухаммеда Рутией, бросил в него по наущению отца кровавую баранью кишку:

— Вот тебе дары за пророчество!

Подскочил другой брат, Атиба (Утейба?); тот — хилый, этот — рослый:

— Уйди! — зашипел Мухаммеду на ухо. — Не позорь нас! — Крепко схватил тестя за руку, оттолкнул, порвав Мухаммеду рубашку.

— О Боже, — взмолился Мухаммед, — покарай курейшитов! — и сам же вздрогнул от собственного проклятия, вспомнив, слышал с детства, что здесь, где некогда пребывал Авраам, проклятия, как и мольбы, сбываются, и тут же, дабы кара постигла не всех, решил поименно назвать тех, кто особенно рьяно измывается над ним, зловредничает:

— Покарай, о Боже Справедливый, Абу-Джахла! и Валида! и Шайбу бин Раби! Да ниспошлёт тебе Бог, — пригрозил Атабе, — лютого зверя!

И тут вдруг дочь Мухаммеда Фатима, всего лишь пять лет ей, встала рядом с отцом:

— Жестокие и злые! Отец мой ничем вас не обидел, он молится за всех вас. — И заплакала (часто при ней вспоминали про её *мужественный* поступок, и оттого убеждена, что помнит сама, как заступилась за отца).

А Зейд увидел камень, летящий в Мухаммеда, и заслонил его грудью.

Как же не проклясть курайшей, — Мухаммед вернулся мыслями к произнесённому, — когда столько мучений обрушивают на уверовавших в Бога, не перечесать их, истязаний, от которых кожа человека сморщивается, точно змеиная кожа. Рабу Билалу, который одним из первых уверовал в пророчество Мухаммеда (а потому причислен к «опередившим»), хозяин вешал на шею верёвку-удавку, и мальчишки тащили его по городу как скот какой, а потом при-

вязывали к камню и заставляли сидеть на солнцепёке или тот же камень клали ему на грудь. Хозяин часто избивал его, а перестав бить, объяснял это тем, что устал.

Абу-Бакр, зная про жадность хозяина, выкупил Билала, заплатив за него семь окий, это двести граммов серебра.

А убийство Сумайи, матери Аммара — Абу-Джахл пронзил её грудь копьём, и Мухаммед, узнав об этом, воскликнул: «Да уготовится ей место в раю — первой женщине среди курайшей, принявшей из-за веры в Бога мученическую смерть!»

А как истязали Мусаиба, сына знатного мекканца Умайра, посмевшего встать на защиту Мухаммеда, — завернули в циновку из пальмовых листьев, жгли под ним огонь, окуривая дымом до одурения. А иных заворачивали в верблюжьи или бычьи шкуры, одевали в железные доспехи и клали на раскалённый песок.

...Когда возвращались, Мухаммед встал посреди дороги — перед поворотом к дому, и долго глядел вперёд. Вдруг бледность покрыла чело, и Мухаммед торопливо изрек: — Да-да, я слышу Джебраила! — и тотчас стал повторять повеление Всевышнего:

Пусть пропадут обе руки Абу-Лахаба, а сам он пропал! Не помогло ему его богатство и то, что он приобрёл. Будет он гореть в огне с пламенем, и жена его — носильщица дров; на шее у неё — верёвка из пальмовых волокон! (111/1—5).

Умолк, глядя перед собой.

«Но ведь Абу-Лахаб жив!» — подумал Зейд. И тут же будто кто ему подсказал: «Непременно случится! Проклятие сбудется!»

Коранический этот аят, необычная редкость которого определяется тем, что внимания Бога удостоивается рядовой человек, требует объяснения. Дело в том, что в Коране аяты, как правило, носят обобщённый характер — в них почти не называются ни города, даже такие, как Мекка или Иерусалим (лишь раз — Йасриб), ни имена конкретных людей, за исключением пророков, и единственное из названных женских имён — лишь Мария, или Марйам.

И вдруг... — да, это удивительно, неожиданно: устами Самого Бога называется имя конкретного человека, современника Мухаммеда: это Абу-Лахаб, родной его дядя и ярый враг. И это при том, что не названы в Коране имена ни отца, ни матери, ни даже деда, близких или сорат-

ников. Впрочем, упоминается ещё и Зейд (сура «Сонмы», 33/37), бывший раб Мухаммеда, усыновлённый им, его помощник, хранитель в памяти сур, но таковых было много. В комментариях к Корану нет объяснений тому, что Бог дважды и как бы случайно называет конкретные имена.

Может, не надо было фиксировать внимание на этом, но кажущееся необъяснимым и случайным наличие в устах Бога двух имён современников Мухаммеда побудило последующих комментаторов к своевольному включению конкретизирующих уточнений в текст Корана, что обозначается не только в круглых или квадратных скобках, но и в виде прямых приписок имён и названий лишь по предположению, и тогда Коран обретает характер иллюстрации к тем или другим конкретным событиям в жизни Мухаммеда.

Это, естественно, переключалось из оригинала в переводы Корана, что наглядно проявилось даже в такой текстологически выверенной книге, как «Жизнь пророка Мухаммеда», на которую указывалось. Здесь в цитируемых айатах, в самом тексте, возникают отсутствующие в каноническом Коране такие словосочетания, как «мечеть аль-Акса» в Иерусалиме, конкретные имена — Айши, жены Мухаммеда, её отца, сподвижника пророка Абу-Бакра. Более того, зачастую «Писание», будучи в Коране синонимом Торы, заменяется якобы уточняющим словом «Библия», которая, разумеется, тогда, в VII веке, уже была известна, но никогда не выступала, это и по сей день, заменой или аналогом Писания-Торы, являясь лишь книгой христиан, и вряд ли корректно было заменять «Писание» «Библией»³⁴.

...Как же допускает Абу-Талиб, поставленный сторожить нашу святыню Каабу, возмущался Абу-Лахаб, что Мухаммед, приёмный сын, наш родной племянник, сын

³⁴ В книге «Жизнь...» в текст Корана произвольно вписаны: с. 248 — «мечеть Акса», с. 293 — Мекка», с. 319, а также 529, 569, 637 — «Медина», с. 325, а также 349, 351, 355, 358, 361, 363, 370, 372, 381, 395, 401, 402, 570 — вместо «обладатели Писания» (имеется в виду Тора) — «приверженцы Библии»; на с. 455 названа «Кааба», с. 534 — вместо обобщённого в Коране «язычники» названы «Абу-Суфьян и прочие язычники», то есть Бог называет имя конкретного врага Мухаммеда; с. 536 — в Коран вписывается «сражение при Ухуде» (Охуде), с. 621: в устах Бога звучит имя Зейнаб, жены Зейда, которая, после развода, стала женой Мухаммеда; с. 641 — в устах Бога: «О семья Абу-Бакра», называются отец и тут же его дочь Айша, жена Мухаммеда; и т. д.

Абдуллы и внук нашего отца Абдул-Мутталиба позволяет себе ополчаться против богов? Против нашей Каабы?! Это же удар по ярмаркам! Наш род обнищает, если прекратится поток паломников!

А Мухаммед при встрече с Абу-Талибом, чей сын Али, о чём было, живёт у них, не устаёт говорить дяде, что «Кааба осквернена идолами!».

Абу-Талиб в недоумении отвечает ему: «Так что же, перестать защищать тебя от нападок наших родичей, озабоченных судьбой Каабы?»

«Это было бы с твоей стороны честнее!»

«Оставить тебя одного?»

И в который раз, то ли думы, то высказывал вслух: «А я думал, возлагая на тебя надежду, о мой любимый племянник, что ты продолжишь, как твой дед и как я, служить после меня нашей Каабе!»

«Общаться с идолами?!»

«С людьми!»

«Но люди, верующие в идолов, и не люди вовсе, а сами становятся идолами, и нескончаема их череда!..»

Но что они могут, уверовавшие в Мухаммеда?

Горстка их, рабов и бедного люда, внимающих племяннику, а паломников-многобожцев — тьма!

Новые недовольные из родственников обращаются к Абу-Талибу, приходя в Храм: на сей раз Абу-Суфьян, чья родная сестра — любимая жена старшего брата Абу-Талиба, а если включится он, упрямый и несговорчивый, да ещё жена его стоит за спиной, Хинда, известная в Мекке неистовой воинственностью, к тому же язвительна, лучше не попадать ей на язык, то не отмахнёшься, распри будут нескончаемы.

Так вот сложила Хинда, бедуинская кровь, настоящая на поэзии, стихи, высмеивающие «бесноватого»: отчего мекканцам следовать одному Богу, когда мир пустынь, оазисов и гор не перестаёт удивлять невесть из каких краёв прибывающих купцов своим разнообразием, богат и вовсе не един этот мир? Что с того, что один бог у мусевитов-иудеев? У христиан даже два бога: Отец и Сын, нет, — новая строка в стихе возникла, — даже три: ещё Дух как Бог!

Но всё — одно! Единственный, но в трёх лицах!

У персов-зороастрийцев два божества — добра и зла, запытовала второго (вспомнит потом: Ахриман), а о первом помнит: Ормузд, у кого в помощниках трёхногий осёл, шерсть у него белая, питается воздухом, каждое копыто,

ступив на землю, занимает столько места, сколько надобно для тысяч овец, под шишкой ноги может двигаться тысяча всадников; шесть глаз: два на обычном месте, два на макушке головы, два на затылке, — устремив на что-либо все шесть глаз, способен наказать и уничтожить; и девять пастей: по три на голове, затылке, в брюхе; а также два уха — могут накрыть большой город персов *Мазандаран*; один рог золотой, внутри полый, от рога отходят тысяча отростков — осёл побеждает и рассеивает все пороки злодеев на земле; и завершила строкой: «Но отчего ж тогда пороки не исчезнут?»

У курайшей в Каабе богов триста шестьдесят, каждое на земле живое и неживое сотворено *своим* богом, потому боги и творения так не похожи!

Абу-Суфьян уполномочен говорить не сам по себе, а от имени других родов курайшей — максумов, таймитов и амавитов, которые, так же как он сам, из рода абд шамса и с давних пор претендуют на власть над Каабой. Абу-Талиб понял сразу, что не в идолах дело, в защите не нуждаются, стояли и ещё не один век простоят: просто желают, и прежде всего Абу-Суфьян, избавиться от Мухаммеда как возможного соперника *после моей смерти!*

— Дарим тебе на вечное услужение, считай, что в рабы, — говорит Абу-Суфьян и указывает на юношу, — самого привлекательного, находчивого и работающего из сыновей честного и благородного мекканца Омара! — И в пояснение: мол, Омар — брат известного воина Валида ибн Мугира, одного из курайшских старейшин.

— С чего такая щедрость?

— Не щедрость, а в обмен!

— На кого же?

— Корень нашей вражды тебе ведом: мы тебе — прилежного и обладающего богатырской силой раба, а ты нам — Мухаммеда!

— Но он не дитя малое, а муж почтенной Халиджи, отец семейства! Как принять ваш торг?!

— Важно твоё согласие.

— Вы что же, силой возьмёте его в рабы?!

— Он умолкнет, лишившись твоей опоры, и вражда сама собой уйдёт. Ибо всем очевидно, твоему брату Абу-Лахабу тоже: не будь поддержки твоей, вряд ли осмелился бы Мухаммед поднять руку на наших богов.

— Увы, не ведал я, что вы так плохо думаете о предводителе Каабы!

— Что, желаем договориться?
— Торговать приёмным сыном!
— Мало ли торговых сделок в Мекке?
— Но такой встречать не доводилось! Ваш приход оскорбителен.

Может, решили сородичи, самим, следуя законам торгова, который почитаем в Мекке, без посредников уговорить Мухаммеда?

Кто в Мекке не знает Амра? Хваток, силён и нагл! Не случайно выбрал псевдоним, точнее, имя по сыну, *куня*, — *Абу Хакам*, то есть *Отец благоразумия*, к тому же горлом любого переговорит (переиначив имя, прозвали его, с Мухаммеда и пошло: *Абу Джахл*, Неотёсанный, не просто Невежда, а *Отец невежды*). Неужто курайшей напугали девятнадцать ангелов Бога, якобы стерегущих ад, коих ты, Мухаммед, грозишься наслать на нас? Отгоню десять ангелов правой рукой, а девять — левой!.. Так и скажет этому безумцу! Но сказалось иное:

— У тебя старая жена, не правда ли?

Мухаммед вспыхнул:

— Не смей упоминать о ней!

— Не бесись! Мы ведь о том не для того, чтобы обидеть почтенную Хадиджу, а просто хотим предложить тебе вторую жену — юную красавицу, и если пожелаешь её — вмиг получишь.

— Что ещё?

— Власть и деньги — мечта мужчины. Деньги у тебя есть, а власти нет. Если желаешь, изберём наиглавнейшим в совет старейшин Мекки. Может, в тебя вселились шайтаны? Призовём искусных врачей Аравии, Бизанса и Абассии, исцелим тебя от этой хвори, на расходы не поскупимся! Что взамен?

И тут Абу-Джахл вспомнил слова Валида о даре Мухаммеда: — Вволю сочиняй, услаждая наш слух! Но чтобы ни слова о том, что послан к нам пророком! Не ты первый, не ты последний, кто возгласил себя им!

Отношения Валида с Мухаммедом казались Амру странными: то враждебен, а то, помня старую дружбу, потакает безумцу и даже... «Как ты мог, — возмущался Амр, — пойти к нему и предлагать себя в раии ему? Не ты ли собирал недавно друзей, чтобы узнать, что думают о Мухаммеде, и согласился, что он колдун?!»

«Клянусь Хубалом, — ответил тогда Валид Амру, — нет среди вас мужа, который лучше меня разбирается в сти-

хах, в раджазе, касыде, строках джиннов. Но всё ничто пред тем, что говорит Мухаммед, выдавая свои стихи за ниспосланное от некоего его Бога. Есть в его словах лучезарность восхода».

И, видя, как гневается Амр, заметил: «Успокойся, это — мои думы, а неотразимое его волшебство, коим он подчиняет себе других, слабых и нестойких, сущее колдовство!»

Умолк, подумав: но разве стихотворчество и суротворчество — не суть подсказка богов, когда первое рождается изнутри, а второе диктуется извне?

— ...Даже мне, Амру бин Хашиму, не переговорить тебя, Мухаммед!

— Бог рассудит в день воскресения, в чём мы расходились.

— Что ж, тогда уговор: человек по имени Мухаммед, кого мы знаем, щедрый купец, рассудительный муж, уважаем и почитаем, так?

— Спасибо на добром слове.

— Но тогда образумься и полюби, как любил прежде, наших триста шестьдесят пять богов Каабы, оповестив о том мекканцев в Храме... не перебивай, дослушай! И мы, так уж быть, полюбим, объявив о том прилюдно, твоего милостивого и милосердного Бога! Но учти: пошатнётся вера в богов, коими мы держим рабов в повиновении, и они восстанут против нас!

— Нет рабов и нет господ, все мы дети Божьи.

— Твой Абу-Бакр выкупает рабов, давая им свободу, дабы увеличить тем самым число твоих сторонников! Но раб был и останется рабом!.. Отвлеклись, не ссориться с тобой пришёл. Как купец с купцом, поговорим миролюбиво: согласись, услуга за услугу! признать наших богов, и тогда... — Мухаммед, дабы прервать гостя, поднял левую руку:

— Торг неуместен в делах веры, и нет более великого греха!..

А вот и сам Абу-Бакр — явился, и не успел произнести приветствие, как Мухаммед... может, зря наговаривают на него?

— Не знал, Абу-Бакр. Ты, оказывается, выкупаешь рабов при условии, чтобы уверовали в Единственного Бога, да?!

— Ты перепутал местами причину и следствие... Я выкупаю рабов, предлагая им сразу два блага: свободу и веру — верить, будучи свободными, и быть свободными, чтобы уверовать!

— И эти рабы, которые приходят ко мне... — Абу-Бакр завершил:

— Потому и приходят, что свободны! Разве не ведаешь, что мекканцы притесняют рабов, когда узнают, что те уверовали во Вседержителя?!

— Но выкупая рабов и давая им свободу, не наживаешь ли врагов?

— Уже нажил, но от задуманного не откажусь! Богат и трачу свои деньги по своему усмотрению, и ни от кого не завишу!

...Мухаммед пришёл навестить больного дядю и застал у него родичей, которые упрашивали Абу-Талиба: если, дескать, истинно дорожит Каабой, не тая вероломную мысль посеять распри меж паломниками, пусть образумит *приёмного сына* Мухаммеда:

— И это, — услышал Мухаммед, входя, — станет ему твоим заветом!

— Зря отягчаете грехи, — молвил Мухаммед. — Если б вложили мне в правую руку Солнце, а в левую Луну, чтобы миром правил, и тогда б не смог отказаться от призвания, возложенного на меня, покуда Сам Бог не повелит!

— Что ж, если отвергается путь к согласию, будет война!..

Абу-Талиб однажды решил уговорить Мухаммеда: — О, сын покойного моего брата! — начал торжественно. — Этот наш разговор, кажется, третий. Да, первый, когда застал тебя в молитве. — Задумался: — Знаешь ли, что ко мне являлись сородичи, жаловались на тебя, просили вмешаться?

— Неужели, о мой дядя, кого люблю, думаешь, что я упрямлюсь? Это не моя прихоть, а воля Божия!

— Да, — вздохнул Абу-Талиб, — тяжкий груз лёг мне на плечи, нет сил ни сбросить, ни тащить, только ты можешь облегчить мне остаток жизни!

Мухаммед подумал, что дядя больше не сможет быть ему опорой, ужесточатся нападки сородичей... — не тогда ли и вспыхнула в Мухаммеде горькая мысль покончить разом жизнь, уйти из мира, и может, потому, дабы отвратить Мухаммеда от мрачных мыслей, был послан ему Богом Джебраил для совершения небошества, вступить на землю, откуда близкий путь к Богу, и Мухаммед, пройдя семь небесных кругов, предстанет перед Его престолом.

Как рассказывает Ибн Исхак со слов Йакуба бин Утба, кому поведали курайши, посланник Бога, отчаявшись убедить дядю, на кого надеялся, прослезился, заплакал, встал, чтоб уйти.

Абу-Талиб остановил его: — Подойди ко мне, о приёмный отец моего сына Али!.. Что ж, раз убеждён, говори, от себя ли? от своего ли единого Бога? и клянусь богами Каабы, что никогда не отступлюсь от тебя.

4. Убить — что есть проще? Обретение искомого, или о том, что Мухаммеду явилось откровение: *«Всеведущ Бог о том, что спрятано в сердцах!»*

Убить — да, проще простого, и это повторено почерком *насталик*, который назван «прекрасной невестой» среди всех других форм письма и пригоден для сочинений любовно-пиитических, а не тех, что выводятся ныне: мол, чем убеждать безумца, дабы перестал оскорблять наших богов, — убить его!.. Тут же: «Прости, о Боже, что вынужден повторять нечестивцев, которые безумцем называли Твоего посланника, да не померкнет его имя в веках!»

Рука писца, напуганного, что выводит непотребное, дрожала, буквы были, хоть почерк *насталик* изящен, вкривь и вкось, как искривлённое лицо прекрасной невесты, обманутой вероломным женихом: «А говорит он, имея в виду нас, что якобы тот, кто отвергает единственного Бога, находя ему замену в идолах, подобен пауку, который устроил себе убежище из паутины, слабейшее из домов».

Но у них ли одних множество богов? Не веруют разве обитатели Великих рек в четырёх богов, объемлющих время, пространство, душу и разум: Солнце, что проливает свет, чьи струящиеся лучи заполняют око человецье и всей иной твари; Небо, что дает воздух, наделяя нас жизнью; Землю, что щедра на плоды, которыми живёшь; и Воду — начало начал?

Два бога у соседей-персов: бог Света приносит добро, рождая душу бессмертную, а бог Тьмы приносит зло, рождая тленное тело. И ветер не прихоть стихии, а живое дыхание небес, порождаемый шелестом ангельских крыльев, и дует по воле Бога: подставь лицо, и ласковая прохлада коснётся щёк.

Забыть и отставить божества из-за смутных речений одержимого?

Глядя на нас, Мухаммед вдруг в *притворстве безграничном* бледнеет, закатывает глаза, вслушиваясь якобы в голос Бога и будто повторяя за Ним и выдавая только что *сочинё-*

ное за ниспосылаемое *откровение*, жалуется Ему на наше *упрямство*, что не следуем его призывам.

И молитвенная поза унижения в поклоне Богу, Мухаммедом от христиан, кажется, заимствованная.

— Расскажи, Расскажи об аде! — пристали к Мухаммеду однажды.

— Может, прежде о рае рассказать? Про быстрое, как полёт пушенной стрелы, течение реки прохладной, что течёт в раю, — Ковсер?

Вкус белых вод её слаще сахара, а запах приятнее мускуса?!

— Нет, хотим об аде слышать!

— Что ж, расскажу я вам о нём, что мне поведано Богом! Над бездной ада перекинут мост Сират, он тоньше паутины и острее лезвия меча, через него душа умершего проходит. Если грешен — низвергается стремительно в бездну, а праведен — спасается в миг единый. Непосильна ноша, цепи тяжкие волочат... — Молча внимали: а ну, чем ещё удивит?

— Небо расколется!

— А помним, говорил: Небо будет как медь расплавленная?

— Земля сотрясением сотрясётся! Горы сокрушением сокрушатся, став прахом!

— Как речь твоя гладка!

И снова говорит *любопытствующий*:

— Разве, когда я умру, буду изведён живым?

И вторит ему *избалованный*, упорствующий в грехе неверия:

— Разве, когда стану прахом, буду воскрешён?

И третий молвит, невнятна речь его. Но сказать бы в ответ:

— *Не Им ли он сотворён в трёхкратной тьме, быв прежде ничем, из сгустка, из несущественности? Видели ли вы то, что извергается семенем? Капля крохотная, что изольётся из хребта и грудных костей в место израстания!.. Вы ли творите или творец — Он?*

Ниспосланное — несомненность истины.

*И не знать не можете, что в свитках ранних есть, что ниспосланы были Аврааму, Моисею, что молвлено было Иисусом*³⁵.

³⁵ Частый, повторяю, имея в виду его актуальность, мотив в Коране — его преемственность с книгами иудеев и христиан, органическая связь с Торой (Таврат) и Евангелием (Инджил), о чём сказано и в первых мекканских и поздних мединских сурах.

Сказывают, это в хадисе, что в Йасрибе, иудеи спросили Мухаммеда, дабы испытать его, о явленных Моисею десяти знамениях, а также запечатлённых на скрижалях десяти заповедях.

— Девять или десять, не в счёте дело, когда речь о ниспосланном Им, — ответил Мухаммед, указав рукой на небо. И удивил слушателей знанием того, что скрижали были сотворены из райского дерева, длина каждой доски была в десять локтей и что заповеди начертаны *десницей Божией*. — Важно, чтоб люди соблюдали их!

И перечислил заповеди, частью явленные в Коране, а частью повторяющие ранее ниспосланное Моисею: (1) не признавать иные божества, кроме Бога; (2) не проливать невинную кровь; (3) не прелюбодействовать; (4) не воровать; (5) не заниматься ростовщичеством; (6) и колдовством не заниматься; (7) не доносить; (8) не убегать с поля боя; (9) не оговаривать честных женщин. — Умолк в ожидании нового вопроса. «Ты не сказал о заповеди десятой!» — «Десятая — не нарушать запреты шабата, субботнего дня!»

Тут же об аде: чем иным утратить хулителей и неверующих?

*Горят в огне пылающем, поятся из источника кипящего. И пищи нет у них иной, кроме дари [колючки?], не утучняет и от голода не избавляет!...*³⁶

— Страшал довольно нас, поведай нам теперь о рае!

— Но рай — лишь для правоверных!..

В садах вышних наслаждаются, не услышишь там зловоний, родниковые воды проточные, сидения высятся, и чаши поставлены, и подушки разложены, ковры разостланы, возлежат на ложах расшитых, облокотятся на них, не ведая ни зноя солнца палящего, ни холода стужи морозной, друг против друга в одеяниях шёлковых от Бога. Тень деревьев над ними близка, плоды покорны — низко склонились.

И в окружении дев чернооких, большеглазых, скромны, и взор у них потуплен, и отроки тут вечно юные, и те и другие — красотою точно жемчуг, в раковине сбережённый, они им в услужение даны. Облачены в одеяния зелёные из атласа и парчи... И кубки серебряные, чаши хрустальные, кувшины

³⁶ Замечу, что в отличие от ада, *геенны огненной*, который показан в образах фантастических, отсутствующих на земле, рай, напротив, дан в картинах земных чувств, наслаждений и удовольствий.

поднесут им, полные напитков, на имбире настоянных. Поят вином, от которого не влечёт к греху и пустословию, ни боли головной, ни хмеля, ослабляющего рассудок, а в завершение — мускус.

Мухаммеда не перебивали, захваченные изображением рая:

— Но не подумайте, что мной сочинено, нет, не способен человек представить то, что ведомо лишь Богу!

Нет, слушать эти бредни неумоготу, а тут ещё кто-то, съев финик, бросил косточку на землю, и Мухаммед укорил его: *Не кидай косточку финика куда попало! Может попасть в невидимое живое существо и убить его!*

Поистине одержимый в Мекке объявился!

Столькие тайно гибнут в стычках, отравленные и заколотые, а тут не справиться с одним?!

Но кто без боязни родовой мести возьмётся убить Мухаммеда?

Отверзлись небеса.

Кто увидит это? Как будто уснули собравшиеся.

Вот он, один из них, — только он, казалось, вникал в слышимое, что вызывало неприязнь, ибо рушило привычное, и он, Омар, торопится ударом меча прервать линию жизни Мухаммеда.

— Да, я, Омар, возьмусь закрыть его уста!

— Ты? Друг Хамзы, ровесника и дяди Мухаммеда?!

Неистовый, как и сам Хамза, многобожец. Дескать, ловок, смел, дерзок и бесстрашен (качества достойные, почётные)! А доброта и милосердие — изнеженности проявление! Славное мужское дело — страшать и нападать! Разбой на караванных путях-дорогах!

Мало ли врагов пало в сражениях от стрел, оперённых ястребиными перьями? Любит открыто обнажаться, натереть тело маслом — оно блестит — и всякими телесными упражнениями силу показывать, игру мускулов.

Накануне Хамза, вернувшись с охоты, узнал, о чём поведал слуга Мухаммеда Абдулла, сын Джаддана, что Омар, как палач, облачившись в красное, вышел на многолюдный базар и прилюдно ругал Мухаммеда, что лжец он и плохо кончит, назвал его, довольный находкой, *канатным плясуном*: мол, *покажи, на что способен!*

Намёк на призыв Мухаммеда молиться единому Богу. Это было в базарный день, праздник в честь какого-то идола, и Мухаммед, видя, что никто ему не внимает, крикнул: «Что вы делаете?! Увидали бойкую торговлю, можно по-

живиться, тотчас обо всём запаматовали, а прежде — о Боге!.. О, жажда наживы! Жажда плотских утех!.. И ринулись к шутам, точно стадо баранов, тигром гонимое, оставили меня, призывающего к молитве, стоять в недоумении и растерянности!..»

Кто-то всё же отозвался: «А что есть забава?..»

«О, столько явлено мне Богом про забаву!.. Кто-то прислушался и преуспел, а кто-то пренебрёг и потерпел в делах крах». Но кому он говорил?..

Потом, когда Мухаммед со слугой, Али и приёмным сыном Зейдом шёл молиться на гору Сафа, Омар измывался над ним, сопровождал шествие глумливыми выкриками, корчил немыслимые рожи: «Ты предал Каабу! Убирайся из Мекки!»

Мухаммед велел спутникам не обращать внимания на Омара: мол, на что иное может быть способен племянник Абу-Джахл? Каков дядя — таков Омар!

Разъярённый Хамза, заступаясь за честь молочного брата, нашёл на площади Омара и ударил его, влепив при всех пощёчину:

— Был один *Абу-Джахл* — твой дядя Амр, теперь второй объявился, ты!

Омар, к удивлению свидетелей, стерпел и, потирая рукой щёку, стал тут же оправдываться: мол, он ни при чём, во всём виноват Мухаммед, предавший веру предков, вероотступник.

«Я тоже, — сгоряча воскликнул Хамза, — не верю в твоих каменных идолов, так что же — оскорблять меня?!»

А когда Хамза ушёл, Омар попытался даже отшутиться: дескать, *такое среди друзей водится, повздорят и помирятся*. И что он на месте Хамзы поступил бы так же!

— Отомстил я твоему обидчику! — сказал Мухаммеду Хамза. — Больше не посмеет сказать тебе слово тяжелее лепестка розы (бедуинский образ?)!

— Ждёшь моей благодарности?

— Ты как будто недоволен!

— Мне горько видеть тебя неверующим ни в идолов, ни в единого Бога!

И тут же Мухаммед вздрогнул, услышав, будто кто-то воскликнул, произнеся две буквы арабские: *Та*, а следом *Ха*. Такое уже случалось видеть Хамзе, когда Мухаммед замирал, будто отрешаясь от всего и вся, никого уже не видя рядом, и следовало откровение. И снова, точно знаки свыше: *Та, ха!*

*Коран Мы ниспослали не в переживание, о Мухаммед, не для печали, а в напоминание благочестивым!..*³⁷ — И умолк. И, будто придя в себя, молвил: — Да, неверие отрицающих! Мои земляки, да, это больно мне, противятся ниспосланному! Я вижу, — глянул на Хамзу, — что и ты, Хамза, мой друг и брат, тоже колеблешься, выдвигая одну ногу вперёд, а другую отставляя. Что ж, каждый выжидает, выжидай и ты с теми, кто отрицает!.. Но настанет время и узнается, кто обладатель ровного пути и шёл по прямой дороге!..

Пора внести некоторую ясность в важную для понимания Корана суру «Та Ха», которая многотемна, состоит из 135 аятов, явленных Мухаммеду с большими перерывами по времени (приблизительно в первый и пятый годы посланничества) и по пространству (Мекка и Медина).

В этой суре впервые услышано имя единого Бога «Аллах» в системе иных Его имён *Rahman*-Милостивый, *Rabbi*-Творец:

Нет иного божества, помимо Аллаха, и Он всеми чудесными назван именами! (20/8).

Сура эта тематически пророческая:

Моим историям минувших дней внимай, ниспосланное Мной — вам в назидание! — говорит Бог Мухаммеду, и посвящена Моисею, повторяет в иных стилевых формах с некоторыми содержательными отклонениями известный по Торе сюжет. *Не слышал разве о Моисее рассказ?* — говорит Бог. И о том, как увидел Моисей *пламенеющий огонь*, услышал Его глас: — *А что это ты держишь в правой руке, Моисей?* — *То посох мой, я опираюсь на него, а также погоняю им овец, и всякая иная польза от него исходит,* — и посох стал змеей. И повелел Моисею идти с братом Аароном к фараону, ибо тот вышел за пределы дозволенного, чтобы тот без промедлений *отпустил сынов Израиля!*.. и про состязание с колдунами фараона, как задвигались и змеями поползли верёвки их и посохи, а посох Моисея, став змеей, *поглотил всех змей*, — была *волосатой*, нижняя её челюсть, когда она раскрыла пасть, оперлась о землю, а верхнюю возложила на крепостную стену, и расстояние между челюстями было восемьдесят локтей. При виде чудища фараон побежал, наложив в страхе в штаны, и в

³⁷ Аяты 2 и 3 суры «Та Ха», чьё название стало и 1-м аятом 20-й суры в каноническом Коране, хронологически 44-я.

давке, когда все бросились врассыпную, погибло двадцать пять тысяч человек.

Разночтение с Торой касается «косноязычия» Моисея: Бог, по Корану, *развязал язык*, то есть устранил заикание. «Косноязычие» Моисея («я тяжёл устами», «тяжелоуст и косноязычен», «человек я не речистый», говорит он о себе в Торе) было вызвано, как известно, тем, что он был подвергнут в младенчестве испытанию фараоном, который хотел узнать, не грозит ли он трону, чудодейственно приплыв к ним в корзине: перед дитятей были положены золотая корона и жаровня с раскалёнными углями, младенец, естественно, потянулся к короне, но Гавриил толкнул его ручку к жаровне, и тот, схватив уголь, сунул в рот, чем и вызван был речевой дефект. Однако такого рода «косноязычие» носило не столько бытовой, сколько концептуальный характер, противостоя красноречию (=краснобайству): идеи Моисея народ принял не потому, что они были облечены в «речистую» форму.

И снова излагается по Торе: *Мы откровение Моисею явили: «Ночной порой с Моими рабами выйдешь, проложишь им дорогу по морю, пройдя как сушу, а войско фараона покрыто было в море тем, что покрывает».*

Тут и история, как выплавляли золотого тельца, он ожил и звуки издавал, подобные мычанию³⁸ («И самирит сказал: “Вот кто ваш Бог, Он и Моисея Бог, Который им забыт!..”»). И диалоги Моисея с Аароном, и про наказания, постигшие «отвратившихся», то есть Коран органически связан с Торой и Евангелием:

Быть может, — обращается Бог в Коране к язычникам, — устращитесь, образуясь и бывое вспомянув?

Ещё одно пояснение в связи со «стоайатными», как их называли, сурами: Мухаммед физически не мог услышать и повторить без перерыва или передышки враз, как изначально определялось восприятие ниспосылаемого Богом. Во 2-й, к примеру, суре «Корова» составители искусственно собрали 285 аятов из девяти сур, ниспосланных в разное время. Подобное наблюдается и с сурой 3-й «Семейство Имрана», 4-й «Женщины», 5-й «Трапеза».

В оправдание вмешательства людей в композицию Корана существуют три объяснения: что такая структу-

³⁸ О том есть версии *небесная* (самирит взял горсть земли из-под следа коня Гавриила и бросил в пасть идолу) и *земная* (в пустое нутро золотого тельца дул ветер, и возникал звук, похожий на мычание).

ра установлена Богом через *Джебраила* (это называется *tawqifiyy*), но это не отражено в Коране — вряд ли можно представить, чтобы посланец утаил ниспосланное; второе — что пророк желал подобного расположения, чего также нельзя принять: Мухаммед — не автор Корана и не вправе был предлагать подобное; третье оправдание близко к истине, объясняется *дерзанием* (*ijtiad*) составителей, признаётся их произволом.

Не может не вызвать вопросов и отсутствие двух, по крайней мере, названий в заголовках сур: есть сюжеты, разработанные по Торе и Евангелию, но нет соответствующих им названий, что отмечалось и средневековыми коранистами. Речь в данном случае об именах двух основополагающих посланников Бога — Моисея и Иисуса: сюжеты есть, а названий нет. Если иметь в виду, что Коран собирался спустя двадцать лет после смерти Мухаммеда в пору открытой конфронтации с иудеями и христианами, то можно высказать предположение, что эти названия, которые прежде наличествовали, были просто изъяты составителями. Очевидно, айаты суры «Йа Син», начиная с 13-го, где излагается история об апостолах, созвучная Новому Завету (как в Антиохию к язычникам-арабам прибыли ученики Иисуса апостолы Варнава, Павел и Пётр и *говорили слово Божие, дабы отверзнуть дверь веры язычникам*), составляли суру «Иисус».

А 20-я сура, названная, как и «Йа Син», арабскими буквами «Та Ха», прежде именовалась «Моисей», что подтверждает богослов Джалал ад-дин ас-Суйути (XV век). Здесь же сказано ссылкой на современника Мухаммеда ал-Хазрад-жи, что первоначально 38-я сура «Сад» (буква арабского алфавита) называлась именем иудейского пророка Давида, а 27-я «Муравей» называлась «Соломон». Ушло название 98-й суры «Люди Писания», то есть иудеи³⁹.

Но вернёмся к прерванному разговору между Мухаммедом и Хамзой.

— Нет для меня, — сказал Мухаммед молочному брату, который недавно признался ему: «Может, ты впрямь про-

³⁹ Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках. Учение о своде Корана / Под общ. ред. Д. В. Фролова. М.: Муравей, 2000. С. 48, 42, 44. О том же сказано и у Ибн Гасана, что «люди, собирая Коран в пору противостояния с иудеями и христианами, руководствовались, увы, не *небесным*, а *земным* диктатом».

рок, но я останусь верен богам Каабы», — никакой радости в твоей вести, что ты наказал Омара, Бог ему судья! — Я жду от тебя, Хамза, не заступничества за меня, а признания правоты моей веры.

Хамза ушёл с обидой и, будто кто принудил, вскоре воротился:

— А что надо сделать, чтобы принять твою веру в единого Бога?

— Произнести: «Нет иного Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его».

— И этого достаточно?!

— Но, молвив, поверить в истинность сказанного! С произнесённым словом шутить нельзя. Скажешь слово и нарушишь — беда случится!

— Что ещё?

— Но что может быть превыше, сказав Слово, поверить в него!

— Что ж, дабы укрепить тебя, произнесу заповедь перед всеми!

— Только чтобы укрепить меня?

Выйдя от Мухаммеда, Хамза пошёл к Каабе и, глядя на паломников, торжественно заявил: «... и Мухаммед — пророк Его!»

Задетый изменой Хамзы, Омар молвил:

— Некогда я предлагал мир Мухаммеду: «Признай наших богов, и мы признаем твоего Единого, и пусть судьба подаст знак, кто из нас прав: восторжествует твоя правда со знамениями — примем твою веру, а если наша — заявишь о заблуждении и вернёшься к нам». Отверг моё разумное предложение! Но если так, приму иное решение! Какое? Отправлю на вечный покой, как некогда проделали с Иисусом, видя его упрямство!

— Не каждому по плечу задуманное тобой! — сказал Абу-Суфьян. Решил раззадорить? И тут же: — А мы бы достойно вознаградили такого смельчака!

— Ты? Троюродный брат Мухаммеда?!

— Оскорблена вера: и наша, и предков наших!

— А что значит достойно? Это по-твоему сколько?

— Что ж, Омар сын Хаттаба, ты мыслишь вполне по-купечески! Но если вопрос твой праздный, оставлю без ответа, а если...

Омар перебил его:

— Я спрашиваю всерьёз!

— Такому смельчаку, — объявил Абу-Суфьян, — дам

сотню розовошёрстных верблюдов и тысячу ваги серебром! А в каждом ваги, — уточнил ради внушительности награды, — двадцать дирхемов!

Зашли в Каабу, семикратно обошли её; заведено истари — посетить Храм перед принятием важного решения, чтобы главный идол *благословил*, и припасть устами к Чёрному камню; если вооружён, оставляешь у входа лук или пращу, палицу, дротик, даже щит, плетёный или кожаный, снимаешь с пик наконечники... Омар свершит подвиг во имя богов Каабы! Ножом? Нож неразлучен с мужчиной. Подкрасться и — в спину?

Нет, таиться незачем. Омар на плоском лице Хубала подглядел приветливо смотрящие глаза. Ещё лук возьмёт со стрелами в колчане, кончик одной, — Омар никогда не промахивался, — смазан ядом гюрзы.

«Эй, Мухаммед, — скажет ему Омар, — я выполняю волю богов Каабы, повелевших мне избрать мишенью именно твою грудь!»

...Навстречу Омару — Найим, сын Абдуллы из колена курайшей зухра, интриганы, коих свет не видел! Не смог уйти незамеченным, и тот — ему:

— Куда путь держишь, сын Хаттаба, не на охоту ли собрался?

— Убить Мухаммеда иду! — Незачем таиться, если благословили боги. Дерзкий ответ даже понравился: пусть Найим разболтает весть.

— Так ли легко его убить?

— Он что же, бессмертный?

— Много сторонников у него!

— И конечно, ты среди тех, кто поверил, что он пророк!

— Что я? Уйми свою сестру и зятя, тайно исповедующих ислам!

— Врёшь!

— Когда ты воевал, пошли за Мухаммедом, сделались мусульманами!

Станет Омар сплетням верить!

Лицом к лицу столкнулся с Саидом, сыном Ваггаса, *птичьеголовые*:

— Куда спешишь, Омар?

— Не твоего ума дело!

— Земля слухом полнится, говорят, Мухаммеда убить вздумал?

— Хоть бы и так!

— Не петушишься прежде времени!

— Птичьи ваши повадки не по мне! — И вынул из ножен кинжал.

— Не один ты с кинжалом, и у нас кое-что за пазухой есть! — Свой кинжал показывает. — А прежде чем убить, посоветуйся, — съязвил, — с сестрой и зятем, они ведь приняли веру Мухаммеда!

— Чем докажешь?

— Собственными ушами слышал, что не притронутся к мясу, которое принесёшь им, ибо ты *мурдар*, то есть нечистый.

Изменил путь и — к сестре, прежде купив в лавке мясо.

В те дни было ниспослано: *В тот день, как сотрясётся сотрясающий [первый трубный глас], и последует новый всеслышимый [второй трубный глас], сердца в тот день трепещущие, взоры смиренные...* — Сестра и зять Омара пригласили к себе Хубаба, сына Саида, который обладал свитком с этой сурой, — тот и принёс, чтобы переписали.

Омар услышал напевный голос: сестра произносила: *Вознёс Он свод небесный и его устроил, и тьмой ночью утёмнил его, и высветил зарёю, и землю распротёр, и вывел из её расщелин воду, и пастбищем устлал, и горы, вознеся их, утвердил.*

Увидала брата и, велев Хубабу спрятаться, осталась стоять, держа в руке свиток. Омар, будто ничего не замечая, протянул сестре мясо:

— Я голоден, приготовь что-нибудь поесть.

Зять развёл огонь в печи, сестра, бережно положив свиток на сундук, взялась жарить мясо. «Вот и лгут, — подумал, — что считают меня нечистым, *мурдаром!*»

— Что такие невесёлые? — спросил.

— А с чего радоваться?

— Брат к вам пришёл! — Сестра промолчала. — Есть что попить?

— Верблюжье молоко.

— Вот и хорошо! Оно у вас всегда прохладное, хитрость знаете!

Положила сестра перед братом еду, присела с краю скатерти. Зять в сторонке стоит, насупился, словно его только что чем-то обидели.

— А вы чего не едите?

— Мы сыты.

— Ах, сыты! Ну да, ведь я *мурдар*! В единственного Бога поверили? Недостойно сидеть с человеком, у кого таких,

как ваш бог, сотни?! И ты допустил, — зятю, — чтоб моя сестра! — Вмиг выхватил кинжал: — Я тебя сейчас!..

Сестра кинулась на брата, он оттолкнул её.

— Да, — вспылила, — ты мурдар!

Омар опешил: родная сестра ополчилась на брата?!

— Чем силой кичиться, подумай, почему уверовали мы в Мухаммеда!

— В бред больного?!

— Божественное слово!

— Неведомый язык, на котором вы говорили? Я слышал!

— Отчего ж неведомый? Язык наш, хашимитский!

Омар не помнит, как вложил кинжал в ножны, но чернота во взгляде сразу сошла: — Смысла не уразумею.

— Не каждому открывается послание!

— Не оно ли в твоих руках? Обычная телячья кожа!.. — Но вдруг будто кто за него произнёс: — Может, позволишь взглянуть? — Власть (но чья?) крепко Омара держала и вела.

— Просишь о невозможном, — ответила. — На эту священную вязь могут взирать чистые глаза! И прикасаться — чистые руки!

— Что же мне сделать, чтобы стать, как ты говоришь, чистым?

— Нашу заповедь произнести!

— Я её слышал из уст Мухаммеда. Произнесу если, позволишь взглянуть?

Мучает жажда неясная, новая, что-то толкает в грудь — нетерпение и страсть к неведомому. И сжигаемый странным любопытством, Омар, как о том рассказывал впоследствии, медленно, нехотя, словно чужими устами произнёс: *Нет Бога, кроме...* — но слова, слетевшие с уст, прозвучали как клятва. Кто вложил их в него? И удивительно — успокоили его. Сестра тут же протянула ему лист.

— Лучше сама прочти! — Руки дрожали, пот выступил на лбу.

Прочла нараспев:

Когда дрогнет земля, сотрясётся сотрясением, когда из чрева свою ношу тяжкую извергнет, воззопит человек в отчаянии: Что с ней? И поведает земля горести свои, ей Богом твоим внушённые. И люди, из могил исторгнутые в тот день, собьются толпами, и явлены им будут их деяния; и тот, кто сделал доброе весом с пылинки, — увидит его, и тот, кто сделал злое весом с пылинки, — увидит его (99/1—8).

— Мог ли сочинить человек? — подал голос зять. — Тайное и мудрое!

«Не мог!» — подумал Омар, но сказал иное: — Ничего на земле тайного нет, всё во власти богов: дождь, засуха, мор. А мудрость, о которой говоришь, — дар сатаны! — Говорил уверенно, а смятение не покидало.

— То не мудрость, а хитрость и козни! — раздалось из-за перегородки: вышел почитаемый в Мекке грамотей Хубаб, у кого Омар учился грамоте.

— Ты? — удивился Омар. — Здесь?!

— Дошли до меня твои намерения, Омар. Что ж, человек грешен, в сердце каждого может лежать побуждение делать и зло, и добро, что намного труднее. Услышь меня! Мухаммед мечтает, чтобы ты был с ним.

— Придумал только что! — Слабеет совсем его самоуверенность.

— Твёрдо знаю. Ибо я — носитель суры.

— И ты? — спросил у сестры.

— Я не удостоена такой чести.

— Увидишь Мухаммеда и поймёшь, что говорю правду.

...Как только пришли в дом Мухаммеда, Хамза и Али обступили Омара. Беспокойство его охватило: в ловушку заманили!

Хадиджа появилась, и это успокоило Омара.

— Оставьте его, — сказал Мухаммед. — Он явился с добрыми намерениями.

Омар почувствовал облегчение, точно избавился от давящей тяжести.

— По ясному его взгляду вижу, — продолжил Мухаммед, — что он уже произнёс нашу заповедь! — Омар, ещё не понимая, что с ним, кивнул. — Не по воле собственной своей я творю, Омар! Я лишь стрела, выпущенная Богом.

— Воля Бога, — добавил Али, — и есть суд Мухаммеда.

— Пойдём по Мекке, — предложил Хубаб, — пусть люди удостоверятся.

Выйти с ними? Медленно отпускало сопротивление. Что-то внутри открывалось... — дом светился разноцветными окнами.

Пусть видят, какие богатыри, — Али показал на Хамзу и Омара, — в наши ряды вступили! — Хотел было, только что родилось, произнести:

Случается, соломинка ломает хребет верблюду, но промолчал — Омар мог не так его понять и обидеться, скажет потом, и это станет поговоркой.

Но прежде Омар спросил, точнее — Мухаммед почувствовал колебание слов невыговоренных, будто о чём-то ещё хочет узнать, и упредил его вопрос:

— Я готов тебя выслушать, Омар.

— Хотел бы... знать.

Но не стал ни о чём спрашивать — все вышли, и Омар с ними.

Картина читаемая, нарисована неизвестным художником; по легенде, чуть ли не Зейдом (Мухаммед однажды видел, как тот углём в точности воспроизвёл охоту в горах на тура) в пору, когда не последовал ещё запрет на воспроизведение людских лиц, точнее, отличительных черт на лице человека, ибо это, сказано Мухаммедом, подвластно лишь Богу, о чём не раз говорили с Хадиджой, которая и учила Зейда рисовать; и гладко лилась её речь, когда говорила ему, и Мухаммед однажды слышал про прямые и пунктирные линии, и вертикальные, точно кипарис, горизонтальные, будто стелется лоза, оставляя на песке след, про изгибы линий, точек над ними и под ними, и даже заключённые внутрь изогнутого ковша, про узлы миндалевидных окружностей — из них, дескать, сотканы буквы письма, иль алифбея-алфавита.

...Идут, никого и ничего вокруг.

Та же читаемая картина?

Лишь они да неровные на горизонте блёклые контуры то ли холмов мекканских, то ли проплывающих облаков — не различишь.

А кто справа?

Не узнаёшь *Рассудительного*, каким считали Абу-Бакра?

Пристальный у него взгляд.

А слева — высокий и широкий в плечах Хамза, прозванный *Могучим*.

Впереди — Али, кого *Мечом Ислама* назовут, у него густые брови и шагает решительно, выпятив грудь, будто щит.

А возглавляет шествие Омар, и гордо поднята его голова.

Омар? Впереди всех? Даже главнее Али!

— И ты примкнул к ним?! — воскликнул Абу-Суфьян, увидев Омара.

— Велик единый Бог, — ответил Омар, — и нет на земле человека, который бы мог изменить Его волю!

Слова его вызвали смех:

— Поумнел как! — Следом: — Поверил в смутьяна, несчастный!

— Абу-Талиба бы сюда — поглядеть на сына Али!

И о том ещё, что они сами, эти безумцы, лишили себя поддержки богов Каабы и потому (?) нет им отныне доступа в храм!

— Ваше счастье, что ныне — священный месяц!

И потому, мол, Мухаммед может позволить себе без страха за свою жизнь появиться среди богомольцев: никакие насилия не дозволяются в священный месяц наплыва паломников!

Что ещё? Не довольно ль?

Но те, в сердцах которых скверна, не устают вопрошать:

«Что такое хотел сказать Бог этим, как притчей?»

А вот что: ввести в заблуждение тех, кто этого хочет, и указать прямой путь тем, кто этого желает, — да не уподобитесь ослу, несущему Книгу в поучение себе подобным!

И вдруг... — Абу-Талиб ушам не поверил, когда Мухаммед, не хотевший и слышать про каких-то, сказал, *идолов*, наутро заявил, что *явление ему было* и отныне богини Мануту, Узза и Лат, почитаемые в Мекке, — благородные представительницы перед Богом. Ибо, как сказано ему было: *Они следуют божественным предположениям и тому, к чему склонны души, поверившие в единого Бога, и к ним пришло руководство Его!*

Тотчас по Мекке распространилась весть о долгожданном признании Мухаммедом богинь. Явился даже гонец, приглашающий Мухаммеда прийти в Каабу. И он, впущенный в храм, перед которым ждала, приветствуя его, толпа из бывших недругов, встал перед главным идолом Каабы Хубалом, молился вместе с многобожниками, вознося хвалу богиням. Ему позволили даже губами прикоснуться к Чёрному камню *хаджари*.

А вернувшись домой... — не успел переступить порог, как вдруг побледнел, руки затряслись, лоб покрылся потом. Хадиджа, всего лишь миг назад возрадовавшаяся единению мужа с мекканцами, встревожилась: Мухаммед прикрыл глаза, ему было больно смотреть на свет, и заговорил, повторяя, казалось, ниспосылаемое:

«О ты, Мухаммед! Как взбрело такое в голову, и она не

раскололась?! Как ноги твои не переломились, когда шёл в Каабу?! Приблизить к Богу идолов! Молиться, глядя на Хубала! Чествовать богинь!»

«Но я... — Мухаммед задышался. И тут же, будто самому себе: Вернись и скажи: Да не сотворю вместе с Ним другого божества!»

И Мухаммед снова пошёл к Каабе.

Встал пред храмом.

Крик его ударился о стены Каабы:

«О храм, пристанище сатаны!»

...Сговор вождей курайшей против *изменников*, свои против своих.

Тех — горстка единомышленников, *эти* — весь народ мекканский: грамоту на коже составили, подписав, поместили для хранения рядом с Хубалом, поклялись не вступать с ними в браки, не торговать, не позволять по городу передвигаться.

Много ворот ведут в Каабу, но если паломники идут мимо дома Мухаммеда, то мекканцы непременно оскорбят их, мол, осквернили стопы. Вот и стоит в осаде квартал *мутталибов*, названный в честь деда Мухаммеда, где дом Хадиджи, и тайком посылается к ним еда.

Абу-Бакр ухитрился однажды привезти ночью к Хадидже выюк зерна.

Нет, не восхитимся этим городом!

О чём ты, Мухаммед?! — будто отовсюду услышал упрёки.

Поистине, Мухаммед вызвал этим возгласом гнев мекканцев.

А тут — новая весть в Мекке: явление было Мухаммеду, договор о бойкоте волею Бога уничтожен! Точно: кожа с подписями съедена термитами!

Если б не Омар и Хамза — побаивались их, да и Абу-Талиб держит ключи от Каабы, не считаться с ним не могут, — несдобровать Мухаммеду.

...Их было одиннадцать — сторонников Мухаммеда, которые решили покинуть Мекку, среди них две разведённые дочери Мухаммеда — Ругийя и Умм-Гюльсум: их мужья — сыновья Абу-Лахаба, Атаба и Атиба, доводящиеся им двоюродными дядьями, — выгнали их из дому, мол, ваш отец лишился рассудка, и они не желают порчи собственному потомству.

Подсказала рабыня-абиссинка Умм-Айман, уже соста-

рилась, была оставлена в память об Амине-хатун, куда бежать: на её родину, слыхала она, будто новый абиссинский негус, исповедующий христианство, не допускает, в отличие от своего предшественника, никакой вражды между верами.

Мнилось, пока опыт не опроверг, что мекканцы веротерпимы. Разве таковыми не были они в общении с христианами, иудеями, проживающими здесь сабиями и ханифами?

Двери Каабы для всех всегда открыты!

Отчего новую веру не приняли? Хотя бы не враждовали с ним!

Но Мухаммед дерзко заявил, что не переступит через порог осквернённой святыни, не войдёт, пока не очистят её от идолов.

...Ругийю от позорного изгнания из дома мужа спас Осман: он женился на ней; вера Мухаммеда настолько его увлекла, что ни на шаг не отступал от *учителя* и первым среди поверивших стал обращаться к Мухаммеду: *Пророк*.

Среди одиннадцати — и дочь Умм-Гюльсум с рабыней Умм-Айман, самого Мухаммеда воспитавшей, а потом и его детей; сын Абу-Талиба, Джафар, ему уже двадцать шесть, он возглавил переселенцев; а также молодые муж и жена, Шукран и юная Сауда с успокаивающим именем «Приносящая пользу», родственница Османа, мягкая, отзывчивая.

— Покиньте Мекку, когда загорится на небе... — задумался Мухаммед, а потом, не поясняя, произнёс: «Звезда пронизывающая». И, провожая, скажет:

— Эй, идущие ночью, помните: над всякой душой есть хранитель!

5. Краски полумесяца, или о том, как группа мухаммедианцев, спасаясь от преследований, нашла приют в Абиссинии, но в эти же дни на Мухаммеда обрушился удар: смерть Хадиджи, и дом стал пустыней.

Противники Мухаммеда, узнав о беглецах, направили к негусу своих людей — Омара ибн Валида и Амр-Аса.

Негус, выслушав странную, как ему показалось, просьбу послов мекканских старейшин изгнать из его благословенной Хабешии неких мухаммедианцев⁴⁰, пригласил

⁴⁰ Последователей нового единобожия называли как «мухаммедианцами», так и «измаилитянами», ведущими свой род от Измаила,

явиться к нему главу переселенцев Джафара, чей титул был Тайяр, или Летящий — так ему перевели.

Ступив на мраморные плиты дворца, Джафар Тайяр в нарушение — от растерянности — ритуала не преклонил пред абиссинским царём колен, а приветствовал его лишь долгим кивком головы, уставившись на узоры огромного ковра — такой он видел впервые, — устилавшего пространство перед тронном правителя.

Знать зароптала, но негусу независимость гостя понравилась.

— *Летящий*, что сие значит? — спросил.

— За полёты во сне я так прозван.

— Но летают дети, когда растут!

— И вчера я летал по вашему небу, — показал рукой на высокие окна дворца, сооружённого будто из живого камня, отражающего, но не вбирающего лучи солнца, — и были мне крыльями мои руки.

— Может, ещё каким умением отличен?

— Я как все, а что *летящий* — себе в беспокойство: легко возгордиться.

Негус, удовлетворённый ответом, изобразил на лице подобие улыбки, и вельможи тут же согласно кивнули.

— Ваши земляки, — негус показал на Омара и Амр-Аса, — явились с требованием обязать вас подчиниться им.

— Как же я могу, сын Абу-Талиба, хранителя ключей от Каабы, подчиниться рядовым курайшам?

— Верно это? — спросил негус.

— И да, и нет, но... — Амр-Ас думал продолжить, но негус прервал:

— Поговорите друг с другом, и я выслушаю доводы обеих сторон, благо наречие курайшей мне частично ведомо, ибо в дальнем мы родстве, а что не пойму — переводчик мой разъяснит.

— Я хочу, — это Джафар, — если позволите, — негус согласился, — спросить у сородичей: есть ли, — обратился к Амр-Асу, — среди нас, кто покинул Мекку, ваши собственные беглые рабы?

— Нет, — мгновенно ответил Амр-Ас.

— Может, кто из нас ваш должник и решил скрыться?

— Чего нет, того нет.

сына праотца Авраама, «агарянами» — от имени Агарь-Хаджар, матери Измаила, и даже «сарацинами», с негативным оттенком, — от Сарры.

— Или пролил кровь ваших близких и вы жаждете мщения?

— Тоже нет.

— По какой же причине, если совесть наша чиста, нашей покорности желаете? — Кажется, это был вопрос, с которого стоило бы начать разговор.

— Вы вероотступники, проклятые Каабой! — прогремел Амр-Ас. Слова ударились о каменные стены, отозвавшись эхом. Мраморные колонны, как показалось Осману, вытянулись будто в изумлении. Ну нет, не толкнуть их на ссору здесь, во дворце негуса, где приём изысканно гостеприимен.

— Каждый, — заметил Осман, — исповедует веру по внутреннему влечению!

Негус прервал их спор, разглядев в точке скрещения искру, спросил у Джафара: — Вас обвиняют в отступлении от веры курайшей?

— Мы приобшились к новому единобожию!

— Отличному от *моисейства* и *месихизма*⁴¹, так?

— Мы чтим абиссинцев, из коих пророк Муса выбрал любимую жену.

— Муса — это кто же, иудейский Моисей?

— Мы не делим пророков, — ответил Джафар, — на иудейских или ещё каких, ибо для нас и первочеловек Адам — пророк.

— Но он согрешил!

— На то была воля Божья! Вера наша, которую исповедуем, *мусульманская*, её, по велению Бога, учредил Мухаммед. Донёс до нас божественные откровения. Но нашлись в Мекке люди, которые повели войну против Мухаммеда, что и вынудило нас искать убежища в краю, где царствует справедливый, веротерпимый и гостеприимный...

Негус прервал Джафара:

— Откуда сие ведомо?

— Людская молва! — продолжил было Джафар речь во славу негуса, но тот его в нетерпении перебил, выпрашивая:

— Что за божественные откровения ниспосланы были Мухаммеду?

— Не одно, не два, не десять!

— А сколько?

Джафару показалось, что в высоком окне тотчас мигну-

⁴¹ От Месих — мессия. Имеется в виду христианство.

ла ему звезда *пронизывающая!*.. Но ведь ещё утро! *Нет*, ему кто-то, *уже вечер, ваша беседа успела втянуть в себя время... говори!*

На сей раз не Джафар ответил, а Осман:

— Целая Книга!

— Как? — удивился негус. — Книга?! — Есть, оказывается, Книга, а ему неизвестно! С укором, в нём гнев, бросил взор на приближённых. Есть Книга, которая не украшает его библиотеку! Конечно, с Александрийской не сравнится, но ведь той уже нет, а его библиотека существует! Дед внуку, а внук, ставший дедом, своему внуку рассказывал, какая она была, сокровищница знаний. Христиане, ведомые патриархом, уничтожили: мол, служит то ли вавилонскому, то ли египетско-эллинскому божку, мужчине с густой бородой, со скипетром в руках, орлом у ног, на голове — корзина, символ изобилия, а имя божества — Серапис-Осирис.

Слуги зажгли свечи, и спрятались стены тронного зала в полумраке. Но высветились бледные лики Амр-Аса, а за ним — тёмная фигура Омара, удлинлись во множестве их тени.

— И вы можете показать нам эту Книгу? — Негус забыл, казалось, про спор и, не глядя на мекканцев-преследователей, обратил взор на Османа.

— Главы её *сурь*, как называем, — хранятся лишь в памяти нашей, — ответил Осман.

— Может, вы этому учились у иудеев? И у нас, христиан, может?

— Мы чтим иудеев и христиан! Но наша вера, — заметил Джафар, — не имеет начала, существовала до нас, она вечная!

— Могу ли я что-либо из неё услышать?

— Я прочту!

Джафар, будто ожидая просьбы, выступил на шаг и поднял голову к небу. Прямо в проёме светил узкий, как меч, полумесяц. Вспомнил, как Мухаммед однажды рассказывал им, ему и младшему Али, о полумесяце, который всего лишь миг назад был белым, бледным и вдруг ярко-жёлтым светом засиял в вечернем мекканском небе. «Не сводите с полумесяца глаз, вот-вот порозовеет, — сказал, — а если не спешить и снова глянуть, раскраснеется, точно застенчивый... — и назвал его имя: — Джафар». Будто воспоминание придало смелость, распевный его голос разлился, обретя торжественность, по дворцу:

Мы отправили к ней Духа Нашего, и принял Он пред нею

обличье совершенного человека. «Я, — сказал, — посланник Бога, и ты родишь чистейшего мальчика».

Она сказала: «Как может быть у меня мальчик? Меня никто не касался, и не была я блудницей!»

Он сказал: «То воля Бога, так молвил Он: Это для Меня легко. И сделаем Мы его знамением для людей». Дело было решено. И понесла она его, и удалилась с ним в далёкое место. И привели её муки к стволу пальмы. Сказала: «О, если бы умерла я раньше этого и была бы забытою, забвенною!»

И воззвал Он к ней: «Не печалься! Твой Бог сотворил ручей под тобою! Потряси над собою ствол пальмы, и уронит она к тебе свежие и спелые плоды свои! Ешь и пей, и очи свои прохлади!..»

И пришла она потом к своему народу, неся младенца. И сказали они:

«О Марйам, ты совершила дело неслыханное! Не был твой отец дурным человеком, мать не была распутницей!»

Указала она на младенца: «Поговорите с ним!»

Удивились: «Как можем говорить с тем, кто ребёнок в колыбели?»

Но молвил он вдруг, даром речи овладев: «Я — раб Бога, Он дал мне Писание, содеял пророком! И мир мне в тот день, когда родился, в день, когда умру, и в день, когда буду воскрешён живым из мёртвых!» Это Иса, сын Марйам, по слову истины, в котором они сомневаются.

Джафар умолк. Расскажет Мухаммеду, что негус проследился, молвил:

— Истинные христиане!.. — и повернул лицо к Амр-Асу: — Чем ответите?

— Пусть читает дальше! Они противоречат вам, не считают Иисуса сыном Божиим! Я прочту с того места, на каком он остановился, — и рукой, будто копьём, указал на Джафара. — Сказал Мухаммед: *Не подобает Богу брать Себе детей!*

— Так ли это? — спросил негус у Джафара.

Джафар сообразил сказать:

— Но о том сказано не Мухаммедом!

— Неправда, я слышал из уст Мухаммеда!

— Он лишь повторил ниспосланное повеление! Да, Иисус — в ряду достойных пророков, явленных до Мухаммеда. И я перечислю пророков *стойких*, названных Мухаммедом вслед за ангелом Джабраилом по велению Бога: первый стойкий пророк Адам.

— Адам?! — Доволен негус, что подловил Джафара на

незнании Ветхого Завета, ведь сказано: *И не нашли Мы в нём стойкости!*

— В Коране, новом Писании Бога, пророки стойкие Авраам, Моисей, Иисус...

Негус поднял руку, повелев остановиться:

— Уж не думаете ли вы, любезный Джафар, обратить нас, восхваляя Мухаммеда, в вашу — как она называется? (с иронией) — новую веру?

— Речь не о новой вере, мы, как и вы, уверовали в Одного Бога.

— Но вы не христиане и вы не иудеи!

— Нет, христианами мы себя не числим, иудеями тоже, хоть и восходим, как и они, к Аврааму.

— Так кто же вы?

И снова Джафар не знал, как точно ответить.

— Я лишь о том, что Иисус, сын Марьям, поистине пророк!

— И только?!

— Но разве Иисус не есть Мессия? — Омар решил угодить негусу.

Осман вдруг, довольный озарившей его находкой (заодно и Джафара спасти): — Если мой земляк, — сказал, — посвящён в такие тонкости, то отчего он охотится за нами, отстаивая идолопоклонство?!

— Нет-нет! — Негус поспешил вмешаться: — Мы не намерены никого обращать в свою веру, — это чтобы были довольны первые, — а тем более притеснять иноверцев! — А это, чтобы знали вторые. И вдруг о чем-то далёком, мол, «совсем недавно (века три назад?) цари абиссинские, мои предки, — назвал Аизану, Эль-Амида и Тазену, — тоже были многобожцами, благодарили за дела свои праведных богов Неба, Моря и Земли, себя называли сыновьями бога войны Махрема... Как малые дети, они своим неведением предпочитали единственному Богу множество богов... — И строго повелел Амр-Асу и Омару не сеять семя раздора, незамедлительно известить мекканцев, с коими у него добрые отношения, не изменять своей терпимости ко всем верам.

В ту же ночь Османа разбудили, о чём он утром поведал Джафару, трое воинов негуса в железных шлемах с шишкой, гребнем и нащёчниками. Велели одеваться и следовать во дворец. Подвели к трону и оставили, велев ждать.

Вдруг какой-то старец, легко спрыгнув с высокого окна на плиты каменные, предстал перед Османом, велев показать золотой ключ.

— Но у меня нет никакого золотого ключа!

— А что в ковровой суме?

— Где вы её видите, — хотел сказать, как вдруг... вот она, у его ног! Развязал тесёмки — вот большой золотой ключ. Дворец тотчас озарился светом.

— Всего ключей три, — сказал старец, — и лишь имея их все, можно открыть врата Бога.

— А где первые два?

— Разве не обещал их подарить вам негус?

— Нет.

Тут появляется негус, старец исчезает, ключ остался у Османа.

— Я велел, — говорит Осману, — призвать вас... — Хочет подарить обещанные ключи! — подумал Осман, а тот спрашивает: сможет ли он, как летящий мекканец, влететь к нему во дворец?

— Летящий не я, а Джафар, — сказал Осман.

— Разве не вы, — спросил, — вчера рассказывали про ваше умение?

— А вы забыли подарить нам обещанные нам два ключа!

— Подарить? Вам?! — устрасяюще вскричал негус. — Чтоб могли в мой дворец проникнуть?! — И так зловеще глянул, что дрожь пробежала по телу, и на миг Осман впал в беспамятство. А когда очнулся — нет в руке ключа, негус исчез, дворец погружён во тьму. Раздался грохот шагов — к нему подошли трое с факелами и выпроводили из дворца, и когда вернулся к своим, дождался утра, чтобы поделиться приключившимся с Джафаром:

— Что бы это значило — увидеть во сне ключ?

— Я вчера говорил, что отец владеет ключами от Каабы, вот и приснилось.

— Но три ключа, притом золотые!

— Вот именно: были две веры, иудеев и христиан, и негус правил, давая им свободу, но появилась третья в ветви Авраама — наша!

— И что же?

— А то, что негусу, чтобы быть истинным правителем, надо признать и нашу веру — третий золотой ключ!

(О чём и расскажут Мухаммеду.)

Но раньше Омара и Амр-Аса, коих выпроводили из Эфиопии, дабы спешно доставили в Мекку повеление негуса, прибудет туда Джафар: только что пришла от Мухаммеда весть о смерти Абу-Талиба.

Похоронят, не дождавшись сына. Даже к третьему поминальному дню не успеет. Ибо нельзя более одного дня медлить с преданием умершего земле. Омыли тело, Мухаммед завернул его в белый саван — вспомнил, как Абу-Талиб говорил: «У каждого путника всегда при себе должен быть под мышкой его саван!..» — положили на носилки и молча понесли на кладбище.

Никаких причитаний, как было в доисламские времена: Мухаммед запретил, как и царапанье, битьё себя по щекам, разрывание на себе одежды в знак горя. «Покойный, — сказал Мухаммед, — подвергается мучениям в могиле, если по нему шумно причитают».

Вдруг увидели: Мухаммед плачет!.. Али сдерживался, а как увидел Мухаммеда плачущим, тоже заплакал.

Потом спросит: «Но ты ведь говорил: сдерживать рыдания, ибо подвергнешься мучениям в День воскресения!» — Мухаммед ответил: «Бог не подвергает мучениям ни за слёзы, текущие бесшумно из глаз, ни за печаль сердца, а лишь за это» — и указал на свой язык.

Похоронить и забыть дорогу к могиле, дабы не сердить богов, так заведено: покойный отныне принадлежит богам, по Мухаммеду, — Богу Единому. Но ни слова о Боге — не вносить раздор в привычные традиции погребения. И запрет родился — не посещать могилы! Тем более что Абу-Талиб покинул мир, так и не уверовав в Бога!

В доисламские времена могилы навещались, творились в духе идолопоклонства обряды; запрет навещать могилы впоследствии был отменён Мухаммедом, о чём повела Айша: Мухаммед после проведённой у неё ночи навестил кладбище аль-Баки: «Мир вам, о лежащие в могилах! — сказал. — И да простит Бог и нас, и вас! Вы ушли раньше нас, но мы скоро последуем за вами, а за нами последуют те, которые придут после нас, ибо все вернёмся к Богу до Дня воскресения!»

Мухаммед вспомнил, как однажды, придя к умирающему дяде Абу-Талибу, застал у него Абу-Джахла. Тот вдруг ни с того ни с сего, очевидно, с целью вызвать на спор Мухаммеда, спросил: «О, Абу-Талиб! Неужели ты отречёшься, дабы угодить некоему говоруну [Мухаммеду], кто, я это доподлинно знаю, уже который день пристаёт к тебе, чтобы ты отрёкся от религии твоего отца Абдул-Мутталиба, требуя произнести нелепую формулу, сейчас вспомню, да: *Нет бога, кроме Бога?!*»

Мухаммед в ожидании ответа Абу-Талиба молчал; было

такое, настоятельно просил дядю произнести: *Нет божества иного, помимо Бога Единого!* дабы не постигла его кара на том свете, но дядя, не желая спорить, отшутился: *Не стал бы сопротивляться тебе, о мой любимый племянник, но боюсь, что станут курайши стыдить меня, что вынудил меня к этому страх!*

«Нет, Абу-Джахл, — ответил Абу-Талиб, как показалось Мухаммеду, нехотя, — не пристало мне на старости лет менять веру». И, вздохнув, глянул на Мухаммеда, будто говоря: «Но и ты не отступись от обещанного!» Вспомнил, очевидно, ответ Мухаммеда на его шутку, что обязательно будет просить у Бога прощения за него. И Мухаммед, когда хоронили дядю, про себя произнёс: «Прости ему, о Боже, его заблуждения!» И тотчас услышал, будто в ответ на свою просьбу:

Воистину, не в твоей власти наставить на путь прямой даже тех, кого ты любишь, — ведёт Бог тех, кого желает! И сведущ Он о тех, по истинному кто идёт пути!

После седьмого поминального дня (обычай заведён Хашимом, прадедом Мухаммеда) совет Храма собрался выбрать старейшину. Династический принцип, когда сын наследует отцу, отмела жизнь: Джафар и Али, сыновья Абу-Талиба, враждебны Каабе. Но есть другие достойные: Абу-Лахаб, сын Абдул-Мутталиба и Абу-Суфьян, чья сестра Умм-Джамиль жена Абу-Лахаба.

Голоса в совете разделились между Абу-Лахабом и Абу-Суфьяном, и, дабы избежать ссор, избрали обоих, уповая на время, а там вмешаются боги. И оба — враги Мухаммеду.

Есть притча, что вожди снизошли до Мухаммеда, напавив ходатаев, попросили вечером, будто никакой вражды, пойти с ними... к Джебраилу. Но у них в Мекке нет человека с таким именем. К ангелу?! И вожди удивили его, мол, Джебраил поселился в *соседнем доме*, и пусть Мухаммед как *избранник Бога* уговорит Джебраила, чтобы он согласился принять новых старейшин Каабы — Абу-Лахаба и Абу-Суфьяна, есть у них к нему разговор. Даже назвали Мухаммеда... *братцем* (не по мекканской ли поговорке: «Если у тебя дело к псу, говори ему: *Братец!*»?).

«Уж не новые ли козни?» — подумал Мухаммед, но решил ради мира пойти им навстречу: помочь рассудить, кто из них двоих главнее. У порога дома Мухаммед услышал голос... Джебраила! Но с кем говорит?

«Да, это я, Джебраил. — И тут же: — Не надо, оставьте вашу лесть, что с того, что я ангел?! — Неужто боги Ка-

абы помогли вождям найти к Джебраилу дорогу? — Так уж и быть, — Мухаммеду показалось, что Джебраил устало вздохнул, — я попрошу, и Бог уладит ваш спор».

Заходит Мухаммед, глядит, а там — никого, один лишь Джебраил, и неясно, с кем говорил. Но Джебраил — не ангел, каким предстаёт пред ним, к тому же... *она!* седая женщина с двумя косами, ниспадающими на грудь!

— Мухаммед?! — говорит он (она?), и не успел Мухаммед вымолвить слово, как он/она, уловив, с какой просьбой тот явился, согласно кивает: — Да, пусть придут, встречусь с ними!

Какой-то неведомый арабский язык — каждое слово по отдельности ясно, а смысл фразы — туманный, улавливает согласие по доброму *женскому* облику, делает вид, что понимает: «Да, поговорю с твоими мекканцами!»

Они уже здесь, новые вожди Каабы, толпятся перед входом к Джебраилу (?), а рабыни несут и несут туда пиалы с мёдом, верблюжьим молоком, вином. Абу-Лахаб заискивающе на Мухаммеда смотрит, чтоб тот замолвил за него слово: «Да убережёт тебя Бог от напастей!»

— Но ты, — напоминает ему Мухаммед, — многобожник!

— Был им по недомыслию! — Абу-Суфьян кивает ему.

— А ваше намерение убить меня?

— Не наше, а её! — отвечает, в глазах искреннее сожаление.

Уж не о *ней* ли, выдающей себя за Джебраила, ангеле в женском обличье толкуют? А те: — И мы навеки станем твоими друзьями!..

За дверью, куда его силой втолкнули, — женщина, которую недавно видел, невзрачная на вид, а тут съёжилась комком: неужто от её воли зависит его жизнь?

И не успел додумать, как за дверью, где остались ждать вожди мекканские, раздался истошный, будто вели на убой, рёв верблюда, следом рёв другого, третьего... — целое стадо верблюдов ревело, и Мухаммед отчётливо различал *человечьи* голоса в этом оглушающем рёве, и так странно было их смешенье, — неужто это *наяву*?

Даже смерть первенца-сына, Касыма незабвенного... — тяжела была потеря, незаживающая рана, но горе все годы делила с ним Хадиджа.

Но тяжесть её ухода разделить не с кем, а одному не вынести.

Начался новый отсчёт времени: *до и после Хадиджи.*

И *день первый*, когда смерть, вчера казавшаяся неизбежной, и ждали все, что явится Азраил, чтобы душу Хадиджи забрать, отступила, — не богиня ли Мануту, тайная вера в которую так и не оставляла жену, заступилась? Даже уверовав в избранничество Мухаммеда, она навещала храм богини и, дотронувшись до деревянного основания фигуры, глядела на зачёсанные её волосы, одежду, покрытую тонкими пластинами золота, — это был дар храму её второго мужа. Глаза богини, а также открытые части лица, ног и рук были инкрустированы костью, и по желтоватому её цвету было впечатление живой человеческой кожи. Чтобы дерево не высыхало и не увлажнялось, что могло привести к порче пластинок, желобок на полу вокруг фигуры наполнялся оливковым маслом.

В последний день перед её смертью — *Хадиджа была ещё жива!* — он говорил ей, веря в изрекаемое, что выздоровеет она.

Но ты всего лишь простой смертный, не забывай о том, Мухаммед!

И они соберут близких, как бы ни буйствовали недруги.

«Мы с тобой недавно подсчитывали, Хадиджа: скоро исполнится ровно дважды по двенадцать лунных лет со дня свадьбы нашей!»

По мере того как Мухаммед говорил, румянец у неё на щеке выступил, губы порозовели, и она даже — особый взгляд такой, тёплый и завлекающий — поправила его, уточнив: «Со дня нашего сватовства, а не свадьбы. Точнее... — порозовели щёки, стыдливая, почти девичья краска, — с того дня, как я влюбилась в тебя и решила, что непременно ты будешь мой, нестерпимо хотелось замуж за тебя!»

В тот день пришли её проводить, будто предчувствуя скорый конец, Осман и Ругийя, и Али здесь, дочери, подруга давняя Нафиса, с трудом передвигается, и с ходу: «Ты не торопись, — говорит она Хадидже, — сначала меня проводи, а потом как богам угодно будет!»

Абу-Бакр со всей семьёй, такое случалось редко, пришёл; старший сын Абдулла показался и тотчас — на улицу, младший Мухаммед прилип к Пророку, точно определил себе судьбу его телохранителя, с матерью рядом — дочь Асма, скоро выйдет замуж за двоюродного брата Мухаммеда Зубейра, купили в Бахрейне ткань в красную полосу на два свадебных платья: для Асмы и... Айши? Но она ещё очень

мала! Принесли показать Хадидже, от болезни отвлечь; Айша, любимица Абу-Бакра, к отцу жмётся, не оторвать.

Куда она пристально смотрит? На серьги Хадиджи!.. Больно было лежать, сняла, положила на подушку, золотые, с маленьким, точно глазок, рубином. Заметила, как Айша, уши недавно проколоты, ниточка белая колечком, её серьги разглядывает.

«Нравятся? — спросила Хадиджа. Айша молча кивнула. — Дарю тебе, носи на здоровье!»

Как вспоминала потом Айша, Хадиджа была весела, шутила, не скажешь, что болеет. Помнит, увидев Хадиджу, решила, что та — мать Мухаммеду, такая старая!

Столько людей пришло к ним, хотя жили безбедно, но скромно, не до гостей! Не скажешь: много золы под их костром!..

Хадиджа попробовала есть: все эти дни ела лишь лепёшку, запивая кислым молоком, а тут попросила мяса. Ругийя взяла кусочек из принесённого глиняного котелка, ещё сохранил тепло очага, и подала матери на блюде.

И вдруг на рассвете, нет, он ещё не наступил, была самая тёмная пора неба, перед тем как ночи уйти, — смерть.

А дальше как в тумане: двери настежь, какие-то люди вокруг дома, внутри, много женщин, суета, его не пускают в комнату, где лежит Хадиджа.

И невыносима боль, что больше никогда её не услышит, все говорят шёпотом, вдруг тишину нарушают громкие рыдания — это Фатима плачет, и чьи-то причитания. *Сообщите Вараке!* — то ли подумал, то ли произнёс Мухаммед, — если даже знать, в каких краях путешествует, как известить? Труба подозрная, подаренная тому Абу-Бакром, вспоминается Мухаммеду.

И в *день второй*, если считать первым день похорон: великий грех долее дня не предавать тело земле. Отныне умерший принадлежит не людям, а богам, — пусть Хадиджа скорее к ним отправляется.

Заметим также, что с точностью высчитано: в день смерти Хадиджи Мухаммеду исполнилось сорок девять лет, восемь месяцев и ровно четырнадцать дней.

Когда хоронили... Тело Хадиджи, завёрнутое в белый саван, на дно вырытой могилы уложили, и тут у Мухаммеда затряслись губы, услышалось:

Бисмиллахи рахмани рахим! [Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!]

То был зачин, а следом — семь строк:

*Хвала Аллаху, Господу миров (Rabbi),
Милостивому, Милосердному (Rahman, Rahim),
Царю (Malik) в день Суда!*

Тебе мы поклоняемся и просим помощи!

*Веди нас по дороге прямой,
по дороге тех, которых Ты благодетельствовал,
не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших*
(1/1—5).

Умолк. Все молча слушали.

И ясно прозвучало из уст Мухаммеда:

— Сура молитвы, которую помнить всем, кто уверовал
в единого Бога!

Тогда и родилась молитвенная формула *Бисмиллахи рах-
мани рахим*, включённая во все суры, кроме девятой, «По-
каяние», и частая в устах мусульманина, какое б дело он ни
предпринимал, при любом намерении, перед каждым со-
вершаемым действием.

И день *третий*. Мухаммед ушёл в глубины себя — в
мир, явленный ему.

Выстроилась череда потерь: отец, мать, Абдул-Мутта-
либ. Множество прожитых годов — все уйдут. Абу-Талиб?
И его черёд пришёл в свой срок. Сыновья, даже от служан-
ки-христианки... — всех забрал Бог, оставив лишь дочерей.
Здесь была какая-то тайна, но знать бы какая?!

И Хадиджа, с которой столько прожито и пережито!

Случится то, что должно случиться?

Велико горе, и не успела, кажется ему, сказать послед-
нее своё слово.

Но сказала б слово твоё!

Давно не было откровений, и вдруг на похоронах Ха-
диджи, точно вспышка — *Фатиха*. Впал в уныние: разоча-
рован в родичах, кругом козни. Не испытание ли? Но кто,
как не Джебраил, какой иной ангел ниспослал ему в день
четвёртый, а следом *пятый*?

Я тебя создал! Тебя избрал!

Да будешь ведом умением вглядываться и вдумываться,
шествуя, ибо Мне уподоблен поступью божественной.

Если не божественной, то царственной.

Если не царственной, то в пределах человеческих, па-
мня о возвышающем избранничестве.

Разве в размышления погружён? Не есть ли сия мысль
подсказка чуткой прозорливости, вдохновенного ума, что
позволяют отличить дурное от хорошего? И подсказывают
путь: короткий и прямой, идя по которому, можно постичь

желанную мудрость, найти искомое счастье, обрести награду при последнем расчёте.

Да не уподобишься тем, кто запутывает, разбрасывая шипы на дорогах, как Мухаммеду — колючки под ноги, путь ему затрудняя.

Лжёт, но и скупится на советы.

Уповает на идола собственного, установленного в нише обрубком бревна или камня, и на нём нечто вроде глаз, которые незрячи, и наглухо замкнуты уста.

И дом их — пустыня.

Воздвигли, если власть им дана, железную стену пред теми, кто ищет мудрости, возлюбил истину и вглядывается в тайны мироздания.

А иной немощен, и помыслы ослабевают, тяготеет к явному, а о сокрытом забывает, привязан к привычному, но чуждается озарения.

Чувствами бодрствует, а разумом дремлет.

Так что же?

Просвещать, не утомляя, и наставлять, развлекая?

Выдающееся и превосходное редко в этом бренном мире, как дурное и порочное отсутствует в мире божественном.

Вот он, сундук дубовый, обручи железные, в котором её ларец, а в нём — украшения. Открыл — то был день *шестой* — ключиком, а там — два уровня, о втором не знал. Записи на пергаменте и папирусе, три глиняные дощечки аккуратно сложены. Прочтёт потом Зейд услышанное от Мухаммеда о Божьих ипостасях:

Знает о том, чего никто не знает.

Не любит преступающих пределы дозволенного.

Прощает прегрешения.

Желает верующим облегчения... — ещё записи, трудно читаемые.

Поверх записей ляжет потом новый папирус с сурой, которая, как казалось Мухаммеду, была ниспослана в день похорон Хадиджи. Но помнит, что Хадиджа сидела на открытой веранде, закатное солнце бросало отсвет на её болезненно-бледное лицо, и Мухаммед повторил внушённое ему:

— Начало начал всего, что уже услышано и что, надеюсь, услышу ещё, если не разгневаю Бога! *Бисмиллахи рахмани рахим!* («Во имя Аллаха, милостивейшего и милосерднейшего!», дословно: «Во имя Аллаха, он Рахман и Рахим», то есть назван тремя именами).

— Да, семь славных айатов мне ниспослано, Хадиджа! — Почувствовал, что та не поняла. — Вот первый из семи славных о едином Боге:

Хвала Ему, Господу миров, Рабби (Созидателю)!

— А остальные?

Мухаммед... — тут незаметно подошли домочадцы, и он произнёс последующие айаты.

Или было это потом, дни перепутались?

Не сказать ли здесь, когда представился случай, что милостью Божией наделены небожители и земляне, а именно: ангелы; пророки; праведники; мученики, отдавшие жизнь в борьбе за Веру, но — защищаясь или оберегая от нападков Веру, не мусульманскую только, но и мученики среди сынов Ибраила; люди благочестивые, коими почитаются те, кто повинуется Богу и уверовал в проповеди Его посланцев, в том числе — Мухаммеда.

И о том сказать, что под гневом Бога находятся творящие, помимо Бога Единого, иных божков или кумиров; убийцы ни в чём не повинных людей и особенно самоубийцы — независимо от их веры, ибо сказано в Коране:

Не умирает человек иначе как с дозволения Бога и в свой срок установленный.

А заблудшие — язычники до и после явления Корана; даже сам Мухаммед был причислен муоульманскими богословами к «заблудшим» до ниспослания ему Откровений.

...Мухаммед закрыл крышку сундука.

Ничего не трогать!

Глянул на нишу — два кувшина медные, читаемые узоры, нос — точно голова змеиная вытянулась и вогнулась. Оставил нетронутой комнату, никто отныне туда не заходил, названа *Комнатой Хадиджи*, там её сундук, и в нём — ларец.

Вспомнил, как однажды Хадиджа сказала ему: «Есть человек-сундук. Есть человек-шкатулка или ларец. Есть человек-кувшин». Мухаммед тогда подумал, что Хадиджа обозначила три вешные ёмкости человеческих страстей, вожделений, но что за сказанным — не переспросил.

В сундуке, точно в пояснение к сказанному, был, как обнаружилось потом, вложен листок с нарисованной стрелой и на острие вонзены три буквы *КЛБ*, соединённые, будто спицей вязальной:

первичное *КаЛБ* — *душа*, а в ней разум, ибо разумна душа, о чём было [когда?];

КаЛаб — для кого означает *перевернуть вверх дном*, и

ноги болтаются наверху, а ходить — на голове; а для кого — *масло выжимать из пальмового дерева*; а ещё — *покраснение*, но не из чувства стыда или вдруг что-то вспомнилось, что привело в смятение, а всего лишь *финиковое созревание*, вроде красного эликсира зрелости и жизнелюбия;

аКЛаБ — это *запечь хлеб*, но лишь с одной стороны, и он остаётся недопечённым, комом застревая в горле;

и ещё таКаЛлаБ — *беспокойный во сне*, когда нечто всплывает из глубин или проникает извне дух, будоражащий нечистую совесть возникающими картинками, и надо непременно после пробуждения очиститься.

На обороте листка — новое понятие, образованное из тех же букв, означает *верёвку*, может сойти за *аркан*, *путь*, от коих, как известно, наступают аллегорические смерти: белая — эмоциональное освобождение от нищеты, зелёная — свобода от телесной грязи, чёрная — независимость от материальных вещей. И продолжено:

«О, как важно содержать в узде [заарканить?] личностные страсти, вожеления, или “нафс”, — такое ёмкое в исламе понятие, — чьи стадии развития восходят от низшего к высшим, и это достигается *джахд’ом*, или *усердием*, *упорством* [отсюда “джихад”], настойчивой, яростной борьбой человека с самим собой: *нафс испорченный*, *нафс-и-аммара*, — страсти командуют, обращая в раба; *нафс обвиняющий*, или *нафс-и-лаввама*, когда жаждешь пред сном покаяться, чтобы утром о том забыть; а вершина вершин — *нафс чистый, совершенный*, *нафс-и-сафийа ва камила*, когда победил в себе дьявола, сатану».

И день *седьмой*, когда по исстари заведённому в Хиджазе обычаю собрались помянуть Хадиджу. Дом, большой и просторный, еле вместил пришедших. Даже Абу-Лахаб явился с женой Умм-Джамиль и сыновьями, которые прогнали жён — дочерей Мухаммеда, но о вражде — ни слова.

Дом с уходом Хадиджи сразу опустел.

Все тайны раскрыл, кроме тайны смерти, тьма неведения.

А в бездумии, такое случается *до и после*, вздремнул на миг и тотчас пробудился: всего лишь сны с явлениями умерших: и мать снится, и сыновья, но знает, что это — сон, они лишь во сне — живые; а когда видит Хадиджу — живая и далеко до её смерти.

Вот и вчера, когда ушли поминавшие её, приснилось: приехала Хадиджа к нему откуда-то с первенцем-сыном Касымом, задумчивое личико, чистое и опрятное; Мухам-

мед их встречает у южных ворот Мекки, не хотят идти домой, чтобы враги не выследили.

— Нам здесь так хорошо! — вздыхает, и радостно общение. А уходя, говорит: — Нет, оставайся, одна пойду, не волнуйся. — Передаёт ему сына, чтобы пожил у него: — Я его после заберу. — Какая-то женщина помогает сына выкупать, а это и не сын — незнакомая девочка! Растерян Мухаммед: что скажет Хадидже, когда придёт за сыном? Явилась, но прежде услышал её голос: — Как ты, Мухаммед? — Шёпотом ей, что плохо ему. — А сына сберёг?

— Сына?! — но тут же, чтобы не расстраивалась: — Да, — говорит, — разве я позволю кому его обидеть?

А та: — Неправда! Разве у нас есть сын?

— Забыла?!

Хадиджа возразить хочет, но вдруг её вроде осенило, закивала головой:

— Ну, конечно же, есть, как могла забыть? Шюкралла его имя! — И смотрит изучающе на Мухаммеда. Проверить хочет? Хорошее имя придумала! Но сомнение в его взгляде: Шюкралла — не имя, а *Благодарение Аллаху*! Хадиджа, уловив его недоверие, покойная чутка была, тотчас на лету схватывала, у кого какая задумка, быстро сказала:

— Он тебе Сын! — Потом: — Непременно женись, — говорит. — Без мужа женщина проживёт, а мужчина без жены — всё равно что сирота!

— Но у меня есть ты!

— Нет, — покачала головой, — осиротел ты! Есть сиротство раннее и позднее, ты испытал и то и другое: потеряв любимую жену, — о себе как о другом человеке, — которая была для тебя всем, и даже матерью, — не сирота ли ты отныне?.. Поговорила с тобой — пойду. Где мой дом, хочешь знать? О! Я живу внутри огромной полой жемчужины!.. А, уходя, спросила про шкатулку: — Не потерял ли ты её? Нет?

Нельзя не подивиться таинственному совпадению: после бегства Мухаммеда из Мекки к нему пришла в Йасрибе семья, а в ней — ученик, ставший, как и Зейд, *носителем сур*, подросток Шюкралла, впоследствии и телохранитель, чьей уникальной памяти мы обязаны сохранностью многих айатов и хадисов.

Хадиджа на всю жизнь — в памяти Мухаммеда: на губах улыбка, во взгляде недоверие. Мухаммед поймал себя на мысли, что когда видел Хадиджу, смутные черты матери неизменно прояснялись, мать и жена в его представлении

слились. Ново в их кругу, чтобы мужчина горевал о потере женщины, пусть и единственной в своём роде. Женщина... не почитается ли она существом низшим?

— Да запечатает Бог уста, изрекающие подобное! — воскликнул вдруг Мухаммед, и собеседник (сколько их было!) умолк, недоумевая, ведь он повторил очевидное, ничего нового не придумав!

А Мухаммед ему:

— Уразумей и запомни, что именно женщине доверил Бог носить во чреве своём каждого, кому суждено родиться!

Было ощущение огромного и неделимого мира, объемлющего и облака, и горы, и море, которое было зримо, когда горизонт неба голубел чёткой линией, будто краешек моря. И Мухаммед был, пока Хадиджа рядом, растворён в этом мире, теперь, как она ушла, мир оказался разрезанным на куски, сузился до пределов комнаты, в которой обитает, и не ступить за порог, будто он — не он, и двор — безжизненное пространство, к тому же — опасное, где могут напасть.

Горе незаметно укладывалось, уходя в глубины души, высвобождая её. Будто заново глядел на себя, как тогда в грозу, в горах. Страх, смешанный с незнаемо-великим, где есть и тайна, и звёзды, и твоё будущее, неведомое тебе, пока не умер. Похоронил Хадиджу, будто сам заснул, но... — проснулся.

Абу-Лахаб, дядя, но и первейший враг Мухаммеда, старейшина Каабы, переступил порог его дома. Попытка примирения? Нет, Мухаммед не в силах, хоть и знает — но как этому следовать? — что лучший способ избавиться от врага, как любил изрекать Варака, — это стать его другом.

— Не угощаться пришёл к отцу твоему, — сказал Фатиме, которая вышла его встречать, — а поговорить с родным племянником! — Тут же, будто вчера виделись: — Да, Мухаммед, я искренне сочувствую твоему горю, две смерти разом обрушились: моего брата Абу-Талиба и Хадиджи, оба были тебе опорой! — Умолк, дав понять, что Мухаммед беззащитен отныне; вспомнил, произнеся слово в слово, что говорил прихожанам при избрании старейшиной Каабы: мол, жизнь продолжается, Мекке богатеть, Каабе процветать, богам оставаться на своих местах, родам крепнуть, племени курайшей славиться в мире!..

— Что ж, — продолжил Абу-Лахаб, — признаюсь, между нами много хорошего было, но и недоброго тоже, в роду и ссорятся, и мирятся! Забудем дурное! Выкинем из памяти! Одна кровь в нас, к одному предку восходим, и боги, бла-

говоря ко мне, избрали меня, как знаешь, стражем Каабы. Положись на меня, уверуй в покровительство моё! Разве я чужой тебе? Разве я не брат отца твоего, которого любил?

Мухаммед слушал безучастно, тот решил, что отныне племянник перестанет будоражить мекканцев бреднями, стыдить и укорять.

«А ты пойдёшь к Мухаммеду, спроси, — велела Абу-Лахабу жена, — желает ли он примирения? (Не забыла, как Мухаммед прозвал её *носилицей дров для адского пламени* и что “это сам Мухаммед придумал, вложив в уста ‘своего бога’”.) А если он одумался, испытай вопросом: что уготовано после смерти многобожникам? Поинтересуйся о судьбе хотя бы Абу-Талиба на том свете, ведь тот, ведомо мекканцам, так и не принял веру Мухаммеда».

И Абу-Лахаб, прежде чем покинуть Мухаммеда, который, как показалось ему, внял его увещаниям, решил не прямо, а окольными путями подступиться к тому, о чём советовала жена. И спросил, прежде заговорив о бренности жизни: пришли — уйдём, обратившись в прах, так стоит ли отравлять жизнь, единственно и лишь однажды каждым из нас проживаемую?

— У каждого, — ответил Мухаммед, — жизнь не одна, а две.

— Не понял, объясни.

— Жизнь в этом мире, *ближняя*, она короткая, и в мире том, невидимом, *дальняя*, вечная.

— Но невозможно воротиться в мир, в котором живы, после смерти, когда перестаём жить!

— Разве смерть одна?

— Абу-Талиб...

— Небытия, — перебил дядю, — тоже два: до рождения и после жизни. Но и третья смерть есть, временная, сон! И четвёртая: мёртвые среди живых!

«*Издевается?!*» — подумал Абу-Лахаб, но не подал виду.

— И пятая, — продолжил Мухаммед, точно впрямь издеваясь, — физическая. А шестая ад, хотя мучаются там вечно!

— Но Хадиджа...

Мухаммед снова не дал договорить:

— Не вкусят богобоязненные смерти, лишь первую физическую, а далее вечная жизнь в раю!

— Надеюсь, мой покойный брат, он же твой отец, — тут Мухаммед точно отступит! — удостоен вечной жизни в раю, о которой ты только что сказал?

— Увы, огорчу тебя. Все идолопоклонники, но я молюсь за деда и дядю, чтобы Бог пожалел их, горят в адском пламени! Даже слышу треск дров, приносимых на топку, — намекнул на ранее сказанное про его жену.

Абу-Лахаб резко встал — жена права, зря он надеялся:

— Ты неизлечим, безумец, и я ошибся, придя к тебе, и наказан за свою доброту! Но учти: не будет тебе жизни в Мекке, это говорю я, и да познаешь правоту моих слов!

А как тот ушёл от него, будто кто прошептал Мухаммеду: «Но они, и отцы твои, и мать твоя Амина, взрастившие тебя, дышали одним воздухом с явленным миру пророком, так что...» — более ничего, лишь это и услышалось.

Угроза предводителя Каабы стала реальной, напротив ворот снова появились какие-то люди, недобро глядящие на дом Мухаммеда.

Как быть?

Может, это из давних дум Мухаммеда: спастись в Таифе, где живут братья из семьи Умайра, и один из них женат на курайшитке, доводящейся Мухаммеду троюродной сестрой? Правда, они — из рода абдаддар, который не приемлет его пророчества. Ну а вдруг одумаются? К тому же близко, и прохладное предгорье, где в жару спасаются мекканские семьи, и содельники по прежней торговле там есть, приютят, а потом и уверовавшие переселятся.

В детстве, помнит, приезжали в Таиф, ранен был обидным словом *сирота*, кормились стручками акаций, ягодами чёрной и белой шелковицы, сбиваемыми длинной палкой, и они падали на постланную синюю простыню.

С рассветными лучами, когда ночь ещё не ушла, покинул Мухаммед Мекку и в поисках возможного прибежища отправился с Зейдом в Таиф; это случилось в месяц шавваль, двадцать шестого числа.

А вот и старший из братьев Умайра, с женой из рода курайшей, вышел из святилища ал-Лат, где белый камень, в который богиня воплотилась, идёт домой. Увидев Мухаммеда, растерялся. И жена притворилась, что не узнаёт родича. Но законы гостеприимства, тем более преодолели трудный путь, превыше, казалось Мухаммеду, распрей.

Пригласили, о том о сём, но пора приступать к делу. Не успел Мухаммед заговорить, как хозяин дома перебил: признать некоего единственного Бога? отвергнуть богиню Лат, в чьём храме они только что побывали и почтительно взирали на белый камень?!

Дошли сюда вести, что недавно троюродная сестра Му-

хаммеда посетила святилище Уззы, родной сестры богини Лат, и что даже он сам, объявивший себя пророком... — но о том было: сначала раскаялся, а потом пуще прежнего стал поносить богинь!

Так что же: вступить в бой с мекканцами за торжество в Аравии одного Бога, у кого даже имени нет, а объявленное недавно повторяет имя идола!..

И про сторонников наслышаны, что поддерживаем в Мекке... — но кем?! кто идёт за ним? Рабы и вольноотпущенники, вроде прибывшего с ним Зейда, имя как кличка, не более того! Бедняки из никому не ведомых родов! Молодые из семей мекканской знати и даже наш Мусейба, кого мы прокляли?!

— Неужто твой Бог, — спросил муж троюродной сестры, — не нашёл прислать к нам кого из знатных ходатаем за тебя?!

А как вышли... — собралась толпа, бросают в новопришельцев взгляды, полные поначалу недоумения, потом неудовольствия, а затем и явного недоброжелательства. Мухаммед счёл нужным рассказать им про *Судный день*, который неотвратим.

— Так кто же, — спросили из толпы, — заслуживает в Судный день наиболее сурового наказания?

В вопросе чувствовался подвох.

— Человек, глумящийся над пророком! Прогоняющий его! — *Нет*, — будто кто подсказал, — *реже молви!* — Убивающий пророка!

— А ещё кто?

— Кто велит совершить порицаемое и запрещает одобряемое! О, Ибн Абд Йалйайль бин Абд Куляйлу, задающий мне эти вопросы, ведь я знаю тебя, но пойдёшь ли ты по пути, указанному Богом посланцу?

— Тебе, что ли?!

— Да, именно мне!

И тут раздался хохот, казалось, раскололось небо от грохота грома.

Нет, надеяться на защиту не приходилось, и тут кто-то из толпы бросил в них... — нет-нет, пока не камень, а слово (уже было, и не раз!):

— Но если ты пророк, яви чудо!

— Ступайте к тени с тремя разветвлениями! — О чём он? А Мухаммед им снова: — Внутренность её милосердие, а наружность наказание!

— Не разумеет тебя!

— О вас мне явлено Богом:

Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих, пока им не станет ясно, что это — истина!

— Так покажи!

Нет, не вспылит, знает: силен тот, кто в гневе собой владеет:

— Люди — враги того, в чём несведущи. Но как мне нести мудрость и являть чудо тем, кому чужда вера в Бога? Да и признает ли кто из вас то, что вне всяких сомнений?

Зейд потом заметит: когда Мухаммед обратился к враждебной толпе, из лика его исходило сияние, на висках серебрилась седина, и он соткал из речи ткань, которая не истлеет со временем в круговороте событий.

— Неужто ещё чудеса являть к тем, что были прежде?! Что посох Моисея обернулся змеей, море расступилось, рука, в пламени полыхающая, стала белой и осталась невредимой? Что человек сотворён из праха? Что не может женщина родить, не познав мужчины? Что человек был брошен в жаркий огонь, который стал для него прохладой и отдохновением? Что, быв мёртвым сто лет, воскрешённый увидел, что его еда и питьё нетронуты? Что из глины слепили птицу, дунули в неё, и она полетела? Что луна раскололась? Что пень пророс? Что шакал заговорил? Вода потекла из пальцев, напоив огромную армию, а многие насытились едой из котелка размером с куропатку? Так отриньте ж ваши оговорки и уловки, недомолвки и измышления о явном и скрытом, не прибегайте к домыслам!

— Ничто не доказуемо в твоих речениях!

Следом другой мудрствует:

— Но да упаси нас Бог от притворства! Я понимаю, что люди более взыскательны к своей вере и обретению нового, чем менялы к своим дирхемам и динарам.

— А что новое ты нам сказал? — спросил третий.

— Ни один из пророков, помимо меня, не призывал, получая ниспослания от Бога Единого, ссылаться на пророков иных вер, а то и на всех, кто являлся прежде, я назову их имена: Ной, Авраам, Моисей, Давуд, Сулейман, Закария, Йахья (Иоанн Предтеча), Иисус.

— И так вплоть до Мухаммеда, — поведал впоследствии Зейд, — да благословит его Бог и приветствует!

— ...Мне было явлено: «О, как человек нетерпелив, будто из поспешности создан! Дождётесь, и Я покажу вам знамения!»

Не заметил Мухаммед, как в него полетел ком затвер-

девшего песка. Но ясно: началось с комьев, завершится камнями.

Голодные и усталые... — Мухаммед, дабы вдохновить спутника, сказал ему: «Учти, быть голодным — залог мудрости!» — они покинули Таиф, нет, не шли обычным шагом, а бежали, и вслед им летели насмешки-угрозы.

И первый, кто бросил камень, был тот самый Ибн Абд Йаллайль бин Абд Куляйлу, кого Мухаммед почитал человеком здравым, и больно было, что ошибся... — много ещё будет тяжких дней, но его потрясло вероломство людей, на которых надеялся.

Зейд впоследствии рассказал Айше, что Мухаммед удалился, испытывая сильное волнение, и успокоился, когда достигли горы Карн ас-Са'алиб, меж Меккой и Таифом.

Вдруг поднял голову и застыл, неотрывно глядел на облако над ним, а потом рассказал, что услышал из-за туч Джебраила: «Не огорчайся, посланец Бога, Он видел, как обошлись с тобой курайши, слышал, как глумились и какой ответ тебе дали, Он к тебе направил ангела гор, чтобы приказал ему сделать с ними то, что пожелаешь».

Тотчас раздался голос ангела гор:

«Повелевай! Если пожелаешь, обрушу на них аль-Ахшабейн [мощь двух больших гор], в развалины обращу Таиф, погребу обидчиков твоих!»

«Нет, — ответил Мухаммед, — прошу лишь о том, чтобы произвелось от них потомство, отличное от них самих, и чтобы они поклонялись Богу Единому и никому из земных божков!»

6. Семь джиннов, которые появились на пути Мухаммеда и так же неожиданно исчезли, и он услышал их готовность услужить ему и наказать недругов.

На окраине Таифа Мухаммед вспомнил, что где-то поблизости сад братьев Укбы и Шайбы, сыновей Рабиа из рода абдшамс; некогда гостил у них. Постучались в калитку, вышел Укба, поначалу не узнал Мухаммеда — тот, кто некогда выглядел опрятным, ныне в пыли, и в глазах, прежде источавших свет, уныние и разочарование.

Пригласили, Мухаммед с Зейдом нашли здесь прибежище, их приютили, дали помыться и очистить от пыли одежду, накормили, дали ночлег.

Что дальше?

На обратном пути, в Нахле... — вспомнил, что именно здесь, в долине, была первая битва, в которой Мухаммед участвовал, подавая дядям стрелы и наполняя сердце мужеством, — не успел Мухаммед, размышляя, как показалось Зейду, о таифцах, вслух произнести: «Мужички среди людей прибежали к мужикам среди джиннов, и они прибавили им безумия!» (Зейд произнёс в уме услышанное, дабы запомнить) — как странного вида люди им встретились на дороге, их было семеро.

Купцы не купцы, разбойники не разбойники, хоть и похожи на них — рослые и сильные, а в глазах — дерзкий огонь горит.

Но едва лишь отверзли они уста и Мухаммед услышал их странно-гулкий говор, вроде бы приветственную речь, как понял: и не люди вовсе шли им навстречу, но кто, если не люди?!

И голос деда, чьими словами только что подумалось Мухаммеду: «Рослые и сильные, а в глазах — дерзкий огонь!» Ну да — джинны! «Они служили Сулейману, выстроили ему города и дворцы», — дед услышал. И в мгновение ока доставили к Сулейману — по его велению — Билкис, царицу Савскую, коей даровано было всё, и она предстала перед ним сидящей в своём великом троне.

И услышал Мухаммед: — Ты прав, — сказал ему один из джиннов.

— Что вспомнил я дед?!

— Я о другом: кому прибавили безумия, а кому — благоумия! Поистине, слышали мы Коран дивный!

— Но где внимали мне?

— Не молвил ли ты только что? — другой заметил.

— Строка лишь!

— Но какая!.. — воскликнул третий.

— То мной услышанное было — Бога строка!

И четвёртый молвил: — Таифцев тоже мы слышали! Нет, не брал Себе Созидатель ни друга, ни подругу, ни сыновей, ни дочерей!

— И в сотоварищи Ему никого не придадим! — изрёк пятый.

— Был среди вас глупец... — поняли, что это Дьявол-Иблис.

— Да, говорил, гордыней обуян, чрезмерное на Бога! — сказал шестой, дождавшись своего часа.

— Но вы коснулись неба, наполненного стражами могучими!

— Сидели на седалищах мы около него, он возомнил, что схватку он урвёт, но светоча лучом был поражён!

А следом — другой, и так до седьмого по новому кругу Мухаммед услышал прежде переданное ему:

— И есть средь нас благие, и падшие есть средь нас.

— Мы шли путями разными!

— Возможно ли Его бегством обессилить?

— И отступившие — дрова для геенны!

— А если б устояли, Он напоил бы их водой обильной!

— Не даст Он никому узнать сокровенное, кроме... —

Умолк.

— Кроме кого? — спросил Мухаммед.

— Но ведомо тебе!

— Хотел от вас услышать!

— Или мы не знаем, кто ты, ведающий о сокровенном, к кому Он соблаговолил?

Семь джиннов исчезли так же неожиданно, как появились.

Вечерело, Мухаммед с Зейдом решили переждать на горе Харра: опасно одним в Мекку спускаться.

Случай помог, покровитель отыскался: глава рода на-уфал Мутим бин Ади, тихий, сговорчивый, но жёсткий и твёрдый, когда творится несправедливость, и он объявил, что Мухаммед находится под его защитой и кто посмеет тронуть, будет иметь дело с ним и его родом!

Пока Мухаммед, да повторится вышесказанное в честь Мутима! был защищаем, мекканцы, как в запретное время, его не трогали.

Но такое, что грядёт великое наказание, коим Мухаммед пугает мекканцев, услышишь и в выкриках безумцев-поэтов: что ни год — появляется в их краях новый прорицатель, забавляющий своих же говорунов всякими *сказками*. И о Мухаммеде тоже присочинили:

«Привёз, де, к нам на продажу, — толкуют купцы, обсуждая занятные или забавные предсказания Мухаммеда, — три тюка слов, навьюченных на верблюда, из коих два речения — из ранее услышанного нами от людей Писания, или иудеев, а один... Тут, — говорят, — недруги постарались, мечтающие разрушить наш Храм, уничтожив божков в угоду некоему Единственному! А единственный этот именем своим наш, брат Хубала, а обликом — чуждый нам! А почему не миновать нам, если за Мухаммедом пойдём, быть в подчинении либо к мусавитам, либо к исавитам!.. Скорее к первым, ибо именно с них началась вера в единого Бога!»

Нет, не любят мекканцы иудеев, называя их *йахуди* и вкладывая в слово уничижительный смысл, — здесь их, слава богам, ничтожно мало, но живут спаянной жизнью, как и повсюду в Аравии, в Йасрибе тоже. И те, кто обосновался здесь, — ростовщики. Правда, мекканцы, как народ торговый и потому кочующий, и кровных своих арабов из города Йасриб называют *йахуди*, де, прикованы к одному месту и копошатся в земле, не в почёте у купцов земледелие. К тому же у мекканцев и немало грамотных людей, широко смотрящих на жизнь, — о многом начитаны, наслышаны, всякого перевидали, в любом обществе найдут язык, ничем их не удивишь, привычны ко всему, паломники текут сюда отовсюду, а с ними — новые нравы, страны, обычаи, представления.

Земля закабалает, заботы о воде, посевах, вечно пригнуты шеи и опущены головы, на небо некогда поглядеть. Не только у купцов, но, известно, у скотоводов тоже, земледелие презираемый род занятий!

Зять Мухаммеда Осман и дочь Рутийя, оплакавшие Хадиджу, решили не оставлять Мухаммеда одного с горем, да и трудно мужчине, когда в доме нет женщины, — нашли ему новую жену (сон о женщине, помогающей мыть ребёнка, в руку?): её имя Сауда, или Приносящая пользу, дочь, или бинт, Зем'а, двоюродная сестра и бывшая жена брата предводителя рода Амр'ов — Сухайла ибн Амра. К тому же родственница Османа, и Мухаммед прежде как-то видел её, слышал, что потеряла она мужа Шукрана в их абиссинскую поездку. Нет, это была придуманная версия для мекканцев, на самом деле жив: принял веру абиссинцев, христианином стал, развелись.

И в женитьбе — некий тайный смысл? Но какой? Совпадение: первая жена была старше Мухаммеда на... — сколько же? четырнадцать? двенадцать?... кажется, семь! и ровно на те же годы — моложе вторая.

И пошла гулять по Мекке кочующая фраза недругов Мухаммеда, что *ложе Хадиджи пустовало недолго*. Умолчать, дабы злословие не укоренилось.

Между тем присутствие Сауды в доме однажды спасло Мухаммеда от гибели. Это случилось после просветления Омара, принявшего веру Мухаммеда: отыскался другой бедоголовый, вздумавший убить Пророка. Он подошёл к дому и, заслышав мелодичный голос Сауды — она груст-

но пела про раннее увядание, растрогался и отвратился от задуманного. Есть версия, что заговорила в нём утраченная ныне мужская честь: негоже, недостойно убивать врага в присутствии жены.

Осман, прежде чем отважиться предложить Мухаммеду жениться на Сауде, долго говорил о Хадидже, — никто её не заменит, такие больше на земле не родятся, и мать, и друг, и жена, — Мухаммед благодарен Осману: тот проговаривает его думы.

А выдал Сауду за Мухаммеда младший брат Сухайла Хатиб ибн Амр; был заключён новый брачный договор с залоговой, как это принято, суммой в четыреста дирхемов.

Все женщины соберутся — не заменят Хадиджу.

...Мухаммед спал плохо, болело сердце, часто просыпался, а под утро, но была ещё ночь, пора, когда Хадиджа умерла, — стал готовиться к предутреннему намазу. И вдруг небо, вмиг вспыхнув, озарилось белым ярким светом, охватившим видимое пространство, вся комната разом осветилась, тут же погрузившись во тьму. Такого не помнит.

Что бы это значило? — встревожился. Какое предзнаменование? Может, далеко в горах вспыхнула молния? Обычно спустя время после яркой вспышки доносятся раскаты грома. Точно небо свидетельствует на тайном языке о мощи, да уразумеют, сколь бессильны люди пред деяниями Создателя!

Подождал — тихо. Нет, то не молния. Или... что-то с глазами, чётко различали прежде близь и даль. Вспышка изнутри?

Весть от Хадиджи!.. Осенило: светлый облик Хадиджи на миг вспыхнул!

Неужто привиделось лишь ему одному?! Утром выяснилось: многие видели! Но тем же утром Абу-Бакр к нему явился.

Сама судьба, подумал Мухаммед, послала мне разгадчика знаков!

А тот к нему с вестью, что старейшина Каабы, его дядя Абу-Лахаб, явился выразить удовлетворение, что теперь Мухаммед не один, рядом Сауда, женщина мягкосердечная; был знаком с её мужем, «изменившим Каабе».

И ещё сказал Абу-Бакр Мухаммеду, что видел бесшумную вспышку в ночи, и пока тот ему не поведал про чудо, думал, что это почудилось лишь ему: мол, «видимый свет, — в ответ на сказанное Мухаммедом или в развитие собствен-

ных дум заметил Абу-Бакр, — озаряет душу, переходя в дух, и дух рождает свет, лучи которого греют».

Потом — неожиданность:

— Хочу, — говорит, — сблизиться с тобой, Мухаммед.

— Ты и есть близкий мой друг, мы как братья.

— Нет, ещё ближе стать — породниться.

— Увы, нет свободной дочери, чтобы выдать за твоего сына.

— Зато у меня есть лучезарная дочь Айша!..

И Мухаммед тут же, без промедления:

— Да, я знаю, как она любит тебя! Когда вижу её рядом с тобой, глаз не оторвать от вас. Не припомню, чтобы дочь хоть на шаг оставляла своего отца, удивлён, что одного тебя отпустила. А сколько в её взгляде гордости, такое ликование во всём её облике, когда ты рядом! Увы, ты знаешь: нет у меня сына, чтобы мог я осчастливить его таким сокровищем, как Айша!

— Мне нужен не сын твой, ты сам.

— Готов быть ей вторым отцом, хотя вряд ли она захочет видеть рядом с истинным отцом кого бы то ни было. Айша полна твоей любовью!

— Мы с тобой говорили об этом, когда ты вышел проводить нас в тот вечер, последний для Хадиджи. Неужто не помнишь?

— Многое было вытеснено думами о Хадидже.

— Ты сказал: Айша выросла в любви отца, ей будет недоставать любви, как покинет отчий дом, никакой другой не сможет заменить ей отца.

— Помню, я смотрел вслед вам, Айша шла счастливая, её маленькая ручка с такой доверчивостью лежала, спрятанная, в твоей большой руке.

— Ты прав, Мухаммед, нет такого другого мужчины, а если и есть, то один-единственный, более никого, кому бы я доверил её (и не объяснить, почему Айша любимица, а не Асма, которая тоже дорога как дочь, — с сыном сложнее: не поддаётся воздействию отца, неуравновешен, вспыльчив, весь — в материнский род). — И, не дав Мухаммеду спросить, кто ж этот мужчина, почти в одно мгновение с догадкой, посетившей Мухаммеда, выпалил: — ...Это ты, Мухаммед!

— Я тебя не понимаю, — с грустью заметил Мухаммед: часто ощущает себя глухим, чужим среди людей, будто их обычаи забыл.

— Но дослушай! Когда покойная Хадиджа сказала, что

дочь моя будет с нами, решил, что придёт день... укоренился в этом, когда Хадиджа подарила Айше серьги, то было предзнаменование! И я вручу судьбу Айши тебе, чтобы со временем стала она твоей женой.

— Айша? Дитя? Женой? Но ей... — Сколько же, подумал, лет?

— Исполнилось семь... — И, не дав, — почувствовал! — Мухаммеду возразить, ибо если тот скажет «нет», Абу-Бакр не посмеет настаивать, и потому торопливо произнёс, и даже дрожь была в голосе: — Заклинаю тебя именем Аллаха, — из новых формул, которые родились, — не отвергай мою просьбу! Только если Айша будет с тобой, сердце отца успокоится, и уже ничто не сможет разорвать наш с тобой союз... — Говорить, не молчать!.. — Никто не торопит нас, Мухаммед! Да, понимаю, привычное для всех, для тебя, Пророка, непривычно, к тому же Айша ещё мала.

Любовь к девочке-женщине? Учить любить, приучать и не отпугнуть? Обладать хрупким созданием!..

Но отвергнуть *дар*?

— ...Никто не торопит нас, Мухаммед!

И уже о другом: Абу-Бакр предложил, не преподнеся, а Мухаммед не отверг, приняв, — и разговор обрёл новое русло.

— Свадьбу можно сыграть потом, когда мекканцы образумятся. — Но образумятся ли? Пока не смеют преступать обычай: две смерти кряду и не смеют трогать ни их, ни тех, кто бежал в Абиссинию. Но теперь, когда во главе общины... — Впрочем, враги, кажется, одумались, — сказал Мухаммед.

— Твой сон про Джебраила, — заметил Абу-Бакр, — к кому обратились твои недруги, легко разгадывается: дружба во сне — часто вражда наяву, а женщина, которая замыслила во сне убить, — образ тревоги, не покидающей тебя, или, если тебе угодно толковать сон впрямую, что ж, могу сказать: это — женщина, которая тебя полюбит, продлив тебе годы жизни!..

Как *это* будет с Айшой, во взгляде её, она уже знает, только-только прорезается девичье: влечение к ней, и *всё* последующее?

— А что скажешь про Джебраила, будто он — это она?

— Встречался лишь ты, и тебе судить.

— Может ли сокрыться от ангела его женское явление в мой сон?

О сне с Джебраилом рассказывают, что страх обуял Мухаммеда, когда он проснулся, и, есть такой хадис, родился у него совет к верующим про Дьявола-Иблиса, он же Сатана, который завязывает на затылке во время сна три узла, подчиняя таким образом человека своим прихотям: если, проснувшись, вспомнишь Бога, — развяжется один узел; умоешься, прочистив рот и нос, через которые проникает злой дух, — развяжется второй узел; а помолишься, вознося хвалу Богу, — третий узел исчезнет, и, освобождённый от дьявольских пут, обретёшь бодрость и силу.

Абу-Бакр тщетно пытался разгадать сон, сказал лишь, что «посылаемое Богом — не тайна для Него, но тайна для нас, даже для тебя, пророка, ибо ты, о чём всегда велишь помнить, такой, как мы, или один из нас».

После ухода Абу-Бакра Мухаммед недолго оставался в одиночестве: неожиданно к нему явился йасрибец, первый из *чужих*, Амр, имя, распространённое на арабийских просторах, а далее — бин, или сын, Аббаса ас-Сулами; а с ним, совпадение такое, вторично пришёл Абу-Бакр, на сей раз с рабом Билалом: выйдя от Мухаммеда (слуга ждал его снаружи), Абу-Бакр наткнулся на незнакомца, который, сойдя с верблюда, назвался седельником из Йасриба, что, мол, слышан о «хашимите», который, как и он, разуверился в идолах, люди заблуждаются, поклоняясь истуканам, от них никакой пользы, но честно признался, что раньше был труслив, чем и подкупил Абу-Бакра, а тут впервые решил открыто о том заявить. «Возмечтал взглянуть на этого удивительного человека, сел на верблюдицу и приехал в давно не посещаемую из-за идолов Мекку».

А как вошли они к Мухаммеду, Амр тотчас спросил:

— Я седельник, а кто ты?

— Посланник Всевышнего, — ответил Мухаммед.

— С чем же ты послан?

— Передать людям Его повеления, чтобы поклонялись Невидимому!

— И кто тебя в этом поддерживает?

— Свободный и раб, — ответил, показав на Абу-Бакра и Билала.

— Я буду третьим, кто последует за тобой!

— Ты не сможешь сейчас это сделать, сам видишь, как ведут себя мои сородичи, грозят убить, так что возвращайся к семье в Йасриб, а когда услышишь, что я победил с помощью Бога, вот тогда и приходи ко мне!

— Но поведай: чему мне следовать, дабы простились грехи мои?

— Скажу тебе, седельник, да услышат все, кому передашь: во имя торжества Бога молись до восхода солнца, потом не молись, пока солнце не поднимется на высоту копьа, ибо восходит оно меж рогов шайтана, и язычники в это время повинуются ему. И молись, пока тень от копьа не исчезнет, ибо наступает время, когда в геенне разжигается пламя, и третья молитва — когда тень от копьа к восходу повернёт, а четвёртая послеполуденная, и снова не молись, пока не зайдёт солнце, ибо садится оно тоже меж рогов шайтана, и снова неверные ему поклоняются. А как солнце исчезнет, пятую молитву совершай, ночью Ему поклоняйся, славу Ему зывай долгой ночью! Воистину язычники днём преходящим упиваются, пренебрегая днём конечным, а он неотвратим!

Свысока взирают мекканцы на прибывающих сюда из Йасриба арабов, хотя смуглы и черны, как те, одно племя, короче. Купеческая Мекка даже презирует их как земледельцев, *рабов земли*, уважая, однако, богатые там роды, прежде всего евреев-ростовщиков.

А ведь в Мекке живёт человек, кому посылаются откровения, схожие с тем, о чём говорят иудеи, страшая их, племя бани-ус, которое тогда захватило в Йасрибе власть, обложив иудеев непосильной одноразовой данью: «Вот явится наш Мессия и отомстит вам!»

И возжелали йасрибцы встретиться с этим, как о себе он говорит, посланцем Бога, — на сей раз их было несколько человек, и случилось это почти в те же дни, как являлся к Мухаммеду хазрадж.

«В Каабе Мухаммеда не ищите!» — ответили йасрибцам в общине мекканской (не Абу-Джахл ли, дядя Омара?): не лезьте, мол, не в свои дела!

Но узнать бы, где его дом.

«Да вот он, виден отсюда» — с холма, где Кааба.

За высоким забором выступала плоская серая крыша.

Оказалось, что и в собственном доме Мухаммед не живёт: прячется от людей!

— Может, опасается за свою жизнь?

— Потому что безумец, мнящий себя прорицателем!

— Мало ли их в Аравии?!

— Но этот безумец нормальный, потому опасный, ибо представляет угрозу для общины Каабы. Если не уймётся... — не договорили.

Накажут? Покарают? Выселят?

Не ведали предводители Каабы, говоря йасрибским па-ломникам из племени хазрадж, ищущим встречи с Мухаммедом, про его безумство, что такое они слышат и у себя от своих, ибо преследуемы в родном городе, где говорят правду, прямота их порой невыносима и для сородичей-арабов из племени бани-ус, которые захватили власть в Йасрибе, и для иудеев, община которых ведёт якобы свой род от Аарона-Гаруна, брата Моисея-Мусы, и они, занятые, о чём было, ростовщицеством, тоже не приемлют их за любовь поучать, призывая смирять гордыню и взнуздывать неуёмную алчность, клеймят их бахвальство, что они — избранный народ.

— Каждый, кто жаждет встречи с Мухаммедом, — припугнули мекканцы йасрибцев, наверняка ведь замышляют недоброе, если идут наперекор им, мекканской общине, а это есть тяжкий грех пред богами Каабы, — подвергает жизнь опасности.

А один из вождей, наряду с Абу-Джахлом, общины, Абу-Лахаб, признался однажды йасрибцам, что, мол, он никакой не злодей, отвергающий родного племянника, кого искренно любит, но за уroda в семье больно! И при этом прослезился (а Абу-Лахабу, ветреный день был, соринка в глаз попала).

Случай помог. Нашёлся провожатый — поздним вечером организовал встречу йасрибцев, их было шестеро, у узкой горной тропы Акабы меж скалами неподалёку от подножия горы Арафат, — Зейд.

Не так уж одинок пророчествующий хашимит, если у него немало сторонников, и рабов-слуг, и даже равии, точнее, куррахи, записывающие откровения, — они и прислуживают ему, и телохранители его; и родичами богат: преданные дядья, двоюродные братья, дочери со своими семьями, — кто живёт в Абиссинии, а кто с ним здесь в Мекке. Но врагов больше, чем друзей, и потому осторожность.

А вскоре явились и Абу-Бакр, Хамза, Омар и Али.

— Кто вы? — спросил у йасрибцев Мухаммед.

— Из племени хазрадж.

— Не по следу ли седельника идёте?

Нет, о приходе к нему седельника Амра не слыхивали, но его знают, отменный мастер.

— И с какой вестью ко мне?

— Прослышали о твоих откровениях.

— Не мои они, ниспосланы Богом! — поправил. Поинтересовался, однако, какие суры им ведомы.

— Пока шли, — ответил за них Зейд, — прочли суры *Ночь и Утро*.

— Хотим поговорить с тобой, Мухаммед.

— Не скрою, в последние дни я часто думал о Йасрибе, где однажды довелось мне быть с покойным дедом Абдул-Мутталибом. Но смутны впечатления, и я, признаюсь, не ждал, что скоро увижусь с вами. Было мне неспроста ниспослано Откровение именно перед вашим приходом.

— Йасриб, увы, презираем Меккой.

— Невеждами! Ибо вы и мы нужны друг другу, как человеку правая и левая рука... — И вспомнив суры, о которых сказал Зейд, добавил: — Как утро и ночь нужны человеку! Вам в своём земледельческом оазисе определено Богом выращивать плоды, а мекканцам — торговать ими. Но прежде послушайте, чем было ознаменовано ваше ко мне явление.

И прочёл... — о том, что Мухаммед прочёл, Зейд умалчивает.

Не «Мчащиеся» ли? *«Мчащимися да восхитимся...»*

А может, «Неизбежное», где о верблюжьем отряде Мухаммеда и про «истину несомненности», которая открылась йасрибцам?

Да восхитимся тем, что вы видите, и тем, чего не видите! Воистину, это — слово посланника благородного, а не поэта!..

Долго молчали йасрибцы — о чём поведал свидетель Зейд, очевидец встречи, — пораженные услышанным.

Это часто в Коране:

Нет, не учили Мы его слагать стихи, не подобающе это ему, а что дано в айатах — то явленное Нами откровение, то Коран светоясный! (36/69).

Напоминай [мекканцам] неустанно! По милости Божьей, ты не прорицатель, нет, и ты не одержимый, ты не меджнун! А то говорят: Ведь он поэт! Поглядим, что рок ему готовит! Ответ им: Что ж, я не спешу, и с вами подожду! Не ведают, незнанием побуждаемые, или сбились, истинную потеряв дорогу! А то и говорят: Он сочинитель, откровения свои измыслил! Как велико их заблуждение! Но если так, пусть откровения изрекут свои, хоть чуточку подобные тому, что слышат от тебя! (52/29—34).

А потом один из йасрибцев — предводитель их Абу Имамэ, сказал, что да, они поверили в его посланничество, ибо то, что они услышали, лишь ниспослано свыше может быть, и что Мухаммед, рождённый в Аравии, должен объединить арабов.

— Мы приложим все силы, чтобы убедить в этом племя хизраджей!.. Впрочем, считай, что это уже свершилось, и мы приняли твою веру. Но у нас в Йасрибе, — добавили, — живёт и другое племя, более знатное, нежели мы, это ауситы (племя *бани-ус*), и неистребима рознь между нами.

Частые стычки: то аусцы берут верх, а то хазраджи. Недавно племя аус признало верховенство племени хазрадж, но вскоре короткое перемирие было нарушено новым столкновением. Ауситов поддерживали иудейские арабы, их здесь четыре племени, поселились тут давно и занимают лучшие верхние земли оазиса — кайнука, фитйаун, надир и курайза. Двое последних племён, возводящие род свой к Аарону-Харуну, стали на сторону аусцев, мстя хазраджам, один из вождей которых, Амр бин Нуман, недавно без всякой на то причины самолично истребил заложников, и хотя сами хазраджи его осудили, война стала неизбежной. И завершилась она лишь когда погиб Амр. Снова мир — но сколь он долгов?

Домогаться защиты у Каабы, которой преданы, и отвернуться от Мухаммеда? Искать поддержки у него, когда сам он нуждается в защите?

Могучи в Йасрибе и колонисты-иудеи, живущие спаянной жизнью, и тем они сильны, что... — не dokonчил, что, де, «умело межплеменные раздоры используют». (А те: «Чтобы не дать вам сговориться и одолеть нас». И нескончаемы распри.) Только ли это?! Они учёны и богаты. Искусные ювелиры и ростовщики! Держат в руках всю торговлю вином, зерновым хлебом и финиками, — Абу Имамэ доволен, что судит справедливо и не кривит душой. К тому же, в отличие от нас, неучей, знают наш язык, а мы не ведаем, о чём они толкуют.

А пока Абу Имамэ говорил, Мухаммед вспомнил спор с Варакой:

— Ты борешься с полидемонистами, — брат Хадиджи разумел мекканских идолопоклонников и язычников-персов, — а могущественная Персия, освящённая силой многобожия, сломала хребет Бизанса! И добавлю, вынесла из Иерусалима одну из христианских святынь — крест Господень!

Царь персов Хосров Ануширван заступился перед императором Юстинианом за изгнанных из Афин философов-язычников. А при взятии персами месопотамского города Харрана вернул жителям уплаченную ими византийцам контрибуцию за то, что те остались верными язычеству.

— Так что же: увлечение земными кумирами возьмёт верх над теми, кто верит в единого Бога?

— Нет, я потрясён неистребимой тягой людей к земным божкам!

Варака промолчал.

— Да, румийцы побеждены, но помани мои слова: вскоре они победят персиян, ибо Богу принадлежит власть прежде и после, и верующие в Единственного возрадуются помощи Божьей!..

И Абу Имамэ молвил о речах иудеев, что явится Мессия и не избежать тем, которые их притесняют, жестокой кары: уготована им участь стать ослами, погоняемыми иудеями.

С опаской глядят арабы на недоступную им Книгу иудеев: таинство, неподвластное им!.. Но услышанное от Мухаммеда не собственная ли их Священная книга, которую по аналогии с Библией назвали Кораном?⁴²

Не менее иудеев натерпелись сами хазраджиты (впрочем, ауситы тоже, хоть и властвуют ныне — но доколе?).

Некогда они платили дань персидскому царю. Затем иудейским племенам курейза и надир, через которых персы господствовали над Йасрибом. Потом сбросили иго иудеев. Но с новыми военными успехами персов не возродится ли былое, тем более что пугают:

«Вот-вот! Настало время появления Мессии!»

А тут, в Мекке, объявился пророк! Не он ли, Мухаммед, — недаром редкое имя у этого человека, прежде не слыхивали, — и есть тот Мессия?

Но Мессия наш, арабов!

И разом покончить с раздорами, обрета всеединство!

— Мы понесём, Мухаммед, сказанное тобой в Йасриб!

— Вы мои *ансары*, — новое слово, услышанное ими, и добавил, встретив их вопрошающий взгляд: — *Помогающие* донести до йасрибцев весть о новой вере. История запомнит ваши имена — первых шестерых ансаров: Асад ибн Зарар, Атаба ибн Омар, Джабир, сын Абдуллы Рахиба, Овф, сын Хариса, Раффи, сын Малика, и предводитель ваш Абу Имамэ.

— Не знаю, как другие путники, — заметил в ответ Абу Имамэ, — но я прибыл в Мекку с затаённой надеждой обрести здесь друзей для своего племени, а нашёл посланника Бога!

Вскоре явились к Мухаммеду новые йасрибцы, их уже

⁴² *Кара* и у иудеев на иврите, и на арабском (языки семитские) означает *Чтение*.

было двенадцать: пятеро первых (без Джабира ибн Абдулла Рахиб) плюс пятеро новых, из коих двое — из племени бани-ус.

И заключили на холме Акаба долины Мана в окрестностях Мекки договор, это случилось в одиннадцатый год посланничества, даже подписавшие слегка надрезали кожу на руке, слизали друг у друга выступившую кровь, дабы крепче был союз, назвались впредь «акабитами».

Первая Акаба: встреча и клятва. Выстроилось десять условий, присягнули йасрибцы-хазраджи, как сказано, *присягой женщин*, которая почитается более надёжной, нежели мужская.

Не почитать другого Бога, кроме Аллаха; тем, кто принял новую веру, содержать дома свои в чистоте и опрятности снаружи и внутри, избавиться от идолов, стремиться к чистоте помыслов, дел и поступков; быть верным данному слову: сказал — не отказывайся, сказал — не думай иначе, сказал — не поступай противно; не зариться на чужое; не покушаться ни на чью честь; запрет на убийство рождающихся в семье девочек; не лжесвидетельствовать, измышляя клевету, не лгать; подавлять в себе гордыню; исполнять предначертания, данные свыше Мухаммеду, а потому: знать айаты, не ослушаться его, всячески помогать ему, поддерживать и защищать его.

И последняя заповедь: приветствовать друг друга при встречах без надменности и кичливости.

А то как бывает: встретятся два араба в пустыне, никто никому не уступит дорогу, кидаются друг на друга, как лютые звери, — кто кого убьёт.

— Отныне, — поясняет, — встретятся два араба и приветствуют друг друга: кто раньше — тому Бог больше воздаст. Праотцы приветствовали друг друга: Мир тебе! или Салам-aleyкум! Ответ: Aлейкум-салам! Мир и тебе!

И сколько раз на дню случится встреча, утром или днём, на рассвете или вечером, опережать друг друга в приветствии.

Из заповедей, особо не оговоренных, помнить всегда про аманат: неписаный закон для купцов, кочевников и путешественников, выгодный всем и каждому: «Храни доверенное в неприкосновенности и невредимым верни хозяину по первому же его зову! Не присваивайте доверенного вам!»

Йасрибцы-ансары и Мухаммед обменялись аманатами: те на услужение оставили Заквана, сына Гейса, а Мухаммед послал на подмогу ансарам секретаря-равия, хранителя сур, Мусейба бин Умайра, жил у Асада ибн Зарар.

...Йасрибец *ансар* на встречу с Мухаммедом к нему пришёл, гонец от тех, с кем заключено акабское соглашение. Не успел переступить порог дома, как с вершины горы покатились ясный голос, грохоча, точно падающий камень, и ударился в окно — йасрибец вздрогнул, точно ему была адресована угроза: «Эй, вероотступник, не избежать тебе кары!»

«Я ждал этого предостережения! — сказал Мухаммед йасрибцу. — То голос Дьявола-Иблиса! В нём — крик отчаяния идолов!..»

Но беспокойство закралось в душу, даже усилилось, как только йасрибец покинул Мухаммеда. А ведает ли Джебраил, забывший дорогу к Мухаммеду, о его отчаянии? И сон с ангелом в женском обличье — не испытание ли?!

7. Кривизна судьбы, или постоянный вопрос самому себе: Почему именно ты, Мухаммед?

Йасриб! Только туда! И, не опасаясь за жизнь собственную и родичей, распространять, никому не причиняя вреда, своё учение!

Ибо известно задолго, что будет именно так, не иначе! Ибо случилось! Или привиделось, что пророк? Так что же? Веруй во что желаешь и никого не тревожь, пусть пороки людские захлёстывают мир?

Вскоре оставили Мухаммеда равии, рабы. Али почувствовал, что Мухаммед хочет остаться один. Помнит, Мухаммед как-то сказал ему: «Лучше сидеть одному, чем со злым. — И, помолчав, добавил: — Однако лучше сидеть с добрым, чем сидеть одному»⁴³.

— Но ты...

— Хочешь сказать, что почитаю одиночество? Да, ты прав. Человек должен хоть изредка остаться наедине с самим собой, вопрошая того, кто в тебе, постоянного собеседника, ибо он есть ты: каков твой вес на чаше добра и зла? И молиться, чтобы Бог защитил от зол... — А их, зол, как о том поведал в хадисе Мухаммед, пять: зло слуха, дабы уши

⁴³ Этот хадис вошёл в составленную Л. Н. Толстым книжечку «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран» (М.: Книгоиздательство «Посредник», 1909) и звучит в полном виде так: «Лучше сидеть одному, чем со злыми; но лучше сидеть с добрыми, чем одному. И лучше говорить ищущему знания, чем хранить молчание; но лучше молчать, чем вести пустой разговор».

не поддавались лживому и убивающему; зрения, дабы глаза надменно не глядели; уст, непотребное дабы не изрекали, поношению не подвергали покойных, ибо им уже воздано за свершённое прежде; зло сердца, в котором добродетели пожираются, как дрова огнём, алчностью и гневом, вероломством и завистью.

— А пятое зло? — спросил Али. — Ты не сказал о нём.

— Пятое зло — органов половых: прелюбодеяние!

Обнажилось дно колодца, не увидишь, как прежде, в далёком детстве, отражения в воде, засох, иссякли подземные источники. И путь раздумий, чтоб дойти до некоей черты, задаться вопросом:

«Но почему ты, Мухаммед? Да и кто ты есть?»

Писания были всегда, но каждое прочитывалось, дабы подтвердить правильность прежнего: не было б пророков — не узнали б про Писания.

— ...Приведут людей общины, и я скажу: «Это мои сподвижники!» Мне будет отвечено: «О, чего только после тебя они не натворили!»

И что же? Всех призвать в единобожие?!

О чём ты, Мухаммед? Уцелеть бы!

Из старых дум? Или поздних? Дум *после-после*, перенесённых в далёкое *тогда* и в завтрашнее *теперь*.

Йасриб и йасрибцы... Или известно задолго, что будет именно так, а не иначе? Привиделось, что пророк? Так что же: веруй, во что желаешь, и никого не тревожь, и пусть пороки людские захлёстывают мир? Но что может горстка, если возникнет угроза жизни? Но: ведь Мухаммед и те, кто поверил в него, поддерживаемы Богом! *Сомнение?! И у йасрибцев надежда, что Мухаммед прекратит вражду арабских племён Йасриба и тогда удастся сообща противостоять засилию иудеев?*

Встал, подошёл к сундуку, открыл его тяжёлую крышку. *Ты его видел, пронзив оком, И услышал: сколочен из дерева небесного!..* Вот он, ларец Хадиджи, и тотчас осветил белыми, точно светящиеся облака, перламутровыми инкрустациями тёмное нутро сундука.

...Как уехали йасрибцы, мухаммедианцы стали покидать город — тем лучше: Кааба очистится от возмутителей!

И Осман, и Хамза, прежде испросив на то, как и Осман

с семьёй, согласия Мухаммеда: с ним остаётся уважаемый мекканец, а главное, надёжный телохранитель — богатырь Мутим, и пока он неразлучно рядом, Мухаммеду ничего не угрожает.

С сыном Мутима была помолвлена дочь Абу-Бакра Айша: родились они почти одновременно, и отцы решили закрепить союз семей.

Но судьбе было угодно отменить договорённость по обоюдному согласию, и Мутим, поверивший сразу и безоговорочно в пророческую миссию Мухаммеда, стал добровольным его телохранителем, уступил желанию Абу-Бакра вручить судьбу Айши в руки Мухаммеда.

Заметим, однако, что это обрадовало жену Мутима: была напутана, что сын, женившись на Айше, подпадёт под воздействие тестя Абу-Бакра, станет мусульманином, чему она противилась, не желая изменять богине ал-Лат.

Община в Каабе хватилась, когда увидела опустевшим оживлённый и большой дом двоюродного брата Мухаммеда Абдуллы бин Йахша, к которому лепились дома родственников Мухаммеда. Среди покидающих оказались люди, полезные для Мекки, привлекающие паломников.

Раскол среди курайшей?

Ветер изменил полёт стрелы?

За Османом собрался в Йасриб и Омар, но прежде, станет он прятаться и таиться, опоясался мечом, обошёл Каабу и во всеуслышание заявил:

— И пусть воспротивится мне тот, кто хочет оставить вдовой свою жену, а детей своих пустить по земле сиротами!

— И на меня меч?! — высунулся из окна, слышав угрозу Омара, его дядя — Абу-Джахл.

— Любого, кто встанет на моём пути!

Было похоже на бегство... — но выпустить Мухаммеда?!

Нет, он в своём доме, и хоть знает, что покой оберегают, сны тревожны.

А утром... — предчувствие свершившейся беды не обмануло Мухаммеда: умер Мутим, под чьей защитой короткое время находился!.. Его смерть — сигнал: пора покидать Мекку.

Община собралась для действий: может, объявить паломникам, что он лишён поддержки общины и, обесславив, изгнать из Мекки?

— ...А если Мухаммеда заковать в цепи, — предложил Абу-Джахл, — как проделывали в прошлом, ибо помогает обуздать одержимых?

Помнят: такое случилось с поэтическим судьёй на ярмарках Набигой за две его язвительные строки против Каабы: «Игрушечный дом, пристанище корысти, куда несут дары паломники одураченные!»

Бросили в темницу, где поэт погиб.

Но прежде на волю выпустили почувствовать, сколь сладка жизнь: глаза, привыкшие к малому пространству темноты, при ярком свете тотчас ослепли, залила кровь зрачки. А ведь был почитаем при евфратско-хирском дворе покойного Номана Пятого! Был и гассанидами пригрет, сирийскими арабами-христианами, окружён вниманием их царя Джабала бин Айхама. Не зная забот, в роскоши кочевал с ними по живописным долинам. Сгноили в темнице... — но сказанное и поныне живёт, не стереть строки из памяти!

— Но какой в Мекке кузнец, — отвечает Абу-Джахл себе, — возьмётся заковать Мухаммеда в цепи?

И где темница, чтобы упрятать его? Вывезти в безжизненную пустыню, чтобы стал добычей хищников?! Но первые же бедуины-кочевники, помнящие о покровительстве Абдул-Мутталиба, благоволящие к Мухаммеду, спасут!

Самое надёжное — вернуться к первоначальной задумке:

— Забыли, что Абу-Суфьян предлагал?

Если ясно, что выпускать из Мекки нельзя, то мёртвый никуда не сбежит. Остаются обещанные красношёрстные верблюды тому, кто приведёт Мухаммеда на суд общины живым или мёртвым. А мёртвого как судить? Поплачут, торжественно предав земле.

Но возрождать кровную месть!

Абу-Джахл не наивен:

— Можно избежать кровной мести — в убийстве примут участие все роды курайшей!

— Как может множество убить одного? — спросил Абу-Лахаб.

— Вижу, — это старец из Неджда, он представился защитником богов Каабы, — это вас волнует: каждый курайшский род выделит одного человека для участия в приговоре, и тогда кровопролитие, совершённое всеми, смывает преступление, мстить будет некому и не за кого!

Никакой он не старец! Не тот ли он, кто кричал, когда

явился к Мухаммеду йасрибец? Да, переодетый в человека Иблис, вдохнувший в курайшей зловредный дух!

— О да, — дружно поддержали старца за хитрость, почитаемую как знак ума, ведь она сродни мужеству: расставить ловушку и с выгодой для себя обмануть недруга, а то и простачка — и тебя признают умелым!

Старца, как стали расточать хвалу, будто кто резко толкнул: он часто задышал, ловя ртом воздух. Подхватили под руки и вынесли, восприняв случившееся как дряхлость, но старцу, когда обсуждали про изгнание, умерщвление и всякие иные ухищрения, услышалось (но разве признается в том?), как волна за волной накатывало на него: *Алиф! Лям! Мим!*

Оставили его лежать на паласе одного, чтобы отдышался, и он съёжился комком, уходя в сон, и вышли из храма.

И тут на звёздном небе вдруг что-то вспыхнуло, луч, подобный молнии, сверкнул над Каабой!

Предзнаменование удачи?

А когда, договорившись о коллективной казни Мухаммеда, вернулись к старцу... — нет его на месте!

Может, луч испепелил? — мелькнуло у Абу-Джахла.

Накануне сбора мекканской общины состоялась *Вторая Акаба*, названная впоследствии «боевой», в отличие от первой, названной «женской», ибо ничего в ней не было действительно-активного: новая в двенадцатом году посланничества встреча Мухаммеда с йасрибцами; на сей раз их было свыше семидесяти, прибыли в Мекку как паломники и присягнули на верность Пророку. Поначалу слова, которые он молвил, сказав при этом, что они «явлены ему Единым Богом», насторожили: почти то же самое произносили иудеи, не призывая их, однако, отказаться от своих божков, мол, «это ваше дело», в отличие от Мухаммеда, не терпящего многобожия, из чего и преследуем в Мекке.

Поначалу их насторожило: казалось бы, укрепились в предположении, что Мухаммед повторяет иудеев, мол, «вера моя не новая, и Коран утверждает появление избранного Единым Богом нового пророка! И не моя то воля, Свыше предопределено, чтоб я призвал арабские племена, погрязшие в язычестве, вернуться к вере праотца нашего Авраама и его сына Измаила!».

Уж не иудей ли Мухаммед? Или, может, они его обратили, а то и был явлен тот, кого ждут евреи, называя его Мес-

сией? И кем пугают их, когда обостряются отношения: мол, он явится и накажет всех, кто угнетает евреев?..

Не объединится ли Мухаммед с их евреями, укрепив в борьбе против них, хазраджцев и ауситов?

И естествен был вопрос паломников, коль скоро он объявлен новым пророком, — в первую же их встречу йасрибцы спросили у него:

«Что же нам сделать, чтобы примкнуть к новой твоей вере?»

«Прежде всего, совершить омовение тела, то есть очиститься, обновить одежды, а потом на первых порах или в начале начал произнести всего лишь две фразы, формулу веры *шахаду* и обрядовую молитву *саят*, я научу вас этой молитве». И они повторили за Мухаммедом услышанное, что сказано Богом: «Мы не посылали до тебя ни одного посланника, кто бы ни молвил: “Нет божества, кроме Меня. Поклоняйтесь же Мне!” и что “Мухаммед посланник Бога!”» (21/25).

И клятва Мухаммеда, произнесённая при встрече:

«Да уверуете в слово Божье! И что ваши интересы, интересы всех племён Йасриба — они и мои собственные интересы!»

Но пред тем речь держал глава йасрибцев Абу-Хайсам:

«Между нами и иудеями, между нами и другими племенами Йасриба есть узы, которые мы хотим с твоей помощью сохранить. А вдруг ты решишь оставить нас одних на произвол судьбы и воротиться к своему племени?»

«Окончательный разрыв и окончательное разделение, — ответил Мухаммед, — ибо вы мои, и я ваш. И буду в мире с теми, с кем в мире вы, и буду воевать с теми, с кем воюете вы».

Слухи в Мекке, решение общины не утаишь: ищут Мухаммеда, за поимку награда — сто верблюдов. Усилены посты у ворот Мекки. Убить кого в доме почитается в Хиджазе верхом трусости и подлости: но затеявшие месть курайши ведь не убийцы, а выполняют, как представляется им, волю богов Каабы, против которых Мухаммед повёл войну!

...Ночью явились к Мухаммеду, горел светильник.

Глянули в щель: лежит, своим плащом зелёным укрытый!

Ворвались, бросились пронзить спящего клинком, но увидели: это Али!.. Мухаммед был тут же, его видели,

но комната вдруг наполнилась густой пылью, пыль стала въедаться в глаза, чешут и чешут, ослепли будто, выскочили и бежали, пока боль не унялась.

Комментаторы Корана полагают, что именно этот эпизод имеется в виду в аяте: «Мы устроили перед ними преграду, и позади их преграду, и закрыли их, и они не видят», хотя вполне можно допустить, что речь тут о пещере, в которой прятались, убегая из Мекки в Йасриб, Мухаммед и Абу-Бакр: «преградой» могли быть и паутина, которая закрыла собой вход в пещеру, и разросшееся тут же деревце, в ветвях которого птица успела не только сплести гнездо, но даже высидеть яйца и уже кормила птенцов. Кстати, с этим аятом стыкуется другой: «Вот нагнали его те, которые не веровали, когда он был вторым из двух. Вот оба они были в пещере, вот говорит он своему спутнику: “Не печалься, Бог с нами!” И низвёл Бог свой покой на него...»

Вообще-то в Коране есть прямое упоминание о том, что мекканцы охотились за Мухаммедом: «Вот ухищряются против тебя те, которые не веруют, чтобы задержать тебя или умертвить, или изгнать. Они ухищряются, и ухищряется Бог. А ведь Бог — лучший из ухищряющихся».

В другой раз допытывались у Али: где Мухаммед? «Племянник, — сказал им Али, — не приставлен стражем к дяде своему!»

А однажды... — Мухаммед вдруг услышал божественное повеление: «Да возрадуемся мчащимся коням! От бега они запыхались! Высекаются из-под копыт искры!...» (36/9, 9/40, 8/30, 100/1, 2).

За реальностью земной сокрыто небесное, оно вот-вот прояснится. И тогда возникнет некое пространство, в которое конь стремится попасть, чтобы обрести твёрдую опору, и после мига отдыха снова помчаться, точнее, воспарить в небо, преодолевая немыслимые расстояния, если на то есть воля Всевышнего.

И небо звёздное вдруг прочертилось яркой вспышкой: не след ли то ангела?



III

НЕБОШЕСТВИЕ

Живым Мухаммед явлен был на крути неба, где медленно течение времён, и думами привязан ко всему земному: *Когда ты пребываешь там, или пребудешь, / узришь стремительную поступь на земле, / скор день и скоро ночь в делах, заботах, мыслях.*

О небошестве пророка Мухаммеда, то есть перенесении его на коне Бурак с помощью Джебраила из Мекки в Иерусалим (это называется «исра»), а оттуда — восхождении на семь небес (а это — «мирадж», что означает «лестница»), где Мухаммед встретился с пророками, явленными до него, молился с ними, а потом предстал пред престолом Бога, — обо всём этом в Коране упоминается, как признаётся его комментаторами, трижды: ассоциативно, метафорически, описательно.

Есть специальная сура, названная «аль-Исра», или «Ночное путешествие», и она открывается аятом:

Хвала Тому, Кто ночью перенёс раба Своего [Мухаммеда] из Храма неприкосновенного [имеется в виду Кааба] в Храм отдалённейший [так назван в Коране Храм Соломона на Храмовой горе в Иерусалиме], чтобы там, благословив его, представить ему Наши знамена (17/1).

Божественное свидетельство свершившегося чуда содержится также в аяте, где говорится то ли о предстоящей, то ли о состоявшейся встрече Мухаммеда с Моисеем:

Писание Моисею Мы дали, о встрече с ним ни на миг не будь в сомнении! И Книгу, данную Моисею, мы руководством сделали для всех сынов Исраила (32/23)⁴⁴.

⁴⁴ Материальной реализацией «небошества» стала мечеть, построенная на Храмовой горе вторым халифом Омаром шесть лет спустя после смерти Мухаммеда в 638 году от Р. Х.: византийцы сдали Иерусалим арабам, христианский патриарх Софроний отвёл Омару участок на Храмовой горе, и там, очистив площадку, превращённую

О небошестве указано в метафорической, по мнению коранистов, форме в суре «Звезда», в айатах:

Да восхитимся звездой... Возник Он [пред тем: «Обладающий силою великой, Кто огромной мощью наделён»] на горизонте высочайшем. Прямо стал, спустился и приблизился, и был на расстоянии двух луков, а то и ближе... Откровение ниспослано Им Своему рабу, внушил что внушилось. Нет, не солгало сердце его в том, что видел он и слышал! Как можете оспаривать, что видел он?» (53/1—18)⁴⁵.

О небошестве и в хадисах; вычислено, что случилось на 12-м году избранничества в 622 году, в ночь на 27-е число 7-го лунного месяца раджаб, после чего Мухаммед, спасаясь от преследований, совершит бегство из Мекки в Йасриб, положив начало новому, исламскому, летоисчислению хиджры.

О чудо-явлении, что прочертился в звёздном небе след ангела, существует и большая художественно-биографическая литература, в которой даётся описание, с существенными, правда, различиями, как самого «перелёта», так и «посещения» Мухаммедом семи небес, и пророки признали его пророческий статус.

А было так, как повествуют... — перечень имён высокочтимых, но да назовутся из множества их хотя бы пятеро передатчиков вести:

Джахм ибн Аби Джахм, о ком было, прозванный «Многоречивым»;

Абу Мас'уд, или «Правдивейший», чей псевдоним аль-Бадри, в честь победы мусульман над язычниками-мекканцами при местечке Бадр, о чём есть в Коране и благодаря чему сохранилось многое из сказанного Мухаммедом, в частности: «Человеку, который укажет другому путь к благому делу, предназначена такая же награда, как и тому, кто совершит его»;

Абу Хурайра, прозван «Беспристрастный», ту же мысль выразил иначе:

«Тот, кто призывает других к заблуждению, взваливает на плечи бремя греха, равное по тяжести грехам тех, кто последовал его совету, не облегчив при этом ни на песчинку собственных грехов»;

тогда в место свалок и нечистот, соорудили мечеть Аль-Акса, существующую поныне. Вторая мечеть с золотым куполом, «Купол скалы», сооружена в 687—691 годах, но уже в честь самого Омара по повелению омейядского халифа Абдалль-Малика.

⁴⁵ См. также: *Крачковский*, комментарий о ночном путешествии Мухаммеда, с. 614.

Ибн Аббас, «Точнозапоминающий» или «С хорошей памятью»;

Абис бин Раби'а, или «Ясноокий», который изрёк: «Я слышал, как Омар бин аль-Хаттаб, целовавший Чёрный камень, сказал, дабы не подумали, что это то же, что и идолы, которым прежде поклонялись: “Поистине, я знаю, что ты всего лишь камень и не можешь ни принести пользу, ни нанести ущерба, и если бы я не видел, как целовал тебя Посланник, то не стал бы и сам делать этого!”».

И все они — напрямую или косвенно были, по преданию, очевидцами, видели, слышали про небошество, и так эта весть дошла до наших времён.

Мухаммед, часто меняя места проживания, в один из тревожных дней гостил у двоюродной сестры Умм-Хани, дочери Абу-Талиба. Она постелила ему в дальней части дома, чтоб никто не беспокоил, а сама удалилась на женскую половину. Когда ночь шла к концу, Мухаммед проснулся, дивясь, что проспал ранний намаз: петухи в это время петь начинают, неужто уснули непробудным сном?! Собаки вымерли будто, не перекликаются. Даже сова притихла. В такую тишину услышишь, как журчит ручей... — ни звука!

Выглянул наружу: на чистом светлеющем небе ярко горела крупная звезда, полыхая изнутри живым огнём.

Нет, не проспал.

Готовясь к предрассветной молитве, она особенная, ибо именно при первой молитве ангелы ночи встречаются с ангелами дня, Мухаммед наполнил, дабы совершить омовение, медный кувшин колодезной водой из большого глиняного чана, в нём вода всегда свежая и холодная; нравился кувшин с ручкой замысловатой, особым отгибом для большого пальца; вырезанные на меди изображения скорее угадывались, чувствуемые пальцами, нежели виделись в предрассветной темени; уподобил однажды кувшин фигурке женщины: плавные и округлые изгибы, суживающиеся в талии, будто стан девичий, и ширящиеся у основания, как раздавшиеся бёдра у женщины зрелой, — сравнения, возникшие некстати, смутили дух, укорил себя, что явились пред молитвой.

Пригнул кувшин, подставив под тонкую струю ладонь, но тут на всю Мекку прогремел нечеловечески оглушительный и властный окрик такой силы, что даже свет звёзд на миг погас:

— *Эй, Мухаммед, выходи!*

От неожиданности вздрогнул, кувшин выскользнул из рук. Ухватить, чтоб вода не пролилась, капли её драгоценные!..⁴⁶

Темнее тёмной ночи стало.

И странная тишина: ни шелеста, ни шороха.

Предстал вдруг перед ним громадного роста Джебраил. Ослепительно яркие крылья его горели лёгким светом, то был даже не свет, а свечение, которое бывает у свечи перед тем, как потухнуть.

Что бы это значило?

Конь возник — стоял у калитки, будто Мухаммед сам туда привязал, терпеливо ждал седока.

Разве то был конь?!

Нет, некое блестящее белизной существо, весь искрит-ся, глаза горят. Крупнее осла, но меньше мула, а морда... Красивой женщины лик! И этот изгиб, который всегда волнует более всего.

О чём это он?!

Спина! Она была у коня длинная, удобная для сидения. И большие уши, на ногах — белые крылья, летящие, точно песнь.

Но кем воспет? Осмеян даже!

Ну да: Небылицы! Дикая нелепость!..

Вспомнил! Дед рассказывал: конь, на котором праотец Авраам к Измаилу, сыну-первенцу ездил, тоской мучимый.

— *Разглядывать некогда, воссядь!* — повелел Джебраил. — *Час пришёл!*

— Да, да, — поспешно произнёс Мухаммед. — Я ведь просил.

— *Молчи!* — воскликнул Джебраил в нетерпении. — *Ни слова больше!*

Молнией сверкнул у коня взгляд. Искры посыпались из ноздрей: не то что сесть — к нему не подступиться!

Внезапно конь опустился на передние ноги и помог всаднику взобраться: ноги — в стремяна, впору седло, сразу обхватившее его.

Крылья коня точно стрелы огненные. Не обжигают, не больно от света глазам, щадят их, освещая всё вокруг.

⁴⁶ И успеет ухватить, как вернётся на землю после небошества, не даст воде пролиться из опрокинутого кувшина: такова метафора мига небесного, отличного от мига земного.

Уже летит в небе высоко, дух захватывает. Под копытами коня невидимая твердь. Взмах крыльев столь быстр, что незаметен. Заря на небе, а там, где Мекка... — нет, уже не Мекка! Лишь красный краешек, как ломоть спелого арбуза, на небе, осветивший кромку пустыни.

Завидев Бурака... — орлы возмутились: что за летящее существо в подвластном им пространстве? Но тотчас крылья у них, Мухаммед заметил, осыпались и, будто ошипанные, падали, а за ними, плывя в воздухе, трепыхали их перья.

Отчётливо проступили очертания земли, выпрямились неровные изгибы на ней, очистились небеса. Взгляду открылись дальние дали — высились белокаменные дворцы, окружённые крепостными стенами, с изумрудными куполами и гладкими мраморными колоннами, и свет струился водопадами по ступеням.

Караванный путь верблюжий простирался, вмятины на оранжевом песке от стоп верблюжьих и копыт коней, к Красному морю.

Хиджаз с зелёными оазисами, одинокими, как стражи, пальмами — точно барьер, похожий на белёсый кинжальный шрам, грубо заживший на смуглой щеке деда, — шрам на челе земли, разделяющий в Аравии мёртвую пустыню и полную жизни Мекку, зной прибрежной полосы и прохладу плоскогорья и главные горные цепи — родные места, где обитает племя курайшей.

Моё и твоё!

Глупцы! Хотят убить его, а он... под ним необычный конь, живой, жаркий, и он летит на нём!

Рассыпались и гасли искры огня из-под копыт!

Зохра-Венера охапку созвездий ему преподнесла, осветив путь!

Дало каждое созвездие — кто пояс, кто венец, кто россыпь огней.

Бурак летел, обгоняя время. И столь стремительно пронёсся мимо Утарида-Меркурия и Марриха-Марса, что те и не заметили, а потом запыхали огнём, точно устыженные, что упустили лицезрение чуда.

В небе полумесяцем вторым засверкала подкова коня, и тут же её блеском очистился лик полумесяца.

А потом семь звёзд созвездия Плеяд, и самая яркая из них Сурайя, стали ориентирами на его пути.

— А Кейван-Сатурн? — звездочёт мекканский потом спрашивал. — Неужто и он следил за твоим полётом?

— Чёрный плащ накинул Бог на лик его, чтоб не сглазил!..

Мухаммед видит внизу большой караван, движущийся в сторону Мекки. Ярko вспыхнул меж двух горбов верблюда розовый шёлк паланкина. Что может быть достойнее верблюда? И поступь, схожая с женской, когда несёт та сосуд с водой на голове. Сосуд и походил на горб.

Звезда, с сиянием крыльев слившись, осталась сбоку внизу. Потом и скрылась, вместе с нею и земля. Но был спокоен Мухаммед, чувствовал, что сзади — Джебраил.

— *Не оглядываться!* — Голос прогремел предупреждающе: *не должно человеку ангела летающего видеть!*

— *Остановись!* — крикнул вдруг. Вмиг сменились ощущения жары и холода. Затих шелест крыльев коня. — *Сойди на землю и помолись!*

Как с высоты пасть на землю?! Но конь копытом бьёт по тверди.

— Молиться здесь?

— *Гора Синай, где Бог явился Моисею из горящего куста!*

Да, накануне явлено было: *Да восхитимся Мы горой!* [Синайской, где Бога лицезрел Моисей, Иерусалимской, где проповедовал Иисус, Мекканской, где явлен Коран.]

Верхушка горы светла, а склон... Катится по нему свет, будто существо живое. Стремительно уносится тень облака, высвобождая лучи солнца, больно бьют по глазам.

Пламя огня, когда горел, не сгорая, терновый куст!

— *Святая земля!* — услышал Джебраила. — *Прежде сними обувь твою с ног твоих!* — приказал.

«И я молился там, где Бог воззвал к Мусе из среды горящего куста!»

Мухаммед ощутил под ногами идущий из глубин жар.

И снова — стремительный взлёт на небо.

— И видел, как горел и не сгорал терновый куст?!

— *Тот куст не мне привиделся — ему, Мусе! А гора дымилась, ибо Бог сошёл на неё в огне.*

— Как из печи дым восходил?

— *И вся гора колебалась!*

И снова окрик Джебраила:

— *Остановись!*

Конь устремился вниз, разрывая в клочья облака.

Земля громадой всей летит ему навстречу.

— Я должен помолиться здесь?

— *Вифлеем, где Иисус родился!*

...Стремительный взлёт в небо.

И снова до ушей Мухаммеда донёсся окрик, но на сей раз не Джебраила голос, чужой:

— Стой, Мухаммед!

Конь спешил, не повинуясь всаднику, будто не слыша.
Вскоре новый окрик, слева, и снова голос незнакомый:

— Эй, погоди!

Но конь свой бег стремительный не убавлял.

Вдруг видит пред собой Мухаммед девушку красивую — она к нему, не он к ней мчался, зазывающе приветлива:

— Не спеши, поговорим! — И в шёпот, как в туман, обволокла.

А конь летел, рядом — Джебраил.

— Чьи голоса я слышал? — спросил.

— *Голос первый иудея, сотворившего себе золотого тельца!*

— И что же?

— *Если б сошёл, стали б грешниками!*

— А второй?

— *Голос христианина, изменившего Богу!*

— И стали б... — Джебраил опередил:

— *Изменниками стали б Богу!*

— А третий голос чей?

Помедлил Джебраил, скучно отвечать:

— *Земных утех то голос!*

Явлено будет Мухаммеду в той же суре, где о небошествии:

Писание Моисею Мы даровали, содеяв руководством для сынов Израиля: Не берите, — молвили Мы им, — в покровители себе кого б то ни было, кроме Меня... И предсказали Мы в Писании сынам Израиля: Свершите на земле вы дважды ослушание, в гордыне превеликой вознесётесь! Когда явился срок наказания рабов Своих за первое, которые владели сильной мощью, Мы наслали на тех, кто грабил, убивал, проникнув в святыни ваши, и так исполнилось Наше обещание. Потом Мы вам над ними даровали победу, сынами помогли, обогатили, умножили вас множеством... Добро творя — творите для себя, и зло творя — творите для себя, и явлено вам было Нами наказание за второе, и ворвались, как прежние до них вторгались, — в Храм проникли, пало то, что высылось, разрушилось до основания. Вас помилует Бог, если воротитесь к прежнему, и Мы вернёмся, а пристанищем неверным сделаем геенну! (53/2—8)⁴⁷.

⁴⁷ По мнению биографов Мухаммеда, имеются в виду первое разрушение Храма в 1004 году до Р. Х. Навуходоносором, он же Нимруд,

И конь... такое скорое падение! Стремительность их нагоняет: вот-вот врежутся в землю!.. Но плавно ступил на возникший перед ними холм.

Остановился у самого краешка плоскогорья.

Храмовая гора! — мелькнуло. Возвышенность, и на ней — контуры Храма.

— *Сойди и привяжи коня!*

Легко спрыгнул с коня, держа в руках поводья. Камень, на который ступил, показался... мягким? *И отпечатались ступни Мухаммеда!* При свете коня увидел вделанное в скалу кольцо, привязал поводья коня. Утренняя прохлада коснулась чела.

Бурак застыл, не шелохнётся даже, *Летящий молниеносный конь!*

Служил и другим пророкам, которые тоже привязывали его к кольцу на скале Иерусалима, известна как «Седло Бурака».

— И предстали предо мной пророки, прежде меня бывшие.

А мекканцы ему:

— Внушить нам хочешь, что ждали тебя?!

— Чтоб со мною вместе помолиться!

— Ну да, — чей-то смех: — Явился новый к ним пророк!

А другой язвительно: — Надеемся, последний!

— Так где ж тот краеугольный камень? — араб-христианин специально из Наджрана присланный епископом Шурхабилем. — Под иудейским на Храмовой горе или под христианским на Масличной горе?

— Для Бога эти расстояния (меж Храмовой и Масличной горой) не столь значительны, чтоб это нам оспаривать.

Недоумения полетели в Мухаммеда:

— Ну а кто ж они, пророки, для молитвы ждавшие тебя?

— Стойкие!

— Что за стойкие пророки? Впервые слышу!

— Ещё не то от меня услышите!

— От стойкого тебя?

— Не мной они так названы, пророки!

Нимврод, и начало вавилонского пленения, а второе — римлянами в 70 году от Р. Х. полководцем императора Адриана Титом, якобы за послушание «Закона Моисея и поклонение идолам».

- Так кто ж ты? И ты улу-л-азм?
- Не причислял себя я к ним!
- Но кем ты был, ответь!
- То Божье слово: Стойкие, или Улу-л-азм! Адам...
- Адам? Но разве он пророк?!
- Да, сотворённый Богом!

Мухаммед называл пророков, с которыми молился, и крики мекканцев усиливались.

- Там был и Ной?!
- И Друг Бога Авраам!
- Нельзя ль назвать по-нашему, он Нух!
- Услышьте все: и вы, многобожники, и вы, люди Писания!..

Но тотчас перебили:

- Кого ещё с собою рядом в темноте приметил?
- Во тьме мы с вами, хоть и светит солнце, а там — сиянье ликом!.. И лицезревший Бога Моисей! И Иисус!

Шум, гул, выкрики.

- А сам? Неужто стойким ты не признан?
- О том пусть судит Бог!
- А титулом каким ты обозначен?
- Да будут все пророки, — бросил в толпу, — пророками всех!

И повторил услышанное — весть передана Богом через Джебраила:

И Мною явлен он (Мухаммед?)!

А прежде явлены были другие — все сто двадцать четыре тысячи пророков! Один был удвоен, удвоен второй, и все учетверены верой, меж ними Я не делаю различий. Сказано: Идите дорогой прямой! Идите дорогой правды! И с честью пройдёте по остроуму, как лезвию, и тонкому, как волос, мосту Сират из жизни временной в жизнь вечную.

Пророки, с кем Мухаммед молился, исчезли.

Что дальше?

Поодаль, как изваяние, конь стоит, сиянием освещая Храмовую гору.

И никого.

А Джебраил... Но где он, занёсший его в такую немислимую даль?!

Мухаммед скорее почувствовал, нежели увидел, как стремительно от него отдалился Джебраил, уйдя ввысь.

Тут же к ногам опустилась в небо уходящая лестница,

лёгкая, колыхалась в невесомости, не разглядеть её начала, исчезало в ночном тумане.

Влекомый зовом, не успев занести ногу на ступень, ощутив её прочность, как унёсся вверх и свет разлился вокруг.

Тотчас всплыло детское: верёвка к небу! рвётся! падение! ветер заносит в далёкие дали! горы! хищная птица хватает!..

И уже внизу — глянул, лестница изогнулась — рогами вонзённый в землю месяц, близок и не светит!

Боясь упасть, крепко ухватился за верёвку.

Вдруг взору предстал гигантский петух, точно висящий меж недостигаемой высью и землёй: ноги, покрытые золотящейся чешуёй, вниз уходят, а гребень упирается в туманную синь неба.

— *Путь в пятьсот лет надобно пройти, чтоб дотронуться до петуха!* — подсказал Джебраил, летящий рядом.

— Ай да петух! Похожий на мекканского? Драчун? И глаз твой охватил полтыщи лет пути?

— *А день у Бога — как тысяча лет!..*

— Согнать Мухаммеда со скалы!..

— Нет, пусть расскажет!

Увидал в толпе Абу-Бакра, уловил его недоумение.

Не предупредил, что у сестры прячется. Айша рядом с отцом.

Не надо было брать её!

— Сон вещий! Там витал лишь его дух! Телесно в Мекке оставался! — голос Абу-Бакра. Как смеет так думать?!

— И ты, кого чтим трезвым!

— Чтили! Такой же лжец, как Мухаммед!

— Не дух, а весь я, каким предстаю пред вами, и да раскается шепчущий в неверии своём!

Из поверивших в Мухаммеда нашлись толкователи, которые приняли рассказ Мухаммеда за быль, но — чудодейственную: мол, лишь духовно, некоей присущей избранным мощью перенёсся из Мекки в Иерусалим, а оттуда — на небеса.

Абу-Бакр тоже так полагал, высказав однажды подобное в кругу семьи: сыновьям — Абдулле и Мухаммеду, первому, что не скажешь, возразит, на сей раз промолчал, второй внимательно слушал, поджав губы.

Позднее Абу-Бакр счёл своё неверие греховным пред-

положением, отказался от него и тщетно старался внушить Айше, что небошество — быть, реально случилось в жизни Пророка.

— А что с петухом?

— Он пением каждое утро приветствует Бога, давая знак птицам его породы на земле, чтобы пробуждали всё живое.

— Чем удивишь ещё?

— Да будет вам известно, о мекканцы: три голоса Богу желанны!

— Среди них и наш?

— Увы, не ваш: голос человека, произносящего слова явленной Им Книги!

— Та книга иудеев!

— И книга, — тут же следом, — христиан!

— Ещё есть Книга — Коран ниспослан!

— А голос петуха? Может, и осла?!

— Нет, голос раздаётся петуха, когда увидит ангела, а осёл кричит, когда видит дьявола!

— Так чей ещё угоден голос Богу?

— Голос покаяния, товба!

— Нам не в чем каяться, покаяйся ты!

— Я каюсь денно-нощно!

— Вот-вот, не счесть твоих грехов!

— Да, грешен, признаюсь! Мой первый грех... — Мухаммеда перебили:

— В Каабу позабыл дорогу!

— Нет, первый грех, что мало поклоняюсь Богу. А грех второй... —

— Не чтишь богов курайшей! — перебили снова.

— Да, каюсь, что довожусь вам, курайшам, родичем! И каюсь, что упорствующих вас не отвратить от поклонения идолам!

— А третий грех, что не внимал доселе петуху?

— Да, угадали, о живущие во тьме мои мекканцы: ведь петух приветствует даруемый Им, Богом, рассвет!

— Неужто в небо надо было взобраться, чтобы про то проведать?!

1. Небо первое: Адам.

— *Держись!* — услышал Мухаммед Джебраила.

Вот оно какое, первое небо! — слышал о небесах в дет-

стве, что их множество, невидимых глазу... Взгляд не оторвать от лучезарного, из чистого серебра, свода, с него свисали на золотых цепях яркие звёзды.

Навстречу Мухаммеду вышел... — такое знакомое лицо! Адам!

— Как не узнать прародителя? — сказал Мухаммед.

Но что за существа вокруг? И отчего Адам то хмурится, то весел?

— *Души детей его*, — ответил Джебраил.

— Их столько было, не перечесть!

— *Лишь близнецов одних сто пар!*

— Но первенцы... — Недоговорил: Кабил-Каин, чья ветвь вскоре оборвётся, Абил-Авель, так и не познавший отцовства, Шис-Сиф, посланный Адаму и Еве как замена убитому Абилу.

— ... *По правую кто руку от Адама — блаженны те, алчущие были — насытились, плачущие были — возликовали, и, видя их, радуется Адам: им райские улады суждены. А кто по левую руку — несчастны, им уготован ад, при виде их печалится Адам.*

— Но отчего толпятся здесь?! Ведь Шис... — хотел было сказать, что ему, избраннику Бога, было ниспослано из ста тридцати трёх находящихся у Него свитков пятьдесят, и даже явить осведомлённость, поглаживая бороду, что от Шиса пошли бородатые, но Джебраил не дал договорить:

— *Здесь всё иное, время и пространство, молчи и наблюдай!..* — Тут же: — *Я на Адама со стороны гляжу. Не вздрогнул чтоб, меня увидев.*

— ?

— *Не знаешь разве?! Высок Адам был, головой касался неба, мы были смущены, ангелы высшие. И послал Бог меня к Адаму, ударил я его по голове, стал ростом он шестидесяти локтей.*

Хоть высшие, подумал Мухаммед вслед уходящему Джебраилу, как дерзнуть о том сказать?! — но ангелы земные!

Тот уловил, но промолчал, лишь взгляд блеснул издалека, пиками столкнулись, выбив искры, мысль одного о мысль другого:

Небесные есть ангелы ещё!

Есть Рух — то Дух!

Ещё — Калам, или Перо, в сан ангела небесного введённый, чтобы восславить Бога!

И Нун, который — Кит, поддерживающий землю,

и Вода — опора Кита, что Воздухом окружена, —
за нею — Мрак,
за ним — Ничто.

Вот где предел познания смертных!

Адам обнял Мухаммеда:

— Добро пожаловать, о праведный мой сын и праведный пророк!

Давно Адама облик ему ведом, встречались — так ли важно, где и когда, в каком таком из множества миров и с чьєю помощью, но что виделись — точно!

— Добавь: и грешили! — сказал тогда Адам, ввергнув Мухаммеда в замешательство. А тот, как потом узналось, печалился о людской судьбе.

— Но если грешен я... — Адам перебил его:

— Решил, непогрешим, безгрешен?

— Не я, но ты!

— Грех в каждом! Нескончаемы грехи!

Был безволос: ни усов, ни бороды, кожа как одежда (или одежды кожаные?). С гладкой головой, чуть заострённой книзу, круглой и тоже без волос, уши к ней почти прилипли, и глаза чёрные-чёрные. А на самом донышке взгляда — обострённая чуткость, готовность услужить и раскаяние, будто в чём провинился именно перед ним.

Разве не он поведал Мухаммеду, и речь его звучала странно, будто недавно говорить выучился. Задумался, ищет ли слово, или сомневается: рассказывать ли? что сотворен двумя руками Бога, даны ему физические и духовные способности, вылеплен из глины, лицо оживлено парой глаз, и нос меж ними обозначен, как преграда, чтобы глаза не перецарапались от зависти. Вдвинут в уста язык, защищённый рядами крепких зубов и губами, чтоб необдуманно не вылетали слова... — но прежде, ведь нужен для созревания срок: Адам не сразу стал вещью поминаемой.

— Всевидящ, хоть прошлого не ведал.

— Семь дней всего лишь вся твоя история.

— И не с кем было в споре состязаться, покуда не обрёл подобного себе — Хавву.

— Не для Себя ли Он творил тебя?

Дитя Всевышнего!.. Столько говорено о нём!..

— Но правда и то, что... — сказал Адам и, как показалось, усмехнулся как будто, не договорив.

— Что голова твоя создана из праха Каабы?

Внимательно и не без удивления, такой привычный взгляд у него, слушает, не перебивая: что ещё скажет Му-

хаммед? А он ему о том, что... — от деда слышал! — весь облик сотворён из семи частей земли: голова — из праха Каабы, о чём только что сказал, грудь — из праха Дахна, пустыни аравийской, а живот, руки, ноги, шея, спина... — из земель, иль праха Индостана, Юнанистана (Греции), Чина (Китай), прах восхода, из Персии и Бизанса (Византии) — прах заката.

— Прах... прах... А ты?

— Что я?!

— Нет ли в тебе какого праха?

И вспомнил Мухаммед, что, как внушено ему было, когда грудь разрезали: Адам, де, сотворён из белого праха сердцевины земли и замешен на воде райского источника тасним.

Но у того — первичный истинный прах!

Не одного Адама сотворил: Он и в жену вдохнул Свой дух!

Дитя!

Прах... прах... А вы?

Всевышнего дитя!

И впредь чтобы рождались люди не иначе, как духом сотворённые Его!

А вы? Что ж вы!

Ах, чтоб вы сами?! —

И снова, и потом, и после... — разорванная с Богом нить, покуда...

Ещё! Ещё!

Опять нить порвана, покуда... —

Но когда?

Уж было!

И ушло?

Как твари все: бегущие, бредущие, летящие, парящие!

Без ничьего пригляда. Она и он. Он и она. Короче — пара!

Что ж: ведомо то нам, что страстью рождено и в муках.

Но — чтоб и с Ним?!

Но... — как?!

И рассказал Адам про дерзость горделивую Дьявола-Иблиса, из джиннов он и совратился с пути Создателя: «Я порождён Тобой из яркого огня, нет, всепожирающего пламени, — бросил Иблис Богу, — не стану поклоняться человеку, Тобой из праха сотворённому, его почтил Ты предо мной!»

«Не из праха!»

«Так из глины!»

«Ты глух и не расслышал: Адама создал Я из глины звучащей, облечённой в совершенную форму!»

Но глух и Ты, — подумал сатана о Боге.

Да, прах, замешенный на воде пресной, следы её во рту, горькая, следы её в ушах, солёная, что в глазах, и зловонная, что в ноздрях!

Тридцать девять лет на него падал дождь горестей, лишь год — дождь радостей, а посему у потомков Адама горестные дни превышают.

Сорок лет глина сушилась, пока не стала вязкой, пригодной для придания ей вида человеческого тела, и снова сорок лет сушилась, пока не стала сухой и звучащей глиной.

Однажды сатана, проходя мимо этого безжизненного тела, постучал рукой по животу и убедился, что оно — полое, и сказал: «Недолговечное оно».

Ещё сорок дней обожжённое глиняное тело Адама оставалось без души, и лишь потом был вдунут в него Создателем дух, и возраст сразу определён в тридцать три года.

«Ведомо ль Тебе, что созданием Своим, — сказал дьявол Богу, — иные твари всполошил, Тобою сотворённые? — И, не дав Богу опомниться, продолжил: — Летающего высоко орла и рыбу, что в глубинах водных плавает! Не слышал, как орёл, увидав Адама, напуган был и поспешил поведать рыбе:

«О, горе нам, какое страшное увидел на Земле я существо о двух ногах, но две руки хватающие, и на каждой — пять зловещих пальцев!»

«Да, — согласилась рыба, — его на берегу я тоже видела! Не даст он покоя ни тебе в заоблачных высотах, ни мне в морских глубинах!» «Так знай! — сказал Богу кичливо. — Я Тобою создан вечным, отныне Ты не в силах превратить меня в ничто, и я, побиваемый камнями, засяду против людей на Твоём прямом пути, к ним стану приходить и спереди, и сзади, справа и слева, и не найдёшь Ты в них благодарности, погублю Твоё детище — Адамово племя, украшу им всё то, что на земле. Собью их всех!»

— Но началось с моих сынов, и брат пошёл на брата!

— Что ж, дьявол сдержал слово!

Да, не голодали, не испытali жажды, от зноя не страдали, но нашептал однажды дьявол, открылось то внезапно, что было скрыто!

«О Адам, не указать ли мне на древо вечности? На власть непреходящую? Не хочешь ли её познать? И всё, что вместе

с ней даётся? Создатель запретил вам это древо только потому, чтобы вы не стали ангелами! Не стали вечными! Ха-ха! — И заклинал: — Поистине, для вас — советчик из советчиков я, да и самый добрый!»

Так он низводил обольщением.

Всё потому, что податливыми были на лёгкость бытия. Забыли, что в дар был выбор дан! И с Евой запретного плода вкусили... — и вдруг обнаружили скверну. Стыдно было отчего-то, смотреть друг на друга не могли. И стали тогда сшивать из мягких райских листьев одежды.

— Но ведь простил Он вас, избрав началом всех начал людского племени, мы сыны ваши, извлечённые из спин ваших!

— О, это всё потом! А прежде разразился гневом Он!

— Но почему причислен ты к пророкам, Адам?!

Давно хотел спросить, но как задать вопрос, как перебить того, кто на себе познал греховных тяжестей греховный стыд?

Ведь изначально идеален был!

— Идеален? Я? А грех непослушания?!

— Но ведь уже прощён: повёл вас Бог путём прямым!

— А зависти грех, что породил грехи иные? Едва ль не все!

Ты сказал:

Сыны Адама!

Всё началось с сынов моих: врагами друг другу стали!

Рассказывал кто-то когда-то Мухаммеду, он — детям своим, и те — детям своим, и нет на земле ни одного из тех, кто был и кто есть, чтоб не знал (но что толку?!) о том, как Бог ниспослал на сынов Адама испытание.

Поведать ли ещё, с чего началось? Два сына было у Адама, и оба жертву принесли, но вот была она от одного принята и от другого не принята.

«Убью!» — сказал один другому. И брат пошёл на брата!

— О, голова моя! — Адам держал её руками, казалось, в ней была вся боль, которую забыть нельзя. — Кто хоть одну погубит душу — погубит всех людей. Кто оживит хоть одну душу — тот людей всех оживит.

...Пыль, грохот.

Птица, измазанная кровью земных недр.

А рядом — человек, похожий на Адама,

Адам и есть: Адам-Человек,

в копоты лицо,

но улыбка белых зубов,

и держит в руке... —
это ж голова соседа,
и он тоже — Адам!

Молчал Мухаммед потрясённый. Как, чем помочь? И что его вопрос Адаму:

— Ты не ответил мне!

По-прежнему раздоры, и тщимся утвердить пророками себя наперекор другим? Отпрянуть, в тень уйти, когда все люди соберутся вместе? Адам, вместо ответа, сам, в свою очередь, спросил у Мухаммеда:

— Пророк — это кто? Может, пояснишь?

— Я?! Это странно! — Мухаммед не нашёлся, что сказать, а после, когда шли вместе и каждый был погружён в думы свои, Мухаммеда вдруг осенило:

— Пророк не тот ли, с кем Бог?.. — Нет, не тот, но вспомнил: От Меня к вам придёт руководство!

— С кем явлено Богом знамение!

Слова в листе прошелестели:

— Эй, друг, спасибо. Ты постарался помочь мне не сбиться с пути.

— Не я ли вам передавал, о неверующие мекканцы, всё то, что в уста мои было вложено, и вы глумились!..

— Прости нас, о собеседник первоотца Адама!

— А это снова ты, Абу-Джахл!

— Торговые заботы замутили разум, будь добр, повтори!

— Сыны Адама! Пусть сатана не искусит вас, как извёл родителей из рая, совлёкши с них одежду, им мерзость показав их! Обнажить нутро людское низменное!

— Какие тогда одежды? — спрашивает Абу-Джахл и на груди домотканое длиннополое одеяние расправляет.

— Адамовы сыны! Мы одеяние ниспослали прикрыть вашу мерзость и перья. Но одеяние богобоязненности — лучше. Но вы перебиваете, примеряя к своему разумению!

И бросает сатана, а с ним и ты, им наущенный, ком грязи в увещателя ясного! Но вводит Он в заблуждение тех, кого желает!

Изгнанный из рая Адам оказался в Индии, а Ева — в Аравии, и двести лет они скитались по земле в поисках друг друга и встретились на горе Арафат близ будущей Мекки, где и осели!..

О, Хубал! Ниспошли на лик наш улыбку взрослого, дабы подивились наивности ребёнка, а потом дай нам изобразить недоумение: как не изумиться, заслышав диковинную речь?

И повёл Мухаммеда Адам... — на первом небесном круге обозначилась под ногами твердь, никого на земле, лишь они двое. Потом — снова вокруг никого, Мухаммед один на свете, и взор его объемлет... — ещё ничего и никого: лишь горы, море, небо и земля.

Всё надо испытать.

И слышит, как горная вершина вызывает к Богу:

«Вот я, гора могучая, из меня твори, что сотворить задумал!»

Но море зашумело:

«Нет, из меня — огромно я и величественно!»

Тут небо вскрикнуло, подав свой голос:

«Возвышенно я!»

А земля... чем ей гордиться, ногами тварей попираемой?

«Ничтожна я...» — едва лишь прошептала.

«Вот из тебя и сотворю Адама!» — сказал Бог.

И пятикратное *чтоб*:

чтоб не возгордился человек — пусть знает: создан он из грубой низменной земли и часто припадает к ней, не задираясь;

смирен был, терпим и снисходителен;

привязался к земле: здесь жить ему и от неё кормиться;

не воспламенялся в нём огонь вожеления, алчности, что гасится землёй, и не возгрозил в нём гнев, землёй утихомиряемый, и не взбурлила страсть, что поглощаема землёй;

был силен, но крепостью надёжной, как земля: гора крошится, море сохнет, а небо бесплотно!

И когда Адам был сотворён, земля обратилась к нему:

«Ты пришёл ко мне, когда я уже утратила свежесть и молодость, но с тобою я воспрянула!»

Адам берёт Мухаммеда за руку и водит по райскому саду.

И Ева издали за ними наблюдает. В лице её, стремительно меняющемся, Мухаммед замечает: мать! Хадиджа! Увидеть их!

Но здесь ли все они?

Где, как не здесь, им быть — в раю?!

— *Не путай, Мухаммед, — Джебраил ему. — Там, куда ступил ты с Адамом, — рай небесный, а там, где Хадиджа, — назвал лишь её, а про мать почему-то умолчал, — рай земной!*

...Но никто ещё на земле не родился: лишь Адам и Хавва!

То оставляет Джебраил Мухаммеда одного, витая неведомо где в этих бездонных и широких просторах, то вдруг появляется — вот он, рядом, и рассказывает про свадьбу Адама и Евы, в пятницу:

— *Сватом был я, Бог — опекуном невесты, ангелы — свидетели.*

Что восседал жених на белом скакуне Маймун, что значит *Благословенный*, о двух крылах — жемчужном и коралловом:

— *...И я вёл под уздцы, а справа и слева — мои братья Михаил и Исрафил, и Ева в окружение ангельского сонма — в жемчужном паланкине, водружённом на спину райского верблюда.* — И сожаление в голосе, что создана женщина из плоти, Адамова ребра. Прах, де, очищается, а ребро — стареет. Потому женщины ущербны. Но Мухаммед, вспомнив про Хадиджу, спорит (?!):

— Да, из кривого создана ребра, а посему хрупка, нежна... — Ещё б какое слово вымолвить! — А посему...

— *Что ж,* — перебивает Джебраил Мухаммеда, — *завет свой выскажи мекканцам!* — Тут же: *Нет! Выскажи йасрибцам! Тебя уж в Мекке нет!*

— Как нет?!

Но Джебраил — о другом, его, Мухаммеда, словами: сначала, уловив их, скажет ангел сам, и тут же повторит, постигая услышанное, Мухаммед:

— *Ребро кривое выпрямить захочешь — сломаешь!*

— Но в Мекке...

— *Уж изгнан ты из Мекки!*

А в Мекке...

— Храмовая гора? Первое небо? О чём ты, Мухаммед?!

— Вам что же, доказательства нужны?

— И при тебе, поведай нам, если хочешь убедить, Адам и Ева любовь познали?... Не хмурься, разговор мужчин, не явлен ведь ещё тобой запрет: мужчинам, де, сокрыть от взглядов всё, что ниже пупка и выше колен, а женщинам — всё тело, кроме кистей рук и лунного лика!

Тут встрял мекканец, мирная беседа, вторя Абу-Джахлу: — И слышал, как в любви изъяснялись прародители, и Ева ему внимала, нежной страстию полна. Там, рассказывают, были лев, павлин, змея... — и с ними ты? Быть может, смысл нам пояснишь преданья? А нет, не сможешь если, — помогу!

— Что спрашивать о том, что ясно всем? — заметил Абу-Джахл. — Лев символ силы, столь нужной при любви, павлин, красуясь многоцветьем перьев перламутровых, а заодно сокрыть влюблённых от глаз чужих, ведь там Мухаммед был!.. — Улыбка сладострастная заиграла на его губах, и полный зависти взгляд: — Эх, юность, ты меня покинула, оставив на съедение смерти!.. А змея...

— Тут тайны никакой: знак мудрости!..

— Ты оплошал! — промолвил Абу-Джахл. — Любви, как вижу, не изведаль!

— Но поясни, чем укорять!

— Урок змеи — переплетенье тел влюблённых!.. О бог Хубал, как непонятливы мекканцы!.. — повернулся к собеседнику: — Змея, чьё тело в неге извивалось, поученье для влюблённых! К тому ж... — не слышал разве: первую женой Адама змея была!..

Не послужило ли это подсказкой поэту Ибн Зульфикару сочинить волнующую до времён нынешних поэму на сей сюжет: «...был львом, он символ мощи, вдохновлён Адам, во грех любви повергнутый, и Хавва, нежной страстию полна, ему внимала, и яркокрасочный павлиний хвост, напоминание чувств её, — любви Адамовой раскрыты, и тел влюблённых переплетение, точно змия научение, чьё тело в неге извивалось...»

— Оставайся с нами! — говорит Мухаммеду Адам. И Ева согласно кивает.

— Но как могу я?!

— Всё было. И были все!

— Но я ещё...

— И ты уж был, хотя есть!

— Но призван я!..

— И призван, и успел!

— Но у меня... — но что сказать?!

— Да, было и твоё изгнание из Мекки! И ты бежал!..

Нет, не отвлекаться! Ещё первое Небо. А впереди, точнее —верху!..

И собранные новые листы.

Смещение времён, пространств!..

— *Сначала в Мекку воротись!* — Джебраил ему.

И в мгновение ока Мухаммед подхватил кувшин, наполненный водой для омовения, который выпал из рук, задетый, когда взлетали, крылом Джебраила.

Ухватил, удержав от падения, ни капли воды из него не вылилось!..

Впервые, будто приглашая восхититься им, кувшин ожил, высокий, с широким горлышком, словно в жажде раскрытая пасть, и выступает острый язычок. И ни одного на поверхности его свободного от орнамента места. Весь в волнистых и прерывистых линиях, кругах и полукружиях, квадратах и ромбиках, напоминающих вязь мудрости.

Если долго всматриваться в узоры, начинает казаться, что все его фигуры, линии, зигзаги движутся. Каждый раз Мухаммед, помнит, находил для себя на его поверхности новый узор, другой орнамент, не замеченный прежде.

Вот и сейчас: вгляделся и увидел на нём... — точно был слепцом, у которого лишь пальцы зрячи, узоры по памяти рисует, обрёл вдруг ясновидение: ребристая насечка кругов!

Их множество, кругов на кувшине, на первом наружном — резьба кружевная; на втором — вытянутые к центру крупные продолговатые капли; затем — круг узкий; третий — цепочка, внутри каждого кольца вырезан цветок; в центре круга — новый, четвёртый, лицо, образ солнца с глазами, ртом, бровями; и новые круги внутри солнца, которых не счесть, а там, где носик кувшина соединяется с горловиной, сидит танцовщица с изящно изогнутыми тонкими руками, в одной — гранат, в другой — яблоко, на плече восседает длиннохвостая птица, у ног — волчица, убегающая от неё, оглядываясь. И обилие мелких и крупных птиц, спрятанных в зарослях орнамента.

На рассвете Хани застала Мухаммеда рассматривающим её кувшин:

— Узоры разглядываешь?

— Сколько тайн таит кувшин, не постичь.

— А райскую птицу разглядел? — спросила Хани.

— Райскую? — *В кругах небесных мне открылся рай!*

— Ну да, птицу Симург, на плече Билкис сидит!

— Откуда известно, что это Билкис?

— Дед сказал, когда из путешествия кувшин привёз.

Нравится — забирай.

Хани удивило, что у Мухаммеда уставший вид, точно не спал.

Сестра!

Как спал ты? — спросит.

Спал?

Успел прожить я жизнь. Всю до конца.

И видел... — нет! ещё не прожил, но увидал в кругах небесных, как меня хоронят!

— ...У тебя утомлённое лицо. — Сразу поправились: Мухаммед, как все мужчины, мнителен, что с того, что пророк?! — Но взгляд у тебя сегодня такой особенный!.. Как в молодости!

Убрала постель, а потом:

— Совершим вместе утренний намаз, — предложила.

— Помолись одна.

— А ты?

— Я уже молился, — сказал Мухаммед. — Днём вместе помолимся.

— Но когда ты успел? Твоя постель...

— Хочешь сказать, постель моя не успела остыть?

— Ну да! Выходит, не молился?!

— Спроси лучше, не когда, а где я молился!

— Так где же?

— Не здесь. — И после паузы: — Я был у трона Бога!

Застыла, в глазах растерянность. Не выдать изумления!

— Это был трон, на котором Бог воцарился?

— «Воцарился», а кто говорит «укрепился, воссел, взошёл на престол», всё не так, сестра!

— А как?

— То тайна непостижимая, ибо Бог неосязаем, и в это следует уверовать, любые вопросы — что, где и как — глубокое заблуждение, ибо бессмысленны.

— И там ты молился?!

— С пророками.

— И Бог... — вымолвив, тут же умолкла, не осмелилась спросить: »Неужто и Бог молился с вами?«

— Нет, Бога навестил потом.

«Во сне приснилось!» — подумала. И тут же: — Я тебе верю! — Что-то ещё сказать, но что? Мухаммед будто ждал. — Да, милость Бога велика! — тут же вышла поделиться новостью! Не смеют преследовать!

И вскоре мекканцы... — Абу-Джахл к Абу-Лахабу явился:

— Слышал, что племянник придумал? У Бога побывал! — Хохочет.

— Чему смеёшься?!

— Неисчерпаемость его придумок умиляет!

— Больного бред воображения!

— Но зато дерзость-то какая!

— Отправить бы его туда навечно!

— Успеем! Пусть прежде позабавит нас!
— Узнать бы, первый кто о том поведал!
— Племянница твоя, он у неё скрывался!
Вышел к мекканцам Мухаммед.

— Если возможно чудо перенесения на Храмовую гору и вознесения на семь небес, опиши хотя бы увиденное в пути!

— Сверхъестественной тьмой покрыто было небо!

— А конь, светящийся в ночи?

— А сам? Неужто не смог влить в ночь сияющую голубизну?

— Храм хоть, увиденный там, опиши!

— Я ж говорю — разрушен!

— А город?

Высветился вдруг пред Мухаммедом уменьшенный до размеров ладони город, и он описал его, окружённый высокой крепостной стеной. Абу-Бакр, ещё в юности посетивший Иерусалим, подтвердил точность картины.

— Одариваю тебе, Абу-Бакр, за поддержку, титулом «аль-Сиддик», или «Свидетель Истины», и да станут тебя впредь так называть!

— Но я...

— Твой шёпот про сон вещий?

— Каюсь, верую и свидетельствую!

— Ты отныне, — отовсюду на Абу-Бакра, — не «Честнейший», не «аль-Сиддик», а «Свидетель лжи»!

— Есть ещё сомневающиеся? — спросил Мухаммед.

— Есть!

— А, это ты, Атаба!.. — Имя, для Мухаммеда не из любимых, напоминает о вероломном зяте. Но этот — поэт Атаба — известен по касыде про бег верблюдицы, написана виртуозной скороговоркой, имитирующей скорость, и вошла в число семи особо отмеченных, висит на стенах Каабы.

— Что ж, — сказал ему Мухаммед, — дозволенное очевидно, запретное тоже, меж ними — сомнительное. Кто остерегается сомнительного, очищается верой, чтоб свершать поступки дозволенные, а кто не желает расставаться с сомнительным, совершает дела запретные, уподобляясь пастуху, который пасёт стадо в заповедном месте. Если обуюн неверием, подойди со мной к крепостной стене Мекки.

— Чтобы потрогать изъеденные временем камни? На ров поглядеть?

— Чтоб оставил сомнение. — Вышел из толпы, взобрал-

ся с Мухаммедом на ограду стены. — Хочу, чтоб взгляделся вдаль!.. Видишь верблюжий караван?

— Нет, не вижу.

— Я тоже не вижу, но пролетая, видел: большой караван, и я опишу его, а ты проверишь, когда он прибудет сюда через неделю. Запомни: шёлковый паланкин на двугорбом верблюде! (Сбудется!)

— ...А ещё ты увидишь на той стороне горы Харра, не поленись, отправься туда: на открытом поле, когда я пролетал, стояли корова, верблюд и лошадь. Тут молния блеснула, точно копытом Бурака выбитая, всё кругом высветилось, ударила по лошади, тотчас убив её!

И вправду: молния в поле убьёт непременно не спокойного верблюда, хоть и ростом высок, не мирную корову, что вровень с конём, а именно коня, неутомонного, горячего, быстрого, искры мечущего из глаз. Так что в грозу стой рядом с коровой или верблюдом, подальше от коня.

— Если тотчас пойдёшь, увидишь падаль, а завтра — увидишь кости!

— Пойду, так уж и быть.

(И белели конские кости!)

— А твои суры... — Мухаммед перебил:

— Суры не мои, Богом явлены!

— Пусть так, неужто Он назвал одну из сур Коровой?

— Мир объясняя, с любого слова можно начинать: назвали б верблюдом, спросил: Почему не лошадь?

— Ну а всё же! — не унимался тот.

— Был год — запомнился по слону, и ему выпала высокая честь быть не только упомянутым впоследствии в Коране, но даже озаглавить одну из сур, наряду с другими живыми тварями, и они удостоились особых сур, — Пчёлы, Муравьи, Паук, Корова, даже Комар!

Ещё недавно, когда можно было не опасаться за жизнь, именно Атаба в месяц рамазан был послан толпой, что внимала Мухаммеду у крепостной стены, к нему домой, чтобы перестал смущать предсказаниями мекканцев! Атаба взывал к разуму, страшал, грозил.

Мухаммед терпеливо ждал, когда тот выдохнется.

— А теперь послушай, ещё какое мне было ниспослано повеление из Книги, строки которой предчувствуют сомнения твои, коими умножаешь заблуждения толпы... — И тут же в свитке изображена изогнутая стрелка с оперением на кончике, выводящая за текст: остриё вонзено в новые листы:

Неужто не спросил никто?

О чём?

На каком языке изъяснялись пророки?

Нелеп вопрос!

Но отчего?!

Скажи ещё про Джебраила!

Что молвлены Им откровения на чистейшем арабском?

И разговор пророков на арабском?

Спросили и не поверившие, и поверившие.

Кто? Абу-Бакр?

Нет, он подумал об этом, но не спросил.

Так кто же из соратников?

Лишь Омар.

«Так было!» — сказал ему Мухаммед.

И тот повторил?

«Да, так было!» — повторил Омар не раздумывая. И грозно оглядел присутствующих: посмей, мол, кто не поверить!

А другие? Дескать... — ясно, что это: бредни! ложь! сказки! Что тысяча их было, ещё одна родилась!

Ну да, ответить им. Есть непостижимые нам сферы, где слышится не только проговорённое или произнесённое, но и сказанное не вслух, — лишь дуновенье мысли, и она постигается, улавливается и слышится.

Разве нет?

А пророкам достаточно, не встречаясь, постичь истину: в каждом живёт каждый, а во всех — Бог, избравший их.

Но говори лишь своё, никого — в согласие или в отрицание — не повторяй бездумно!

Я добр, но ироничен. И не без издёвки! Хотя... — что ж, готов принять и то, и это, и другое!

Что значит то или это?

Непостижимое. И тайна тайн — Сам Бог!

А что другое?

Рождённое в сей миг. Как у бедуина, коими были предки.

Летит на верблюде, и всё, что взору предстаёт, мимо проносясь и выстроившись в линию, нанизывает строка за строкою. Другое — тоже тайна.

Но о ней молчок!

Невыговоренным осталось наиглавнейшее бедуинское двустишие: Из какого племени ты, бедуин? Я из тех, кто умирает, если полюбит.

И они не слушают, не ведая, что сердца их в покровях, уши глухи, а в очах завеса между посланцем и всеми, и он явился к вам, чтобы не поклонялись никому, кроме Бога.

Но сказали они:

«Если бы Он пожелал, чтобы уверовали в Него, то послал бы ангелов, а в то, с чем послан ты, нет веры у нас никакой!»

И возгордились, глядя на семь небес, разукрашенных светильниками, забыли о мощи молний: «Кто может нас осилить?! Никто!»

Впоследствии отыскалась хроника, констатируется:

«В то время когда Мухаммед отправил посла в Константинополь к румскому [византийскому] императору Ираклию, предлагая ему, а заодно и всем христианам принять ислам [об этом ещё будет], в присутствии императора находился их патриарх».

Когда посол рассказал о ночном чудодейственном путешествии Мухаммеда, патриарх не без изумления поведал императору об обстоятельстве, имеющем тесную связь с только что услышанным:

«Я имею обыкновение никогда не удаляться на ночь, не затворив всех дверей Храма. В ночь, о которой идёт речь, я вознамерился запереть их, но сколь ни старался, а главная дверь никак не поддавалась, и тогда я послал за плотниками, которые, осмотрев дверь, заявили, что притолоки над нею и само здание так сильно осели, что им не по силам сдвинуть её с места.

Я был, таким образом, принуждён оставить её отпертой.

Рано утром я пошёл туда и увидел, что камень, лежащий в углу Храма, просверлен и что, кроме того, остались свежие следы на том месте, где был, очевидно, привязан, по рассказу посла, конь Мухаммеда по имени Бурак. “Видите, заметил я присутствующим, главные двери не оставались бы неподвижными, если бы сюда не являлся какой-нибудь из избранных Богом, а таковым, без сомнения, может быть только лишь пророк”».

— ...Ну что? Убедил тебя Мухаммед? — спросили у Атаба, когда он вернулся на площадь, где его ждали.

— Я такое из уст его услышал!

— Говори же!
— Божественное повеление!
— И ты поддался колдовским его чарам?! — Растерян.
— Что услышанное мной — божественно, в том убеждён.

— И что же?
— Попробуй явить нечто похожее!
— Не довольно ли того, что явил Мухаммед? Радуйся, что никто не способен создать нечто второе такое бредовое!

О, как впоследствии переживал Абузар за эти свои слова, когда уверовал в Мухаммеда!

— Ты поступай, как хочешь, а я сниму свою касыду!
Однажды увидели: вчерашний хулигатель Мухаммеда, улыхав его строки, стал молиться.
— Кому молишься? — спросили.
— Не кому, а чему: неземным словам!
— А что скажешь ты, Анис? — спросили у автора одной из семи касыд.

— Я посоветуюсь с Абузаром.
Старший брат более знаменит, посылал его послушать, что говорит Мухаммед, рассказать о чуде, как толкует строки Атаба.

— Кто он, Мухаммед, не знаю, но слово его не людское творение.

— Повторяешься!
— Увы! Нет на свете подобного тому, что довелось услышать.
— И это скажешь Абузару?
— И сниму свою касыду, надеюсь, последует моему примеру.

И всё, одно в другом, заключено в фигурные, квадратные, а также обыкновенные, словно новолуние, скобки. И со стен Каабы снимаются семь касыд, чьи строки выведены золотыми буквами. Но тогда или прежде, когда ветер ещё колыхал семь не снятых лент... — закрыть скобку обыкновенную, вернувшись в земную древность, когда вожди курайшей устали держать осаду дома Мухаммеда. И здесь скобка квадратная.

Время священное, паломническое, кровопролитие запрещено, за жизнь можно не опасаться; вышел Мухаммед на базар в местечке Аказ послушать состязающихся поэтов. Нет, иначе: прислали поэты гонца к Мухаммеду, просили явиться.

Согласился пойти: никто не посмеет его тронуть, и посылает заодно, чем новым удивят поэты слух, — обо всём ведь прежде нас сказано! [Не пора ли квадратной скобкой закрыть текст?]

Слушал-слушал Мухаммед про *охоту за дичью*, но с любовной символикой, и смешались: *тард*, требующий игры слов, и *хаджв* — развенчание недруга или чужеплеменника.

Что может быть прекрасней фазаньего глаза и что уродливей? — не расслышал, о чём. И тут же о совершенстве и красоте полной луны.

А в ответ — другой поэт о грёзах новолуния — сколько стихов о нём, нарождающемся полумесяце!

Потом — кто лучше восславит своего вождя-шейха, жанр древний и бессмертный, мадх называется.

И убыли нет восхвалениям идолов.

Нет, не фасихи вы: ваша арабская речь не совершенна и не чиста, старые образы, старые мысли... — вдруг Мухаммеду стало плохо, голова закружилась, упал, над ним столпились поэты... — вскоре пришёл в себя, еле поднялся. Был бледен. Рождалось что-то, складываясь в строки.

Не рождалось, а Мной в тебя вложено!

И прогремело услышанное:

Нет, не восхитимся этим городом!

Новый вызов мекканцам?!

...Нет, не восхитимся! И ты живёшь здесь, и я живу, и Он, невидимый Который, сюда порой глядится. И те, кто родили тебя и кто родил их. Разве Мы не сделали вам пару глаз, чтоб видели? И пару губ — неужто чтоб только изрекали? Не обладатели вы разве рук и зрения?! И повели его на две высоты, но разве не устремился он по крутизне, за которой — пропасть?

Отпрянули поэты:

— Как смеешь?! Одумайся! — Забыл, что наша Мекка уммль-гура, Мать городов?! Столько строк мы сложили в честь города, где Храм.

— Пристанище многобожников!

Взгляд Мухаммеда был столь остёр, что казалось: приблизься к нему на шаг, и он, как клинок, вонзится в тебя.

И произнёс ниспосланное Богом — сначала тихо, потом всё более разгораясь:

За Сатаной следуют поэты — они ведь из заблудших! Не видишь разве, как блуждают по дорогам, уста их молвят то,

чему в деяниях своих они не следуют. Нет, Мы не учили его слагать стихи, не приличествует ему, а что в айатах — то явленное Нами откровение, Коран светоясный!

Среди язычников бытовало суждение, что Бог отказывал Мухаммеду в поэтическом таланте, хотя известно, тоже по преданиям, что он прославился среди мекканцев своими строками; но стихотворчество и, скажем так, суротворчество — оба они, естественно, божественного происхождения, но разнятся способом их явления: второе диктуется извне, а первое... — спору нет, деление это формальное: рождаемое изнутри, или, в первом случае, тоже ведь присутствует необъяснимое.

В абате, очевидно, имеется в виду не запрет на сочинение стихов или недооценка поэтического творчества, а что человеку не под силу сочинение айатов, выстраивание сур.

Бог неоднократно говорит Мухаммеду (о том будет, и не раз):

«Напоминай неустанно!.. Ты — не прорицатель, нет, и ты не одержим, не меджнун! А то говорят: “Ведь он поэт! Поглядим, что рок ему готовит!” Ответь им: “Что ж, я не спешу, и с вами подожду!” Не ведают, незнанием побуждаемые, или сбились, истинную потеряв дорогу! А то и говорят: “Он сочинитель, откровения свои измыслил!” Как велико их заблуждение! Но если так — пусть откровения изрекут, хоть чуточку подобные тому, что слышат от тебя!» (52/29—34). И ещё: «Ты прежде никакого Писания не знал, не чертила строки их твоя десница, будь иначе, усомнились бы в ниспосланном опровергатели» (29/48).

По Корану, «опровергатели» — это те, кто отрицал Богоданность Корана, де, просто стихи, ритмизированная проза, сочинённая Мухаммедом наподобие проповедей мекканских жрецов. В Библии сказано, что будущий пророк будет неграмотен, не будет уметь ни читать, ни писать. Думается, что это надо воспринимать как метафору: «...всякое пророчество для вас — то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: “прочитай её”, и тот отвечает: “не могу, потому что она запечатана”. И передают книгу тому, кто читать не умеет, и говорят: “прочитай её”, и тот отвечает: “я не умею читать”» (Ис. 29. 11—12).

Мухаммед, словно упреждая недовольство собравшихся, *не будь столь резок, разве нет среди них истинных поэтов?* молвил: — Но есть такие, кто уверовал и добродееет! — И медленно побрёл, поддерживаемый рабом, к стоящим поодаль верблюдам, на которых они приехали, Абу-Бакр и Али.

— Постой! — крикнул ему кто-то вслед, чтоб пояснил: что значит прежде сказанное: *обладатели рук и зрения?*!

И другой спросил: — Рука да будет полна благодеяний?

— И да и нет! Да — если уверовали. Нет — ибо есть единственный обладатель могущества: Бог!

— А око? Да будет полно пронизательности?

— Но и око достоверности! И да не будете обманывать глазами, украдкой взирающими на запретное!

— Прочти ещё!

— Не достаточно ли того, что сказано? А если вы в сомнении о ниспосланном Им, то принесите суру, подобную услышанному! Если же вы этого не сделаете — а вы никогда этого не сделаете! — то побойтесь уготованного неверующим огня, топливом для которого — люди и камни!

Неверующие прозвучало как *сомневающиеся*.

За верблюдами, которые увозили Мухаммеда и его близких в Мекку, шли верблюды поэтов.

А в Каабе, куда прибыли, можно было увидеть странную картину: поэты, состязавшиеся, чтоб удостоиться чести повесить победившие строки на стенах Каабы, наблюдали за тем, кто первый признал победу Мухаммеда. И будто прощаясь с чем-то дорогим, бережно снимал со стены свиток — стихотворение, принёсшее некогда ему славу. Вскоре, свидетельствуют очевидцы, другие последовали примеру его, и на стенах Каабы отныне поэтических свитков не вывешивали. Лентой последней трепыхалась на стене касыда, почти поэма, которая входила в семёрку или девятку отборнейших поэтических сочинений Аравии, известных как *моаллак*, или *привешанный* (другое их название *мозехеб*, *позолоченный*, ибо строки начертались золотом на плотной материи).

Да, поэт из племени хинда, чуть ли не самый популярный в Хиджазе, и имя его — Имр-уль-Гейс, или Имрулькайс. Стихи поэта (никто, сказывают, не превзошёл его в сочинительстве) знал почти каждый арабиец — о глазах любимой, тяжких днях разлуки нескончаемой, о встрече, столь скоротечной:

«Глаза, как в зиму морозящий дождик, дождь весенний, летний ливень, как бурная осенняя гроза».

И сорвала сестра поэта самую ценную касыду, которая сохранилась. Вот она — в беглом изложении, более домысливаемом, нежели подлинном:

«Тяжкая и горше смерти разлука выпала на долю.

Спешит поэт с возлюбленной на встречу и гонит своего коня.

И вдохновляет, восхваляя, быстрые его ноги,

звонящие в беге, словно струна,

взгляд, полный пламени, — путь через горы и ущелья.

И ничто поэту не помеха, не отвлечёт, не заманит: ни зов журчащих родников, ни аромат полей, ни встреченные на пути красавицы газелеокие,

и даже рифмы погоняют друг друга, чтоб финал ускорить.

И вот уже бежит ему навстречу его возлюбленная!»

...Ты тоже, Имрулькайс, счёл ложью ниспосланный Коран!

Сохранилось приписываемое Мухаммеду высказывание о знаменитом хиджазском поэте Имрулькайсе: «Вождь арабских поэтов?! Да, вы правы: он истинный их предводитель — знаменосец по дороге в ад!»

С бóльшим на то основанием можно было бы здесь назвать не Имрулькайса, якобы отвергшего нерукотворность Корана, а других поэтов. К примеру, Тааббата Шаррана, который сказал про «злую игру джинна, вселившегося в сочинителя сур», имея в виду Пророка, «смеющуюся, хохочущую смерть» и что «ликует она, широко оскалив зубы», в явленных откровениях. Или упомянуть Алькама, оставившего нам два описания страуса в безбрежных песках, чуть ли не поэма, от которой дошло до нас немного: «спрятал страус голову в песок, и мнится ему, что никто его не видит», и про «костей верблюжьих и человеческих каравана, сгнувшегося в пустыне и погубленного богами, ибо последовал за мнимым пророком», — тут имелся в виду Мухаммед.

Имрулькайс умер задолго до рождения Мухаммеда в Византии, куда бежал из Аравии: он постоянно спасался от разъярённых мужей, отцов, братьев своих возлюбленных, от политических недругов. Объявив себя врагом язычества, истинным христианином, он нашёл в Константинополе доступ во дворец императора Юстиниана, который, сменив Юстина, почти сорок лет царствовал, увлёкся принцессой, которую подстерёг купающейся с подругами, была страстная любовь, приобретающая скандальную известность... Поэт

то ли умер собственной смертью, то ли убит был императором за соблазнение дочери: тот подарил отравленную рубашку, надев которую, поэт покрылся смертоносными нарывами. По легенде, все, кто не принял Священную книгу, были погублены вихрем, ветром шумным и буйным.

И ты, крови одной со мной, народ мой!.. Вы объявили Коран бредом и вопрошаете, кто не верует:

— Но где он, твой Коран, покажи нам эту небесную Книгу! И чтоб разом было прочитано, что в нём!

Мухаммед побледнел, высыпали на лоб крупные капли пота, затрясся, глаза расширились, и полилась речь:

— *Читай и не прочтёшь, не одолеешь, сил человеческих не хватит постичь до конца! Разделил Он Коран на части, и каждую, кто раскроет Книгу, — читать с выдержкой. И падают, слышав, на бороды, поклоняясь, и смирение растёт в них. Даже тени повергаются ниц.*

Но не забудь: для каждого времени — своя Священная книга, для всякого предела — своё Писание. И стирает Бог, что желает, и утверждает: у Него — мать Книги, вознесена и мудра.

Алиф, Лям, Ра... — знамения ясного Корана.

— Но прежде...

— *И Мим, и Джим, — все буквы до одной!*

И я, посланник от Бога, читающий очищенные свитки, в них Слово прямое, и не разделились те, которым было дано Писание, иначе как после того, как пришло к ним ясное знамение. Но и тогда... *О верующие! Кто ж они? Смирения полны в своих молитвах, не суетны, не пустословят и подавляюще очищаются. И что доверено им — хранят, и договоры не нарушают... Воистину все люди есть народ единый, и Я есмь ваш Бог! А люди разделили Книгу единую [Писание], разбили на куски, и каждый рад тому, что есть у него, ему досталось.*

Представляется, — вставка в свиток, почерк магрибинский, чёрные чернила, а через каждые двенадцать строк — красные чернила заглавных букв; и жёлтые точки, коими отмечены окончания строк, дабы не прошли незамеченными, обведены красным, — что разрыву Корана с Торой и Евангелием способствует — помимо того, что в первом Бог говорит от Своего имени и Пророк лишь повторяет Его, а

во втором и третьем случаях говорящий лишь ссылается на Бога, но коранические идеи, о чём ещё будет, почерпнутые из книг иудаизма и христианства, не терпят односторонних толкований лишь в пользу мухаммедианцев, — идеи эти имеют отношение и к людям Писания, иудеям и христианам.

И да прикоснуться к Корану, коль начертано, лишь чистые и очищенные, приложив прежде к губам, и убежище тайное пред чтением Корана проси у Господа.

«Где, где, — вопрошают неучи, — Книга сия?»

Коран — есть лечение и милость для верующих, увещевает наблюдением, размышлением, применением разума, изысканием знаний, есть свет и ведёт по пути мира и покоя, божественно охранённый и неисчерпаемый мудростью. А в нём — все заповеди, что были прежде и ниспосланы ныне: свободный от сомнений, бесподобный и не сравнимый ни с какой другой книгой, что сотворена на земле. Ясная и дивная Книга, хранимая Богом как детище Его, впервые раскрытая пред посланником благословенной ночью, когда Слово сильнее и объёмлет звёздное небо.

А есть книги, что говорить о них? сеющие семена злокозней, и прорастают побегами ненависти.

Читай Коран чтением, и да будет услышан голос, что доносится с высоких высот земли, уверовавшими в Бога. Мы послали тебе слово тяжёлое, но читайте, что легко вам, из Корана. Да, Мы облегчили Книгу для поминания Бога, но найдётся ли хоть один припоминающий?!

Блеск молнии для вас тускл, если не разумеете, и не услышите грохота грома, если даже над ухом разорвётся, ибо глухи!

А посему:

(1) И повелел Бог твой: никому не поклоняться, помимо Бога твоего.

(2) К родителям твоим — благодеяние.

Если же достигнет возраста преклонного кто из родителей иль они оба, не говори им: «Тьфу!», на них сердясь, не кричи, не оскорбляй их, обращай к ним с уважением, опустив крыло смирения пред ними:

О Боже, — скажи, — прости и помилуй их, ведь они меня взрастили, воспитали маленького!

Бог ваш лучше знает, что таится в ваших душах, если добродетельны. И к кающимся — кто обращается к Нему, Всепрощающий Он!

(3) И родственнику должное воздай, и бедного одари-

вай, и путнику оказывай подмогу, но да не будешь безрас-
судно расточителен, ведь расточители — собратья шай-
тана, который к Богу своему неблагодарен. А если ты не в
состоянии помочь, то, милости ища у Бога твоего, будь с
ними ласков.

(4) Да не привяжешь руку к шее — не будешь скупым.

(5) Да не расширится рука твоя безмерно в расточитель-
стве, иначе порицаем будешь, опечалишься, став нищим.

(6) Детей своих не убивайте, опасаясь бедности, — даёт-
ся Нами и им, и вам пропитание, их убивать — тяжчайший
грех!

(7) Бегите прелюбодения — это мерзость и отвратная
дорога!

(8) Не убивайте душу живую — то Богом запрещено, иначе
как по праву. А если кто убит несправедливо, Мы право дали
близкому его, но пусть в отмщении он не излишествует!

(9) Не зарься на наследство сироты, пока не достигнет
зрелости (иначе как ему во благо, пока не станет крепче), и
верно исполняйте договоры, о них ведь спросится!

(10) Отмеривая, будьте верны в мере и взвешивайте точ-
ными весами, это лучше и благостно по результатам.

(11) Тому не следуй, в чём не сведущ, к ответу призовутся
слух, и зрение, и сердце.

(12) И горделиво по земле не шествуй, ведь не пройдёшь
сквозь землю и не достигнешь гор высотой!!

Отвратно Богу твоему всё это!

Кому ты говоришь, Мухаммед?

2. Небо второе: Ной.

Свод отливал белизной стали.

И украшен был драгоценными камнями — яркостью
слепили глаза.

Но прежде *красный рубин*, чьим светом озарилось небо,
покровительствуемый *Марсом*, увиден, где-то внизу обита-
ющий.

У порога был встречен, узанный... — Ной?!

Вдруг возникло нечто доселе невиданное, выплыва-
ющая будто гора из тумана, реальное и точно мираж — гро-
мада ковчега! И на нём... но уже сошёл с него — сам Ной!
Идёт не спеша к Мухаммеду.

— Мир тебе, Ной, в миру!

И тот приветствует Мухаммеда: — Дождались, — гово-

рит, воздев руки к небу, — нового пророка!.. Запомни этот день!

— День нашей встречи?

— День Ашгура, десятое число и месяц мухаррам, когда мы вышли из ковчега, сойдя на землю!

— То день, когда Адам и Ева встретились на склонах Арафата!

— Немало славного в тот день: Бог Моисею явился из-за горящего куста, и он закрыл лицо, ибо боялся на Него воззреться. И было много лет спустя в тот день исполнено предначертание Его: Моисей от фирауна спасся!

(Хотя ещё не случилось, но будет! И горестное было в этот день: обезглавлен был твой внук, Мухаммед, — светлоликий Гусейн!)

— И я... — Но что?

— Не станем говорить о том, что будет: я возжелал, чтоб ты чрез нас воочию свою судьбу постиг!

— Что было и что есть?

— И то, что будет!

— А разве знает кто?

— Но вот он я, тебя приветствующий!

— Твой пройден путь, а я... То тайна!

— Там!

— А здесь?

— И здесь мы, но и там. Уж явлен ты, но разве не при тебе ступили мы на землю? А что до тайны, то она останется, исчезнув. Вот мой ковчег, его ты видишь, но тайна тайн история моя, покуда сомневающихся тьма!

Мухаммед с Ноем уже стоят на корабле, корма вздымается к небу:

— ... И ты со мной в блужданиях, покуда люди не преступят чрез божков своих, чрез истуканов, идолов! И будешь ты гоним! Нет-нет, не будешь, точнее — был гоним! И более ни слова, Мухаммед!

— Ной? Тысячу лет пребывал у своего народа?!

— Без пятидесяти годов.

— Точность, достойная мекканского купца!

— Бывшего! — добавил кто-то.

— Но что в том удивительного: приблизился миг, и раскололся век!

Отвратились... — но кто? мекканцы? они тоже! да ещё камень вслед Мухаммеду бросили мекканцы, внимающие ему:

— Колдовство!

— До вас и народ Ноя неправдой счёл увещевание мудрости конечной. И лжецом объявил посланного Богом к народу, чтоб не поддался соблазну и не понёс чтоб наказание мучительное!

— Ной поведал? И бородой своей седую тряс?

— Не было её у него!

— Бороды?!

— Седой!

— Тыщу лет прожить и ни одной седины не нажить?

— Если возможно столько жить, что в том удивительно-го, что лишь проседь в бороде?

И не раз Ной говорил, и не два. Просил и увещевал. Умолял.

— Если тяжело для вас моё пребывание средь вас...

— Тяжко! — отовсюду гневные выкрики.

И был я, как ты, в отчаянии. И к Богу, как ты, очи воздел:

— Господь мой, я звал свой народ и ночью и днём, но мой призыв лишь увеличивал их бегство.

Поистине, всякий раз, когда я призывал их, чтобы Ты простил им, они вкладывали пальцы в уши и упорствовали, и гордо превозносились.

Потом я призывал их открыто.

— Разве не видите, как Бог сотворил семь небес рядами? И сделал месяц на них светом, солнце — светильником! Землю подстелил Он под ноги, чтобы ходили по ней дорогами широкими.

Сказали те из народа, которые не веровали, указывая на меня:

«Всего лишь человек он, вам подобный, и хочет получить над вами власть! Если б возжелал Бог, послал бы ангелов, а этот?! Человек, в ком безумие, не спешите поддаваться, выждите!..» И сказала мне знать, угрожая: «Если не умолкнешь, не удержишься — побит камнями будешь!»

Поистине, сбиты с пути многие!

— Устами Ноя о себе молвишь! — бросили Мухаммеду мекканцы.

— Но и мне было явлено про тиранов, вы слышали: «Всем полной мерою от Меня воздастся!»

Но кто внимает мне? Неужто ещё молвить?
И сказали вы: «Нет, не оставим наших богов! Ни Вадда,
ни Сува! Ни Йагуса! Ни Йаука! Ни Насра!...»
«Не боги то, а истуканы!»

— Тут Бога услышал я...

Крики лицемеров:

— Ты услышал или Ной?!

— И Ной, и я! Те, кого вы призываете помимо Бога,
никогда не создадут и мухи, хотя бы собрались вместе для
этого. А если у них похитит что-нибудь муха, они не смогут
отнять. Ибо слаб и просящий и просимый!

А ещё прежде — о приветствии, каковым встретил Ной
Мухаммеда, будто слышал Адамовы слова:

— Добро пожаловать, о праведный... — нет, не сын, —
пророк!

А он в ответ — про ниспосланное ему Богом:

И мне тоже!

« — ...Велико развращение человека на земле! И раскаялся Я, восскорбев в сердце Своём, что создал человека на земле!»

«Сделай, — говорит мне Господь, — ковчег пред Наши-
ми глазами и по Нашему внушению и не говори со Мной о
тех, которые глумливы: поистине, потоплены они будут!»

Ковчег, но из чего? Какое древо мне избрать? Дуб Ин-
достана крепок, но край далёк. И посадил я семя дерева го-
фер, что с кедром схож, рос целый век. Ещё сто лет строгал,
сушил я доски, и молот мой стучал, и в дерево пила впива-
лась.

Корабль всё выше рос, вид птицы принимая с головой
павлина, глазами орла, грудью голубя и хвостом, как у пе-
туха. На колесо много лет ушло, из дерева гофер, как и ков-
чег, желтизною светится, подобно солнцу в полдень, и кре-
пок чтоб был, рулить им мог, удержать ковчег. И всякий
раз, как мимо проходила знать народа моего, задрал вверх
головы, глумилась:

«Ни рек вблизи, ни моря нет... корабль для суши?!
Взберётесь как вы на корабль? На нём как поплывёте?!»

— Узнаете, — я им. — И обернётся издёвка ваша издёв-
кою над вами! И наказание, в волнах пребывающее, вас
постигнет!

И сын любимый — средь неверующих:

«Я помогу, — он мне, — ковчег построить, — и славно сорок лет со мной трудился!.. — Но с вами, молвил, нет, не поплыву!»

«Потопом будешь ты погублен!»

Он усмехнулся лишь. Кто знать мог наверняка, что на душе у сына? Вот и жена моя — среди неверующих.

«Господи! — воззвал к Нему, — сын мой любимый — из моей семьи, жена моя... — Но и обещание Твоё истинно, и Ты праведнейший из судей, спаси их, сына и жену!»

Сказал Он:

«О, Ной! Не спрашивай о том, что знаешь. Увещаваю Я тебя не быть в числе не ведающих! Сойди с миром и с благословениями Моими над тобой и народами из тех, что с тобой!»

...И снова Господа я слышу, как воздвигся корабль, был он длиной в тыщу локтей, шириной шестьсот, высотой тридцать, просмолённый изнутри и снаружи, с местом для пресной воды.

«Перенеси, — говорит Он мне, — в ковчег всего, что летает, имея крылья, и ходит, имея ноги, пресмыкается, и растёт, и плодоносит, — всего по паре, а то и помногу, и твою семью! Плывите в нём! Во имя Моего — его движение и остановка!»

И мы вошли в ковчег, но прежде внёс тела я прародителей наших Адама и Евы, чтоб не поглотила их пучина, и они стали границей меж мужской и женской половинами ковчега.

А потом мы, обретшие благодать пред очами Бога: и я, и жена моя вторая, и сыновья мои Сим, Хам... — задумался, потом изрёк: отцом он станет волшебнику Зороастру, персидскому божеству, сатанинскому отродью. — И, рождённый, тотчас смехом разразился громовым, возможно ли такое без дьявольского знака? И семя своего зачатия проклянёшь! Но... — эти думы постоянны: не будет если зла, не поймёшь, что есть добро! И третий сын, — продолжил Ной, — Иафис, а кто Иафетом его кличет, с жёнами. И забрал с собой в ковчег зёрна семи видов: горох, его сорта бисилла и химмис, чечевицу, бобы, пшеницу, ячмень и рис, а также скот чистый, птиц чистых — по семи пар, скот нечистый и птиц нечистых — по две. Правой рукой взмахну — самцы ко мне прибывают, левой — самки, наполнили чрево ковчега всякой пищей для нас и для твари: скота, гадов, животных и птиц... — и тотчас — ливень!

Но вот веленье Господа свершилось: разверзлась великая бездна, врата отворились небесные. Забили из расщелин земли выше высоких древ источники, точно столбы водяные. А за бортом — сын Канан, или Йам, как его мы звали, и жена Валийя, которая насмеялась с другими надо мной, когда ковчег строил.

«Сын мой! — кричу ему. — Жена моя! — кричу ей. — Не упрячьтесь! Вставайте к нам!»

А они мне: «Нет!»

«И жена твоя с нами! — сыну говорю. — И дети твои с нами! — жене говорю. — Плывайте с нами в волнах и не будьте с неверными!»

А они мне: «На гору спасёмся, она защитит нас!»

«Нет защитника в сей день от повеления Бога, кроме как тем, кого Он помиловал!»

Глухи были, остались, а сын хохочет, грудь ливням подставив, и, глядя на него, вина напившегося, и огнём глаза полыхают, зря черенок виноградный, подумал я, взял в ковчег!

И разделила нас волна, остались они среди потопленных!

— Но...

— Да, вижу ведомо тебе, как взмолился сын, когда пошею в воду погрузился, и страх смерти его обуял.

И крикнул он: «Отец, спаси!» Но как спасти — уж поздно!

— Ты пытался!

— Заметался я по кораблю, ведь сын родной! чтоб длинный шест протянуть ему, но тут... — Взглянул на Мухаммеда и понял, что и это ему известно. — Не Джебраили, — спросил, — рассказал тебе? — И, не дождавшись ответа, промолвил: — Да, Джебраила тут услышал я: «Не бери его, — говорит, — пусть тонет!» Не успел спросить, почему, прогремел над головой его голос: «Кому такой сын нужен?»

«Мне! — хотел возразить. — Не смеет отец в беде покинуть сына!»

«Сердце у него почернело!» — сказал мне.

«Пусть так, но сын!» Тут глянул я за борт: крик иступлённый! стон запоздалый! и всхлипы! и нет сына, волнами поглочен.

Не различить ни ночи и ни дня.

И серо всё кругом от дождевых потоков.

Переплелись потоки, смешались, сверху лились и снизу — из-под земли выбивались. И уже тверди земной не ос-

талось, лишь ковчег меж водами — льющимися и выливающимися из щелей корабля.

На волнах всё выше вздымается ковчег. Утратил волю, во власть стихии отдан. Сбились со счёта, сколько прошло: пальцев не хватило запомнить ни у меня, ни у жён, ни у детей, кто мал, ни у детей, кто муж, ни у жён их.

А вода, не переставая, прибывала. Но всему ведь конец уготован: успокоилось небо. Вверху — светлая синь, внизу — бездна вод. Свершилось повеление — ковчег на горе ал-Джуди утвердился, рассёк её надвое.

— Но отчего рассёк?

— Ослабла вершина от кипящих в бурлении вод.

— Мне ведомо иное: гора возгордилась, что самая высокая, возомнила, что спасла род людской, пристанище ему дала, и Бог в гневе придал силу ковчегу, корабль срезал вершину, образовав из одной горы высоченной две.

Расколотых надвое гор, о чём говорится в Коране, которые образовали впоследствии горы Большую и Малую, на Кавказе две: одна на юге, это Агры-даг, или Гора-боль, известная более как Арарат, а также Эльбрус — Большой и Малый.

— Потоплены были люди зла, их покрыло то, что покрыло. Но спасся нагруженный ковчег.

— А что с Каабой, нашею святыней? С камнем что священным? Тоже под воду ушли?

— Обойдены потопом, Джебраилом поднятые, на небе сбережены: и Храм, и белый-белый камень, от ваших почерневший прикосновений!

— А что впустил в ковчег он первым муравья, и влез осёл последним, тоже Ной поведал? И про голубку?

— Но выпустил сначала ворона: нашёл тот землю — не вернулся, падалью увлекшись, — и проклят ворон, обитающий вдали от человека!

— А что ж голубка?

— Со свежим в клюве масличным листом вернулась, благословенна и всегда — рядом с человеком! И ей в награду было украшение — ожерелье красит шею голубки с той поры. И сказано было Богом: «О земля, поглоти воду! О небо, удержи!» И утвердился ковчег!..

— Уже рассказывал: на горе ал-Джуди! И восторг твой мы слышали: «В нашей, — молвил ты, — Аравии!»

— Свершилось повеление: да погибнет народ неправедный!

— Не нас ли так назвать измыслил ты?!

— Бог... — Не дали мекканцы договорить Мухаммеду:

— Раскаялся как будто твой Бог!

— О том не ведаю!

— В Писании о том!

— Умми! Умми!..

— Ну да, когда неведомо тебе, уста молвят: «Я, мол, не разумею!» — хохочет, точно погубленный сын Ноя.

— И я, — молвил Ной, — в земле Святой перезахоронил тела праотца и праматери. Но срок пришёл — явился ангел смерти Азраил за моей душою. Дрогнул я.

«Но отчего, — был ангел удивлён, — я вижу страх в глазах твоих, неужто не насытился жизнью, долее других на свете пребывающий?!»

«Сладка, — признался, — жизнь, и тыща лет не много!»
И тело моё...

— Но вот оно, тело твоё!

— Лишь отсвет!

— Теперь послушай, Мухаммед, — говорит ему мекканец, — что тебе скажем про твоего Единственного: сокрушался Он от Своей жестокости! И нам отныне кара не грозит. Сказал Он, в грудь бия:

«Отныне проклинать не стану ни землю, ни человека, ибо помышление его сердца, что именую злом, — от юности людей!»

Клятву Он дал: «Знамение завета моего, — сказал, — радуга меж Мною и землёю, Мне будет о Моём завете напоминать!»

— Но более всего терзался Ной!

— Поболее даже Бога?!

Ной застонал вдруг: к нему явился Сатана, Иблис, и слышит он его укор:

«Ты совершил то, — Сатана ему говорит, — чего не совершали грешники земли, вместе взятые! Вымолил у Бога потоп и погубил весь мир. Потерпи ты ещё немного...»

«Я тыщу лет увещевал! Меня избивали камнями! Волокли за бороду по земле! Бросали в навозную яму! Пальцами

уши затыкали, чтобы не слышать, и закрывались одеждой не видеть меня! Упорствовали высокомерно, продолжая творить зло!

Но укор... — снова застонал Ной, или Стенающий, постоянно оплакивает свой народ, погубленный его бездумьем и слепотой».

— Кто из вас стенаниям внимлет? Найдётся ль хоть один припоминающий, о мекканцы?

— А как же?! Тебе твои глумления припомним!

— И камнями закидаем! — летит камень, пал под ноги.

— Неужто наказанием вы не научены? И скверною гордыни отчего поражены? Гордыня и погубит вас!

Тут бы рассказать притчу о трёх ангелах, которые возмнили, превозносясь в гордыне, что человек греховен изначально, а они чисты.

Бог упрекнул их: мол, не хвастайте, ещё не ясно, сумеете ли сохранить чистоту, окажись вы на месте человека среди земных соблазнов!

«Нет, — возразили ангелы, — устоим!»

Бог послал испытать их на землю в облике человеческом.

Первый же ангел, почувствовав, что не устоит пред удовольствиями земными, вернулся на небо, а двое других, Харут и Марут, остались, но увлеклись вскоре красивой женщиной, вверглись в грех идолопоклонства, даже на убийство пошли.

Бог предложил им на выбор: быть наказанными в жизни ближней или дальней.

Избрали первое, и с тех пор в оковах заточены в темницу в Вавилоне, мучимы жаждой, к ним сюда приходят те, кто желает научиться колдовству и хочет извлечь урок: не превозноситься в гордыне!

— Чем поучать нас, туда и воротись, во времена потопа, о чём нам глаголешь! Не то исторгну душу я твою! — мекканец, пьяный от вина и свирепый, точно лев, рвётся к Мухаммеду.

Да, виноградная лоза, одурманивающая человека вином! Ной забыть не может, как хотел, о сыне вспомнив, выбросить за борт взятый черенок, но не нашёл его: выкрал

сатана, пробравшись на ковчег, и упрятал, потом втайне посадил на земле после потопа.

А принялся черенок — окропил его кровью павлина.

Листья на лозе распустились — оросил кровью обезьяны.

Плоды завязались — кровь льва пролил на лозу.

Ягоды наливаясь начали соком — под лозу кровь свиные вылил, и виноград её впитал.

И человек, пьющий вино, испытывает воздействия этих кровей: сначала хорохорится, как павлин, кривляется потом по-обезьяньи, свирепеет, как лев, а, напившись, валяется, точно свинья, в грязи, и храп его хрюканью подобен.

Громадный ковчег вдруг уменьшился до размеров... — с чем сравнить?

Или возгордился подобно башне, которая вздумала покорить небо и рухнула, лёгши ковчегом на землю?!

И ковчег оказался в раскрытой ладони Ноя; оба, он и корабль, стали стремительно отходить от Мухаммеда. Но чем более, отдаляясь, мельчал Ной, тем величественнее возникал на горизонте ковчег: тайну превращений подобных, когда великое делается крохотным, мелкое — огромным, никак не мог Мухаммед уразуметь.

Другое пространство?

Нет, ещё не новое небо! — услышал голос Джебраила.

Здесь восседал огромного роста ангел. И слышит Мухаммед Джебраила:

— *Нас четверо, великих...* — Мухаммед знал. Свидетельствуем: о чём? — *Тебе то ведомо должно быть: что Бог Един. И каждому из нас определён предел.*

Спросить: который этот?

И книги две огромные пред ним, два калама-пера, и пишет неустанно.

Так это ж Азраил, ангел смерти!

Вспомнил дедово: Земля, созданная раньше человека, получила якобы (не якобы, а точно! — голос деда) от Бога откровение: «Создам Я из твоего праха существа, из коих одни будут Мне повиноваться, и Я введу их в Рай, а другие отвратятся от Меня и будут ввергнуты в Ад!»

И послал на землю Джебраила, чтобы тот принёс горсть праха.

«Именем Бога тебя заклинаю, — взмолилась Земля, — не бери у меня того, чему суждены муки ада!»

И вернулся, вняв её мольбе, Джебраил ни с чем. Тогда Бог послал на землю другого своего ангела — Микаила, но

и тот, как и вслед посланный за ним Исафил сжалились над землёй, вернулись ни с чем.

И Бог послал четвёртого своего из главных ангела — Азраила, который не внял мольбе земли: «Повеление Бога, — сказал, — для меня превыше!» И, проявляя усердие, забрал прах, с силой его отрывая, с четырёх разных мест земли: из верхних слоёв — сухой и твёрдый, из нижних — влажный и вязкий, из низин — красный и чёрный, с гор — белый.

И Бог изрёк: «Джебраил, Микаил и Исафил пожалели землю, а ты, жестокосердый, её не пощадил, и потому, после того, как Я сотворю человека, будешь с силой изымать у него душу, станешь ангелом смерти!»

Ну да, именно здесь пребывать ему, ангелу смерти, ибо легче было начинать после потопа, когда все люди в одночасье исчезли и спаслись лишь Ной и его семья, кроме жены и сына.

А книги две — рождений и смертей!

Но ангелом лишь смерти наречён.

Рождений ангел?! Нет ангела такого — за все рождения в ответе лишь Бог.

И за смерти тоже! Лишь ведомы Ему людские судьбы: кому когда покинуть мир. И срок кончины каждого лишь знает Он — то ангелу неизвестно и, к счастью, людям тоже!

По древу, что растёт у трона Бога... — то древо удивительное, под кроною его проскачешь век, меняя лошадей, и тени от его ветвей ни разу не пересечёшь!

Азраил по древу узнаёт, чей подоспел черёд и кто должен умереть: слетает лист, и имя — знак на нём: от тела душу отделит, потом, в могиле, она соединится с телом, и человек пойдёт на строгий суд чудовищ, чьи имена Инкир и Мункир, и если праведно прожил умерший, душа легко от тела отдалится, а у грешных выйдет душа, разрывая тело!

Весь мир открыт и видим Азраилу, он многоног и многокрыл, чтоб всюду мог поспеть. И многоязык. Чтоб каждого понять он мог, — слышит Мухаммед Джебраила, — ибо расстояние между глазами его равняется, — что-то было ведомо, о чём-то узнаёт впервые, — семидесяти семи тысячам дней пути!.. — Когда возникают цифры, память Мухаммеда, закваска купеческая! удерживает.

И ангелы по небу понесут в день Страшного суда трон Бога, и станет восемь их, наиглавнейших ангелов тогда — а им в подмогу ангелов три тысячи, и тысяча, а тысяч пять ещё их.

— И цифры эти ты запомнил?

— Не сбился ли со счёту?!

— Поди, забыл купеческий свой сан, караванные пути не манят! Какое славное занятие — быть купцом!

— Ах, как бы мог разбогатеть!.. А ты... что за занятие такое: пророк?!

— Посмешище!

— Позор!

— Мекканцам оскорбленье!

Мухаммед будто не слышит их криков и продолжает, что Бог открылся ангелам, сказав, что установит на земле Своего наместника Адама, и первый он пророк, чтоб ангелы ему поклонялись, и ангелы поначалу возразили Богу:

Поклоняться человеку? Кто будет на земле производить несчастье и проливать кровь?

— ...Так что же — люди прежде были разве? Но если нет, откуда знать ангелы могли о том, сколь дурен человек?

— А вы?

— Что мы?

— Вы были прежде всех, о мои мекканцы! Ангелы по вам судили, каков он, человек. И ужаснулись!

А далее рассказ об Исафиле! Сокрыт на Храмовой горе до той поры, когда наступит срок, и протрубит в свою трубу и возвестит о Страшном суде. И столь велик, невидимый никому, что ноги упираются на нижние слои земли, а голова — у престола Бога. Четыре крыла, тело покрыто волосами, множество ртов, языков.

А Михаил?

Его ты видел в детстве, припомнить должен! К тебе спустился он в людском обличье. Разрезал грудь, очистив твоё сердце!

— Но где ангел, на голове у которого утверждены твердь неба и твердь земли?

— *Молчи!* — вскричал Джебраил. — *О нём ни слова! Вне прочих ангелов он, мы — в движении, ему ж стоять, не шелохнувшись, на рубине хрупком!*

— Но в основании рубина — бык!

— *Не тревожь покой быка болтливостью земного языка!*

Явственно представилось непредставимое: рога быка! расстояние меж рогами как от земли до неба! где лопатки — ковчег длиной в полтыщи лет пути! и тот ковчег возлёг на спину рыбы! во вселенском море рыба та плывёт! ни-

же моря — новое воздушное пространство! Однажды бык, устав держать твердь неба и земли, вздохнул — тотчас треснул рог: когда другой преломится, конец наступит мира — впрочем, то во власти Бога.

— И ад отсюда заметишь!..

Глянул вниз Мухаммед... — по вам судил, о мои мекканцы, Бог о людях.

...Пыль! крики! топот коней! летают копья! сверкание мечей! и стрелы, оперённые пером коршуна, над головою пролетают! и даже лук свой ощутил в руках, был лёгок, гибок и удобен! победа!.. нет, она лишь мнится, победа над сородичами-нечестивцами!

Мухаммеду вдруг показалось: услышал Зейнаб, кольнуло в сердце, дочь!

Но Зейнаб ещё жива!

Уж умерла! — кто-то ему.

Как может быть, чтобы ещё не случившееся уже случилось?!

Не смотреть на Азраила!

Посмотришь — тотчас умрёшь! (Голос деда.)

Уловлено здесь, что подумалось Мухаммеду?

И разделяют душу с телом!..

— О ком ты, Мухаммед?

— Об Азраиле! Ангелах — помощниках его! Срок придёт, и ангела из войска своего — у Азраила их стократно сотня тысяч — пошлёт, чтоб душу у неверного нещадно отрывал от тела! А души верующих...

— Ну да, коль с силой Азраил отрывает души неверных, то бишь наши, то души верующих, ясно, отрывает нежно и без боли!

— Нет, ласково!

— И не заметишь, как душа оторвалась от тела! О том умершие поведали тебе, Мухаммед?!

— О, времена невежества, джахильи!

— *Готовься!* — Джебраил Мухаммеду.

— Ещё ступенька?

— *Ты думаешь, одна? Иль две?*

Не успел ступить, как... нет, не он к небу стремился, оно к нему с невиданною быстротой несло — новое небо! И резко стал.

3. Небо третье: *Авраам*, в чьём пространстве Ангел Ледопламенный.

Мир озарился жёлтым топазом — камнем, покровительствуемым *Меркурием*, и небо вокруг него, внизу светящегося, кружилось. Множество теней, но не видать, от кого или каких существ, иль от чего, от древ каких отброшены: ломались тени, уходили вниз, пропадали в небесах других.

Вдруг кто-то громко окликнул Мухаммеда:

— О наилучший из людей!

Оглянулся — никого. Но ответил, дабы быть услышанным:

— Таков лишь Авраам! — и заученно: — Десять свитков ниспослано ему!

— *А тебе Коран ниспослан!* — это был Джебраил, будто именно чужим голосом он испытывал Мухаммеда. — Тут же: — *Здесь Авраам!* — добавил.

Мухаммед услышал тотчас:

— Добро пожаловать, о праведный пророк!

Лишь потом праотца увидел, прислонившегося к стене Небесного Храма, наполненного божественным сиянием. И праотец пошёл ему навстречу — идёт и держит руки, вытянув вперёд, и распростёр навстречу, желает будто всех обнять руками, подобны были ветвям широким родового древа, оно — сбоку, растёт и разрастается. Увидел — не узнал, и так будет трижды, и каждый раз Авраам виделся по-разному: во сне перед Каабой был в чалме и невысок, похожий на деда, когда сердится, губы сжаты и невидимы; когда на Храмовой горе молились — незаметен и чуть сгорблен, ростом и плечами широкими выделялся лишь Моисей. А тут Авраам высок и гордо держит седую голову, взгляд строг.

Мухаммед, приглашённый, вошёл за ним в Храм, который... — своими очертаниями показался Мухаммеду знакомым, похожим на их Каабу.

— Ну вот, — сказал праотец, — борода твоя, как ступил сюда, на мою похожа стала! — Да, была борода с проседью, а тут вся вдруг побелела, сединой ярко засверкав. И — расстроился.

— Я тоже был расстроен, когда первая у меня седина появилась. И воскликнул: «О Боже! Что это?» — «Знак почтенности!» — ответил мне Бог. «Что ж, — говорю Ему, — приумножь, о Боже, почтенность мою!» И борода моя в одночасье побелела.

— Но каков он, опиши нам!

— Хотите праотца представить? Гляньте на меня!

Вытаращили глаза, такие вдруг круглые и большие на лице, ещё бы: услышать такое!.. Возгордился-то как наш одержимый!

— Твоя, — с издёвкой, — выщипана будто?

— Вот именно!

— Но видел ли, чем к Храму подойти небесному, на небе ангела?

— Азраила?

— Он что же, поместил тебя со мною здесь?!

— Нет, я лишь посетил его и возвращусь туда, — рукою вниз, где Меркурий, показывает, — к себе на землю.

Недоверчиво глянул на Мухаммеда: — Не человек к Азраилу приходит, а он к человеку является душу его взять!

— Я волею Бога... — Не дал ему договорить:

— И даже ко мне, когда пробил мой час, явился! — Вспомнить бы, никому прежде не рассказывал: придя однажды домой, незнакомца у себя застал, не удивился, когда тот представился Азраилом, ангелом смерти, де, пришёл с благовестью. Какою? Велено забрать некоего Друга Бога.

«Но кто сей счастливец? — воскликнул. — Богом клянусь, живи он на краю земли, поспешил бы немедля, чтоб неотлучно быть рядом до самой смерти!»

«Ты и есть тот Друг Божий!» — ответил Азраил. Сердце Авраама забилося, точно хлопали крыльями двести птиц. И забрал его на Небо.

— Но если, — говорит Авраам, всё ещё не веря, что Мухаммеду удалось, увидев Азраила, спастись, — ты мне соврал, что воротись... — что ж, и пророку порой неправду сказать приходится.

— !

— Врал ли я?

— ?

— Увы, не раз! трижды! Общине, когда притворился больным, чтобы не идти на поклон к идолам; отцу, когда приписал главному идолу, вложив ему в руку топор, разрушение всех идолов; фараону, когда представил сестрой жену.

— Со мною рядом Джебраил был, иного ангела я тут не видел.

— Ты невнимателен: выйди, посмотри, потом явишься!

И тут Мухаммед в клубах чёрного дыма, язычков пламени в шипящем паре разглядел некое гигантское существо. Огромная голова! Глаза красные и вспухшие! Со лба и макушки кипящим ручьём льётся пот!

А тело... — сначала ничего не понял и, лишь приглядевшись, заметил, что оно, шипящее и источающее угарные запахи, состоит наполовину из льда, наполовину из огня! Огонь постоянно возгорался, а лёд, оттаивая стремительно, тщетно пытался погасить пламя.

И сражались огонь и лёд, не в силах победить друг друга. Но что сие значит?!

Оторвав взгляд от устрашающего видения, которое, однако, завораживало необычностью, Мухаммед поспешил к Аврааму:

— Объясни, что взору моему предстало?

— Уразумей! То Ангел Ледопламенный!

— В ответе он... — Весы! Пришло в голову первое: во всём должна быть мера! — Да, за равновесие всего и вся, воды струящейся холодной и жарких обжигающих пустынь. — Авраам молча слушал. — За тепло земное, чтоб не иссякало, холод чтоб свои пределы знал. Чтоб ум расчётливый, как лёд, и сердце чтоб горело неустанно. — Умолк.

— Я вижу, продолжать ты можешь долго. Что ж, прав ты: и то, и это, и другое, всё может стать огнём и льдом в их общей неслиянности.

Мухаммед вздохнул облегчённо.

— Но радуешься рано! Не там ищешь, Мухаммед! Подумай: кто я?

— Свитки первые у тебя!

— Вот именно!

— Гасить вражду?

— Но чью?!

Мухаммед молчал, лихорадочно думая, будто держит экзамен на пророчество, хотя... — но свыше ведь ему про роком быть предопределено!

— Ты не сказал, кто я!

— Свитки...

— О том уже молвил!

— Могу и заповеди перечесть твои про тела чистоту, их пять, и чистоту души, их тоже пять! — И начал было, стремительно проговорив, про чистку зубов, очищение носа водой и подстригание усов, как Авраам остановил его:

— О чём ты, Мухаммед?!

А он спешит: повеление добра и запрещение зла! Вспомнил ранее ниспосланное Богом про Лута, оно и в Коране, как Авраам пытался от кары Бога спасти людей, когда к нему явились Его посланцы. — Мир тебе! — сказали. — Мир! — отвечивал он, не замедлив выйти с жа-

ренным телёнком. Увидав, что к еде не притронулись, понял — не гости.

— Не бойся! — сказали. — Мы посланцы к народу Лута!

— Неужто, — спросил, — погубите поселение, где двести верующих в Бога?

— Нет! — ответили.

— А если верующих сорок? Или девятнадцать, цифра ведь священная!

— Нет!

— А если семь, священна тоже цифра?

И снова:

— Нет!

— А если всего лишь один Лут там проживает?

— Ты вывел из терпения нас! Мы лучше знаем, кто там проживает!

— ...Остановись, рассказываешь мне о том, что ведомо мне! Но ты не сказал о главном!

— Ты множества отец!

— Да, прав, а дальше что?!

— Две ветви от тебя пошли, ветвь Измаила и... — встал тотчас Авраам:

— Ветвь Исаака!.. Что ж, разумения твои похвальны.

— А из его ветви, — похвала вдохновила Мухаммеда, сказать об Иисусе, но умолк, уловив во взгляде праотца нетерпение: — Что ж, выслушать готов!

— Но выслушать не подвиг! — строг, как в давнем сне, когда Мухаммеду являлся с Исмаилом. — Услышать я желаю не про заповеди тела и души, о них много на земле говорено!

— Разве лишь слова они? И обрезание...

— Ещё скажи про стрижку ногтей!

— И целомудрие, и Богу преданность, и верность...

— Умолкни! Я о вражде, что постоянна в моих ветвях! То пламя вы, и негасим ваш гнев, полыхание огня бесплодное, то холодны, как лёд!

— О чём ты, праотец?!

— Возгордились, каждый полагает, именно он избран, первый и единственный, а если так, то отчего б не возвыситься до Него?

И говорил о тех, кто прежде был: Ной-Нух, трёхзначно даже: царь Вавилонский Нимруд-Нимврод-Навуходоносор, вскормленный будто бы тигрицей, а кто — волчицею или орлицей.

Конец его — он ел траву, как вол, и волосами, как лев,

покрылся, и когти, как у птицы хищной! Но даже и ковчег!..

А у Мухаммеда... — но отчего не стали на земле начал началом, его единственным посланником ни первочеловек Адам, ни Ной, коль скоро спас его Бог в ковчеге?! И даже праотец! А меж ними, Ноем и Авраамом, — пророки Худ и Салих⁴⁸. Не стал началом начал и Зуль-Карнейн, или Двурогий Александр, а ведь прожил, сказывают, три тыщи лет! Его нога ступила на конечный и начальный пределы земли! Достиг двух концов света — восхода и заката! Мiroдержатель! Познал тайны видимого и скрытого! И почему ни Соломон, чья мудрость и чьи богатства... — но что толковать об известном?

Вдруг свисающая с неба лестница задёргалась, Ковчег привиделся спасительный, он был похож на поверженную Башню Вавилонскую... Как уследить за мыслью Авраама?

— За мыслью ль только?! Услышать, чтоб успеть предотвратить!

— О чём ты, праотец?!

— Гордыней обуянные: возомнить, чтоб утвердиться! Мнится каждому, что лишь он — единственный и первый на земле! Но знай: поочерёдно явлены три ветви праотца. Сначала утвердилась ветвь одна, то Моисей, потом другая — Иисуса, который... — лестница снова вздрогнула в нетерпении, но Мухаммед не успел, почуяв её тревожную дрожь, зацепиться за ступеньку, чтобы ступить в иное пространство: неужто четвёртое небо?!

И тут вспыхнул впереди яркий слепящий свет, пролегла за спиной длинная тень, и голос Авраама вдогонку ему:

— И будешь изгнан! — задохнулось эхо.

Но кто был изгнан, кроме Адама? Преследуемые, да, были — все до единого пророки, но изгнанные?!

⁴⁸ В Коране в связи с Салихом вспоминается притча, что народ его самудиты часто требовали явить чудо, чтобы уверовали в единого Бога — вывести из скалы верблюдицу. Салих воззвал к Богу, и вдруг скала стала, точно роженица при схватках, корчиться, и вышла огромная верблюдица. Воды было мало, племенем договорились пить через день, но молока давала столько, что хватало всем. Однажды Салиху явилась весть, что родятся в племени десять мальчиков и один из них станет причиной гибели всех. Весть исполнилась, решили во имя спасения принести их в жертву Богу, но один из отцов воспротивился, и мальчик остался жить, вырос, пристрастился к вину и однажды, томимый жаждой, ибо всю воду выпила верблюдица, в гневе убил её!.. И последовало наказание Божье: за неверие все подверглись каре — окаменели и рухнули.

Земное это слово: *спешка*.

Но кто спешит? Мухаммед, которому успеть вернуться? Авраам? Но здесь, где круги небесные, без суеты, и некуда спешить! Иль путь земной, что пройден наяву, привиделся с небес? Быть может, досказать вдогонку про Ангела Ледопламенного, пока Мухаммед находится в пределах досягаемости Авраама? Новая забота у него: земной свой опыт, небесными раздумьями умноженный, в Мухаммеда вложить!

Голос вослед Мухаммеду раздался:

«Исчезнет если на земле вражда», и эхом отзывается:

«Исчезнет ли когда?»

«Угомонится ль Ледопламенный Ангел?»

Пропущено будто слово — сказанное разорвано на части, но разве что невыговоренным осталось?

Есть холод льда, не растопить, увы, но есть и полыхающий огонь — не погасить никак, и вечно их борение! Но что от ангела останется, исчезнут если части, из коих состоит? Лёд водой прольётся и погаснет пламя. И как непостижимое осмыслить: исчезновение вечного ангела?

Но снова Авраама голос:

«Сжигаемое гневом пламенеющим, и голова дымится, и леденящей злобою кровь в жилах застывает, — пространство Ледопламенного Ангела, тобой увиденное, земное отразив пространство иль отразившись в нём...» — недосказано, обрубленное выкриками, точно отрезали уши у пса пастушьего, чтоб был свиреп. Задохнулось эхо? Утоплено водой? Иль сожжено в огне? Исчезло, обессмыслив опыт прожитого? Разведены далеко меж собой небо и земля (а в ней, её нутре, ещё круги!), и сказанного смысл блуждает, но ведомо, как завершилась фраза: «...добра пространством станет!»

И буквенное созвездие в небе (иль горная гряда земная?), покинутом Мухаммедом, — Каф'ский — и чужеродная нелепость — случай (в хвосте созвездия; но сколько их, хвостов?!).

Нет, возглас был земной — как вопль иль всплеск мольбы, как стон, идущий из глубин души, и, точно снежная лавина, прогрохотало, чтоб вздрогнули те, кто живёт вокруг гряды той горной, над головой завидя букву священную, светилась она светом огненным, и выставлена напоказ: Каф! всего лишь буква арабская: прямая линия с изгибом, точно ковш, и обведена, подчёркнута, а под нею: Каф сокрыл сокровища, драконом оберегаемые.

Но сказано было Авраамом Мухаммеду: «Скажи им, мекканцам! Впрочем, ты уж не в Мекке — бежал в Йасриб!»

...Молвит на земле Мухаммед забывшим праотца его словами:

— Самомнения полны? Увлечены наживой? Сотворили идола-кумира? Вера такая сомнительна! Кааба ваша — лишь приманка для легковверных! Всех божков сберите и бросьте в огонь!

А в ответ: — Но прежде них тебя мы самого в огне сожжём!

— Да уж пытались: бросили в печь, чтобы сжечь живо, а когда открыли, то увидели: отдыхает средь цветника, в который превратилось пламя!.. Что ещё знаете о том, что было в прошлом?

— Какая польза от того, что было?

— Чтоб стало вам уроком!

— Весь наш урок — урок наживы!

Средь облаков разорванных открылся клочок земли, а там, где лестницы ступень земли касалась, — бараны лишь.

— О том ли вам сказать, что, глянув вниз, пронзил очами прародитель все семь глубин злых помыслов людских и ваших тоже!

Казалось, Мухаммед слышит Авраама.

Даже видит его: вот он, держит руки, вытянув вперёд, даже распростёр навстречу ему, желает будто всех обнять руками, подобны ветвям широким родового древа, что сбоку растёт и разрастается! а начало, где корни древа, Древа познания, — Адамово первое небо! Через все семь небес то древо устремлено в вышину, что взором неохватно! но узиришь, откуда всё пошло, что есть и будет, — о тех, пришедших после.

А в ветвях Древа познания, прорастающего через небесный рай, гнездится бессмертная птица Симург, откуда раз в семьсот лет она возвращается в земное гнездо, что в горной гряде Каф, чтобы, дотла сгорев здесь, где постоянно полыхают пожары, возродиться из пепла и снова вернуться в небесный рай. Там же на Каф'е по ту или эту сторону горной гряды, смотря откуда взгляд, обитает дикое, жестокое племя йаджуджей-маджуджей, и гряда как бы служит для северных — защитой от южных, а южным — защитой от северных, опять-таки исходя от точки отсчёта, — так что в образе Каф'а воплощаются два начала: жизнетворное, как Симург, и разрушительное, как йаджуджи-маджуджи, племя такое же бессмертное, точнее — неумирающее, как

и птица Симург. И неведомо — то знак прошлого или будущего? То, что уже было, или то, что ещё будет, грянет?

— ...Постой! — вдруг ему Авраам. — Разве здесь ты поселился навсегда?!

Что значит навсегда?! Страх обуял: как назад вернётся?!

— Я жив ещё!

Нежданно голос рядом, и вытеснен страх надеждой: Успеешь воротиться!.. И да возрадуешься новой встрече!

Вдруг, оболочку разорвав, возник во плоти праотец, ожило видение:

— Внимаешь ли ты мне? — то голос Авраама был. — Так много надобно сказать тебе! — жаждет выговориться, и Мухаммед — благодарный слушатель.

— Как никогда внимателен я, о, славный праотец!

— Да, ведомы мне помыслы сородичей твоих!

А разве он за родичей в ответе?

Но как отбросить от себя обидные слова, услышанные там, где земля, и здесь, где небо, что обойдены вниманием Бога, пасынки Его.

Сиротством чувства обострённые!

Ну да, конечно, пасынки!

— А потому ты здесь!

— Чтоб укрепиться в пасынстве?

— Расстаться, а не укрепиться!

Над головой прогрохотало: «Круг новый!»

4. Небо четвёртое: Моисей, в чьём пространстве Ангел Слёз.

— Добро пожаловать, о, праведный... — задумался Моисей, а Мухаммед терпеливо ждёт — виделись, когда молились вместе! И, дух собрав, сказал-таки Моисей, точно выдохнул: — ...пророк!

Признал! Как не признать, когда... — ведь сам Бог!.. Будто кто другой вынудил его произнести приветствие. А потом вздохнул и, словно про себя, воскликнул: — О Боже! Ещё один пророк явился!

— ...Так и сказал Муса, чётко эР проговорив? — спросил мекканец. — И Йа, и Лям, и Син? И никаким косноязычием его не съеден звук?

— И я могу вам притчу рассказать про уголь горящий, к которому рука Мусы-младенца потянулась, сунул уголь в рот, камней блеском будучи прельщён, обжёт язык и стал косноязычен? Но на небе косноязычие ушло!

— ...Пророкам несть числа, о Боже! — проговорил Моисей, и словно разделились, раздвоились они, Моисей и Муса: один — вот он, и недоволен будто, а второй... — к нему привык как к своему, о ком он столько думал!

Так и сказать?

— Я ни при чём, о, Муса высокочтимый.

— Муса?! — удивился, но тут же вспомнил, прежде уж случилось: для кого он Муса, для кого Моисей. а кому Моше. — Так мы о чём? Ах да: воля не твоя, что явлен в земном обличье!

— Богу угодно было.

— Чуть что — именем Его прикрыться?!

— Прости, это Джебраил по воле Бога далеко меня занёс.

— Джебраил?! О, знает он, что я думаю о нём: злой дух он, бедствий провозвестник! — Мухаммед замер: ангел рядом! И слышит эту речь! Молчать? Иль возразить? Но что сказать? — Являлся ли ко мне он, знать хотел бы ты, не так ли? Так вот, запомни: ко мне он не являлся!

— Но сказывают, что являлся раз четыреста! Двенадцать раз к Адаму, сорок два — к Аврааму, десять — к Иисусу... — прервал:

— Умолкни! — Глянул насмешливо: — А сколько раз являлся он к тебе? Без него ни шагу! Небось, двадцать четыре тыщи раз? — Тут же всерьёз: — Меня обходит ангел Джебраил, пускай услышит: с Богом я общался без посредников!

— А что он спас тебя, младенца, руку отведя твою, тянулся ты к короне фирауна!..

— О да, он к угля, что пылал, направил мою руку!.. А впрочем, бойся, не то покинет посреди небес, застрянешь, обречённый на вечное блуждание: ни жив ни мёртв. Так вот запомни: никто не лицезрел Бога, кроме меня!

Мухаммед вспомнил, то было в Мекке, повторится в Йасрибе, — хвастал однажды иудей в споре с ним, что «знал Бог Моисея *лицем к лицу*!». Тут кто-то сбил его уверенность странной фразой: «И увидел Моисей, что Бог сидит над Торой? Как трогательно: Бог учит Своё создание!.. Лучше ответь, что раньше: рассказал, сотворив, или сотворил, рассказав?»

— Но разве Адам, — спросил Мухаммед Моисея, — не лицезрел Бога?

— Лишь миг, когда в него Бог дух вдохнул животворящий: Адам ступил на твердь, в полубеспамятстве шатаясь, и

лишь постигнув естество своё, он понял: Тот — Создатель. А Ной лишь слышал глас Господень. И Авраам!.. Тебе, нет, не удастся узреть Его. Твоя уверенность чужда мне. — Но разве что сказал ему Мухаммед?

— ...Да, — скачет Моисей мысль, желая выговориться, — я пас овец у тестя своего и увидел терновый куст — горел и не сгорал, такое чудо, оно манило, отчего ж, я думал, не сгорает куст? И подошёл, но... Предстал Он предо мной, и в страхе я лицо закрыл, боясь воззреть на Бога!..

И тут же о другом, голос мягче, ведомо: — Ты учредил азан!

— Азан?!

И тотчас вспышка знания того, что будет после-после-после, озарила тьму неведения:

— Так я и думал, что во сне тебе была подсказка!

То серьёзен, то ироничен, чем-то недоволен, но чем? А тут и вовсе новый Моисей, лик, усмешкой озарённый, в глазах хитрость вспыхнула, и чей-то зов, услышанный в ночи, но чей?

— Ты мне ответь, уже который век я бьюсь над тайной, быть может, там у вас... нет, я бы знал, спроси у Бога, допустят если лицезреть Его.

— Сам бы и спросил!

— Дерзок ты, однако... А ты ответь! Мне часто видится, — продолжил Моисей, — летящая стрела. — И на Мухаммеда смотрит выжидающе.

— Нет, ещё не летящая! — ответил Мухаммед, пытаясь удержать вспыхнувшее в памяти, вот-вот погаснет, а у того от неожиданности ухмылка слетела с лица. — Ибо стрела, — поспешил Мухаммед выговорить, — уже вонзилась в цель, не будучи, однако, выпущена из лука!

Моисей, пытаясь удержать первенство, озадачил Мухаммеда:

— Что скажешь в оправдание?!

— Чего?

— Что руками собственными недруга убил!

— Я никого не убивал! — Испытывает его Моисей?!

— Сегодня не убил, потом убьёшь! Чтoб человек никого не убил?

— Никогда!

— Не горячись, Мухаммед, — беспокойство, точно неотвязной думой терзается: — Некогда и я... участь наша такова: кто не убивал? Бог?! Но даже Он убивал!.. А ты уж удивлён! — Моисей озвучил знак его недоумения. — Все

наши поступки — с ведома Его, если они случились! Не так ли? — Сам же ответил: — Нет, не так! Успокоение людское! На убийство, запомни впредь, согласия не даст Он никогда, кто б ни был убиенный! Кто-кто? Иисус?! Что ж, пусть пророк! Нет, не убивал он, но пророк ли?!

— А разве... — Моисей не дал ему договорить:

— Что ж, пусть пророк!..

Но высказал Мухаммед, будто кто вложил в уста ему:

— Не ты ль, Муса, с небес на землю по повелению Божьему спустился, и был ты не один, а с Илийасом... — Моисей слушал изумлённо: о нём ли речь, как будто не о нём, а Илия... — Да, — продолжал между тем Мухаммед, — были восхищения полны вы с Илийасом!.. Явились лицезреть Ису, и был от вас на расстоянии трёх стрел, сиянием объятый, взошёл молиться на гору с учениками... — Казалось, и слышит Моисей и не слышит, думая, быть может, о заботах на земле, о смерти ль там, куда вернётся Мухаммед, о жизни ль здесь, куда на миг лишь во плоти земного бытия он прибыл, но и небесной жизнью наделён, так что и гость он, но неужто и хозяин?

— Что ж, так и быть!.. Отец Он всем нам, Господин миров, и тем, другим, и третьим! Ему видней!.. Но что Иисус, то новость... — сказанное на земле эхом докатилось, что все через него приходят к Богу, лишь он есмь к истине дорога!.. — И тут же о другом, тревожна Моисея речь: — Да, я насильника убил, ты прав, напомнил мне. Что ж, не забыто на земле, что мне забыть хотелось. Убил, чтоб защитить призвавшего на помощь, был он слаб и немощен, сородич мой, раб, как и мы, владыки мира фараона, я не сдержался!.. И снова тот, кого я спас вчера, призвал меня на помощь. «Ты искустель ярый!» — вскричал я, предал он меня: нет, не корысти ради, а потому что раб! Узри, коль явлен к нам пророком.

— Но явлен и уйду!

— Дожить земную жизнь? Уж пройдена она!

— ... Но Расскажи, каков он, твой Муса?

— Дома, которые вы строите, и все они глядятся друг в друга... — так знайте, Муса так повелел, во имя братства!

Новость для мекканцев: казалось, что сами придумали!

— Так не беги от нас! И по углам чужим не прячься, будто чей должник!

— Бегу, чтобы спастись от вас!

— Но разве мы враги тебе?

- Муса раскаялся, сородича убив!
- И мы пытаемся!
- Убить?
- Тебя спасти!
- ??
- Спасти от самого себя, убив в тебе другого!

— ...И в сорок лет бежал от фараона. И сорок лет скрывался, пока терновый не увидел куст, в огне горящий, не сгорая. Разулся, сбросив обувь из грубой бычьей кожи, чтоб ощутить ногами босыми священную долину, — шнурки из шкур воловьих!

Так и соседствуют Небесное с Земным.

— ...Я вызволил сородичей из плена фараона. И на горе Синай молился, и сорок дней я заповеди получал от Бога. Но возвели сородичи в кумиры тельца золотого. К сородичам воззвал я в гневе: «Одумайтесь!» — кричал, но были глухи и слепы!.. Да, я оплакивал потом убитых! И снова сорок дней вымаливал грехи народа и свои! От голода порой подвязывал я камень к животу! — И неожиданно спросил: — А ты? Испытывал ли голод?!

И вдруг... Мухаммед испытал голод! Ну да, ведь он живым сюда явился, не успел, ему сестра оставила горсть ячменя, чтоб утром он поел!

— Вернёшься и поешь! — ему Моисей. — Есть вещи поважнее, чем брюхо насыщать!.. Спросить о чём-то, чувствую, желаешь.

— Ты прав, Муса.

— Спроси!

О том ли спросить, как однажды, вспомнил, доведённый до отчаяния делами сородичей, воскликнул, обращаясь к Богу: «Сокрытый от взоров всех, прости меня, что, оглядываясь в хаосе быстротекущих дней в прошлое, которого, казалось бы, не было, и пытаюсь заглянуть в будущее, которое — небытие, обуреваем порой сомнениями в Твоём существовании, задаюсь греховным вопросом: Если Ты есть, то почему не спасёшь сородичей моих, уносимых волнами бездумия в пропасть?» — Собрался с силами, чтобы спросить Моисея, посещали ли его подобные мысли, но промолчал: Богу виднее.

...Моисею за горизонтом открылась тонкая полоска, похожая на гладь темнеющей воды: неужто достигли конечного пристанища? Но... — был миг сомнения! И даже не

мгновение — короче мига краткого, чем ресницы успеют, сойдясь, открыться!

И уловил Бог!

Хотя, не успев возникнуть, сомнение тотчас ушло, исчезло в Моисее! И в вере твёрд, как никогда: вот она, земля обетованная! всего лишь шаг и ступишь на неё!.. Вдруг слышит Бога: Дам тебе её увидеть, землю обетованную, глазами земными! Но в неё не войдёшь, ступить не суждено тебе!

Не успел Моисей, достигнув с путниками Моафских гор, взглянуть в долину перед ним — о, миг сомнения, который был, как пришла к нему смерть.

Похоронили — и могила исчезла.

У подножия спросили:

— Где могила Моисея?

— На вершине!

На гору взобрались, а там сказали: — В долине ищите!

Часть поднялась на вершину, а другие остались у подножья: нижние видели могилу, что она наверху, а верхние — что внизу.

Тайна могилы Моисея: не найти ни в долине, ни на вершине.

...Глянул Мухаммед: земли клочок открылся, а там, где лестницы ступень земли касалась, — столпились люди, земляки его мекканцы.

Видит искривлённый в гримасе рот и блеск недоверия в их глазах.

— Что нового в твоём рассказе о Мусе?

— Бог не повторяет, а напоминает лишь! И негоже разделять Божественное Слово! Но наплодилось множество делителей, и они отрывают Коран от Писания! Или принимают лишь те части, которые совпадают с Торой и Евангелием, а остальное, как ложное, отвергают!..

— ...Взгляд мой пал на лестницу, чьи невидимы ни начало, ни конец, — Мухаммед рассказывает Абу-Бакру на дальнем пастбище, где верблюды, прячется от мекканцев. — И каждая ступенька была первопоследней.

Бежать из Мекки, куда не убит!

(Скобки, закрывающие, точно раковина — жемчуг, текст, в котором сказано, что много лет спустя после победоносного въезда Мухаммеда в Мекку подсказано было ре-

шение, явившееся Мухаммеду во сне: прежде давний спор с иудеем вспомнился, в пору мира; отвечая на уверенность Мухаммеда, что непременно вернётся победителем в Мекку и будет встречен всем народом, иудей заметил: «Есть города, в которые нет возврата», — очевидно, думая о родине своей, Иерусалиме, но имея в виду, говоря с Мухаммедом, Мекку.)

Да, вернётся, дабы признать святость Каабы.

Пред тем всех идолов разрушив (фигурка Богоматери с младенцем исчезла: была — и нет её).

Велит открыть в мечети врата на север, молиться, обратив лик к Каабе, отныне наиглавнейшей святыне Мекки — города, признанного Богом, ибо именно здесь объят был Его взором Мухаммед, ниспослан на него Дух Святой.

С тех пор сменилась иерархия святых городов мусульман: первые два, но оба почитаются первыми, — Мекка и Медина, а уже потом — Эль-Кудс, или Иерусалим, и наступило различие с ветвями веры Авраама.

В традициях Торы Святой дух — это Дух Яхве, Дух Элохима, который, ниспосланный человеку, делает его иным, он получает иное сердце, обретает дар пророческий — признание и призвание пророка, о чём и в Коране:

«И вопрошают: Что есть Святой Дух? Ответь им: Дух Святой есть повеление Божие, — вам даровано знания немного!» (17/85).

В евангельской традиции «Святой Дух» — одна из ипостасей Святой Троицы, с ним явлен Иисус.

В Коране: «О, обладатели Писания! Пределов Истины не преступайте в вере и, кроме правды, ничего о Боге иного не говорите. Ведь Мессия Иисус, сын Марии, — посланник Бога, Слово Его, Дух Его, чем одарил Он Марию. Веруйте в Бога и Его посланника [Иисуса], но не говорите: Три! Удержитесь, ибо это — лучшее для вас. Воистину, Бог — Он Бог Единый! И достохвальнее того, чтоб был ребёнок у Него, — Богу принадлежит всё, что на небе есть и на земле. Довольно Бога как Поручителя!» (4/171).

Отрицается ли тут Троица? «Да», если трактовать «три» как «Три Бога» с тринитарным видением «святого семейства», в котором есть отец Бог, есть жена Мария и есть сын Иисус. Но не отрицается, если понимать Троицу как единство Бога в трёх лицах, в трёх ипостасях, когда Иисус есть воплощение Божественного Слова.

— ...Но не пора ль с небес спуститься?!

Вторит ему другой мекканец:

— А может, вовсе не возвращаться?

— В пределах неба Мусы привиделся мне Ангел Слёз!

— Слезливый ангел?!

— Но отчего он плачет, ангел?

— Грехи ваши оплакивает! Беды грозящие предсказывает!

— И горести?

— И катастрофы!

— ...Что ж хочешь ты узнать? Ах да: молиться сколько раз... Но сколько — то купеческий расчёт: узнай молиться как! — И смотрит на Мухаммеда, качая головой. Вдруг — точно вопль из груди: — О новый из новейших посланец! Как тяжка твоя доля! И отчего на муки Бог решил тебя обречь?! — И Моисей... заплакал! Мухаммед растерялся: как утешить?

— Предвижу трудности твои, мне жаль тебя!

— Но Богом призван я!

— Вот и узнаешь, — говорит сквозь слёзы, — про молитвы: их сколько быть на дню должно, за тем ли ты сюда явился?

— Но и затем! По воле Божией вы избраны, народ Израиля, и те, кто следует за Иисусом. А мы?! Кто мы Ему?

— Ждёшь от меня ответа?

— Он ведом ли тебе?

— Мне ведом.

— Так ответь!

— Через тебя Он вас к Себе приблизит!

— О, какая великая милость! — мекканца голос? — За то ли Бога нам благодарить, что нас возвысил Он до мусавитов, до исавитов!..

— Пророки всех народов гонимы были!

— Прогоним и тебя! И станет родина тебе чужбиной!

... Моисей успел сказать Мухаммеду: — Я буду ждать тебя!

— О чём ты, Муса? Не разумею: ждать после иль теперь?

5. Небо пятое: Иисус.

В косых лучах солнца на листе можно было разглядеть скрытые контуры ангельских крыльев, их было три + три! Это же аллегория первейшей мусульманской формулы *Бисмилла́!*.. Бизанец-алхимик обнаружил запрятанный текст, прежде употребив старание к сохранению его, — то был перевод из Писания о сотворении мира, происхождении дьявола по рассказам некоего великого учителя. Бизанец осудил лжеалхимиков, которые, де, соскабливают текст ножом или пемзой, и выявил с помощью молочного цвета раствора смытый арабский текст; первичный не исчез бесследно, хотя изменился внешний вид пергамента, мясная сторона чуть пожелтела. Текст потряс: о встрече Иисуса и Мухаммеда во время небошества!

За слоем арабским впоследствии обнаружились ещё два: отрывок из Евангелия, который, в свою очередь, был написан поверх фрагмента письма Тита Ливия Сенеке о получении мужской тоги, обязывающей начать военную службу.

Добыта была рукопись у потомков йеменского правителя: попала туда из Синая; пергамент оказался у хранителя древних рукописей Папандопуло в Византии, куда — после захвата её арабами — прекратился ввоз бумаги из Египта и цены на неё резко возросли, а затем владельцем стали османские турки.

Первые страницы свитка — это узкие и неровные полоски пергамента, запись дана столбцом, чтобы фразы уместились, ритмизированная проза:

«Земная поступь... — медленная там, где только что он был,

и под ногами — твердь,

и шли, таясь от недругов, тропой пустынной.

Но поступь быстрая, когда с кругов небесных, —

был только что он здесь, уже он там, —

за поступью земной оттуда наблюдаешь.

И не поймёт: то видимость иль явь,

когда глядел с холма на ставший вмиг чужим

родной, но и враждебный город.

А на небе... — движенья будто нет, и не с чем сверить поступь,

и взгляд — не просто зренье пары глаз:

наделены особым свойством,

приблизят малое, чтоб явственно предстало перед взором,

и отдалят громоздкое, чтоб охватить суметь бескрайние пределы,

земными мерками неизмеряемые.

Нет наступленья тьмы, когда, как на земле,
её торопят завершить усталость тела,
хождения дня бесплодные, и сон одолевает, —
а тут как будто только пробудился,
и бодр, и полон сил, и лёгкость в теле,
какая и забылась, что некогда была,
но и теперь возможна.

Уже недолго ждать, когда на новый круг взойдёшь небесный.

Но скоро или долго — знать не дано.

И час настал. И состоялась встреча.

Купол неба... — не сбиться бы, небесный круг какой:

О, небо, сотканное из нитей золотых!

Но прежде — отчего-то здесь, отсюда,
где солнце разливает свет над миром,
и, ласковое, греет, но и жжёт нещадно,
был виден ад, и огненные языки над ним вздымались,
дымы клубились,

и Ангел мести — здесь его пространство —

над адом крылья распростёр,

но мстительность его — людской природы отсвет,

и взор не отвратить».

Про ад мекканцам рассказывает Мухаммед:

— Устрашающий облик, наказывающий грешников,
чело, изуродованное болью и страданиями, отражало мучения обитателей ада, и покрыто было крупными бородавками, красные глаза метали молнии.

— Пугать нас вздумал?!

— Спустись Ангел мести на землю, горы б от ужаса раскололись! В руке копьё, охваченное пламенем, трон горит в огне. При виде Ангела реки, от ужаса застыв, вмиг пересохла б. И роста необъятного, равняется пятистам дням ходьбы верлюжьего каравана.

...Взор Мухаммеда выхватил из пламени ада огромную распухшую женщину, по жирному, уродливому животу ползали хищные зверьки с острыми клыками, ноги — па-

учьи, совиный клюв, голова — лишь чёрное отверстие, напоминающее рот, искажённый гримасой.

— За что ей такие муки? — невольно вырвалось у Мухаммеда.

— *Прелюбодействовала!* — голос Джебраила.

Но прежде — видение золота червонного, сияет, точно солнца диск: тут Солнца покровительство, и медленно вокруг свод неба кружится — охвачен взором: Иисус! Его пределы! Лишь уловил или подсказка свыше, точнее — сбоку, где шелест крыльев ангела, невидимый, он неотступно рядом.

Тут власть Юпитера — гигантский белый жемчуг, и, расписывая его, Мухаммед, по словам очевидцев, вызвал зависть у мекканских купцов, которые зачарованно слушали его: такое несметное богатство в невиданных размеров жемчуге!..

Да, новая цепь имён:

Сказал Ибн Хишам, повторив Ибн Исхака, кому поведал Саур бин Йазид со слов некоего знающего человека, им мог быть Халил бин Ма'дан ал-Килаби, который, как правило, постоянно ссылался на маулу ал-Хариса бин Хатиба ал-Джумахи, а тот — со слов двоюродного племянника Мухаммеда Абдуллы бин Джафара бин Абу-Талиба или кого-то другого, кто передал ему его слова, что... — далее следовало:

И тут Мухаммед увидал Ису, вернее — уловил, что это он: сидел к нему спиной. Он что же, — вдруг впервые в сфере неба подумалось Мухаммеду с обидой, по-земному, — не почувствовал, как я к нему вошёл? Сник впечатлительный Мухаммед. Но тут же, как не раз бывало на земле и повторилось на небе, услышалось: С чего б Исе, глас из глубин, где разума владения, а не чувств, тебя приветствовать?!

И правда, стало тихо. Спокойно и легко. Как будто ясный день.

Но прежде, когда ступил на Храмовую гору, сойдя с молниеносного коня, пророки бывшие, и с ними Иисус, молились вместе... — не возгордись, Мухаммед, что, смертным быв, при жизни допущен в божественные пределы!

Иисус сидел, не шелохнувшись, был погружён в молитву.

Но ведь молились только что на Храмовой горе!

Уже успело столько на земле произойти, пока ты здесь — всего лишь миг небесный!

Как долго ждать?

Что долго или скоро здесь?

«Втайне молись, не отвлекаясь, — учил внука Абдул-Мутталиб, — и лишнее не изрекай, ибо не будешь услышан в многоговорении».

Мухаммеду всё это с детства ведомо: потребно сосредоточенье!

Так сколько же молитв на дню?! Вспомнился Моисей: Не сколько — то купеческий расчёт! Но не мешало б точно про число узнать молитв!

Узнай — молиться как!

Спросить ли у Исы, когда молиться прекратит?

Никто Его отвлечь, когда Он молится, не в силах.

Нехотя... — другое б слово здесь произнести: медленно Иисус воротил к нему свой лик.

Мухаммед вздрогнул: Не он! Не тот, который!..

Вспомнился давний сон при Хадидже, долго не мог уснуть, утром рассказал ей: С тобой во сне мы были дома у пророка Исы!

В полутьме на Храмовой горе, когда молились, Иисус, последний из предшествующих Мухаммеду пророков, стоял позади, а здесь при ярком свете... — во сне был другой! Мухаммеду, помнит, хотелось сказать про себя, что он пророк, избранный Богом, но устыдился и промолчал.

«Он тебя признал, если во сне привиделся! — сказала тогда Хадиджа. — Но не всякий Иса Иисус, — заметила она спустя время, — и не всякий Иисус есть пророк. Может, то был его двойник?»

Мухаммед детское вспомнил: Абдул-Мутталиб слышал в паломничестве от старца об Иисусе, якобы свечение над левым ухом было. Свечения не было, но светловолос и голубоглаз, а тут — истинный: черноглаз и тёмн, смотрит пристально, казалось бы, несколько удивлён пришельцу, во взгляде — укор:

«Не зван мной, и молитву мою нарушил!» — Услышал или показалось?

Даже здесь, в кругах небесных, мнителен ты, Мухаммед, и в ясном взгляде, полном доброты, узрел, заботами земными полон, неприятие тебя!

Но если он...

Через земное преступи упрямство!

Мухаммед первым нарушил молчание:

— Бог возжелал, чтоб я... — была смиренность в голосе Мухаммеда.

— Вознесены сюда по воле Бога! Отца Небесного то выбор.

Ждут ученики, молодые, и Али тут, и Зейд: запомнить, что скажет им Мухаммед.

Оглядел их, каждый — носитель одной, а то и более, сур, самый младший с памятью цепкой — Шюкралла: от него и передастся потомкам рассказ Мухаммеда о пятом Небе, встрече с Иисусом. Задумался: какое слово точное найти? — Его был голос тих, в глазах тревога. — Не пояснил: тревога отчего?

Да и что знают ученики о них: Аврааме, Моисее, Иисусе? Но и постигаешь сам!

Знание!.. Говорил ученикам и не раз ещё будет высказываться в спорах и со своими, и с чужими, особенно... — но о том ещё не ведаёт: в Йасрибе!

— Ты не сказал о богобоязни!

— Превыше богобоязненности любовь.

А потом было названо второе, равноценное любви: тяготение к знанию: оно поможет путь преодолеть к Нему, чем больше знаний, тем ближе к Нему.

И произнесено третье, после любви и знаний, в ряду ценностей, коими должен быть наделён человек, идущий навстречу Богу: душевное состояние, вдохновенное и не суетное служение Ему.

Так бы мирно спорили, называя ипостаси Бога, кто какие вспомнит, девяносто девять имён, но тут кто-то призвал к взаимотерпению, именно Мухаммед сказал:

— Бог не только Терпелив, но и Многотерпелив!

— Быть надлежит терпеливым человеку, а не Богу! — возразил кто-то.

— Чуждо Ему многотерпение! — сказал другой.

Что ещё следует?

— Богу — наказывать и карать, Он быстр в расплате, из твоих уст это слышали, Мухаммед, а нам — терпеливо сносить удары!

— Но есть кораническая строка: Разве не Он устремляет на людей Свою неиссякаемую любовь, или Махабба?

И тут же, точно желая закрепить это в головах правоверных, стал называть все девяносто девять ипостасей, или имён, Бога⁴⁹:

⁴⁹ Выстроены мной в алфавитном порядке.

Благодарный, Благодарительный, Благодарственный, Благословенный, Вездесущий, Великий, Великодушный, Вечный, Взыскующий, Владеющий всем, Возбуждающий раскаяние, Возвышенный, Воздающий за добрые дела, Воинственный, Воспитывающий, Всевидающий, Всевышний, Всезнающий, Всемогущий, Всеслышающий, Всепобеждающий, Всепрощающий, Вычисляющий судьбы, Господин над почестями, Дающий хлеб насущный, форму и власть, Достойный, Единый, Единственный, Живительный, Защищающий, Знающий, Избавитель, Имеющий обо всём попечение, Истинный, Источник всякого существования, Конец всего, Кроткий, Лучезарный, Любящий, Милосердный, Милостивый, Могущественный, Мудрый, Мягкосердный, или Мягкосердный, Наблюдающий, Наделяющий, Наследник, или Наследующий, Наставляющий на путь истинный, Начинаящий всё и всегда (Начало всех начал), Непреходящий, Обладающий всем, Осведомлённый, Открывающий истину, Первый, Побеждающий, Повелевающий, Подающий надежду, веру и любовь, Покровитель, Предшествующий всему, Превосходящий всё, Принимающий молитвы, Приносящий пользу, Пробуждающий, Проницательный, Прочный, Разверзающий, Разумный, Радующий, или Доставляющий радость, Распределяющий все блага, Решающий, Руководящий, Сведущий, Светлый, Святой, Скрытый от всех взоров, Славный, Сладчайший, Следующий за всем, Смиряющий, Совершенный, Создатель всего, Сострадающий, Спасающий, Справедливый, Судящий, Творец, Терпеливый, или Много терпеливый, Убивающий, Украшающий, Управляющий, Уравновешивающий, Формирующий, Хранящий, Чуткий, Щедрый, Щадящий, Ясновидец, — кажется, все девяносто девять, а сотое, сказывают, Аллах. И все запечатлены в Коране, став именами правоверных, как лучшие и самые прекрасные, мужскими, но и подлаженными к женским, и по отдельности, и в сочетании с именем Аллаха, как было в языческую пору и продолжилось по традиции и впоследствии — и Абдулла, раб божий, и Абдурахман, раб милостивого, и Абдулазиз, раб могучего, и вне сочетания: Акрам — щедрый, Рашид, наставляющий, или идущий праведным путем наставник, Энвер — лучезарный, а сколько на «Ф»: и Фазил, достойный, и Фатих, превосходный, и Фатих, побеждающий. Но при этом каждый новорождённый мальчик автоматически получал

имя Мухаммед, могущий иметь и другое дополнительное имя, а девочка — Фатима.

Слушали внимательно, не перебивая, а потом кто-то спросил:

— Но каков он из себя, этот твой Бог, ты так и не сказал нам. Идолов мы можем разглядеть и судить о них, а Бог? Как узреть и представить Его?

Мухаммед и сам порой задавался этим вопросом, а потом, точно по чьей-то подсказке и побледнев, произнёс ясно и внятно, дважды или трижды переводя дыхание, точно избавляясь от какого-то недуга:

— Бог один, не имеет себе равного, слышит и видит. Он есть не тело, не вещь, не величина, не форма, не плоть, не кровь, не душа, не наделён цветом, вкусом, обонянием, осязанием, теплотой, холодом, влажностью, сухостью, длиной, шириной, глубиной, тождеством, различием, движением, покоем, Он ни часть чего-то, ни движение, ни направление, ни право или лево, ни верх, ни низ, ни место, ни пространство, не может быть определён никаким определением, которое приложимо к созданиям, поскольку они сотворённые. Нельзя также сказать, что Он конечен. Он не может быть определён никакой мерой, ни рождён и ни порождён. Глаза не видят Его, взоры не постигают Его. Он невообразим, но видит и слышит. И нет иного вечного, кроме Него, Он нигде, но и везде⁵⁰.

(На основании аятов Корана И. Ю. Крачковский определил Бога так: «...не ест и не пьёт; не рождён и не рождал; у Кого ищут помощь; повелитель, царь; Которого не смущает неповиновение других; стоящий на высшей ступени; к Которому взывают; Который не имеет внутренних частей, компактный»⁵¹.)

Внушить ученикам про четыре порока знания: хвастовство своими знаниями, это раз, убеждённость в собственном превосходстве пред другими учёными людьми, это два, третье — попытка добиться благосклонности влиятельных своими знаниями, а также — спор с глупцом, когда глупеешь сам, пытаешься победить их (и добавил бы, но пока этого не случилось, что я испытал верх глупости, когда набожные невежды прогнали меня, неузнанного, из мечети, и это — четвёртое).

⁵⁰ См.: Керимов Г. М. Шарият. Глава 1: <https://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=498>

⁵¹ <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=5340809>

— О тяжкой миссии твоей наслышаны на Небе, — сказал Иисус Мухаммеду. Ирония? Уловил: — Увы, неистребима мнительность земная!

— Твоя была трудней.

— Иные времена и племена иные мы и вы.

— Ты к избранному Богом шёл народу!

— Но чтоб раскрыться, избран был!

— Сказано, я слышал: и раствориться в племенах живущих.

— И наглухо закрылся, уйдя в себя! И всё ж из первых он уверовал в единственного Бога!

— А мы... у каждого из нас свой идол: обрубок камня, истукан!

— Я возжелал всех приобщить к Отцу Небесному, исполнив Его волю. Но ворошить не станем мы бывшее!

— Твой крест...

— Но каждому нести свой крест! Мой крест тебе не угрожает.

— Спасенье через боль?

— Спросили у несущего свечу: «Откуда свет?» Тот вместо ответа задул свечу и спросил: «Скажи, куда девался свет, и я отвечу, откуда появился». Так что не задавайся праздными вопросами!

А прежде не забыть спросить: отчего в Его пределах ад? Взял на себя грехи людские, чтоб впредь... — а разве грех искореним? но если грех, — земные его думы, — неустрашим, то как избавиться адским мукам?!

— В бесстрашии уметь взирать на грех. Открытым Богу быть. Терпением спасается душа.

— Сколь долог путь к спасению?

— Неизмерим открытый к Богу путь.

— А грешники в аду?

— За них молиться.

— За всех?

— За каждого!

— Но как?

— С любовью. А чтоб любить — душа, уста даны, и руки — врачевать, во всём есть воля Божья.

Но неотвязна мысль: Он знает обо всём! И обо мне! Но отчего ни словом не обмолвился про то, что сына Бога в нём признать мне ох как трудно!

И вдруг сказал ему Иисус: — Я за тебя молился!

— За меня?!

— Твой путь тебе ещё пройти придётся! — И улыбнулся

с горечью. Бледное лицо, суров и озабочен с виду, вдруг засияло: — Пришелец ты, явился и уйдёшь, чтоб жизнь пройти земную, а мы здесь навсегда.

— В том сожаление или отрада?

— Свершить задуманное, от будущих себя сберечь ошибок.

— Вedom я Богом!

— Но выбор за тобой, чтоб каждый раз не начинать сначала.

— След в след?

— Путь свой у каждого, но он тобой ещё не пройден.

— Мне Богом ниспослано!.. — Не возомни, Мухаммед, — прервал себя, — что первый ты!

— ... Я волею Его покинул рано мать и отчий дом оставил.

— Что ж для тебя всего важнее было?

— Зов Отца Небесного!

— И даже...

— Отец Он мой, Отец и ваш, и Бог Он мой, и Бог Он ваш!

— Но...

— Не смеешь досказать? Сомнениями мучим?

— Ты угадал! — прочёл мои Он мысли!

— Когда увидел их, и мать, сестёр и братьев ... — Вдруг вырвалось у Мухаммеда, вскричал:

— О, если б счастье выпало увидеть мать Амину!.. Нет, не понять мне, прости, тебя, то выше разуменья моего!

— Готов я сказанное повторить: «Кто моя мать? Братя и сёстры кто мои?» Указал на учеников Своих. «Ибо, — молвил, — кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать!»

— Ушли ни с чем!.. — И горечь в голосе. — Нет, не пойму! И про умершего отца ученика, отверг его просьбу! «Позволь, — просил он, — отца умершего пойти похоронить, сыновний долг велит!» Ты воспротивился! «Предоставь, — ему сказал, — мёртвым погребать своих мертвецов!»

— Ты можешь следом повторить за мной!

Не уловил Мухаммед: то вопрос или призыв, чтоб повторил за ним.

— Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю. Не мир пришёл Я принести, но меч, ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, а дочь с матерью её, и невестку со свекровью её! Сберёгший душу от Меня потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её. Иго Моё благо, и бремя Моё легко!

— О, если б даже мёртвого увидеть довелось мне отца!

— То притча! — молвил Иисус.

Мухаммед только подумал про сон, как Иисус произнёс в нетерпении:

— Сон?! — Во взгляде нечто вроде изумления, услышалось земное, здесь забытое: — Сны в утешение даются!

— Живым?

— Но кто живее: вы или мы?

Умолк, задумался Мухаммед: Живее вы!

— А сны — игра воображенья! Чувств высвобождение! И, оттолкнувшись от пригорка, летишь, и руки точно крылья.

— Ума подсказка сон! — повторил услышанное от Абу-Бакра.

— А то и упредить беду, когда всерьёз являемся во сне.

— А может, то не сон, а явь?

— Услышать хочешь о себе?

— Но разве, о, славнейший, не волей Бога явлен я?! А может, обуян сомнениями в моём избранничестве?!

— Не смеем сомневаться в том, в чём мы с тобой не властны, то воля Бога и решение Его!

— Но поясни, о, Солнцеликий!

— В сомнении мы оба, ты и я!

— Ты здесь, где все пророки. — Он знает об ином моём сомненье!

— Но первому тебе избыть сомнение, Мухаммед, и тогда... — но что? возможно ль докричаться?! одно лишь молвил — прозвучало вслух или дуновенье мысли?

— Нет, не успеешь!

И эхом прозвучало: Успеешь ли?

Но рассказать успел:

— Я сам в твой сон явился, к трапезе. На скатерти кувшин, точь-в-точь как мой, и линии волнистые на нём.

— Что ж, много званых, мало избранных! А звать кого? Увечных, нищих, тех, кто слеп и хром, зови! Пришли ученики и возлегли. Но те, кто был, меня не понимали. Покинули меня!..

— Ты был другой во сне.

— Светловолос для тех, кто власами светел. Но смуглый я, еврейкою рождённый! И даже посмуглей тебя!

— Мы родственны.

— Но ты, однако, не еврей, как вижу.

— За вами, племенем евреев, мы следом избраны!

— Во власти всё небесного Отца!.. Но каково быть избранным?!

— Но вот я — здесь, перед тобой.

— Всего лишь миг наикратчайший! Я о другом, земных твоих напастьях!

Подумал: нет, не жил Иисус с роднёй, не знал семьи! Ни жён и ни детей! А путы родичей, как сеть для ловли рыб!..

— Эмоции твои земные.

Как им понять друг друга?

— Отвлёкся ты, Мухаммед!

Но рассуждать, не будучи женатым, отменно о женитьбе?

То фарисеи, книжники: не ради знания вопросы, а дабы в спор втянуть:

— То фарисеи, как лицемеры у тебя, искушали, вопрошая: «По всякой ли причине разводиться позволительно мужу со своей женою?» Что, мол, скажу я им, женитьбы не изведав?

«Не ведаете разве про то, как создал Сотворивший мужа и жену? И посему оставит человек отца и мать, прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, они отныне плоть одна — не двое! А что Бог сочетал, человек не разлучает, не смеет узы рвать! Но прежде я спросил у иудеев, из коих сам я: “Что заповедовал вам Моисей?”».

«Не нам, но и тебе! Про то ты знаешь сам — ответь!»

«Скажите вы!»

«Моисей позволил, — фарисей сказал, — писать разводное письмо и разводиться».

Другой ему, книжник, в подмогу: «Да, заповедовал Моисей разводы не чинить ни ей и ни ему, коль вздумали расстаться муж с женою, что скажешь Ты на это?»

«Моисей! По вашему жестокосердию позволил он вам разводиться с жёнами! А ведь сначала было всё иначе! Я говорю вам: “Кто разведётся со своей женой не из-за прелюбодеяния и женится на другой, тот прелюбодействует! И женившийся на разведённой прелюбодействует”».

«Если такова обязанность к жене, то лучше не жениться вовсе!»

«Не всё вмещает услышанное вами слово, — молвил им, — но кому дано — тому жениться, ибо есть скопцы, которые из чрева материнского такими родились, и есть скопцы, которые оскотены людьми, и есть скопцы, которые скопцами сделали самих себя, не ведая о том».

— ...Да, твои жёны! — Иисус вдруг сказал то ли в осуждение, то ли укоряя. — Их столько, что не счесть!

— Одна лишь Сауда! — Но тут же усомнился: одна ли?!

— О да, вдова, явить пример любви и милосердия ко вдовам!

И от увиденного внизу, где твердь земная, ибо уже случилось, устыдился, что сказал неправду: Но ведь и Айша!

— Влечение к девственнице, никогда прежде не испытанное?

— Свадьбы ещё не было!

— Пока в кругах небесных, на земле успел на ней жениться!

Ну да, Мухаммед помнит: ввёл её в дом свой.

Вот он Йасриб, видимый как на ладони, куда он ещё не бежал, но чудо-знания о граде-спасителе, и даже зримы стычки с мекканцами, а то и бесконечные споры с новыми, здешними язычниками, но более — с христианами, а ещё более — с иудеями про пророчество и новоявленную книгу. Айша некоторое время жила — уже будучи его женой — у родителей, в привычной ей среде.

Заставал за игрой в куклы с девочками, и они, увидя его, убегали, но он просил их вернуться, и глядел с умилением, как они разговаривают с куклами... Слышит Айшу, но кому она рассказывает?

Мы приехали в Медину [Йасриб], поселились в ас-Сунхе у бану ал-Харис бин ал-хазрадж. Пришёл посланник Бога... — Мухаммед вошёл в дом, где были гости, много женщин. — Моя мать пришла ко мне, я на качелях качалась с братом меж веток смоквы, мать меня остановила, погладила голову, причёску поправила, дала лицо сполоснуть, повела к дому. Одели меня в нарядную одежду, яркий платок на голову накинули, и я с мамой вошла в другую комнату, где сидел отец, и тут я посланника Бога увидала.

Холодно, Мухаммед подсел к «курси», возвышению, под которым тлели угли, отдавая дому жар.

Посадив меня рядом с посланником, мать сказала: «Вот, доченька, твоя семья, да осенит вас благословением Бог!» Ради этого случая не закололи животное жертвенное, не зарезали овцу. Бин Убада прислал блюдо с простой едой, которую обычно посылал посланнику.

Сауда вышла встречать Айшу, ни огорчения на лице, ни раздражения. Ночью вдруг говорит Мухаммеду:

— Надо девочку готовить.

— К чему? — удивился.

— Стать женой!

— Разве она женой мне послана?

— А кем?!

Мухаммед промолчал. Сауда, кажется, поняла: Айша и жена ему, и не жена, дитя ещё, а для неё как дочь: усадить

на лошадку Сулеймана, только её и принесла в дом Айша — деревянную игрушку любимую, некогда подаренную ей Мухаммедом.

— ... А следом третья жена!

— Четвёртая!

— Тебе виднее!

— После Хадиджи, Сауды и Айши. Хафса её имя.

Дочь Омара, успевшая, как и Сауда, овдоветь, ровесница Фатимы, дочери Мухаммеда. Но Айша рада: их с Хафсой отцы, Омар и Абу-Бакр, спаяны дружбой, к тому ж такая ревность к Сауде!

— На дочерях соратников женитьба... — во имя крепкого союза?

— А разве нет? И прочен договор, когда скреплён узами семейными!

— И выдать дочерей во имя той же крепости? Ругийю — за Османа, Фатиму — за Али?

— О, дочь любимая Ругийя!..

— Горечь смерти?

Уже случилось: знание, почерпнутое здесь, где всё известно, было что и будет! И вырвалось из груди Мухаммеда:

— Как тяжко знание того, что на земле случится!..

— ...Ждёшь новую жену — она уже в могиле.

Прозрение Иисуса... — предупреждение, может? Не слишком ли ты многих женщин захотел спасти, на них женишься? И что тогда любовь?

Любовь, а с нею — смерть, и не разъять. Но как иначе? Прозренья дар и Мухаммедом обрётён, переданный... — но кем? Не Тем ли, Кто пророков ниспосылает к людям?

— Да, и тебе то ведомо, что будет!

— Но лишь в кругах небесных мне открылось!

— И потому пока ты здесь — провидишь?

— Женился на вдове, был славный воин муж, влиятелен и род, с их помощью язычников победил! Умерла — с почестями похоронил!

Прозренья ль дар иль знания, что на небе обрётённо?..

По счету пятая жена — Зейнаб, вдова Убайда ибн Халида, мученика битвы при Бадре. Жениться на вдове, чтоб жизнь её спасти? Она же — дочь Хузема, бедуинского предводителя из племени хилал, — и здесь, как прежде, — брак во имя, как верилось, ратного союза с бедуинами?

Но разве не подмога их победу в Бадре принесла?

И стала Зейнаб четвёртой сестрой, как называли жёны себя.

Ещё не было войн в Бадре и Охуде!

Были! Победа в Бадре, год второй после хиджры! И поход в дымке позора к горе Охуд, третий год хиджры!

— И следом новая женитьба, шестая! И вновь — вдова?

— То был не плоти зов!

— Что б ни было!

— Ты строг, и строг излишне! Разброс родов, вражда племён, и я во имя...

— Уж слышал я о крепости семейных уз!

— Так хочется, чтоб понял ты меня!..

А как похоронили Зейнаб... — всего-то несколько месяцев прожила в замужестве с пророком, но успела заслужить любовь за милость и сострадание к бедным, прозванная «Умм аль-маскаин», «Мать бедных»; совет был, где неизменно Абу-Бакр, Омар, Осман, Али: внести раскол в ряды врагов-мекканцев! жениться на сестре вождя влиятельной мекканской семьи максумов, к тому ж она, Умм-Саляма, вдова двоюродного брата Мухаммеда Абу-Салама.

«Но я слышал, — Мухаммед Абу-Бакру, — что ты сватался к ней!»

«Да, красива и умна... отказала мне!»

«И ты сватался, Омар!»

«И за меня не вышла».

«Думаете, согласится выйти за меня?»

Да, долго раздумывала: «Я уже не молода, — сказала, когда к ней свата послал, дядю своего Аббаса, который в Мекке оставался, с предложением выйти замуж. — К тому ж у меня характер завистливый, не знаю, уживусь ли с другими жёнами в гареме?»

«Зря наговариваешь на себя, — Мухаммед ей. — А если сама понимаешь, что завистлива, то Бог поможет тебе стать лучше».

Для новой жены выстроили отдельный домик, примыкавший к мечети.

— И даже жёны в дар тебе преподнесены!

— Но женщина вольна не согласиться!

— О, горечь изумления земного!.. Ах да — просты разводы!

Бедуины после одного из победоносных сражений Мухаммеда, дабы отплатить ему за щедрость при дележе трофеев, предложили в жёны красивую бедуинку из племени гифар, бану ал-джаун, звали её Асма бинт Каб.

Сняла одежду, Мухаммед увидел на её груди белое пятно: проказа?!

«Уходи к своей семье!» — велел ей.

Предводитель бедуинов, о том проведая, дабы смыть с себя позор, новую привёл к Мухаммеду жену Умра бинт Йезид, из племени тамим (килаб?), но та, когда Мухаммед к ней вошёл, сказала:

«Да защитит меня Бог от тебя!»

«Бог защищает того, кто просит защиты, — уходи к своей семье», — ответил Мухаммед.

И тут спасла честь отца дочь предводителя бедуинов: Умм-Шарик предложила себя в жёны, и Мухаммед принял её.

И расступились облака: мелькнули пред глазами лики двух Зейнаб.

Но разве их не три?

Нет, — хочет возразить, но — самому себе!

И отгоняет мысль.

И не желает думы отягчать в пространстве неба, где пророки: лишь дочь Зейнаб и лишь Зейнаб — покойная жена!

— Но есть ещё Зейнаб! Красавица! Вскорости увидишь — купающейся!

— Искал приёмного я сына, Зейда!

— И в дом к нему пошёл?

— И тут... — умолк Мухаммед.

— Да, знаю, ты смутился.

— Воскликнул, поражённый её красотой: Благословен Бог, такое чудо сотворивший!

Очень давнее, ему брат-ровесник Хамза:

— Ты часто говорил: «Более всего на земле я люблю женщин и ароматы».

Однажды при Абу-Талибе, что «божественны женщины!», вызвав его удивление. Ты смутился и добавил, точно оправдываясь, что полное наслаждение находишь лишь в уединённой молитве.

— Молитва тут ни при чём!

— Сначала Хадиджа, единственная, а после... Твои жёнитбы, не одна, даже не семь! Чем больше жён — тем более почитаем, не так ли? — наступал Хамза.

— Хочешь услышать да или нет?

— Определённость красит мужчину.

— Не с нас пошло. И первые люди Писания полагали подобное. Даже со времён фараона! Мне было довольно одной, ты знаешь.

— На удивление даже той единственной верной жены, недоумевала, ей вторили мекканцы. Впрочем, помню, в присутствии женщин ты оживлялся.

— Не отказываюсь: всю жизнь восхищался совершенством женских тел. Плавные линии плеч! Гладкие руки!

— Про брови не забудь, и губы, углём будто нарисованные.

— Изящество и гибкость стана, мягкий взгляд... — я прав?

— Чтоб женщину постичь?

— Но прежде — незаменимость женщины в семье, в жизни мужчины, и каждая — другая.

— А ревность жён? Неужто утаишь?!

— Ниспослано: великий грех — ревность жён!

— Чуть что — ниспослано?

И правил много, чтоб знала каждая и не терзалась в выборе поступка!

— Жёнам ведомо, и что же?!

— Лишь ревность Айши, юна и несмышлёна.

— Но только ль к Сауде? К умершей даже Хадидже!

Мухаммед, сравнивая жён, часто вспоминал Хадиджу.

Им в назидание!

А Хафса?

Ни слова более!

Не о событии ли речь, вызвавшем толки о сластолюбии пророка?

Хафса застала его как-то с невольницей Марией:

— В моём доме! — возмутилась. — На моей постели!

— Умолкни! — сказал ей Мухаммед.

— Я считала невольниц недостойными тебя!

— Запретна она для меня, не прикоснусь к ней более! — поклялся. — Но и ты никому не говори!

Хафса, однако, не сохранила тайну (легче было держать на языке горячий уголь!), проболталась Айше, и Мухаммед объявил Хафсе, что она ему больше не жена и он разводится с нею.

Омар, узнав, растерялся. Допытывался, в чём провинилась дочь, а узнав, повелел: «Умерь ревность!»

Но, к счастью, обошлось без скандала: накануне Джебраил явился с вестью: Хафса благочестива!

Не смог, то выше сил — оставить Марию, тем более что родила сына.

И назван был в честь праотца Авраама.

Взяв сына на руки, спросил однажды у Айши: Как ду-

маешь, похож он на меня? Айша, резкая в прямоте, ответила: «Не думаю, что похож». Ревнует, подумал. Настойчиво допытывался: Посмотри — даже пальцы на руке, вот он, большой, чуть изогнут, сравни мой и его! И мизинец, как мой, пухлый! А румянец на щеке? «Ну да, — ответила, — у любого, кого кормят козьим молоком, пухлые руки и румяные щёки!» Раздражена, что Марию и сына поят молоком особой козы. А глаза? Взгляд? — не унимался Мухаммед, Айша ответила на сей раз уклончиво, чтобы не расстраивался: «Он ещё мал, может, когда подрастёт, станет на тебя похож».

Счастлив, когда оставался с внуками, которые старше сына: Гасану и Гусейну семь и шесть, Ибрагиму год, последний его год, поочерёдно сажал их себе на спину, изображая то верблюда, то коня.

Вспомнил, как сказал праотец: «Да, сына именем моим наречёшь». Но глянул на Мухаммеда с печалью.

Последыш повторил судьбу сыновей.

Перед тем замешательство было в гареме, когда Мария осталась жить в доме. Фатима негодовала и первой осмелилась упрекнуть отца: «Нарушить клятву! И кто?! Сам Пророк! Посланник Бога!»

Мухаммед переживал клятвоотступничество, пока не явились два откровения: одно до рождения сына, а другое после его смерти:

Для вас установил Бог разрешение ваших клятв, позволив отступление от них, Он — Покровитель ваш, Мудрый и Знающий!

А вот айаты, ниспосланные после смерти сына:

С вас не взыскивает Бог за легкомыслие в пустословных клятвах, но взыщет за преднамеренные клятвы. Искуплением этого — накормить десять бедняков, как если бы кормили свою семью, или одеть их, как своих бы одели, или дать рабу свободу. А кто не найдёт — пост трёх дней кряду. Это — искупление нарушенных ваших клятв, которыми поклялись! Но да охраните прежде и впредь ваши клятвы, дабы соблюсти!

...Нет, не покинул Мухаммед небо Иисуса!

— Умело ты ушёл от главного, — сказал Мухаммеду Иисус.

— Я здесь, Иса!

— О, ревность жён!..

— Но дай совет!

— Какой? Я с женщинами не общался!

— Мне ведомо — и не успел жениться!..

— В глазах твоих... но отчего растерян ты, Мухаммед?!..

— Назвал по имени меня, я рад, Иса!

— Чтoб к имени привыкнуть, — и повторил: Мухаммед. — Но речь веду я о другом: отягощена голова твоя тем, что было, но более — тем, что случится... Но слышишь ли меня, Мухаммед?

— Прости, я вспомнил, как являлся на земле мне ангел Джебраил с призывом, постичь его не в силах.

— Но отчего?

— Смирение внушает человеку Бог.

— То качество пророческое!

— Сумею ль внять, когда преследуем, гоним?

— Вот отчего ты удивлённо брови вскинул, и уж пучок седых волос в твоих бровях заметен, и борода...

— Неужто вся седая?

— Готовишься к войне победной...

— Была ли хоть одна?

— О стольких войнах твоих дошли до нас стенания! И пролитая кровь, её не счесть!

— Но войны и твои!

— Мои?! Их не было, моих!

— Но с именем Твоим! — К услышанному не успев привыкнуть, себе ответил знанием позднейшим: и чёрные кресты на белых одеяньях! за ними — ряд за рядом — иные: на грудях кресты, белое на чёрных одеяньях!

— Да, знаю, — перебил Иисус.

О чём? Что спрашивать, когда Он ведаёт о том, что было, но чему противиться не в силах?

И всё ж сказал Мухаммед:

— Явлением твоим, Иса, пугали мир!

— Как и твоим, Мухаммед! Услышал грохот пик кровавых в день твоего рождения, и небо озарилось адским пламенем! И после, после, после! Всё ведомо на небесах, известно!

— Но воинов ислама встречали с объятиями, ликовали все, куда вступали воины с именем моим! Бизанс, иные земли!

— О да, им мнилось, что несут освобождение от тиранствующих моих приверженцев! Но проходило время, и тираны новые, уже твои... — что говорить о том, как тобой грозили?! Так не зови, не призывай к войне, Мухаммед!

Но слышит ли?.. Речь льётся — не остановить поток:

— И солнца луч играл на латах! И ленты трепыхались многоцветные! И уши глохли от людского рёва: Станем на стезю Святого гроба! Освободим Святую землю от племени поганных, что служат дьявольским силам! И красные, точно окрашенные кровью, кресты матерчатые нашиты на одежды — плечи и спины. Шли с именем Твоим на Иерусалим! Земля течёт там млеком и мёдом, да, обещали воинам молочные реки и берега медовые. Прельщали златом, коего не счесть! Со словами: Слёзы льёт Йерушалайм, о помощи взывая, — шли мусульман громить, сарацинов, которые, разве нет? полагали своё жизненное благополучие в грабежах. Жарили детей, точно ягнят, на огне! Поедали их! Обещали: Кто погибнет за Крест Святой, их не успеет кровь остынуть, как окажутся под сению Бога! Обезумевшие кони, озверевшие люди заполонили все дороги.

— До сей поры не утасает гнев: моих — к Твоим, Твоих — к моим! Но посетишь однажды церковь! И синагогу посетишь!

Было: проходил мимо церкви, такая вдруг тяжесть легла на сердце, что не понят родичами! что преследуем!..

Встал в нерешительности, а потом, глянув на крест, подумал: если это Дом Бога Единственного, то почему бы здесь не помолиться Богу?..

Зашёл, попав из зноя в прохладу, и тотчас прояснились мысли, ушла тяжесть с груди. Молился, взор устремив на самый верх, где купол, молился долго, надеясь: а вдруг услышит Бога?..

Не спеши, Мухаммед! Не переживай, что не понят! Неужто готов с собой покончить, раз не хотят твои уверовать в тебя?!

И больше ни слова!..

Кому б поведать об услышанном?

Была б жива Хадиджа... Варака б непременно сказал: «Да, ты зашёл в Дом Бога, но церковь возведена в честь Иисуса — помог услышать Бога!»

Часто в кругах небесных: не было ещё встреч, женитьб, войн, крови, ничего ещё не было, но... — были! были! были!

Не в силах изменить веков грядущих поступь — ни тот, ни тот, ни тот, но видел ты! отсюда, с Неба Моего, кровь узришь в родном краю!

И льётся кровь в мечети?!!

О, как постарел Осман, любимый зять, не узнал сначала: стоит, прижав к груди книгу, это же Коран!

К стене оттеснили, дальше идти некуда, средь нападающих сын Абу-Бакра! тёзка его, Мухаммед, гневом искажено лицо! злость в глазах!

— Одумайся, сын брата моего! — увещевает его Осман, но тот, как смеет?! хватает Османа за седую бороду! — Увидел бы, — кричит ему Осман, — отец твои поступки!

Выкрики отовсюду:

— Убить!

— Защити меня, Бог, молю Тебя, помоги!

Почему никто не заступится?

Где Али?

Отчего зять не поможет зятю?!

Меч сверкнул над Османом, лишь женщина одна, жена Османа — помнит её имя, Наила, — пытается отразить меч, кровь из отрубленных её пальцев брызнула!

Кровь хлещет из разрезанного горла Османа!

Залит кровью Коран!

Выпал из рук Османа, топчут ногами страницы!

Али! Али! где ж ты?! вот он, брат любимый, зять, отец его внуков! воин! силён, как лев, кроток, как аскет, мягок, как ягнёнок!.. идёт в окружении свиты, все в мечеть устремляются — на пятничную молитву, которую проведёт Али, вождь правоверных, опора и надежда Мухаммеда!

Вдруг Али оставлен один, трое чужих сзади бросаются на него, напавший ударяет по голове кинжалом, стук слышен здесь! и залита тропа, ведущая к мечети, кровью Али!

А уже слышен стон — так плачет внук любимый Гусейн: стонет и беззвучно текут слёзы.

Быть того не может!

Отрубленная голова Гусейна!

От тела отделена, отброшена!

А потом... — траурное шествие, выкрики:

— Шахсей! Вахсей!

Обезумевшие от горя люди бьют себя по спине тяжёлыми цепями:

— Шах Гусейн! Вах Гусейн!

О том, что случится после-после-после и что привиделось на небе Иисуса... — тогда предание, а ныне явь, хотя, казалось, чем можно удивить после кровавых видений Иисуса и Мухаммеда, и прошлое стало будущим.

Умолкли оба: добавить нечего.

А впереди — война.

(Уж позади!)

И войны впереди.

(Уже случились!)

— ...Ещё о них, о войнах рассказать успеешь!

— И горек поражений вкус!

— Но сладок вкус победы!

— Была — прошла!

— Но ведь была!

— И снова поражения!

Собрать воедино, мысль возникнет и исчезнет, погаснет, не повторится: что есть война? что есть мир? Пусть ученики заучивают!

Но когда?

В сей миг!

Не откладывая!

Готовы ль воспринять?

Что война есть пожарище, которое должно потушить!

Что дозволено сражаться лишь с теми, которые сражаются с вами!

Лишь с теми, кто изгоняет вас из ваших домов!

И слышит на небе, как на земле кричат:

— Джихад! Джихад! Разрывается земля: — Джихад! Джихад!

И вслед Мухаммеду... — не разобрать, чей голос: «В реальном... — фраза обезглавлена, но чья голова — не разберёшь, лучше б хвост коня: и, гриву не задев, скользнул кинжал, хвост тугой отрезав. всадник чудом спасся, чтоб пасть на бойне новой. В полном виде фраза отыскалась в тюркских записях Ибн Гасана: «В реальном много тяжести — очистить надобно его».

6. Шестое небо!.. — раздался голос Джебраила. — *А далее, — слышит его Мухаммед, — пойдёшь ты один, то небо седьмое!*

Взору предстал *сияющий свет*, такой камень Мухаммед видел впервые; ясно различим был *Сатурн* (в скобках: *Кей-ван* у персов и *Зохаль* у арабов), покровительствующий небу.

И — бескрайнее пространство, населённое гигантскими существами.

Защищающие Бога ангелы! — услышал Джебраила.

Каждый больше земли, имел семьдесят тысяч голов, каждая голова — семьдесят тысяч ртов, каждый рот — семьдесят тысяч языков, каждый язык изъяснялся на всех семидесяти тысячах наречий, и на всех воспевался Бог.

Неведомая сила перенесла Мухаммеда на дерево, цве-

тушее справа от невидимого престола Бога, ветви широко раскиданы, объемля небосвод.

И ангелы числом более, нежели песчинки пустынь или капли морских вод, веселились под сенью охватного лишь мыслью древа.

Брали из-под корней древа начало пять рек — две протекали в рай, три — на землю: Нил, Евфрат, или Диджла, и Тигр.

Мухаммед ступил в *Дом поклонения*, окружённый мириадами негасимых лампад, где ему предложили... — тотчас возникли перед ним три кубка на выбор: в одном — вино, чья терпкость ощущалась в багровом цвете, в другом — прозрачный мёд, блистающий желтизной, а третий был наполнен молоком, чья белизна светилась, и каждый манил: «Выпей меня!»

Мухаммед, не раздумывая, вмиг осушил кубок с молоком.

Мухаммед уж один.

Он пролетел, нет, был перенесён невидимою силой через пять необъятных пространств, два из которых — пространства света бледного, предутренний, он нежен был, и предвечерний — в нём была тревога.

И мрак глубочайший, вязкий, тотчас обступивший его, и Мухаммед увяз в нём, то ли двигается, то ли недвижим, застыл.

Вдруг... — скорее почувствовал, нежели увидел себя в пространствах, которые описанию словами не поддаются: в одном свет разлит во тьме, но не узришь ничего, в другом — тьма растворена во свете, но ясно видно всё вокруг.

Небесный Храм возник вдаль, и знание, вложенное в него: здесь каждодневно молятся семьдесят тысяч ангелов и уходят, уступая место следующим тысячам ангелов, — сонмище их неисчислимо!

Всевышнего пределы!

Его престол!..

Я тут останусь, — голос Джебраила, — нет мне доступа на Седьмое небо! А ты иди!

Облачко отодвинулось, открыв сверкающий лик солнца, лишь на мгновение затенённого.

А далее... — но Джебраил отставил Мухаммеда раньше, и его заменил Микаил, потом отстал и он, Мухаммеда сопровождал Исафил с громовой трубой, но и ему был заказан путь в те дали, где ждали лишь Пророка.

Страх обуял Мухаммеда: остаться одному! Перед Богом!

И... — неужто Бога лицезрел с небес высоких?

Был лик Его закрыт семижды семидесятью тысячами покрывал, дабы человек вмиг не уничтожился при взгляде на Его чело. Возможно ли такое? Слышать, не видя Его!

Вдруг... — неужто Бога глас?

«Мы дадим прочесть тебе!»

Да, это было! Первая сура!

«И ты не забудешь!» (87/6).

А Моисей? «Я Бога лицезрел!» — сказал он.

И Бог протянул к Мухаммеду... да, это были руки! слегка коснулся его груди, его плеча. И страх сменился неизъяснимым блаженством.

Сокрытые владения Всевышнего!..

Звёзд небо неподвижное — за ним беззвёздный небосклон.

И за нею тоже — тьма, темнее темени.

Я видел!

Услышал чей-то глас, неужто снизу исходил? «Позволь, но сказывают, ангелы-защитники, тьма-тьмушая их было, тебе дорогу преградили, не допустив к Его престолу!»

Но я преодолел!

Так что же, может, ты и Бога лицезрел? — к нему сограждане с вопросом.

Да, слышали, как говорил: «Туманны были очертания Его!»

Он Дух иль Человек?

А может, Нечто Он, и обликом Своим никак непредставим, упрятанный от взоров?

Мухаммеда не покидала дума на земле, но и в пространствах неба, страх в ней и тревога, и нежность, сердечное движение и тайна: так кто ж Иса? сын или не сын?

А разве не было ему, и не раз, ниспослано через Джебраила и внушено: *Бог не рождён и не родил!*

Не в исполнение ли предначертанья Бога? Или поведал Джебраил о том по воле по своей, — мысль снова, как не раз уже случалось, вспыхнула, погаснув.

Но раздалось: *О дерзостная мысль!* И тут же следом: *Как смеешь?! Есть истина, а если есть она...* — неужто слышит Джебраила? Но он ведь не допущен?... — так краток миг, додумать не успеет!

Лишь молвлено:

Вернёшься в Мекку! А там?

Что там?
Нет, не успеет!
Унёс с собой неужто тайну?

*Да, для Меня немало тайн в сотворённом Мной!
Их прежде сколько Я являл — чудес, знамений.
Адам? Что создан он из праха — разве то не чудо?
И Ной.*

— Какое чудо в нём? Сказал он: «Тайна тайн вся жизнь моя!»

Но в тайне Ноя сокрыто естество Ковчега!

— Но понято ли кем?

*И даже Мной не понято! Был явлен Авраам, и Моисей,
и... — разве промолвил Сын? или ослышался? Настроив-
шись на имя, ждал, спешил узнать, чтоб прозвучало имя
Иисуса в Его устах, и по тому, как назовётся имя, так и пос-
тигнется, быть может?*

Спросить как перебить!..

*Однако ж дерзок ты! Но и похвальна дерзость: в ней твёр-
дость, стойкость, чтоб достигнуть цели.*

Дерзостью питаема надежда!..

Потом тебе послал Я откровения Свои.

— Сочли, что одержим нечистым духом!

*Но одержимость — чистый дух, огонь озарения, и в нём сго-
рая, рвёшь на клочья собственную кожу, чтоб тело бренное,
физическую плоть преодолев, к небу вознеслось.*

*А что до чуда... — то были чудеса природы нелюдской:
и волны, и змея, и посох.*

И были чудеса, творимые людьми:

*умерших оживить и бесноватых умиротворить, дух дья-
вольский изгнав.*

Но чудеса изжить сомнения людские не сумели!

— О том, что избран я Тобой, кто знает?

В Храм отдалённейший ступил ты волею Моей — разве
то не чудо?

Все семь небес пройдя, взошёл к престолу Моему — не
чудо?

*Но... — в голосе Его печаль: — Пока ты здесь, проходит...
уж прошла твоя земная жизнь!*

— Кто мне поверит?

*Есть духа чудеса: через тебя Коран явил Я, часть Писа-
ния единого!*

— Возвышенно звучание аятов, величавы суры!

Сурова Книга, отвращает поначалу, но и манит постоянно!

— И зазывает!

Радость удивления!

Спросить: «Твоё ль всё то, что слышал я, иль эхо...» — не отвлекаться!

*И каждый Мною избранный пророк на языке своём родном
распознавал той Книги части, не вся она вам явлена, вся — на
небе хранима!*

Муса! Да, это он путь преградил Мухаммеду по возвращении его с вышних высей, где Божий престол.

— Где и когда расскажешь, а главное, кому? И кем услышан будешь? Вскинь бороду туда, откуда лестница к тебе лишь одному опущена в сей миг!

— Но я...

— Узнал ли, сколькратно правоверному молиться?!

— Узнал, но прежде девяносто девять тысяч слов я произнёс арабских, чтобы узнать: на дню пять сотен раз в молитве возноситься к Богу.

— Ослышался! — От возгласа качнулся купол неба: — Веление сие невыполнимо! Вернись, переспроси! Иначе мир в безделье погрузится! Вернись, переспроси!

И тотчас был Мухаммедом услышан голос: *Пять, не пятьсот!..*

— Сынов Израиля, как ни старался, я не сумел заставить, ждёт и тебя неудача: вернись и упроси, чтоб сбавил!

— Да будет так, как повелел Он!

7. Суметь постичь возникшие виденья.

Возвратный путь? Но нет, ещё не скор он, путь возвратный!

В пути, в пути... — и не остановить.

Вся жизнь — но разве прожита?

Искания, скитания, дороги — но сколь они кратки в сравнении с небесными.

Проникнуть в замысел великий, но каков он, Бога замысел великий?

Адам?

Адама породил Он, начало всех начал, — не помогло!

И Ной, конец начала, но и конца грядущего начало, — нет, не помогло!..

Но помощь в чём, если в начале каждом видится конец?

И явлен Авраам!

А завершение?

Нет завершения — тут новое начало!

Муса?

Но посланный... — ты прав: не помогло!

И чей конец... — не дал договорить, и по губам удар, чтоб столь поспешно не смели изрекать подобное: нет, не конец — начало новой веры!

Иса?!

Направил к вам, чтобы смертию мучительною смерть поправ, вобрал в себя, принял грехи людские, — нет, не помогло!

И чей конец... — снова по губам удар, больно прикусил язык, такое с ним бывало в детстве, когда почувствовал солоноватый привкус крови.

Нет им конца!

Обеим верам?!

Трём, а не обеим, что восходят к Аврааму! И на земле, забытой Мной, на сироту пал выбор!

Вот смысл путей Небесных?

Открытые дороги верам Авраамовым: Моисей, Иисус, но и Мухаммед!

Речь будто не о нём, стоящем здесь, у самого престола, а о неведомом другом, который здесь, но он и там — скрывается, чтоб от сородичей спастись!

И наступила тишина.

Такая, что услышишь шёпот.

Узналось из запечатлённого каламом:

«Он щедр!.. Наищедрейший Он!..»

И в избранность вознёс Он неприметность, явив сюда в круги небесные Мухаммеда живым и чтоб живой на землю возвратился.

Вот почему по кругам неба шествует Мухаммед — затем, чтобы в поток войти единый с племенами — с теми, теми, теми, но и с другими тоже, которые не в тех, не с теми.

Успеет ли?

И громом прогремело, небо расколов:

«Нет, не успеет!»

И он — предвиденья ли отзвук? — увидел все войны свои, все битвы, хотя и не было ещё ни одной!

О, сколько крови пролито! Доколе?!

Неужто нового являть Пророка?!

Стоит Мухаммед у конца лестницы, чьё начало уходит, точно в пропасть, вниз.

Светлеет, но ещё темно, не видно, во что упирается.

Занёс ногу на ступеньку и не успел ступить, как уже на последней: стремительно падал, чувствуя, однако, крепость ступеней.

Холм... — но впечатление, что ещё не земля, повис, невесомый, — вот он, конь его, Бурак!.. Отвязал поводья, освободив от кольца, может, кому ещё пригодится? Воссел в седло...

Я здесь, Мухаммед! — услышал, но не увидел Джебраила.

И уже сбоку — краснеющий краешек солнца, внизу — тьма, и крупная звезда так же ярко светит на слабо розовеющем небе.

Ощущение земли, на которую ступил, сойдя с коня и почувствовав под ногами твердь, было неизъяснимо радостное. Пал на неё, обнял, усеянную травами, — мягка, благоуханна. Поднялся, вздохнул полной грудью.

К дому поспешил: поведать об увиденном на небе!..

Но тревога: где он? Незнакомое место! Кто-то бежит к нему. Вдруг увидел... — это же отец, Абдулла! в рубаше холщовой, черты смутны, идёт домой! Моложе меня нынешнего! Вышла встречать молодая — радостью светятся глаза — мать! Неуверенно ходит.

Будь осторожна, — говорит ей муж, — ты носишь сына!

А потом... в кругу дядёв, собрались у деда, запомнил с детства лица: каждый молод, но выглядит старым.

И нынешний Мухаммед помнит: в нём тогдашнем постоянное смешение дерзости и робости, превосходства подростка над сверстниками и обидчивости сироты, кажется, что невзначай укорят.

Сорвался с места, побежал, старший знал, что младший спешит к пещере, трудно за ним угнаться, вот ручей, и старший подоспел, запыхавшись.

Оба Мухаммеда, и обоим ведом каждый изгиб воды.

Огромный камень всё так же стоит. И его острый край, о который ударился однажды, оцарапав колено.

Берег ручейка песчаный, следы отчётливые верблюдов, конские. Ящерица вынырнула из-за валуна, чья поверхность тепла от жарких лучей солнца, стремглав юркнула, возникла-исчезла живая зелёная нить — в щель. Не та ли тварь, с которой, устав от одиночества однажды, заговорил:

«Ну что, служишь змее, своей покровительнице?»

Ящерица остановилась, повернув голову. Светлый низ шейки задвигался, задышал, глаза удивлённо застыли.

«Яд госпоже своей носишь?»

Вмиг, будто кто проник в её тайну, ящерица исчезла. Помнит, подумал: «То твоя работа, выпало тебе на долю!..»

Пригнулся к речке, воды её были чистые и холодные, с вершины горы стекают, стал пить, и зубы занули.

— Эй, Мухаммед! — голос деда, стоял поодаль.

Вздрогнули оба, тот и этот, каким помнит себя; поначалу, когда окликали, испытывал испуг: спрятаться! не показываться на глаза!.. Из детских потребностей уединиться, забыться, чтоб не искали, стать не видимым никому, а если в доме — спрятаться в нише, где сложены одеяла, но старший — рядом, и ему вдруг тоже захотелось в свой мир уйти.

Прилечь и отдохнуть, закрыв глаза, чтоб меж дрожащим веком и зрачком суметь постичь возникшие виденья.

Узналось многое из пережитого, ибо запечатлел *Калам*.

Каково оно, Мухаммед, прочувствованное тобой?

Да запомнится всем:

Правдивость — сила моя неубывающая.

Знания — меч мой острый, разумность — рукоять меча, терпение — щит мой непробиваемый.

Убеждённость — крепость моя непокорённая.

Самопознание — дом мой просторный.

Благожелательность — капитал мой неистощимый.

Покорность воле Бога — прибыль моя постоянная.

Бедность — гордость моя великая.

Ревность — невежество моё.

Вспыльчивость — унижение моё.

Гордыня — убыль моя... — что-то ещё, но не прочитывается, стёрто временем, а потому это последнее, что зафиксировано или осталось нетронутым, всего-навсего обыденное и рядовое, даже словесный штамп, и произносится, как и вышезаявленное, уже механически, хотя и понятно, как показывает человеческий опыт, немногим живущим.

Слова ярки, но... слова!



IV

НОВОЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ

Ничто не случайно в жизни человека, если к тому же он избран пророком, а тем самым его судьба — как представляется простым смертным, постоянно творящим идолов, — изначально, казалось бы, прочерчена, предопределена и защищена свыше.

Естественно, что Мухаммед, повторяя Божественные ниспослания, обретал знания, просвещался, проходил высшую школу единобожия, постигал через явленное ему пути-дороги, пройденные пророками до него.

А второе знание, обретенное Мухаммедом, — его собственный опыт *земной* жизни, а также *небесной*, когда Бог, о чём сказано в Коране, явил ему знамение, осуществив его чудо-перелёт из Мекки в Иерусалим и встречу с пророками.

Повторение пророческих судеб означало прохождение, что и пережил Мухаммед, через насмешки, неприятия, активное противодействие, угрозы сородичей, или мекканского «большинства», а оно всегда ошибается⁵², ибо нет пророка в своём отечестве: выражение, такая молва, сложилось из сказанного Иисусом и услышанного Мухаммедом по статусу пророка, что «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и в доме своём»⁵³, хотя предполагается, что такого рода высказывания могли звучать и задолго до этого: мир полон загадок.

Всё испытали пророки, даже Адаму, первому, по Корану, пророку, кому, казалось бы, никто не мешал, при-

⁵² В Коране: *Большинство истины не знает* (16/101); *Мерзки деяния большинства* (5/66); *Оно неблагодарно* (2/243); *Ты думаешь, что большинство способно слышать, разумеет? Они ничем не лучше стада, даже больше, чем оно, сбито с толку!* (25/44); *Если последуешь совету большинства, то будешь сбит с пути Бога, ведь большинство следует предположениям всяким, догадки измышляет разные!* (6/116).

⁵³ Мф. 13, 57.

шлось, ибо не устоял перед соблазном, поменять первоначально заданное Богом естество вечной небесной жизни на бытие, ограниченное земными мерками.

Из посланцев Бога смертный удел с последующим воскресением, дабы реализовать второе пришествие, выпал лишь Иисусу, но это — версия христиан, опровергаемая тем же единым Богом в Коране, где утверждается, что Он никак не мог допустить подобного и спас от гибели Иисуса, вознеся живым к Себе на небо, а казни подвергся другой, похожий на него преступник.

Такое представление, разумеется, создаёт некоторые существенные концептуальные противоречия в трактовке важных моментов не только в судьбе Иисуса, но и христианского вероучения в целом, связанных с воскресением, которое немыслимо без распятия.

Мухаммед в позднейших спорах с христианами, основываясь на открытом ему Богом в айатах знании пророческих судеб, а ещё на самолично испытанном опыте встреч с посланцами Бога во время небошества (в которое, естественно, никто не поверил, кроме, кажется, верного друга Абу-Бакра, может, и Али тоже), выставил в качестве миролюбивого довода в пользу Корана мотив спасения Иисуса, приглашая при этом их, как и иудеев, перейти в истинную, а не искажённую людьми веру, каковой является ислам (частое на первых порах единство вопроса-ответа в устах Мухаммеда: «Разве не так? Ведь так!»).

Но есть и существенное различие между предшествующими пророками и Мухаммедом: он при жизни создал прообраз государства, так называемые поздние законоведческие айаты определили частично мусульманское вероучение — шариат. Но это — будущее, к нему Мухаммеду шагать и шагать, а пока враждебная ему Мекка вынуждает к бегству, и оно имело множество смыслов: и реально-бытовой, ибо останешься — убьют, и символический, ибо одно дело — повторять ниспосланное в родном доме, а другое — попав на чужую территорию, реализовать это в действии, на практике.

Предстоит не только войти в непосредственное взаимодействие с людьми, принадлежащими к древним единобожиям, из коих главные — это «ахли-Китаб», то есть «люди Писания», как в Коране названы евреи-иудеи, а также христиане, но и убедить арабские общины, преимущественно — языческие, а также тех, кто принял иудейство или стал христианином, что он — Пророк, кому явлены Божественные айаты.

Бегство имело и смысл, так сказать, испытательный — Мухаммеду впервые в истории пророков отведена была не только пассивная роль повторять проповеди единобожия, хотя именно это — главная миссия, возложенная Богом на него, чем он нам, прежде всего и главным образом, интересен, — донести до нас, пусть и во многом известные по книгам иудеев и христиан, Его идеи-заповеди-призывы-повеления. Короче, Мухаммеду, привязанному к своему веку с его нравами, образом жизни, предстояло быть деятелем, главой, вождём, действовать, и тут не могло не проступить человеческое начало, или, как о том будет, человеческий фактор, то есть поступки в заданных обстоятельствах своего времени с присущими ему жестокостями.

Возникает в трактовках слов и дел пророков постоянная ситуация противоречий, или установок, исключающих одна другую, но вместе с тем двуединых, и первое, что доминирует в представлениях об исламе, что всё фатально, изначально прописано Свыше, случится то, что случилось, или, как сказано в Коране: *Неотвратимое — предопределено; Бог твой знает неопровержимо всех тех, кто сошёл с Его пути, и всех тех, кто идёт Его праведной дорогой! О чём бы ты ни говорил, что бы ни утаивал, всё ведомо Ему — и явное, и сокровенное Он знает* (34/17, 20/7, 44/7).

Но есть в Коране и иное, противоречащее первому, чего как бы не замечают приверженцы фатализма, тут целая цепь аятов:

Если б Бог стал наказывать людей за дела их неправедные, на земле не осталось бы ни единого живого существа. Но до предела, Им определённого, Он всем даёт отсрочку; Да, всё хорошее, что явлено, — от Бога, а за дурное, что случилось, — сам человек ответствен, более никто (77/61, 88/99, 4/79).

Перед Мухаммедом, как реальным человеком и Пророком, ответственным за свои поступки, глашатаем идеи единобожия, что по-арабски обозначается словом «ислам», открыты были, исходя из объективной реальности, три пути, три выбора, три возможности.

Первый путь — это влиться в материнское лоно единобожия, призвав к этому в пророческом качестве не только своих сторонников, но и христиан тоже, вышедших, как известно, из иудейства; такая попытка, если бы и была, не могла, естественно, увенчаться успехом, ибо, о чём Мухаммед услышит сам, приход пророков по книгам иудеев завершён, хотя сказано и про ожидание нового посланника, в данном случае Спасителя-Мессии

(«Христос» означает «Спаситель»), но Иисус, будучи евреем, так сказать, «по матери», не был признан ни в качестве пророка, ни как реформатор; та же участь, продолжу гипотезу, ожидала бы Мухаммеда нееврея; христиане были вынуждены со временем отпочковаться от иудаизма, собраться в новую веру, обозначив её начало летоисчислением от Рождества Христова. Добавлю, что составление христианами в то же время Библии стало, о чём было сказано, текстологической революцией, обозначило две позиции раннего христианства («иудеохристианства»): преемственность или признание источника собственного происхождения («Ветхий, или иудейский, Завет»), а также заложило основу для разрыва с иудаизмом («Новый, христианский Завет»), когда огромная часть иудейского книжного пласта, созданного за многие века до христианства, была концептуально повёрнута в сторону Христа как Богочеловека и Мессии, из-за чего Библия отвергнута иудеями.

Мусульмане повторяют христиан и в связи с текстом Корана, который утверждает его преемственность с книгами иудаизма и христианства, а интерпретации кардинально его искажают, обозначая тем самым не только разрыв ислама с прежними единобожиями, но и включение иудеев и христиан в разряд язычников.

Второе — это возможность параллельного соседства, которое выразилось в формуле: «Одна община — разные веры»; так реально и сложилось поначалу, но идея не реализовалась, начался процесс размежевания нового единобожия с обеими авраамическими верами, завершившийся, как и у христианства с иудаизмом, последующим разрывом и конфронтацией.

А третье сложилось в процессе самой жизни, диктат реальных обстоятельств, стихийно протекающих, что и привело в конечном итоге к созданию в пространстве Мекка — Медина доминирующей мусульманской общины-уммы, прообраза религиозного государства, опирающегося на «людей Корана», или «ахли-Гур'ан» (по образцу «ахли-Китаб», «людей Писания»), к отказу прежним единобожиям в этом статусе.

Тут, естественно, возникает проблема выбора, а он якобы противопоставлен исламу, где всё изначально предопределено Богом и сложилось так, как сложилось.

Это часто в жизни Мухаммеда: он постоянно оберегаем, но и ведом Богом, от Кого исходит руководство к действию,

хотя и сам Мухаммед, дитя времени, употреблял свою собственную индивидуальную волю к действию.

И то и другое, как сказано было выше, заложенное в Коране, сполна реализовалось в двуединой сущности Мухаммеда — и как Пророка, и как человека, действующего в пределах заданных обстоятельств.

1. Чудодейственное спасение — бегство Мухаммеда из языческой Мекки, ставшей ему враждебной, в Йасриб, который вскоре назовётся Мединой, или *Городом Пророка*. Начало хиджры.

Йасрибцы ждут, когда же Мухаммед прибудет к ним, укрепив их позиции (речь об уже принявших его пророчество) в противостоянии с собственными язычниками, но и с иными единобожниками тоже.

И Пророк будет торжественно встречен, о чём сказано во всех его биографиях, естественно, со ссылкой, как принято в истории ислама, на Коран как бесспорное доказательство, что случившееся — несомненно и истинно.

Вот эти ниспосланные Мухаммеду айаты в Коране: «Те, которые утвердились в своём жилище и вере до них, любят выселившихся к ним... Они дают предпочтение пред собой, хотя бы было у них стеснение. Кто обезопасен от скудости самого себя, — те счастливы» (59/9).

«Те, которые...» расшифровывается как йасрибцы, а «в вере до них» подразумевает часть йасрибцев, то есть ансаров, которые уже стали, — посещая Мухаммеда в Мекке, — его приверженцами. А «выселившиеся к ним» — Мухаммед и его сторонники-мекканцы. И что хозяева будут стеснены, ибо не богаты, но для них счастье заботиться о Пророке.

Впрочем, нередко ниспосланное, будучи этическим повелением, призванным сформулировать некоторые важные для людей правила в общении друг с другом (помогать друг другу, быть гостеприимными, делиться, как говорится, с гостем последним и т. д.), не привязано ни к какой конкретике, когда не названы ни «йасрибцы», а тем более «мединцы», какового названия ещё тогда не было, то есть всеобщее суждение-повеление, вопреки оригиналу, конкретизируется интерпретаторами, подразумеваемое вписывается в текст Корана как реальное, что сплошь наблюдается, в частности, в переводах Корана на русский язык, а затем переводится в разряд биографического факта из жиз-

ни Мухаммеда. К примеру, в вышеназванном аяте к словам «те, которые жили до них» приписывается уточняющее «в Медине», чего нет в каноническом тексте, а к «вере» — уточняющее «обратились в веру новую»⁵⁴.

Смысл ниспосланного, что можно распространить почти на все аяты, носит как бы вневременной, «вечный» характер, привязывается к конкретике, и в интерпретации зачастую превалирует и доминирует принцип рассмотрения их в тотальной привязке к тем или иным событиям жизни Мухаммеда, из-за чего приходится договаривать за Бога, переводя всеобщее в разряд конкретики, и божественный текст становится как бы биографическим пособием.

В интерпретации аятов йасрибского (мединского) периода можно заметить ещё одну тенденцию. Дело в том, что на арабском языке, который является языком Корана и он ниспослан семитской семье арабов, «предающийся единому Богу» обозначается словом «муслим», и оно относится также, что чётко прослеживается в мекканских аятах, к иудеям и христианам. Впоследствии, когда Мухаммед входит в непосредственное соприкосновение с ними, слово это утрачивает свой широкий смысл и начинает употребляться суженно, для обозначения новообращённых... — о том ещё будет.

По поводу опоры на Коран для подтверждения того или иного факта из жизни Пророка можно высказать ряд предположений, и все они так или иначе, в большей или меньшей степени задействованы биографами Мухаммеда.

Здесь несколько позиций: то ли Бог констатирует уже случившееся, говорит о явлении постфактум, то ли Бог предсказывает то, что непременно должно случиться, и спешит поведать об этом Своему посланнику, предупредить или успокоить его, свидетельствуя, что жизнь Мухаммеда — в поле Его внимания.

Подобное часто случалось в Мекке в начале его пророчества, когда Мухаммед переживал, что, к примеру, брат его отца, родной его дядя и его жена измывались над ним, и Бог во успокоение ниспосылает Своему пророку всего лишь три аята и даже называет имя его обидчика, это Абу-Лахаб, и оно навеки обозначается в Коране: обоим, мужу и жене, уготована, о чём извещает Бог в Коране, геенна.

⁵⁴ Османов. С. 559. Подобное, когда в тексте Корана всеобщее утилитарно конкретизируется и вписывается в текст (как в случае с названием «Медина»), наблюдается зачастую и в других биографических книгах. См.: Жизнь... Т. 1. С. 319.

Или другой случай, когда Бог, уловив, что пророк в Мекке впал в уныние, даже готов пойти на самоубийство из-за того, что не может убедить мекканцев поверить в истинность Божественных откровений, что они отказываются принять новую веру, упорно желая поклоняться идолам, — являет ему повеления о том, что «нет принуждения в вере», что его миссия, для чего он избран пророком, заключается в том, чтобы повторять ниспосылаемое Им, а как и что случится с теми, кто глумится над ним, грозит ему, то это — Его, Бога, заботы!..

Неужто ты, — говорит Бог Мухаммеду, — готов с собой покончить, раз не хотят уверовать? Лишь только пожелает Он — и выи всех неверующих согнуты перед Ним, — и в доказательство приводит примеры из жизни других пророков.

Авраама: *И сбившимся показан будет ад! И ввергнуты заблудшие в геенну.*

Ноя, кому — об этом в Коране — сородичи пригрозили: *О Ной, и да удержишься от поучений, не то побит камнями будешь!*, и Ной воззвал: *О мой Бог, во лжи я обвинён своим народом! И Бог заявляет: Его и тех, кто с ним в ковчеге, Мы спасли! Потопили остальных! Вот в чём знамение, но многие упорствуют в неверии! Сказали: «Увещеватель ты иль просто говорун — нам всё равно, тобою молвленное — всего лишь древних выдумки, тех, кто прежде был, и кара никакая не грозит нам!» Да, нашего посланника они отвергли и потому Мы погубили их!*

Моисей со своим народом сумел перейти через море, ибо волны разомкнулись, и тем спасся и он, и все, кто был с ним, а над преследуемым их войском фараона волны сомкнулись, и все погибли.

Примеры — и из пророков арабских племён:

Сказал Салих, к народу обратясь: *«Неужто не ведаете страха? Богом явлен я посланцем к вам, удостоенный Его доверия. Побойтесь Бога и прислушайтесь ко мне! Я не прошу у вас за то награды: воистину, вознаграждён я Богом миров!»* Сказали: *«О да, но ты из блаженных, чарами колдовскими опутан! Ты только человек, такой, как мы, а если впрямь посланец, яви тогда знамение!»*

И — возвращение Бога к Мухаммеду:

Воистину, ниспосланное [Коран] — в ряду Писания! Неужто не уверуют [мекканцы] в знамения, о коих ведомо мужам учёным Ибраила? Мы не сгубили никого [никакой народ], прежде не послав к ним увещателей во испытание, чтоб слово Наше донесли им.

И своевольно без причин Мы не тиранили.

Нет, ниспосланное не Сатаной науцаемо, не шайтанами, — то не под силу им, в умении таком не преуспели, и крылья преклони пред теми, кто уверовал, а если кто ослушается, молви: «За деяния ваши не в ответе я!» И уповай на Всемогущего, Всемилосердного, ведь Он — Всеслышащ, Он — Всезнающ!

Случалось, и поэты высмеивали Мухаммеда — часто за то, что выдаёт, де, собственные стихи за божественные откровения.

За Сатаню следуют поэты, они из заблудших! Не видишь, как блуждают по путям-дорогам, уста их молвят то, чему не следуют в деяниях своих, но есть такие, кто уверовал и добродееет, премного поминая Бога, и тем защиту обретают от неправедных притеснителей, — а тот, кто угнетать их вздумал, познает, какой им уготован поворот судьбы! (26/3 и т. д.).

Но Мухаммед ещё в Мекке. Он в западне и ищет со своими спутниками пути спасения от угрозы, нависшей над его жизнью.

И вожди Мекки, противники Мухаммеда, начеку: кругом расставлены засады, ловушки, и соглядатаи есть, чтоб глаз да глаз был за ним. Впрочем, никакой мекканец не потерпит выстоять на дозоре до конца — поглядит разок-другой окрест, да и пойдёт по своим делам, чаще торговым: купить-продать, перехитрив кого, а то походить по базару, авось что перепадёт.

Абу-Бакр предложил план бегства: заплатить бедуинам, чтобы те вызвали стычку со стражей у южных ворот Мекки, они на ночь запирались, дескать, желают немедленно покинуть Мекку, не дожидаясь рассвета. Начнётся свара, и тогда... Так и случилось: оголились близкие к ним западные ворота, и Мухаммеду удалось бежать с Абу-Бакром. Семьи их остались в Мекке: у Абу-Бакра — жена, сын и две дочери (Айша!), а у Мухаммеда — Сауда, третий год жена ему, смирна, послушна, тиха, но холодна, а также дочь Фатима, она по-взрослому серьёзна, но и горяча, вся в мать, такой была незабвенная Хадиджа.

Али остался с ними охранять дом, быть опорой женщинам.

Небо только начало розоветь, когда Мухаммед и Абу-Бакр достигли горы Севр — по другим написаниям Саур — и укрылись в пещере передохнуть после бессонной ночи.

Весть лазутчика запоздала: Абу-Джахл и трое его людей

знали, что Мухаммед находится в доме Абу-Бакра, и вот-вот собирается бежать, и на рассвете ворвались туда, чтобы забрать его. В это время Абдулла, сын Абу-Бакра, прятался на крыше, а дома были лишь Умм-Руман, жена, и дочери Асма и Айша. Абу-Джахл, всплыв, ибо Асма была дерзка с ним, дал ей пощёчину и ушёл, пригрозив скорой расправой. Вслед за ними покинул дом Абдулла, чтобы еду беглецам в пещеру принести, он и сообщил о явлении к ним Абу-Джахла и его угрозе.

Абдулла был неосторожен, мекканцы выследили, куда заторопился сын Абу-Бакра, и направили вооружённых сыщиков к горе Севр. Те, обследовав окрестности, подошли к пещере, где прятались Мухаммед и Абу-Бакр, но поленились заглянуть внутрь, а тем более войти: чуть ли не за ночь, чудо такое! хилое деревце, это была акация, что росла у входа в пещеру, разрослось, разветвилось, к тому же у самого входа в пещеру голубица на ветке успела не только свить гнездо, но и уже высиживала яйца.

Вход в пещеру, тоже из чудес, был укрыт густой паутиной, в центре восседал, точно чудище, большой паук с воинственным взглядом. И ни одна нить паутины не порвана! Ясно, решили воины, что никого в пещере быть не может, невозможно спрятаться, не вспугнув голубицу и не порвав паутину.

Когда лазутчики-стражники шли к пещере, Абу-Бакр хотел выскочить и вступить с ними в бой, но Мухаммед удержал его от безрассудного шага: «Бог с нами! — сказал. — И Он нас защитит».

Это — версия суннитов, зафиксированная не только в хадисах, но и в самом Коране, говорится устами Бога.

Шииты, известно, не питали приязни к сунниту Абу-Бакру, ибо считали его «узурпатором власти», полагая, что первым халифом после смерти Мухаммеда должен был стать Али, который многими узами, прежде всего семейными, почти династическими, связан с Мухаммедом (двоюродный брат, как сына вырастил, женат на Фатиме, отец его внуков); что якобы «неустрашимый» (тут ирония-издёвка) Абу-Бакр при виде стражников с дрожью в голосе прошептал: «Мы погибнем! Их много, а нас только двое!»

«Нет, нас трое!» — ответил Мухаммед.

«Но я вижу только нас с тобой!»

«Третий с нами — это Бог!»

Беглецы прятались тут три дня, а потом осторожно вышли из пещеры, стараясь не потревожить голубицу, и па-

утина словно раздвинулась, чтобы их выпустить, и стали ждать слугу Абу-Бакра, вольноотпущенника Амира бин Фухайра, и он вскоре явился с двумя ездовыми верблюдами для Мухаммеда и Абу-Бакра, привёл и проводника, им был молодой бедуин Абдулла бин Урайкит ад-Дили.

Провожатый чутьём признал, кто здесь главный, а потому решил посадить Мухаммеда на более смиренного верблюда. Мухаммед, поняв его замысел, усмехнулся, заметив, что мирный верблюд у бедуинов редкость, так что зря старается.

— Ну да, — признал тот, — ведь боги создали верблюда из буйного ветра, оттого он кривой и нескладный.

— Но к хвосту верблюда, — заметил Абу-Бакр, — привязали счастье, к ногам — заботы, к бокам — богатство, и на шею что-то, забыл.

— Кривизну судьбы! — придумал Мухаммед, и родилась притча: «Спросили у верблюда: “Отчего у тебя шея кривая?” — “А что у меня прямое?” — ответил верблюд».

Мухаммед, задержав шаг, оглянулся на Мекку.

Абу-Бакр торопил: может настигнуть погоня:

Мухаммед прощался с родным... — родным ли? враждебным городом!

Когда ещё вернётся сюда?

Вдруг вздрогнул, показалось, город будто обрёл дар речи:

«Эй, Мухаммед!» Глянул на Абу-Бакра: ни удивления, ни волнения. Нет, слышал лишь Мухаммед, Джебраил молвит ниспосланное Богом:

«О, сколько поселений, более могущественных, чем твоё, из которого тебя изгнали, Мы разрушили? Никто не смог им помощь оказать!» (47/14).

Неужто, — ком подступил к горлу, немота душила, — участь быть разрушенным уготована и его родному городу?

Мухаммеду будет казаться порой, когда разлука затянется, будто он придумал этот город, в котором родился, и существует лишь в воображении его, населил множеством удивительных людей, любующихся домами божиими, нет, не пристанищем язычников!..

В Мекке — жена Сауда и дочь Фатима; договорились, что переберутся к Абу-Бакру, пусть, де, они с Айшой сдружатся, особенно Фатима. Но разница в летах: Фатиме двенадцать, Айше семь.

«Мы ненадолго расстаёмся», — успокоил Фатиму, а та вдруг:

«Я видела недавно Айшу, в ушах у неё были мамины серьги».

«Мама сама, ты должна помнить, их подарила. Тебе жалко? — Фатима промолчала. — А пока ты с Саудой поживите у них».

И снова неожиданно для Мухаммеда: «Я тогда всё слышала, — сказала Фатима. И тут же: — Ты женишься на ней?» — «Но если слышала...» — Умолк, дав ей выговориться. «Ты не ответил согласием, но и не захотел обидеть Абу-Бакра».

«Умница!.. Я хочу подарить тебе и Айше по паре расшитых узором ремней, одним сами к седлу привяжетесь, чтоб не упасть, а другим прикрепите к седлу верблюда медный кувшин, тётей подаренный тебе, а Айша — деревянную лошадку Соломона, которую, помнишь? — мы ей подарили».

Айша тогда поразила Фатиму находчивостью: «Была, — говорит, — лошадка Соломона, стала лошадкой Билкис!» Так, известно, звали жену Соломона: намёк, что станет женой Мухаммеда? И тут же воссела на лошадь: «Помчусь, — говорит, — с дарами к Соломону».

Долго Мухаммед не сможет забыть... — нет, не всё успел мекканцам сказать!.. Не смог их убедить!.. Перебирает в уме слова, что предназначались им, — как будто песок сквозь пальцы сыплется.

Скажешь — слово полно гнева, не скажешь — горит нутро. Но гневаться — это отдаться власти тьмы, и мудрость затмевается яростью! Ведь у Бога есть для каждого Своё Слово. И Мухаммеду все их надобно постичь.

Уходят в новую жизнь.

Верблюды сидели в ожидании, когда их хозяева взберутся на них, и тогда они встанут в полный свой рост, обозначив высоту нового обзора. Чувствовали спешку, но, спокойные, даже равнодушные, не подавали виду, повернув, однако, свои крупные гордые головы в направлении предстоящего пути. Жар песка, на котором вскоре останутся недолговечные их следы, и пустыня их укроет, утаит, коснулся верблюжьих ступней. Тёплая волна пошла по телу, взбодрив горбы, и они слегка качнулись, полные животительной силы.

Беглецы, дабы запутать следы, сначала отправились по йеменской дороге на юг, и хорошим предзнаменованием светила в ночи «Йеменская Луна» — звезда Сухейль, синоним благородства, затем свернули к Красному морю и лишь оттуда, неподалёку от ал-Усфана, не упуская из виду звезду Сириус, которая светила ярче обычного, точно знала, какие

путники не сводят с неё взгляд, выехали на главный йасрибский путь.

Но не успели на него ступить, как их догнал конный отряд мекканцев под предводительством... — так ли важно, кто был тот страшилище? Верзила, подобный зверю! Лицо, и грудь, и шея, даже рук запястья покрыты были волосами. Густой щетинистой шерстью! И гневом налиты глаза.

Страх... — то был не страх: растерянность!..

И тут... — как много на пути их спасительных чудес!

Был окрик всадника, который вёл отряд, и бич, как меч, в руках его хозяйских! И молвил беглецам: «Что ж покидаете вы ваши божества: и Вадда, и Суву, и Йагуса-льва, и Насра-орла, и Йаука-коня!.. Не под тобой ли тот идол конь? Поистине, с дороги сбили многих ваши идолы, и ты средь них, и суждена вам участь заблуждения», и тотчас услышал Бога, что *ведёт Он тех, кто идёт по пути прямому, а заблудшим — тем, которые с дороги сбились, уготованы убытки!* (7/178).

Неужто сотворён конь твой для погони?

Да, череда чудес продолжалась — конь был тотчас погублен: стал пред верблюдом на дыбы, и навзничь был опрокинут! И пали смертью конь и всадник!.. Отряд в замешательстве повернул назад, и пыль из-под копыт.

Путников и верблюдов, расположившихся отдохнуть у крепостной стены в тени финикового дерева и впервые за долгое время пути насладиться живописными холмами, это местечко Куба, в часе скорой ходьбы от Йасриба, увидела девочка-еврейка. Стояла она на стене крепости, и Абу-Бакр её окликнул, приняв за арабку:

— Эй, ты чья? — Поняла, но не ответила, глядя на незнакомцев испуганно. — Далеко до Йасриба? Не сбились с пути?

Опять не проронив ни слова, девочка скрылась за стеной, но не прошло и минуты, как из ворот поспешил к ним человек, в глазах светилась радость: посыльный от йасрибца Абу Имамэ! Несколько дней дожидается, чтоб сопроводить, как сказал, Пророка.

— Что ж, — заметил Абу-Бакр, — верблюды готовы в дорогу.

— Нет, — возразил Мухаммед, — мы ещё тут поживём.

— Но нас ждут. И верблюды отдохнули.

— Мой, нетрудно заметить, не спешит.

— И тому есть причина? — в вопросе Абу-Бакра слышалось возражение.

— Ничто не беспричинно, ты знаешь, — сказал Мухаммед, но, заметив, что тот намерен настаивать на скорейшем отъезде, молвил: — Мне по нраву твоё стремление не следовать мне слепо, а понять меня.

— Это и тебе на пользу, Мухаммед! — по имени к нему обращался из соратников лишь Абу-Бакр.

Омар величает Мухаммеда, подобно другим приближённым, как установилось с некоторых пор, Учителем, а Осман, зять Мухаммеда, женатый на его дочери, говорит ему: Пророк — именно Осман первым так обратился к Мухаммеду, и его примеру последовали многие. Али... — Мухаммед, это установилось в канун бегства, выстраивает соратников, исходя то ли из их возраста, то ли другого, ведомого лишь ему принципа, в таком порядке, который найдёт отражение, так совпало, в последовательности так называемых «правоверных халифов»: Абу-Бакр, Омар, Осман и Али.

Это часто, особенно после небожества Мухаммеда, и не поддаётся разгадке, ибо надо принять за веру, когда с мига *небесного* ему увиделось *земное*: то, что случится, или скорое будущее, и последующее опрокидывается в современность, становясь уже прошлым.

Так вот, Али обращается к Мухаммеду как ему захочется, очевидно, по праву родства, но, разумеется, сообразно обстоятельствам, — и Братом, когда они одни, и Отцом, особенно как умер подлинный его отец Абу-Талиб, и чаще при Фатиме... — не успела она родиться, как уже определена была ему в жёны, то было намерение Хадиджи. Но случается, Али называет Мухаммеда, как и другие, тоже Учителем, тем более что и впрямь является учеником Пророка.

Помнит Мухаммед, как собрал однажды учеников и заметил, что всех явленных Всевышним пророков чтили, ибо семена знаний посеяны во времена Адама, дали ростки во времена Ноя, расцвели во времена Авраама, развились во времена Моисея, созрели во времена Иисуса... — Умолк, и тут один из учеников спросил:

— А что случилось во времена пророка Мухаммеда?

— Время Мухаммеда только началось, но уже прозревают плоды.

— А дальше что?

— Зреют и созреют, сочные и вкусные! Но... — глупцов

вспомнил из рьяно набожных: как бы не стали они поливать древо знания горьким зельем невежества!

Рассказал ученикам про полную луну, превосходящую свет звёзд, уподобив это знающему в сравнении с незнающим. И тут Али поразил его зрелостью рассуждений:

«Тот, кто не знает, не должен стыдиться учиться, не так ли, Учитель? А если чего-то не понимает, не стыдиться ответить, что “то ведомо Богу!”» — А потом, подумав, добавил: «Знание лучше собственности, ибо знание защищает тебя, тогда как собственность надобно защищать самому, и что, тратя собственность, мы теряем её, тогда как знание от употребления лишь процветает и обогащает обладателя».

Мухаммед дал волю верблюду направить стопы по своему усмотрению, и тот остановился в долине вадии Рануна, край этот назывался Бану-салям.

Облюбовал небольшое возвышение, почти холм над низиной, откуда виднелась уходящая в сторону Йасриба дорога, по которой в обе стороны шли и шли конные и пешие, караваны большие и малые. Именно здесь, на видимом отовсюду месте, где совершал Мухаммед рассветную молитву, взялись соорудить наспех, всего за три дня, нечто вроде молитвенного строения.

«Бог Единый — везде, — заметил Мухаммед, — молиться можно всюду, важно не спутать направление в сторону святого города, где Храмовая гора!»

Напомнить о небошестве? Что молился с другими пророками? О том, очевидно, слышаны от взрослых, сказал лишь:

«Но лучше воздать благодарность Богу в молитвенном доме, и спасибо всем, кто соорудил его, исполнив явленное мне повеление».

Повеление было ниспослано Богом, как всегда, через архангела Джебраила (но почему-то это не зафиксировано в Коране, а если так, то идёт по разряду халисов), что «там, куда придёт гонец из Йасриба с вестью, что меня ждут, а это случилось в Кубе, к тому же верблюд именно здесь опустил на землю, не желая тотчас идти дальше, я должен построить Дом Бога!.. Пусть и не такой, о котором мечтаю, а всего лишь запечатлеть его облик, какой мне открылся при небошестве».

«Я помню, ты говорил нам об этом», — сказал Абу-Бакр, чуть ли не первый, кто сразу и без колебаний поверил в истинность чуда.

«Да, привиделся, когда Бурак мчал меня, скорый, как молния: купол, а рядом минарет, стрелой устремлённый в небо».

Зейд обладал талантом рисовать углём увиденное и, услышав рассказ Мухаммеда, воспроизвёл впоследствии полёт Пророка в сопровождении сонма ангелов, чей лик был закрыт, летающим на коне Бурак, а внизу высилась мечеть с минаретом, сбоку светила луна, и назвал картину «Мирадж», хотя точнее было бы «Исра», ибо изображён перелёт из Мекки в Иерусалим, а не вознесение на семь небес.

Мухаммед участвовал в закладке фундамента.

Как-то, набирая воду из глубокого колодца, чтобы помыть руки, уронил туда кольцо с печаткой, и чёрное дно осветилось. Отсюда проведут подземные трубы, дабы живительная вода пришла в Йасриб.

Когда возвели молитвенный дом, Мухаммед и Абу-Бакр помолились в нём, это была пятница, канун шабата у иудеев, как считывались тогда у арабов дни недели, — вскоре начнут отсчёт с пятницы.

Мухаммед с высокого сиденья в молитвенном доме, сюда вели две ступени, произнёс первую свою проповедь, или хутбу, обращённую к народу.

Да, первая его хутба!

Но разве мекканские его обращения не были хутбой?

Хутба — когда произнесённое принимается, ему внимают, а не сопровождается выкриками неодобрения, как часто случалось в Мекке.

И кто может оградить свой лик от жаркого огня геенны хотя бы половинкой финика — да сделает так!

А не найдёт ничего, да спасётся добрым словом, воздастся за него вознаграждение наипрекраснейшее от десятикратного до семисот раз!

Во все дни пребывания в Мекке Мухаммеда не покидали думы, он просыпался ближе к рассвету и уединялся до полуденного солнца. Как и что будет? Что их ждёт впереди?

Вспомнил: «Ты хочешь знать, — сказал ему Авраам на небе своём, — сколь долог путь к единобожию? Но нуждается ли в совете имеющий чуткий слух, проницательные глаза, рассудительное сердце? Вера укореняется в душе! Да не уподобишься тем, кто искал, но не стяжал. Кружил, но не сыскал. Ткал и обрывал нить. Причёсывал волосы, но растрепал бороду».

«А исчезнет ли когда “почему”? Унесётся ли ветром

“как быть”? Окажется ли погребённой под песками “что делать”?» — спросил Мухаммед у праотца, и тот ответил:

«Твои сомнения и робость похвальны! Однако первое разъедает душу, угнетает разум и притупляет чутьё. Второе ослабляет волю. А третье... Ты не преодолел собственной неуверенности, оттого тебя могут подстеречь новые разочарования и поражения. У тебя острый ум, и ты поймёшь из сказанного мной, какие приверженцы нужны Богу: люди со здравым смыслом, ясным взглядом, верным суждением и просветлённой душой... Если спросят, знаю ли таковых, то затруднюсь с ответом. Может, ты в своё время найдёшь, кого назвать?»

Что ж, отдохнули, набрались сил, и в путь, сменив дорожные одежды, облачившись в белые плащи.

Народ был собран на площади: Куба провожала их в Йасриб, куда и направились в сопровождении прибывшего оттуда конного отряда.

Оглянулся Мухаммед, покидая Кубу, на крепостную стену, и взгляд его пал на ту юную еврейку, которая первой их заметила. Он замечал её, неотрывно следящую за ним, и когда уединялся на холме, и когда участвовал в постройке мечети — в её взгляде, остром и жарком, были детское лукавство, девичье любопытство, искорка женского испуга.

Свернув к виднеющемуся поодаль оазису, верблюд, которому доверился Мухаммед, вывел к поселению бану-наджар, родственникам хашимитов по женской линии; здесь закладывается новый молитвенный дом, мечеть.

На подступах к городу Йасрибу предводитель отряда, дабы придать их шествию торжественность, выразил желание, чтобы Мухаммед входил в город со знаменем.

— Но где его взять? — спросил Абу-Бакр. Тот развернул свою зелёную чалму и прикрепил её к острию копья:

— Вот оно!.. — сказал, понеся, как знамя, впереди шествия, и зелёный цвет чалмы стал впоследствии цветом флага приверженцев Мухаммеда.

2. Поступь первого года хиджры: побег из мекканского заточения в открытый всем ветрам город, радости и печали, надежды и горести, но прежде о том, что Мухаммеда тут ждали.

Йасриб открылся пальмовыми рощами и опрятными домами.

Как только прошли первые конники и йасрибцы увидели верблюдов, все ринулись к ним, точнее — к Абу-Бакру, приняв его за Мухаммеда, с возгласом: «Вот он, Пророк!»

Но тут выскочил из толпы седельник: «Стойте! — преградил бегущим дорогу. — Пророк не он!»

И правда: Абу-Бакр приподнял пальмовую ветвь, которая от солнца прикрывала голову Мухаммеда, и сказал: «Вот он, Пророк!»

— О, посланник, узнаёшь ли меня? — спросил у него седельник.

— Узнаю, ты был первым йасрибцем, который явился ко мне в Мекке!

— О, посланник, ты сказал тогда: возвращайся к своей семье, а когда услышишь, что я победил, приходи ко мне. И вот я пришёл!

Мухаммед вздохнул:

— Я всего лишь спасся от земляков, которые хотели меня убить, и нашёл прибежище у вас в Йасрибе, так что встретимся, когда услышишь, что я действительно победил!

И снова, как в Кубе, Мухаммед заметил: «Исполню волю Бога: на клочке земли, давшей пристанище, построю Его дом!»

И чтобы мечеть не была похожа — это твёрдое решение Мухаммеда, не отступится от намерения — на шестигранную Каабу, ставшую пристанищем идолов. И чтоб на синагогу не походила! На церковь тоже.

Новой вере — новый Дом.

И быть мечети сооружением простым, не отвлекать изображениями, за исключением коранических букв.

Но быть вместилищем, как синагога и церковь, чтоб могли прийти все, даже не муслимы, но каждый — с добрыми намерениями.

И чтобы почитались в мечети мирные беседы, размышления о славном и дурном, смысле жизни, а не воинственные призывы, возбуждающие собравшихся на непотребные действия.

Уподобил Мухаммед совместную молитву «ожерелью, где каждая жемчужина самоценна, но, собранные вместе, создают гармонию порядка и красоты».

И всем, кто намерен переступить порог, снять обувь, не мешать никому, кто уже явился сюда и, уединившись, погружён в молитву.

И здесь построена была мечеть — там, где опустился

верблюдов Мухаммеда, и он сошёл на открытую площадь в Йасрибе: на клочке земли, выкупленной впоследствии общиной, началось возведение первой здесь мечети, названной «Мечетью Пророка», из обожжённой глины с земляным полом, опоры воздвигли из стволов пальм, а крышей стали пальмовые ветви.

Фасадом мечеть смотрела на Иерусалим, и ось михраба, или ниши в стене, обрамлённая камнем, показывала кыблу — направление молитвы, и оно, обращённое к северу, оставалось традиционно прежним, как и в языческой Каабе: в сторону Храмовой горы.

В мечети было три входа: западный, «Врата милосердия», южный, «Врата Джебраила», специально для Мухаммеда, и восточный... Минбара ещё не было, он появится позже, как и новое направление молитвы у южных ворот — в сторону Мекки, что случится во второй год переселения, после захвата города войском Мухаммеда, и за мечетью закрепится название: «Мечеть двух кыбл».

Рядом с мечетью вскоре выстроится и жилище для Мухаммеда, и он покинет гостеприимный дом ансара Абу-Эюба, где обитал по прибытии в Йасриб и жил поначалу на первом этаже их двухэтажного дома, но потом жена хозяйина настояла, чтобы гость поселился на втором этаже: «им с мужем неудобно, что они ходят над головой Пророка».

В новом доме, выстроенном ансарами и мухаджирами, будут специальные комнаты для жён Мухаммеда; их уже две: давняя, Сауда, и недавняя, Айша, но Мухаммеду кажется, что она с ним давно; впоследствии пристроят к дому ещё комнаты для новых его жён, их будет, так принято, немало.

Первое, что сказал Мухаммед в выстроенной йасрибцами мечети собравшимся, опершись о пальмовый столб и почувствовав, как скажет потом, живое тепло дерева, были слова о милосердии: «Да восторжествует, — молвил он в мечети, лицо освещала пальмовая лучина, — милосердие Божие к своим созданиям, и созданий Его — к Создателю их. И запомните: нет ничего на свете важнее и сильнее милосердия».

Есть иная версия первой молитвы, очевидно — часть её: «Кто навестит больного — навестит Бога. Помянет родителей — помянет Бога. Накормит сироту — накормит Бога».

Сказывают, что Мухаммед вдруг услышал стон покинутого им ствола пальмы, на который опирался, и, дабы утешить, предоставил на выбор: быть перенесённым в сад,

чтобы там зацвести, или, после того как иссохнет, как подпорка, попасть в рай и обжить там, снабжая сочными плодами истинно верующих. Пальма, говорят, выбрала второе, став на какое-то время подпоркой для минбара-кафедры, которую вскоре воздвигли, чтобы Пророка могли видеть все, кто пришёл молиться.

И снова вернулся к сказанному о милосердии, снабдив рассказ притчей:

«...Сотворив горы, Бог воздвигнул их на груди земли, чтоб не колебалась и не дрожала».

«Но есть ли что крепче гор?» — спросили у Бога ангелы.

«Железо крепче, — ответил Он, — ибо разбивает горы».

«А есть ли что сильнее железа?» — спросили.

«Огонь, ибо расплавляет железо!»

«А что сильнее огня?»

«Вода, ибо гасит огонь».

«А сильнее воды?»

«Ветер, ибо движет водами».

«А сильнее ветра что?»

«Милосердный человек».

«Но что — милосердие?» — вопрошали ангелы.

«Улыбка брату — но да не узрят её, возгордившись, твои очи!

Доброе слово нуждающемуся в нём — но да не услышат его, возгордившись, твои уши.

Рука, указывающая дорогу заблудшему.

Помогающая слепцу.

Очищающая от камней и терний дорогу.

Подająca милостыню... — но да не знает левая его рука, сколько тратит правая».

— ...Отныне, — сказал Мухаммед, совершив молитву, — у нас две святыни: Эль-Кудс и Йасриб, где Дом Бога.

— Три! — поправил Абу-Бакр.

— Какая третья? — удивился, хотя понял, к чему клонит Абу-Бакр.

— Мекка!

— Но Кааба ныне не угодна Богу!

— Не о Каабе речь. О Мекке, где родился Пророк!

— И каждый прожитый им день — о себе в третьем лице?! — был хуже предыдущего? — Абу-Бакр промолчал, и Мухаммед продолжил: — Говоришь о Мекке, забыв, что она изгнала Пророка!

— ...Не ты первый, не ты последний!

— Прости, но иногда меня одолевают сомнения.

— Отбрось их! Я видел при небошестве и ад, и рай! И скажу тебе, признаюсь, что видел там не только людей!

— Неужто и зверей?

— И даже птиц в раю, не отличишь от земных! А в аду ничто не похоже на земное, лишь уродища, напоминающие, что некогда они были земными существами!

— Кому ж в раю дан приют?

— Ослице!

— С неё начнёшь?

— Да, белая ослица, на которой въезжал пророк Иисус в город [Иерусалим]. Даже волк в раю!

— И ладит с ослицей?

— Но волк особенный, кому велел однажды: «Ты у богатого хватай овцу, у бедного овцу не трогай!»

Верный пёс там, семь снов проспал с хозяином и не оставил одного!

И голубь Ноя, который улетел с ковчега и вскоре с пальмовою ветвью в клюве к Ное воротился, и так узнали, что близка земля.

И овен в раю, кого наш праотец в жертву Богу принёс вместо сына.

И птица дивная Худ-Худ (о ком мне было откровение явлено, ты помнишь) — угод-красавец, и шлем из перьев на головке, который летал с вестями, — к царице Савской Билкис от Соломона и к Соломону от Билкис.

— А разве не Симураг?

— Та царственная птица давно свила гнездо в ветвях Древа райского!

— А кот, которого любил ты гладить?

— Не кот, а кошечка Абу-Хурайры!

— Ну да, тот неизменно приходил на Совет старейшин со своей любимой кошкой, и она, никого не признавая, вспрыгивала тебе на колени... Так что же, и она в раю?

— Ты угадал, хоть ирония в голосе твоём и недоверчивый взгляд твой: ту кошечку я увидал в раю!

— И даже твой верблюд?

— Но жив он, мой верблюд, вот голову к нам повернул, слышав своё имя, и взгляд его недоумения полон!.. Я знаю, будет там и мой верблюд!

— Прости меня за мои сомнения!

И явлено было Богом Мухаммеду в первый год переселения в Йасриб⁵⁵ о близости *мухаджиров*, то есть тех, кто

⁵⁵ В Коране лишь раз упоминается Йасриб, в суре «Сонмы», 33/13.

выселен из Мекки, и ансаров, тех, кто дал убежище и помог: *Эти близки друг другу. И для них обязательством — прощение и щедрый удел. Сказано о тех, кто уверовал, но не выселился: нет к ним близости, пока не выселятся. А если попросят помощи в вере — не откажите им, если только ваша помощь не против тех, с которыми у вас есть договор.*

О тех, кто не уверовал и преследует, — от них смута и великая порча.

Но будут и те, кто уверует потом и выселится, борясь вместе с вами; они — из вас: поистине, Бог обо всём сведущ!

...Абу-Бакр, став халифом, ничего не стал добавлять, пристраивать к той первой мечети. Омар, следующий за ним халиф, пристроил к ней новое здание, использовав необожжённые кирпичи и голые пальмовые ветви, обновил деревянные столбы. Третий халиф Осман значительно расширил мечеть, возведя стены из камней, украшенных узорами, то была вязь арабских букв, поставили колонны каменные, а крышу покрыли тиком. И тут кто-то зашёл в мечеть, вооружённый луком и стрелами. Осман, вспомнив, как однажды Мухаммед остановил у входа в мечеть лучника, повелев тому прикрыть плащом острия стрел, дабы не поранить кого ненароком.

Первый год хиджры — богатый многими событиями; в один из дней Мухаммед учредил *азан* — призыв на молитву, и первым *азанчи* стал Билал, у кого был сильный, мягкий и сочный голос. Читая на память суры Корана, он их как бы выпевал, и создавалась удивительная неземная мелодия, точно льющаяся с небес или возвышающая до них душу, сердце, всё существо верующего, который внимает божественным аятам.

А прежде вспомнил Мухаммед, как в кругах неба Моисей похвалил его, предвидя, что непременно случится, и тем — подсказал: «Об азане, — говорит Мухаммед йасрибцам, — я впервые услышал именно там, когда Моисей сказал мне: Ты замечательно придумал, как народ собрать на молитву, мной избран был трубный глас, а ты доверился голосу человека!...»

Омар, кстати, предлагал Мухаммеду последовать при-

Считается, что к концу первого года переселения-хиджры Мухаммеда город всё чаще стали называть Мединой, «Городом пророка» (Османов. С. 747).

меру иудеев, созывающих людей на молитву, но какой араб возьмётся играть на трубе?

Осман предложил сзывать людей струнным инструментом, это рубаб, ласкающий слух. «Но зов струн, — возразил Мухаммед, — знак чувственности!»

Абу-Бакр советовал звонить в колокол: наполнен, де, небом его звон. «Но разве колокол, — слышал Мухаммед от деда, — как и бубенцы на шее верблюда, не свирели шайтана?»

«Зажжём факел!» — сказал Али.

«Но разве увидишь огонь, — сказал Мухаммед, — при свете солнца? К тому же знак огнепоклонников!» И тут вспомнил, как Моисей ему: «Тёплый голос, дыханием человеческим согретый, сзывает на молитву!»

Контурсы размежевания общин в первый год: с чего началось, продолжилось и тянется по сей день, ибо, наряду с твёрдыми в вере, — тем более единобожие новое, и оно стремится занять место в ряду других вер единобожия, и несметное число языческих общин от враждебных, и война с ними продолжается, — и равнодушные, или, говоря иначе, наряду с преданными Мухаммеду верующими есть и маловеры и лицемеры, у которых на словах одно, а на деле смесь зависти, злобы... — короче, было и есть.

И путаница в годах хиджры... отчего, нет не паника, что нечто важное может забыться, а элегическое настроение, что йасрибцы, как и беглецы из Мекки, увлечённые *земным*, забыли о *небесном*, и это часто повторяется, и светлое сочетается с тёмным, обрывки записей, когда пустыня сменяется оазисом отдохновения, и снова в путь, и снова приходишь к оазису, казалось бы, новому, а это — вроде земных кругов, повторяющих, или копирующих, казалось бы, небесные, но *те* нескончаемые и непостижимые, к которым посчастливилось прикоснуться при небошестве лишь на миг, а *эти* — конечные и не всегда ясные в намерениях и действиях: стремишься к благому, а выходит недоброе.

Да, оазисы в пустыне: посетил, сбросил с себя усталость и двинулся дальше, а то и решил воротиться с полдороги, поняв, что упрёшься в непроходимые дебри. Короче: ты торопишь годы, а годы торопят тебя.

Кажется, что живёшь, вот он, день, и кожей чувствуешь сухость воздуха, нутро горит, и пьёшь прохладное верблюжье молоко, а уже лишь помнишь о его вкусе, утоляющем жажду. А то и вовсе жизнь прожита, — путаешь, где прежде побывал, а где — позже. И где — никогда, но кажется — был.

Одни надежды.

Но в видимости зримы наблюдения, и ты здесь, и не кажется, а точно известно: был! И даже пальма, чей ранен ствол, будто мечом кто по нему ударил, в памяти запечатлелась.

Мухаммед помнит, слышал, говорили о нём, и не поймёшь, друг или недруг, рад или печалится, а то отчаивается и строит козни, что «прибыл гостем — стал хозяином», могущий быть истолкован с выпячиванием его смысловых плюсов или оттенением его минусов, смотря по тому, сколь зорок и далековидящ взгляд.

Братание гостей, они мухаджиры, или переселенцы, с ансарами, или помощниками Мухаммеда, которые — хозяева в своём доме.

«Не трогать, — ещё в Мекке уговор был с йасрибцами, — нашу богиню Мануту!»

Частое имя было, Мухаммед помнит смутно, в устах матери его, когда искала защиты именно у Мануту. К тому же йасрибцы знали, родственными узами связанные с Хадиджой, что и она благоволила к богине.

Сказано было: «Высока значимость нашей, ауситов и хазраджитов, праматери богини!»

Но одно дело — богиня Мануту в Каабе, где *свои* идолопоклонники, а другое — когда, хоть они с тобой, но — *чужие*.

И не следует ли, коль нет, объявлено, принуждения ни в чём, даже в вере, быть помягче и терпимей?

Соединены мечеть и дом посланца Бога — большая, многолюдная семья, как и подобает знатному арабу, коим Мухаммед стал, имеющий к тому же или благодаря этому — истинно шайтанья вредность, — сан Пророка.

Но есть правда, которую не перечеркнёшь: переселились в Йасриб дочери, Ругийя с мужем Османом и Зейнаб — нет, муж её не отпустил, велел передать: «Не изменю никогда богам Каабы!»

И ученики, которые запоминают ниспосланное Богом и проповеди Мухаммеда, телохранители, слуги.

Прибыли в сопровождении Зейда дочь Мухаммеда Фатима и жена Сауда. И Али, отправив их, ещё некоторое время пребывал в Мекке, неведомо на что рассчитывая, — рассказывают, что его долго не покидала надежда, что родичи, а ведь не чужие им, племя своё, хашимиты, та же кровь течёт в их жилах, передумают мстить им!.. Но, поняв, что подвергает себя риску быть убитым, бежал, не до-

жидаясь, когда снова придут за ним, — прятаться уже негде и не у кого.

И Зейд рассказал... — спеша, скороговоркой, — нет чтобы ему сначала подготовить Мухаммеда, а уже потом сообщить: что не успели они оставить дом Хадиджи, их с Мухаммедом дом!.. как подвергся разрушению. Разграбили, что внутри, растащили, кто что мог, — балки, двери, окна, — и всё это Зейд говорил в одно дыхание. И сожгли записи Хадиджи, сложенные в шкатулке, — ничего не осталось от всего того, что многие годы она собирала. Унесли даже ковёр с сотканной на нём газелью...

И Мухаммед произнёс: «Нити расплзлись, и газель обезглавлена».

Зейд долго не мог понять смысла услышанного, хотя ясно, что речь о реальном коврике, сотканном и подаренном Мухаммеду сестрой двоюродной, у неё он, о чём было, прятался от недругов-мекканцев и оттуда совершил чудодейственные перелёт и небошество, исра и мерадж.

Мухаммед часто стелил коврик под себя на горе Харра. Но есть и некий *аллегорический* смысл: дескать, нити, или клубок прежних намерений размотался, его уже не собрать, а газель — некая идеальная мысль, которая, будучи обезглавлена, тотчас обессмыслилась.

Неостановимое трагическое обстоятельство (*обезглавленная газель!*), связанное с разнослышимостью того, что ниспосылается Мухаммеду: что говорил он и как его слышат и понимают другие порой настолько расходились, что оказывались в противоречии с явленным, и божественное убеждающее *Слово* заменялось покоряющим *Мечом*.

Мухаммед замкнулся, никого не желает видеть, такое случилось в первый год хиджры, но и повторилось дважды, о чём будет: печаль во всём его облике от переживаний, которые копились ещё в Мекке, но и в Йасрибе их было немало, когда хотелось одного, а получалось от непонимания окружающих, от козней недругов другое. А может, подавленность духа была связана с осенним разлитием желчи?

На арбах, запряжённых ослами и быками, завозились камни, глина месилась, работали без шума, чтобы не беспокоить Пророка: обрастала мечеть новыми пристройками из необожжённого кирпича, простого по форме, ширился двор, и он уже может вместить множество молящихся.

Комнаты Мухаммеда, примыкающие к мечети, были крохотные, с глухими наружными стенами: для семей дочерей, точнее — Ругийи с Османом, а также для Зейнаб и

Фатимы, когда они выйдут замуж: первая — вторично, вторая — за Али (и родит двоих сыновей — внуков Мухаммеда, Гасана и Гусейна); для каждой из жён Мухаммеда: Сауды и Айши, — но Айша ещё не жена! — для родных, родственников и близких, рабов; кто-то из них — ещё и телохранитель Мухаммеда, впрочем, оберегает его каждый, кто рядом; пристанища и для тех, кто на день ли, на неделю ли прибыл сюда издалека, чтобы лицезреть и послушать Пророка.

И нетерпение ожидания, будто оно живое существо, но когда это было?.. Не важно, если было!.. Столько их, Зейнаб, одна красивее другой, но самая красивая — Зейнаб, жена приёмного сына Зейда, молодой семье отвели в дальнем углу пристройки келью.

«Красивая у меня дочь», — говорил о ней, отдавая в жёны Зейду, отец, знатный мекканец Джахш (Зейнаб её первое имя, а второе — Умм-ал-Хакам, или Мать Хакама, которым одарил её отец в надежде, что родит сына и назовет именем их прародителя, Хакамом, но мечта не сбудется). А ещё говорил отец, наставляя зятя: «Прячь от посторонних глаз, чтоб не сглазили!» Даже советовал дочери пришить к подолу платья амулет от сглаза: зуб лисицы или кошки, а надёжнее всего — пятку зайца (де, «шайтаны страшатся на них ездить»).

Для Айши, когда сыграют свадьбу, выстроят новую комнату. У Мухаммеда будут жёны: старшая Сауда и младшая Айша... — но это случится не скоро! А слухи недругов, что, де, не успела десятилетняя Айша прибыть к отцу в Йасриб, как Мухаммед «вступил с ребёнком, — так и говорили, — в брачные отношения». Не устоял, мол, против соблазна. Дескать, в Мухаммеде, давно прожившем мусульманский век, равный, известно, тридцати шести годам (плюс год в утробе, итого: тридцать семь), «проснулась чувственность», долго сдерживаемая браком с Хадиджой, которая была стара. К тому же Айша была девственницей. Влечение к юной Айше, никогда прежде не испытанное. Как в первый раз, когда вдвоём остались, и он дотронулся до неё. Но спешить нельзя. Постепенно приучать к себе. Учить её — любить. Не вспугнуть резким движением. И забыть, что Пророк — такой, как все.

Имелась якобы в виду женитьба Мухаммеда на молодой Сауде, хотя молодость тут — относительная; но, видимо, впоследствии суждение о ней перенесли на Айшу. Но Сауда — всё же зрелая женщина, а Айша — дитя!

Мухаммед запасётся терпением: когда Айше исполнит-

ся двенадцать, возраст, когда девица созревает, можно выдать замуж, сыграют свадьбу.

Молодость, обгоняющая старость?

Тут же восклицание: «Пусть посмеет кто кинуть камень!»

А к возгласу (фраза эта — из книги иудеев, с коими Мухаммед вступил именно тут, в Йасрибе, в прямое соприкосновение) добавлено пояснение: «Кто б удержался?»

Имеется в виду, очевидно, один из соблазнов, уготованных человеку, если даже он пророк. А в чём соблазн — очевидно, раскроется, если угодно будет Богу, потом, а пока — молчок, но дозволено лишь молвить, произнеся в одно дыхание: и бросил якорь, будто придумано каким мореходом, для которого Йасриб — надёжная гавань, и надо жить, коль скоро плывущий корабль новой веры, прежде чем пуститься в большое плавание по морям, укрылся в тихой бухте. И клич: «Пусть те, кто хочет обрести истинную веру, следуют в Йасриб, где поселился явленный миру новый Пророк».

И тень от пальм, сады граната, финики и смоква, а поодаль холодный бьёт источник.

Вера верой, а купечество — дело, которому отданы и энергия, и время, и талант: Абу-Бакр продолжил торговлю шерстью и одеждой. Осман торгует финиками, не обойтись без посредников, а это — главным образом иудеи.

Мухаммед прост и бережлив, не приемлет роскоши: прослышали, отверг совет Абу-Бакра выходить к людям в расшитой золотыми нитями одежде, предложена в дар, обязывает, де, сан. «Мне моя лёгкая рубашка дорога, — сказал. — Не забывайте, что бедные раньше богатых попадут в рай!»

Вышел Мухаммед к прибывшим на встречу с ним представителям йасрибских христиан и иудеев, кайнукиты, надириты и курайзиты, здесь их общины, и заключён был с ними союз Согласия и Помощи друг другу в торговых делах. А также передать мекканцам, что не питает к ним вражды, ни на что не претендует, кроме приверженности к новой вере: «Рано или поздно правоту мою поймёте, и я вернусь в Мекку!»

Угроз не боится.

Но если родичи вздумают перекрывать им торговые пути, Мухаммед с йасрибцами-ансарами упредят их козни.

Не Бог ли обратился с милостью к йасрибцам? И был Он доволен, что поверили в Его пророка!..

Да, одна община, но разные религии — неужто возможно такое?!

Главным базаром в Йасрибе владели иудеи из племени кайнука, и они обязали мухаджиров платить дань за право торговли.

«Земля для всех, незаконная нажива!» — возмутились мухаджиры, объявив рынок беспопышным. Но вождь другого племени иудеев, бану-надир, очевидно, по наущению племени иудеев бану-кайнука подрезал верёвки, на которых держался шатёр мухаджиров, и тот рухнул.

Думать лишь о себе, надеясь спастись за высокими стенами жилищ? Мухаммед, ответственный за мухаджиров, сдержал гнев, выбрал другое место во владениях бану-саида, где вскоре установился главный базар Йасриба.

Но не пора ли во имя мира закрепить устные договорённости, заключив письменное соглашение между обитающими здесь иудеями, христианами и язычниками, а также новопришельцами, у них немало сторонников здесь, и эта общность — «муслимы», или верующие в единого Бога.

Мухаммед предложил новые принципы общинной жизни, и выстроились условия договора:

сохранить прежние обязательства родов и племён, но при условии солидарности всех йасрибцев против общих врагов;

не ущемлять авторитет вождей племён и родов;

личная ответственность преступника, и он лишается поддержки рода, и тем самым ставится преграда борьбе родов: прежде, кто совершал преступление, прав он или нет, непременно находился под защитой рода.

«Это есть письменное соглашение, или “Китаб Мухаммеда”, между верующими мусульманами-курайшами и жителями Йасриба или с теми, кто следует за ними, присоединяется к ним, живёт вместе с ними одними правилами, сражается вместе с ними за веру.

Соглашение о том, что они — одна община, или умма; что мухаджиры из курайшей остаются, как есть, они раскладывают меж собой прежние виры, или дань, и своих пленных выкупают как подобает, и равно делят между верующими...»

Племена, племена... — хазраджиты большей частью мусульмане, или *бану ан-набит*, новоприбывшие мухаджиры, тоже мусульмане, роды еврейские ауф, бану аус, или ауситы, джушам, кайнука, надир, курайза, занимающие центральное поселение в оазисе при слиянии вадии Рануна,

Батхан и Музайниб (но иудейские племена, как сказано в хадисах, нарушат эти соглашения и будут насильно изгнаны, договор с ними аннулируется).

«Благочестивые верующие против того из них, кто оскорбит или совершит большую несправедливость, или преступление, или нападение, или расстройство дел верующих, ищет власти или угнетения: каждого истинно верующего рука будет против него, даже если он сын одного из них.

Не убьёт верующий верующего из-за неверующего, не будет помогать неверующему против верующих; покровительство Бога даже для ничтожнейшего из них едино; иудеям, следующим за нами, — помощь и равенство, право на имущество, их не притеснят, не будут помогать тем, кто против них.

Мир для верующих един — равный и справедливый; верующему в Единственного Господа и день Последний, признающему написанное в этом соглашении не разрешено помогать злодействующему или защищать его, иначе проклятие и гнев Бога на него обрушится в день Воскресения, не будет признано никакое его возмещение или искупление.

А если разойдётесь в чём-то — обращайтесь к Богу и Его посланнику Мухаммеду, да будет над ним мир.

Иудеи несут расходы вместе с мусульманами, это момент разделения единобожцев, с включением сюда и христиан, на три самостоятельные ветви, и пока мусульмане воюют с теми, кто их преследует и здесь, то бишь с мекканцами-идолопоклонниками, иудеи — одна община с мусульманами, но у них своя религия, а у мусульман — своя; тот, кто совершил несправедливость или преступление, тот, воистину, будет виноват только сам и его семья».

И ещё: «Помогать мусульманам против их врагов и не воевать без разрешения Мухаммеда: иудеи и мусульмане — одна община верующих. И верность — лучшая защита от греха! Евреи ответственны за свои затраты, а мусульмане — за свои. Никто ничего не приобретает, кроме как для себя. Бог доволен этим соглашением: искренность и добро и совет да владеют всеми».

А в случае разногласий для их разрешения «обращаться к Богу и Его посланнику» Мухаммеду: он — гарант.

Сказал Мухаммед на сходке своим сторонникам:

«Почему наш главный день пятница? — спрашиваете. — Что ж, пришла пора, ответу! Да будет известно, что нам последним, третьи мы, коим откровение ниспослано,

даровано Писание — после иудеев, почитающих Мусу, и после христиан, почитающих Ису. Днём отдохновения от трудов и погружения в молитвы во имя Бога стала для первых по Таврату шабат-суббота, а для вторых — воскресенье, и нам дана предшествующая этим дням пятница. Дана во испытание, в состязание с ними в делах праведных, дабы, если окажемся достойными, предстать первыми в Судный день перед Всевышним и первыми пройти по тонкому, как лезвие, мосту Сират, чтобы попасть в рай!.. Но это — если, повторяю, и да услышат все! мы выдержим испытание на верность Единому Всевышнему!»

И тут услышал Джебраила: «Повтори, и да услышат про намаз!..»

«О вы, которые уверовали! Когда в день сбора на молитву призывают вас, спешите к поминанию Бога Единого, и все дела торговые оставьте! Вот наилучшее для вас, уразумейте!

А когда молитва завершится, идите кто куда желает, взыскав милость Божию, не уставая поминать Его, — быть может, преуспеее тогда!

А тут про ярмарочный торг, иные всякие забавы услышав, все ринулись туда, и ты стоять остался одиноко со своею проповедью!.. Скажи: “Для вас что лучше: Богом вам уготованное, или утехи и забавы ярмарочных торгов?” Бог — Он Лучший из Дарующих удел!» (62/9—11).

Как свидетельствуют очевидцы, — и длинная цепочка имён: от кого пошла весть, через кого и кому передавалась и как дошла до нас, — упрёк адресован был якобы некоему ал-Калби, который во время пятничной молитвы втянул йасрибцев в оживлённую куплю-продажу в связи с прибывшим туда большим караваном. И бойкая шла сделка, подогреваемая зазывалами — шутами, фокусниками, жонглёрами.

И как приманка — красношёрстные верблюды на продажу.

Однажды отряд в дюжину хабрецов—сторонников Мухаммеда, возглавляемый сыном Абу-Бакра Абдаллахом, или Абдуллой, — избалован отцом, энергия кипит в нём, — вышел к узловому пункту на караванном пути меж Меккой и Таифом — местечку Нахлейе, чтобы наказать мекканцев, которые недавно напали на караван его отца. Именно здесь должны были пройти идущие в Сирию верблюды их родича курайша Ибн Надрама, благословившего тогда грабите-

лей. Но неожиданно напав, Абдулла не ввязался в бой, а ут-
нал навьюченных изюмом и кожей двух верблюдов, даже
не погнался за двумя бежавшими пленными, взятыми ради
выкупа. И поспешили на базар при въезде в Йасриб, чтобы
продать захваченное.

В те же дни Мухаммед созвал Совет старейшин, недав-
но им здесь учреждённый, и заявил, что он не *вероучитель*,
каким его считают, ибо всего лишь передаёт послания Бо-
га, но *законодатель*, а также *судья*, действующий на основе
Писания и ниспосылаемых сур.

Но последнее — для мухаммедианцев, тех, кто верует в
Бога, ибо... — ему будто кто-то свыше: «Умолкни, и да на-
ступит тишина! И тогда скажи, чтобы запомнили, передав
другим: нет принуждения в вере!»

Объединить враждующие племена в новой вере, чьё
земное воплощение — мечеть!.. Но как, если у одних — си-
нагога, а у других — церковь?

Случилось недавно, явился ночью с новым откровени-
ем Джебраил.

Сауда тут же, почувствовав, что муж вышел на веранду,
где обычно произносил суры, выскочила из своей комнаты
и разбудила Шюкраллу.

Сон отрока чуток, и по первому зову готов к главной
своей работе — запомнить айаты, произносимые Проро-
ком.

*Ведомо Ему, что было прежде и что случится позже...
И различимы ясно Истина и Ложь — путь праведный и за-
блуждений путь.*

*Кто веру в идолов отверг и в Бога уверовал Единого, обрёл
надёжную опору, — ничто не в силах сокрушить её.*

*Бог — уверовавших покровитель, из Тьмы выводит к Све-
ту!*

*А тех, которые неверны и ищут в идолах покровитель-
ства, уводит от Света Он во Тьму.* [Иная редакция: «Знает,
что было до всех и будет после всех... Уже ясно высветил-
ся прямой путь, и он отличим от пути заблуждения. И кто
не верует в идолов, а верует в Него, тот ухватился за надёж-
ную опору, которая не сокрушится, и выводит Он из мра-
ка к свету, а для тех, кто в друзья-покровители избрал идо-
лов, — путь из света к мраку!»] (2/255—257).

Помнит Мухаммед, как произнёс, глядя на отрока Шюк-
раллу, когда впервые увидел его: «Дать имя, определив
судьбу!»

И странный в ту ночь был сон с явлением Хадиджи:

«Он сын твой, Мухаммед, погляди, как похож на тебя», — сказала.

«Кто? Я никого не вижу!»

«А ты взглядишь внимательно!.. И поблаговари Бога!»

Слова, произнесённые Хадиджой, сложились в имя: «Шюкралла», «Благодарность Богу».

Накануне утром, перед полуденным намазом, женщина пришла к Мухаммеду, с нею девять девочек, а самый младший, десятый, — мальчик.

Лицезреть нового Пророка?

Стоят похожие, черноглазые, густые ресницы, чёрные курчавые волосы, а мальчик, что стоит рядом с матерью, — круглолицый, широкоскулый.

— *Кто вы и откуда?* — спросил.

— Из Йемамы, а это мои дети.

— *Вижу. А где твой муж?*

— Сбежал, но так и не появился.

— *Отчего ж?*

— Устал ждать, когда родится сын, а я рожала девочек и девочек.

— *Как тебя зовут, женщина?*

— Как незабвенную жену твою, Хадиджа я. — Изумлённо слушал: что ещё она скажет? — Пришли послужить тебе.

— *А как детей твоих зовут?*

— Вот первая, вторая... девятая, а десятый — мальчик.

— *Не сколько их, спросил, а имена.*

— Это и есть имена, назвал отец их. Дал обет: девочки получат имена, когда родится мальчик. И бросил меня, беременную десятым младенцем, боясь, что опять будет девочка. Взмолилась я единому твоему Богу, чтоб родился мальчик, мольба была услышана, тогда решила дать сыну имя *Бисмилла*!

— *Но Бисмилла, Во имя Аллаха, — это первое слово молитвы.*

— А если назову твоим именем?

Улыбнулся.

— *С тех пор, как сюда переселился, мусульмане стали моим именем называть сыновей, что ж, говорю им, пусть будет их первым именем, но не возбраняется, если даже названы Мухаммедом, давать им и второе имя, захотите — дайте, потому что мало ребёнку одного имени, надо, дав новое имя, тем самым определить ему возможности новой судьбы!*

(После Мухаммеда повсеместно утвердился: каждый

мальчик будет рождаться с первым именем «Мухаммед», а также получая по желанию родителей второе любое имя. То же при рождении девочек — тотчас назывались в честь дочери Мухаммеда Фатимой, но могли иметь, памятуя о совете пророка, и второе имя.)

— Об имени для сына я подумаю, но прежде надо назвать дочерей. Не подобает человеку, кому дарована жизнь, без имени быть. Старшая — Лейли.

— Потому что как ночь черна [Лейли — ночь]?

— Потому что красива! Ночь сменяет жаркий день, когда солнце жжёт нещадно и кипят пески пустыни. Ночь — яркие звёзды на небе. В ночи рождается юный месяц! А чернявая дочь у тебя — самая младшая, пусть будет Асмар, Чернявая. Остальных назови сама.

— Если не возражаешь, дам имена твоих дочерей.

— Но их у меня четыре, а у тебя дочерей девять.

— Добавлю имена жён твоих!

— Имя первой моей жены носишь сама, остальные... Будь по-твоему!

— О Мухаммед, ещё я обет дала: родится мальчик, отдам тебе в услужение.

— Но у меня уже есть слуги.

— Такого второго на земле не сыщешь!

— Чем же успел прославиться Шюкралла?

— Удивительной памятью. Стоило мне произнести вслух твою суру, как слово в слово повторил. Сам убедись!

Мухаммед велел Зейду прочесть мальчику новую суру.

— Какую? — спросил.

— Первую йасрибскую!

«Алиф, Лям, Мим. Это айаты книги мудрой.

...Есть такие, уста которых молвят: Уверовали в Бога мы Единого и в день последний! Но — лицемеры, не веруют! Пытаются Бога обмануть и тех, которые уверовали, но лишь самих себя обманывают!

В их сердцах — болезнь! Им уготовано мучительное наказание за то, что лгут. Глухи они, немые и слепы, и праведного лишены пути!..»

Зейд читал, и Мухаммед вспоминал, как в Йасрибе вторично испытал то, что было раньше на горе Харра, когда явился Джебраил с посланием от Бога, никого, кроме ангела, Мухаммед не видел.

Снова, как тогда, лихорадило, то дрожь и жара невыносимая, а то холод, губы точно волдырями покрылись, потрескались, а голос Джебраила, лишь Мухаммедом слы-

шимый, был сильным, и полилась речь вдохновенно, он повторял за ангелом ниспосланное.

Свет струился на него, обтекая очерченный на фоне зари смутный облик ангела, тёмный, даже чёрный.

Так и сложилось: Зейд призвал к священному служению учеников Пророка, и они, сменяя друг друга, запомнили услышанное, и Зейд еле успевал их записывать.

...Шюкралла слово в слово повторил.

Нет, Мухаммед не намерен обращать всех йасрибцев в новую веру.

— Но отчего, — спрашивают Мухаммеда его сторонники, — не призвать, если провозглашена Богом истинной?

— Мы и призываем, но вы хотите иного, требуете принуждения!

Здесь бы следовать важной фразе, сказанной Мухаммедом в полемике, что «прежде надо для новой веры обеспечить место рядом с верами иными» (но с кем, когда и где была полемика — не сказано).

Нет, не удалось! Вроде бы пояснение:

О Адам, что за природа такая у людей?

Обыгрывается «адам», или «человек» на арабском, фарси и тюркских:

О Адам, что за природа у адамов?

Вы, иудеи и христиане, — часты споры с ними, поучительные поначалу и вскоре повелительные, — верящие в Единого Бога, отвергаете друг друга!

Что ж, Бог их рассудит в Судный день, скажет, в чём они расходятся.

К тому ж христиане как будто забыли, ну да, прошло так много веков, а получается, что замалчивают, чтобы лишний раз не возбуждать сомнений, не начинать сначала.

Но что? О чём таком умалчивают?

Что Иисус — еврей!..

В Мекке говорил Мухаммед, хохотали над ним, что Авраам предок евреев и арабов, а первенец сын его Измаил женился на дочери царя Хеджена в Аравии (пра-пра-правнучке Джоргама?), который приютил Измаила с матерью Хаджар.

И родилось у Измаила двенадцать сыновей, которые дали начало двенадцати коленам арабов.

И Коран потому проповедует веру Авраама!

Авраам жил до Моисея, когда не была ведома людям Тора, и услышал Моисей Бога, что Он — Бог Авраама!..

И Авраам жил до Иисуса, когда не было Евангелий, и верил в единственного Бога, так спасёмся же в вере Авраама!

Неужто скажете, что Авраам, Измаил и Исхак, Йакуб и их потомки были иудеями или христианами?

Спроси: «Вы больше знаете или Бог?»

Нет? Не согласны?

Да, согласны, что Авраам — ни иудей, ни мусульманин, но ведь не станете же отрицать, что он еврей?..

А может, араб?..

Нет, спасительное есть слово, и оно — в Коране: к Аврааму отнесено слово *ханиф*, синоним *единобожия*.

В явленном, как это часто даёт о себе знать в айатах, — реальный отзвук происходящего *сегодня*, или объяснение того, что было *вчера*, и они соседствуют или сливаются в тексте Корана с тем, что случится *завтра*, как бы в скором будущем, это нечто вроде упреждения, ибо что есть в свете вечности эти вчера-сегодня-завтра?

Призывы, призывы... — к единству интересов, имея в виду протесты тех, которые не принимают Мухаммеда как пророка, и будут названы в Коране «лицемерами» — «мунафикун», и сура о них специальная, и множество айатов, рассыпанных по другим сурам.

А Бог между тем предупреждал Мухаммеда:

«Вы будете испытаны и в ваших имуществах (испытание богатством!), и в вас самих» (испытание души? помыслов-действий? ибо аят существует в контексте — это в предыдущем аяте — души, её деяний: уготованы ей будут ад или рай).

«И вы услышите от тех, кому даровано писание до вас, и от тех, кто был многобожником, много обиды. А если вы будете терпеливы и богобоязненны, то это — из твёрдости в делах» (3/186).

Недавно было: иудеи и христиане, спорившие с Мухаммедом, укоряли его и в несогласии с ним утверждали, что назвался *посланником Бога*, а сам слабо знает прежде явленное, истинность которого Коран призван, это слышали не раз из уст Мухаммеда, подтвердить: что путает две Марии — Деву Марию и сестру Моисея и Аарона; что *Иблис*, или Дьявол, — переименованный от греко-йунанского *Дьяболис*, и причислен к *Джиннам*, названным «*воинством Иблиса*».

— Я знаю лишь то, что мне явлено, и я повторяю нис-

посланное!.. Неужто Бог должен слово в слово повторять явленное ранее в Таврате (Торе) и Инджиле (Евангелии)?

Ах да: этот ваш арабский язык!.. Так и скажи, что ваш Бог — араб, чуть ли не курайш, и говорил с тобой на известном тебе наречии!

— О, поучающие меня! Да будет известно, что язык Бога каждым пророком слышится на его собственном наречии, в котором родился. И я Его услышал, распознал Его знаки, прочувствовал Его символы на языке родном, арабском! То — дар Духа Его! То — мне в облегчение!..

И в ту же ночь... — Мухаммеда трясло, как никогда прежде, побледнел, глаза запали так глубоко, что, казалось, ушли в небытие.

Вдруг заговорил, будто сам с собой:

— Но вся ли Его Книга явлена тебе? Как может весь Он явлен быть кому-то? Не может быть ниспослано Его Слово, исчерпанное до дна!

К тому ж Творение Творцом Творится постоянно, — но и тебе, последнему из явленных пророков, лишь список с той Единой Книги дан — Небесной Книги.

А разночтения людьми Писания... — что ж, ведомо то Мне, но в том ни Бог — Я о Себе как Он, — ни Джебраил, ни тот, кто первый услышал, и ни другой, к кому являлся Он, ни ты, никто из тех, кто был, и тех, кто будет, — не повинны! Повинен кто? Или повинно что?

Ушей несовершенство!

Первогреха непослушание!

Вина Моя?!

Ну да, за всё в ответе Я!

И тут — несовершенство слуха: Я сотворил, но волю дал, наказывать устав! И не желая, жалостью тревожим, творение Своих разрушить рук!

А может, в том неведомая даже Мне есть тайна!

И тайна — вершить кружение помыслов и дел, дню днём являться, ночи — в ночь, и течь ручью, и быть дождю, питающему землю, и чтобы чаша ни одна не перевешивала, — купечество в пределах собственного разума!

(Ни в одной из сур Корана эти айаты не были обнаружены.)

Именно в йасрибско-мединский период, когда Мухаммед включается в прямой контакт с общинами иудеев и христиан, начинаются конфликты между ними, которые

перерастают в прямые стычки и войны, суживается смысл «муслима», закрепляясь лишь за приверженцами Мухаммеда.

«А если отвратятся от тебя, то что ж: Бог ведает о тех, кто множит порчу на земле! Скажи: “О люди, коим явлено Писание! Да обратимся к Слову Бога Единого, делающего нас равными друг с другом!.. Чтoб не были одни из нас над другими вознесены, для вас и нас один Владыка — Сам Бог Единый!..”

Есть из людей Писания такие, кто б сбить хотел с прямого вас пути. Но лишь самих себя они с пути сбивают и не ведают об этом!

О люди, коим явлено Писание! Почему не веруете в айаты Бога? Ведь знаете, что это — истина!

О люди, коим явлено Писание! Зачем вы истину облекаете ложью, в то время как вы знаете истину?

Есть из людей Писания те, кто молвит: “Не спорьте, веруйте в начале дня в то, что им ниспослано, ну а в конце того же дня от сказанного отрекитесь... Никому не верьте, кроме тех, кто следует за вашей верой!” Скажи им: “Руководство истинное, что даровано нам, это руководство Бога Единого, что дано вам тоже прежде было!..”

Есть среди людей Писания такие, что, если им *кинтар* доверишь, вернут в сохранности, но и такие среди них отыщутся, что если им всего *динар* доверишь — не вернут, пока настойчивости не проявишь. И говорят при этом: “А как иначе поступать с невеждами?” О, как они на Бога клеветают, заведомо об этом зная.

Есть среди людей Писания такие, кто языком ниспосланное Им искажает, выдавая за Писание, хотя оно — придуманное, и говорят при этом: “Это — доподлинно Божие!” Но это — не от Бога, они клеветают на Него, заведомо об этом зная! Сказать же должно: “Каждому — быть служителем Бога Единого, учить Писанию, чтоб его читали!”

И заключил Бог завет с пророками, им повелев: “Вот то из Своего Писания, мудрости Своей Я вам дарую. Потом придёт от Меня посланник новый к вам, и подтвердит он истинность того, что прежде Мной ниспосылалось! И должно вам уверовать в него и помогать ему!..”

Скажи: “В Бога мы уверовали, в то, что Аврааму было Им ниспослано, и Исмаилу, и Исхаку, и Йакубу, всем коленам их, и в то, что даровано Им Моисею, Иисусу... Меж нами мы не делаем различий никаких, Ему всецело предаёмся!”

Как Богу вернуть на праведный путь тех, которые, прежде уверовав в Него и засвидетельствовав истинность посланника и явленных знамений с ним, впоследствии от веры отреклись? Воистину, Бог не станет вести прямым путём нечестивых!..

Прокляты навек! Облегчена не будет кара, не дано отсрочки, — лишь тем, кто в содеянном раскаялся, благодетял. Воистину, Бог Прощающ, Милосерд!

А тем, отрёкся кто, уверовав вначале, и упорствует в своём неверии, — раскаяние не поможет. Воистину, они — заблудшие!

Скажи: “О вы, народ Писания! Отчего не веруете в знамения Бога Единого? Неужто вам не ведомо, что Он всему, что делаете вы, — свидетель?”

О вы, которые уверовали! Если послушаетесь тех, кому даровано Писание, после того, как вы уверовали, в отступничестве станете неверными!

Как можете от веры отвращаться, когда Божии айаты вам читают и среди вас — Его посланник? Кто полагается на Бога, тот на прямом пути!

За вервь держитесь Бога, не разделяйтесь в вере, помните о явленной вам милости Божией, когда врагами были, и Он вас примирил и сблизил, и стали братьями вы по велению Его. Вы были на краю огнедышащей пропасти, и Он явил спасение вам. Так разъясняет вам Бог Свои айаты, — быть может, вы прямым путём пойдёте!

Пусть единая из вас община будет, к делам благим взывающая, удерживающая от дурного. Истинно преуспеют!

И не уподобляйтесь тем, кто раскололся, — что толку в разногласьях, когда отныне явлены айаты ясные? Тех, кто сеет рознь, — великое ждёт наказание! В тот [Судный] день, который неминуем, у одних будет лучиться облик, у других почернеют лица! О эти, у которых тёмны лики... — удел отступников от веры известен: наказание жестокое! А чьи лица светлы, им милость Бога, пребывать в ней вечно!

Вы лучшею общиной среди людей делаетесь, ибо добро творите, удерживаете от зла, в Бога Единого веруете. Когда б народ Писания был с вами, то — лучшее для них самих! Среди них немало истинно верующих, но нечестивых — большинство.

Хоть нет вреда, но неприятностей немало. А если вздумают сражаться с вами, то тылом повернутся к вам, и помощи не будет им. Нет, не одинаковы они, есть в праведности стойкие среди людей Писания, и ночи долгие читают

Слово Бога, и поклоняются Ему. Уверовали в Бога и в день последний, к делам благим взывают, удерживают от дурного. Добрыми делами состязаются друг с другом: эти — праведники.

О вы, которые уверовали! Друзей ищите близких среди себе подобных, а не тех, кто жаждет причинить вам вред и радуется вашим бедам. Ненавистью к вам полны их речи, а что в груди у них сокрыто, — ещё сильнее. Мы разъяснили вам айаты Наши, уразумейте их!

Вы к ним питаете приязнь, они ж к вам — неприязнь. Во все писания, что Нами явлены, вы веруете, и когда встречаетесь вы с ними, говорят вам: “Мы тоже веруем. Но оставаясь наедине, от злобы к вам кусают пальцы. Скажи им: Да погубит вас ваш гнев! Ведает Бог, что в вашем сердце скрыто”.

Ваша радость — в огорчение им, а когда печалитесь — им это в радость. Терпение и благочестие — вот что вас защитит от козней вражьих...»

Что ж, пусть иудеи живут по Торе, Пятикнижию!

Пусть христиане, принимающие Пятикнижие, следуют Евангелию!

И пусть мусульмане, не отвращаясь от прежнего Писания, следуют Корану, ниспосланному... — да запомните: во имя единобожия, во-первых, и в подтверждение истинности ранее ниспосланного, во-вторых.

«На каждое время — своя священная Книга!.. На рай претендуют все — и иудеи, и христиане. И верят в Одного Бога и Судный день, — и здесь мы сходимся.

Да будем состязаться друг с другом в добрых делах, надеясь и веря!» (3/63—120).

И тут стоявший рядом с Мухаммедом *ансар* спросил:

— Надеюсь? Но на что?!

— Обретёшь в вере достойную жизнь, дар Божий! — Заметив, что тот не удовлетворён, начертил прямоугольник на земле. — Вот жизнь, — и провёл посередине черту, выведя её за пределы прямоугольника. — А это надежды, — на черту показал, — и они не вмещаются в жизнь, она конечна, а надежды нескончаемы. Им помехой превратности судьбы, вот они, маленькие чёрточки, которые мешают надежде, — прочертил к линии надежды множество мелких чёрточек. — Минует одна напасть, другая впицается зубами, минует она — новая хватает, и так до скончания дней. Их семь, напастей, и все они побеждаются лишь делами праведными: *первая* — бедность души; *вторая* — развраща-

ющее богатство; *третья* — болезнь, потому бери у здоровья, что пригодится для жизни; *четвёртая* — старческая дряхлость делает бессмысленными речи, если за ними нет ничего из добродетелей прожитого; *пятая* — шайтаны уловки, всё то, что шайтаном наушаемо; *шестая* — скоропостижная смерть, и потому бери из жизни то, что после смерти пригодится, и чаще вспоминай о смерти, прерывающей наслаждения! А *седьмая* напасть — Судный час, когда пред Богом предстанешь со всеми делами, которые свершил, и можешь навлечь такие муки ада, что перед ними померкнут все напасти и бедствия сего мира!

Следом — айаты:

«Сокрушающее [день Суда?]? Что есть сокрушающее? Откуда знать тебе, каково оно, сокрушающее? О, в тот день люди рассеются, точно мотыльки разогнанные! Будут горы мягкими, утратив твёрдость, точно шерсть взбитая. Но тот, у кого на весах тяжела чаша [добрых деяний], — тот в жизни блаженной. А тому, у кого легка чаша на весах [перевешивают грехи], — тому пасть в пропасть бездонную. Откуда знать тебе, что в этой пропасти? Огонь полыхающий!» (101/1—11).

Тут же, словно пытаюсь неведомо для какой надобности выровнять весы, ибо чаша добрых призывов стала перевешивать недоброе — вставка через запятую: «Не объясняют ли успехи Мухаммеда чарами его волшебства?»

Но какие успехи? Он гоним! Преследуем! Изгнан! Лицемеры слева и справа! Родичи — враги!

Снова кораническое: никто не верил, что Пророк может умереть.

«Но он такой же смертный, как все!.. — О Мухаммеде в третьем лице, но и напрямую, чтобы подтвердить, что речь о нём: — Ты смертен...»

О смертности Мухаммеда говорится в Коране не раз — о том же в суре, где говорится о первой одержанной им победе над мекканцами-язычниками в сражении при местечке Бадр:

«Вы умирали прежде, чем встречали смерть! Она вам виделась, когда не появлялась!.. И Мухаммед — всего лишь посланник, в черед посланников других. Не умирает человек иначе как с дозволения Бога, в свой установленный срок. Неужто, если он умрёт иль будет он убит, вы обратитесь вспять? А тот, кто стал отступником, Богу ничем не повредит, — но благодарные зато вознаграждаются Нами!» (39/30, 3/143—145).

Однако явленное откровение о смертности Мухаммеда не было известно общине: Зейд скрыл эти айаты, сказав о том лишь Фатиме.

3. Листы были двух родов: одни, сшитые нитями, а поля украшены орнаментами, и ясный почерк *куфи*, а другие собраны наспех с вклейками, и текст почерком *наسخ* был мелок, почти не прочитывался.

Такое, впрочем, не ново: некий каллиграф Муста-семи, тезка известного багдадского халифа, названный, очевидно, в его честь, дерзнул преподнести великому Теймурлангу, он же Тамерлан, или Хромой Тимур, Коран, переписанный мелкими до непрочитываемости буквами, чтобы уместить под перстень, но вместо похвалы заслужил наказание: повелитель, приняв дар, сначала не сообразил, что это Коран, но тотчас рассвирепел, повелев, чтобы тот переписал Священный текст самыми большими, сколь возможно, буквами!.. Но пред тем спросил:

«Что есть Коран?!»

«Коран — это явленное на Писание!»

«Но для чего?»

«Для чтения».

«Читай!..»

Спасло, что писец знал наизусть Коран: каллиграф до конца дней своих, дабы избежать казни, трудился денно-нощно во исполнение повеления владыки — длина каждого айата составляла один локоть!..

А в данном случае замысел писца, или писцов, свитка был, очевидно, иной: не позволяла тяга к правде пройти мимо и не зафиксировать случившееся, тем более если речь о богоугодных деяниях Мухаммеда, да благословит его Бог во исполнение возложенной на него миссии, но зато можно было неуютные и греховные части текста, наполненные соблазнами, воспроизвести так, чтобы их восприятие усложнилось, а то и вовсе не прочитывалось.

Очевидно, свиток, особенно нумерованные его части, названные оазисами, их дюжина, пришит и тринадцатый, они бессвязны, но так или иначе относятся к вехам жизни Мухаммеда.

Первый оазис, заголовок не сохранился.

Второй: Осеннее разлитие желчи... — что Мухаммед бо-

лел, и возникла паника среди привязанных к Пророку: неужто может заболеть?!

Третий: Схожесть несхожестей, будто пишущий любовался игрой повторяющихся сочетаний букв.

Четвёртый оазис... здесь и далее лишь числовое обозначение без заголовка (и текста, как везде, тоже), и лишь Десятый — с заголовком Пятничный сбор.

Оазис тринадцатый, о котором речь, это два высказывания, якобы побуждающие к полемике, но неведомо кого с кем, по сути шайтаны, ибо отсутствует цепь достопочтенных имён, и прочитываются лишь через луну, многократно увеличивающую текст:

«Вижу Мухаммеда в облике белого разъярённого быка с красными от гнева глазами, и с острых рогов его свисают, привязанные пальмовыми волокнами, свитки с сурами Корана».

И про белого голубя, который «клевал на ушах Мухаммеда зёрна: это не что иное, как колдовство для простаков: приручил голубя, и тот садился на ухо. Не дух святой, а шайтан, который в облике голубя приносит Мухаммеду повеления Бога».

А следом, — снова накренились весы в сторону недоброго! вкратце изложено (списано из какого-то трактата? этим повсеместно увлекались книжники, гордясь повторением уже бытующего).

«Противостоять в Йасрибе засилью иудеев. Иудеи — евреи и арабы, дабы укрепиться в Йасрибе, сеют вражду между племенами. К тому же вступили в тайный сговор с многобожниками-мекканцами против Мухаммеда. То есть верующие в Единого Бога иудеи в союзе с многобожниками против мусульман, верующих в Того же Бога!.. Обманутые надежды?»

И уже другой рукой: «Посоветовать Мухаммеду (кто советчик?):

а) во-первых, в Йасрибе устойчивы позиции иудеев, и потому затруднить существование иудеев, неважно, араб он, принявший иудаизм, или еврей, дабы вызвать протестные действия, и в ответ предложить покинуть Йасриб;

б) а кто, во-вторых, откажется, изгнать; приманка — имущество неверных, которое достанется правоверным [и знак восклицания, точно *Алиф*];

в) в-третьих, в Мекке уже не осталось родных Мухаммеда и некому мстить (?) [о чём знак вопроса: о сути фразы? выразить удивление, недоумение, возмущение? не язычник

ли? но латинские буквы! хотя и без них можно обойтись, ибо есть *во-первых, во-вторых, в-третьих*];

d) в-четвёртых, укреплять победами сан пророка;

e) в-пятых, выходить за пределы Мекки и Медины, расширять сферу влияния новой религии;

f) в-шестых, — и пусто,

g) — пусто!

h) — никаких записей! или так искусно, что незаметно?»

Следом — позднейшее добавление, коранические аяты, обрамляющие свиток композиционно, хотя находящиеся с ним, созданным с умыслом и состоящим, напомним, из восьми букв латиницы *abcdefgh* с неведомо кем данными наставлениями Мухаммеду, в явном противоречии: «Да будем состязаться в добрых делах!» и «Нет принуждения в вере!»

«И явлено мне, — начал Мухаммед (случилось в первый год хиджры, те же чёрные чернила, но отдельные слова отдают позолотой), — пятиглавое, точно горная гряда, откровение про грех, дабы явить пример йасрибцам...», — но тут вбежал, запыхавшись, Зейд, чтобы сообщить Мухаммеду о том, что Абдулла, сын Абу-Бакра, вот он, отец, стоит рядом с Мухаммедом (Омар ушёл), «самолично напал на караван мекканцев».

Весть Мухаммеда расстроила, и он тут же сказал Абу-Бакру (что зафиксировано потом Зейдом):

— Твой сын вероломством своим положил начало войне между Меккой и Йасрибом!..

Тут и сам Абдулла явился:

— Вот он, мой сын: казни или помилуй!

Пьянь в глазах: к вину пристрастился, как прибыл в Йасриб.

— Придёшь, — ему Мухаммед, — когда отоспишься!

— Но разве не дозволяется курайшам выпить кубок вина в честь одержанной победы над врагом?!

— В кубке спрятан лев!

— Я и пью, чтоб львом стать!

— Но льва добыча — разум пьющего!

— Кто кого успеет раньше выпить! — дерзко переиначил услышанное.

— Но кто первым напал, ответит за вероломство пред Богом!

— А твой призыв: *Сражаться с теми, кто нападает, и упреждать нападение?! И ещё: Сражайтесь на пути Бога!*

— Да, истинно говоришь, это молвлено, но далее сказано: *С теми лишь сражайтесь, кто в бой вступает с вами! И ещё: Но не преступайте!* А ты преступил! Они нападают, и мы нападём в ответ, тут ума не требуется, выходит, мы такие же, как и все.

— Кровь за кровь.

— Но кровь кровью не смыть. Обороняться — не нападать!

— Немыслимо одно без другого.

— Веру распространять!

— Словом?!

— Меч — оружие неподходящее.

Абу-Бакр смотрел строго. Абдулла промолчал, усомнившись в услышанном: против меча слово разве устоит?

Ибн Надрам, кого ограбили, был, как выяснилось, в торговом союзе с евреями-иудеями Йасриба, часть привезённого из Сирии предназначалась им. Из-за неумной затеи бедоголовых обрели новых недротов.

Но разве не охраняем Мухаммед Богом?

Да, он посланник, но лишь в мгновения, когда являются откровения.

А в остальном — как все?

Задумался Абу-Бакр: что будет *после*? Сидит, опустив голову, точно провинился. *Не пойдёшь ли и ты сам по стопам своего сына?*

На ковёр пала длинная тень, на стену взобралась; в дверях появился Омар, прошёл и сел, а пока двигался, тень металась по комнате.

А, это ты, Омар? Когда меня не станет, как ты погасишь свой пыл воинственный, как вспыльчивость умеришь?

Мухаммед хотел было напрямую обратиться к ним, Абу-Бакру и Омару, и спросить — Осман помешал! Стоит в дверях, тихий и молчаливый.

А ты, Осман, до какого предела ты тих и робок, Осман?

Не успел тот войти — Али!

Ну вот, все собраны.

Неужто и ты изменишься, будешь иным, когда я уйду?

Мысль не додумалась, вернее, не пожелал додумать!

Очевидно, Мухаммеду не даёт сосредоточиться отшельник — вот он, незаметно вошёл, в тёмном углу сидит, решил навестить Пророка, никем не видимый, а сам ни с кого не сводит глаз. Потом задвигался, заёрзал, лёг на свою ко-

томку и лишь тогда обратил на себя внимание вошедших, но те не удивились: здесь часты пришельцы.

— Оставьте отшельника, — сказал Мухаммед, оглядев сподвижников. — Да, да, он тот самый, о ком мы недавно говорили!

Уловил их волнение, ведь слышали — «необычный» человек объявился, гроза грешников: мол, до кого, грешного, дотронется, земля под ним разверзнется.

Но им-то бояться нечего! А вдруг?! Есть ли на земле безгрешный?

— Не бойтесь, — успокоил их Мухаммед, — отдохнёт и дальше пойдёт, велел ему не трогать вас.

Но прежде иное вспомнилось Мухаммеду — как явились к нему в Йасрибе из Наджрана арабы-христиане, был среди них, рассказывают, их епископ, и они решили поговорить с ним, и тут же, как вошли, епископ спросил Мухаммеда:

«Ответь нам, дабы удостоверились, что Бог являет тебе откровения: видел ли ты кого, подобного Иисусу? Что ты знаешь о нём? Кто, по-твоему, отец Иисуса?»

Мухаммед продолжал молчать, минута прошла, другая, ещё одна... — молчит! и тогда, разочарованные, решили покинуть его, поднялись, чтобы уйти, но Мухаммед остановил их:

«Не спешите! И не торопите меня! Сегодня не могу вам ответить, но прошу повременить день-другой, и я найду ответ, продолжим разговор... — и тут же: Неужто не дошла до вас весть о моём небошестве?... Привиделось мне с Неба, где обитал Иисус...» — Тотчас умолк, увидав на лицах посланцев изумление. «Вы что же, — хотел заметить, — верите чудесам своим, а сомневаетесь, когда чудо является другим?» — но промолчал: старец был спокоен, точно поверив в то, о чём сказал Мухаммед. Гости тут же заторопились, поспешили уйти, обещав, впрочем, явиться снова, но явятся ли?..

А тут возник Джебраил, лишь Мухаммед его видел, но услышали все, кто был рядом с ним, а были Абу-Бакр и Омар:

«Воистину Иисус для Бога сродни Адаму, из праха созданному, Он молвил: "Будь!" — и стал он» (3/59).

Вот и ответит пришельцам-христианам, но они так и не появились: уподобление Иисуса, и только его одного и никого другого из посланцев, Адаму означает, что лишь оба они, и никто другой, имеют совершенно отличное от всех

иных людей рождение; все люди, кроме них, которые были и есть, рождены, имея земных и мать, и отца, а рождение Адама и Иисуса исключительно и неповторимо: в первого был вдунут Его дух, а «второй Адам» зачат и рождён посредством Духа Его!..

Иисус ведь не случайно представлен в Коране непривычно, как «Ибн Марйам», то есть сын Девы Марии, или без отца: женское имя, что показательно, употреблено как отчество вместо принятого везде и всюду мужского. Не отсылает ли нас Бог к явленному ранее Завету, вы называли его «новым», в котором то же уподобление: Иисус назван «вторым Адамом»:

«Первый человек — из земли перстный; второй человек — Господь с неба... И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного».

То есть... — фраза не завершена по забывчивости или Мухаммед решил договорить при личной встрече с христианскими посланцами.

Запомнил слова старца, и сказанное им, очевидно, вынашивалось долго: мол, да, возможно явление волею Небес пророка, но более дня он не должен оставаться у тех, к кому прибыл, а надобно продолжить путь странничества!..

«У каждого пророка — свой путь!» — заметил Мухаммед, но старец продолжил своё:

«А если будет надобность великая в Голосе живом, ибо то — отзвук Неба, то что ж: и день-другой пусть остаётся! Но если он пребудет в гостях третий день, и день четвёртый, пятый (намекает на Мухаммеда?), — ему не верьте: лжепророк он! Уходит пусть, и, уходя, пусть ничего с собою не возьмёт: лишь хлеб да воду, до места нового ночлега!»

Что б значили эти слова? Неверие в посланничество Мухаммеда?

...Были ли у тебя грехи, которых ты страшился?

Был грех, когда со тщанием ко мне стопы направил старец за советом, то было ещё в Мекке, и от него я отвернулся!

Но грех прощён, ибо покался ты!.. А ещё грехи какие?

Спроси о том, Кем избран я, Кем явлен и отмечен!

Тупое упрямство мекканцев?

Они первыми объявили войну!

Но мекканцы и вы!

Казалось: вот путь, открытый Единым и Всевластным на земле и повсюду, что охватывает взор и что сокрыто. И всем — идти по нему!

О чём просил мекканцев?

А через них — и всех других, кто идолам молился.

Но и тех, помнится, в Йасрибе, которые люди Писания.

И отвортились! Исказили Божье слово!

О том ещё не было, — робость от незнания или тихое признание?

И уже о другом молвит Мухаммед: *что терпел унижения и оскорбления, прятался и оборонялся, бежал, чтобы уйти от тех, кто злоумышляет коварства, грозит убить!*

И неотразимый довод в самоутверждении Мухаммеда, когда он спорит с иудеями и христианами, еле собрал их на беседу, ни за что не хотели вступать в переговоры: мол, «разве Иса по-нашему, а Иисус по-вашему не говорил, что после него придёт новый посланник Ахмад, он же — я, Мухаммед, слово-то на арабском, да будет вам известно, — впрочем, живущие здесь, в Йасрибе, иудеи и христиане понимают язык соседей, но кто из них пришлый, а кто коренной, — означает одно и то же: “Хвалимый”?».

Где? Когда? — воображимые недоумения как иудеев, так и христиан.

Ибо для иудеев Иисус — даже не пророк, и вообще не должно быть никаких пророков после Мойше-Моисея-Мусы, а если кто и явится, то это Мессия, который накажет всех бывших и настоящих притеснителей евреев-иудеев, полонивших и изгнавших их со своих обетованных земель, вернёт их на историческую родину, позволит восстановить в Йерушалайме-Иерусалиме, главном их городе, дважды разрушенный Храм.

Но естественно предположить, что не соглашались с Мухаммедом не только иудеи, но и христиане тоже, как можно представить, исходя из знания того, как развивались события не только впоследствии, но и до-до-до, за три, а то все шесть-семь веков до появления Мухаммеда, а также тогда, в те реальные дни, ведь они были, как были и встречи, беседы-полемика, о чём поведали лишь мусульманские источники, и то спустя почти век после смерти Мухаммеда, и не оставили никаких сведений ранние и поздние источники ни иудейские, ни христианские. И Мухаммед жела-

ет встроиться в ряд Моисея и Христа, вызывая тем и споры между иудеями и христианами, пытается, но кто готов прислушаться? донести до них в подтверждение своей избранности «речения Самого Бога», строки из явленного недавно ему Корана:

«И вот сказал Иисус, сын Марии: “О сыны Исраила! Я — посланник Бога к вам, подтверждающий истинность того, что ниспослано до меня в Торе, и благовестующий о посланнике, который придёт после меня, имя которому Ахмад”. Когда же он пришёл с ясными знамениями, то они сказали: “Это — явное колдовство!”» (61/6, 2/146, 3/81, 6/114, 7/157).

О том сказано, — продолжает Мухаммед, и это из необъяснимых чудес для иудеев и христиан тоже, что он, этот мекканский араб, у которого так много вдруг образовалось сторонников, отныне самим фактом избранничества Богом на пророчество обладает знаниями, полученными напрямую, да, о том сказано и «в вашем, — обращается к христианам, — евангелии, в вашем писании», и произносит, точно Бог поверяет ему суть ниспосланного Исе, «и вы утаили повторенное Богом в явленном мне, что ваш Иисус истинно говорил ученикам Своим», что лучше для них, «чтобы Я пошёл; ибо если Я не пойду, Утешитель не придёт к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16. 7).

Но ни о каком Ахмаде не было речи! Никакое имя не названо! Сказано лишь об Утешителе! А Он, Утешитель, да будет известно, — и выразил общепринятое в христианской догматике, — это есть Дух святой!

Что ж, следуйте вашему истолкованию, а для нас — это в Коране весть о явлении Ахмада, или Мухаммеда!..

Или полагаете, что забавы ради ниспослан Коран? И создано мироздание? И явлены пророки?.. Если бы Аллах, — и Мухаммед выскажет кораническую мысль, — возжелал найти Себе забаву, то ведь, не трудно Ему, придумал что-нибудь иное! Да, молвил Бог: «Истиной Мы поражаем ложь, круша её, уничтожая. О, горе вам за ваши измышления о Боге!» (21/18).

Да, сокрыли от иудеев (это широко распространено в исламе), что в Торе предсказан приход Мухаммеда, о чём говорит и Коран: «...следуют за посланником, пророком, простецом, которого они находят записанным у них в Торе и Евангелии...» (7/157).

Существует множество хадисов, из популярных — о том, как некий живущий в пригороде Йасриба знатный иудей, даже раввин, Ибн-Салям, кого до принятия ислама звали Аль-Хусайн, услышав о Мухаммеде, тотчас поверил в пророчество и присягнул на верность.

Аль-Хусайн поправлял на пальме ветви, и тут пришла весть о прибытии в их края Мухаммеда. «Превелик Бог!» — воскликнул. Тётушка его удивилась его радости: «Даже если явился сам Моисей, ты бы не выказал бы большой радости», — сказала она племяннику.

«Тётушка, это же брат Моисея, сподвижник его в вере!»

«Так он и впрямь тот Пророк, о котором нас предупреждали мудрецы?»

«Вот именно».

Аль-Хусайн заспешил к Пророку объявить о принятии новой веры. Возвратившись, он обратил в ислам и свою семью. Но всё это до поры до времени скрывал от соплеменников-иудеев.

«Иудеи — народ лукавый, — сказал, заглянув как-то к Посланнику Божьему, — спрячь меня у себя дома, а когда те явятся, расспроси обо мне, но сделай это, прежде чем они узнают, что я стал мусульманином. Если пронюхают заранее, слова доброго обо мне не услышишь».

И вот к Пророку пришли иудеи, и он спросил их: «Что вы думаете об Аль-Хусайне ибн Саляме?»

«Почтеннейший муж и сын почтеннейшего отца, наш учёный раввин!»

И тут возник Аль-Хусайн: «О народ иудейский, побойтесь Господа, примите посланничество Мухаммеда! Вы ведь не хуже меня знаете, что он — Посланник Божий, имя и черты коего запечатлены в нашей Торе!»

«Ложь!» — Разгневанные иудеи с криками обрушились на Аль-Хусайна.

«Ну вот, я же предупреждал тебя!...»⁵⁶

⁵⁶ Жизнь... Т. 1. С. 324, 325. Авторы, изложив этот хадис, тут же заявляют, что «о таких, как Ибн-Салям, в Коране сказано...», то есть используют текст Корана в качестве иллюстрации конкретного события. Вот эти аяты: «Не все они, приверженцы Библии [В Коране — Писание-Тора, а не Библия], одинаковы. Есть среди них благочестивые...», то есть такие, как Ибн-Салям, которые отказываются от иудаизма и принимают мусульманство? Но аяты эти — вовсе о другом, имеют характер заповеди, обращённой ко всем, верить в Бога, усердствовать в добродетелях и остерегаться дурного (Сура «Семейство Имрана», 3/113—114).

А что вы скажете об услышанных Мусой-Моисеем за-долго до рождения Христа словах Бога, что воздвигнет для Израиля из среды братьев их такого, как Моисей, пророка-мессию, имея в виду Иисуса, и вложит Свои слова в уста Иисуса, и Он будет говорить им всё, что Бог повелит Ему?.. (Втор. 18. 18).

Иисус — Мессия?!

В Коране часто встречается слово, применяемое только к Иисусу: *Спаситель*, то есть *Месих*, арабский вариант иудейского *Машиах*, в русском варианте — *Мессия*. Иудеи утверждают, что Спаситель в мир ещё не явился, а мусульмане приход Иисуса признают, коль скоро назван в Коране Месихом.

Но что вкладывается в понятие Машиах-Месих-Мессия в Коране? Ясно лишь, что Месихом-Мессией назван в Коране Иисус, и трактовка мусульман совпадает с христианской.

Для иудеев идея Мессии — проблема более этническая, нежели религиозная, это мечта, рождённая как надежда, что евреи, пережившие пленение, рабство, уничтожение святынь, изгнание, рассеяние, соберутся с помощью Мессии, который избавит их от всех бед, на своей исторической родине, восстановят Храм... Критерием прихода Мессии является пророчество Исайи, что это будет время коренных перемен не только у евреев, а во всём мире, явят образец жизни, достойный подражания: «И перекуют [все народы] мечи свои на орала [плути], и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2, 4).

Иисус приравнен в представлении мусульман к Тому, кто победит «Дадджала» («Аль-Масих ад-Дадджал» — это «тот, кто против Мессии, или Иисуса», то есть Антихрист).

В одном из хадисов Мухаммед утверждает, что победить Дадджала не смогут ни Авраам, ни Моисей, ни даже он сам, Мухаммед, — это под силу лишь Иисусу: «Станет он (Дадджал-Антихрист), подобный дождевой туче, подгоняемой ветром, быстро передвигаться по земле, призовет людей и скажет: «Я — ваш бог!» И поначалу люди уверуют в него и скоро поймут заблуждение, но будет поздно: зло и мерзость распространятся в мире».

Да, именно Мессией назван многократно Иисус в ниспосланном Богом Коране, «могу повторить!..» — говорит христианам Мухаммед, и те слушают: «*Мессия Иисус сын Марии — посланник Бога, Его слово*» (4/71).

«Но Иисус, — вдруг воскликнул в споре с Мухаммедом иудей, и это часто будет утверждаться на протяжении многих веков, — не разрешил ни одного из мечтаний наших, чего мы ждём от Мессии и что обещал нам Бог! Не додумал ли, о Мухаммед, ты сам за Бога вслед за христианами?!»

Подобной идеи Мессии, представленной у мусульман в Коране и повторяющей христианскую, придерживаются сунниты (и потому канонический Коран зачастую называют «суннитским», подразумевая, что есть и «шиитский Коран», хотя шииты это категорически отрицают): у шиитов есть своя идея Мессии, это 12-й «невидимый» имам Махди (или Мехти), и под этим именем якобы скрывается «Али», который не умер, а был живым взят Аллахом на небо и явится установить на земле «справедливость», причём не один, а с Иисусом-мусульманином, дабы обратить всех живущих в ислам.

В Коране идея Мессии соседствует с христианским учением о Троице: «Веруйте в Аллаха и Его посланников, но не говорите: “Три”»; кстати, в некоторых переводах Корана на русский «Три» передаётся как «Троица». То есть «не говорите Три Бога». Есть ещё уточнение: «Не веровали те, которые говорили: “Ведь Аллах — Третий из Трёх”, тогда как нет никакого божества, кроме единого Бога» (4/171, 5/73).

Богословы ислама (впрочем, иудеи тоже), оспаривая понятие Троицы, видят его, чему христиане на массовом уровне дают повод, в бытовом контексте как «святое семейство» (отец, мать, дитя), тем открывая дорогу к многобожию. Три лика единого Бога фактически подменяются тремя богами.

Попутно замечу, что на иврите «лик» (*panim*) — множественного числа, и это позволяет на языковом уровне разглядеть будущее учение о Троице.

Иисус — не «сын» в языческом понимании, как проповедовали аравийские христиане-марианиты, представляя Троицу в составе Бога, Иисуса и Марии и выказывая неприязнь к новому единобожию. Иисус — Слово, Которым Бог говорит, как и избранный Им задолго до Иисуса Моисей, а много позже — Мухаммед, несущие людям Его Слово.

Такова сложившаяся ныне в мире реальность, с которой нельзя не считаться, долженствующая вносить существенные коррективы в историческое прошлое, когда каждое пророческое явление, и это вполне объяснимо обстоятель-

ствами тех конкретных времён, отторгалось с ходу и сопровождалось кровью.

Нельзя не отметить, что айаты, утверждающие единобожие, были явлены на этапе борьбы с идолами с их жёнами, детьми, уточнялось — и с дочерьми богов; не случайно в Коране не раз говорится, что Бог не может иметь *детей*, и упоминаются *дочери* одного из идолов.

«Вот говорят они: “Себе ребёнка Милосердный взял!” Самонадеянность какая — несуразность изрекать! От слов таких готовы небо расколоться, земля разверзнуться, горы пасть прахом... Нет, Милосердному не подобает ребёнка Себе брать! Всяк, и тот, кто на небе и на земле, приходит к Милосердному как Божий раб — и только!» (19/88—93).

К этой теме Мухаммед, ссылаясь на явленные ему айаты, возвращается не раз, имея в виду прежде всего многобожников с их языческими божками, у которых жёны, сыновья и дочери, но и христиан тоже, а также иудеев:

«Сказали иудеи: “Узайр — сын Бога!” Сказали христиане: Мессия — сын Бога! Слова, подобные тем, которые произносят язычники. Сколь глубоко их заблуждение!.. А ведь наказано им было поклоняться лишь Богу Единому — нет, кроме Него, божества иного. Хвала Ему, превыше Он всех тех, кого ему приписывают в сотоварищи!..» (9/30—35).

Следует пояснить, что под именем Узайр имелся в виду иудейский законоучитель Эзра. Судя по посткораническому преданию, существовала, очевидно, во времена Мухаммеда в Аравии еврейская секта, и она особо почитала Эзру за его провидческий дар чуть ли не «мессией», ибо он, живя во времена после исчезновения Ковчега и текстов Торы, учил евреев Закону, и когда свитки Торы были найдены, то оказалось, что всё, о чём он говорил, соответствовало Писанию, и евреи, жившие в Аравии, сочли его, очевидно, сыном Божиим, чего в книгах иудаизма нет и не могло быть сказано устами Бога в Коране.

Замечу, что порой наблюдается попытка называть Коран «Библией ислама», дабы сроднить его с христианством, что расходится с исламским вероучением, по которому Коран считается непосредственным откровением Бога, прямой Его речью, а в Библии, наряду со словом Бога, звучит и слово человека. Ислам, вслед за иудаизмом, не приемлет и Троицинства Бога, считая это уступкой многобожию⁵⁷, и

⁵⁷ См.: «Магомед. Книга пророка — Коран» на сайте, связанном с именем известного американского религиоведа: «Эдгар Кейси: всё

коранический аят о Троице, как повод для упрёков христианства в приверженности его к многобожию, резко отрицается христианами... Вопрос о Троице непрост и по сей день является предметом споров также и между самими христианами тоже, а потому требует глубокого научно-богословского осмысления. Тут неприемлемы прямолинейные суждения, которые, как правило, возникают, когда толкователи, интерпретируя Божественный текст, в том числе Коран, упрощают его, договаривая за Бога и тем лишая Его идеи великой тайны.

...И бесконечна полемика!

Пред тем, в первый же год хиджры, в Йасрибе, когда к Мухаммеду явилось для переговоров посольство христиан из Наджрана, он заявил им: «Примите ислам! Предайтесь Богу Единому!»

«Но мы уже, — ответили те ему, — преданы, притом издавна, Богу Единому!»

«Нет, — возразил им Мухаммед, — вы пока не предались!»

«Мы предались, Мухаммед, раньше тебя!»

«Как бы не так!...»⁵⁸

Нелишне здесь же и уточнить, о чём надлежит помнить постоянно, это как основа основ, и неважно, в каком месте текста об этом будет сказано, что начало единобожия коренится в недрах великой многовековой иудейской культуры, многокнижного иудаизма (напомню: евреи названы в Коране «ахли-Китаб», то есть «люди Книги»), и более чем через две тысячи лет в ней вызрело христианство, образовав поначалу иудеохристианство, явление скорее культурно-историческое, нежели религиозное, точнее, как важная составляющая именно иудейской веры, — явление Мессии, и этому призвана была служить Библия, составленная христианами из двух частей, о чём уже было сказано; впоследствии христианство откололось от своей первоосновы, стало ей противостоять, было принято новое летоисчисление от *Рождества Христова*, или *нашей эры*, которым значительная часть человечества ныне пользуется.

о великом ясновидящем и целителе» (пер. с англ.). Предсмертными (1945 года) его словами были: «Как же наш мир сейчас нуждается в Боге».

⁵⁸ См.: Жизнь... Т. 1. С. 379.

Более чем через четыре тысячелетия после веры иудеев и спустя семь столетий после христианства возникла в мире третья авраамическая ветвь — ислам. К Корану вполне может быть применима трактовка христианами книг Библии, которые явлены через движимых Духом Святым *«богодухновенных людей»*, чьи голоса были *голосом Самого Всемогущего, так что «любая фраза Библии всегда значит больше, чем составляющие её слова»*⁵⁹.

Ислам формировался в противостоянии, но уже к двум другим ветвям единобожия, повторив в какой-то степени опыт христианства в отношении к иудаизму, и одна из заглавных идей Корана, об этом ещё будет: что Коран, как сказано в нём Богом, явлен для подтверждения истинности ранее ниспосланного Им — книг иудаизма и христианства. И часто в Коране Бог отсылает Мухаммеда для подтверждения молвленного к книгам иудеев: *«И до тебя людей [смертных — не духов] Мы посылали с откровениями, и если вы о том не знаете и есть у вас сомнение, спросите у людей Писания»* (16/43).

Можно предположить, что Мухаммед приводил христианам доводы с опорой на трактовку образа Исы-Иисуса в коранических сюжетах, почти тождественных или созвучных христианскому толкованию; что в Коране признаётся необычность рождения Иисуса, представленного, помимо Мессии, и как Ибн Марйам, «сын Девы Марии»; что Иисус в Коране уподоблен Адаму — очевидно, имеется в виду, что оба они, Адам и Иисус, отличаются от всех людей рождением — в «первого Адама», рукотворного, вдунут Божественный дух, а «второй», по определению апостола Павла, рождён посредством Духа Его, о чём говорится и в Коране тоже, — мол, не отсылает ли Бог к явленному ранее Посланию к коринфянам апостола Павла, в котором Иисус назван «вторым Адамом»: *«Первый человек — из земли перстный; второй человек — Господь с неба... И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного»*⁶⁰.

Биография Мухаммеда включает эпизод, когда два хазраджита, Муаз ибн Джабаль и Бишр ибн аль-Бара, обратились к йасрибским иудеям:

— О народ иудейский, побойтесь Бога, примите ислам.

⁵⁹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1989. С. 7—22.

⁶⁰ 1 Кор. 15: 47, 49.

Мы, недавние идолопоклонствующие, только и слышали, как вы грозились, пугая приходом посланника (речь шла о Мессии, когда обострялись отношения. — Ч. Г.), что он явится и защитит от притеснений, изошрялись в описании его примет.

— Но ни одной из них у него (Мухаммеда) нет, — осадил их надирит Саллям ибн Мишкам. — Может, напомнить? Он не тот, о ком мы предвещали.

— Это сказки, придуманные вами, что земля станет плодоносить ежедневно, а женщины так же ежедневно рождают, люди будут жить тысячу лет, прекратятся болезни, распри, войны.

Было ниспослано: *Прежде они (иудеи йасрибские?) испрашивали Божьей помощи против неверных воздвижением нового пророка. Когда же к ним пришла от Бога Книга, удостоверяющая их Писание, Когда к ним явился именно тот, о чьём приходе они уже знали, Они не уверовали в него, Да разразится проклятье Божье над такими неверующими!* (2/89).

Но прерву биографа, рассказывающего со ссылкой на арабские источники об этом эпизоде, а также о «требовании» Мухаммеда, чтобы «народ Торы» (уточняется при этом, что речь не о всех, а лишь о хайбарских и мединских евреях) признал его, «друга и брата Моисеева, подтверждающего ниспосланное Моисею», «обетованным в Библии мессией»⁶¹.

Содержание цитируемых аятов столь объёмно (к тому же замечу, что относятся они к самой большой в Коране суре 2, «Корова», скомпонованной из нескольких сур разного времени, мекканского и мединского), что трудно, если не задаться определённым намерением, втиснуть их или жёстко привязать в качестве иллюстрации к конкретике текущего момента, хотя аяты носят, точно заповеди, общезначимый характер.

Суть явленного — призыв к взаимопониманию между верами, коим ниспослано Писание, а не принуждение, приняв Коран, перейти в новое единобожие, отказавшись от своих вер:

«Моисей пришёл с ясными от Нас знамениями, но стали кланяться тельцу златому, избрав несправедности путь... Воистину, Богу ведомы все их дела несправедные!.. И прежде Мы являли ясные откровения, не веруют лишь нечестивцы в них!.. Воистину, их большинство, которые не веруют!..

⁶¹ Жизнь... Т. I. С. 351.

Молвят иудеи: *Христиане заблуждаются!* А христиане молвят: *Иудеи заблуждаются!* Но ведь и те, и эти следуют Писанию! Так могут молвить разве что неразумющие. Что ж, в Судный день Бог их рассудит, в чём они расходятся... Те, кому Писание Мы даровали, да обретётся ими чтение достойное, — они уверовавшие! А Писание кто отвергает, тем неминуемые суждены убытки...

О, сыны Израила! Вспомните про милости Мои, что явлены вам были, и Я вознёс, избрав вас, пред другими... Но кто отступится от веры Авраама, помимо тех, кто глуп? И Нами избран был он в ближней жизни, а в жизни дальней он, сомнений никаких, — среди праведников пребывает!..

Говорят: *Станьте иудеями или примите христианство, вот тогда путь праведный вы обретёте!*

Ответить надобно им: *Нет, мы вере Авраама следуем!.. Уверовали в Им ниспосланное Аврааму, Измаилу, Исаку и Йакубу, их коленам, что даровано было и Моисею, Иисусу, другим пророкам от Бога! Не делаем различия мы между ними, Ему мы предаёмся!*

Скажи: *Неужто станете из-за Бога спорить, препираться, — ведь Он и наш Бог, Бог и ваш! И нам — наши дела, вам — ваши, да будем очищаться мы пред Ним!*

Каждой вере — своя кыбла [направление]! И к вере есть у каждого свой путь, в творении добра старайтесь упреждать друг друга!..» (2/92 и далее).

Это не терпящее сомнений или возражений аксиоматическое утверждение, точнее, наступательная формула, которой Мухаммед вооружится как в переговорах, так и во взаимоотношениях с йасрибцами и окрестными племенами, среди которых немало многобожников, а также иудеев и христиан... Но и в переписке с вождями сопредельных государств, о чём ещё будет: что пророческое его явление бесспорно, Самим Единым Богом предопределено и зафиксировано не только в новоявленном Коране, но и в Писании — книгах иудейских и христианских, и Мухаммед не устаёт провозглашать: «Не упорствуйте! Отбросьте лицемерие! Примите ислам, или обновлённую веру в Единого Бога!..» И что «в Коране идея единобожия доведена до совершенства».

Но такова история возникновения ислама, завершения процесса обращения всех семитов в единобожие, и с нею нельзя не считаться, как реально и то, что иудеи и христиане не приняли и долгое время не принимали как друг друга, так и ислам... Но до эпилога ещё далеко, а что до Мухаммеда в те его реальные времена, то не верили в него ни в Мек-

ке — но то были язычники, и требования у них были, чтобы явил им волшебные знамения: чтобы разверзлась перед ними земля, или там, где пустырь, вдруг возникла роща пальмовая или виноградная, да ещё с оросительным каналом, или чтобы видели на горизонте, как небо кусками обрушивается (17/90—93), — не верили и здесь, в Йасрибе, свои же, казалось, единобожники — иудеи и христиане, но и разлад между ними из-за Иисуса, и Мухаммед избегает обращать в свою пользу их неприятие друг друга.

Иудеи, как и христиане, тверды в своих убеждениях и ни при каких обстоятельствах не намерены отказываться от них.

Претензий к иудеям не счесть, и они во всей полноте используются в интерпретациях Корана, и главное, о чём было, заключается в том, что евреи, как и христиане, якобы скрыли истину, умолчав, что о явлении Мухаммеда извещали явленные их книги.

Неутихающие обвинения, и они громоздятся, распространяясь, и лавину не остановить, тем более в незапамятные времена, но мало что изменилось, выстраиваются как укор:

грех поклонения золотому тельцу, но столько наказанных и убиенных!

малодушие при вступлении на Землю обетованную, и за миг сомнения Бог наказал Своего пророка Моисея, единственного, кто Его лицезрел;

нарушение запретов субботы;

ростовщичество, когда... — но как определить запретную черту?

и самое главное, неужто для того, чтобы выстроилась ныне отвергнутая христианами, но столь привычная тогда напраслина, замыкающая зловещую пятерицу, которая составлена из ловко пригнанных друг к другу грехов, и каждый подобен смертельной стреле, — да, грех тяжкий: пророкоубийство.

4. А потом были войны. Потом и прежде. Много войн! Против язычников-мекканцев! Против... — да, много-много войн! Что выпали на долю? И даже сегодня — когда возникло признание. Признание сожаленья? Всего лишь зачин. Войн, когда проливается кровь. И кровоточит душа.

Но измена друга, козни родичей, лицемерие недругов — разве не война?

А угроза убить?

Но войны и против иудеев!

Тех, кто вероломен!
Ах да, излюбленное: вчера они ещё клялись в дружбе!
Заключали союз, скрепляя его кровью!
Но сегодня уже предают, так, что ли?
Разве нет?!
И войны против христиан?
Воевали все!
Так что же: от войны одной — к войне другой?
Только что о том молвлено!
Но не значит ли, поведав о прежних, вызвать будущие?
Видит Бог — я не желал ни одной.
Но кто, покажите его, молвит иначе: дескать, не я первый!
Я!

Будто живое тело, свиток разодран, отброшено перо... — копьём ли его уподобить, пике ли? Чернила разлились, красное пятно, как кровь, на свитке. Ворох бумаг, со съеденными временем краями, тронешь — рассыплются, как иссохший, но ещё тёмно-зелёный лист смоквы, инжирового дерева.

И сомнение в виде большого знака вопроса над текстом.

Тотчас раздался грохот!
Рёв воинов-верблюдов!
Топот конских ног!
Свист стрел!
И скрежет копьев о щиты!
Крики, вопль!..

И с точностью до рассветного часа запомнил Мухаммед первый шаг на пути войны.

Или испытания братского союза, скреплённого между йасрибцами — мухаджирами, то есть новопришельцами, и ансарами вскоре после бегства из Мекки в Йасриб?

Шаг к войне прежде уже был сделан — другими.
Лев в кубке вина?

Поход самозащиты от постоянных нападений.
Но трижды, даже четырежды! безуспешный.

Неудачи начались в первый год хиджры — с первого набега в седьмой месяц в *рамазан*, когда три десятка йасрибцев, это были свои мухаджиры, ведомые... — но о том уже

как будто, нет, не было, на сей раз Хамза с отрядом напал на мекканский караван Абу-Джахля, который шёл в Сирию. Но видя перевес мекканцев, отряд ушёл, не напав.

Потом второй и третий набеги, но то в наказание: сам Мухаммед выступил с отрядом в канун самума к селению Ваддан, чтобы проучить угнавших скот у йасрибцев, то был Курз бин Джабир.

Мухаммед даже дошёл до ал-Абва, где умер отец, но вождь племени ад-дамра, занимавший эти земли, не дал им пройти — вернулись в Йасриб.

Лицемеры нагнетают недовольство: «Если Мухаммед и впрямь пророк, то отчего Бог не помогает Своему посланнику?»

Месяц спустя Мухаммед... — тут скобки: ни слова об Айше, уже сосватана и свадьба, кажется, сыграна, и он на какое-то время уходит в её детские игры? Катал, усадив на некогда подаренную ей любимую деревянную игрушку — лошадку Сулеймана? А может, коль сосватали, запретно появляться на людях с непокрытой головой?!

Но и до ислама в пору язычества женщины закрывали платком головы.

А что при молитве им надлежит стоять сзади мужчин — не потому ли, что вера почитает их существами низшими?

Нет! Не потому!

Но кричать-то зачем?

Чтоб женщин вид, очертания их стана, изгибы тела не вызывали в мужчинах — слаб их род! — греховные чувства, отвлекая от молитвы!

Не ты ли говорил, что с каждой женитьбой рождались новые обряды бракосочетания как дополнения к уже существующим?

Предначертаны свыше!

По хронологии надобно сказать именно здесь, что Мухаммед ввёл в свой дом Айшу, войдя к ней через девять месяцев и десять дней, но прежде выдал любимейшую дочь Фатиму за Али (но разве прежде женился не отец? или иная последовательность: сначала дочь, потом отец?).

— Сделай Фатиме к свадьбе подарок, — сказал Мухаммед Али, ему уже двадцать, крепкий мужчина-воин, чья память удерживает — ведь призван к этому с детства — айаты, ниспосланные Мухаммеду, особенно те, что явлены были в Мекке.

— Но ты знаешь, — ответил Али, — мне нечем её одарить!

— Что ж, тогда продай кольчугу, которую тебе подарил, и купи будущей жене шёлковый платок на голову, — предложил Мухаммед... Беден Али, всего лишь кожаная у него подстилка дома: на одном её конце они с Фатимой спят, на другом Фатима месит лепёшки.

И вскоре?

Обузданные дикостью! Ведь жаждали победы — хоть какой!

Напасть в запретный месяц!

Худшее из худших деяний — пролить кровь в месяц запрета! К тому же безоружные четверо защитников каравана — шли, надеясь, что сбережены: один убит, двое взяты в плен, а четвёртому везенье — бежал и спасся?

И явлено откровение, все умолкли: «Спрашивают тебя о месяце запретном — о сражении в нём. Скажи: “Сражение в нём — грех великий... Пристанище им — огонь геенны, где пребудут вечно!”» (2/217).

Присутствующий да растолкует отсутствующему смысл пятигранного, кажется, *греха*, да постигнут ученики откровение в целостности, и один не отдалим от другого: *грех* сражения в дни паломничества; *грех* отказа от сражения, если напали, чтоб изгнать, посягнув на веру; *грех* неверия в Него и изгнания — этого ещё не случилось, но предсказывается, что непременно будет, из *заповедной мечети*, имеется в виду Кааба, тех, кто нашёл в ней пристанище, очевидно, обосновался, изгнав оттуда язычников; а ещё — *грех* соблазна.

Но Мухаммед, прервав обсуждение, вдруг заметил: «Но имейте в виду: тот, кто высказал мнение о явленном мне откровении и был прав, даже я сам не исключаю себя из этого числа, — он всё равно ошибся, ибо невозможно раскрыть тайну ниспосланного, когда у каждого айата — сто шестьдесят тысяч пониманий, так что никогда нельзя утверждать, и я сам этого делать не стану, что, мол, достиг центра дома, хотя ещё даже не вошёл в дверь!»

И предупредит, может, в другой раз: *Никогда не будь категоричен, всегда говори: возможно.*

5. День различения, или *ал-Фуркан*. Битва при Бадре: первая победа «ахли-Гур'ан», или «людей Корана», одержанная над язычниками-мекканцами, решившими пойти, случилось во второй год хиджры, войной против Мухаммеда, чтобы окончательно погасить враждебный Каабе очаг арабского единобожия.

Датировано точно, что спустя год и восемь месяцев, семнадцать дней после хиджры в месяц *рамадан* Мухаммед совершил поход к колодцам Бадр, победный и предопределённый.

Рассказ устами Мухаммеда:

— ...В тот пятничный день семнадцатого рамадана у нас было всего три лошади и семьдесят лёгких верблюдов, а воинов восемьдесят три мухаджира, сто семьдесят хазраджитов, шестьдесят один аусит, трижды меньше, чем многобожников-мекканцев. Об этом были и слова Всевышнего, явленные мне:

«Ты дом покинул и семью оставил, выстроил верующих для сражения. И оробели два из вас отряда, хоть и Бог оказывал им помощь!..

Помог Бог при Бадре вам, когда вы были слабы.

Сказал ты верующим: Неужто мало вам, что ваш Бог пришлёт в подмогу ангелов три тыщи?..

Но если стойки будете и благочестие вас не покинет, тогда в подмогу вам Бог направит пять тысяч ангелов отмеченных⁶².

Бог обрадовал вас этой вестью, чтоб сердца ваши не волновались. Подмога явлена быть может лишь от Бога: Велик, Премудр Он, — и головы падут у нечестивцев, низвергнутыми будут и поразит их неудача.

И дело не в тебе, как Он поступит с теми, кто не верует, и как накажет их, — воистину, они неправедны... Стремитесь заслужить прощение Божие, рай обрести, что шириною равен небу и земле, — уготован для благочестивых.

Пусть не слабеет дух ваш, и печаль пусть не коснётся вас: если вы веруете — вы других превыше!..

Сердца неверующих ввергнем в ужас Мы, ибо поклоняются, минуя Бога Единого, божкам другим, кто властью никакой не наделён. Пристанище им — огонь геенны: скверно нечестивых пребывание!

Бог Своё исполнил обещание, когда вы побеждали их с соизволения Его. Но оробели вы и стали пререкаться, ослушались после того, как явлено вам было Богом, чего вы так желали, а как бежали, вспомните, вы с поля битвы, не чуя ног, тщетно звал посланник воротиться. Воистину, когда столкнулись в битве два отряда, некоторые из вас по наущению Сатаны бежали с боя вспять.

⁶² *Отмеченные*, пояснил Мухаммед, — это ангелы, они были в день победного Бадра в *чёрной чалме*, а в день поражения в битве при Оху-де — в *чалме красной*.

По милосердию, Богом внушённому, ты проявил к ним мягкость. Если б с ними грубым был, с ужесточённым сердцем, покинули б тебя. Прости их и проси для них прощения, советуйся с ними о делах текущих. А когда примешь решение — на Бога своего уповай: воистину, Он любит на Него уповающих!

Пророку недостойно прибегать к обману! Обманет кто — предстанет пред Богом со своим обманом, и каждая душа сполна получит то, что заслужила, никто обижен зря не будет.

Милость верующим оказал Бог, когда из их среды посланника явил, он читает им ниспосланные айаты Бога, очищает и учит Писанию, обогащая мудростью, — ведь были они прежде в явном заблуждении.

И то, что вас постигло, когда схватились в битве два отряда, по воле Бога случилось: так истинных узнал Он верующих и лицемеров распознал.

Нет, не считай убитыми тех, кто погиб на пути Божию, — они не мёртвые, они живые! У Бога своего удел им уготован, ликуют, одаренные Божией милостью, и радуются за тех, которые к ним не присоединились ещё, но следуют за ними, — страха не изведуют, горестей не испытают!

Пусть многобожники не утешаются отсрочкой, что дали Мы, — продлив им пребывание во грехах, им унижительная кара уготована!» (3/121—134).

Мысль текла, и не слышно было слов, но они уже родились во мне, говорил Мухаммед: Не убьёшь ты — убьют тебя, так было, так есть. И надо готовиться к новому упреждающему походу!

Так будет, пока... — слаб человек в силе своей.

Войны мои, где чаще побеждал, по мнению других, я, а по мнению моему, не раз терпел позор поражения.

Вот и теперь, когда надо идти войной против... — разве одним словом скажешь, против кого?

Рассказ ослабляет волю, растерянность может вызвать в воинах колебания и неуверенность.

...Большой мекканский караван в тысячу верблюдов с грузом на сумму, подсчитано, полсотни тысяч динаров, во главе с Абу-Суфьяном шёл в Сирию. Везли кожу, вино, изюм — все мекканцы вложили в караван средства, а по пути велели дать знать Мухаммеду, что по возвращении их вооружённые отряды повернут к Иасрибу, дабы наказать его.

На подмогу Абу-Суфьяну собирался выступить отряд, *его возглавит*, передали Мухаммеду, *твой дядя Абу-Лахаб!*

Мухаммед вышел с отрядом мухаджиров и ансаров (три коня и семьдесят верблюдов) на торговую дорогу к колодезной стоянке Бадр.

Бадр — *полная луна*, так назван бедуинами, возвышенной фантазии исполненными, полноводный источник. Луна именно в полнолуние светла по-особенному, играет в живой воде бликами, двоясь и троясь, красотой подобна, сказано поэтом-бедуином, *золотой монете, брошенной на чёрную парчу, если речь о земле, и на парчу синюю, если речь о небе.*

Абу-Суфьян обнаружил след отряда Мухаммеда по разбросанным мелким финиковым косточкам, точно — йасрибские, и понял, что ему противостоит отряд малочисленный, и потому послал нового гонца навстречу мекканцам, что помощь их не требуется:

— *О боги!* — молвил Абу-Суфьян, вдохновляя воинов. — *Победу пошлите рати наилучшей из двух — а это наша рать, отряду, стоящему на более верном пути, — а это отряд наш, общине более почитаемой — а это община наша, вере лучшей на земле, а что может быть лучше, чем вера в вас, о наши боги! Победят те, кто грозен, а кто грознее нас? Погублены будут те, кто осквернил богов Каабы!*

Посланный Мухаммедом дозорный явился с вестью, что мекканцы захватили колодец, их видимо-невидимо, не сосчитать ни коней, ни верблюдов, облепили источник, словно саранча.

Стояла жара, на небе ни облачка. Нет сил вернуться назад: ушли слишком далеко, нет сил напасть: кони и верблюды лягут, мучимые жаждой. Мухаммед глянул на небо, словно ожидая подмоги, и тут Али предложил, пока не расслабились, идти в бой. Конь под ним, как он сам, нетерпелив, готов пуститься вскачь, струною вытянувшись в беге.

Будь осторожен! — говорила ему Фатима. Недавно, перед тем как выступить, Мухаммед выдал любимейшую дочь за Али, двоюродного брата, ему не брат даже — сын, надёжная опора и защита; чуть было не рассорился с Абу-Бакром и Омаром: сначала первый, потом второй, будто сговорились, стали просить руки Фатимы. Но и тому и другому Мухаммед сказал, оправдываясь, что дочь при рождении была определена в жёны Али, *такова воля Хадиджи!*

... Нет, рано выступать нам, быть должен знак!
Знак?

Вот это облачко на небе, оно уже давно зависло над горною грядой.

Но так мало это облачко — *о чём ты, Мухаммед?! А оно вдруг стремительно стало раздвигаться вширь. Отряд зрит глазами чудо, а разумом не верит, а облачко меж тем сползает на низину с гор невысоких. И не одно уже, их много, облаков. И в тучи, влагой полнясь, собираются.*

И скоро щедрый дождь польёт с небес.

Напоит коней и верблюдов!..

Так и случилось: был знак — переждать, не начинать первыми войны. Но откуда ни возьмись — бедуины, идущие к источнику, чтобы наполнить водой мехи. Узнали, что неподалёку отряд Мухаммеда, о ком наслышаны, и благоволят к нему, а путь к источнику закрыт вооружёнными отрядами мекканцев, преследующих Мухаммеда! И восприняли захват *наглецами* принадлежащего всем источника как оскорбление.

Коварны бедуины, но и простодушны — вольные сыны пустынь.

Умеренные в пище — было б только верблюжье молоко да пресный хлеб и финики. И утварь бедуина не то что дворцы у мекканцев: палатка, седло, мехи для воды, шерстяная рубашка и плащ, ну и копьё и сабля.

Но храбр и щедр он до расточительности, когда надо принять гостя.

Горд и отважен, а любовь к свободе превыше всего.

И неумолимая мстительность за малейшее поругание — смысается лишь кровью обидчика, но не грех напасть, ограбить не то что наживы ради, а удали, и лихость показать (скоро проедят и раздарят захваченное).

...В ночь перед битвой приснился Мухаммеду сон.

Это Я тебе его явил, а почему — уразумей!

Стоит на вершине холма, и всё вокруг раскрыто перед ним, как на ладони: мекканцев — лишь горсточка. Стоят растерянные, лица бледны, а в глазах — Мухаммед так близок к ним, видит отчётливо — страх.

Проснулся, тут же рассказал сон. *К добру!* — воскликнули соратники.

Мухаммед занял удобную позицию на возвышенности, восходящее солнце било в глаза мекканцам. *«Под сенью мечей, — взбодрил воинов, — находятся врата рая, и падшему уготована дорога в рай!»*

И бросил в сторону врагов-курайшей горсть песка (по другой версии — мелкие камешки): *Да сгинет враг!* Тут же,

как поведал пастух, разглядывавший бой с вершины холма, где пас овец, тысячи ангелов в белых и жёлтых чалмах и длинных сверкающих одеяниях на белых и чёрных своих конях обрушились на курайшей, смяли их, издавая трубные звуки, и тем приблизили победу Мухаммеда.

О том были явлены айаты, то ли, как не раз случалось, в упреждение, то ли постфактум: «Обратились вы за помощью к Господу своему, и ответил Он на зов ваш: “Пошлю Я в помощь вам тысячу ангелов, следующих один за другим”... Внушил ангелам: «Воистину, с вами Я. Так окажите же поддержку уверовавшим! Вселю Я страх в сердца тех, кто не уверовал. Так рубите же головы им и отсекайте пальцы их!...», то есть это возложено на горнее воинство Бога — ангелов, но далее следует: «Не вы убили неверных, это Бог сразил их. Не ты бросил, когда бросал (песок-камушки?). Это Бог бросил, дабы подвергнуть верующих испытанию доброму от Себя» (8/9, 12, 17), то есть всё, что произошло, — деяние Свыше, мусульмане ни при чём, предопределено Им.

Бой на рассвете.

Началось, как всегда, с поединков.

Трое от мекканцев: Утба бин Рабиа, тесть Абу-Суфьяна, старший его брат Шайба и сын Валид.

От йасрибцев — ансары Ауф, Муаввиз и Абдаллах.

Но условие, выдвинутое мекканцами: эти трое должны быть из бывших мекканцев, дескать, «мы не за душами йасрибцев пришли, а чтобы покарать бывших своих сородичей».

Их вызов приняли Али, Хамза и Убайда бин ал-Харис.

Почти ровесники — Али с Валидом, Убайда с Утбой, а Хамза с Шайбой.

Али и Хамза справились с соперниками легко, но Утба отрезал Убайде ногу до колена. Хамза и Али подоспели, зарубили Утбу и унесли с поля боя раненого Убайду.

Вдруг стремительный натиск мекканской конницы!

Мухаммед знает, что так обычно начинают мекканцы и что вожди пойдут впереди воинов (он с Абу-Бакром остался в шалаше из пальмовых листьев); заранее выстроил пехоту неподвижным строем с плотно сомкнутыми щитами — мекканская конница уткнулась в щиты, сбита пиками.

Все видели, как Абу-Джахл, мчавшийся впереди, пал с коня!

Ещё недавно, помнят, Абу-Джахл хвастал: «О сонмище курайшей, да потеряют вас матери ваши! Неужели не спра-

вятся сто мужей из вас со стражем одним из девятнадцати? (имея в виду, услышал некогда из уст Мухаммеда, «девятнадцать ангелов, хранящих огонь ада», в котором гореть будут противники Пророка). Уж если вы, молодые, напуганы, то что ж, я сам отгоню от вас десять ангелов правой рукой, и девять — левой!»

И тут бедуины, лёгкие, худые, мускулистые, быстрые на своих конях и верблюдах, а с бедуинами — малочисленный отряд Мухаммеда, ударили в тыл... Разрешено будет поживиться добычей, ибо — изрѣк говорящий устами Того, Кому подвластны небеса и земли, Луна и Солнце, — *захват добра нечестивцев* (имелись в виду мекканцы) *угоден Богу!*

Набег был быстр, язычники смяты, застигнутые врасплох. Особенно отличился Али, лихо, отважно дрался Хамза: отсѣк ногу Ибн Хадрами, который клялся, что засыплет песком колодцы, лишив Мухаммеда воды.

Погибший Убайд ибн Халид причислен был к *мученикам Бадра*.

Не иначе как ниспосланные Богом ангелы, четверо главных, а с ними — три тысячи, помогли Мухаммеду одержать победу. И ещё: раз сумел победить там, где, казалось, не уцелеть (триста воинов Мухаммеда против шестисот мекканцев!), то прав пред ликом Бога, ведёт справедливую войну, потому победа — неизбежна.

Мухаммед говорил об ангелах: «Подпирают престол Бога, спускаются вселить страх в сердца врагов». И битва, и победа предсказаны были в Его откровении: «Возрадуются верующие победе, в бегство обратится сборище язычников, повернут они тыл!»

А ведь предупреждал мекканцев: «Лучшее для вас — уйти! Не начнёте войну — и мы уйдём. И не говорите потом, что не слышали! Глухие — худшие из животных пред Богом!»

За *животных* мекканцы оскорбились. Было перед битвой ещё знамение помимо того, что Бог с неба низвёл воду: в сердца неверующих был Им брошен страх, и отряд Мухаммеда показался неверным вдвое большим.

Добыча йасрибцев и бедуинов, множество пленных, — обуза для бедуинов, оставили их Мухаммеду. Оружие, кольчуги, часть коней и верблюдов отдали бедуинам, и они как возникли, так и исчезли в пустыне, обещав, благодарные за щедрость, появиться там и тогда, когда Мухаммед о том лишь подумает: непременно услышат его; знает, что они за народ, купцу быть начеку!

А тот из пленных мужчин, кто докажет многодетность, пусть уйдёт, дабы дети не остались сиротами, без кормильца, — таковой отыскался, его Мухаммед помнит, мекканский поэт Абу-Изза, трое у него дочерей, уже пятеро? тем более: да излечится от вражды! Женщин отпустить, но могут остаться, если кто пожелает стать чьей-либо женой... Умолк, задумался: мало о женщинах им сказано, но сколько бы ни сказал — всё будет мало; нет, не о женщине речь, а о матери: спроси у Зейда, носитель он суры, ниспосланной в канун мираджа!

«Ночью перенёс»?

«Не поклоняйтесь никому, кроме Него, и к родителям — благодеяние!»

Спросил кто-то: — О пророк, кто более всего достоин уважения?

— *Родители твои!* — ответил.

— А из родителей?

— *Мать.*

— А следующий?

— *Мать.*

— Следующий кто?

— *Снова мать! А теперь, молвив про мать троекратно, назову следующего после неё, к кому — благодеяние: отец твой!*

— Так что же? Мать превознесена перед отцом?

— *Узри в моих речах иные смыслы, ищи в своём вопросе, когда делить неразделимое замыслил.*

Пленные — вот они: связаны на затылке руки, уныло шагают по Йасрибу.

«Убить их!» — сказал Омар.

«Взять выкуп за них!» — Абу-Бакр предложил.

Мухаммед передаст их во власть йасрибцев, вспомнив напутствие:

О Пророк! Скажи тем, в руках которых пленные: «Если Бог узнает про добро в ваших сердцах, Он дарует лучшее, чем взятое у вас, и простит вам!»

Либо милость, либо выкуп, пока война не сложит нош, а кто не в состоянии выкупить свободу, но образован, пусть учит других грамоте!

В память о победоносной битве — доставшийся Мухаммеду меч *Зульфикар, Обладатель позвонков вражьих* — срезать их, точно трав стебельки. И рыжий верблюд-скороход Абу-Джахля. И подарок, кажется, перса: щит с изображением орла; взгляд хищной птицы дерзок, закрыл рукой, ощу-

тив будто жёсткий его хохолок, а когда отнял руку, изображение орла исчезло.

А вы, кто притворился больным? Вожди племён, не пожелавшие помочь? Кто изуродовал лицо гримасой недоверия, подверг насмешкам его видения? Посрамлены все, кто воздержался от похода: мол, думали, затевается лишь *набег* на караван, а оказалось — *борьба* за веру!

Какая война без наказаний, высшее из которого — казнь!

...Али по приказу Мухаммеда в ущелье Сафра обезглавил Надра ал-Хариса, который позволял себе язвительные, а то и преступные насмешки против Самого Бога, называя Его... *зловредным*. А также — против *сводника* и *бездельника* Джебраила, против Пророка тоже! «Лучше, — говорил, — поклоняться молчаливым, послушным и безвредным, даже сатане, нежели тому, кто Единственный!»

Что именно его стихи, узнали по буквам *восемистишия*: отчётливо просматривалось имя — о себе в третьем лице, как бы отвечает обвинителю:

— Иблис-Сатана подвигнул тебя к дерзости сочинить такое!

— *К правдивости!* — возразил.

— Правда Иблиса преступна!

— *Лучше суд Иблиса, нежели суд людской!*

— Мухаммеду нашёптывает Бог, а тебе — Иблис!

— *Может, наоборот?*

— Не ты ли предлагал поймать его и отрезать ему язык?!

— *Хочу говорить с самим Мухаммедом!*

То была казнь первая, констатирует предание.

В Ирк аз-Зубйа прятался враг Мухаммеда мекканец Укба бин Абу Муайта, он некогда покушался на жизнь Мухаммеда, объявив, что это — цель отпущенной ему жизни. И поклялся, что бросит голову Мухаммеда у врат Каабы, — нашли, где спрячется Укба, и Хамза обезглавил его.

То была казнь вторая.

Была казнь ещё, третья: ночью убита в доме Асма бинт Марван за то, что сочиняла оскорбительные стихи против Мухаммеда и что смерть дочери Мухаммеда Ругийи — это наказание богов Каабы.

Ещё казнь, четвёртая, — старейшины рода амр бин ауф Абу Афака за то, что призывал мекканцев бороться с Мухаммедом, — и все эти казни зафиксированы биографами Мухаммеда.

Приостановлены были казни, когда пришла радостная весть: у Мухаммеда первенец-внук родился, это случилось в последних числах месяца *рамазан*, — *семимесячный*? Назвали *Гасан*, *Красивый*.

Пленных ведут!.. Как?! Среди них — родичи Мухаммеда?!

Дядя его Аббас! Двое братьев двоюродных — Науфал бин ал-Харис и Агил, родной брат Али! Даже муж дочери Зейнаб Абул-Ас против Мухаммеда пошёл! Да ещё бывший деверь Сауды, жены Мухаммеда, Сухайль бин Амр ал-Джумахи!.. Такое упорство в верности богам Каабы!..

Мухаммеду сообщили: дочь Зейнаб прислала выкуп за мужа — ожерелье, подаренное ей мамой, Хадиджой, и, расстроганный, он отпустил зятя безвозмездно. И тот за дарованную ему свободу согласился отпустить к отцу дочь, и Зейнаб вскоре прибыла в сопровождении Зейда в Йасриб.

Не рассказать ли, с какими трудностями выехала из Мекки Зейнаб? Как её пытался убить — и назвать имя — ибн Асвад ударом копья по носилкам, в которых сидела Зейнаб, как чудом отвращён был удар луком Кен'ана? Мухаммед проклял ибн Асвада, приказав сжечь того живём, но потом, когда успокоился, отменил приказ: лишь Бог, сказал, может наказывать сожжением.

Из последующего рассказа Абдуллы, сына Аббаса: «Отца пленил мужчина по имени Абуль-Йасар Каб бин Амр, человек неприметный».

Привели воина, пленившего дядю Мухаммеда Аббаса, был дерзок:

— По закону, — говорит, — пленный достаётся тому, кто пленил.

— Но как такой шуплый смог пленить такого крупного и сильного мужчину, как Аббас?

— Мне помогли... Я не видел того, кто мне помог, ни прежде, ни потом: помог и тут же исчез.

— Я знаю, кто тебе помог, — сказал Мухаммед. — Это пречистый ангел, принявший облик человека! И помог в назидание: пленить и тем не дать моему дяде погибнуть в битве!

— ...Оставьте меня с моим дядей Аббасом, — повелел Мухаммед. — И ты оставайся, — сказал он Али, — свидетелем будешь! Ниспосланные свыше законы ислама, — говорит Аббасу, — отменить не в силах даже я, потому изволь, человек ты богатый, уплатить выкуп.

— Да будет тебе известно, — сказал Аббас, — что я скры-

тый приверженец ислама и не воевать пошёл с тобой, а чтобы тайна моя не раскрылась!

— Если твои слова правда, то Бог наградит тебя за твоё усердие, но все видели, что ты воевал против нас, так что выкупи себя!

— Не сочтётся ли в качестве выкупа отобранное у меня золото, почти тысяча динаров!

— То не выкуп, то наша добыча!..

И явлено после Бадра, что Бог дал человеку: *голова* — по справедливости мыслить; *руки* — в молитве возносить к Богу, одаривать, не отгонять просителя, помня, что и ты можешь стать просителем; *ноги* — идти по пути Истины, спешить на зов, не бежать пред злом; *глаза* — восторгаться совершенством Им сотворённого; а также *сердце* — ближнего возлюбить, как самого себя⁶³.

Но священны и *семь*, добавлены: *спина* тащит груз забот о ближнем, гнётся пред Богом в поклоне; *желудок*... — да не станет человек его рабом!

И *девять* тоже священны — к семи плюс два: *шея* умная хранит голову, глупая её теряет; *грудь* — выставить щитом на пути Бога.

А главное — под знаком пятирицы, названной Священной, утверждается пять столпов веры для «ахли-Гур'ан» — «людей Корана»: *шахада* («свидетельство») — многократно повторяемая формула о единстве Бога и посланника, и повтор угоден Богу: *Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его*; *саят*, или намаз, пятикратная молитва; *закят* — десятая часть доходов (но пятая, или хумс, добытая в войне) в пользу Бога, мечети, Пророка и его семьи, на нужды паломников, на всё, что служит исламу; обязательные подаяния бедным, *садака*; *саум*, или ураза у суннитов, *орудж* у шиитов, короче — *пост* (язычники постились прежде в одно время с иудеями) в месяц *рамадан* (*рамазан* на фарси); *хадж* — паломничество в Мекку в первые десять дней последнего месяца зуль-хиджа; заявил Мухаммед в победные дни Бадра: «Мы непременно придём в Мекку и впредь будем посещать святыню!»⁶⁴

⁶³ Известная заповедь *возлюби ближнего* (42/23) интерпретируется как призыв видеть в *ближнем* Бога, Мухаммеда, людей общины и родственников Пророка. В некоторых переводах Корана заповедь даётся в духе трактовок мусульман: не «ближний», а «близкий», с попыткой отдалить Коран от Писания, усилить в переводах разрыв Корана с книгами иудаизма и христианства, что, кстати, культивируют и сами мусульмане, желающие противопоставить Коран Писанию.

⁶⁴ У шиитов свои пять столпов, отличные от суннитских; они да-

Женщины Мекки оделись в синее и белое — это цвета траура.

У Абу-Лахаба, когда пришла весть о поражении (и потрясении, что сгнуло его богатство), что-то внутри оборвалось, точно верёвка, успел подумать, унося эту думу с собой: сорвалось ведро, полное воды, и с глухим стуком ушло на дно колодца, — обмяк, испустив дух. Но какому божеству понадобилась его душа?

Душа! Душа! — чей-то вопль — слышал — раздался, смешанный с хохотом, когда с пятого небесного круга открылся Мухаммеду ад, и круча горная, как будто на земле, а не на небе, и спуск в геенну адову по узким тропкам.

А там, где ад... — будто не кричавшего душа испытывала муки, и голос был очень знакомый, грубый, с хрипотцой — это ж Абу-Лахаб! Неужто Мухаммед услышал голос собственного дяди? А вот и он сам: от злобы тело его вздулось!

И души погубленных им дочерей!

Точно от ниспосланий, вложены знания в Мухаммеда!

Грудь женская! капает с сосков не молоко, которым дети не были вскормлены, а кровь! Вот и мать их — жена Абу-Лахаба Умм-Джамиль! *Но в чём моя вина?!* И проклиняет мужа.

Вспомнилось Мухаммеду земное. Однажды... — случилось задолго до хиджры, живы Абу-Талиб и Хадиджа. Мухаммед услышал спор своих дядей.

— *Душа! Душа!* — захохотал Абу-Лахаб. — Христиане придумали! А прежде иудеи и персы-зороастрийцы! Кто видел душу? На что похожа? Сколько весит? Я должен увидеть и оценить! Купцу не пристало судить о том, что неошутимо! Жив — живёшь, не ведая о смерти, а умер — знать не знаешь, что умер.

— Да, — согласился Абу-Талиб, а потом добавил, вызвав новый всплеск спора: — Это как с павшим верблюдом и всякой иной тварью: жил — на что-то годился, пал — дай на съедение воронам, шакалам. Или закопай.

же включены в Конституцию Ирана — на том основании, что Исламская республика — это система правления, основанная на вере: в Единого Бога (но без второй части, или к словам: «Мухаммед — пророк Его» добавляется: «и Али — друг Его»); в справедливость Бога; в Пророков и Пророчества; в Имамат, духовное и политическое руководство 12 имамов (12-й — «невидимый» Мессия Махди (Мехти), в чьём образе выступает Али); в загробный мир.

— Смеешь, — вскрипел брат, — сравнивать меня с пада-
лью?!

— Но сам сказал, я только повторил: умрёшь — и нет
тебя!

Как предсказал!

Но жив ещё Абу-Лахаб! Жива Умм-Джамиль!

Но уже услышаны в кругах небесных, откуда виден ад: и
воплъ его, и вскрики, и проклятия его:

— О, худшее жилище! Рёв адского огня не перекричат!
Эй, кто ты? Всевышний! Господы! Спаси! Искры точно жёл-
тые верблюды! Пить!.. — задохнулся в кипящем, булька-
ющем гное.

Туда, в ад переместилась будто вся Мекка, полная за-
висти и злоязычия, алчности неуёмной, чревоугодники,
сластолюбники!..

— *Был ад столь близок ко мне*, — мекканцам про небо-
шество рассказывает, не надо бы, осмеют, а те слушают
настороженно, — *что я оглох от криков грешников!..* Ждут,
может, кого назовёт?

Вот они, собрались и слушают: все живы, а видел их в
алу, головы в вареве кипящем: Абу-Джахл! Валид! красави-
ца Хинда, жена Абу-Суфьяна, — грозились похоронить его
в трупe верблюда!

Взгляд сверкнул Абу-Суфьяна из-под густых бровей,
тянется к нему рука жены: *Спаси!* Кто б самому помог! Ис-
чезли, захлебнувшись.

Смешались крики мёртвых, что ещё живы, и тех, кто на
земле не ведаёт, что мёртв, — не различить! И Хинды зов,
мольба — удивлён чувству жалости, растаял гнев, злобы нет
былой: ведь родичи они, к единому восходят предку — могу-
чему Аднану! Курайшей племя сильное, и славный амавитов
род Абу-Суфьяна — ветвь древа курайшитов! И Хинда... —
но назвать, рассказывая о небошестве, ничьего не смеет!..

Подсказка была Джебраила Мухаммеду: — *То не тела их
видны, на земле они истлели, — а души, коим нет смерти, хо-
тели б они умереть, но не могут!*⁶⁵

— А рай? Он тоже близок был?

⁶⁵ В халисах, особенно мединской поры, собранных после смерти Мухаммеда, Джебраил, «божий дух», передатчик Пророку повелений Бога, часто является к Мухаммеду с советами, подсказками как некая самостоятельная и действующая сущность вне связи с Богом; но она, как и вышеприведённый аят, отсутствуют, вопреки догматам религии, в Коране, что, очевидно, может быть объяснено лишь наличием человеческого фактора.

— Ближе, — замечает Мухаммед, — *чем вы думаете! И если б я осмелился и сумел принести вам всего лишь гроздь винограда, то вы б питались плодами до скончания мира!*

Но был, был миг жалости, короток, однако, и смыто было сострадание страстей земных живою кровью: «*Будь проклят!*» — Хинды крик земной, но услышан с мекканских низин — плач по поражению в Бадре, — жива и властвует Хинда, и прозвана «воинственной мекканкой».

Перед Каабой толпятся курайши — по убиенным в Бадре траур, белым бело кругом, и синий цвет — знак траура.

Клянётся Хинда отомстить — за смерть сына — Ханзалы! За смерть отца, убитого Хамзой: «Нутро Хамзы, клянусь богинями Каабы, я разорву! И съем живьём его кровотокающую тёплую печень!»

Здесь и вспыльчивый — под стать жене — Абу-Суфьян: он завладел Каабой после бегства из Мекки Мухаммеда, — убит сын, взят в плен сын второй, Амр!.. Выкуп за сына?! *Неужто*, — велел передать Мухаммеду, — *соединятся против меня моя кровь и мои деньги? Ханзалу убили, а мне ещё выкупать Амра?!*

И Абу-Суфьян поклялся вслед за Хиндой, что не прикоснётся к жене, пока не отомстит Мухаммеду. И сгоряча затевает новый поход, сколотив наспех отряд, и его голос, обращённый к всадникам, коих поведёт в бой, услышан Мухаммедом: *Нет, не корысти ради* — начало популярного призыва и на все времена последующие — *идём войной против Мухаммеда, а чтоб веру предков отстоять!*

И двинулся Абу-Суфьян с отрядом в четыре сотни воинов к горе Сайб, вошёл в сговор с иудеями бану-надир, совершил набег на ал-Урайд, разорил поселение, поджёг пальмы и посевы... Но вернулся в Мекку: силы малы, надо готовиться к новой войне, чтобы отомстить за Бадр, боль не улеглась.

Сражение оставило двух вдов, одна, Умм-Саляма, была с четырьмя детьми, а другую звали Зейнаб, и Мухаммед, дабы, как сказывают, устроить им лучшую долю и осчастливить, взял их себе в жёны.

И стало у Мухаммеда четыре жены: Сауда, Айша, Умм-Саляма, Зейнаб (она вскоре, не оправившись от горя потери любимого человека, умерла).

И будет пятая, но как четвёртая, и всем жёнам пристроят к дому новые жилища, тесные, но зато каждой жене, как положено, отдельное помещение.

Будут ещё и ещё, это привычно, а потому и *гаремных*,

скажем так, примеров для тех времён не счесть, многожёнство было и среди других народов единобожия.

В Коране практика многожёнства основательно разработана в так называемых «законоведческих», мединских, сурах (имеется даже специальная сура «Женщины»).

Один из современных биографов Мухаммеда, размышляя о его многожёнстве (а после смерти Мухаммеда осталось девять вдов), пишет, что «заключение им браков с таким количеством женщин объяснялось не приливом сладострастия, справиться с которым можно было только таким способом. Нет, поступая так, он преледовал и другие цели, более крупные, чем те, к достижению которых обычно стремятся люди при заключении брака», и в их числе называет стремление Мухаммеда «к установлению родственных отношений» с племенами и родами, ибо арабы считали «конфликты и сражения между родственниками по женской линии позором для себя»⁶⁶.

А пока о жене пятой, но по счёту, повторю, четвёртой: это — Хафса.

Как рассказывается, пришло время, и Омар, прямой по натуре, решился предложить Осману, потерявшему жену Ругийю, такое горе для Мухаммеда, что ушла из жизни дочь, и зять овдовел, жениться... — так и предложил Осману, сразу и без обиняков:

«Женись на Хафсе!..» — дочери Омара восемнадцать, а уже успела овдоветь, недавно случилось.

Осман, точно оскорбили его чувства, ведь покойная жена была дочерью Пророка! резко ответил Омару отказом: «Нет!»

Омар... — вот-вот он вспыхнет, сказав такое, что потом долго примирять:

«Умерь гнев, Омар, — сказал Мухаммед, — и не спеши осуждать Османа! Ему судьбой предназначена женщина лучшая, нежели дочь твоя Хафса!»

«Как ты можешь говорить такое?!» — с болью вскричал Омар.

«Нет, ты не ослышался, имей терпение выслушать меня до конца! Но и дочери твоей Хафсе предназначен лучший, нежели Осман, муж!»

Омар тотчас понял! Да, он и сам думал, но не осмели-

⁶⁶ Сафи Ар-Рахман Аль-Мубаракфури. Жизнь Пророка, да благословит его Аллах / Пер. с араб. В. А. Нирша. М.: Благотворительный фонд «Ибрагим», 2002. С. 259.

вался предложить свою дочь в жёны самому Мухаммеду, хотя знал, что тот сердоболен, благоволит к вдовам, к тому же так юна и красива его дочь!..

Но радость от *лучшего мужа* не вытеснила недоумения Омара: кто ж это та, *лучшая жена* для Османа, нежели его дочь?!

А это, оказывается, Умм-Гюльсум! другая дочь Мухаммеда и покойной Хадиджи!.. И Пророк выдал дочь за Османа!

Надёжная опора: «дважды зять», как закрепилось за ним, и разные могут быть оттенки, зависит от того, как сказать: констатация факта? зависть? шутка? ирония? Но можно молвить образнее, поэтично, что придумал для зятя Мухаммед, сказав, что Осман «Обладатель двух сияний», или на арабский лад, двух «нур».

Да, каждый из соратников Мухаммеда — непробиваемый щит, и каждый — острый меч!.. — кинжальное окончание фразы вполне в духе времени и ласкает слух!..

Но вернусь к разговору о многожёнстве, в том числе жёнах Пророка, чему уделено особенное внимание в Коране, где не раз говорится о том, что «Пророк ближе к верующим, чем сами они друг к другу» и что «супруги Пророка матери верующих».

Эти аяты целиком вошли в шариат, действующий и поныне.

«О Пророк! Жёнам твоим молви: *Если желаете вы в жизни ближней благ — придите: я дам вам их, и с миром отпущу! А если вы благоволения хотите Бога, Его посланника, и в дальней жизни, то добродееющим из вас великую награду даст Бог!*

О жёны Пророка! Если мерзость кто из вас свершит, то наказание Божие удвоено вам будет, — для Бога это нетрудно! А той, которая послушна Богу и Его посланнику и добродетельна, — награда будет ей от Бога вдвойне, и уготовится удел достойный.

О жёны Пророка! Вы не такие, как другие женщины. Благочестивы если вы, то будьте сдержанны, дабы не возжелал тот, в чьём сердце хворь, переиначить слова ваши: пусть будут ясны по смыслу.

Пребывайте в домах своих, неставляйте напоказ украшения времён невежества [*джахили*], творите молитву, раздавайте пожертвования, повинуйтесь Богу, посланнику

Его. Бог желает удалить любые скверны и от вас, и от семьи вашей, и от всего вас очистить.

О те, которые уверовали! Когда вы женитесь на верующих, а потом, их не коснувшись, разводитесь с ними, то срока нет для них пред вами на новое замужество. Одарите их достойно, с миром отпустите.

О Пророк! Дозволили тебе Мы брать в жёны тех, которым уплатил вознаграждение, и тех, которыми твоя десница овладела из дарованного тебе Богом в добычу, и дочерей твоего дяди со стороны отца, и дочерей тётки со стороны отца, и дочерей твоего дяди со стороны матери, и дочерей тётки со стороны матери, которые выселились, и верующую женщину, если сама возжелает посвятить себя Пророку и если Пророк возжелает на ней жениться без выплаты вознаграждения, — это дозволено лишь тебе и никому другому из верующих. Нам ведомо, что предписали Мы о жёнах и рабынях верующим остальным, но и тебе, чтобы не чувствовал стеснения.

Можешь отсрочить посещение той из жён, кому желаешь, и пойти к той, которую пожелаешь, и приблизить ту, которую отстранил, — нет на тебе греха, и да возрадуются [прохладятся] их глаза. Пусть не печалятся, довольны будут тем, что получают от тебя. Ведаёт Бог о том, что в вашем сердце скрыто, Всезнающ Он и Кроток.

Отныне не дозволено тебе брать новых жён иль новой заменять кого из них, как бы ты ни был красотою поражён, исключение — лишь те, коими твоя десница овладела. И знай, Бог — Всевидящ!

О те, которые уверовали! Не входите в покои Пророка, если к трапезе не приглашены, — дождитесь! А позовут когда — тогда входите, поели — расходитесь, не затевая лишних разговоров, дабы не удручать Пророка, ибо он постыдится вас прервать, — на это вам Бог указывает! А если просите какую утварь — просите чрез завесу, так лучше для сердец ваших. Не причиняйте огорчения Пророку! И никогда не помышляйте после него на жён его [вдовах] жениться — это величайший грех пред Богом.

Нет греха на жёнах Пророка без покрывал предстать перед отцами, сыновьями, братьями, сыновьями братьев, сыновьями сестёр, женщинами, невольницами. Да убоитесь Бога — всему Свидетель Он!

Воистину, Богом прокляты в жизни ближней, дальней те, кто Богу, Его посланнику обиды причиняет, — им уготованы мучительные наказания!

А кто обиды причиняет верующему и верующей, бремя тяжкое греха берут на себя.

О Пророк, скажи твоим жёнам, дочерям, жёнам верующих, чтоб они покрывалами укрывались, дабы отличиться, неузнанными быть, не испытать укоров, оскорблений. Бог Всемиловит и Милосерд!

Если лицемеры, те, в чьих сердцах хворь, не удержатся, злословить продолжая в городе Пророка [Медине] и сеять смуту, тебя Мы против них возбудим с Нашей помощью, и им тогда недолго здесь с тобой соседствовать, будучи проклятыми Нами. И где бы встречены они ни были — будут схвачены и боем смертным биты» (33/28—33, 49—61).

Сражение победное в Бадре, о чём было, а следом — сражение проигрышное у горы Охуд, о чём будет, и единственная битва, о которой Мухаммед никогда не желал вспоминать, приятнее было рассказывать о победах, которые случились после, и Мухаммед, переступив через Охуд, восклицал, и запечатлелось в хадисе:

Через два месяца после этого я пошёл в поход в Зат ар-Рика'.

Ещё через два месяца и четыре дня после этого совершил поход на Думат ал-Джандал!

Через пять месяцев и три дня был поход на бану ал-мусталик из племени хуз'а!

Потом была Хандакская война, или Битва у рва, — через четыре года десять месяцев и пять дней после хиджры!.. — но прежде Охуд, который стал для мекканцев-язычников «походом возмездия», а для войска Мухаммеда «позором алчности».

6. Проклятия и знаки траура на восточный лад из-за поражения при Бадре и в канун Охудского сражения, когда Мухаммед — пророк смертен, а не вечен, предупреждал Бог, — чудом спасся от гибели, и это случилось в третий год хиджры, походы и походы во имя нового единобожия: на Зу-Амарр! на Бахран! изгнание еврейского племени кайнукидов!..

Хинда, выплавав все слёзы по отцу и брату, решила участвовать в войнах мужа Абу-Суфьяна против Мухаммеда — сначала в победной Охудской, затем и в проигрышной Хандакской, или *окопной*, точнее — «битве у рва».

В знак траура женщины договорились не подпускать к себе мужей, пока те не отомстят Мухаммеду.

Дни начинались с проклятий, которые раздавались из уст Хинды, ей вторил Абу-Суфьян: «О, боги Каабы, — но обращался непосредственно к Хубалу, — как вы терпите человека, восстающего против вас, кому поклонялись его предки?»

«Могилу разрыть, — вопила Хинда на мекканской площади, возбуждая толпу на войну с Мухаммедом, — Амины, его родившей, и чтоб кости не мог собрать!»

Вражда с родом Мухаммеда тянется с тех пор, как они были лишены ключей Каабы, и это продолжалось долго, пока власть не перешла к ним. И не за то ненавидит Хинда Мухаммеда, что он, бывший пастух, мнит себя пророком, что ж, пусть бы себе тешился, но он посягает на свободу женщин, кои были вправе прежде выбирать себе мужей, иметь их столько, сколько... — этот его призыв образумить женщин под предлогом введения порядка в семейные отношения, чтобы стали рабами своих мужей! Чаша ненависти переполнилась, когда Мухаммед поднял руку на её близких, погубил дорогого ей сына!..

Хинда сколотила женский отряд, обучаются владеть копьём: одно — для метания, другое — для боя рукопашного, древко из бамбука, чтоб легко было нести, метать, орудовать... Глядит с восхищением на сильного мужчину, который учит их, он оскроплен, но не утратил силу, так и играют мышцы на руках и плечах чёрного раба, из африканцев, Вахши, или Дикий, его имя, тёмная, как ночь, принадлежит всецело ей. И муж Абу-Суфьян, красивый и знатный, покорен ей, повелевает им, послушным... Неужто, когда речь о мужчине? Абу-Суфьян — лев с другими, как мнится ему, но, как и раб её, послушен Хинде.

За то ещё горько Хинде, сердце готово остановиться, что смерть её старшего сына породила сплетню, что знаменитый род Умайя лишился мужского продолжения, и прервётся ветвь суфьянидов... Но жив сын Муавийя, ему сейчас десять, может, когда-нибудь станет предводителем арабов? (Станет: покорятся ему Хиджаз и Сирия!)

И тут же всякое иное, властолюбивое и чувственное: в округе думают, что неимоверно силен раб, ибо мужского начала лишили, а она однажды случайно подглядела — всё не так, как другим кажется!..

И он должен убить её врага, их даже трое!.. Что ж, он готов!

Мухаммеда? — нет, его не тронет, очарованно слушал, как тот на ярмарке состязался с поэтами. Али убить? — нет, молод, пусть поживёт! А Хамзу запросто прикончит!..

И час настал — сражение у горы Охуд.

Мекканцев-воинов, их было три тысячи, сопровождал отряд, ведомый Хиндой, вооружённых вдов, чьи мужья погибли в Бадре.

Весть о выступлении мекканцев во главе с Абу-Суфьяном вызвала споры в стане Мухаммеда: *лицемеры-мунафикун*, как позже они были названы в Коране, настаивали встретить врага в городе, не выходя за крепостные ворота: впустить и разбить!..

Но впустить! Не попытаться противостоять за пределами города!.. К тому же воины, окрылённые бадрской победой, по преимуществу молодые, настаивали выступить навстречу врагу, хотя силы были не равны, и Мухаммед не мог с ними не согласиться, хоть и не получал от Бога указаний, но убеждённый, что Он пристально наблюдает, постоянно сопровождая его, поучает и советует. А тут — ни слова!.. По одну сторону жаждущие идти в бой, по другую *лицемеры*, и они тщетно уговаривали Мухаммеда не соглашаться с *незрелыми юнцами*.

Мухаммед ответил: *Пророку не приличествует снимать с себя оружие, раз оно надето!*

Решено было выйти за черту крепости и принять бой!..

Ранним утром отряды выступили из Йасриба, *лицемеры* чуть поотстали, а потом многие из них тайком вернулись в город.

Мухаммед (это он продумал ночью перед выступлением, учитывая, что противник превосходит его по численности, к тому же их предводитель — опытейший полководец Халид) двинул отряд фланговым движением мимо врага, осадившего город, к нагорью, чтоб разместиться в узкой седловине, упирающейся на вершину горы.

На левом неприкрытом фланге были оставлены лучшие стрелки — отбивать попытки врага обойти их позицию.

И встало войско Мухаммеда так, как наказывал: чтоб ни одно плечо не выступало из рядов.

Впереди войска язычников шли женщины из отряда Хинды, бьющие в бубны и распевающие, дабы ободрить мужчин, воинственную песнь:

Мы жёны героев, да победят идущие впереди, да устыдятся отступающие!

А перед лицом неприятеля, чуть поодаль отошли в сторону, пуская вперёд мужчин.

— Эй, — крикнули мекканцы, — выходи на единоборство!

Вышел Али. И не успел знаменосец мекканцев настроиться на бой, как Али тотчас сразил его.

Отряды Мухаммеда стали теснить мекканцев.

Тщетно Халид пытался пробраться конницей на левый фланг — тучи стрел лучников посыпались на них.

И йасрибцы, сами того не ожидая, вдруг оказались в логове врага: лагерь с несметными богатствами!.. Разгорелись глаза у воинов, и, думая, что мекканцы сломлены и бегут, стали забирать добычу.

Это заметили и стрелки — бросились за лёгкой наживой, оголив левый фланг, и туда устремилась конница Халида.

...Вахши, применив хитрость, упал на спину, заманив на себя воина, и вонзил ему в грудь свой короткий африканский дротик; и не успел покончить с нападающим, как увидел бегущего к нему Хамзу, увернулся от копья и проворно прыгнул, точно зверь, тому на спину, пронзил насквозь дротиком.

И, смертельно ранив *Льва ислама*, как был прозван Хамза, кличка многих на этой земле, взвалил его на себя и, уже бездыханного, бросил к ногам Хинды. При свете костра, дабы вдохновить воительниц неслыханным бесстрашием, Хинда ловко рассекла ножом грудь Хамзы, вырезала печень и, кровавую, дымящуюся, не успевшую остыть, стала рвать зубами.

Но и этим не погасила гнев: отрезала Хамзе нос, уши, вдела иглой в нитку, высушила на жарком солнце и повесила на шею — пусть весть потрясёт душу Мухаммеда. «Да, это я, Хинда, меня не победить, пусть закрепится за мною на последующие времена: *Женщина, съевшая печень своего врага*». (И за сыном её, будущим омеядским халифом Муавийей закрепится: «Сын пожирательницы человеческой печени».)

...Вдруг Мухаммед с телохранителями оказался в гуще врагов-мекканцев и в челюсть его угодил камень, разбив передний зуб, стук сотряс нутро, а кольца бармицы — чешуи шлема, впились в щёку, кровь залила лицо, а стрелу, пущенную в него, чудом удалось на лету поймать верному Тальхе, сыну Убейдуллы. В то же мгновение удар сабли по кольчуге свалил Тальху в яму, и, падая, он услышал: *Пророк убит!*

А следом — голос Абу-Суфьяна: *Этот день — за Бадр!*

Тальха выскочил из ямы и стал отчаянно сражаться, а в голове билась мысль: *Как же Бог допустил гибель Своего пророка?! Ужас охватил Тальху, но тут... — от удара копья Тальха рухнул наземь.*

Сыновья Абу-Бакра Абдулла и Мухаммед были рядом, когда исчез из виду Пророк, — первый вмиг свалил с ног убийцу, вонзив меч в шею; второй видел падающего Мухаммеда и тотчас закрыл собой его тело.

Йасрибцы, обезумев от случившегося с воплем: *«Пророка убили!»* — кинулись вверх по горе.

«Жив Пророк!» — бросил Абдулла и, нагнав одного из беглецов, ударил его мечом, тот замертво пал: — *Так будет с каждым, кто покажет спину врагу!»*

Тем временем Абу-Суфьян повернул воинов к лагерю, который грабили йасрибцы, а Мухаммед, придя в себя, с горсткой верных воинов поспешил по ущелью вверх.

Только тут Абу-Суфьян понял, что Мухаммед жив, и погнал коня, попирающего копытами трупы, к горе. Видя, что тот надёжно защищён, повернул к лагерю.

Что ж, отмщение состоялось, и он покинул поле боя, уводя за собой воинов — пересели на верблюдов с коней, ведя их на поводу, что означало: битве — конец.

Йасрибцы поспешили, пока враг не нагрязнул, предать земле убитых; хоронили в общих могилах без савана и обмывания, вспомнили, как однажды Мухаммед сказал, что убитые за веру — *шахиды* и не нуждаются в почестях, им воздано Богом.

«...Я надеялся на лучников! — сказал Мухаммед. — Но жадность стрелков, покинувших посты: решили, что победа близка, и ринулись за добычей! И конница мекканцев, заметив брешь, смела наши ряды, — о, Халид ибн Валид, искусный полководец мекканцев, пожалеешь, придя ко мне с повинной, за принесение победы идолопоклонникам и лицемерам!»

(Халид ибн Валид и впрямь, поняв, как сказано в хадисах, что *служил неправому делу*, с повинной явится вскоре к Мухаммеду и назван будет впоследствии *Мечом Ислама*. Благодаря воинскому его таланту Мухаммед избежал полного разгрома в битве с сирийцами при Муте у Мёртвого моря, где столкнулся с превосходящими силами византийцев, пришедшими тем на подмогу: *«Пять мечей сломалось у него в руке, и не осталось в руке ничего, кроме йеменского клинка»*.)

Мухаммед долго, но тщетно торговался с троюродным

своим братом Абу-Суфьяном после боя, чтобы тот выдал тело обезображенного молочного брата (и дяди — брата отца) Хамзы: *А тебе он*, — велел, чтобы непременно передали Абу-Суфьяну, думая: а вдруг тот смягчится? — *двоюродный дядя*.

Что ж, Мухаммед победил при Бадре и побеждён при Охуде!..

И кажется Мухаммеду, что слышал при своём небошестве: нежданно в небе клич!..

Крик убиенного!

Голос Хамзы!

Качнулась на небесном своде золотая нить.

И Солнца свет померк.

Пронзила сердце боль.

От ран излечило Мухаммеда не только снадобье из горных трав, но и весть, что любимая дочь Фатима одарила его вторым внуком, а мужа своего Али — новым сыном, что случилось в конце месяца шабан; имя ему дали *Гусейн*, по созвучию со старшим *Гасан*, корень — арабское слово *Husn*, что значит «Красота»; Фатима родит ещё — сына Мухассина, двух дочерей, повторивших имена дочерей Мухаммеда, уже покойных, — Ум-Кульсум и Зейнаб (продолжится лишь женская ветвь, названная «фатимидской»).

Есть версия, что Мухаммед назвал внуков Гасаном и Гусейном по созвучию, подсказка была Джебраила, имён детей иудейского пророка Аарона Шабара и Шабира. На седьмой день, как и Гасану в своё время, Гусейну сделали обрезание, и Мухаммед умастил голову внука шафранным благовонием, что отмечают биографы Мухаммеда.

Они же, биографы, полагают, что к битвам, Бадрской и Охудской (имеется и наименование Ухуд), относятся айаты Корана, выраженные метафорически, что вполне можно предположить, но при этом, проявляя своеволие, самолично вписывают в Коран отсутствующие в нём слова «Охуд» и «Бадр». И, к примеру, вместо айата «Если вас коснулась рана, то такая же рана коснулась того народа» и так далее, пожелания в том же ключе, договаривается за Бога: «Если вам нанесена рана под Ухудом, подобная же рана нанесена им в Бадре»⁶⁷, то есть посланиям Бога, это, увы, часто, придаётся утилитарный характер, они конкретизируются, чётко привязываются к жизни Мухаммеда; с них, таким образом, снимается покров обобщения, главным образом философского, этического.

⁶⁷ См.: *Крачковский*. С. 74; *Жизнь...* С. 531.

Борьба с язычниками продолжалась, сторонники Мухаммеда на Сирийской и Иракской дорогах захватили караваны, ведомые Абу-Суфьяном, — упредительные вылазки, чтобы ослабить, уgomонить, показать противнику силу.

А тут... В тот же третий год хиджры случилось вероломство хузайлитов, о чём рассказ... — и длинная цепочка имён, что поведал Абу Мухаммад Абд аль-Малик ибн Хишам (да сын того, из первых, биографа Мухаммеда), который говорил, что ему передал Зияд ибн Абдаллах аль-Баккаи со слов Мухаммада ибн Исхака аль-Мутталиби, а Ибн Исхак (тоже из первых биографов) говорил, что ему рассказал Асим ибн Омар ибн Катада:

«К Посланнику Бога после битвы при Охуде пришла группа людей из родов Адала и аль-Кара. Они просили прислать им группу сподвижников, чтобы те обучили их религии, показали, как совершать обряды ислама».

Пророк послал вместе с ними шесть своих сподвижников (они поимённо перечислены: Марсад, союзник убитого в битве Хамзы, кто и был назначен главным, Халид, Асим, Хубайба, Зейд ибн ад-Дасинна и Абдаллах ибн Тарик).

Когда они находились в ар-Раджиа, районе водного источника племени Хузайль в направлении Хиджаза в середине аль-Хадиа между Асафаном и Меккой, с ними поступили коварно, натравили против них хузайлитов, которые с мечами внезапно напали на них.

Мусульмане вынули мечи, чтобы сразиться, но хузайлиты сказали: «Мы не хотим вас убивать. Мы хотим лишь получить за вас деньги от жителей Мекки. Мы даём вам клятву и обещание, что не убьём вас!»

Марсад, Халид и Асим в один голос ответили, что никогда не примут от язычников ни обещания, ни клятвы!

И те их троих убили.

И захотели взять голову Асима, чтобы продать Сулафе, дочери Саада ибн Шахида, которая дала обет после гибели двоих сыновей в битве при Охуде, что если ей удастся получить голову Асима, то она из его черепа выпьет вино.

Труп Асима окружил рой пчёл, и невозможно было приблизиться к трупу, хузайлиты решили оставить его до вечера и взять его голову, когда улетит рой пчёл. Но Бог послал паводок, который унёс тело Асима.

Асим при жизни клялся, что его не коснётся язычник и он сам никогда не прикоснётся к язычнику, чтобы не быть осквернённым.

А Зейд ибн ад-Дасинна, Хубайба и Абдаллах прояви-

ли малодушие, слабость и предпочли жизнь. Они сдались и были пленены. Потом их увезли в Мекку, чтобы продать там.

В аз-Захране Абдаллаху удалось освободить руку от верёвки, которой он был связан, и схватиться за свой меч. Но люди стали кидать в него камни и убили его. А Хубайбу и Зейда привели в Мекку и обменяли на двух хузайлитов, находящихся там в плену.

Ибн Исхак передаёт, что Хубайбу выкупил Худжайр для Утбы ибн аль-Хариса ибн Амира ибн Науфаля, чтобы тот убил его и отомстил за гибель своего отца. О Хубайбе есть рассказ и Мавии, вольноотпущенницы Худжайра ибн Абу Ихаба, которая уже тогда была мусульманкой:

«Хубайба был у меня, содержался в заключении в моём доме. Однажды я посмотрела на него и увидела: он держал у руке кисть винограда размером с голову человека и ел виноградины из неё. Я не знаю, откуда у него такой виноград, когда не было вокруг никакого винограда!.. Перед его казнью он мне сказал: “Пришли мне железку побриться и очиститься перед убийством!” Я дала мальчику бритву и велела отнести ему. Как только мальчик ушёл, я спохватилась: “Что я сделала? Этот мужчина озлоблен и может убить мальчика в отместку!” Когда мальчик принёс бритву, Хубайба взял её и сказал: “Клянусь твоей жизнью, твоя мать не боялась моего вероломства, когда послала тебя”. И отпустил его».

Хузайлиты были наказаны Мухаммедом — кто казнён, кто изгнан, дабы очистилась земля от нечестивцев, лицемеров, вероломных, не желающих признавать новое единобожие.

И начало войн с евреями, в частности племенем бану-кайнука, или кайнукидами, занимающими господствующее положение в Йасрибе-Медине, и другими иудейскими племенами Аравии, это осколки осевших тут и повсюду со времён рассеяния, а точнее, изгнания их из своих земель; не только не желают принять новое единобожие и влиться в него, но и строят козни в сговоре с враждебной Медине Меккой... — да, пока мухаммедианцы и Мекка врозь, разединены, враждебны друг другу, но Мухаммед убеждён, что связанные родственными узами и языком, они будут вместе, одним целым, и это залог их мощи.

Иудеи возжаждали поражения Мухаммеду в Бадре, и никто не вышел его поздравить с победой, попрятались в домах-крепостях своих, траур лёг на их чело! Вдобавок мол-

вили для передачи Мухаммеду, дабы подразнить его, и дерзостная угроза была в их словах: мол, «не обольщайся тем, что одолел людей, не искушённых в войне, а мы — дети войны, и если вздумаешь сразиться с нами, то познаешь горечь поражения!».

И мечами своими при этом кичились, дескать, у Мухаммеда всего лишь меч «Зульфикар», «Крушитель позвонков», который достался в победной битве, и якобы слышали, как Мухаммед сказал, глянув в их сторону, откуда ждали подмоги, определённо имея в виду их: «Да, этим мечом я буду срезать вражьи позвонки, точно стебельки трав!»

Узрели бану-кайнука в словах Мухаммеда угрозу, и ответ их: «У нас таких мечей, как твой, не счесть», и поимённо называли каждый, точно забыв про *красное* и *чёрное*: ал-Баттар — «Разрубающий», ал-Хатф — «Несущий смерть», ал-Михзам — «Расчленяющий», ар-Расуб — «Вонзающий-ся!», что вызвало гнев у победителей-мухаммедианцев.

А что это — *красное*, и что — *чёрное*?

Красное — это кровь, *а чёрное* — это могила!

Но только ли слово дразнящее?

И действие!

Базарные шалости?

Но и глумление!

Разве то была не шутка?

В иной раз сошло б за шутку!

Ах да, любимицу Мухаммеда, одну из девяти сестёр верного ученика, на посмешище выставили!

Прежде им кричали, девочкам и мальчику: «Эй, безымянные!»

Но ведь знали, что Мухаммед им всем дал имена! И что Мухаммед выдал их замуж за достойных соратников-сторонников, особенно отличился в Бадре муж Айши, тёзки жены.

Да, насмехались над нею, той Айшей: пришла на базар бану-кайнука с товаром, то были побрякушки, присела рядом с мастером золотых дел, пристали, чтобы открыла лицо, она отказалась, но разговорили её, стала рассказывать о бадрской битве, как отличился её муж. При этом золотых дел мастер придвинулся близко к ней и приколот подол её платья к сиденью, так что, когда она встала, тело оголилось, стали над нею смеяться. Айша закричала, и один из мухаджиров бросился на мастера и с такой силой ударил, что тот пал замертво. Стоявшие тут же бросились на убийцу, избив до смерти, а потом, опасаясь наказания, бежали, спрятались в своём укрепленном квартале, и базар вмиг опустел.

Однако, не покидая своей крепости, они, как сказано было в их защиту, образумились, не выпустив ни одной стрелы, ни одного камня!

Не сражались с мусульманами!

Но и в упрямстве своём не захотели признавать своей вины! и сдаваться тем более не думали! надеялись на подмогу племён по вере и что непременно одержат верх!

А вдобавок их ликование по поводу поражения Мухаммеда в Охуде!..

Потому созрело решение, и оно рано или поздно должно было реализоваться: изгнать всех иудеев из Йасриба!..

В ответ на их вероломство!

Сговор тайный с мекканцами!..

Но есть ведь, никто не может отрицать, и лояльные к Мухаммеду иудеи: в одном из хадисов Мухаммед вспоминал, что благоволящий ему мединский иудей, неважно кто, кайнукут или надирит, поведал ему о новых кознях врагов-мекканцев со слов бедуина из племени гатафан, кого услышал в винной лавке, когда тот спяну проболтался, и Мухаммед послал на перехват коварных мекканцев, идущих тайным путём, всадников во главе с верным Зейдом ибн Харисом. И вблизи ар-Рабаза караван был разгромлен, тысячи дирхемов, доставшихся в добычу, пошли на нужды правоверных.

...Увлечлись воины поеданием пахучего севика.

Разбухли животы, лень навалилась на воинов.

И неслыханное дело — Зейд ибн Харис вздремнул.

А поодаль — верблюды, кони.

Тишь... — но обошлось: мог бы повториться позорный Охуд.

Но Бог этого не только не мог допустить, но и — просматривается на протяжении жизненного пути Посланника — постоянно его защищает.

7. Увеличивать и крепить войско! ширить оберегаемую территорию, а что до разногласий с сородичами-язычниками или единобожниками иудеями и христианами... — Мухаммед оставит разрешение спора на конечное усмотрение Бога в Судный день!..

Логика, казалось бы, вполне доступная, простая как для разума и объяснения, так и для оправдания действий Мухаммеда, и ей следуют его биографы, выстраивая, зачастую с опорой на хадисы, отражённые частично и в Ко-

ране, конкретные обвинения против местных, хиджазских или даже аравийских еврейских общин, созвучные ставшей издавна, задолго до появления ислама, причиной разрыва с иудеями христиан:

что евреи, не желая портить с мекканцами давних торговых отношений, не поддержали Мухаммеда в его войнах против них, язычников, нарушили тем самым прежние договорённости;

что не признают в Мухаммеде нового пророка, отвергают явленный Коран, хотя *только в нём и ни в каком другом стороннем источнике* устами Бога сказано про истинность книг иудаизма и христианства, которые подтверждают его пророчество;

что они, мнящие себя монотеистами, вместо того чтобы объединиться с новым пророком и сообща выступить против язычников во имя нового единобожия, предают его, глумятся над ним, что не может не вызвать сомнения: истинно ли в единого Бога веруют иудеи и христиане?

что... — но главные причины, о которых свидетельствуют в той или иной форме биографы Мухаммеда, названы, и выказано единодушие в том, что эти обвинения нашли отражение также и в Коране.

Но верно и то, чего нельзя не заметить в Коране, что суждения, в частности о евреях-иудеях, и не только, но и по ряду других концептуальных проблем теории и практики как ислама, так и деятельности Мухаммеда, существенно разнятся в айатах мекканского и мединского периодов: в первых, ранних, всецело преобладает, к примеру, возвеличение людей Писания, «ахли-Китаб», а в поздних, мединских, доминируют характеристики обвинительные.

Теперь ли, потом ли следует выстроить вехи того, что уже случилось и о чём было: про договор между общинами, диалоги с иудеями и христианами о природе единобожия, призывы в новое единобожие, про войны с язычниками-мекканцами, об изменах-предательствах местных еврейских общин... — но и о том поведать, что случится, что предопределено поддерживающим их, как полагают мухаммедианцы, единым Богом.

Впрочем, распознать и выстроить, что было явлено раньше, в Мекке, а что позже, в Медине, возможно лишь... — но пришла пора новой части, кажется, последней.



V

МЕККАНСКО-МЕДИНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСЛАМА

Мухаммед велит передать мединским иудеям: *«Вы, люди Книги, которые уверовали в единого Бога, выжидаете, кто победит, я или идолопоклонники-мекканцы. Не с язычниками ли вы заодно?!»*

А вот ниспосланные айаты: «Не горюй же о людях неверных!»

Пред тем Бог велит Мухаммеду и всем, кто «уверовал» в него: «**Не берите** иудеев и христиан себе в друзья: они — друзья один другому! [Но ведь прежде сказано в Коране, что иудеи и христиане «разногласят меж собой», за что будут «держаться перед Ним ответ» в день Страшного суда.] Не берите друзьями тех, которые вашу веру принимают с насмешкой как забаву. Тех, кому до вас Я даровал Писание, и неверных» (5/51, 57, 68).

Недавно было, гласит хадис: сорвалась попытка покушения на Мухаммеда... — да, деяния времён давних!.. Старейшина племени иудеев бану-надир клялся в верности, и Мухаммед принял однажды его приглашение посетить их. Подали сладкий напиток, подождать, пока соберутся люди в синагоге, и Мухаммед присел в тени соседнего дома. Но задумано: с помощью Амра бин Джахша, объявившего себя мусульманином, сбросить с крыши на голову Мухаммеда камень, узнается потом, что это был, оказывается, жернов, страшный способ расправы — тащить на крышу жернов.

И тут... — *Эй, Мухаммед!* — будто на ухо шепнул Джебраил. — *Очнись!*

Тотчас вскочил и покинул со сторонниками квартал евреев. Тогда же, сказано в хадисе, женщина-иудейка из бану-надир поведала своему брату, и об этом узнал Мухаммед, что три раввина якобы намеревались скрытно пронести на встречу кинжалы, чтобы заколоть Мухаммеда и его спутников.

Покушение сорвалось, и Мухаммед потребовал от бану-надир в десятидневный срок покинуть Йасриб.

Выдумки тех, кто хочет рассорить иудеев с Мухаммедом?

Кто-то слышал, хвальба или угроза? что мединские иудеи — это могло относиться и к бану-надир, и к кайнукидам, Мухаммед не видел между ними разницы, — заявили, что найдут в себе силы отстоять свои дома, «с нами две тысячи воинов и немало арабов, которые скорее погибнут до последнего, нежели дадут врагу возможность, — *имелся в виду Мухаммед?* — захватить нашу крепость».

Коран подсказывает Мухаммеду, есть такие айаты в книге:

«Они всем племенем не станут с вами воевать, лишь в поселениях своих за стенами высокими укроются, — хвастают воинственностью лишь среди своих. Тебе кажется, что они как одно, едины духом, но сердца их врозь, они из тех, которые не понимают!» (59/14).

Началась многодневная осада крепости. И ультиматум: всем добровольно сдаться, не то будут поголовно истреблены. Мухаммед впоследствии скажет: «Первое — да, говорил, но второе — выдумки недругов!»

Однако Ибн... — Мухаммед прервал вестника-переговщика:

«Знаю, о ком ты! Их множество, Ибн'ов! Да, умолял меня покровительствующий им Абдулла бин Убайй сохранить им жизнь!»

«Но поголовное выселение неугодных!»

«Назойливости надобно знать свои пределы!»

«Но конфискация всего их имущества!»

«Поровну поделённое между воинами!»

«Но...» — и снова перебил:

«Твои ли эти упреки, коими неустанно в меня выстреливаешь?»

«Нет разницы, главное, что они есть!»

«Но вижу, забыл, как я ответил ходатаю за изменников: “Спроси у их вождя, — я предложил ему, — как мне поступить с ними? Как скажет — так и сделаю”. И что же? Забыли, какую кару уготовил им их собственный вождь?»

«Сад ибн Муаз?»

«Да, неужто все забыли?»

Потрясённый коварством сородичей вождь, оказывается, молвил (и это вошло в биографию Мухаммеда):

«Мужчин казнить, а жён и детей отдать в рабы!»

Под тяжестью собственных слов и пал первым, принеся себя в жертву!

Спрашивали: «Будет ли обещана им жизнь, если сдадутся?»

И Мухаммед громко ответил, чтобы все слышали: «Да!»

Но кто-то заметил, что при этом он провёл кистью руки по шее, и ясно, что значил этот жест: казнить!

Ну да: разрешено изгоняемым евреям бану-надир унести всё своё имущество, кроме оружия.

И внушительный караван в шестьдесят верблюдов покидал Медину под музыку труб и тамбуринов! Женщины дерзостно подняли с лиц покрывала, демонстрируя воинам Мухаммеда свою красоту!..

1. Обратился Мухаммед к собравшимся в мечети на пятничную молитву: *Передайте мекканцам! Всем арабам! Евреям и христианам, верующим в Мусу и в Ису! Всем, кто не насытился кровью! Бизанцам и персам! Сирийцам и Гассанидам! Не довольны ли Таифской и Колодезной, Севикской и Охудской войн? Не пора ли всем племенам угомониться?!*

Севикскую, впрочем, и не назовёшь войной, хотя поначалу показалось, что предстоит кровавая битва: но разве могут каменные и деревянные изваяния, названные богами, одолеть Всевластного, Который благоволит Мухаммеду? Говорят, что мекканский предводитель Абу-Суфьян, войско его вот-вот готово было вступить в бой, вдруг почувствовал, что потерпит поражение, к тому же явственно было им якобы услышано: *Прощайся с жизнью!* бежал, а за ним и войско его, побросав, чтобы груз не обременял, мешки с мучным пропитанием *севик*, это высушенные жареные шарики из пшеничной или ячменной крупы на меду или финиках, долго не портятся, сохраняя вкус.

Съел Мухаммед горсть, не пробовал давно, даже ячменного хлеба вкус забыл. Вспомнил, как удивил йасрибцев, когда в его честь зарезали ягнёнка. Мухаммед, не притрагиваясь к еде и недоумённо глядя на угощение, признался, что «не видел никогда целиком зажаренного ягнёнка».

И ещё сказал: «Худший сосуд, который человек наполняет жадно, — его собственное чрево!», заметив при этом, что «Абелю, сыну Адама, для поддержания сил достаточно было малой пищи, ибо известно, что треть чрева необходима для еды, треть — для питья, а треть — для лёгкости дыхания».

Айша вспоминала, что часто случалось, что в доме кончалась еда, и она тогда предлагала Мухаммеду: «Попроси у моего отца Абу-Бакра, он богатый и нам поможет».

Айше вторила Хафса, юна, чуть старше Айши, к восемнадцати годам овдовела, и Мухаммед взял её в жёны, — призывала мужа обратиться с подобной просьбой к её отцу, Омару, и он тотчас отзовется.

Мухаммед молчал-молчал, но однажды ответил им: «Никогда не избавится от нужды тот, кто обращается за помощью к кому-то, даже близкому, ибо это — как брать в руки раскалённые угли, удел каждого — у Бога».

Подобрав тогда трофеи, вернулись в Медину.

Мухаммед, как вспоминали позже, зная, что дома кончились припасы, заложил часть доспехов у одного ростовщика за ячмень, получив са', или десять фунтов. Айша с Хафсой, перемолов часть ячменя, испекли лепёшки, и все ели, приправляя их растопленным жиром, чуть прогорклым, выдавливаемым из кожаного мешка. Мухаммед при этом не оставил на скатерти ни крошки и насухо вытер тарелку. Увидев недоумение на лице Хафсы, заметил: «Крошки могут достаться шайтану, к тому же никто не знает, в каком куске еды сокрыта благодать». А перед сном промолвил, говоря о себе в третьем лице: «Ни утром, ни вечером, никогда не было в семье Мухаммеда столько ячменного хлеба!»

Да, севикская битва: бой без сражения! Такая редкость в наши времена!..

А вот Хандакская, или «Окопная», — это было всерьёз, последовали за нею новые, и нескончаемы стычки-походы-войны.

Абу-Суфьяну неймётся, не может уgomониться, затеял новый поход: движется с десятью тысячами воинов к Йасрибу!..

Медину (сторонники Мухаммеда уже привыкли к новому обозначению Йасриба) спасают от врагов возвышенности, её окружающие, однако город уязвим с севера, где равнина, откуда и может Абу-Суфьян напасть; в прошлый раз не успели собрать урожай и пострадали: врагам достался хороший корм; ныне весь урожай собран... — к ним вдруг перебежчик, уверовавший в новое единобожие, перс, и подсказка его понравилась Мухаммеду: вырыть на севере ров и тем самым укрепиться окопами.

Разделили участки меж племенами, каждая семья отвечала за свой отрезок. Сам Мухаммед от зари до позднего вечера копал ров, и, как поведал современник, мединцы пели

песни на стихи, которые якобы сочинил Мухаммед, — сохранилась лишь строка: Мы сильны, ибо с нами Бог!

А предводитель изгнанного племени бану-надир Нуййаб (Хаввай?) ибн Ахтаб, обитающий ныне в Хайбаре, специально явился в лагерь Абу-Суфьяна с отрядом своим, чтоб помочь ему в войне с Мухаммедом, «пока, — сказал, — не падёт его община-умма», о чём клятвенно договорились ещё в Каабе, куда прибыла группа надиритов, — выступить совместно с курайшитами против «общего врага».

Воспроизводится в хадисе диалог между мекканцем и надиритом, когда язычник спросил у иудея: «Вы ведаете о нашей вражде с Мухаммедом, но какая вера лучше, наша или его?» — «Воистину ваша лучше!»⁶⁸ — то есть одобрил язычество.

Поведать о «битве у рва» — и строки достаточно, а описать — тут и страницы будет мало: немало книг в исламском мире о войнах Мухаммеда, его полководческом искусстве. А тут многотысячное войско держит долгую осаду города, в бездействии ждёт уже двадцать, как подсчитано биографами, дней, то время становится зверем, и воюешь уже с ним, а не с противником!..

Ждут, что вот-вот город сдастся, но ворота наглухо закрыты, и ко рву, чтобы преодолеть его, никто не приближается.

Ропот в войске Абу-Суфьяна, а это — недуг, и растёт молва, что свыше идёт помощь Мухаммеду и его не победить!..

Абу-Суфьян, когда, казалось, с ним объединены в войне против Мухаммеда бану-курайза и иудеи Хайбара, племя готафан, и вот-вот наступит перелом в войне и Мухаммед, не выдержав осаду, сдастся, вдруг... ну да, оберегаем Богом, именно в это самое время Абу-Суфьян вдруг неожиданно снялся, сел на верблюда и обратился к воинам со словами: «Я вас покидаю...» Волнами покатилося это по рядам, но верблюд, на котором восседал он, не сдвинулся с места, будто к земле привязали ноги, ждал, пока мекканцы отзовутся на слова вождя-предводителя, что значит: Я вас привёл, и я вас призываю примкнуть ко мне — если убежать, так всем вместе!..

Мухаммед решил поначалу, что это обманный манёвр, но нет — бегство! Потому что полководец Халид сказал Абу-Суфьяну: *Отныне каждый разумеющий поймёт, что Мухаммед не лжёт, что он посланец!*

⁶⁸ Цит. по книге: Жизнь... С. 593.

И Мухаммед, выйдя из города, стал преследовать Абу-Суфьяна, нанося ему свежими силами удары, пока те не взмолились о пощаде.

И тут сказала — как о том в хадисе — воля Бога: Он постоянно подсказывает, началось в Медине: предупреждает Мухаммеда, часто посылая к нему Джебраила, напоминает о Своих благодеяниях, что именно Он, процитирую биографа Мухаммеда, «отбросил язычников от Медины и сделал заговорщиков-курайзитов (евреев-союзников мекканцев) лёгкой добычей мусульман». Тут же в подтверждение — из Корана: «Бог повернул неверных вспять... избавил верующих от сражения... Некоторых вы убили, кого взяли в плен, Бог дал вам в наследство землю, дома и богатства оных, а ещё одарит Он вас землёй, куда доселе не ступала нога ваша» (33:26—27).

Далее поясняется: «В последних строках Всевышний предвестил мусульманам покорение иудейского оазиса Хайбар, что и случится спустя немногим более года после завершения противостояния у Рва. Пророк выступил в поход на курайзитов, горя желанием отомстить за предательство в годину осады Медины язычниками... По преданию, в середине этого дня, когда правоверные вернулись в свои жилища, Пророку явился архангел Гавриил в парчовой чалме, восседая на осёдланном и покрытом шёлковой попоной муле.

— О Посланник Божий, ты уже без оружия?! — удивился архангел.

— Как видишь.

— Но ангелы Его... преследуют врага. Я отлучился, чтобы передать послание Господне выступить на курайзитов.

Пророк немедленно объявил поход на иудеев и с отрядов соратников двинулся к их поселению...»⁶⁹

И случилось, как и предсказывал Бог: вселил Он страх в сердца курайзитов и после двадцати пяти дней осады они сдались. И, как водилось в те времена, были и погибшие, и казнённые, и пленники, кто-то был выкуплен, а кто-то продан, имущество племени, жёны и дети врага распределены среди победителей.

Мухаммед как победитель получил пленницу-девицу по имени Рейхана (или Джувайрийе бинт Харис?), по одним

⁶⁹ Жизнь... С. 609—611. Нелишне напомнить, о чём уже было, что слов Джебраила, приводимых в библиографии, нет в тексте Корана, хотя, согласно религиозным традициям, архангел — лишь передатчик Божественных повелений, из которых и составлен Коран.

сведениям, она якобы стала невольницей-заложницей, по другим — равноправной женой, шестой, кажется.

А вскоре, это была уже собственная воля Мухаммеда, точнее, не устоял перед зовом сердца, появилась жена седьмая — Зейнаб бинт Джахш!..

Столько споров вокруг случившегося в тот пятый год хиджры, пока Бог, как это часто, не положил пересудам-обсуждениям конец, удостоверив или узаконив право Пророка на такой непривычный доселе брак: ведь Зейнаб ещё *вчера* была женой приёмного сына Мухаммеда — Зейда, ученика, телохранителя, живого хранителя многих сур Корана (впоследствии таковые, кто хранит в памяти суры Корана, получают почётный титул: «хафиз»).

А история с Зейнаб была такая.

Мухаммед как-то решил по делам заглянуть в келью к Зейду и, застав его жену Зейнаб в совершенной наготе купающейся, тотчас отпрянул, воскликнув: «Премудрый есть тот Бог, который создал тебя!»

Вскоре Зейд вернулся, и жена объявила ему о приходе Пророка, передала услышанное. Тот понял эти слова по-своему и тотчас поспешил к Пророку, предложив ему... — нет, поначалу он заявил, что решил освободить жену от уз замужества, чтобы та стала свободной.

Мухаммед понял, к чему клонит Зейд, и промолвил: «Удержи свою жену для себя, но остерегись Бога!»

Зейнаб была родственницей Мухаммеда, чуть ли не двоюродной его сестрой, и испытывала к нему, как сказывают, сильное влечение (эти пояснения появились позднее), но уступила настоянию отца, выйдя замуж за Зейда.

Брак для Зейда был якобы несчастливym, в душе он чувствовал себя оскорблённым, видя пренебрежительное её отношение к себе, бывшему рабу, и Зейд, боясь в том признаться, ибо брак его был освящён самим Пророком, хотел развестись с нею. А когда она приглянулась Мухаммеду, Зейд настоял, чтобы Пророк, очарованный красотой Зейнаб, женился на ней.

«Если даже ты разведёшься с нею, я не смогу жениться, — возразил Мухаммед, — на жене сына, которого усыновил!»

Ведь было явлено (и отражено в Коране):

«Воспрещена женитьба на женщинах, на которых жены были отцы ваши, если это не случилось прежде. Воистину, прескверно это, мерзко, отвратен путь такой!»

И в жёны вам запрещены — ваши матери, и ваши доче-

ри, и ваши сёстры, и ваши тётки по отцу и матери, и брата дочери, и дочери сестры, и ваши матери молочные, и ваши сёстры молочные, и матери жён ваших, и падчерицы, коих воспитали и с чьими матерями вы сошлись, а если не сошлись ещё с их матерями, то нет на вас греха, если вы женитесь на падчерицах. И жёны ваших сыновей, которые от чресел ваших, запрещены вам в жёны. И женитьба сразу на двух сёстрах, если это не случилось прежде. Воистину, Бог — Он Всепрощающ, Милостив!

И женщины замужние, если не взяты вами в плен [*если ими не овладели ваши десницы*], — всё это ваш Бог вам предписал. Дозволено найти жену вам на собственные ваши средства, но без распутства, среди женщин целомудренных. За удовольствия, что получаете от них⁷⁰, — вознаграждение им согласно установлению о *махре* [калыму]. И нет греха на вас, о чём договоритесь по согласию. Воистину, Бог Всеведущ и Премудр!

А если у кого достатка нет жениться на целомудренной, верующую, пусть из пленниц, из рабынь берёт. Воистину, Бог — Он Сведущ в вашей вере, — к прародителям единым ведь восходите. Женитесь на рабынях с дозволения семей их, *махр* достойный дайте. Да будут они целомудренными, не распутницами, не любовницами тайными. А если взятые в жёны совершат прелюбодеяние, наказание им — половина наказания для жён свободных. Это — тем из вас, которым тяжко. А если терпеливы будете — для вас то лучше. Воистину, Бог — Прощающ Он, Всемилолюбив!» (4/22—25).

И тогда Зейд взмолился: «Расторгни, прошу, договор усыновления!»

И настоял на своём!..

А что Зейнаб? Красива, знатна, белотела... — не любила Зейда, тоже из поздних пояснений в свете случившегося: ростом он невелик, темнокож, призналась она как-то Маймуне, тётке Мухаммеда. В оправдание также говорилось, что когда Мухаммед явился к отцу Зейнаб сватать её за Зейда, она думала, что он пришёл сватать за себя, и, точно оскорблённая, отказалась выходить за Зейда, мол, родом она повыше раба-вольноотпущенника.

⁷⁰ Другой смысл — вступление в брак на договорный срок (от одного дня до девяти лет), так называемый *временный брак*, с обязательством выплаты возмещения при его расторжении. Сунниты прочитывают первый смысл (*получение удовольствия*), шииты — второй (*плата за удовольствие*).

Но явлены были в те дни Пророку, точно по зову его сердца, айаты, собранные впоследствии в одну суру «Женщины», которые, таков их, как представляется, контекст, словно бы отражали два временных отрезка: и пору, когда Мухаммед ходил к отцу Зейнаб сватать её за Зейда и надо было вырвать у неё согласие, а также пору, когда уже сам Пророк задумал на ней жениться.

Вот айаты первого рода — о сватовстве за Зейда:

«Кто б ни был он — верующий и верующая, но если что Богом, Его посланником решено, нет выбора иного у него, чем выполнять. А Бога, Его посланника, кто ослушается — в явном заблуждении пребудет», и Зейнаб пришлось согласиться.

А вот айаты, по которым Бог дозволяет Мухаммеду поступить согласно велению души:

«Бог не дал два сердца человеку... И не содеял сыновей приёмных вам сыновьями кровными. Так ваши изрекли уста, а Бог — Он изрекает Истину, на праведный путь наставляя... Ты говорил тому, кого облагодетельствовал: “Удержи жену при себе и Бога побойся!” Ты сокрывал в душе своей, что Бог в тебе обнаружил, опасаясь людской молвы. Но более всего страшиться надо Бога. Когда же Зейд [как было сказано, дважды в устах Бога звучит в тексте Корана имя конкретного человека, современника Мухаммеда, прежде назван был дядя Мухаммеда Абу-Лахаб] решился, Мы тебя благословили на ней жениться, чтоб не было стеснения для тех, которые уверовали, с жёнами приёмных сыновей, когда решатся те. Задуманное Богом свершается! Нет на посланнике греха в том, что установил Бог для него...» (33/36, 4, 37—38).

А пока во имя нового единобожия: походы и походы, стычки и рейды, чаще — внезапные, дабы упредить враждебные выпады, атакующие и наступательные, а также оборонительные против язычников и поддерживающих их единобожцев, глухих к новому единобожию.

И длинный перечень племён малочисленных и больших: это ауситы, суляймиты, кальбиты, абдаллахиты, называть и называть их, обитающих в пределах мединских и мекканских земель, лихйанитов, гатафанитов.

И новые жертвы, новые дани-добычи, которые делятся меж воинами, а если кто из племён сдаётся без боя, то вся добыча достаётся Мухаммеду, идёт на нужды общины, и ширится пространство муслимов.

И всё многообразие столкновений подробно, с опорой на хадисы, расписано в биографиях Мухаммеда, выделено в них даже особое направление, детально расписывающее все войны Пророка.

И тут поход в Хайбар: героические, сказывают, подвиги совершил Али во славу ислама: бесстрашный соратник (друг, брат, приёмный сын, зять, муж дочери Фатимы, отец любимых внуков... — перечень близости нескончаем): он в личной схватке победил главного богатыря иудеев Мерхаба. Битва с хайбарцами длилась долго, сражались они упорно, но силы оказались неравными — сдались.

...Мухаммед проник в крепость и тотчас увидел раненую иудейку, бросил ей плащ, чтобы укрылась. Из-за угла ринулись на Мухаммеда двое защитников крепости, воины, защищая Пророка, убили их, и тут женщина, ожив, с криком: «О, мои братья!..» — кинулась к рухнувшим и зарыдала.

Вспыхнула при взгляде на неё чья-то строка: *Иудейских разрез твоих глаз...* — неужто та, очень похожа, что встретила им с Абу-Бакром на крепостной стене, когда шли в Йасриб?

Девочка, красавицей ставшая, Сафия её имя. Мухаммед велел стражнику доставить её к нему. Сафии было предложено стать женой Мухаммеда, но её отец и дядя воспротивились.

Омар повелел предать их казни, но Мухаммед распорядился не трогать, пусть живут в оазисе, где уцелел их дом.

Мягкая, много повидавшая, ласковая в обхождении Умм-Сулайма долго готовила Сафию, и однажды ночью привела её к Мухаммеду.

«Но могу ли я, о Пророк, — осмелилась вдруг спросить она, чувствуя неодолимую тягу к ней Мухаммеда, — приняв ислам, оставаться верной пророку Моисею?» И Мухаммед, как говорит предание, согласился. Впоследствии и Мария из коптов, христианка, точно сговорились, тоже попросит, став женой, оставаться верной Иисусу, но Мухаммед промолчит на сей раз, и она уже не заговорит об этом.

Верность Моисею — быть иудеем, верность Иисусу — христианином, так?

Допустим, и что с того?

А призыв в ислам разве верность лишь к себе самому?

Нет, верность единому Богу!..

...Вспомнит Мухаммед Мусу, когда вступится за иудейку Сафию, защищая её от нападков, что она отказывается

изменить своей вере и принять неясную ей веру новых пришельцев, и Мухаммед согласится с нею, позволит Сафии остаться в своей вере.

Однажды она пришла к Мухаммеду в слезах: её обидели, назвали, но кто — умолчала, «дочерью врага», дразнили иудейкой!..

Мухаммед, как сказано в хадисе, с усмешкой ответил:

«Скажи каждому, кто тебя обижает: Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя, а Мухаммед — муж»⁷¹.

Но так и не объяснил ей: корни наших вер едины!..

Хотя еврейское село Федек, зная об участии Хайбара, и сдалось без боя, но их земли всё равно были объявлены собственностью мединской общины, а исключением явилось лишь то, что жители, те из них, кто возжелал остаться, не были насильно изгнаны, но обязались платить победителям единовременную дань и постоянно — подать.

Изгнанные, или кто уцелел и остался в живых, — так уж повелось, нравы, очевидно, того жестокого времени, и это стало вроде традицией, — каждый раз, как и кайнукиды, и надириты, и иные из их единоверцев, покидали свои жилища с музыкой и пениями, ища пристанища, как правило, в Сирии.

И благословил Коран, это отражено в его тексте, действия Мухаммеда, явив аяты:

Волею Божией были изгнаны из крепостей своих те из людей Писания, которые помочь решили многобожникам, Он страх в их сердца вселил, — и часть изведена, другая пленена... Их земли Он дал вам в наследство, дома их, достояние, а также земли, на которые вы прежде не ступали, — всё сущее подвластно Богу! (33/ 26, 27).

«Снилось мне накануне...» — немало есть хадисов, которые начинаются такими словами, и рассказал, как шёл по Мекке, чтобы поклониться привычным с детства святым местам. А потом, уже вне сна, но он подсказка, соб-

⁷¹ Этот случай лёг в основу стихотворения Ивана Бунина «Магомет и Сафия» (1914): «Сафия, проснувшись, заплетает ловкой / Голубой рукою пряди чёрных кос: / “Все меня ругают, Магомет, жидовкой”, — / Говорит сквозь слёзы, не стирая слёз. / Магомет, с усмешкой и любовью глядя, / Отвечает кротко: “Ты скажи им, друг: / Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя, / Магомет — супруг”».

рал Мухаммед наутро верных ему воинов, и каждый поклонялся клятвой благоволения, что приложит все силы, дабы сон Пророка стал явью!..

И первый шаг на долгожданном пути по включению Мекки в пространство Медины, — малое в качестве пророка паломничество Мухаммеда, или умра, в Мекку, и число паломников составило, как говорят биографы, почти полторы тысячи его сторонников... — ответ могучей силы, которой в скором времени покорится Мекка и выстроит Мухаммед новую иерархию городов, сменит направление молитвы от Иерусалима в сторону Мекки.

И в его вдохновлённых успехами намерениях — предложить сопредельным странам принять новое единобожие.

Уступили родичи-мекканцы натиску Мухаммеда, такие несметные силы у него, рано или поздно должно было случиться: заключили с ним, по его настоянию, Худайбийский договор, и первую его строку, по преданию, написал якобы самолично Мухаммед, и тростниковый калям был подвластен его собственной руке: «Во имя Твое, Аллах!» И это ещё одно подтверждение, что «неграмотность» Мухаммеда — лишь метафора незапятнанности его головы и души «излишними знаниями», что позволило ему легко перейти из язычества в единобожие. Очевидно, Мухаммед в процессе освоения откровений обретал знания всего, что представлено было в подлунном мире, подвластном Богу, обретал высокую степень грамотности, образованности.

Соглашение с мекканцами было составлено сроком на десять лет, но прежде чем узнать о его пунктах, заметим, что сохранился якобы свиток с малопонятным суждением поэта-бедуина, чьё имя история не сохранила, но невнятица заглавия закрепились в памяти людей: «Уползающий змеей свиток».

Якобы поэт-бедуин видел, как край свитка, ниспадая, касался земли, стелился, точно змея, и, найдя на полу щель, уползал в неё, затем появлялся, разворачиваясь, из другой щели, полз к читающему (то есть к самому поэту?), сначала обвивался вокруг его ног, затем заматывал их, поднимался к телу, легко и незаметно пеленал шею, вот и подбородок с глубокой впадиной посередине — одну половину спрятал, другую, затем закрыл уста, глаза и всю голову... — колонна, похожая на столб, вроде языческого идола-статуи!..

Сказать и забыть эту игру воспалённого от жара пустыни воображения!

Итак, добытые в бою три условия соглашения:

(1) Право на паломничество в Мекку и посещение Каабы, Мекка обязуется разрешать Мухаммеду с будущего года трёхдневные хаджи.

«Но прежде ты обязан, — сказано в договоре, — и Мухаммед во имя мира согласился, — отступить, очистив все земли, подступающие к Мекке, которые ты захватил, и сможешь тогда ступить со своими людьми в Мекку, вооружёнными тем, что потребно в пути, а именно: мечами в ножнах и никакого иного оружия не иметь при себе ни тебе, ни сопровождающим тебя.

Прочтено мне ещё, что (2) арабы Аравии — свободные люди, и каждый, кто желает, может переходить в новую веру, за исключением, — уточнено, — зависимых рабов, которые без разрешения и согласия своих господ или покровителей примкнули к Мухаммеду, и если таковые есть, они должны быть возвращены или отосланы.

Я (3), Мухаммед, обязуюсь без помех пропускать мекканские караваны, отправляющиеся в Сирию (не уточнили: вдоль побережья Красного моря, было и не раз такое нападение на мекканцев) и из Сирии... — да пребудет меж нами нелицемерная прямота, да не будет здесь места никакой скрытой неприязни и хитрости».

Негодовал Омар: в шаге от победы и уступить?!

Укротил его пыл Абу-Бакр: «Держись, — сказал ему, — у самого стремени Мухаммеда, и помни: он — посланец! И ещё помни: люди желают торопить события, но Богу угодно, чтоб они созрели!»

Пред тем как Мухаммед ступил в Мекку — сначала как паломник, а потом как хозяин, случилось решающее событие, ещё более укрепившее его позиции: явился к нему в Медину в сопровождении горстки верных воинов знаменитый полководец Халид бин Вали, который ещё недавно громил войско Пророка.

И пришёл с повинной, ибо уверовал в его учение.

Весть эта распространилась по Хиджазу, и что Халид поклялся верно служить Пророку: «Отныне путь мой, — сказал он, — мне ясен: Мухаммед, — в третьем лице о нём, будто кто другой был пред ним, — посланец Бога!»

Захват Мекки и всепрощение побеждённых?!

Да, поход на Мекку, и он состоялся десятого числа месяца рамадан, признанного священным, — сколько всего в этом месяце:

начало явления Корана!

победный Бадр!..

но и смерть Хадиджи!

и... убийство соратников тоже в месяц *рамадан*; нет-нет, этого ещё не случилось, но ведь случится!..

Мухаммед через семь лет, восемь месяцев и одиннадцать дней после хиджры с войском в десять тысяч конных и пеших без единого пролития крови овладел Меккой, а пока шёл, новые племена примыкали к нему.

Дядя его Аббас умолял мекканцев не сопротивляться: иначе — гибель всех курайшей, «такова воля Бога, чтоб Пророк ступил на мекканскую землю».

Аббас вышел из города ночью, чтоб примкнуть к Мухаммеду, уговорив пойти с ним Абу-Суфьяна; тот согласился признать, что *Бог* Един и Мухаммед посланец Его, чему долго сопротивлялся. «Так унизиться, — кричала ему в ярости жена (но примет ислам, дабы избежать гонений), когда Аббас его уломал, а затем схватила мужа за усы и стала кричать: — Эй, люди, чего вы смотрите, как овцы, убейте этого старого жирного труса!»

Въехав победителем на белом муле (подарок правителя Египта), Мухаммед раскинул шатёр у кладбища, где похоронены дед, Абу-Талиб, Хадиджа, дети... — со сладостью победы горечь утрат смешалась. «Нет у меня дома в Мекке!» — сказал.

В Каабу! Очистить от скверны идолов! Смыть изображения на стенах водами священного Замзам.

И невежды вопрос, заданный Мухаммеду: «Как быть с фигуркой Аллаха, который есть брат Хубала?» И не он ли, Аллах, есть тот Всевышний Бог, чьим пророком Мухаммед является?..

Мухаммед лишь повторил: «Я сказал ясно — очистить!» И тут же: «Но сохранить...» — не завершив речь, тотчас отвратил лик от идола и глянул в ту сторону, где была фигурка Девы Марьям с младенцем: их на месте не оказалось, неужто исчезла?! Столько с нею связано!.. Вспомнил детское: *Она похожа на мою маму*. И часто, глядя на них, мать и дитя, уподоблял себя младенцу, — жаль, не вспомнилось о том в небошестве.

Мухаммед вошёл в Каабу лишь после разрушения идолов, точнее, их выносили и клали на землю один на другой:

дерево на дерево, камень на камень, чтобы потом увезти, погрузив их все на телеги, и бросить на пустыре.

Что ж, кто покался, тот прощён!

Мухаммед рассказывал, отражено в хадисе:

«Среди тех, кто жил до вас, был человек, убивший девяносто девять душ. Затем он стал искать самого знающего человека на земле. Ему указали на одного, и он пришёл к нему и сказал: “Я убил девяносто девять человек, есть ли для меня покаяние?” Тот ответил: “Нет!” Тогда он убил и его, и дополнил им сотню. Однако он продолжал искать самого знающего человека на земле, и ему указали на одного учёного. Придя к нему, он сказал: “Я убил сто человек. Есть ли для меня покаяние?” Тот ответил: “Да. Кто же может помешать кающемуся принести покаяние?!” Людям порой кажется, что человек творит деяния обитателей Рая, а тот попадает в Ад. А порой людям кажется, что человек совершает деяния обитателей Ада, а тот попадает в Рай. Поистине, деяния оцениваются по их завершению»⁷².

Вдруг Хинда, жена Абу-Суфьяна, предстала перед ним:

«Да, я Хинда, — сказала, — можешь меня казнить за Хамзу! Но и ты убил в Бадре моих детей, которых я родила и вырастила! Простим друг друга за прошлое!»

— Даровали Мы тебе, Мухаммед, явную победу, и Я простил тебе, что из твоих грехов предшествовало и что было позже.

— Но какие грехи у меня, о Боже?

Так и не узнал — ни тогда, ни потом.

Впрочем... — столько лет прошло, а всё никак не забудется упрёк Бога, высказанный ему в одном из ранних айатов:

Нахмурился ты, взор отведя, — ах да: подошёл к тебе слепой!.. Но знать тебе откуда, — может, чище стать он возжелал, прозреть? Или хотел из уст твоих услышать нечто, чтоб помогло оно ему?

Ну да, со знатным говорил ты, поворотив к нему охотно лик, и тут тебя прервали, что ж, утешение и в том, что мнишь, оправдываясь: вдруг, с тобой поговорив, очистится богатый? и в том, что грешен он, себя винишь?

Что б ни было, но пренебрёг ты тем, кто, уповая на Меня, к тебе с тщанием стопы направил, — и от него ты отвернулся! (80/1—10).

⁷² <http://toislam.ws/books-manhaj/22-uchenie>

И всё же Мухаммед так и не осознал до конца, и это не давало покоя: так ли он слышит Его?

Вот-вот!

Не ошибиться б!..

Бог — Творец Писания, и потому не может Он... — нет, мысль важная, тревожащая, трудно уловимая, никак не додумывалась, улетучивалась, возникая снова и снова: Но можешь ли Ты, о Боже правый, высказывать то, что я, раб Твой ничтожный, до конца не смог уразуметь?

...Мир с Меккой, поостыла враждебность Абу-Суфьяна, и в честь их примирения дочь его Умм-Хабиба стала десятой женой Мухаммеда (но Абу-Суфьян, так и не изживший ненависть к Мухаммеду, заметил, сказывают, и эти его слова запечатлели биографы Пророка: «Вот необузданный жеребец!»)⁷³.

И новые жёны в год седьмой — прежде ею стала Сафия, она девятая, а потом, одиннадцатая, Маймуна.

И дороги открыты между двумя центрами единого пространства — Мединой и Меккой, и можно как будто осуществить давнюю мечту или намерение Мухаммеда, точно услышанное, как ему кажется, Свыше: составить свитки для отправления чужестранным правителям под девизом «Да будут все пророки пророками всех», скреплённая — уже изготовлена печать-перстень духовного главы общины, или прообраза государства с двумя священными городами Мекка и Медина, с надписью «Мухаммед».

И действительно пригласить сопредельные страны соединиться с ним в одну веру, принять новое единобожие — ислам.

Рисковали купцы, а более — специальные посланники в долгих путях к правителям, прежде всего к самому могущественному: императору *Бизанса* Гераклиусу, он же Ираклий I.

К нему отправился, сохранилось его имя, Дихья аль-Кальби, уцелел и собственно текст, который открывался такими словами:

«Именем Бога всемилостивого, всемилосердного от Мухаммеда, слуги Бога и посланника Его, к Ираклию, власте-

⁷³ Жизнь... Т. I. С. 732.

лину ромеев. Мир да пребудет с тем, кто последует истинному водительству! Призываю тебя к исламу, ибо в твоём обращении — твоё спасение. Исповедуй ислам, и Бог воздаст тебе вдвое. Но ежели отвергнешь его, на тебя падёт и грех подданных твоих».

Говорится также, что император накануне был встревожен, ибо ночью, созерцая небо, прочитал по звёздам о торжестве царства обрезанных, к тому же курьер-аравитянин, кого он повелел раздеть, оказался обрезанным, что усилило тревогу. «Но мы не знаем никого, кроме иудеев, — успокоил его приближённый, — кто делал бы обрезание, а они отныне твои подданные!..»

Да, незадолго до этого Ираклий одержал победу над персами и воцарился в Иерусалиме, вернул захваченный ими Великий крест.

И перечень правителей, к кому обратился Мухаммед.

К Мукавкису в Египет отправился с посланием от имени Мухаммеда мекканец Хатыб ибн Абу-Бальтаа, принятый с почестями, его поселили в царском дворце; а что до принятия новой веры (Мухаммед предупредил, что иначе тот ввергнется в грех), то Мукавкис не отверг это предложение, но и не согласился с ним, дескать, ожидаемый посланник вот-вот явится к ним из Сирии, а не Аравии, и в знак почтительности, точнее, напуганный успехами Мухаммеда, послал ему в дар двух красивых рабынь, из коптов-христиан, одна была, как сказывают, перепродана, даже не успев покинуть пределов Египта, а вторую, Мария её имя, доставили по назначению и названа было Коптской; подарил также евнуха Мабура, осла, мулицу Дульдуй, коня Лазаза. Мария, белотелая и ладная, так понравилась Мухаммеду (оказалась второй после Айши девственницей), что он возвёл наложницу в ранг жены, двенадцатой, и в свой срок она родит Мухаммеду сына Ибрагима, назвалась «Умм-Ибрагим», «мать Ибрагима» (жизнь его, как и других сыновей, тоже окажется недолгой, одно лишь утешение, о чём скажет Мухаммед, что «в раю у него будет кормилица, и она его докормит»); есть версия, что с Марией были отправлены также две её сестры, которых Мухаммед подарил приближённым.

Предводитель Гассанидского княжества Харис ибн Абу-Шимр VII, вассал Бизанса, воспринял с гневом письмо-обращение, которое доставил ему асадит Шуджа ибн Вахб, и

Мухаммед, узнав об этом, воскликнул: «Да сгинет царство его!»

Посланцы были отправлены и к эфиопско-абиссинскому негусу Умману (Ахсаму?), который признал, что да, Мухаммед — «истинный пророк, которого чают люди Писания», и в этом ряду «благовестие Моисея и Иисуса»⁷⁴, — сам, мол, негус, не прочь, даже охотно готов принять новое единобожие, но что эфиопы вряд ли его поддержат;

эмиру Йамамы Хаузе ибн-Али, который ответил Мухаммеду: «Арабы благоговеют предо мною. Поделись со мной властью, и я последую за тобой», на что Мухаммед тоже отреагировал проклятием: «Пусть истребится он и царство его!...»; предсказания Мухаммеда, как свидетельствуют биографы, как правило, сбывались — в данном случае к нему вскоре явился Джебраил и сообщил о смерти Хауза;

правителю Бахрейна абдалькайситу аль-Мунзиру ибн-Саве («Уразумей, что религия моя восторжествует во всех пределах земли, коих коснётся копыто верблюда или лошади», а потому «в твоём обращении в ислам — твоё спасение»), и Мунзир... — есть две версии: по одной, он согласился принять предложение Мухаммеда, но не представляет себе, как быть с иудеями и зороастрийцами, которые откажутся, на что Мухаммед ответил: «...пусть тогда платят джизью», или специальный налог; а по версии другой, Аль-Мунзир, будучи вассалом Персии, побоялся самому прочесть и отправил послание шаху, который, прочтя, разорвал его на мелкие куски;

ну и, конечно же, — самому шаху Персии Хосрою, или Хосрову II, он же Парвиз Победоносный, и он, рассвирепев, отписал своему наместнику в Йемене, чтобы тот послал в Хиджаз к Мухаммеду двух крепких молодцов и чтобы пленили и привезли ему этого «наглеца».

Шах в своём ослеплении властью не ведал, — в этом виделся промысел Божий, и сыграло роль проклятие Пророка, — что вот-вот старший его сын Кавад, юноша страстный и грубый, кого он опрометчиво отстранил от наследования власти в пользу младшего сына от любимой жены сирийки Ширин, убьёт отца, казнит семнадцать своих братьев, а вскоре и сам, процарствовав всего восемь месяцев, будет сражён чумой; год-другой и рухнет династия Сасанидов

⁷⁴ Однажды Мухаммед скажет, это отражено в хадисе: «Воистину, я есть звание отца моего Ибрагима-Авраама и благовестие брата моего Исы-Иисуса». См.: Жизнь... С. 11.

под тяжестью, только ли она одна? собственных злодеяний, разве не о них говорили в древности, что «злодействовали злодеи злодейски».

И к каждому Мухаммед обратится лично; так, письмо в Бизанс гласило:

«От Мухаммеда, раба Бога Единого и Его посланника, мир тому, кто следует правильным путём! Ираклию, владыке Рума. Поистине я призываю тебя к исламу! Прими ислам, и ты спасёшься!»⁷⁵

А далее: «Если бы всем удалось понять истинный смысл исламского правления, — толмач добавил, что в захолустном Йасрибе пастух пророком себя объявил, — то основа дурных течений (уж не христианства ли?! подумал Гераклиус) была бы изведена; и убеждение, что к исламу примкнут все здравомыслящие, а что до нового пророка, то перед ним трепещет весь мир!»

(Перевод с пояснениями был обнаружен в летописи времён Ираклия (Гераклиуса), превращённой после захвата турками Константинополя в рукопись торговых сделок стамбульского купца; из-за нехватки бумаги записи велись поверх смытой греческой; подобное уже встречалось, текст на пергаменте был даже четырёхслойный. Послание, спрятанное под слоем иноязычного текста, случайно выявил собиратель древних манускриптов Абд аль-Гасым ас-Саби, расшифровано позднее.)

В посланиях содержались также и поучения:

«Не стремиться к материальному преуспеянию; обязать торговцев (!) продавать беднякам дешевле. “Ну да, — пояснял толмач, неважно, какой, — сам беден, к тому ж сиротская доля, не преуспел в богатствах!”».

Кажется, но о том умалчивают историки, никто Мухаммеду так и не ответил (впрочем, все да не все!), а византийский император, причисленный к ищущим знания, — мол, лучше говорить им, ищущим знания, нежели, зная, сохранять молчание, — впрочем, Мухаммед при этом всегда добавлял (не включено в послание), что лучше молчать, нежели вести пустой разговор.

Хохотал император над посланием Мухаммеда, но пред тем негодовал, что кто-то смеет что-то предлагать ему, пе-

⁷⁵ Жизнь... Т. 1. С. 717 и далее; биограф, в свою очередь, ссылается на множество арабских первоисточников, в частности, на многотомный труд знаменитого историка Средневековья ат-Табари (Тарих/III. С. 84—91).

ред кем раболепствует вчера ещё могущественный вождь Персии: только что, пережив поражение, так унижается, что прислал дары, дабы благосклонности добиться, поддержки в войне с «истинными» врагами шахиншахского престола.

Хронист выделил из шахских даров уникальный стол размером в три локтя из древа амбры: усыпан вокруг жемчугами, ножки — одна в виде лапы льва, держит зелёный сапфир, другая — нога оленя, под нею красный рубин, третья — лапа орла, в когтях куропатка из лазурита с рубиновыми глазами; посреди стола чаша из йеменского оникса, наполненная драгоценностями, корзина золотая, наполненная крупными жемчугами.

И ему, императору, смеют прислать всего лишь свиток, перевязанный обычной шерстяной нитью, в котором повелевают создать «на земле идеальное общество рабов Бога», — перевели: тварей, мол, смысл ниспосланных Мухаммеду откровений — это утвердить основу уразумений жизни, главные из которых, знатоки ему расписали: пятикратная молитва, полезная для души и тела; омовение даже песком, если нет воды... — «ну да, дикие безводные пустыни, не то что у нас: царский град окружён бирюзовыми водами».

Описание омовения умилило императора: «Если молящийся, свершая омовение, прополоскает рот и нос, то стекут вместе с водой прегрешения злоязычия и гордыни; омоет лицо — стекут с кончиков волос бороды прегрешения от недоброты лица и завистливости взгляда; омоет до локтей руки, а ноги до щиколоток — стекут с кончиков пальцев рук и ног прегрешения рук его, если зарились на чужое, и ног, если вели к преступному; и станет чистым и безгрешным, каким был в тот день, когда родила его мать».

И паломничество в священные города... — но какие города священные?

Константинополь? Даже укорил себя император, что ему могло взбрести такое в голову: нет никогда никаких незваных паломников в Константинополь!.. И во сне не приснится, что станет его город многие века спустя Стамбулом! столицей халифата!..

Иерусалим? Да, исстари город-душа иудеев, столица их древнего государства, почитался язычниками святым и по давней традиции этому следуют и мухаммедианцы, а потому посетивший город прибавляет к имени титул «Кудси», следуя арабскому названию города Эль-Кудс, «Святыня».

Ну и, естественно, паломничество в Мекку, город, где родился Мухаммед, и, кажется, в Йасриб, рассказывают, что уже переименован в Медину, «Город Пророка», но на карте Бизанса название ещё старое.

И о вере — пятикратно повторено слово «вера»: в единого Бога, Его пророка Мухаммеда; в предопределение судьбы, ибо и впрямь случится то, что должно случиться, коль скоро случилось; в тот мир, куда переселятся все, в воздаяние за добрые и злые дела, воскресение всех мёртвых, когда наступит Страшный суд.

«Впрочем, рассказывают, — заметил Гераклиус, он же Ираклий, от кого-то услышанное выдав за своё, — чтомышь приняла ислам, но число мусульман при этом не увеличилось» (добавить бы: но и число христиан не убавилось!).

А потом, оглядывая приближённых, император произнёс, дабы никто более не смел напоминать ему об этом казусе: «Да кто он такой, чтобы сметь указывать?» Не о нём ли говорил ему недавно (кто — не важно), что объявился некто, выдающий себя за законного отпрыска Авраама, Моисеева закона и Евангелия?!

Очевидно, негативная реакция императора не пришлась по нраву поздним историкам ислама, которые, основываясь на том, с какой лёгкостью, не прошло даже века, новое единобожие распространилось в Бизансе, решили смягчить отношение императора к Пророку, в сущности оскорбительное, и приписали ему ряд позитивных высказываний во время встречи его с группой мекканцев, на которых натолкнулись стражники императора в сирийском городе Газза и которых доставили во дворец к императору.

Среди них оказался и... Абу-Суфьян! Правитель Бизанса, как рассказывают хадисы, был к нему отзывчив и чуток, особенно когда тот, вчера ещё ярый противник Пророка, искренне поведал о своих поражениях, о том, что за Мухаммедом идёт «простой люд», число его сторонников растёт, он добродетелен и правдив, верен единому Богу и не приемлет язычества.

Вот что рассказывает: «К нам пришёл посланец императора. Во главе группы я отправился к нему. Когда нас привели к императору, он сидел на троне в окружении важных людей его государства. Он спросил о наиболее близком к Мухаммеду человеке, я назвал его ближайшим родственником и вышел вперёд. Он сказал: “Я буду задавать тебе вопросы о Мухаммеде. Если ты будешь лгать, то твои спутники укажут на твою ложь”».

Абу-Суфьян ответил, что не может лгать перед своими спутниками. Император стал спрашивать: «Каков его род?» Сказал: «Он великого рода среди нас». Он спросил: «Кто-нибудь до него призывал к тому, к чему он сейчас призывает в вашем народе?» Сказал: «Нет». Он спросил: «До того как он объявил свою миссию, знали ли вы в нём сомнения?» Сказал: «Нет» (может, позднее желание мекканцев обелить родича, который враждовал с Пророком?).

Император (в свете скорой исламизации Бизанса?) признал в Мухаммеде «обетованного вестника Божьего» и что «новоявленный пророк послан Самим Богом. Мы его чаяли, о нём вещает наша Книга [Евангелие]», и «последовал бы за ним», но опасается утратить императорскую власть.

Есть в связи с этим две версии: что он принял-таки ислам, но тайно, а другая — что император отослал курьера к константинопольскому первосвященнику, который «среди ромеев более почитаем и внимаем», нежели он сам, и сообщил тому о «новоявленном пророке».

Патриарх, послушав курьера, тотчас изрёк: «Да, он пророк Божий! Мы узнаём его по описаниям, а имя его запечатлено в нашей книге!» Затем удалился в свои покои, сменил чёрное одеяние на белое и предстал перед верующими, возгласив: «О народ ромейский! Дошло до нас послание от Ахмада [“Ахмад” — то же, что и “Мухаммед”], и он призывает нас к Богу Всевышнему!» Тут же христиане кинулись на первосвященника, стали его избивать, покуда тот не испустил дух⁷⁶.

А шах персидский заявил такое, что стыдно повторять, — *Гореть ему в адском огне!* — и тронный зал затрясся от хохота. Так долго трясся от безумного хохота, что зашатались под шахиншахом и трон, и династия, даже помощь императора Бизанса не спасла!..

Но нашлись правители, которые приняли новое единобожие: это властелины Омана, братья-аздиты Джафар и Абду (оба — ибн аль-Джулунде), которым Мухаммед обещал сохранить власть, если примут ислам, пригрозив, что иначе «лишитесь своего владычества — конница моя покроет земли ваши».

А ещё персидский ставленник в Йемене, чью знаменитую чашу из оникса, которой тот дорожил, шахиншах пер-

⁷⁶ Все эти истории так или иначе нашли отражение со ссылкой на арабские первоисточники в книге: Жизнь... Т. I. С. 719 и далее.

сидский забрал у него, чтобы подарить императору Бизанса, и тем смертельно обидел; и ставленник, понимая, что Персия, занятая своими дрязгами, не сможет спасти его от вождельний близкого соседа — абиссинцев, обитающих по ту сторону моря, решил принять ислам и тем заручиться покровительством Йасриба: Мухаммед назначил его своим наместником и в Йемене, и в Неджране.

Но тут весть, что подданные гассанидского царя, прослышав о его гневе на письмо Мухаммеда, решили, полагая, что их действие будет угодно правителю, убить мединского посланника, который отправлялся на сей раз с посланием в Сирию, и у местечке Мута схватили и казнили его. То был аздит аль-Харис ибн Умайр. Узнав об этом, Мухаммед, движимый местью за казнённого единобожца, отправил трёхтысячное войско во главе с Зейдом ибн Харисом, сыном убитого, и в подмогу ему — своего двоюродного брата Джафара ибн Абу-Талиба.

А пока они шли и белое знамя Пророка развевалось над ними, о походе прослышал византийский правитель, и он отправил в защиту своему вассалу тысячное войско, к которому примкнули воины арабских языческих племён ляхм, джузам, кайн, бахра и бали, о чём сторонники Мухаммеда не ведали, а когда узнали, то решили... — возобладало в них удайство, разразилась битва при Муте, и опрометчивое лобовое столкновение было для войска мусульман столь неожиданно, что воинство дрогнуло, не готовое к бою, и, терпя неудачу, стало отступать.

Сначала погиб Зейд ибн Харис, и знамя подхватил Джафар, но вскоре погиб и он сам — великое горе для Али, потерял родного брата, а для Мухаммеда горе вдвойне: родич и один из знатоков-хранителей в памяти сур. Вспомнил, как Джафар, прозванный «Летающим», встречался с эфиопским негусом в пору, когда мекканцы-язычники преследовали сторонников Мухаммеда, и рассказывал в кругу семьи про чудеса во дворце правителя!..

Знамя так и переходило от одного к другому, и все имена погибших знаменосцев запечатлелись в хадисах: помимо Зейда ибн Хариса и Джафара Абдаллах ибн Равах, Сабит ибн Акрам.

Лишь Халид ибн Валид сумел сохранить не только знамя Пророка, но и костяк войска, приведя его в Медину.

Пройдёт немного времени, и войско не только вновь обретёт, но и даже приумножит былую силу.

Воины Мухаммеда, готовые к новому походу, выстроились на площади, чернели кольчуги, блистали острия копий, ряды лучников с колчанами, набитыми стрелами, но тут произошло непредвиденное — Айша!..

Наконец-то!

Тянул-тянул, но не пора ли сказать, вынув занозу из сердца.

А рана тревожит!

Но да отступит земное перед небесным!

Легко сказать!

Но надеюсь, Айша всерьёз и, очевидно, надолго появилась!

Радоваться рано!

Или ведомо нечто такое, что впору умолчать?

Невыносима боль земных страстей!

Если даже...

Всему своё время!.. — сказал, как отрезал.

Айша преградила путь Мухаммеду:

— И я с вами! — в глазах мольба, и тотчас свирепость от неслышанной выходки — посмела его, вооружённого и готового в бой, остановить!.. сошла с лица, не исчезнув, однако, о чём говорили сдвинутые брови.

Упрямо твердила: — Хочу быть рядом!

Незадолго до этого Мухаммед совершал молитву, и пред глазами, хотя нельзя отвлекаться, возникла Хадиджа, а потом, завершая молитву, со вздохом промолвил: «О Хадиджа!»

И Айша вдруг с обидой:

— Ты часто произносишь её имя!

— Но что с того?!

И Айша, сама не знает, как это вышло, возьми да скажи про Хадиджу: была, де, беззубой старухой.

— Запомни: никто её не сможет заменить мне!

— А я? — и даже назвала.

— О, великая наивность!

— Но ты говорил... — Мухаммед сказал однажды ей:
Моя несравненная!

Тотчас с чего-то решила назвать Хафсу:

— И Хафса тоже? — хотя знала, что та, не успев он привезти её к себе, стала ревновать Мухаммеда к Айше и даже к покойной Хадидже, из-за чего он возвратил её отцу, и это чуть не поссорило их с Омаром... — впрочем, было иначе: просто Хафса разболталась про «измену» Мухаммеда, и, не вынеся гаремных интриг, он заявил, что отныне будет жить один, на весь день, ночь и последующий день уединился

на крыше дома, не принимал пищи, не желал никого видеть. Толпа возле мечети заговорила о неслыханной гордыне жён, обрекших Пророка на страдания, и вдруг увидели, как Мухаммед сошёл вниз, но... не для встречи с общиной, а чтобы уединиться в одной из келий, где, возлежа на верблюжьей шкуре, пробыл ночь вторую и третий день.

Омару удалось проникнуть к нему, и вдруг он испытал голод, к которому был нетерпелив, но на сей раз воскликнул:

«Доколе Пророку голодать и жить в нищете? Победим мекканцев! Завоеюем Бизанс! Персию! Будем жить в роскоши!»

«Вот что нас погубит, — ответил ему Мухаммед. — Роскошь в будущем и нетерпеливость сегодня!»

До нас дошла всего фраза об их беседе:

«Омар рассказывал живо о непредсказуемых повадках женщин, чем вызвал улыбку Мухаммеда, и сумел убедить его отказаться от задуманного: мол, разве возможно удерживать женщин от ревности друг к другу, когда каждая мечтает быть самой любимой, самой желанной женой Пророка?»

Окончательно примирил Мухаммеда с Хафсой лишь Джебраил, дух Божий, частый гость Мухаммеда, который якобы заступился за Хафсу: «Верни её! — повелел Пророку. — Она надолго сохранит верность тебе и будет одной из вечных жён твоих в раю!» Этих его слов, как и, отмечу, многих других его Божественных ниспосланий, в Коране нет, они лишь в хадисах, хотя всё, являемое через Джебраила, априорно, обязательно должно было отразиться в книге... — но Хафса впрямь жила после Мухаммеда в безбрачии и на много лет пережила его, умерла на сорок пятом году хиджры.

Нет, Айше надо назвать было не Хафсу, а Зейнаб, и только собралась исполнить задуманное, как Мухаммед её опередил:

— Оставь укоры, — сказал, — ибо вы все вместе, знай и запомни, не сможете заменить мне Хадиджу!

Айша растерялась:

— Зачем тогда я? Ночи проводить?

— Ты возгордилась, Айша, — сказал ей. — И знаю, когда она в тебя вселилась, но учти: гордыня — величайший грех!

Айша просится на войну... — не признание ли это вины за выпад против Хадиджи?

Ругал себя потом Мухаммед: Айша ему дорога, и дороже

Зейнаб, как никакая другая жена. Вспомнил... — это было не раз и не два!..

Ночи, проведённые на крыше дома с Хадиджой. Жарко было, постелили на крыше, однажды чуть не свалился с неё, — отовсюду продуваемая, но, увы, ни ветерка, ни дуновения. Но надеется, что ночное небо разгонит, поглотит дневной зной.

Намочили простыни, оба, и он, и Хадиджа, завернулись в них, *точно в саван*, лениво подумалось, но прохлада на миг: тотчас высохли простыни на теле.

Да, на крыше!..

Вдруг такая странность: ждал, просил, чтобы пришла Хадиджа, а явилась Айша! Дар его друга Абу-Бакра — из преданности Пророку? из честолюбия? ибо знает, кому дарит любимую дочь? Отвергнуть — кровную нанести обиду, а если жена, то быть ею.

И понял, ибо во всём есть знак: Айшу ему Хадиджа послала, показалось, что даже услышал, как она сказала: «Будет предана тебе, Мухаммед, ты будешь счастлив с нею!»

Укрылись мокрыми простынями, вмиг высохшими, как тогда с Хадиджой было, и теперь испытал с Айшой, и да будет она всегда с тобой, — будто Хадиджу услышал.

Звёзды опустились так низко, что всё видели и слышали... — не выдержал Мухаммед, спрятал взгляд от звёзд, придавленный к крыше нависшими над землёй звёздами, точно совершил нечто недозволенное: всё было так, как тогда, но и не так, примешалось новое — горечь.

Мухаммед взял с собою в очередной поход Айшу: вынесли паланкин, Айша воссела в него, задёрнули занавески, и четыре раба подняли и укрепили паланкин на спине верблюда, меж двух его горбов.

А на пути возвратном, после удачного замирения языческого племени, доселе недружественного, но обращённого ныне в союзника, Мухаммед дал команду устроить привал, чтобы воины при въезде в Медину не выглядели усталыми: стычка хоть и длилась недолго и быстро завершилась победой, но была поначалу жаркой.

Коней расседлали.

Верблюды уселись.

Сняли рабы со спины двугорбого верблюда паланкин, в котором находилась Айша, и поставили на землю.

Не сразу покинула она своё тесное жилище, беспокойство видом недавнего сражения не унималось, — не только наблюдала, но своим присутствием, казалось, вдохновляла воинов.

Мухаммед не разрешил ей даже близко приближаться к бою (умела стрелять из лука!):

«Не женское дело воевать!» — бросил, радуясь, однако, бесстрашию её.

Только выйдя из паланкина, Айша почувствовала необходимость размяться, — однообразная поступь верблюжья утомила, — и чуть удалилась в пустыню по надобности. Но по скором возвращении обнаружила, что нет на шее ожерелья! Ожерелье, которым дорожила! считала, что оберегает от дурного сглаза, спасает от беды: только что трогала руками и — потеряла!

Пошла искать, увлеклась, а в это время дана была команда отправляться, и приставленные к верблюду рабы, думая, что Айша вернулась, — ведь видели, как вернулась! подняли паланкин, не обратив внимания, что стал он легче. Впрочем, какой вес у Айши? Хрупкое создание... — и установили на спине верблюда.

А тем временем Айша, не найдя пропажу, вернулась — нет каравана!

Вначале, расскажет отцу, не волновалась: убеждена, хватятся, что её нет, пошлют за нею.

Но время шло — никого!

— Прежде иль потом ты шёл по следу!

— Разве я шёл?!

— Да, по следу Авраама!

— Когда?

— В кругах небесных — не земных, неужто позабыл?!

Сарра-Сара и Агарь-Хаджар, которую та — но руками Авраама? — в наказание за женскую строптивость, извечную горделивость, радостную сладость, что «у меня, не у тебя, родился сын!», отправила в пустыню, а кто вернул её? Всё в этом мире уже было, нет нового ни под луной, ни на крыше под звёздами.

— Был огорчён, узнав о пасынстве народа моего.

— Кто высказать посмел такое?!

— Но молвлено!

— Не ведаю о том!

То голос Авраама был услышан! Но как он мог не знать

о том, праотец, в своём пространстве неба, откуда видимы земные дали?!

...Идёт, идёт Мухаммед по следу Авраама — Сарра так повелела, родив ему сына законного, Ицхака, а потому именно он первенец Авраама, а не Измаил: кто его родила? Рабыня!..

Уводит Авраам, изгоняет Хаджар с сыном Измаилом в неведомое.

И оставлена одна с малолетним сыном, оба брошены Авраамом.

А Бог обетовал ему благословение, сказав об Измаиле:

И Я благословлю его, и возвращу его, и весьма-весьма размножу; двенадцать родятся от него предводителей; Я произведу от него народ великий.

Но сказанное Богом вспомнано якобы было Авраамом потом.

Укор? Упрёк? Нет, не смеет Мухаммед осуждать прародителя!..

Не смеет и Хаджар осуждать Авраама, господина своего, идёт, держа за руку сына. И оба, мать и дитя, от жажды изнывают. Кровоточат уши Хаджар: видела Сарра, как Авраам целует мягкие, нежные и красивые мочки ушей рабыни, и, сгорая от ревности, повелела двум рабам повалить её наземь и, закалив на огне шило, вонзила в мочки ушей, изуродовав её облик.

И продырявленные уши болят, ноют.

Бог пожалел Хаджар: придумав ей, чтобы не расстраивалась, серьги. И ангел во исполнение Божьей воли чудесно преобразовал уши, повесив на них серьги и придав облику Хаджар красоту, личико её засияло.

Жаркая знойная пустыня.

Мухаммед идёт следом, но Хаджар его не видит.

Но ведь знаешь, — говорит себе, — что спасены будут!

И вместе они здесь, в великом пространстве пустыни, и меж ними, разделяет их, время! Мечется она в поисках воды меж холмами аравийскими Сафа и Марва — семь раз пробежала меж ними.

Вот и совершать паломникам, — подумал Мухаммед, — семикратный пробег меж холмами во время хаджа!

Дабы не видеть, как будет умирать сын, Хаджар оставляет Измаила одного и уходит. Но как уйти?! Отойдёт — оглянется.

Прислонилась к скале отдохнуть в тени (названа впоследствии *Скалой Хаджар*). Подождать чутко — и случится

чудо? Ударил Измаил в нетерпении ногой по тверди земной, забил чистый источник, вода льётся и льётся. Уже ничего не страшно. Спаслись! Не дал Бог погибнуть Хаджар и Измаилу — ему заповедано стать началом начал двенадцати колен арабских.

Идёт, идёт Мухаммед по пустыне, расплылись отчётливые на песке следы праотца.

Стёрлись следы Хаджар и Измаила, еле уловимы.

А он идёт, нет конца пути, и... — вот свежие! только что оставлены! следы от очень маленьких ног!..

Айшу обуял ужас: одна! в пустыне!

Вдруг мимо путник случайный на верблюде, спешит. Заметил её!..

А у Айши... — сначала был испуг: друг или недруг?

Это ж Сафван ибн Ал-Муаттал!.. И он тотчас узнал: Айша! видел однажды, до *хиджаба*: платок на голову не успела накинуть, на миг обнажила лицо, но тотчас накрылась платком.

Посадил её на верблюда и помчался догонять ушедший караван.

... Лишь ступив в Йасриб, воины хватились: паланкин пуст! Нет Айши!

Разверзлись облака! С кругов неба Мухаммед увидал себя на земле, и так отчётливо: вот же он, в Йасрибе! Нет, уже в Медине! Городе, где он пророк! Даже от езды быстрой биение сердца коня под собой услышал!

Поскакал к её паланкину — занавески задвинуты! спешит её увидеть!

Но ведь знаешь, что её там нет!

Рабы стоят бледные: потерять жену Пророка!..

И знаешь ещё о том, что на рассвете, когда солнце из-за высоких барханов только-только появится на небосклоне, на площадь ступит бедуин, знакомый тебе!

Статный молодой бедуин важно восседал на верблюде, а за спиной, все видели, сидела Айша!

Был горд — ведь спас жену Пророка!

Но... тотчас нашлись злопыхатели, наговорили немало непотребного об Айше, даже преданные Мухаммеду мухаджиры засомневались в невинности её!

Среди них были Абдаллах ибн Убаййи и Хамна. Но, естественно, и Зейнаб стала распространять слухи о *неверности Айши*, мстя любимице Пророка, которую невзлюбила.

Айша заболела и, заметив в глазах Мухаммеда замешательство, замкнулась, а вечером, оскорблённая недоверием к ней, попросилась к родителям.

Мухаммед впал в уныние: не ест, не пьёт, ни с кем не желает общаться.

С кем посоветоваться?

С Абу-Бакром, её отцом? Омаром? Он строг, посоветует выкинуть Айшу из сердца!

Фатима с Али молчат, но чувствует Мухаммед, что осуждают Айшу.

Нет, не молчат: Али согласился с Омаром, мол, *«стоит ли Пророку убиваться из-за женщины? Сколько мечтают стать женой Пророка!»*

А служанка старая говорит Мухаммеду, давно у них служит, что такой верной жены, как Айша, ему не сыскать.

«Один лишь, — заметила, — у неё недостаток. — Мухаммед замер: что скажет? — Рассеянная очень».

Вдруг Мухаммед услышал Джебраила:

«Эй, Мухаммед!»

Вздрыгнул: впрямь или показалось? Давно не раздавался — со времени небошества — столь громко его голос. Еле удержался, чтобы не упасть, опёрся о стену, которая была сложена из бутового камня и всегда носила прохладу.

«Тебя позвал, не слышишь?! Выходи! И слушай суру, светом озарённую, в них — ясные знамения: быть может, приадумаешься?»

И молвит слова Бога:

«Кто навет на целомудренных возводит — пусть приведёт четырёх свидетелей! А что до тех, кто жён своих подозревает в неверности, свидетель лишь сам, да осмелится Богу четырежды дать слово в том, что он воистину молвит правду, а также слово пятое пусть даст, что, если лжёт, да будет проклят Богом!..»

— Так ответь, — спросил его Джебраил, — готов ли ты дать такую клятву?!

— Нет, не готов!

— Так слушай повеление Милосердного, Прощающего и Мудрого:

«Снято будет наказание с невинно обвинённой, когда четырежды скажет, что солгал воистину мой муж! И также клятва пятая пусть прозвучит в её устах: Да покарает меня гнев Божий, если правду говорит мой муж!»

— Ответь: клялась она или не клялась?!

— Клялась, и пятикратно!

Да, Айша с такою убеждённостью клялась, что Мухаммед прервал её: «Да, ты права, я верю!» И, помолчав, добавил: «Но не подобает сплетням повода давать: ни словом, ни жестом, ни взглядом, ни делами».

И Айша от услышанного расстроилась, покинув дом.

Джебраил исчез.

Мухаммед вдруг увидел розу белую в том месте, где Джебраил стоял, — что бы это значило?

И будто услышал: «Пророкам ведомо сие!.. А коли ты пророк, то знать бы должен это!»

Тотчас раздалось повеление Божье: «Вне подозрений жёны избранных Богом! И жён пророков подозревать есть грех тягчайший!..»

Биографы Мухаммеда единодушны в утверждении, что Бог подтвердил невинность Айши: *Воистину распространителей навета среди вас множество. Но не думайте, о семья Абу-Бакра [в уста Бога вложено конкретное имя, отсутствующее в каноническом Коране], что сие вам навредит.* «Напротив, в этом для вас благо — Сам Бог засвидетельствовал невинность Айши» — вот эти айаты, и они положили «конец злым наветам»⁷⁷.

Те, которые пришли к тебе с ложью, — группа из вас. Не считайте это злом для себя, нет, это благо для вас. Каждому человеку из них — то, что он снискал себе из этого греха. А кто из них взял на себя большую часть этого — тому наказание великое.

Отчего бы, когда вы это слышали, верующие мужчины и женщины, не подумали в своих душах хорошо и не сказали: «Это — ясная ложь»?

Отчего бы они не привели четырёх свидетелей в этом? А если они не привели свидетелей, то они у Бога — лжецы.

И если бы не щедрость Бога к вам и не Его милость в ближайшем и последнем мире, вас коснулось бы за то, о чём вы изливались, великое наказание.

Вот вы встречаете это своими устами, то, о чём у вас нет знания, и считаете, что это ничтожно, а у Бога это велико!

И отчего бы вы, когда слышали это, не сказали: «Не годится нам говорить об этом. Хвала Тебе! Это — великая ложь!»

Увещевает вас Бог, если вы никогда не возвращались к чему-нибудь подобному, если вы верующие.

⁷⁷ Жизнь... Т. I. С. 641.

И разъясняет Бог вам знамения, Он знающий, мудрый!

Поистине, те, которые любят, чтобы разглашалась мерзость о тех, которые уверовали, им — мучительное наказание в ближней жизни и в последней. Ведь Бог знает, а вы не знаете!

И если бы не щедрость Бога к вам и не Его милости, и то, что Бог — кроток, милосерд!..

О вы, которые уверовали, не следуйте по стопам сатаны!.. Он приказывает гнусность и неодобряемое. И если бы не щедрость Бога к вам и не Его милость, ни один бы из вас никогда не очистился. Но Бог очищает, кого пожелает, Он — слышащий, знающий!.. (24/11—21).

Мухаммед заспешил к Абу-Бакру.

Айша вышла не сразу, а увидав Мухаммеда, расплакалась. В руках у неё было крыло райской птицы, купцом китайским ей подаренное, и рассказ его услышала, пересказав потом Мухаммеду: уронила птица перо, решили отыскать, но соловью некогда — не отпускает любовь к розе, попугай из-за красоты помещён в клетку, куропатка не желает покидать холмы, цапля — родное болото, сова — милые сердцу развалины... — вот с каким пером вышла к Мухаммеду Айша!

А в руках Мухаммеда — белая роза.

И состоялось примирение.

А спустя какое-то время... — с детства у Айши было заведено: отец утром будил её, любимицу, и спрашивал: «А что моей Айше сегодня приснилось?»

Дочь рассказывала отцу свой сон.

Абу-Бакр часто поражался красочности её видений, — сон её был началом сказки, а разгадка отца — продолжением.

И это стало у них постоянной игрой. Айша так привыкла видеть при пробуждении отца, что в первое время, как пришла жить в дом мужа, было невмоготу, долго не могла привыкнуть. Однажды спросонья *отцом* назвала Мухаммеда. И сны как будто стали посещать её реже.

...Рассказать или нет о том страшном, что ей сегодня приснилось? Может, сначала отцу? Мухаммед утром уловил её беспокойство:

«Что-то хочешь сказать?»

Решилась: «Мне приснилось, что ты умер».

«Я такой, как все, смерть никого не минует».

«Ты лежал в гробу, а гроб стоял на огромном ковре посреди большого каменного дома».

«Что ж, ковёр — символ царства, большой ковёр — большое государство».

«Я горько плачу, хочу подойти к тебе, не пускают, вокруг гроба стоят мужчины, и отца не вижу, чтоб помог, жёны отесняют меня. Убеждена: лягу к тебе, чтоб меня приласкал, непременно оживёшь. Вдруг всё исчезает. Лишь ковёр, рядом печь, жарко горят дрова. Потом я оказалась одна в пустыне, белое облачко, как дым печи или туман с гор, быстро приближается, за ним возникает твоя фигура, ты огромен, говоришь: “Не плачь, не убивайся, а то мне придётся здесь тяжело!” — “А разве ты не у престола Бога?” — спрашиваю. Не слышишь будто меня. “Если будешь сильно горевать, мы не сможем, — говоришь, — здесь встретиться с тобой”».

Но и Мухаммеду в ту ночь приснилось, как просит Не-кое существо, похожее на человека, который исполняет желания. «А мне, — говорит, — темень звёздную Аравии!»

И при дневном свете, впрочем, слова светились и во тьме тоже, разворачивался свиток, но лишь иллюзия чтения, когда содержание как бы впитывается и ты удивительным образом обладаешь его полнотой.

— Караванный путь?

— Нет.

— Привал?

Молчит.

— В час закатный или предрассветный?

— Когда ещё темно, и крупные, как финики, звёзды нависли над мраком Аравийской пустыни.

— С той, которая... — кого назвать? Знает, кого: самую молодую жену, она почти дитя.

Но о какой ночи мечтает: первой брачной или ночи ожидания, когда ждал её, пропавшую в песчаную бурю, и она вдруг возникла и... — он насупился, постоянная боль: было? не было?

И потому имя, названное им, странно прозвучало, будто треснула каменная твердь, ожило нутро!

И всплыло недавнее как ощущение, никак не забудет, ночное её исчезновение, и на рассвете возникла... — хочет отнестись к этому по-отечески, но боль мешает, обгоняет мысль, внезапно всплывает, преследует. И снова насупился.

А на рассвете, выпив верблюжье молоко, вдруг побелел, как отточенное лезвие кинжала, и полился, как сама стихия, поток, — и это отточенное жало, с которого капает кровь, и мысль, сорвавшаяся со слова, покатилась, возве-

шая о Нём, и каждый услышал в Им явленном своё затаённое, что мучило *и тебя, Мухаммед*.

Дал владычество над всем живым, что на земле, воде, вот они, отныне его владычество, и на небе, где выпало ему шествие, а тут — хрупкое создание, заблудшее дитя, с которой... — было или нет? И тот, другой, юный, и он... — как удержаться и сладить с чувствами?! не сладить.

Что нового она открыла — дитя заблудшее?!

Забыл про самую первую из первых, чьё первоначальное имя *мужняя*, а уже затем — Ева или Хавва, что означает *жизнь*?

Запретное дерево — плод застрял в горле, став на века кадыком, *адамовым яблоком*: грех не ушёл — лишь спрятался за признаками, и первый — ощущение стыда, второй — уединиться в ночи, дабы от ока Его спрятаться, ведь по ночам Творец ходит по раю. Бессонница? Жаркий пламень творчества, который именно ночью Его охватывает?

И первую жену вспомнил, похожую на Хавву, — Хадиджу.

Молчал, молчал Мухаммед, а потом вдруг неожиданно: «Я люблю тебя, Хадиджа!» — говорит, путая их, Хадиджу и Айшу.

Сказать и ей, Айше? Но она — дитя ещё, и однажды спросила:

— Больше, чем других, меня любишь?

Не смеет ей сказать: Да!

Ибо Бог устами Джебраила повелел: *Не женись, если чувства поровну поделить не в силах между жёнами!*

Суметь сказать каждой в отдельности, как единственной: «Я очень тебя люблю!»

Но кому это удалось: любить равно всех и каждую? поровну разделить чувства меж жёнами? «Даже мне не удалось!» — подумал, и это — правда.

«Четыре» — частое число в Коране, и в контексте сказанного выше цифра ассоциируется с количеством жён, которые дозволено иметь мусульманину⁷⁸:

Женитесь на женщинах, которых полюбите, — даже на двух, на трёх и — на четырёх. А если опасаетесь, что не сможете быть одинаково справедливы к своим жёнам, — жени-

⁷⁸ Четыре, кроме того, — земные смыслы души, порицающей себя за прегрешения, не запятнанной, но полной самоукора, кающейся, и души Адама, который утратил рай; это птицы, их четыре, которые олицетворяют людские пороки: гордыню (орёл), спесь (павлин), жадность (ворона), похоть (петух).

тесь на одной (4/3). То есть иметь четыре жены ограничено по Корану условиями, исключаящими в принципе многожёнство.

Верблюдица, чьё молоко Мухаммед только что выпил, замерла, вдаль уставившись, взгляд такой у неё, будто ведомо ей, что было и будет.

— ...Ты прости, — говорит ему Айша. — Не думала, что это так ранит. Ты открыл мне сферы неба, вызвал неземные чувства, приблизил к Богу, как ты мог заподозрить такое низменное?

Сказать в ответ: *О чём ты, Айша, я не пойму!* — казалось, не было ни похода, ни исчезновения.

Выговорилось Мухаммедом иное:

— И ты меня прости за миг моего сомнения.

Подстилка из верблюжьей шерсти ценилась всегда, и даже *теперь*, когда только *мы с тобой*.

И весь облик Айши отражают большие, наивные, чуть удивлённые, даже настороженные против недоброго, что постоянно её подстерегает, глаза.

Но пора расставаться — время вышло!

Много-много времён унеслось с той поры.

Уйдёт, она останется одна.

Возникнет беспокойство утраты.

Ибо никогда уже не свидеться.

2. Всё уже было, и льётся кровь поныне, каждый раз — скорбь, горе, эти казни, стычки, и видение того, что случится и завтра, и через десятки лет, и спустя даже не столетия, а тысячу и более лет: на нас победно смотрит красивый, полный сил статный человек, а в руке у него голова отрубленного врага-соседа, и его, весёлого, введу тут слово непривычное для древности, *фотографируют*, — нескончаема череда казней!..

Но автор отвлёкся — речь его об исламе как явлении мировой цивилизации.

Был в истории период, приблизительно в X—XIV веках, когда исламская цивилизация превосходила христианскую по уровню развития науки и культуры. Имею в виду, помимо всего прочего, что через ислам пришла в Европу эллинистическая, античная культура, включая философию, медицину, математику, геометрию, астрономию (назову имена: Аль-Газали, Фараби, Ибн Сина-Авиценна, Бируни, Ибн Рушд).

Немало доброго сказано об исламе представителями немусульманских народов, в том числе русского⁷⁹.

О «духовном молоке Корана», который очищает и возвышает, о том, что ислам приобщает к Истине, явленной в харизматической судьбе и миссии Мухаммеда, говорит Вл. Соловьёв в очерке «Магомет, его жизнь и религиозное учение» (1896).

Для П. Чаадаева ислам — это «проявление общего закона», одна из ветвей «великого процесса развития откровенной религии», а «Магомет» — исполнитель «предназначенной божественной мудростью для спасения рода человеческого» плана; «благим последствием» его духовного подвига названо распространение «понятия о едином боге и о всемирной вере».

«Неслыханным новшеством» назвал И. Крачковский, известный востоковед, явленное в Коране «божество в первом лице»: в Ветхом Завете «говорящий всегда хронист, пророк, псалмист; речи — цитата. В Евангелии Христос говорит по ходу рассказа», а «нововведение» в Коране, что Бог Сам даёт Себя услышать и ниспосылает островки Своей книги; «пророк — только посредник».

Русская поэзия, начиная с А. С. Пушкина, бережно разрабатывала мотивы Корана, впервые изданного в России в переводе на русский с французского перевода. Текст, известно, восхитил Пушкина («*Читал я сладостный Коран...*»; «*Многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом*»), подвигнув его на создание цикла «Подражания Корану», состоящего из вольных переводов фрагментов тридцати трёх сур Корана.

Л. Н. Толстой в начале XX века составил специальный сборник изречений Мухаммеда, и среди приверженцев ислама бытует твёрдое убеждение, что великий писатель считал себя мусульманином.

Дорогого стоит восклицание Велимира Хлебникова: «Ах, мусульмане те же русские, и русским может быть ислам».

Историческая реальность многих веков, с которой нельзя не считаться и о которой нельзя умалчивать, такова, что можно множить и немалый негативный ряд в отношении к Мухаммеду, исламу и Корану.

⁷⁹ Незримое благословение. Исламский Восток в русской поэзии. М.: Наталис, 2008. В антологии представлены произведения свыше семидесяти поэтов: это Г. Державин, В. Жуковский, А. Пушкин, М. Лермонтов, К. Бальмонт, И. Бунин, Н. Гумилёв, А. Ахматова (заголовки — из её стихов), О. Мандельштам и др.

Ниспровергатели ислама были и в годы деятельности Мухаммеда, о чём частично сказано: современник его Кааб ибн Ашраф не единственный, кто клеймил Мухаммеда в сатирах, подстрекая курайшитов на борьбу с новым единобожием; он даже готовился убить Пророка. Хадис отразил диалог Мухаммеда со сподвижником ибн Маслама, который донёс до него эту весть. «Джабир повествует: Посланник сказал: “Кто готов убить Кааба ибн Ашрафа?” Мухаммед ответил: “Ты хочешь, чтобы я убил его?” Посланник ответил утвердительно. Ибн Маслама сказал: “Тогда позволь мне сказать, что я готов”. Пророк ответил: “Хорошо”».

Неприятие ислама можно начать от Иоанна Дамаскина, жившего в эпоху раннего халифата, в конце VII века («Беседа сарацина с христианином»). А Ибн Каммуна (XIII век) в книге «Рассмотрение трёх вероисповеданий» заявил, подвергнув критике ислам, что шариат несовместим с принципом справедливости и противоречит утверждению, что Мухаммед «добился совершенства и способности совершенствовать других, как он требовал».

Наличествует немало упрощений в трактовках ислама как «незаконного отпрыска Моисеева закона и Евангелия» (испанский арабист Мигель Асин-Паласиос); Коран — «утомительная и бессвязная несклада», «сбивчивая мешанина, сырой материал, неотшлифованный, путаный» (Томас Карлейль).

Богослов Григорий Палама (XIV век) считал, что мусульмане «живут луком, мечом, убивая и грабя, полагая, что Бог одобряет их действия».

Вольтер, чьи сочинения запрещены в странах ислама, называл Мухаммеда «фанатиком, насильником», говоря, что «фанатизм окончательно заглушил природный разум». В ту же пору англичанин Х. Придо издал книгу «Подлинная природа мошенничества, всецело проявившаяся в жизни Магомета; с прибавлением рассуждения, снимающего подобное обвинение с христианства».

Первый президент новой Турции Мустафа Кемаль Атаюрк, как известно, ликвидировал институт халифства в стране, считая, что это «не подходит для прогрессивного государства», «это всего лишь цепи, на которых священнослужители и плохие правители держат народ», и утвердил светский характер страны. Но в той же Турции десятилетия спустя трагически погиб в 1990 году бывший турецкий имам и муфтий Туран Дурсун, изменивший свои взгля-

ды на религию и ставший её критиком в трёхтомной книге «Islam bu» («Вот ислам», 1990), застреленный фанатиком в Стамбуле.

В наши дни с учётом реалий современности, разгула терроризма, который, противореча Корану, всё же ведётся именем ислама, Коран порой характеризуется как «инструкция для экстремистов»⁸⁰.

Модная формула: «столкновение цивилизаций», когда говорится о войне арабов с евреями; что арабы «мстят христианам» за крестовые походы.

Вождь «Братьев-мусульман» Сейид Кутб, казнённый в Египте по обвинению в терроризме, был убеждён, что ислам есть «последнее полное послание всему человечеству», «универсальная истина, принятие которой обязательно для всего человечества»; он призывал к «необходимости стереть с лица земли все людские царства, чтобы правил в мире его истинный Вседержитель», утверждал невозможность «“перемирия” ислама с врагами до тех пор, пока они не склонятся перед его авторитетом»⁸¹.

Из частых утверждений, ещё со времён Средневековья: что люди обращаются в ислам из низменных побуждений, и в этом ряду упоминаются страх и жажда власти.

Среди причин неприятия ислама, а точнее, поводом для критики Мухаммеда, служат эпизоды из его личной «семейной» жизни.

На этом поприще особенно преуспели критики ислама из представителей мусульманских народов, и тут, прежде всего, следует назвать Мирзу-Фатали Ахундова (XIX век), азербайджанского классика, получившего, кстати, мусульманское воспитание. Отчасти таково было веление времени, начатое в эпоху европейского Возрождения и продолженное в эпоху Просвещения, когда возобладали неприятие религии, а точнее, религиозных институтов как сил, противостоящих прогрессу. Впрочем, критику ислама М.-Ф. Ахундов подал не впрямую, а косвенно, причём с двойной, так сказать, защитой, объявив себя, во-первых, не автором, а лишь собственником «случайно обретённой» переписки, в которой некий Кемалуддовле пишет другу Джалалуддовле о том, что его возмущает в исламе и Коране, а во-вторых, дав в одном из писем рассказ-утопию о «справедливом мусульман-

⁸⁰ Extreme Islam, или Аллах не любит Америку: Сборник / Пер. с англ. М., 2003.

⁸¹ См.: Казбек Султанов. «...Ибо все происходим от Адама» // Дружба народов. 2005. № 4.

ском правителе», известном как Алазикрихи-асселам⁸², который, унаследовав от отца трон, собрал всю знать царства и народных депутатов на главную площадь столицы, установил там высокую трибуну, водрузил вокруг неё четыре знамени — красное, зелёное, жёлтое и белое — и произнёс речь, всколыхнувшую весь мусульманский мир:

«Я, ваш царь, по внушению разума считаю себя обязанным указать вам то, что полезно, и то, что вредно. Знайте, что мир существует без предшествования ему небытия, и конца миру не последует! Ад и рай — вымыслы человеческого воображения. Светопреставлением для человека считается смерть его.

Отныне каждый свободен от всяких молитв, постов, пилигримств в мнимосвятые места. Посвятите ваши труды наукам и познаниям, наслаждайтесь дарами жизни, не оковывайте себя догмами, пустым и безобразным суеверием, старайтесь возвыситься во мнении других народов земли науками, познаниями, искусством, нравственными делами, доблестными поступками.

И затворничество женщин — величайшее тиранство. Дайте им воспитание и образование, не угнетайте их. Также более одной жены не берите себе. И кто нарушит мой указ — тому кара от меня!»

Это был день поста: после проповеди царь сошёл с трибуны, сел тут же, потребовав еды, и первый нарушил пост голодания. А потом с великой царицей Дурретуттадж, Жемчужиной Короны, прошёл по главной улице страны, и жена его была с открытым лицом. И его примеру последовали все.

Чем это кончилось? По наущению недругов из соседних стран, ибо не могли они примириться, что рядом, по соседству, *революция* (Кемалуддовле написал это слово латинскими буквами, а обладатель писем Мирза-Фатали пояснил, что оно означает с основательностью учёного-востоковеда), собрались люди, и тут негодующий шурин-фанатик, который не мог стерпеть, что его сестра-царица разгуливает с открытым лицом, предложил: смерть царю! Всучили ему в руки нож, благословив на подвиг во имя веры и Бога, и он одним ударом в грудь убил Алазикрихи-асселама.

⁸² К самозащитной форме прибёг и Салман (Ахмед) Рушди в «Сатанинских строках»: критика ислама дана в форме сна героя-кинорежиссёра. Впрочем, ещё юный А. С. Пушкин в «Гавриилиаде» сослался на чужую антихристианскую легенду: «Но говорит армянское преданье...» (138-я строка поэмы).

Сын и преемник царя, воспитанный в духе отца, подерживал по мере возможностей образ правления прежний, однако и он умер при загадочных обстоятельствах. Ему наследовал внук Алазикрихи-асселама и, поняв, что или смерть ему, или реставрация старых порядков, выбрал второе.

Ещё письмо Кемалуддовле:

«...Вотходишь в дом правоверных, мечеть, разумеется, и замечаешь господина в суконном плаще, с кушаком на бедре из кашемировой шали, шерстяной шапкой на голове под бухарской мерлушкой, с длинной бородой, крашенной хною и индиго; думаешь, что, очевидно, порядочный человек; спрашиваешь соседа, и точно: знатный правоверный. Лицо и глаза его выражают вид человека, находящегося в трауре по случаю смерти, по крайней мере отца. Но нет — он печалится, ибо когда-то где-то кто-то из шиитских имамов пал в борьбе за власть.

В другом углу — преважный господин с перстнем из блестящего яхонта. Кто? Грамотен ли, спрашиваешь? А ты у него узнай! И что же?

“Грамотен?! — изумленно смотрит на тебя. — Благодарение Богу, что не заражён ересью и безбожием!”

А вот ещё один — вертит в руках чётки, лепечет про себя: “Нет божества, кроме Аллаха...”, повторяя это по числу зёрен в чётках, и пока не перевернёт зёрна, не суйся с вопросами!

Но тсс! Молла на кафедре! Сначала о рождении имама. Потом о великих подвигах в младенчестве. Приводятся цитаты, столь же нелепые, как и сам рассказ. О героических свершениях в отрочестве и юности. Как спас, как помог, надоумил заблудших, провидел. И как поднял знамя шиизма. Как преследовали. Пытались убить (покушения и прочее). И каждый раз чудо спасало. Когда мы вышли, сосед мой спросил:

— Ну как, насладились твоя душа?

— Каким же образом насладились, если я слышал вздор?

— Заклинаю тебя Всевышним, правду ли ты говоришь?!

— Это ж птичий язык, рассчитанный на птичьи мозги!

— Может, — вмешался другой, — тебе понравится по твоему развитому вкусу сложнейшее учение о четырёх подпорках, на которых держится мир?

— Я знаю о трёх китах!

— Несчастный! Я говорю о подпорках веры! — И с такою жалостью смотрит, что мне самому себя жаль стало. А он добавляет: — Первая Бог, вторая Пророк, третья имамы, а четвёртая — Керим-хан!

— Кто-кто?! Эта рухлядь?! У кого язык еле...

— Молчи, несчастный! — побледнел, озирается, в глазах страх.

...Когда же ступит народ на дорогу прогресса и цивилизации? Когда освободится от деспота и придёт человек иного образа жизни, возлюбленный народом?! Прощай!»

«Увы, увы, Кемалуддовле! — ответил ему Джелалуддовле. — Bravo, bravo тебе!.. Я и не знал, что ты такой философ, который находит деспотизм вредным, советует монарху заслужить любовь народа своими добрыми деяниями, дать ему совершенную конституцию, обеспечив подлинное, а не мнимое равенство людей... Вся гостиница “Вавилон” от моего хохота сотрясалась!

Да, ты и от Востока отдалился, и к Западу не пристал! О, бредовая мысль: искушать историю, повернув Восток по пути Запада и тем ввергнув его в пучину страданий!

Ни они нас никогда не поймут, ни мы их, ибо благо по их разумению есть зло в наших глазах, а в чём им видится порок, в том мы видим добродетель. Так вот, мы не можем без поводыря, верим всему, что нам скажут наши вожди; а они не верят никому и ничему, у них каждый врозь, и то, что говорят уста, не слышат уши; да, у нас главное — вера и падишах: поступай, как велит вера, и слушай, что говорит падишах, живи тихо, смиренно, благодари Бога за кусок хлеба и кружку воды и не гневи судьбу, если чем-то обделён, ибо так начертано на твоём лбу; мы живём довольные настоящим и не заглядываем в будущее, ибо за нас думают другие, а им, бестиям, всё не так: и ворошат, вопрошая прошлое! и в настоящем, как жуки, роются, и будущее их волнует; у нас все — рабы падишаха, а они в падишаха камни бросают; у нас сунниты и шииты, а у них католики и протестанты, а ещё православные. Отныне ты не Кемалуддовле, “Совершенство Державы”, а Нуксануддовле, “Недостаток Державы”!»⁸³

Р. С. В одном из черновиков Мирза-Фатали есть листок, названный кораническим аятом «Выводили вас младен-

⁸³ *Мирза-Фатали Ахундов. Избранные философские произведения. Баку: Азернешр, 1982. С. 99 и далее. См. также: <http://landolf.blog.ru/90074211.html>*

цами, достигается ваша зрелость...» (22/5, 40/67), и сказано о семи возрастных характеристиках, которые могут быть отнесены по некоторым приметам и к Мухаммеду тоже:

1. *Утробный период* [он у арабов входит в возраст].
2. *Младенчество* — до 5 лет.
3. *Детство* — до 10 лет: тайный след! [намёк на очищенное сердце?].
4. *Отрочество* — до 14 лет: война [участвовал!].
5. *Юность* — с 14 до 25, женитьба.
6. *Молодость* — до 40 лет: дети, дети, дети. Смерти и смерти [то же, что и у Мухаммеда, было у Мирза-Фатали: постоянный траур в семье].
7. *Зрелость, с 40 лет: взлёт* [пророчество?]; *побег* [хиджры?]; *новая женитьба* [тут, судя по нижеследующему, имеется в виду явно Айша].

Мухаммед, рассказывает Айша, накануне смерти совершил прощальное паломничество в Мекку; обратился с проповедью, что *осознаёт выполненной свою миссию*, трогательно прощался с молящимися. Кто-то спросил: «В чём трогательность?!» Уловив подвох, заметила: «Гореть в аду неверующим!»

Далее Мухаммед посетил кладбище Баки, глянул на еле видимый при дневном свете полумесяц, вспомнив, как глядел на него с небесных высей во время небошества, приветствовал переселившихся в рай.

По версии шиитов, не любящих Айшу (разделение это — позднее), и не встретишь у них имён первых халифов, и Айша — лишь у суннитов, Мухаммед часто высказывал ей претензии — не так шла, не так разговаривала, но изрёк: «Да будут курайши послушны Айше»: она — из биографов Мухаммеда.

9. *Вторая зрелость...* — но Мирза-Фатали не мог не знать, что Мухаммед умер в свои 62 года в 632 году. И тут же следом:

— *Но разве время измеряется годами?*

— *А чем?*

— *Старше не тот, кто больше прожил, а тот...* — фраза не окончена.

...Случилось в восьмой год хиджры два события — горестное, смерть старшей дочери Мухаммеда Зейнаб, дар ему Хадиджи, и саваном для неё стала рубашка отца, и, как водится, радостное, когда Мухаммед узнал, что во чреве

Марии зреет новая жизнь: неужто сын-наследник родится? И родился! «Новорождённый дал ей свободу!» — провозгласил Мухаммед. Сплетни, замешательство в гареме, протест жён, даже дочь Фатима против: её сыновья, внуки Мухаммеда, объявлены наследниками, пересматривать установленное?! Но повторилось, что уже случалось прежде: смерть новорождённого.

И новые походы уже из Мекки на соседних хавазинитов и их собратьев сақыфитов, бросивших вызов Мухаммеду, победоносная битва в Хунайне, далее осада и покорение Таифа, рейды против муляввахитов, кудаитов, амиритов к побережью Красного моря, и поход запомнился выброшенным на берег китом, чьё мясо и жир пришлось кстати изголодавшемуся войску, вступление на сирийские земли во имя расширения территории ислама, к которому обратились добровольно саудиты, другие племена, особенно в год девятый хиджры, «Год посольств»: асады, бахра, бали, дар, мурр, тамим, химйар, хамдан, фаза, бакка, хузайм, таджиб, кияляб, а для точности к каждому добавить, чтобы оформилось как племя, «иты».

Поход на Табук, где ромейцы жаждали дать бой Мухаммеду, — слух не подтвердился, но по пути мединцы разрушили капища идолов, изувечили выступ скалы, похожий на человека и названный идиолом Фильс.

В Табуке явился к Мухаммеду владыка города Эйлат Йуханна ибн Рубе заключить мирный договор о подушной подати джизья меккано-мединской общине, с чем согласились и представители других поселений, Джарба и Азрух, а им дарована письменная «безопасность их кораблям и караванам на суше и море. Им и всем, кто с ними из сирийцев, йеменцев и мореходов, — покровительство Бога и пророка Мухаммеда. Запрещено удерживать или не подпускать их к какому-либо водоёму и какой-либо дороге, будь сухопутная или морская»⁸⁴.

...Часто в последнее время какое-то предчувствие большой беды, которая вот-вот грянет, хотя ничто её не предвещает, но понимает: отныне уже не сможет возглавлять войско, Табук — последняя вылазка. Новые победы, новые приверженцы ислама, и воины, как заметил Мухаммед, вложили мечи в ножны. Ещё подумал, но не высказал: с каждой победой — горечь утраты. На сей раз тоже: пришла весть о беде — умерла дочь Умм-Гюльсум!

⁸⁴ См.: Жизнь... Т. 1. С. 815—816.

«Лишь Фатима одна у меня осталась!» (И года не пройдёт после смерти Мухаммеда, как умрёт и она.)

— Спросите у Зейда, сколько я совершил походов, — он вам ответит, и не надо переспрашивать меня, точен ли он.

— Уже спросили.

— И что он ответил?

Зейд сказал: «Походов было девятнадцать: в семнадцати я был вместе с ним, а в двух походах — не уточнил, каких — Мухаммед был без меня».

Но сколько ещё осталось всего от джахильи дикости и невежества, когда идёт делёж добычи!

Ревность племён нового единобожия друг к другу, кому сколько досталось; порой доходило до вооружённого столкновения, как недавно случилось. Абу-Бакр рассказал Мухаммеду, как вспыхнула стычка между племенами, пролилась кровь, и где — в Мекке!

— И что же ты?

— Взял огонь от священного очага, положил меж живыми и мёртвыми и прекратил рознь!..

В первое Мухаммед поверил, а во втором усомнился: каждый раз войны, опьянённые новой победой, требуют новых и новых походов ради наживы... — но нет, не поддастся их зову, хотя трудно умерить пыл, рвенье к обогащению.

И надёжная опора — суры Корана, недавно явленные:

Большинство истины не знает, мерзки деяния большинства;

оно неблагодарно;

ты думаешь, что большинство способно слышать, разуметь? Они ничем не лучше стада, сбитые с толку!

Если последуешь совету большинства, то будешь сбит с пути Бога, ведь они следуют предположениям всяким, догадки измышляют разные! (16/101, 5/66, 2/243, 25/44, 6/116).

Взгляд Мухаммеда был при этом устремлён куда-то в неведомое, сказал лишь, и Абу-Бакр услышал: «Как разнятся ваши помыслы!..»

Мысль, однако, не додумалась — пришли вести о новых победах, которые принёс Мухаммеду его военачальник, полководец, как называли Халида ибн Валида, из Наджрана: что хариситы, большое воинственное племя, приняли ислам. Халид им представил три дня на раздумье: спастись, приняв новое единобожие, или принять бой и погибнуть.

Сдался и неприступный оазис Йамама... Но каждое сражение, каждая победа — новые жертвы среди соратников, и

самое горькое — что гибнут и хранители в памяти сур Корана.

По преданию, лишь после Йамамы Пророк всерьёз задумался о том, чтобы собрать суры в «письменный свод» (*muṣḥaf*); эта мысль и раньше приходила ему в голову, но он «ожидал, что может прийти от Бога отмена либо для какого-то установления, либо для чтения какого-то текста».

Как рассказывает Зейд ибн Сабит (дошло до нас от него по цепочке передатчиков), Абу-Бакр сразу после сражения с людьми из Йамамы позвал его к себе и в присутствии Омара сказал, что «сражение унесло многих чтецов Корана. Я боюсь, что если чтецов будет так косить и в других землях, то многое из Корана пропадёт». И тут же предложено было ему собрать Коран и свести его воедино, на что Зейд ответил: «Если бы поручили мне поднять гору, это не было бы для меня тяжелее, чем повеление сделать свод Корана».

И всё же Зейд последовал повелению Абу-Бакра: «Я стал искать и собирать Коран с пальмовых листьев, камней и из сердец мужей [по другой версии: «с лоскутков пергамента, кусков кожи, лопаточной кости или рёбер верблюдов, овец, седел, или деревянной доски, которую кладут на спину верблюду»]. Листы этого свода хранились у Абу-Бакра, пока Бог не упокоил его, затем у Омара, пока тот был жив, а затем у Хафсы, дочери Омара. Люди, рассказывают, приходили к Зейду, а он записывал аят лишь при наличии двух верных свидетелей».

Записывал айаты при жизни Мухаммеда и Али, согласовывая их с ним, а после смерти Пророка, о чём в труде «Достоинства Корана» рассказывает Ибн ал-Дурайс «со слов Бишр ибн Мусы», далее Хауза ибн Халифа — Аун — Мухаммед ибн Сирина, а тот — со слов Икримы, что Али поклялся: «До тех пор, пока не соберу Коран, я буду надевать уличную накидку только ради пятничной молитвы». И собрал-таки Али, добавляет Ибн ал-Дурайс, Коран⁸⁵.

А ныне действующий канонический Коран, собранный при правлении третьего халифа Османа, связан с его именем и называется «Османовским»⁸⁶.

⁸⁵ *Джалал ад-Дин ас-Суйути*. Совершенство в Коранических науках. Учение о своде Корана. Вып. 3. М.: Муравей, 2003. С. 52—57.

⁸⁶ Бытует мнение (<http://islampeace.ru/dialog/zashchishchena-li-kniga-koran-ot-chelovecheskih-strastey>), что наряду с «османовским» существует и Коран «шиитский», состоящий не из 114, а из 115 сур; добавлены новые айаты и комментарии, что якобы слова Бога в Коране про «лучшее творение» относятся к Али и его сторонникам,

Роль Йамамы в истории ислама отмечена не только тем, что здесь, так вышло, возникла идея составления свода Корана: опять-таки по чистой случайности именно в Йамаме вскоре появится арабийский лжепророк Мусайлима. «Я ждал, — заявил Мухаммед, — что непременно таковой возникнет, и не единожды, как это случилось при других пророках, особенно после Иисуса, ибо не наступит Судный день, пока прежде не объявятся тридцать самозванцев, выдающих себя за пророка».

Мусайлим стал сочинять рифмованную прозу в стиле Корана, послал Мухаммеду письмо, что «поставлен соучастником» в пророческом его деле, предложив: «пусть нам будет по половине света».

Вскоре, опять-таки при жизни Мухаммеда, объявил себя «истинным пророком» и йеменец аль-Асуид, который совершил якобы два чуда: сумел втиснуть яйцо в горлышко бутылки и срастил сломанное крыло у птицы. Асуиду даже удалось захватить весь Йемен, но он был убит через год после смерти Мухаммеда: пленили его и отрубили голову, и «покатилась она, как рассказывали свидетели, вниз в ущелье»⁸⁷.

3. «Вот что я тебе скажу, вернее, повторю, что мне явилось. Те, которые придут после нас, а может, и те, которые придут после-после, будут лучше нас, а далее... — Вдруг взгляд Мухаммеда стал жёстче: — А далее явятся те, кто станет давать обеты, но не исполнять их, множество расплодится их, тучных, сытых и наглых. Испытанием для моей общины будет жажда власти и богатств! Запомни: будут, даже приняв нашу веру, клясться, воздев руки к небу: “Мы желали только благого!”».

Этот разговор с Абу-Бакром возник у Мухаммеда в связи с лжепророками (есть хадисы, сходные с вышесказанным):

«Поистине, наступят для людей такие времена, когда будут верить лжецам и перестанут верить правдивым; когда будут доверять изменникам и подозревать в измене тех, кто заслуживает доверия».

что «шииты Али войдут в Рай», и шииты употреблены не в широком смысле верующих мусульман, а в узком в противостоянии суннитам, чем вызван, в частности, разноречивость в количестве аятов Корана, и оно колеблется между цифрами 6205 и 6666 (<http://www.koranika.ru/?p=3015>).

⁸⁷ См. об этом: Жизнь... Т. 1. С. 895—896.

Или: «В ночь, когда я был вознесён на небеса, я прошёл мимо людей, которым огненными ножницами вырезали губы. Каждый раз, когда их отрезали, они снова заживали. Я спросил: “О Джебраил, кто они такие?” Он ответил: “Это проповедники из твоей общины, которые говорят то, чего сами не делают, читают Книгу Бога, но не поступают в соответствии с ней”»⁸⁸.

«Да, Абу-Бакр, разделится наша община на семьдесят три течения, и все они окажутся в Огне, кроме одной!»⁸⁹, имея в виду под словом «одной», что сказано Богом: истина одна, и её не надо облекать ложью.

Пока Пророк говорил, Абу-Бакр терпеливо слушал, а тут всего лишь произнёс: «Ты имеешь в виду...» — Мухаммед тотчас уловил, о чём он:

«Да, в том числе и... — снова назвал, как это было в недавнюю встречу в *умме* и что вызвало недоумение у Абу-Бакра, — Антихриста тоже!»

Именно это слово произнёс Пророк, а не привычное арабам *аль-Масих ад-Даджжаль*, или *Лжемессия*, очевидно, отталкиваясь от Корана, в котором Иисус назван Мессией.

Абу-Бакр вздрогнул, вспомнив, как однажды приверженец Иисуса, словно кому-то угрожая, вещал: *Явится чудище Антихрист!* — уж не их ли, мусульман, имел в виду? и не придавал словам значения, сочтя желанием того подчеркнуть значимость собственной *христианской* веры, величие Христа.

А тут и Мухаммед о том же! И с жаром расписывает ужас прихода на землю Антихриста, даже сказал, что тот появится между аш-Шамом (Сирией) и Ираком, на лбу будут начертаны три буквы: *Каф, Фа, Ра*, соединение коих означает *Кафир*, или *Неверный*.

«...Будет сеять зло налево и направо. И поразит людей засуха, рассыплются в прах скот и дома, ни у кого ничего не останется, будет Антихрист ходить по солончаку. Самых красивых юношей сразит он мечом, дабы род человеческий прервался, каждый в расцвете сил будет разрублен на две части, которые разлетятся друг от друга на расстояние полёта стрелы».

«Но какой он из себя?» — спросил кто-то.

⁸⁸ https://vk.com/topic-35860464_30197679; <http://toislam.ws/books-manhaj/22-uchenie>

⁸⁹ <http://toislam.ws/books-manhaj/22-uchenie>

«Да запомнится вам его облик!» — И Мухаммед сказал вложенным в него знанием, каков он из себя, Антихрист: юноша со светлыми курчавыми волосами, кривой на правый глаз, который к тому же вздут, похож на выпуклую виноградину... — оглядел пришедших и, заметив пучеглазого бин Каттана, сказал: «Глаз — как у него!»

Тот со страху вскочил: «Не повредит ли мне, о Пророк, сходство?»

«Нет, — успокоил его Мухаммед, — ведь ты истинно верующий, а он нечестив! — и продолжил: — Туче дождевой подобный, подгоняемой ветром, станет быстро по земле передвигаться, призовет людей и скажет им: “Я — ваш бог!” И поначалу люди уверуют в него, тогда по велению его прольётся дождь, земля принесёт обильные плоды, животные вернутся с пасбищ, будут горбы их подняты высоко, вымя полно, бока крутые. Но очень скоро поймут люди своё заблуждение».

«Но сколь долго он будет оставаться на земле?»

«Сорок дней, из коих день, равный году, другой — месяцу, а третий неделе, а остальные дни — как ваши.

И будут с Антихристом вода и огонь, и то, что представится людям огнём, будет водой, а что представится водой — будет испепеляющим огнём. По неведению люди будут бросаться в воду, дабы спастись, и тотчас сгорят, и да запомнит тот, кто доживёт до этого, — надо бросаться в огонь, ибо это — прохладная вода.

Но этим не закончатся злодеяния лжеца: хлынут, разбуженные им дикие полчища йаджуджей-маджуджей, устремятся с каждой возвышенности, и первые из них пройдут через Тивериадское озеро и выпьют всю его воду.

И не останется на земле ни одного человека, имеющего в сердце благо или веру хотя бы с пылинку, которого ветер не унесёт, и спрятаться никому даже внутри горы не удастся — и туда проникнет ветер.

Исчезнет знание и укоренится невежество, и наихудшие останутся, не признающие ни доброе, ни дурное, пьянство распространится и прелюбодеяние. “Ну что? — скажет им Антихрист. — Теперь-то вы подчинитесь мне?” — “А что ты повелишь нам?” — спросят его люди. “Идолам велю поклоняться!” — ответит. И люди подчинятся ему...” — Мухаммед умолк, община замерла: что же дальше? А спустя время промолвил:

«Каждый пророк, кого Всевышний Бог направлял, предостерегал свою общину, что явится... — но тут вместо Антихриста сказал: — аль-Масих ад-Даджалъ. И Ной, и все

другие пророки, жившие после него, рассказывали. И вот пришёл мой черёд. Сумел ли я это до вас донести?»

«Да», — ответили.

И Мухаммед, трижды воскликнув: «Боже! Призываю Тебя в свидетели!» — и обратился к умме: «Горе вам, не становитесь после меня неверными, которые рубят друг другу головы и сеют повсюду зло!»

Рассказ нагнал на всех страх, тем же вечером пришли к нему.

«Что с вами? — спросил Мухаммед. — Отчего вы так бледны?»

«О Пророк, мы напуганы услышанным!» — ответили.

«Но пока я жив, вам нечего опасаться, уж я-то не допущу ему бесчинствовать на земле, сумею с помощью Бога защитить вас от аль-Масих ад-Даджжала».

«А после тебя? — спросили в нетерпении. — Что будет с нами после тебя?»

«Придёт срок, — сказал им, — и об этом вы услышите!»

...Увы, Абу-Бакр, с Антихристом не справится никто, — ответил Мухаммед, — ибо явится он после меня и продлится его царство не сорок дней, как я говорил в умме, а все сорок лет! И знаешь, кто спасёт мир от него?

— Очевидно, Бог?

— Да, Он Всевластен надо всем... Но, как ты думаешь, кого Он пошлёт погубить Антихриста?

— Не тебя ли?

— Нет, не меня, я простой смертный, сила моя — пока я жив.

— Но разве на небе не уготовано тебе высшее место, куда ты попадёшь?

— Что с того?

— Не ты ли рассказывал, что слышал, как люди, оказавшиеся меж раем и адом, когда солнце приблизилось к ним и нещадно жгло, взмолились, обратившись к первому пророку Адаму, чтоб заступился за них пред Богом?

Адам сказал: «Бог на меня разгневан, что некогда ослушался Его, — сам я, сам я нуждаюсь в Его защите: просите Ноя!»

Но молвил Ной: «Бог на меня разгневан, заступался пред Ним за жену и сына, — сам я, сам я в Его защите нуждаюсь: просите Авраама!»

Горестно вздохнул Авраам: «Бог на меня разгневан, я трижды солгал, — сам я нуждаюсь в Его защите: просите Мусу!»

Моисей покачал головой: «Нет, — сказал, — как могу заступиться, когда я убил человека и когда на миг шевельнулось в душе моей сомнение в обещанной нам Богом земле обетованной, — сам я, сам я нуждаюсь в Его защите: просите Иисуса!»

Молвили: «О Иса ибн Марйам! Ты Слово Его, дух от Него, спаси!»

Сказал Иисус: «Бог сегодня на меня разгневался, как не гневался никогда прежде и не будет гневаться никогда впредь, ибо... — умолчал, за какие его грехи разгневался на него Бог, осталось тайной. — Сам я нуждаюсь в Его защите, просите Мухаммеда!»

Сказали: «Мухаммед уже пребывает на земле, лишь миг он пробыл здесь, вряд ли услышит нас!»

— Ну вот, ты сам себе ответил, Абу-Бакр! Бог не пошлёт на схватку с Антихристом ни Адама, ни Ноя, ни праотца Авраама, ни Мусу, ни меня. Да разве сравнится с явлением Антихриста просьба ожидающих участи своей меж раем и адом? Знай: не будет ничего более значительного во времени между сотворением Адама и наступлением часа Судного, когда дети сделаются седыми, чем появление Антихриста.

— Но если так, кто ж справится с Антихристом? Может... — Абу-Бакра вдруг осенило: — Неужто пророк Иса?

— Да, Бог именно его пошлёт, чтоб победил, ибо Иса в исламе — Масих, истинный Мессия!

— Так христиане правы?!

— Тут им в правоте не откажешь: волею Всевышнего направится к людям Иса ибн Марйам, который возложит руки на крылья двух ангелов и опустится на землю у белого минарета в восточной части Дамаска в одежде, окрашенной в шафранный цвет. И каждый неверный, ощутив аромат его дыхания, который распространится настолько, насколько хватит глаз, тотчас умрёт.

А пока Иисус будет искать Антихриста, тот успеет много зла посеять на земле, стражи притащат к нему к воротам Людда, что неподалёку от Эль-Кудса, единственного уцелевшего правоверного, который повсюду провозглашал: «О люди, не верьте Антихристу, о нём говорил Мухаммед!»

И будут пытаться правоверного, вопрошая: «Уверовал ты в Антихриста?» — «Нет! — скажет. — И не уверую никогда!» Распилят стражники правоверного надвое от середины головы до ног, а потом пройдёт Антихрист между двумя частями тела и скажет: «Восстань!» Тот воссоединится и вста-

нет. Спросит его Антихрист: «Так уверовал ты в меня?» — «Я только лучше узнал тебя, Антихрист!» — ответит. И тогда Антихрист захочет отрубить ему голову, но Всевышний превратит в медь шею правоверного от головы до ключицы.

И тут Антихриста настигнет Иисус и всего лишь одним своим взглядом убьёт его!

А что до йаджуджей-маджуджей, то на шеи их будут насланы черви: наутро полчища окажутся бездыханными. Но не найдётся клочка земли, где не будет ощущаться их зловоние. И тогда в подмогу Иисусу нашлёт Бог птиц, шеи которых будут как верблюжьи, и унесут тела. Дождь прольётся и очистит землю от зловония, станет она чистой, как зеркало.

А потом земле будет сказано: «Одари людей плодами, дай им вкусить твоей благодати!» И тотчас вырастет огромное гранатовое дерево, я видел такое в кругах неба, у престола Бога! Одного его плода хватит насытить многих, и в тени кожуры укроются от солнца многие. Молока от одной верблюдицы хватит на целое племя, одной коровы — на весь род, от одной овцы — на множество семей.

Но это продлится всего лишь семь дней... — увы, на земле будут плодиться лицемеры, которые при виде богатства будут бросаться друг на друга, подобно диким зверям, а при виде женщины возбуждаться, подобно ослам. Праведные будут уходить один за другим, и останутся на земле люди, подобные плевелам от ячменя или отросточку от финика.

И составят наихудшие из наихудших девятьсот девяносто девять из каждой тысячи людей. Настанут времена, когда живой, проходя мимо могилы, скажет: «О, если б оказаться мне в этой могиле!»

Среди мусульман будут такие, которые, выдавая себя за правоверных, копируя нас с тобой, возжелают построить мечети.

Но не из-за почитания Бога, а ради собственной выгоды, из соперничества, кто кого затмит богатством, а это — лицемерие, неверие и обман. Главное — разделить верующих, ослабить!

И спрячутся в них те, кто воевал с Богом и Его посланником. Может, и тебе это увидеть доведётся.

Не стой, Абу-Бакр, никогда в подобной мечети, ибо она — постройка на краю осыпающегося берега. И с ними сокрушится мечеть в огонь геенны.

Как отмечают биографы Мухаммеда, накануне Табук-

ского похода Пророка пригласили ауситы из рода амр-ибн-ауф посетить в Кубе выстроенную ими новую мечеть. «Навещу после похода», — обещал Мухаммед, но на обратном пути услышана была весть, ниспосланная Свыше, что подвигла их выстроить мечеть корысть, жажда обогащения, и вскоре, точно по велению Божьему, мечеть рухнула⁹⁰.

Есть и другие версии этого случая, о чём ниже.

«Достойна лишь та мечеть, чтобы в ней молились, которая возведена из богопоклонения и в чьём основании любовь к Богу».

И выстроены столбцом те, для кого врата мечети, о чём говорил верующим Мухаммед, подобны входу в свой собственный дом:

*кающиеся,
поклоняющиеся,
прославляющие,
странствующие,
кланяющиеся,
очищающиеся,
падающие ниц,
приказывающие добро,
удерживающие от зла,
охраняющие заповеданное — только это, ничего более:
так обрадуй верующих!*

Вернулся Мухаммед хворый, и в том, десятом году хиджры, паломничество в Мекку возглавил Абу-Бакр.

«И проповедь прочтёшь!» — сказал ему Мухаммед, но Айша уговорила не поручать это отцу: суры так сильно на него действовали, что, заслышав их, Абу-Бакр не мог сдерживать слёз. Тогда Мухаммед велел Али прочитать их. В те дни явлено было: «О посланник! Что тебе низведено от твоего Бога, передай через Али!»

— ...Да, — обратился Мухаммед к Али, с кем, единственным из соратников, он был кровно связан, — я завершил походы, изведаль, впрочем, и ты, и все мы поражения и победы, но знаешь, о чём я умолчал? Эта боль всегда при мне и не избыть её: изгнание меня из мечети!

Али тотчас подумал: «Быть такого не может! Привиделось?!»⁹¹

⁹⁰ См.: Жизнь... Т. 1. С. 818.

⁹¹ Ссылка на Али — позднейшая шиитская добавка, сказыва-

«Пророк, — рассказывает Айша, — однажды явился до- мой расстроенный. Сколько ни допытывалась, не сказал о причине. Лишь спустя неделю признался: “Айша, случилось невероятное! Меня прогнали из мечети! И тем мне нож вонзили в спину набожные невежды!”».

В канун смерти Мухаммеда был услышан взволнованный голос (и носитель его, обладающий не только неуёмным взрывчатым темпераментом, но и, как сказано в свитке, *говорящим каламом*; опустим выпренные эпитеты из пиитических сочинений), возжелал разъяснить правоверному недоразумение о неслыханном святотатстве: Сказать о Пророке, что его изгнали из... мечети!

Но словесный клубок про рухнувшую мечеть размотался, ещё более запутав текст.

По версии первой, некий громкоголосый хвастал:

— Я, я, Мухаммед, телохранитель Мухаммеда!

— Сам себя охраняешь?

— Вы что же, не узнаете меня?!

— Неужто Шюкралла?! Возмужал-то как!

— Мама настояла дать мне имя пророка, отныне я его телохранитель!

— Что с того? — бросил бедуин, пригнал овец на базар, и они вздрагивали, пугаясь от резких голосов. — Что сказать хочешь, смущая покупателей?

— Чтоб знали! — Круглое большое лицо, волосы курчавые, глаза из-под густых бровей точно совиные, удивление в них постоянное, будто диковинное видит. — Из Хейме, — уточнил, — я прибыл!

— Но где твой шатёр? [*Хейме — шатёр.*]

— Рухнула там мечеть!

— За что такое наказание?

— Изгнали пророка потому что! Только что сооружена была, и он без меня вошёл, послушал, о чём говорят. Потом смотрю, когда солнце чуть с зенита сошло, выходит Мухаммед, а следом ему истощный визг: *Вон отсюда!*

Началось с того, что, зайдя в мечеть, Мухаммед услышал:

«Да возблагодарим Мухаммеда!» Неужто узнать? «Он донёс до нас Коран, отменяющий книги иудеев и христиан!»

ют сунниты, хотя подобный аят значился в ранних списках Корана: якобы так было услышано или прочувствовано Мухаммедом слово Бога, и он назвал имя Али. Позднее шииты, напомню, к формуле *Нет Бога, кроме Всевышнего Аллаха, и Мухаммед — Его пророк*, добавили: «... и Али — друг Бога».

«С чего взяли?!» — не сдержался.

«Читай Коран и узнаешь!»

«Нет таких слов в Коране!»

«И ты меня будешь учить?!»

Зашикали на Мухаммеда отовсюду, промолчал, вспомнив Джебраила: «Ты только слушай, а то выдашь себя!» Что ж, послушает, что тот ещё скажет, чем удивит. Ждать пришлось недолго:

«Наши первые враги иудеи, и Мухаммед не раз предупреждал: “Увидишь, как прячется за кустами еврей, — убей его!...”».

«Ложь! — Мухаммед от возмущения задышался. — Не говорил, — чуть не произнёс “я”, — он этих слов!»

Слова утонули в шуме, и громом прозвучало: «Вон из мечети!»

— ...бледный, руки трясутся, подхватил его на руки и понёс. Вдруг он отяжелел. «Уложи меня, — говорит, — на землю». Я постелил плащ, он лёг; встал над ним, будто пальма, прикрывая телом солнечные лучи, и вдруг: «Не стой в подобной мечети никогда, эй, Абу-Бакр! не моё имя называет!» «Я не Абу-Бакр, я Шюкралла!» — говорю ему, а он не слышит. «С виду, — говорит мне, — мечеть, а нутро — пристанище дьявола, сотворённого из дыма и огня!» Не успел Мухаммед произнести проклятие, как над мечетью собрались тучи, молния сверкнула, прикрыл Мухаммеда своим телом. Гроза прошла, смотрю — ровная пустыня, нет мечети, рухнула!..

А по версии второй, Пророк в отчаянии, растерянный, рассказал Айше, когда та спросила: «Отчего огорчён, о Пророк, ведь вышел из дому в добром расположении духа, а теперь голос хриплый, это, я изучила тебя, признак сильного расстройства, и в глазах — печаль. Поведай: что произошло?»

Да, в добром, потому что Айша рассказала, как в сон её явилась мама Мухаммеда. И он всю дорогу думал об удаче, что выпала на долю с первой женой Хадиджой и с Айшой. Мухаммед удивился совпадению снов: некогда и Хадидже приснилась его мама Амина-хатун. Но та знала его маму, «помню, — говорила Хадиджа, — её густые чёрные волосы, а тут вся голова белая-белая, поседела, но глаза молодые».

— Как же могла её видеть во сне? — спросил у Айши. — Ты ещё не родилась, когда она умерла!

— Она меня узнала: «Ты Айша, жена моего сына», — сказала. И я сразу поняла, что она — твоя мама. Тут ты по-

являешься, идём по Медине, она говорит тебе: «Сын мой, у Айши нежные щёки, а у тебя такая колючая, жёсткая борода, и ты больно колешься, когда целуешь жену!» Хочу возразить, «Мне приятно!» сказать, но не смею её прервать.

А пред тем шёл к ученикам, чтоб им о Коране рассказать, проверить, сколь крепка их память, хранящая откровения. И слова его впечатывались в память учеников, говорил не торопясь, без суеты, чтобы запомнили.

Вдруг слышит Джебраила:

«Эй, Мухаммед, ученики твои подождут! Встань и направь свои стопы в новую мечеть, что в Хейме! Поспешь, и да услышишь, о чём говорят там, ссылаясь на тебя!..»

«Но меня могут узнать!»

«Скройся, чтоб не признали!»

«Но как?!»

«Я тебе помогу!»

Некий выступал с проповедью, но Мухаммед ни слова не понимал, какой-то неведомый язык. Часто переводил дух, и тогда казалось, что переживает сказанное. От непонимания слов Мухаммед погружался в очарование от услышанного, много полезного и умного представляется в незнакомой речи. С почтением произносил его имя, и Мухаммед, не выдержав, спросил у соседа:

— На каком языке он говорит? — Тот удивлённо глянул:

— Как на каком?! На арабском!

— Но... — кто-то Мухаммеду на ухо: «Не спорь и поймёшь!» Тут же речь перестала быть неведомой, и, как только уловил, такая нелепица обнажилась в прежде неведомом!..

«Не слушайтесь, — говорил он, — учёных мужей, не нужны нам их знания, ибо в знаниях — грех, наказание от Бога страшное, если внемлем призыву постигать знания. Так учит нас пророк Мухаммед!»

— Неправда! — выкрикнул он с места.

— Кто сей наглец, меня прервавший?!

— Не говорил так Мухаммед, ибо... — но сдержался, чтобы не сказать: «Ибо я сам Мухаммед!» — Народ зашумел. — Со знанием человек не лучше ли того, кто лишён знания? Разве сравниются те, которые знают, с теми, которые не знают? «Стремитесь, — говорил Мухаммед, — получать знания, начиная с колыбели и до могилы», и мне довелось это слышать из его уст!

— Как мог ты его услышать, лжец, когда Мухаммед давно умер?!

— Но вот он я, Мухаммед! — хотел сказать, но снова сдержался: — Не противна, — продолжил, — вера знаниям! Где бы молящийся ни оказался, он должен признать превосходство знающего. О том у Мухаммеда в записанных сурах!

— Кто их записал?! Вроде тебя выдумщики!

— Знаете ли вы... — Но прервали:

— Сатанинские это листки, строки шайтана!

Но успел изречь, пока тот завершал сказанное, стараясь перекричать его:

— Знаете, сколько слов в Коране? — Затихли на миг. — Семьдесят восемь тысяч сто тридцать три слова в Коране!

— Что с того?

— А то, что семьсот восемьдесят слов из них, или одно из каждых ста — слово *знание*.

И тут произошло чудо: цифры белокрылыми голубями разлетелись по мечети: Глядите да не усомнитесь!

Двое из толпы, точно услышав повеление шайтана, схватили его. В глазах их, будто лично были оскорблены, светился гнев.

— Не смеее, — крикнул, — гнать верующего из Божьего дома!

— Но приходящий сюда не смеет оспаривать меня!

Преданным мечети правоверным говорю, которых призываешь быть невеждами!..

— Лучше один незнающий, но покорный воле Бога, чем сто таких, как ты, дерзких знатоков! Я говорю от имени и именем Мухаммеда!

— Не творите из пророка идола!

— Мухаммеда отрицаешь?! — проповедник что-то ещё говорил, но речь снова непонятной стала, чужеродный язык, ужасающий. Потащили из мечети. Толпа гудела, заглушая его голос. На губах кричавших выступила пена, требовали, руками размахивая, изгнания; вскоре ни толпа себя не слышала, ни он не слышал себя, как во сне порой бывает, но чувствовал, что силой защищён неведомой. И бросил в толпу, готовую его растерзать:

— Вы изгоняете человека, который даже в сей миг общается с пророком Мухаммедом! — Продолжал говорить, за воротами мечети оказавшись, и слова через забор перелетали, точно стрелы, выпущенные из лука:

Один знающий лучше тысячи молящихся.

Размышления одного часа лучше бездумного служения семидесяти лет!.. Чернильница учёного более угодна Богу, неже-

ли кровь мученика-шахида! — И мечеть зашаталась от этих слов, рухнула.

— И вдруг... я оказался в пределах чужой земли, и сердце моё, точно горячее солнце над выжженной пустыней, проникшее в меня, стало изнутри жечь, и я чувствовал, как иссушается тело моё, превращаясь в великое сухое ничто. А может, и точно нет меня в живых... — лишь кожа истончившаяся, сквозь которую, разорвав её, вышло в зенит солнце, не различишь на земле, где я и где на мой похожий след на песке, точно тень от холма, чьи тёмные линии изгиба и есть то, что от меня осталось.

— О чём ты? Но ведь твой дух!

— Мой дух, пока вы живы, витать над вами будет, неистребимый, невесомый, меж мирами с лёгкостью летающий, как птица... — усилий не потратив, воспарила, небесное пространство поперёк окна острым прочертив крылом, и промчалась, оцарапав стекло.

Спустя десять лет после хиджры, точнее — без трёх недель десять лет, Мухаммед совершил, понимая, что это — прощальное, паломничество в Мекку в сопровождении близких и жён, и каждая восседала в своём паланкине.

Перед входом в город Мухаммед совершил молитву, полное омовение тела, Айша умастила его голову благовониями и мускусом... Облачился, как сказывают, в набедренное полотнище (*изар*) и верхнюю накидку (*рида*), а в Каабе воздал обрядовое приветствие (*истилям*) Чёрному камню, совершив семикратный обход вокруг Храма (*таваф*)⁹².

Но пред тем навестил кладбище Баки, приветствовал переселившихся в мир иной, молился за мучеников веры.

И откровение явилось Мухаммеду в Муздалифской долине — по пути в Мину, где собралось несметное число паломников: говорил шёпотом, всего пять последних аятов:

Сегодня завершил Я ниспослание вам веры, милость вам Свою явил, одобрил вашу преданность Богу Единому, вас приводя в ислам [к преданности Единому Богу]. Помните о милости Бога к вам, завет Его, с вами заключённый, когда вы молвили: Слушаем и повинуемся! Да убоитесь Бога — Он Сведущ обо всём, что в вашем сердце скрыто!

О вы, которые уверовали! Будьте стойки в вере в Бога вашего, справедливо обо всём свидетельствуйте! И да не будете пристрастны к тем, к кому вы питаете неприязнь! Справед-

⁹² См.: Жизнь... Т. 1. С. 899.

ливость благочестию сродни. Да убоитесь Бога: Он Сведущ обо всём, что скрыто в вашем сердце! Тем, которые уверовали и творят добро, Богом прощение обещано, великая их ждёт награда.

А тем, кто не верует и ложью почитает ниспосланные Нами айаты, уготован обителью огонь геенны⁹³.

Оглянулся — люди, совершающие с ним хадж, в молчании ждали, что им ещё скажет: — Не знаю, придётся ли мне опять стоять перед вами и обращаться к вам, как обращаюсь сейчас. Хочу, чтобы запомнили, что каждый человек священен, лишать его жизни, превращать его в раба — великий грех.

И про важность покаяния (*товба*) и прощения (*истигфар*).

А в Каабе... — и тут был собран народ.

Сказал им Мухаммед:

«Настал день, когда Бог, предоставил Своему рабу выбор между этим временным, — обвёл рукой вокруг, — и тем вечным, что у Него», — показал рукой на небо.

Лишь Абу-Бакр понял, о чём говорит Мухаммед, и тотчас молвил: — Мы готовы пожертвовать собой и нашими детьми, чтоб ты всегда был с нами!

Мухаммед, будто не слыша Абу-Бакра, продолжил:

— Да не забудется услышанное от меня: Вера в Бога — память моя. Молитва — свет моих очей. — И добавил: — При молитве не ты приближаешься к Господу Богу, а Он приближается к тебе! Надежда... — время стёрло, съело написанное. Любовь — опора моя.

Вдруг услышалось Мухаммеду первое, что изрекли уста его младенческие: *махабба* — *любовь*. И это же слово он произнёс только что. Неужто первое его слово есть последнее его слово? И зримо в *махабба* око арабского *мим*, что подобно зерну, брошенному в плодородную почву, и оно дало росток, и *ха*, будто спущенная на воды или, точнее, плавно лёгшая на волны ладья, готовая к отплытию.

⁹³ Айаты эти были включены в суру «Трапеза», 5/3, 7—10. Ибн Гасан, выявив их и высвободив как отдельную суру, заключил работу свою следующими строками на отдельном листке; это текст, очевидно, его личной, индивидуальной молитвы применительно к Корану и работе с ним: «Молюсь, благодарю Бога Единого, что Он даёт свет очам моим, чтоб я видел и сумел прочесть священную вязь, силу рукам моим, чтоб пальцы держали калам, коим запечатлеваю, записываю айаты Священной Книги. Но каждый раз...» — далее текст обрывается.

А вот и стройный в своём величии *Алиф*... — кто-то будто возразил: — Нет его в махаббе!

Но, точно Алиф, высоко поднята мачта, и ветер дует в паруса.

О, Алиф!.. Стройный и изящный, прямой и несгибаемый, величественный и простой, всего лишь линия, опирающаяся на землю и устремлённая в небо, но сколько смыслов в тебе заключено: ты и Первая буква, по которой соразмеряются в росте и написании все другие *двадцать семь* священных арабских букв, ты и незыблемая Единица — начало начал всего, что подвергнуто счёту, и символ Бога, в тебе воплощён и образ первочеловека Адама, сотворённого по образу и подобию своего Создателя!..

— Решил уподобиться в красноречии поэту Абузару?

— Увы, давно умолк, захваченный более полезным делом: купечеством! Оно и деньги, мешками у него, небось, окии водятся, скоро «Серебряным Абузаром» его кликать станут!

— Или состязаться решил с его не менее велеречивым братом Анисом?

— Этот ещё сочиняет, вознёс хвалу махаббе, сравнив точечку в арабской букве с родинкой на щеке красавицы! Поэты, коими гордится арабская земля! Они даже, помнишь, уступили тебе первенство на поэтической ярмарке.

— Молчи! Ни слова о поэзии!

— Ах да, забыл: греховное это дело, предаваться поэзии! Но разве, сочиняя, не извлекаешь сокровенное из души?

— Сатана нашёптывает строки!

— Поэт — он разве не пророк? Разве предки наши не считали волшебством слово поэтическое, зная про его могущество? (Но промолчать, что когда знаменитый певец Аша вознамерился воспеть Мухаммеда как пророка, его враги-сородичи из курайшей предложили поэту сто верблюдов, чтобы тот отказался от своего намерения, ибо воспеть — это укрепить словом.)

Порой... как сокрыть? — подумал Мухаммед, и себе не признается, гасит думу-тоску, избавиться от строк, ухватить и утопить, чтобы не будоражили, а они, точно юркая рыбёшка, ускользают, и снова, будто дразня, напоминают про тоску о двестишести: *бейт* — это добрый дом, где он чувствовал себя, как в стенах родных. А *бейт* и означает *дом*, где строка, или *мисра*, — дверная половинка, и две строки — дверь, в дом вводящая.

— Скажу иначе: каждый, кто пророк, всегда поэт.

— Но разве толкует поэт о вере?

— То — предмет пророка, ибо жаждет одного: чтоб утвердилась вера. Призван доказать, внушить и убедить, и потому, быть может, монотонен? А предмет поэта... — и молвилось, будто кем подсказанное: Созерцание в познании! И оттого поэт всегда многообразен! Но тот, кого пророком чтут, и тот, кто чтим поэтом, — не одержимы ли любовью?

— Но к кому или к чему любовь?

— Объект любви Она: она и вера, она... Но в облике любимой Им нам дарованы смысл и суть всего живого, что сотворено.

— Стих многокрасочен, когда любовью дышит.

— Ещё не раз про поэзию вспомнишь.

— Уж поздно!

— Вскоре смерть?

Не слышит Мухаммед, точно он всё ещё на небе, и будто ступенька под ногами дрогнула, зашаталась.

...Мухаммед обвёл взглядом всех, кто в мечети, и, не говоря ни слова, вернулся в дом Айши. А дома потребовал, чтобы принесли бумагу и калам.

— Хочу, — сказал, — последнюю волю продиктовать.

Услышал Омар. — Рано, пророк, — сказал ему, — о том думать.

Мухаммед не стал возражать, хотя и заметил:

— Воля моя ясная: чтоб проросли те семена, что посеяны ниспосланными мне откровениями, а что до трёх видов знаний, то явные я вам поведал, тайные, ведомые мне... — если бы поведал их вам, давно бы мне перерезали горло, ибо... — мысль не завершил.

— А какое знание третье, ты не сказал, Пророк! — спросил Омар.

— Это тайна Бога, никому неведома.

А наутро... — открыл дверь из комнаты Айши и тут же оказался в мечети, отодвинул занавес и возник на пороге.

Молящиеся повернули к нему головы и замерли.

— Не прерывайте молитвы! — сказал им и почувствовал, как лицо озарилось светом и головная боль отступила... — нет, боль, возникшая в небе Иисуса, возобновилась с новой силой и, как тогда, билась о висок.

Вернулся к Айше, и точно ей передалась его боль, — она стонала, лицо исказилось: — О моя голова! — пытается улыбнуться. — Сейчас расколется!..

Мухаммед гладил её голову, и казалось, собственная боль утихает.

— Не умирай раньше меня, — пошутил.

— Если умру позже, — ответила, — кто меня достойно похоронит?

Мухаммед продолжил игру: — В таком случае можешь меня опередить: я возьму тебя на руки и понесу со слезами на кладбище.

— А после похорон пойдёшь к дочери бывшего врага Абу-Суфьяна, да? А где он будет после смерти, в раю или в аду?

— Если вера его истинна и он раскаялся, то попадёт в рай. — А потом всерьёз: — Не страдай, если я умру. Не то изменишься и станешь другой, не сможем с тобой встретиться там.

— В раю? — спросила, но Мухаммед промолчал.

...Вышел от Айши, прошёл во двор подышать, чтобы пойти в мечеть, а потом... давно у Маймуны не был, но плохо себя почувствовал, вспыхнуло: *домик Маймуны!* — и, теряя сознание, упал в беспамятстве.

Очнулся когда, увидел себя лежащим на коврике, в окружении жён — даже Сауда, ей давно дал развод, пришла... Нет, развода он ей не давал — постарела, уступив Айше свой день для посещения Пророком.

— Где ж Фатима? — Точно уловив его вопрос, чуткая Сауда — о, она всегда читала его мысли, родной человек, — тихо сказала, что Фатима скоро будет.

Айша бледна и растеряна, Хафса, дочь Омара, смотрит испуганно, и Умм-Саляма, и Зейнаб, бывшая жена Зейда, быстро, увы, поблекла её красота, и глаза погасшие, Сафия, жена-еврейка, Мария, христианка-коптка, и обе они — почти всегда рядом и вместе со всеми жёнами... Нет, Мария лишь привиделась ему — недавно покинула его, сказав пред тем, что спешит в обещанный ей рай, где в одиночестве томится их сын Ибрагим. Нет и Умм-Шарик: поехала навестить отца, вождя бедуинского.

Обводит глазами жён, и Рейхана (Джуварийа?) здесь, и Умм-Хабиба, дочь Абу-Суфьяна... Помнит, недавно повелел жёнам, чтобы за ним ухаживали в доме Айши, и они ему безропотно позволили это, даже Сафия, честолюбивая и своенравная, и та не проронила ни слова.

Частая в последние дни мысль — более покаяние, нежели раздумье, из частых разговоров Пророка с самим собой:

«Сумел ли ты, о Мухаммед, поровну разделить свои чувства между жёнами своими?»

Да, Бог дозволил Пророку иметь жён столько, сколько возжелает, повелел, ограничив всем прочим правоверным их число до четырёх... — и каждый раз Мухаммед отвечает:

— Нет, я не сумел! Да и возможно ли разделить чувства меж жёнами?

— Но коли так, то не во вред ли семье поощрять многожёнство?

— Но Бог в ниспосланном Коране этого не поощряет: может иметь — условие не обязательное!..

И вдруг Мухаммед спросил, взглянув на Айшу:

«Где же я буду завтра?»

Вопрос поняли так, будто просит, чтобы перенесли спать в комнату Айши, где жил все последние дни.

«...Вскоре после часа полуденного, — но кому рассказывает Айша? — он почувствовал себя плохо, прилёг, я под села к нему, взяла за руку и стала гладить её, беспорядочно следовали тяжкие вздохи, а потом вдруг рука стала тяжёлой, взор заметался, и я слышала: “Мои товарищи в раю, Айша!”».

Да, Мухаммед их видел в раю: «Вот же он, Хамза! И на небе я, всё вижу на земле и слышу всё!»

...вдруг рука Мухаммеда стала тяжёлой и повисла.

Айша побледнела: нет, этого быть не может! не должно случиться!

— Но я такой же, — слышала Мухаммеда, — как все!

Сообщить отцу!

Нет, Омару!

Отцу и Омару, они подскажут!

Фатиме? Али? Нет, потом!..

Не иначе как чутьё подсказало Омару, что пришла беда: тотчас явился к Айше, следом — отец.

Но как узнали люди?

Омар вышел к ним:

— Что?! — грозно оглядел пришедших в мечеть, что те умолкли. — Только мунафикам-лицемерам могло взбрести в голову, что Пророк умер! Да онемее тот, кто произнёс эту ложь!

Но тут вышел к ним Абу-Бакр:

— Расходитесь по домам, но знайте: бессмертен лишь Бог, и Он явил Пророка, который вывел нас из тьмы неве-

рия к свету истинной веры, возвестил нам путь к спасению!
Да благословит и приветствует его Бог!

...Столько народу вокруг дома!

А на прилегающих улицах... — движутся будто улицы!

Даже тропки, скрытые за поворотом, пришли в движение...

Он в доме, никем не видимый. Прижат к стене!

От тесноты не шелохнуться!

А народ, вливаясь в дом, прощается... — с ним, с небес спустившимся?

Нет, лежащим в гробу, а гроб — на ковре.

Глядит, замерев, Мухаммед на того, кто окутан в белый саван, и ужасается... — нет, не ужас, а недоумение, что лежащий — он!

Даже знает про саван — три куска белой йеменской хлопчатой ткани, из Сахуля ему когда-то привезли!

Чалму свою чёрную видит на подоконнике, рядом висит чёрная шерстяная одежда, узорами в виде верблюжьих седел расшитая!

И *джубба* из Шама с узкими рукавами!..

Люди входят и, не задерживаясь, выходят, уступая место другим, идут, и нет конца шествию.

Но более удивлён не тому, что видит себя завёрнутым в саван: здесь же в доме могила вырыта!

И никуда хоронить не понесут, ни на какое кладбище.

«Здесь жил, — слышит чей-то голос, но не различит, чей, — и здесь покойться будет!»

Забыли повеление его?! Ведь говорил им:

«Не следует пророков в Божьем доме хоронить!»

Но то — жилище Айши!

Нет, не жилище — часть мечети!

И заменятся потом могилы пышными гробницами, которые разрушат, чтоб заново отстроить — для новых разрушений!

Склонились над ним, чуть приподняли, подвели к краю могилы, крепко держат его за ноги и руки, осторожно опускают... — у Абу-Бакра красные от слёз глаза, и Осман тут, зять, и Али с Фатимой, давно их не было здесь, да, ссора с Айшей! История с ожерельем! Али сказал об Айше: «Её коснулось дыхание чужого мужчины!..»

Впоследствии рядом с могилой Мухаммеда похоронят Абу-Бакра и Омара, а напротив оставлено свободное место для Иисуса, здесь ему суждено, как утвердилось в исламе, окончить дни после второго пришествия на землю.

Где Айша? Плач её детский — ну да, ей только восемнадцать!

И слышат, как Омар присягает Абу-Бакру, первому халифу, или помощнику Мухаммеда, присягают и Осман, по возрастному старшинству, и Али, он хмур: не ему разве было доверено Мухаммедом возглавить общую молитву, а тем самым — общину? Приёмный сын! брат! зять! отец его внуков!..

Еле улавливаются голоса, далёкие-далёкие: на халифство притязают ансары — не они ли дали в Йасрибе приют Мухаммеду, где учредил он свою власть?

Но твёрд Абу-Бакр: что с того, что они переселились сюда из Мекки? Мухаджиры — первые истинные приверженцы Пророка. И твёрд, и колеблется: «Если не я, то пусть халифом будет Омар». Оглядел всех, кто здесь: «Или, вот он, почтенный Абу-Убейда!»

«Нет-нет, — отказываются тотчас оба, — только ты, Абу-Бакр!»

Не успел стать халифом... — только то и делает, чтоб, явив силу, не дать распасться крошечному государству двух городов.

Да, сохранить это пространство, в котором две точки опоры: Мекка, где родился пророк, и Медина, где он погребён, и составляют ныне целостную территорию, где восторжествовало новое единобожие.

Но не только сохраниться, но и расшириться, промолвил Абу-Бакр, *Халифату*.

4. И год был хиджры одиннадцатый: Мухаммед собирался, да не успел, отомстить ромеям за Муту, где пали близкие ему Джафар, брат и друг, славный воин Зейд ибн Харис! И сын Зейда Усама возглавит новый поход большого войска. Новые победы мухаммедианцев — уже без Мухаммеда! И ширится пространство ислама — тоже без Мухаммеда!

...И вот уже полководец Халид с десятитысячным войском вышел к устью Евфрата, не встретив сопротивления, и устремился в Вавилонию и Халдею. Пересекли низины Месопотамии, доходящие до Мидийских гор, и переправились через Евфрат — вторглись в персидские владения.

Было разгромлено в местечке Уллейс наспех собранное войско персов: это бакритский вождь, бедуин Мосанна, убедил Абу-Бакра идти в поход, ибо персы ограничивают

их свободу, посягают на их существование, непосильными налогами обременили окраины, жестоки к иноверцам!..

Бакрит обещал Абу-Бакру помочь отрядами бедуинов (заодно трофеями богатыми поживятся!).

И река потекла кровью, как и обещал Халид, прозванный «Неустраслимым под свистом стрел».

Пред тем пала Южная Палестина!

Рассеялись воины-греки у берегов Мёртвого моря!

Сирия отпала от Византии, у которой истощена казна, даже не платили жалованья приграничным воинам, арабам-христианам!

Дамаск оборонялся семьдесят дней и взят был штурмом!

...Первого халифа Абу-Бакра лихорадит, все одеяла в доме на него брошены, вспыхивают перед глазами круги, мелькают люди, не отвязаться от чьих-то назойливых слов: *Счастлив ли ты, отвечу после твоей смерти.*

И ловит ухом звуки свирели — идут, идут войска под эти звуки!.. И чувствует, как тают, тают силы. Боль в сердце: начал собирать, но не успел довести до конца сбор аятов!.. «Есть предание от Малика, который передал от Ибн Шихаба, а тот — от Салима ибн Абдаллаха ибн Омара [внук Омара], и он говорил: “Абу-Бакр собрал Коран в тетради. Он попросил Зейда ибн Сабита сделать это, но тот отказался, пока помочь ему не взялся Омар”»⁹⁴.

...Поражение Феодора, брата императора Византии Ираклия, в трёх милях от Эль-Кудса, Йерушалайма! — весть эта была последней радостью Абу-Бакра. Но успевает заручиться клятвой соратников, чтобы присягнули Омару.

И был славный «день Кадисии», когда воины Омара наголову разбили лучшую армию мира — персов, и старинное знамя Сасанидов из леопардовой кожи не помогло, и конники, закованные в броню, и три десятка слонов боевых, и союзники их, среди коих были испытанные в боях армянский князь Мушег и легендарный вождь агванцев Азербайджана, чьё войско прежде не знало поражений, — Джеваншир, «Молодой Лев».

Воины были расположены по племенам, состязались в битве за лучшую добычу. Неделью шло сражение, исход боя решила «ночь грохота», как была названа, когда поднялся, точно по велению Божьему, пришедшему на подмогу войску, объединённому именем Пророка, сильнейший вихрь

⁹⁴ас-Суйути. Вып. 3. С. 58.

и разбушевавшийся ветер стал бросать в лицо персам тучи песка.

А слоны, точно подучили их, свирепо бросились топтать своих: арабы перерезали широкие подпруги, рухнули башенки, установленные на слонах, воины разбились насмерть.

У первого слона — он был светлый, такой встретился арабам впервые, — воин одним взмахом сабли отрубил хобот, крикнув своим: «Саблями бейте слонов по хоботам!»

Воцарились арабы в Междуречье, преодолев свирепые воды Тигра: коль скоро река, как и сопутствующий ей Евфрат, берёт начало на небесах, то разве мог не помочь им Бог?

Белый дом «царя царей» Хосрова потряс детей пустынь арабов, и бедуины зачарованно глядели, не веря, что такое возможно, на серебряного верблюда в настоящую величину с всадником из золота, на золотого коня с зубами из настоящего жемчуга и глазами из драгоценных камней.

Пыльными ногами в стёртых сандалиях они ходили по занимавшему огромный тронный зал знаменитому ковру, на котором выткан был, казалось, весь мир цветов!..

Собрали и перевезли ковёр в Медину, но где и как его разостлать?!

Разрезали на куски и поделили, достался кусок и Али, он продал его потом заезжему персидскому купцу за двадцать тысяч дирхемов.

Был услышан клич персов: «Столица Ктесифон потеряна, но Персия ещё жива, покуда цела казна!»

Двор укрепился в Хульване... — но надолго ли?

Между тем арабы строят новую столицу Персии, которая стала исламской, — город Куф!

Один за другим падают города и провинции!

Вот и Азербайджан... — но сначала арабы вторглись в Армению через долину верхнего Евфрата, обогнув озеро Ван с запада и севера, минуя Арарат и вступив в долину Аракса. А через Грузию на север, к горам Кафским, но были остановлены хазарами.

Сошлюсь на хадис:

«Бухари передавал, он участвовал в походе, что к Осману прибыл Хузайфа ибн ал-Йаман, который вместе с иракцами участвовал в походе против жителей Сирии при завоевании подступов к Армении и Азербайджану, Хузайфа, пришедший в ужас от того, насколько люди там расходятся при чтении Корана, сказал Осману: “Удержи

общину, пока она не разошлась, как разошлись иудеи и христиане!”

Осман послал гонца к Хафсе [дочери Омара]: “Пришли нам свод, мы сделаем с него списки, а потом вернём к тебе”, и Хафса прислала свод.

Осман отдал распоряжение заняться этим и назвал при этом Зейда ибн Сабиту, Абдаллаха ибн аз-Зубайра, Саида ибн ал-Аса и Абдуррахмана ибн ал-Харису ибн Хишаму, и они начали делать списки Корана... Когда же они переписали Коран, сделав списки, Осман вернул свод Хафсе... повелев все иные записи сжечь»⁹⁵.

...Тем временем арабы осадили Йерушалаим, который уже давно под властью христиан. Мечта второго халифа Омара — войти в славшийся святой град, который был иудейским, стал христианским, но будет мусульманским!..

Омар, покинув покорённый Джабий, где в старинном замке поверженных гассанидских князей диктовал повеления сирийцам, ставшим подданными халифата, вошёл после трудного пути в Йерушалаим.

Он сидел на верблюде в потёртом плаще из верблюжьей шерсти, и «скромная простота его шествия, по словам мусульман, изумила горожан». Ибо привыкли к торжественным въездам победоносного и полного спеси императора Ираклия в золотых облачениях и на богато убранном коне.

Радость во взгляде Омара при вхождении в город была описана христианами как «выражение на лице сатанинского лицемерия».

И возжелал Омар, когда нога его ступила на священную землю, совершить молитву в Храме почитаемого в Коране Иисуса.

Патриарх Софроний, почему-то вспомнив при виде Омара персидского царя Хосрова, чей захват Иерусалима (рассказывали, что тот въехал в город в роскошном одеянии) отрезал ему в своё время путь в святой город, — что же уготовит ему новый завоеватель? — прежде всего уговорил его переодеться в льняную рубаху, пока очистят одежды его от пыли дорог (переоделся, а потом вернул, облачившись в своё).

Омара подвели к Храму Иисуса, но тут он вдруг остановился у входа.

Софроний пригласил его войти внутрь.

«Нет, — сказал Омар, — я раздумал и внутрь заходить не буду».

⁹⁵ *ас-Суйути*. Вып. 3. С. 58—59.

«Почему?» — удивился патриарх.

«Если помолюсь внутри Храма, — объяснил, — то найдутся потом невежественные мои сородичи-мусульмане, которые попытаются присвоить себе Храм на том основании, что здесь молился их халиф». Тотчас услышал собственный укор: но ведь ты посмел очистить Хиджаз от иноверцев иудеев и христиан?! Но те, стал оправдываться, понимая... нет, не желая понять, что оговоркой этой никого не убедить!.. что и те, как они, строили козни! враждовали!.. — додумает потом (такой возможности, увы, не будет).

«И что же дальше?» — спросил Софроний.

И Омар возжелал взобраться на гору, где некогда высился Храм пророка Соломона и откуда Мухаммед совершил небошество.

Но разве не знает Омар, сказали ему, что здесь теперь место городской свалки?!

«Знает и полон негодования!.. — произнёс Омар, повелев: — Так и передайте своему повелителю!»

Софроний, пожав плечами, промолчал — что спорить с завоевателем?

И когда Омар, как показалось патриарху, успокоился, сказал ему:

«Кажется, победитель, — так он назвал Омара, — вознамерился воздвигнуть Божий дом в священном городе, не так ли?»

«Да, я непременно построю мечеть в Эль-Кудсе!»

«Вот и возведите мечеть там, где некогда высился Храм Соломона!»

Омар поначалу возмутился, что ему, победителю, осмеливаются предложить место свалки! где помой и вонь! Но тут будто услышал глас Мухаммеда: «Храмовая гора! Где я молился с пророками! Откуда взлетал на семь небес!»

«Да, именно здесь, — воскликнул Омар, — я возведу мечеть в честь Мухаммеда!»

Не думая, что Омар, как и все прежние завоеватели, удержится здесь, Софроний усомнился в этом его намерении, убеждённый, что Бог... — увы, суждено ему покинуть мир, увидев мечеть.

...Омар уже на родине, вернулся в столицу Медину и утром пошёл в мечеть молиться, за спиной правоверные стоят, и тут... но кто-то спешит к нему, это раб, из военнопленных персов, идёт, расталкивая верующих, и все, занятые утренней молитвой, уступают ему дорогу, всё ближе

и ближе он, и вот пред ним ненавистный Омар, — в руке вдруг сверкнул кинжал о двух лезвиях с рукояткой посередине (неужто никто не видит?), и он тут же вонзает клинок ему в спину... — суматоха! паника! в мечети пролилась кровь!.. — убийце удаётся скрыться.

Нет, Омар ещё жив, но понимает, много видел смертей, что умрёт; всего лишь миг почувствовал облегчение, показалось, жизнь возвращается, когда узнал, что на него покушался не правоверный, а нечестивец-язычник — видели убийцу-перса! даже имя назвали: Фируз!..

Но Омар успевает взять с Айши слово, что его похоронят в её доме рядом с Пророком, и преемника своего называет — воина бесстрашного Абдуррахмана бин Ауфа, который, впрочем, тут же в страхе за ответственность, возлагаемую на него, отказался стать халифом.

«Но проследи, — наказывает ему, — чтобы завершили свод Корана!»

Превозмогая боль, Омар собрал вокруг своего одра сподвижников Мухаммеда, среди которых — Осман, он старше по возрасту, и Али, и просит Абдуррахмана, за кем окончательное решение: «Мне отпущено Богом всего три дня, и да узнают правоверные нового халифа!»

Колебались мухаммедианцы между Османом и Али, зная, что оба достойны.

Но Али, даже когда халифом стал Абу-Бакр, был твёрдо убеждён, веря в династическую преемственность, что наследовать Мухаммеду должен был именно он, Али, кровно связанный с Пророком: они восходят к одному деду Абдул-Мутталибу! Но понимал и то, что Абу-Бакр — намного старше его, и не выказал своего желания, но Абу-Бакр, чувствуя обиду Али, напрямую спросил у него: «Что? Тебе не по душе моё избрание?»

Али поклялся, что ничего подобного не испытывает.

«Тогда почему ты не появляешься у меня?» — спросил Абу-Бакр.

«Я собираю Коран», — был ответ Али.

«Что ж, — заметил Абу-Бакр, — твоё решение прекрасно!..»

Именно тогда Али сказал Абу-Бакру, укорив себя потом за хвастовство, что он единственный, который доподлинно знает, когда, где и в какое время дня и ночи, при каких обстоятельствах явлены были Пророку айаты Корана⁹⁶.

⁹⁶ *ас-Суйути*. Вып. 3. С. 54—55.

Старейшины-выборщики во главе с Абдуррахманом, следуя завету Омара, решили встретиться наедине с каждым из претендентов, с «почтенным», как они считали, Османом, которому давно перевалило за полвека, и с «мужественным воином» Али, возраст которого приближался к пророческим сорока. Встретиться и предложить ответить на вопрос, вполне разумный и резонный:

«Станет ли он, если будет выбран халифом, поступать со всеми правоверными согласно Корану, поведению Пророка, словам и делам предшествующих халифов — Абу-Бакра и Омара?»

Осман, не задумываясь, тут же ответил: «Да!» — и уточнил, что будет следовать Корану и Сунне.

Али ответил уклончиво: «Готов исполнить всё по примеру Пророка и в согласии с Божественной Книгой!» — умолчав при этом об Абу-Бакре и Омаре.

Абдуррахман настоял, чтобы Али «в точности ответил» на его вопрос, не опуская имён предыдущих халифов.

«Есть ли надобность рядом с Кораном и образом действий Пророка в иных примерах? — сказал Али. — Может быть, тебя не устроит мой ответ, захочешь отстранить меня от выбора. Но и я не желаю, чтобы мои уста изрекали слова, противные моему сердцу!»

Есть другая версия ответа Али: «Я буду следовать только Корану, ибо Мухаммед, должны бы помнить все, строго-настрого запретил следовать тому, что запечатлено в суннах, и придерживаться только Корана».

...Осман был объявлен третьим халифом, и так положено было начало процессу разделения мусульман на *шиитов*, то есть «сторонников», или «последователей», в данном случае, Али (это первый смысл слова на арабском, не имевшего ещё разделительный смысл⁹⁷), и на *суннитов* — тех, кто следует, наряду с Кораном, хадисам.

Нельзя при этом не обозначить великую заслугу Османа, который продолжил начатое при Пророке и продолженное

⁹⁷ В значении «последователь-сторонник», или «шиа-шиит» это слово — частое в Коране («последователем-шиа» Ноя назван в Коране Авраам, применяется это слово к «сторонникам» Моисея и т. д.), то есть «шиа» в этом смысле — слово нейтральное, не оценочное, может выступать в Коране и в позитивном, и в негативном контекстах (последователь «праведного пути» или — «Сатаны»). Наричательный смысл в качестве «противников суннитов», или тех, кто внёс раскол в ряды мусульман (с чем не согласны шииты), он приобрёл позднее. См.: <http://arsh313.com/shiity-shia-v-ayatah-korana/>

халифами Абу-Бакром и Омаром собрание аятов Корана как свода молитв, знаний, предписаний, а также сунн-хадисов, высказываний Мухаммеда, чтобы знать, как поступать и вести себя в тех или иных жизненных обстоятельствах.

Со смертью Пророка ушёл главный источник аятов, но довольно и явленных, и пока живы хранители сур... — Осман собрал всех главных знатоков божественных аятов, и началась интенсивная работа по составлению свода Корана. Впрочем, есть суждение в шиитских источниках, что Али, почитавшийся лучшим знатоком текстов Корана, не был привлечён к этому важному начинанию, и это косвенно доказывается тем, что при упоминании привлечённых к составлению Корана имя Али не значится; в его своде, который не сохранился, суры якобы располагались в хронологическом порядке, а в каноническом 1-я сура стала 96-й, 2-я — 74-й, 3-я — 68-й и т. д.

Спорили долго — в каком порядке собирать аяты и тем самым выстраивать суры, и договорились, вторгшись в хронологию аятов... Тут следует остановиться перед трудным подъёмом, собраться с духом, чтобы начать разговор (подступы к нему были не раз) о том, что ныне определяется понятием *«человеческий фактор»*.

5. Клятва была дана составителями свода Корана: сохранить буквы и слова Божественного текста, как они были ниспосланы Пророку, и остались, можно полагать, верными той клятве, и появился Коран, книга нового единобожия — ислама.

Но прежде о том, что важно сегодня: Коран, дошедший до нас через Мухаммеда, встроен в ряд ранее ниспосланных книг иудаизма и христианства, о чём свидетельствуют его главные сюжеты. Их по крайней мере семь:

идея единого Бога и резкое, бескомпромиссное отрицание многобожия; от изначального утверждения: *Скажи: Он, Бог, един!* (112/1)⁹⁸ переход к тому, что Коран встроен в

⁹⁸ «Дивятся, что явился к ним [мекканцам] увещатель из них самих. Молвили неверные: “Ну да, колдует он, обманывает нас! Множество богов возжаждал обратить в единственного Бога, — вот удивительное чародейство!” И удалились, говоря своим: “Храните верность к божествам! Услышанное чуждо нашей вере!”» (38/4—7). «Ты, кажется, готов себя убить от горя, что никак не удаётся убедить их [мекканцев]... Не веди с ними пустые споры, а молви то, что в откровениях тебе ниспослано» (18/6).

ряд прежде ниспосланных Богом книг иудаизма и христианства:

Воистину, ниспосланное — Писание! (26/192); *О том начертано в свитках первых — Авраама и Моисея* (87/18, 19);

признание семи дней творения⁹⁹;

вера в Судный день, возмездие за злодеяния и воздаяние за добро;

единство этического ядра, заповедей;

признание Авраама праотцом и всех пророков (семь притч о них и семи бедах, постигших народы, которые отварились от единобожия);

идея джихада, или «рвения», «устремления», «настойчивости», и он в Коране выступает в трёх видах: джихад малый, или война оборонительная, в защиту, если на тебя напали, хотят тебя уничтожить; джихад средний — быть бесстрашным в изложении истины и не облекать её ложью; джихад большой — постоянная, непрекращающаяся ни на миг борьба человека с самим собой, с дьявольским в себе во имя торжества божественного начала;

и седьмое, самое, может, существенное в преемственности Корана с книгами иудеев и христиан: «Ниспослал Бог тебе Истину, чтоб истинность того, что прежде Им до тебя было явлено, подтвердить. Ведомо тебе, что ранее Им были ниспосланы Таврат (Тора) и Инджиль (Евангелие)» (3/3); «И эта Книга, что тебе ниспослали, на пророчество благословив, подтверждает истинность ниспосланного ранее» (6/92). И, как завершение этой идеи в качестве причины явления Корана, финальный аят, что Коран ниспосылается «для охраны» (5/48). Но что это — «охрана»? В контексте сказанного это значит: охранять книги иудаизма и христианства. Такая великая миссия?!

Эти примечательные аяты звучат в популярных переводах смыслов Корана на русский язык так:

Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него (Корана) из Писания (оно даётся в Коране в единственном числе, и все Кни-

⁹⁹ Слово *шабат* у христиан сохранилось как *суббота*, утратив характер завершающего дня творения, иной отсчёт недели — от воскресенья. У мусульман шабат — *шанба*, сохранились лишь рудименты отсчёта дней от шабата: *чаршанба* у персов означает *день четвёртый после шабата*, а у турок — *паршамба*, *день пятый после шабата*, главный день — *пятница-джума*. Различия хоть и принципиальные, но ритуальные, и не могут быть причиной конфронтации между верами единобожия.

ги — его части), и для охранения его (Игнатий Крачковский; а в одном из ранних переводов Корана, выполненных Гордием Саблуковым: и охраняющее оное).

Мы Книгу в истине тебе послали для подтверждения того, что прежде из Писания пришло, для охранения его, тут же добавлено в скобках уточнение: «от всяких искажений», обозначен уровень охраны (Валерия Порохова).

Мы ниспослали тебе Писание с истиной в подтверждение прежних Писаний (во множественном числе — вопреки тексту Корана, исчезает понятие целостности Писания) и для того, чтобы оно (Коран) предохраняло их, а в скобках: чтобы новое Писание свидетельствовало о них или возвысилось над ними, то есть устанавливается иерархия Писаний, Коран ставится выше прежних, что противоречит смыслу ниспосланного (Эльмир Кулиев).

Ниспослали Мы тебе это Писание как Истину для подтверждения того, что прежде было в Писаниях, чтобы предохранить их, добавлено, от искажения, и договаривается за Бога: иудеи и христиане исказили Тору и Евангелие, и Коран был ниспослан для восстановления и увековечения первоначального смысла Священного Писания, — и отсыл к богослову XIII века Байдави, чьи интерпретации канонизированы (Магомед-Нури Османов).

В Коране, утверждают богословы, есть два рода аятов: «очевидные, то есть понимаемые каждым, каким бы невежественным он ни был»¹⁰⁰, и неочевидные, смысл которых ведом лишь Богу.

Вышеозначенные аяты с *охраной*, можно полагать, *неочевидные*, хотя и ясно по тексту, что Коран, как завершающее Послание, призван оберегать, защищать, хранить книги иудеев и христиан, явленные прежде.

Частый вопрос: если Коран повторяет книги иудаизма и христианства, то зачем Бог вослед другим текстам единобожия ниспослал новую книгу, а с нею и новое единобожие?

Очевидно (по-светски дерзостно вторгнусь в божественную сферу), Богу угодно было завершить, утвердить и закрепить единобожие среди избранных Им семитских народов — евреев (замечу, что все первые христиане были евреями, вышли из иудаизма) и арабов, объединив на этой

¹⁰⁰ См.: *ас-Суйути*. Вып. 4. С. 35.

почве множество их разрозненных языческих племён. Скажу также, что принадлежность евреев и арабов к единой языковой семье выявила и такие случайные совпадения, как наличие в Торе, в «Песне песней Соломона», слова «мухаммадим», созвучного, и по смыслу тоже (как семитское слово на иврите), имени Мухаммеда (и это породило дискуссию в Интернете¹⁰¹).

Особенность Корана, что он текстуально не повторяет сказанное ранее в Книгах, а как бы возвращает к нему единственной фразой-символом или системой взаимосвязанных аятов. При этом внешне кажущиеся повторы стилистически варьируют прежде явленное, оттеняя грани заповедей, запретов и разрешений.

Специфичность повествовательного дискурса Корана позволяет, применяя новые изобразительно-выразительные средства для изложения идей единобожия, усилить эмоциональное воздействие явленного.

Этому также служит, о чём было сказано, многообразие интонаций, речевых фигур, инверсий, экспрессивных приёмов, декламаций с риторическими вопросами, наличие форм описательной, эмоционально-восторженной, восклицательной, вопрошающей, недоумевающей, утверждающей.

Известное прежде дополняется, внедряясь в человека порой дидактически; обращение звучит как угроза, чтоб уразумели кару, ждущую неверующих в знамения, осознали всемогущество Бога, укрепились в вере. Наличествуют в Коране стили ассоциативный и «потока сознания», который, кстати, явленный в Коране, был открыт лишь в XX веке.

Можно обратить внимание ещё на одно важное обстоятельство, выраженное в следующем кораническом аяте:

Если б Бог возжелал, — это часто: говорить о Себе в Коране в третьем лице, — Он сотворил бы всех людей одним народом [для Меня не трудно это, — не раз заявляет Бог] с единой верой (16/93).

Всякому из вас Мы устроили дорогу веры, праведный дав

¹⁰¹ См.: http://www.islamic-invitation.com/downloads/no-right-to-translate-individuals-names_russian.pdf При этом выявилась и такая точка зрения, что «абсолютно все события, происходящие в мире (в прошлом, настоящем и будущем), закодированы в тексте Торы»; что «Всевышний смотрел в Тору и творил мир... Тора — это генетический код всего мироздания; всё, что существует, существует только по той причине, что о нём было сказано в Торе (подобно чертежам здания, предусматривающим заранее все его детали и составляющие)». См.: https://toldot.ru/urava/ask/urava_8325.html

путь. Если б захотел Бог, сделал бы вас народом Он единым, чтоб испытать на верность вас всему тому, что даровал Он вам. Старайтесь же опередить друг друга в праведных делах. К Богу — конечный ваш возврат, и сообщит Он вам, в чём разноголасили!» (5/48).

Замечу, что идеи эти даны в контексте сотворения мира, когда ещё и речи не было о верованиях: *Во испытание вас создал, дабы состязаться вы могли в деяниях добрых* (11/7).

Сотворённое вызывает у Бога, как о том свидетельствуют книги иудаизма, эмоциональное удовлетворение:

И увидел Бог, что это хорошо!

Радостное состояние Бога сродни в Коране Его экспрессивно выраженному восхищению: *Да восхитимся луной! Ночью уходящей! (74/33—35); движущимися, текущими и скрывающимися, и ночью, когда темнеет, восхитимся, и зарей, когда лишь задышала! (81/15—18)* и т. д.

Одной из важнейших экспрессивных форм призыва, обращения выступает клятва, и она присутствует в книгах иудеев, христиан и мусульман в устах как Бога, так и простых смертных, хотя при этом в Торе отмечается: «*Не употребляй имя Бога всуе*». А в Евангелии читаем: «...Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным» (Мф. 5, 34—36). В Коране: «*Не клянитесь именем Бога!*» или иначе: «*Не превращайте имя Бога в предмет ваших клятв!*» (2/224).

Есть в Коране ёмкое и многогранное слово *уксиму*, которое в устах Бога выражает чувство восторга от сотворённого Им. *Уксиму* передаётся во всех переводах Корана словом *клянусь*, что вызывает чувство недоумения, ибо клятва в устах Бога чем-то и кем-то — удел языческих богов, а единый Бог может клясться, как это присутствует в оригинале Корана, лишь Самим Собой, в первом или третьем лице: *Богом клянусь Я!* (4/65), или *Клянусь Я Богом восходов и заходов* (70/40), но не Луной, смоковницей или оливою, горой и морем, как это дано в переводах Корана. Возможно, это свидетельствует о стремлении обособить ислам от других авраамических вер, представив его, в силу приверженности Мухаммеда к традициям бедуинской поэзии, что ощущаются в языке Корана, верой язычников.

Содержательное единство Корана с книгами иудаизма и христианства прослеживается по всем сюжетам Корана.

Таким образом, семь сюжетов Корана показывают как содержательное его единство и тождество его этического ядра с текстами авраамических религий, а тем самым — приверженность к общечеловеческим ценностям, так и различие их повествовательно-изобразительных стиливых средств.

Однако составители Корана — «о, мудрые наставники, — восклицает Ибн Гасан, — племён арабских!..» — сохранив нетронутыми буквы и слова Корана, нарушили «порядок сур, явленных Мухаммеду, вторглись тем самым в изначальный замысел Бога!..», сочли, очевидно, что это не столь важно, коль скоро сохраняется весь текст, «не согласуясь с тайной Танры»¹⁰².

При этом относящиеся к новому единобожию «законоведческие», «ритуальные» главным образом, айаты, явленные позднее, в мединскую пору, и отличные по божественному замыслу от иудейских и христианских, оказались в начале Корана, а ранние и концептуальные мекканские айаты, названные «поэтическими», а также «пророческие», созвучные идеям прежних единобожий, частью были задвинуты в конец, а частью оказались смешанными, растворёнными в поздних айатах.

Вмешательство составителей в композицию божественной книги (что наглядно в Коране и признаётся толкователями) оправдывается тремя доводами:

что такая структура была установлена Самим Богом через *Джебраила* (это называется *tawqifiyy*). Но если действительно существовала такая установка, то она должна была с неотвратимостью запечатлеться в тексте Корана, чего нет, и вряд ли можно представить, чтобы посланец утаил ниспосланное Богом, нарушил Его наказ, это явный грех;

что, мол, сам Пророк завещал подобное расположение, с чем тоже нельзя согласиться: пророк Мухаммед не автор Корана (как считают противники: мол, Коран сочинил сам Мухаммед), он всего лишь передатчик божественных айатов и потому не вправе был вмешиваться в замысел Бога;

¹⁰² Ибн Гасан (с. 5) вместо арабского «Аллах» употребляет тюркское слово «Танры», «Небесный», отдавая дань бытовавшему в давние времена в срединной тюркской Азии убеждению, что единобожие прежде было явлено тюркам, а не арабам. Но он прав в том, что «Богу-Творцу всего и вся знать было, в каком порядке являть айаты», а потому вторжение в порядок сур — грех перед Ним.

а в-третьих, утверждение, близкое к истине, что это результат *дерзания* (*ijtihad*) сподвижников, иначе говоря, произвол составителей.

Впрочем, хронологическое расположение сур, выявив существенные различия между изначальным и каноническим Кораном, ныне бытующим, высветило лишь частично логику ниспосланного, хотя, вне сомнения, тайна целостного текста осталась неразгаданной даже в приближении: для этого требуется работа не одиночек, а деятельность большого научно-исследовательского коллектива, состоящего из лингвистов-арабистов, текстологов, историков и философов, коранистов, специалистов по иудаике, библеистов, что сегодня практически неосуществимо — и не только по причине запрета вторгаться в структуру божественных текстов.

В начале нынешнего века¹⁰³ собрались в Москве культурологи и религиоведы, чтобы поговорить об интерпретации сакральных текстов, пророческих, пророческих, понимая под этим, что они — хранилища социально-исторических, духовных традиций. В духе времени были отмечены различные типы экзегеза: склонность к герменевтике, когда истолкование или интерпретация сакрального текста соотносится с опытом сегодняшнего, и тем самым происходит инверсия акта интерпретации. Герменевтика при этом сопровождается деконструкцией как способом анализа структуры, когда текст подвергается демонтажу, что ничего общего не имеет с разрушением, а, напротив, преследует цель вернуться к истокам, и возникает, как в данном случае, потребность восстановить первоначальный порядок аятов Корана. Впрочем, подобное, но без комментариев, было сделано в середине XIX века с английским переводом Корана, в середине XX — с французским, а в начале XXI — с переводом турецким.

Возникла при встрече идея-догадка, что Коран ниспосылался прежде всего для примирения книг монотеизма, и это было поддержано культурологами, но почему-то отвергнуто религиоведами.

¹⁰³ Тогда же, совпало, в США вышла книга «100» Майкла Харта. «Возможно, кто-то, — пишет он, — удивится, увидав на первом месте пророка Мухаммеда. Даже теперь, по прошествии четырнадцати столетий с момента его кончины, религия, которую Мухаммед дал людям, играет огромную роль в мире». Созвучны этому слова Х. Л. Борхеса: «Наш XX век перевернул притчу о Магомете и горе, ныне все горы сами сходятся к современному Магомету» («Алеф»).

6. Человеческий фактор, или Вторжение в Божественный текст: прямое — путём вставок, и косвенное — через интерпретации или иные структурные формы.

Фактор этот даёт о себе знать не только в Коране, но и в других религиозных книгах, и при этом вторжение, как правило, вызывается социальными, политическими, экономическими целями и интересами тех, кто прибегает к подобному; тут тесная взаимосвязь и взаимозависимость.

Ложная в Средневековье интерпретация Библии послужила к захватническим устремлениям, привела к крестовым походам, гонениям на евреев, антисемитизму, войнам, и это в известной степени повторяется спустя века, но на сей раз сопровождается именем ислама, чья современная теория и практика террора пришли в резкое противоречие с изначально заложенными в Коране ценностными идеями.

Мы можем бесконечно дискутировать-рассуждать по поводу иудаизма и христианства, вести на словесном уровне цивилизованный разговор о таких доктринальных проблемах религий единобожия, как мессиянство в иудаизме, Христос как Мессия или идея Троицы в христианстве, в которой иудеи и мусульмане усматривают дань язычеству, и от этого сегодня, во что хочется верить, никому никакого вреда, но мы не можем не бить тревогу по поводу того, что под флагом ислама в нынешнем мире свирепствует террор, совершается насилие, льётся кровь... — во имя спасения Корана следует показать, как проявляется наличие человеческого фактора в исламе, который и привёл к разрыву Корана с текстами иных единобожий и, как результат, — к превращению Священной книги, ниспосланной Богом Мухаммеду, в орудие ожесточённой борьбы со всем миром, в том числе и ветвей ислама — суннизма и шиизма — друг с другом.

Здесь есть несколько проявлений вмешательства в Божественный текст, о чём было.

Вторжение в хронологию сур, нарушение их порядка в Коране, который собирался в пору конфронтации и войн с иудеями и частично христианами, что вызвало ряд необратимых последствий:

явленные позднее ритуальные и законоведческие айаты, различные от иудейских и христианских (таков, очевидно, был замысел Бога, чтобы веры состязались в добрых делах, о чём в Коране), оттеснили ранние мекканские

айаты, в которых выражалось единство Корана с книгами иудеев и христиан;

из заглавия сур были убраны имена Моисея, Соломона, Давида, Иисуса (наличие которых подтверждают средневековые коранисты);

утратилась эволюция основополагающих понятий «муслим» и «неверный», «кафир». Первое по-арабски — «верующий в единого Бога», и это обозначение в широком своём значении распространялось в мекканских айатах на иудеев и христиан тоже; в мединских же айатах это — «верующий лишь в новое единобожие», то есть сузилось содержание понятия «муслим». А понятие «неверный», к кому причислялись мекканцы-идолопоклонники, «язычники», расширилось, и к ним стали относить также иудеев и христиан, что, кстати, вытекало из слов Самого Бога, отражённых в Коране;

и Бог, именуя Себя, представляя Себя как «Аллах», не мог не знать, что так назван один из идолов Каабы и что отец Мухаммеда Абдулла, «Раб Аллаха», назван в языческие времена в честь идола, а потому в ранних айатах Он выступал как «Создатель», «Творец» (*Rabbi*).

Слово «Аллах» появилось в устах Мухаммеда позже, с молитвенной формулой: *Бисмиллахи рахмани рахим*, или *Во имя Аллаха, Всемилостивого, Всемилосердного* (позднее эта строка, не входя в число основного корпуса текста, предварила все суры Корана, за исключением 9-й, тут тоже сказалося людское воздействие).

Тогда же возникла формула-пароль единства Бога и его нового посланника, или *шахада*-«свидетельство» «*Ла-Илла-Ильалла Мухаммед расуль алла*», или «Нет иного Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его».

То есть зафиксировано то, что стало реальностью: Бог выбрал, встроив в ряд предшествующих пророков, нового пророка, что порой интерпретируется так, что лишь Мухаммед — истинный пророк.

В результате существенного изменения структуры Корана в нём проступили явные противоречия, в объяснение природы которых возникло суждение: «Последующее (суры мединские) отменяет предыдущее» (суры мекканские), а вскоре родилось суждение противоположное: «Последующее отменяется предыдущим», то есть преимущество отдаётся айатам мекканским.

Даже утверждается, что истинно божественны лишь

мекканские айаты, а мединские — спорны, а то и не относятся к Корану и вошли в него из хадисов¹⁰⁴.

Но все вышеизложенные концепции, обозначая наличие противоречий в Коране, или, говоря проще, определяя, что в нём истинно, а что требует разъяснений, представляются некорректными, ибо вносят оценочные характеристики в божественный текст и тем более не согласуются с высказанным Богом в Коране, что «Мы не отменяем и не велим забыть ни один ниспосланный аят, если взамен ему не являем лучший или равнозначный» (2/106). Но «лучший» и «равнозначный» следует, думается, понимать не как отменяющий, ибо Бог априорно не может противоречить Самому Себе, а как более чётко выраженный, уточняющий.

Удивительно, что в одном из последних айатов Корана Бог, точно предполагая, что впоследствии, возможно, люди зададутся целью выявить «противоречия» в Его словах, относя их наличие именно к Нему, придумают теории, вроде заявленных, не пожелают искать причины, относящиеся к вмешательству людей в Его текст, — явил нижеследующее: «По Бога установлению, ранее ниспосланному тем, которые были прежде, в узаконениях Божиих ты [Мухаммед] не сыщешь перемены [изменений, противоречий?!]» (33/62).

Возникшая из-за смешения айатов путаница привела к суждению, что Коран — не книга с единым и связным содержанием, а сумма отрывочных айатов, читаемых «по случаю», и в исламоведении возникла так называемая «ситуативная концепция», когда к каждому айату ищется земная «причина ниспослания», то есть делается попытка привязать тот или иной аят к конкретным обстоятельствам жизни Пророка, и это упростило, тотально утилизировало Божественное Слово: всеобщему был придан вспомогательный, иллюстративный характер.

Вмешательство в текст Бога вызвало неотвратимые последствия, и первое в этом ряду — разрыв или противопоставление ислама, объявленного единственно верным

¹⁰⁴ См.: *Алескеров Самир*. Великий парадокс, или Два почерка в Коране. М.: Квазар, 2005, 496 с. Немало учёных арабов, которые, осуждая шахидов-смертников, действующих от имени ислама и основываясь, очевидно, на этих противоречиях, отрицают богоданность Корана. Важно, как говорится, вылив грязную воду из корыта, не выкинуть и ребёнка. См.: www.youtube.com/watch?v=Yr1S_Q4q5Uw, www.youtube.com/watch?v=W8-ipdc1N2M

единобожием, другим верованиям, выведение Корана из состава книг иудаизма и христианства.

В айатах мединского периода, когда Мухаммед напрямую соприкоснулся с иудейскими и христианскими общинами, арабское слово «Аллах» закрепляется как единственное имя Бога, и приверженцы других вер единобожия сначала приглашаются, а затем принуждаются принять новую веру и формулу: «Бисмилла», «Во имя Аллаха».

То же и с понятием «муслим»: арабское слово это, о чём уже было, появляется в Коране, имея первоначально широкий смысл как единобожец, включая иудея и христианина, а в мединских сурах значение слова сужается, и «муслим» уже приверженец нового единобожия, и он противостоит иудею и христианину.

В принятии ислама, таким образом, наличествуют как бы три этапа, или три возможности, и все они присутствуют в практике ислама в мединскую пору деятельности Мухаммеда и так или иначе содержат момент принуждения, противоречащий духу и идее Корана, выраженной в формуле: «Нет принуждения в вере», особенно если это касается не язычников, а тех, кто издавна следует единобожию.

Первая возможность — это предложение перейти в ислам и стать «братьями по вере». Вторая — остаться при своей вере, но с условием признать себя подданными нового единобожия и уплачивать при этом подушную подать. И третий путь, если отказываются, — путь «войны за веру», а это — как отмечает известный арабист, исследователь ислама И. П. Петрушевский, — означает «бороться до конца», до полной победы¹⁰⁵.

И вот айаты, в которых размыты понятия «неверный» и «язычник» и к ним интерпретационно начинают причислять иудеев и христиан... а что касается их книг... — вот айаты, на основе которых, как они комментируются, эти книги отлучаются от единобожия.

Ведомо лишь Богу, когда какой аят Мы заменяем другим! (16/101). *Бог стирает, что желает, и утверждает. У Него — мать явленного прежде* (13/39), — речь, ясно, о книгах, ниспосланных «людям Писания», «əhləl-Kitab» (кстати, повторяю, *Kitab-Писание* употребляется в Коране в единственном числе, и все книги — части единой *Матери-Книги*, которая у престола Бога; людям явлена лишь её часть).

То есть айаты вписаны в контекст обращений к пророку

¹⁰⁵ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в XVII—XV вв. Л., 1966. С. 55.

Мухаммеду, на кого возложена лишь миссия повторения услышанного с запрещением что-то стирать, умалчивать, дописывать, даже интерпретировать. Но в угоду средневековой политике вражды с иудаизмом и христианством (как и их друг с другом) айаты истолкованы так, будто Бог... «стёр явленное прежде», что подлинники книг иудеев и христиан хранятся у престола Бога, а бытующее на земле — фальшивки, сочинённые людьми, в отличие от Корана, где Бог говорит непосредственно от Своего имени. Так родилась сохранившаяся по сей день идея, что Коран отменяет как книги иудеев и христиан, так и основанные на них иудаизм и христианство. А потому нередко у отдельных приверженцев ислама возникает недоумение, а то и вызывает резкий протест, что, оказывается, ислам — не единственная религия, угодная Богу, что истинно верующие иудеи и христиане тоже спасены Божьей милостью, удостоенные райской доли, и, мол, подобные суждения «противоречат Корану, хадисам Пророка, то есть Шариату» — эти понятия, как правило, синонимично выстраиваются в один ряд¹⁰⁶. Повидимому, некоторые исламские богословы, осознавая это, делают оговорку, что, де, Божья угроза в айатах 3/19 и 8/35 адресована лишь людям, отказывающимся признать посланничество Мухаммеда, что аят 5/69 свидетельствует, что для вечного спасения Бог поставил условиями веру в Него и «творил благо»¹⁰⁷.

Есть в Коране замечательная в семи айатах молитвенная сура «Фатиха»¹⁰⁸, созвучная молитвам иудеев и христиан не по случайному совпадению, а потому, что их источник — единый Бог. Есть в суре такие слова, ясные, доходчивые и недвусмысленные по сути, которые и замыкают аят:

¹⁰⁶ https://vk.com/topic-35860464_30197679

¹⁰⁷ 3/19: «Поистине, пред Аллахом — ислам, и разошлись те, кому было даровано Писание, только после того, как пришло к ним знание, по злобе между собой. А если кто не верит в знамения Аллаха, то ведь Аллах быстр в расчёте»; 8/35: «Вкусите же наказание за то, что вы не верили»; 5/69: «Поистине, те, которые уверовали и которые исповедуют иудейство, и христиане, — кто уверовал в Аллаха и последний день и творил благо, — нет страха над ними, и не будут они печальны» (айаты даны в переводе И. Ю. Крачковского).

¹⁰⁸ 50-я по хронологии мекканская эта сура помещена в каноническом Коране 1-й, ею открывается Коран и потому она имеет название «Открывающая сура». «Без “Фатихи”, — говорил Мухаммед, — никакая молитва не будет услышана».

*Веди нас по дороге прямой,
дороге тех, которых Ты благодетельствовал Своей милостью,
не тех, которые под гневом Твоим, и не заблудших...*

Гнев Бога расшифровывается как неприятие иудеев, которые поклонялись золотому тельцу, а под *заблудшими* имеются, де, в виду опять-таки иудеи, но и христиане тоже, не принимающие Мухаммеда как пророка и ниспосланный Коран. Однако в мекканскую пору Мухаммед не соприкасался ни с иудеями, ни с христианами и потому принять или не принять Коран те никак не могли. А потому объектом гнева Бога, заблудшими, *неверными* были, скорее всего, язычники-сородичи Пророка, которые его преследовали, принудив бежать из Мекки. То есть с первых же интерпретаций обозначается ложная концептуальная направленность Корана, и подобная тенденциозная размытость понадобилась для разрыва с «людьми Писания», иудеями и христианами, объявленными *неверными*.

В Коране в связи с пророческими сюжетами есть специальная сура «Пророки», а также суры, носящие имена пророков: *Нух-Ной, Ибрагим-Авраам, Йусиф-Иосиф, Йунис-Иона*, арабский пророк *Худ*, даже *Мухаммед*, но вызывает недоумение отсутствие в названиях имён двух важнейших, основополагающих посланцев Бога: Моисея и Иисуса, и это при том, что в тексте наличествуют подробные рассказы о них. Решаюсь высказать догадку, что эти названия, которые прежде наличествовали в Коране, были просто изъяты составителями: айаты «Иисус» спрятаны, и это отчётливо проступает в канонической суре 36-й *Йа Син*, в которой излагается в назидание мекканцам история в Антиохии, куда к язычникам прибыли ученики Иисуса апостолы Варнава, Павел, Пётр, *и говорили слово Божие, дабы отверзнуть дверь веры [единобожия] язычникам*; а вот сура «Моисей», 20-я, опять-таки названная, как и 36-я, буквами арабского алфавита *Та Ха*.

Каково же было изумление автора, когда в книге богослова XV века Джалаладдина ас-Суюти он нашёл подтверждение догадке, что сура *Та Ха* имела название *Моисей*. Здесь же утверждается со ссылкой на современника Мухаммеда, знатока Корана ал-Хазраджи, что первоначально 38-я сура *Сад* (тоже буква арабского алфавита) называлась именем иудейского пророка *Давида*, а 27-я *Муравей* называлась

Соломон. Ушло название 98-й суры *Люди Писания*, коими в Коране обозначены иудеи¹⁰⁹.

Ложные интерпретации — наиболее значимый момент наличия в Коране человеческого фактора, остановлюсь на некоторых.

Быть может, от Нас защитят их боги, коим поклоняются? [язычники-мекканцы]. Но эти боги даже не смогут самим себе помочь!.. Дали Мы им и праотцам их пользоваться благами земными, оттянули жизненный предел им. Но разве не узреют: Мы их земли суживаем, сокращая по краям, — нет, не достанется победа им! (21/43, 44).

То есть очевидно, что речь идёт о язычниках, и *суживание их земель* в контексте победы над ними — всего лишь метафора, что пространство язычества на земле будет уменьшаться. Или, если трактовать конкретно: что мекканцы-язычники не одержат верх над Мухаммедом. Но договаривается за Бога, что Он предсказывает конечную победу на земле не вообще единобожию, а именно *исламу*, сужено трактуемому, и, если это угодно Богу, то процесс расширения мирового пространства ислама, противостоящего всем *неверным*, можно действительно ускорить, приблизить, отсюда — оправдание экспансии, агрессии и насилия, начисто отбрасывающее многократно заявляемое в Коране, что *Нет принуждения в вере!* (2/256); что *невозможно принуждением заставить людей уверовать* (10/99).

Это вмешательство много веков спустя породит формулу разделения Земли на две территории. Первая — «Дар ал-Салам», «Территория мира», видимая как земли исламского единобожия, а вторая — «Дар ал-Харб», или «Территория войны», — как пристанище «неверных», под коими подразумеваются все немусульмане. А цель исторического развития видится в устранении, притом с применением силы, «территории войны» во имя превращения земного пространства в территорию «Дар ал-Салам», ислама.

Другая грань наличия человеческого фактора в Коране — это уравнивание в значимости божественного (то есть явленного Богом в Коране) и человеческого (а это — хадисы, высказывания Мухаммеда, многократно превышающие объём Корана).

Представляется обязательным определять степень достоверности хадисов не столько цепочкой передатчиков, донёсших их до нас, чему главным образом следуют исла-

¹⁰⁹ *ас-Суйути Джалал ад-Дин. Учение о своде Корана. С. 48, 42, 44.*

моведе, а сколько их соответствием духу и букве Корана. И потому вряд ли можно принять хадисы, явно противоречащие Корану, но частые в устах воинствующих мусульман, ратующих за противопоставление ислама предшествующим единобожиям, — к примеру, такие, в которых Мухаммед якобы призывал «убивать неверных», причисляя к ним и иудеев: «Убивайте их, где бы вы их ни настигли»... Таких хадисов немало, и они официально не отменены. Но есть и хадисы, достойные пророческого сана Мухаммеда:

«Не возвращайтесь после моего ухода из жизни к неверию, убивая друг друга».

«Наступит время, когда убийца не будет знать, ради чего убивает, а убитый не будет знать, за что его убивают».

«Убийство одного верующего тяжелее Богу, чем исчезновение всего мира» (Ан-Насаи от Бурайды).

«Если два муслима вышли друг против друга, то убийца и убитый окажутся в Аду!» Его спросили: “О Посланник Бога, убийца-то понятно, а убитый хоть за что?” Мухаммед ответил: “Ведь он (убитый) тоже желал убить соперника (если остался бы жив)”» (Аль-Бухари, Муслим и имам Ахмад от Абу-Бакра)¹¹⁰.

Не случайно в последнее время исламские богословы, в частности египетские, призывают исследовать хадисы на предмет их соответствия духу и букве Корана; «очистить наследие первых веков ислама от мифов»; прояснить принципы понятия «джихад», используемого ныне как орудие борьбы против мира; «призывать людей к Богу не угрозами, а через мудрость и благодарность»; сформулировать достоинства монотеистических религий (ислама, христианства, иудаизма), изменив отношения между ними, используя мечети, церкви, школы».

Подобная тенденция уравнивания айатов и хадисов могла способствовать невольному или сознательному включению некоторые хадисов в коранический текст после смерти Мухаммеда, и в этой связи представляется прозорливым предупреждение Мухаммеда: не записывать его высказывания вне Корана; очевидно, имея в виду, что впоследствии они могут восприниматься как айаты.

Смешение божественного и человеческого отразилось на исламском законодательстве, шариате, многие положения в котором не от Корана, божественного текста, а от сунн-хадисов, и если учесть, что с ними вошли в правовое

¹¹⁰ <http://www.islam.ru/conte4nt/veroeshenie/43360>

поле шариата и некоторые доисламские обычаи¹¹¹, то становится размытой не только сама структура, но и идеи Корана.

Известны были слова Мухаммеда, он часто произносил, предупреждая: «Не записывайте за мной ничего, кроме Корана», имея в виду свои высказывания вне Корана, названные, о чём было, суннами-хадисами¹¹², и они составили впоследствии тома, многократно превышающие объём Корана.

Приравнение хадисов к айатам торжествует и сегодня.

В Коране сказано: *Бог ниспослал тебе Писание и мудрость* («Женщины», 4/113), то есть, получая откровения, Мухаммед обретал и Знания, но оговаривается за Бога, что под «мудростью» имеется в виду «Сунна», и в подтверждение приводятся слова, якобы сказанные Мухаммедом: «Я оставил среди вас две вещи, держась за которые вы не собьётесь с прямого пути: Книгу Аллаха и Сунну Его посланника!»¹¹³, это Мухаммед говорит о себе, что явно противоречит его запретам, о чём было, не записывать то, что говорится им, а только ниспосланное ему, то есть Коран, слова Бога.

По части хадисов есть потребность пропустить их как бы через кораническое сито, отсеять всё то, что противоречит идеям Корана как книги авраамического единобожия.

То же следует проделать и с корпусом ложных интерпретаций коранических айатов, не согласующихся с единобожной сущностью и в той или иной степени питающих террор.

Нельзя при этом не учесть, что Мухаммед, завоевав мекканско-мединскую «землю обетованную», создал государство (в Коране нет ничего о том, как править государством), издавал законы, вёл войны, заключал мир, вершил правосудие, с опорой, впрочем, на посланническую миссию, действовал как политик, реагирующий на конкретные обстоятельства.

Как пишет в традиционно-светском стиле известный учёный-арабист И. М. Дьяконов, Мухаммед, «в отличие от других основателей религиозных и религиозно-философских доктрин — Заратуштры, Будды, Иисуса, Павла», был не только проповедником, но и «воином, и это оказало

¹¹¹ Об этом: *Мухаммад Икбал*. Реконструкция религиозной мысли в исламе. М.: Восточная литература, 2002. С. 161.

¹¹² *ас-Суйути*. Вып. 3. С. 52.

¹¹³ http://solih.com/quran_tafsir/o-velikix-dostoinstvax-korana-ego-adabax-i-axkamax-pervaya-chast

серьёзное влияние на развитие ислама... Именно сам Мухаммед во главе своих последователей ради насаждения ислама завоевал Мекку и значительную часть остальной Аравии. При его преемниках, халифах, не только новая вера, но и новая государственная власть распространилась сначала по Плодородному Полумесяцу (Ближнему Востоку), а потом вскоре до Испании (с попыткой вторжения в Галлию) на западе, до Инда и за Нил, до Аму-Дарьи и за Аму-Дарью на востоке»¹¹⁴.

На протяжении долгой пророческой жизни Мухаммеда зачастую возникали противоречия, несостыковки между проповедью Пророком повелений Бога, что отражено в Коране, и взглядами, суждениями, деяниями политического и государственного лидера, реализующего собственную волю человека своего времени¹¹⁵.

В свете изложенного и настоятельна потребность высвободить Коран, очистить его от присутствия человеческого фактора, с тем чтобы истинная книга Бога стала действенным средством или орудием борьбы против любых проявлений экстремизма, террора, творимого сегодня именем ислама.

И лишь тогда возникнет основа для постановки вопроса (что предлагалось руководством исламских организаций в России) о том, что Коран — Третий Завет Бога после Ветхого и Нового. Время от времени это становится предметом рассмотрения, то утихая, а то вновь возникая.

Отрадно, что именно в России, на земле которой в качестве коренных представлены все мировые религии, духовные иерархи единобожия стали говорить о едином источнике Божественных Текстов — книгах иудаизма.

Совет муфтиев России озвучил идею Корана как Третьего Завета, а Федерация еврейских общин России заметила важность понимания мусульманами истоков ислама, «которые находятся в вере Авраама»¹¹⁶. Но заметно и сопротивление идее «Коран — Третий Завет»¹¹⁷: прежде всего следовало бы во имя установления первичного согласия осмыслить негативные аспекты искажений буквы и духа Корана, мешающие представлению под одной, пусть и виртуальной, обложкой трёх книг единобожия. Бог для христиан, сказано,

¹¹⁴ Дьяконов И. М. Пути истории. М., 1994. С. 61.

¹¹⁵ Льюис Бернارد. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М.: Олимп-Бизнес, 2003. С. 110.

¹¹⁶ <http://www.lechaim.ru/ARHIV/187/guseynov.htm>

¹¹⁷ <http://www.blagovest-info.ru/?ss=2&s=3&id=15835>

«вдохновитель и автор Книг обоих Заветов, так премудро устроил, что Новый Завет сокрыт в Ветхом, а Ветхий Завет раскрывается в Новом; Книги Ветхого Завета являют в Новом Завете своё полное значение и, в свою очередь, освещают и объясняют его», что книги Библии явлены через движимых Духом Святым, «богодуховенных людей», чьи голоса были голосом Самого Всемогущего, любая их фраза «значит больше, чем составляющие её слова»¹¹⁸, и это вполне применимо к Корану. Кстати, методология христиан, применяемая в поисках следов Христа в Торе, совпадает с исламской: следы Мухаммеда отыскиваются со ссылкой на те же тексты, что Бог воздвигнет «Пророка из среды братьев их»; «вложу слова Мои в уста его, и он будет говорить им всё, что Я повелю ему; а кто не послушает слов Моих, которые пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу» (Втор. 18, 18—19)¹¹⁹.

7. Сколько тростниковых перьев понадобилось, чтобы записать Коран почерком *куфи* на обработанных шкурах животных. И кожаные эти листы, сшитые воловьими жилами, содержались в особо отведённом для них помещении, названном «Место, где хранится Коран».

С образца Корана затем сняли три списка, разослали в главные города халифата — Дамаск, Куфу и Басру с наставлением по возможности размножить и распространить среди мусульманских старейшин.

И особый экземпляр Корана — для Османа, чтобы под рукой халифа всегда была Священная книга.

...И кровью залиты страницы Корана, которую держал в руках Осман, о ком говорили: «Да полюбит тебя Бог, как мусульмане Османа!»

И он, третий халиф, вероломно, как и второй халиф Омар, убит!..

Наёмного убийцу звали Абдулла — названный в честь единого Бога Аллаха йеменец, который, как о нём говорили, притворялся мусульманином, будучи на самом деле — ещё одна стрела против евреев — иудеем.

¹¹⁸ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1989. С. 7—22.

¹¹⁹ Кельдани Д. Б. Мухаммед в Библии / Пер. с англ., 1999 (без выходных данных; автор — бывший католический священник, принял ислам, а с ним новое имя Абдул-Ахад Даууд); Щедровицкий Д. В. Сияющий Коран. М.: Оклик, 2005. С. 48 и далее.

Сторонники Османа отвезли его рубашку, залитую кровью, к его родичу — наместнику халифа в Сирии омейяду Муавийе, да, это он, который добровольно принял ислам, как в своё время и его отец, напомним его имя — это Абу-Суфьян, бывший враг Мухаммеда, вынужденный обстоятельствами стать мусульманином.

При Османе почти все его наместники — омейяды, неприязненно относящиеся — и это обоюдно — к Али; они видят в нём соперника Османа с тех дней, когда оба были претендентами на халифство.

И Али, избранный четвёртым халифом, тщетно пытается смести с наместнических должностей омейядов, начав с Муавийи, но тот возвращает Али, не признавая его халифство, пустой конверт!..

Есть разные версии происходящего, противоречащие друг другу: суннитская, сторонников Османа, и шиитская, сторонников Али.

Зреет у омейядов клич: «Отмстить за смерть Османа!»

Но сын Абу-Бакра Мухаммед, названный так в честь Пророка (отныне каждый новорождённый ребёнок мужского пола автоматически обретёт имя Мухаммед, а женского — Фатима в честь дочери Пророка, но могут иметь, как было сказано, и второе имя тоже), — так вот: не для того сын Абу-Бакра устроил, такой был слух, заговор против Османа, чтоб халифом стал Али, а ради самого себя!

Ведь он — носитель имени Пророка!

Брат любимой жены Мухаммеда — Айши, которую нарекли «матерью правоверных»!

И собираются недруги Али в Мекке вокруг Айши, куда прибыла она с паломниками. И омейяды объединились с нею, предав забвению, что средь зачинщиков убийства Османа её брат.

А в Ираке, Сирии, Египте начинаются расправы над сторонниками нового халифа — кто-то изгнан, кто-то казнён, и Али, дабы защититься, собирает своих воинов; к нему присоединились и куфийцы, где наместник — Гасан, сын Али, внук Пророка.

«Одумайтесь!» — обратился Али к недругам. — Мусульмане против мусульман! И это — в пору, когда под знамёна ислама готовы встать Персия и Бизанс! А вы?!»

Сражения было не избежать, и тут — чудо: воины Али, они заметно уступали в численности омейядам, сели на верблюдов, стремительно понеслись на неприятеля, вражьи кони, не выносящие вида и запаха верблюдов, повернули

назад, отступили, и никто не слышит, как взывает к ним из паланкина, водружённого на верблюда, Айша: *«Остановитесь!..»*

Даже некому ухватиться за поводья её верблюда, чтобы вытащить из боя и спасти *«мать правоверных»*, как устами Мухаммеда назвал её Бог.

Окружавшая верблюда живая стена рухнула, пал верблюд, и Айша стала пленницей Али, осыпая проклятиями брата, который втянул её в преступную бойню, названную в хрониках *«верблюжьей битвой»*.

Али тут же воспретил преследование, грабежи, отпустил Айшу, вернув её в сопровождении охраны в Мекку для продолжения паломничества, откуда она вскоре вернулась в Медину.

Муавийя отступил, вновь воцарившись в Сирии.

Али перенёс резиденцию халифата в Куфу — город, верный ему, понимая, что войны с омейядами не избежать, но и надеясь, что удастся покончить с враждой, мирно договориться.

Нет, Муавийя не намерен признавать его халифом, вновь всплыл призыв: *«Отмстить за Османа!»*

Всё тот же Мухаммед, не оставивший надежды стать халифом, столкнул их, Али и Муавийю, чтоб разом устранить соперников: стали войска в Сиффине у Евфрата, где река образует большую дугу.

Али приказал, по версии шиитов, своим воинам: «Не нападать первыми, а обороняться!» — в надежде избежать кровопролития.

Мелкими стычками Муавийя нащупывал слабости Али, продолжая вести переговоры о выдаче убийц Османа, якобы находящихся, версия суннитов, под защитой Али, а заодно — поколебать его войско щедрыми обещаниями.

Два месяца стояния не дали результата. И на вопрос Али: «Неужто танец смерти предпочтительнее, чем блеск владычества?» — Муавийя ответил атакой.

Али, по версии шиитов, бросил врагу:

«Эй, Муавийя, столько погибли, выходи, вызываю тебя на суд Божий, кто победит — тому и править!»

Муавийя ответил:

«Не знаешь разве, кто сражается со мной — тому убиту быть!»

Бой продолжился, и Муавийя, поняв, что он проигрывает, пошёл на хитрость: на копьях запестрели страницы Корана — того самого экземпляра, что был залит кровью Османа.

Али тотчас прекратил бой. «Да будет, — согласился, — суд Божий, кому быть халифом!»

Желание Али решить дело избрания или утверждения нового халифа «по закону», чтобы были мир и согласие между всеми мусульманами.

«Я взываю, — сказал он, и это сохранили шиитские записи, — к нашему разумению! Растопить гнев оледеневший! Освободить таящуюся в душах энергию разума!...»

Нет, понял: сердца твёрже скал, и это — не те скалы, изпод которых выбиваются живительные источники.

Что-то ещё о любви говорил Али, без которой разум превращается в пустую рассудочность.

Кому говорит?..

Разочарование и раскол среди сторонников, и первым выразил несогласие с *малодушием* Али верный ему Абдулла ибн Ваххаб:

«Поддаться на уловки врага! — кричал он. — За шаг до полной победы! Дозволь, и я покончу с безбожником, кому имя Муавийя, который никогда не прибегал за советом к Корану и глумится над твоими призывами! Твоя доверчивость обманет тебя!»

Абдулла ибн Ваххаб, видя несговорчивость Али, кому он верно служил все годы (и Али чтил его как избранного Богом поэта и мудреца, воина храбрейшего, честного приверженца ислама), решил, такая скорая и неожиданная перемена, увлч за собой часть войска, говорили, что треть! стал *«отколовшимся»*, или *«хариджитом»*, утвердился близ Багдада в Нахраване и провозгласил себя главой *шиитов*.

Али был уверен, что третейский суд решит вопрос о власти в его пользу, но получилось иначе: суд постановил в пользу Муавийи, и тот провозгласил себя, это случилось в Иерусалиме, халифом, хотя Али продолжал числиться таковым, и за ним в истории ислама осталось звание четвёртого «праведного халифа».

...Али шёл на пятничную молитву в мечеть, недавно сооружена в Куфе, сопровождаемый приверженцами, и вдруг... — трое приблизились к нему, и не успели окружающие и оберегающие его люди понять, что происходит, как один из нападавших ударил Али кинжалом по голове и рассёк череп.

Но Али успел бросить в толпу, преодолевая нечеловеческую боль:

«О люди! Разбейте волны смут кораблями спасения!»

Сойдите с пути распрей, скиньте с голов ваших короны кичливости!»

Убийца оказался хариджитом, приближённым к Ибн Ваххабу, и в тот же день другой хариджит из его стана должен был убить в Сирии Муавию, в чью пользу решил подкупленный им третейский суд... Первое убийство осуществилось, а второе провалилось, и халифство осталось за омейядами; нет, не за Муавией, хотя тот и мнил себя халифом: пятым халифом стал сын Марвана Абдаль-Малик, укоренившийся в Багдаде (не брат ли Асмы, казнённой за сочинение сатиры на Мухаммеда?), и он узаконил арабский как язык сформированного меккано-мединского государства, начав чеканить арабскую монету.

На Али кончилась эра четырёх «истинных халифов», видевших и знавших пророка Мухаммеда.

И стали множиться халифы!

Али как-то говорил в кругу семьи о смерти:

— Что бы ты ответила, — спросил Фатиму, — если б тебя спросили: имеет ли смерть цвета? — Фатима повела плечами, и Али сам ответил: — Смерть бывает белая, зелёная и чёрная. Белая, когда гибнет облако, зелёная, когда гибнет сочная трава, чёрная, когда гибнет ночь. Но гибнет облако — дождь льётся, гибнет трава сочная — наливается вымя овцы молоком, а гибнет ночь — рассвет наступает.

Фатима, чуть помолчав, спросила:

— А смерть человека какого цвета?

— Красного! — ответил. Фатима собиралась спросить: — А что случается со смертью человека? — Но ни она не спросила, ни Али не объяснил.

Каялся Али перед смертью, вспоминая слова Пророка:

«О Всевышний, прости мне, что я совершал прежде и что отложил, что делал тайно и явно, в чём преступил границы, — грехи малые и большие, первые и последние, и то, о чём Ты осведомлён лучше меня, Всеведущий, Всезнающий!»

Завещал, как его похоронить, напомнив слова Пророка: «Ни одной не оставляй возвышающейся над землёй могилы, не опустив её до уровня земли».

Был убит — это случилось в 663 году в Куфе, ему было шестьдесят, — когда молился в мечети.

Сын Али Гасан повелел привести пойманного убийцу, имя его сохранила история: Ибн Мулджама, и сказал ему:

«Ты убил повелителя правоверных, увеличив тем самым грязь на земле!..» И повелел обезглавить убийцу.

Тут автор подумал, что поставлена точка всему повествованию, но услышал, казалось бы, голос свыше, хотя то было, в чём пытается он себя убедить, собственное его разумение, причём давнее, и оно не покидало его в процессе долгой работы над книгой... — нет, рано ставить точку, ибо предстоит чистить и чистить пророческое поле от сорняков, сухостоя, а местами оно, если говорить в понятиях современных, заминировано, и шагу не ступить, чтобы не взорваться, и это чуждо Богу, Его духу, противоречит Его призыву, адресованному людям, — состязаться друг с другом в творении добра во имя жизни.



ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ МУХАММЕДА¹²⁰ И ЯВЛЕННЫХ АЙАТОВ

1. Допророческие годы

570, 20 апреля

В Мекке родился Мухаммед.

Знаменательные события той поры: дед по отцовской линии Абдул-Мутталиб из рода хашимитов племени курайшей, хранитель ключей Каабы, вернулся из паломничества в Иерусалим, в чью сторону арабы-язычники молились; явлено было беременной матери Мухаммеда Амине бинт Вахб, что носит во чреве «особо отмеченного человека» и чтобы нарекла его новым именем «Мухаммед», или «Хвалимый»; изумление хашимитов, что мальчик родился обрезанным, что есть признак святости; нашествие в Мекку и вторжение в Каабу абиссинских войск (год Слона); и Бог наказал их, сказано в Коране: «стаи птиц на них наслал, пали камни на головы их, нивой сделались, чьи зёрна саранчой изъедены»; по пути в Сирию по торговым делам в Абве умер, так и не увидав родившегося сына, отец Мухаммеда Абдулла, что означает «Раб Аллаха», — назван в честь идола Каабы, который носил имя «Аллах»; у деда от второй жены родился сын Хамза, дядя-ровесник, молочный брат и соратник Мухаммеда; состоялась в Мекке свадьба юной и знатной мекканки Хадиджи бинт Хувейлид (в будущем — жены Мухаммеда).

570—574

Мухаммеда и Хамзу воспитывает кормилица, бедуинка Халима.

575

Умерла мать Мухаммеда Амина в Абве, на обратном пути в

¹²⁰ Автор опирался на хронологии востоковедов-исламоведов и выражает им благодарность: это П. В. Кустерин (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1465107060>); Н. В. Ефремова и Т. К. Ибрагим (Жизнь пророка Мухаммада. Т. 2. М., 2009); Джасим Авджи (<http://www.posledniyprorok.info/khronologiya-perioda-proroka-muhammada>), а также составители сайта <http://www.islamreligion.com/ru/articles/181/>.

Мекку из Йасриба, куда она ездила с сыном навестить могилу мужа.

Абдул-Мутталиб усыновил внука, дед стал вторым отцом Мухаммеда.

578

Мухаммед пастушил с Хамзой, и вдруг три ангела в человеческом облике повалили его наземь, раскрыли грудь, вынули сердце и, очистив от чёрного сгустка, вернули на место.

Умер Абдул-Мутталиб, ключи от Каабы перешли по наследству к его сыну Абу-Талибу, и он стал новым опекуном — третьим отцом Мухаммеда.

579

Первая караванная поездка Мухаммеда с Абу-Талибом в Бусру (Сирия), где прорицатель Бахира известил курайшитов, что среди них находится будущий пророк.

Поездки продолжились и в последующие годы.

589

Мухаммед принял участие в бою между объединёнными силами курайшитов и кинанитов с хавазинитами, который произошёл вблизи местечка Оказ под Меккой: подавал стрелы своим дядьям по отцовской линии. Это было четвёртое последнее сражение так называемых «войн беззакония», или «святотатственной войны» («Харб аль-фиджар»), ибо затеяна война была в запретное для кровопролития время паломничества.

В бою погиб почтенный мекканец, второй муж Хадиджи, при котором она научилась чтению и писанию.

Заключение «Договора благородных».

594

Вдова Хадиджа, богатая горожанка, приняла Мухаммеда на торговую службу сопровождать караванные поездки.

595

Женитьба Мухаммеда на Хадидже.

596

В связи с рождением сына, названного Касимом, Мухаммед по традиции получил имя Абуль-Касим, или «Отец Касима».

Ранняя смерть первенца: такая же участь постигла и второго их с Хадиджой сына Абдуллу, названного в честь отца Мухаммеда.

У Абу-Талиба родился сын Али, двоюродный брат, воспитанник и зять Мухаммеда, женатый на его дочери Фатиме. Али — четвёртый праведный халиф и первый, после разделения мусульман на суннитов и шиитов (из двенадцати шиитских имамов 1-й, 2-й и 3-й — Али и его сыновья Гасан и Гусейн — выстроены по

династическому принципу, кроме последнего 12-го: это «невидимый» и «сокрытый» Махди (или Мехти), который явится как Мессия (идея мессианства есть лишь у шиитов) с Иисусом, ставшим мусульманином, дабы утвердить на земле ислам).

597—605

Рождение у Мухаммеда и Хадиджи после смерти двоих сыновей четырёх дочерей, чьи имена Зейнаб, Ругийя, Умм-Гюльсум и Фатима (с её именем связано появление династии мусульманских халифов — шиитского, исмаилитского государства Фатимидов с центром в Каире, X—XII века).

Мухаммед принял участие в реконструкции Каабы и первым вошёл в заново отстроенную святыню после окончания работ. Прозван за подачу идеи и активное участие в строительстве «Надежным» («аль-Амин»).

606—610

Мухаммед выкупил из рабства подростка Зейда ибн Сабита из племени Калб и усыновил его (станет одним из верных соратников, хранителей в памяти божественных аятов).

Мухаммед взял на воспитание двоюродного брата Али, десятилетнего сына многодетного дяди Абу-Талиба из-за его тяжёлого материального положения.

Мухаммед выдал дочь Зейнаб замуж за племянника Хадиджи, а дочерей Ругийю и Умм-Гюльсум — за сыновей своего дяди Абу-Лахаба (вскоре с началом проповедничества Мухаммеда Абу-Лахаб станет врагом Мухаммеда и потребует их развода) (его имя как преследователя Мухаммеда упомянуто в Коране: *«Да отсохнут, — прозвучало в устах Бога, — руки Абу-Лахаба, да сокрушит его погибель! Гореть ему в огне пылающем, а жена его — носильщица дров для растопки, и будут ей удавкой на шее волокна пальмовые!»*).

Участие с Хадиджой в ежегодной Мекканской торговой ярмарке, где выступили прорицатели-кахины и состоялось поэтическое состязание. Спор с поэтами, неприятие Мухаммедом одической поэзии, хвалебных словословий.

2. Начало пророчества в Мекке

610

10 августа — явление архангела Джебраила: перед Мухаммедом в пещере на горе Хира во время уединения возник шёлковый свиток с письменами Бога и услышано повеление: «Читай!», и после троекратного обращения он постиг взором знаки Бога и прочитал их, как пишут первые биографы Мухаммеда, то есть произошло чудо обращения человека в пророка. Это случилось с 20 на 21 рамадана, время называется «Ночью Предопределения»,

и гора ныне именуется «Джабаль-эн-Нур», или «Гора Света». Бог называет Себя «Творцом» — «Rabbi», Он «Владыка трона». Слово «Аллах» как имя Бога появится много позже.

Ниспосланное Богом постигается Мухаммедом тремя путями: он видит, слышит и угадывает внутренним озарением, то есть в постижении аятов участвуют глаза, уши и сердце.

До 613

Проповедничество в кругу семьи. Хадиджа стала первой среди уверовавших в пророческую миссию Мухаммеда, получив титул «Тахира» («Чистая [душой]»). По версии шиитов, первым принял ислам Али.

Тайные встречи уверовавших в пророчество Мухаммеда в помещении, получившем название «Дом Аркама».

Знание (в Коране: «познание прежде неведомого») противопоставлено невежеству времён язычества, «джахилии». Самостоятельное постижение каждым правоверным Корана Мухаммед уподобил «джихаду».

Бог определил главное призвание Мухаммеда, его пророческой миссии: лишь повторять явленные ему аяты, утверждающие основы единобожия, ничего не утаивая, ничего не добавляя от себя:

Скажи: Он, Бог, един, Вечен Бог, не родил Он и не был Он рождён, нет никого, кто был бы Ему равен!

Скажи: Прибегаю к Богу людей, Властелину человека, Богу Единому всего и вся!

Явлены на протяжении всего пророчества аяты против язычества, идолопоклонства, укоренившегося в Каабе: *Есть среди людей те, которые, помимо Бога, приравнивают к Нему иных, возлюбили их, как Бога Единого!..*

Негодование родичей, что посягнул на Каабу, клеймит идолов, разрушая дедовские традиции язычества: явление аятов против «злобствующих», кто «измышляет хулу».

Выстраивается последовательность идей в явленных аятах:

утверждение единобожия: Бог в клятвенной форме призывает арабов уверовать в Него Единого, повторяя при этом в новой эмоционально окрашенной поэтической стилистике ранее явленное иудеям и христианам, Моисею в Торе-Таврате, Иисусу в Евангелии-Инджиле, Давиду в Псалмах-Забуре (эти три источника часто упоминаются в Коране), выражает Своё восхищение сотворённым Им, и это пронизывает весь текст Корана:

Да восхитимся движущимися, текущими и сокрывающимися, и ночью, когда она темнеет, и зарёй, когда лишь задышала!.. И во всём, что явлено, — знамения для разумеющих;

борьба против язычества и любых форм идолопоклонства;

вера в Судный день и воскрешение мёртвых: *когда солнце будет свёрнуто, когда звёзды отлетят, когда горы сдвинутся с мест, когда на десятом месяце беременные верблюдицы будут без при-*

смотра, и когда все животные соберутся, и когда моря перельются, и когда души соединятся [с телами], и когда зарытая заживо будет спрошена, за какой грех она убита, когда свитки развернутся, и когда небо будет сдёрнуто, узнает тогда душа, что наперёд себе самой уготовила она;

заповеди по всему тексту Корана, повторяющие Писание, им несть числа, и любые цифровые показатели — лишь символы множества; призывы, в частности, *«быть щедрым в воздаяниях, чтоб очиститься», «не быть в долгу ни пред кем», «не искать никакой награды [за добродетели], не обижать сироту, просящего не отгонять»;*

и, наконец, Бог утверждает, что ниспосланное ему было ранее «начертано в свитках первых, свитках Авраама и Моисея», что Мухаммеда будут укорять, что он повторяет «сказки первых», то есть Коран органично вписывается Богом в контекст иудаизма и христианства как новая ветвь единобожия.

614—618

Открытые проповеди перед мекканцами на площади перед Каабой.

Угрозы родичей-мекканцев прогнать Мухаммеда из города за отказ от веры предков, глумление над идолами.

Заступничество Абу-Талиба, хотя он остался, как настоятель Каабы, верен язычеству.

Растёт число верующих в пророческую миссию Мухаммеда.

Подогретый родичами, Омар, будущий верный соратник и второй халиф, собирается убить Мухаммеда, но, услышав айаты, уверовал, встав в ряды «муслимов», или «покорных единому Богу», к коим в мекканскую пору явления айатов относились в Коране также иудеи и христиане.

Ужесточение преследований.

Мухаммед впадает в уныние из-за того, что отвергают его разумные призывы, глумятся, оскорбляют, и, доведённый до отчаяния, пытается покончить жизнь самоубийством:

Ты, кажется, готов себя убить от горя, что никак не удаётся убедить их [мекканцев]. Не веди с ними пустые споры, а молви то, что в откровениях тебе ниспослано. Коран тебе Мы ниспослали не в переживание, не для печали [что земляки противятся новой вере], а в напоминание благочестивым.

Бог являет откровения, но раз повторяемые в Коране:

Нет принуждения в вере;

невозможно принуждением заставить людей уверовать;

и что Мухаммед не прорицатель, а лишь «увещеватель», призванный повторять явленное и не обременять себя разъяснениями и «измышлениями», и, *если что-либо от Нашего имени присочинит, Мы накажем его крепко, схватим за правую руку, рассечём вену, питающую сердце, и не найдётся никого, кто б удар Наш сумел отвратить!..*

Сквозная идея в Коране про «большинство», отвергающее собственных пророков: *«большинство истины не знает»; «мерзкий деяния большинства»; «оно неблагоприятно»; «Ты думаешь, что большинство способно слышать, разумеет? Они ничем не лучше стада, даже больше, чем оно, сбиты с толку!»; «Если последуешь совету большинства, то будешь сбит с пути Бога, ведь большинство следует предположениям всяким, догадки измышляет разные!».*

Мухаммед выдал дочь Ругийю замуж за Османа (будущий третий праведный халиф, при ком был собран Коран (653 год).

У друга и соратника Мухаммеда Абу-Бакра (будущий первый праведный халиф) родилась дочь Айша (станет женой Мухаммеда).

Группа сторонников Мухаммеда вынуждена (615—616) искать убежище в христианской Абиссинии (Эфиопии).

619

«Год печали».

Смерть дяди Мухаммеда Абу-Талиба.

Умерла Хадиджа.

Ниспослание суры «Фатиха» («Открывающая Книгу»), 50-я по времени явления, 1-я в каноническом Коране.

Впервые в устах Мухаммеда рождаются как молитвенный зачин: *Бисмиллахи рахмани рахим* [Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!] — фраза предпослана почти всем сурам (кроме одной), но при этом, не являясь аятом, не входит в их число, так и *шахада*-свидетельство, формула единства Бога и его нового посланника *Ла-иллахи иль Аллах, Мухаммед расул Аллах* [Нет никакого бога, кроме единого Аллаха, и Мухаммед пророк Аллаха!].

Констатируется рождение нового и последнего Пророка («печать пророков») в череде ранее явленных (в Коране названы 25 имён пророков).

Позже с формированием шиитско-суннитского противостояния шииты к словам «Мухаммед — пророк Аллаха» добавили «и Али — друг Аллаха».

620

Вдова Сауда бинт Зема стала по настоянию дочери Ругийи и зятя Османа женой Мухаммеда.

Козни идолопоклонников продолжают. Тайная поездка Мухаммеда с Зейдом в город Таиф с надеждой договориться с тамошними родственниками о переселении туда со своими сторонниками; но был с проклятиями изгнан.

Мухаммед услышал из-за туч джиннов: «Повелевай, и мы обрисуем на них, если пожелаешь, мощь гор, в развалины обратим Таиф, погребём обидчиков твоих!» — «Нет, — ответил Мухаммед, — прошу лишь о том, чтобы произвелось от таифцев потомство, отличное от них, и чтобы поклонялись лишь Богу Единому и никому из земных божков!»

Недолгое покровительство главы рода науфал Мутима бин Ади.

Прибытие в Мекку представителей арабов-ансаров из города Йасриб с намерением принять новое единобожие. Встреча получила название «Первая Акаба», заключен Союз между ансарами и мухаммедианцами.

Вскоре «Вторая Акаба» с предложением йасрибцев Мухаммеду поселиться в их городе и стать третейским их судьёй в спорах с племенами. Переговоры велись при посредничестве дяди Мухаммеда Аббаса (прародитель утвердившейся в халифате династии Аббасидов). Избрание двенадцати представителей Мухаммеда из йасрибцев — ауситов и хазраджитов.

621

Мухаммед прячется от нападок родичей-мекканцев в доме двоюродной сестры. Ночью ближе к рассвету Мухаммед совершает с помощью Джебраила небошествие, или «исра», — перелёт Мухаммеда на легендарном коне Бурак-«Молния» из Мекки в Иерусалим, и «мирадж» («лестница») — посещение семи небес, где встречается с Адамом, Ноем, Авраамом, Моисеем и Иисусом, совершает молитву с ними, предстаёт перед престолом Бога и возвращается обратно в Мекку (о том в Коране упоминается трижды в суре «ал-Исра», или Ночное путешествие (айат 1), «Челобитие» (айат 23), а также «Звезда» (1—18 айаты). Материальным подтверждением этого явилось сооружение халифом Омаром мечети «Ал-Акса» в Иерусалиме в 638 году в честь небошествия Мухаммеда.

Заявлены закреплённые по всему тексту Корана Божественные идеи о «сынах Израиля»:

Мы превознесли, избрав вас, перед другими [народами].

«Мы поселили сынов Исраила в краю благословенном [метафора Палестины], даровав им блага», «дали Книгу, мудрость, дар пророчества».

Нами были избраны сыны Исраила, возвышенные знаниями над народами другими.

Выражена в Коране преемственность пророков и книг единобожия:

Воистину, ниспосланное [Коран] — Писание!.. То, что Мы тебе явили, — истинно и подтверждает истинность того, что прежде являли. Ниспослал Бог тебе Истину, чтоб истинность того, что прежде до тебя было Им ниспослано, подтвердить. И эта Книга, что тебе Мы ниспослали, на пророчество благословив, подтверждает истинность ниспосланного ранее.

И добавлено, что Коран ниспосылается и для охраны [книг], а следом призыв, обращённый к монотеистам, опережать друг друга в совершении благих дел: *Всякому из вас Мы устроили дорогу веры, праведный дав путь. Если б захотел Бог, сделал бы вас народом Он единым, чтоб испытать на верность вас всему тому, что даро-*

вал Он вам. Старайтесь же опередить друг друга в праведных делах. К Богу — конечный ваш возврат, и сообщит Он вам, в чём разногласили! Аяты даны в контексте сотворения мира, когда ещё и речи не было о верованиях: Во испытание вас [людей] создал, дабы состязаться вы могли в деяниях добрых (11/7).

Начало оформления идеи джихада (на арабском «порыв», «рвение»):

«малый джихад», или война в защиту, если на тебя напали, если тебя изгоняют из твоего дома;

«средний», или «джихад Пера, Каляма», — говорить правду, никого не боясь, ничего не утаивая;

«большой джихад», или война постоянная и ни на миг не прекращающаяся в человеке с дьявольским во имя торжества божественного.

3. Бегство в Йасриб, который вскоре назван Мединой, начало нового летоисчисления хиджры.

622

16 июля — спасительное бегство Мухаммеда в Йасриб (будущую Медину, «Город Пророка»). При халифе Омаре в 638 году побег обозначит начало нового мусульманского летоисчисления *хиджры* (с переносом дня 16 июля на 12 сентября).

Братание «мухаджиров» («переселившихся») с ансарами.

Возведение обращённой (кыбла) в сторону Иерусалима первой мечети. После завоевания Мекки кыбла будет направлена в её сторону, за мечеть закрепится название «мечеть двух кыбл».

Рост приверженцев нового единобожия.

Женитьба Мухаммеда на Айше, дочери Абу-Бакра.

Переговоры с общинами иудеев и христиан. Заключено соглашение о взаимодействии и взаимопомощи.

Продолжение конфронтации с мекканцами-язычниками: первые стычки на караванных путях.

623

Йасриб назван Мединой.

Споры с иудеями и христианами о приоритетах в вере, о Торе, Евангелии, Библии, не принятой иудейскими общинами.

Начало разрыва договорных отношений с иудеями и христианами.

Явление аятов:

Не препирайтесь с людьми Писания иначе как им доводы разумные являя, и не оспаривайте тех, которые упорствуют. Скажите им: Уверовали мы и в то, что нам ниспослано [Коран], и в то, что прежде было вам ниспослано [Тора и Евангелие]! И наш Бог, и Бог ваш — Бог один и тот же, Ему мы предаёмся!

Нет божества, кроме Того, в Кого веруют сыны Исраила.

Мухаммед советует мединским евреям и христианам согласиться с его избранничеством: о пророческом его явлении «сказано в ваших книгах».

Неприятие Мухаммеда как нового пророка.

Сужение понятия «муслим», которое употреблялось в Мекке в широком смысле единобожца, относясь также к иудеям и христианам; отныне оно применяется лишь к мухаммедианцам, а иудеи и христиане причислены к язычникам, неверным, о чём аят в Коране:

Сказали иудеи: «Узайр сын Бога!» Сказали христиане: «Мессия [имеется в виду Иисус] сын Бога!» Слова, подобные тем, что произносят язычники!..

Наличие этих аятов в Коране — влияние человеческого фактора. Бог априори не мог не знать, что иудеи не называли законоучителя Эзру-Узайра «сыном Бога» и выпрямлена идея Троицы: в Коране признаётся необычность рождения Иисуса, и Он не случайно представлен, помимо Мессии, и как Ибн Марйам, то есть сын Девы Марии; женское имя употреблено как отчество вместо принятого мужского; сказано также: «Воистину Иисус для Бога сродни Адаму, из праха созданному», имея в виду, что лишь оба имеют отличное от иных людей рождение — в «первого Адама», рукотворного, вдунут Божественный дух, а «второй», по определению апостола Павла, рождён посредством Духа Его, о чём говорится в Коране.

Война язычников-мекканцев с Мухаммедом: «Бадрская битва».

Победа Мухаммеда. Растёт число его приверженцев, углубляется разрыв с иудеями и христианами, не поддержавшими его в битве, отказавшимися участвовать и в последующих войнах.

Новые походы Мухаммеда.

Утверждаются пять столпов веры:

шахада («свидетельство» единства Бога и посланника: *Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его*);

саят, или *намаз*, пятикратная молитва;

закят: десятая часть доходов (но пятая, или *хумс*, добытая в войне) в пользу Бога, мечети, пророка и его семьи, на нужды паломников и иных путешествующих мусульман, — на всё, что служит исламу, а также *садака*, обязательные подаяния бедным;

пост, или *саум*, *ураза* у суннитов, *орудж* у шиитов в месяц *рамадан* (*рамазан* у шиитов) (язычники прежде постились в одно время с иудеями);

хадж — паломничество в Мекку.

Женитьба Али на дочери Мухаммеда Фатиме.

Смерть дочери Мухаммеда Ругийи, жены Османа.

624

Козни мединских евреев против мухаммедианцев (стычка на базаре).

Мухаммед окончательно утвердил ритуальное различие с иудеями и христианами. *У каждого — своя Книга, у каждого — своя вера.*

Изгнание из Медины иудейской общины кайнукидов.

Дочь Мухаммеда Умм-Гюльсум стала женой Османа (прозван «Дважды зять», «Обладатель двух Сияний» — «Зу-н-Нурейн»).

Походы Мухаммеда на племя гатафан, в Вадии-Зу-Амар на племя Сааляба и в Бухран на племя сулейм.

Хафса, дочь Омара, стала женой Мухаммеда.

Явление айата: *Да, все хорошее, что явлено, — от Бога, а за дурное, что случилось, — сам человек ответствен, более никто.*

625

Неудавшееся покушение евреев на Мухаммеда.

Изгнание иудейской общины надиритов.

Рождение у Али и Фатимы внука Мухаммеда Гасана (будущий второй имам шиитов).

Поражение мусульман в сражении при горе Охуд от мекканцев-язычников под предводительством Абу-Суфьяна. Ранение Мухаммеда.

Борьба с бедуинами в окрестностях Медины.

626

Рейды Мухаммеда, расширение пространства нового единобожия.

Языческие племена Аравии (ашджа, музайна и др.) переходят в единобожие.

Женитьба Мухаммеда на Зейнаб бинт Джахш, бывшей жене усыновлённого Зейда.

Женитьба на многодетной вдове Умм-Саляме (Умм-Сальме), чей муж Абу-Салама умер в шестом месяце джумада аль-ахира, а в десятом месяце шавваль Мухаммед взял её в жёны.

Рождение у Али и Фатимы внука Мухаммеда Гусейна (будущий третий имам шиитов: прозван Шахидом, трагически погиб в борьбе за власть с омейядами, в память чего учреждён траурный ритуал «Шахсей-вахсей», отмечаемый шиитами по сей день).

627

Осада Медины Абу-Суфьяном («Окопная война») — происходит чудо: враг в страхе отступил с большими потерями, и Медина уцелела.

Победа в «Битве у Рва» (Хандак).

Поход на племя Курейза и его уничтожение за предательство во время нападения мекканцев.

Успешные «походы мести» — наказание племён лихьянитов (Мухаммед на обратном пути навестил могилу матери родителей в Абве), гатафанитов, мусталикистов за козни и враждебные действия против мухаммедианцев.

Явление айатов: *Быть может, от Нас защитят* [язычников-мекканцев] *их боги, коим поклоняются? Но эти боги даже не смогут самим себе помочь!.. Дали Мы им и праотцам их пользоваться благами земными, оттянули жизненный предел им. Но разве не узреют: Мы их земли суживаем, сокращая по краям, — нет, не достанется победа им!* [язычники не одолеют Мухаммеда, на их землях воцарится единобожие].

Поход на Мекку, мирный договор с мекканцами («Худайбийское перемирие»), заключённый благодаря дипломатическому таланту Османа: Мухаммед признан независимым правителем, мекканцы согласились на малое паломничество Мухаммеда с соратниками в Мекку.

Переживания Мухаммеда в связи с историей, приключившейся с Айшой, когда она отстала от каравана, что вызвало сплетни и клеветнические измышления против неё. Ссора и мир.

Явление специальной суры «Женщины» о статусе женщин вообще и жён Пророка в частности: они объявлены «матерями всех правоверных», отличаются от обычных женщин рядом особенностей, они *не таковы, как любая другая женщина. Если он разведётся с вами, то Бог, может быть, заменит вас жёнами лучше вас. Если вы набожны, то не ведите* [с посторонними мужчинами] *любезных [речей], не то возжелает вас тот, чьё сердце порочно, а говорите обычные слова.*

Любая мусульманка после смерти мужа, по истечении необходимого срока, может опять выйти замуж, что не распространяется на жён Мухаммеда, что *не подобает жениться когда бы то ни было на его вдовах после его смерти, это — великий грех.*

Каждая достигшая совершеннолетия женщина должна скрывать под одеждой всё тело, кроме лица и кистей рук, а жёны Пророка — скрывать всё тело, включая лицо и кисти рук, с ними можно общаться только через занавес.

Явление айата о возможности мужчине иметь четырёх жён, что оговорено: *Женитесь на женщинах, которых полюбите, даже на двух, на трёх и на четырёх. А если опасаетесь, что не сможете быть одинаково справедливы к своим жёнам, — женитесь на одной.* На Пророка ограничение в числах жён не распространяется, и это дозволено лишь тебе и никому другому из верующих.

Женитьба на девице Джувайрийе бинт Харис, дочери вождя племени бану аль-мусталик, взятой в плен: она досталась в качестве добычи воину Сабиту ибн Кайсу, и Мухаммед её выкупил.

628

Поход в оазис Вади-эль-Кура. Заключение мира с жителями Теймы.

Покорение Хайбара и Фадака, населённого евреями и язычниками.

Женитьба на вдове — иудейке Сафии.

«Предрешённое малое паломничество» («умры возмещения», или «умрат аль-када») Мухаммеда в Мекку.

Женитьба во время совершения умры на вдове Маймуне бинт Харис.

Принятие ислама полководцем Халидом, служившим мекканским язычникам, получение им прозвищ «Меч Ислама» («Сейф-уль-Ислам»).

Завоевание Мекки и разрушение языческих идолов.

Возвращение из Эфиопии и Йемена в Мекку и Медину мекканских переселенцев (сторонников и родственников Мухаммеда).

Женитьба на Умм-Хабибе, дочери Абу-Суфьяна: он и его жена Хинда после многих лет вражды с Мухаммедом приняли ислам.

629

Положено начало созданию Мухаммедом на мекканско-мединском пространстве государства исламского единобожия (пробраз халифата).

Послания Мухаммеда к правителям сопредельных стран принять ислам: в Эфиопию-Абиссинию (негусу), Византию (ромейскому кесарю, а также его наместникам в Александрии и Дамаске), Египет (Мукаукусу), Персию (Хосрову II), главам Гассанидов, в Бахрейн, Бусру, Йамаму, Оман.

Правитель Египта прислал Мухаммеду в знак почтения невольницу Марию, коптку-христианку, и вскоре она стала женой Мухаммеда.

630

Поражение в битве при Муте, гибель Джафара, двоюродного брата Мухаммеда, знатока коранических аятов.

Смерть дочери Мухаммеда Зейнаб (много лет спустя её дочь Уама, внучка Мухаммеда, станет женой Али после смерти Фатимы).

Завоевание Мекки. Абу-Суфьян принял ислам. Разрушение идолов в Каабе, языческих капищ в Нахле, Рухате и Эль-Мушалале.

Новые походы во имя исламского единобожия против язычников.

Мария родила Мухаммеду сына, назвали Ибрагимом.

Смерть дочери Мухаммеда Умм-Гюльсум (жены Османа, не оставила потомства).

Отражение нападения бедуинов, сражение при Хунейне.

Захват Таифа. Обращение жителей в ислам.

Возвращение Мухаммеда в Медину.

Поход в Табук по ложному сообщению о готовящемся нападении на Аравию византийцев во главе с императором Ираклием.

Два успешных похода в Йемен (Аден, Джебель).

Покорение Йамамы.

В последних битвах погибло немало соратников, которые хранили в памяти айаты Корана. Суры существовали во множестве списков.

Мухаммед наказывает приступить к собиранию сур Корана. (Работа продолжилась при первых двух халифах, Абу-Бакре и Омаре, а завершилась при третьем халифе Османе; канонический Коран назван потому «османовским». Уже тогда наметилось в борьбе за халифскую власть разделение мусульман на «суннитов» и «шиитов». Из достоверных хадисов видно, что Мухаммед точно предвидел и не раз выражал сожаление, что произойдёт после него раскол между мусульманами «на 73 части», как раскололись иудеи и христиане «на 71 и 72 частей»; цифры тут условные.)

Мухаммед принимает представителей аравийских племён с изъявлением покорности. Массовый переход в новое единобожие.

Первые лжепророки при жизни Мухаммеда: Мусайлимы из Йамамы и аль-Асуад из Йемена (оба погибли вскоре после смерти Мухаммеда).

Смерть сына Мухаммеда Ибрагима. «Глаза плачут, сердце горюет, но в раю у него будет кормилица, и она его докормит», — сказал Мухаммед Марии. Вскоре умерла и Мария, успев, однако, промолвить, и Мухаммед услышал: «Спешу туда, где в одиночестве томится сын».

Мухаммед совершил «прощальное паломничество» в Мекку (Хиджрат аль-вида) в сопровождении соратников.

Возвращение в Медину и болезнь Мухаммеда.

Предчувствие скорого ухода.

Ниспослание Мухаммеду в мечети «Сурь прощания» в пяти айатах (в нарушение хронологии включены, не отмеченные как последние, в одну из семи больших сур канонического Корана, в пятую «Трапеза», айаты 3, 7—10):

Сегодня Я [Бог] завершил ниспослание вам веры, милость вам Свою явил, одобрил вашу преданность Богу Единому, приведя вас в ислам [преданности Единому Богу]. Помните о милости Бога к вам, завет Его, с вами заключённый, когда вы молвили: «Слушаем и повинемся!» Да убоитесь Бога — Он Сведущ обо всём, что в вашем сердце спрятано! Будьте стойки в вере в Бога вашего, справедливо обо всём свидетельствуйте! И да не будете пристрастны к тем, к кому питаете неприязнь! Справедливость сродни благочестию.

8 июня

Смерть Мухаммеда в Медине. Похоронили, как завещал он, там, где почил: в доме Айши. Впоследствии дом с могилой стал в Медине частью мечети-мавзолея.



СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОРА (ПЯТИКНИЖИЕ)
БИБЛИЯ
КОРАН

Абд ар-Рахман Ибн Насир ас-Са'ди. Радость сердец благочестивых (хадисы) / Пер. с араб. В. А. Нирша. М., 2002.

Алескеров Самир. Великий парадокс, или Два почерка в Коране. М.: Квazar, 2005.

Армстронг Карен. История Бога. 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. с англ. М.: Альпина нон фикшн, 2008.

Бартольд В. В. Ислам. Пг.: Огни / Серия «Мировые религии», 1918.

Большаков О. Г. История халифата. Т. 1: Ислам в Аравии (570—633). М.: Восточная литература, 2000 (Т. 2 — 1993, Т. 3 — 1998).

аль-Бухари. Саких аль-Бухари (Краткое изложение) / Пер. с араб. В. А. Нирша. Т. 1—2. М., 2002.

Грюнебаум Г. Э., фон. Классический ислам (600—1258) / Пер. с англ. И. М. Дижур. М.: Наука, 1986.

Дьяконов И. М. Пути истории. М., 1994.

Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада. Т. 1—2. М.: Ладомир, 2009.

Ибн Гасан. Суры Корана, расставленные по мере ниспослания пророку / Пер. Ч. Гусейнова. М.: Три квадрата, 2002.

Ибрагим Т., Ефремова Н. Мусульманская священная история. От Адама до Иисуса. М.: Ладомир, 1996.

Икбал Мухаммад. Реконструкция религиозной мысли в исламе / Пер. с англ. М. Степанянц. М.: Восточная литература, 2002.

Касимов Рафи. Мусульманство и иудаизм: отношения в прошлом и настоящем. Иерусалим, 1998.

Кельдани Д. Б. Мухаммад в Библии / Пер. с англ., 1999 (без выходных данных).

Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М.: Восточная литература, 1978.

Керимов Г. М. Шариат — закон жизни мусульман. Ответы шариата на проблемы современности. СПб.: Диля, 2007.

Коран и Библия: параллельные места. М.: Институт перевода Библии, 2005.

Луис Бернард. Ислам и Запад. М.: Библейско-богословский институт, 2003.

Луис Бернард. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм / Пер. с англ. Т. Гутникова. М.: Олимп-Бизнес, 2003.

Массэ А. Ислам. Очерк истории / Пер. с фр. Н. Б. Кобриной, И. С. Луцкой. М.: Восточная литература, 1961.

Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: ВиМ, 1996.

Михайлов Ю. А. Пора понимать Коран. М.: Ладомир, 2007.

Морозини Пьерлуиджи. Евангелие и Коран / Пер. с ит. В. Иванова. М.: Книжное обозрение, 2002.

аль-Мубаракфури Сафи ар-Рахман. Жизнь Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует / Пер. с араб. В. А. Нирша. М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002.

ан-Навави. 40 хадисов / Пер. с араб. В. А. Нирша. М., 2001.

Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966.

Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991.

Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

ас-Суйути Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках. Вып. 1—5. М.: ИД «Муравей», 2003—2006.

Фильштинский И. М. История арабов и Халифата (750—1517). М.: ИД «Муравей», 2001.

Фильштинский И. М. Халифат под властью династии Омейядов (661—750). М.: Северо-принт, 2005.

Хадисы Пророка / Пер. с араб. и коммент. И. В. Пороховой. М.: Аванта+, 2001.

Хрестоматия по исламу / Пер. с араб., введ. и прим. М.: Восточная литература, 1994.

Щедровицкий Д. В. Сияющий Коран. М.: Оклик, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Автор советует читателю, прежде чем приступить к основному тексту, перелистать эти страницы

5

I. НАЧАЛО

12

1. Цена человеческой крови, или Гадательные стрелы, к которым прибёг Абдул-Мутталиб, чтобы определить, кого из сыновей принести в жертву богам, выбор пал на первенца, Абдуллу, будущего отца Мухаммеда; а далее обряд самоочищения — отправился Абдул-Мутталиб паломником в Иерусалим, или *Эль-Кудс*, что означает *Святая*, в чью сторону при молитве обращают взоры язычники-арабы

12

2. Ночные страхи матери Амины, которая после свадьбы — минуло всего лишь месяц-другой, проводила мужа Абдуллу в караванную поездку, а по дороге он умер, так и не узнав, что вскоре родится сын, и сжалилась Алима, бедуинка-кормилица, над Мухаммедом, у чьей матери от горестей пропало молоко, и взрастила младенца

27

3. Мухаммеда после смерти матери усыновил дед, и начались пастушьи годы отрочества, ознаменованные таинственным событием, когда ангелы в человеческом облике, разрезав его грудь, очистили сердце от скверны; и о том, как Мухаммед после смерти деда обрёл третьего отца, им стал его дядя Абу-Талиб, младший брат отца

38

4. Узлом завязанный язык, или Двуетная история о старцах, с которыми, таково предание, встретились Абу-Талиб и Мухаммед в их караванную поездку, и те, первый — монах-христианин, а второй — иудей, не сговариваясь друг с другом, постигли и предсказали, лишь глянув на юношу, то, чего не узрели простые смертные: будущего пророка

49

5. Новые торговые поездки — на сей раз по поручению знатной мекканской госпожи Хадиджи, богатой и многомудрой вдовы (некогда день в день совпали её замужество и рождение Мухаммеда), нанялся к ней работать, и в тот миг, как переступил порог дома, из покоев её ударил в нос терпкий запах мускуса в смеси с иными нежными

64

6. Увлекла вас охота, или О том, что имя *Мухаммед* — частое в устах Хадиджи, и никто ни до, ни после не вкладывал в это имя столько

нежности, как она: «Произношу, — пошутила однажды, — чтобы не забыть, как тебя зовут, такое редкостное имя!»

75

7. Излучающие весть: то ли услышанная одинокая строка, неведомо почему и откуда возникшая, то ли разгадка сна Мухаммеда

83

II. ЯВЛЕНИЕ КОРАНА

98

1. Никого не минует игра воображения, рождённая греховным вдохновением, или Первое из троекратного, а во Втором — марево танцующих горбов верблюжьих, лишь в Третьем долгожданное: зов Ночи могущества был явственен, на миг пространство озарилось слепящей вспышкой и услышано: *«Эй, Мухаммед!»*

98

2. Первой уверует в избранничество Мухаммеда Хадиджа, и она его попросит: «Научи меня своей вере». Но не скоро решится собрать на площади перед Каабой людей и поведать им о явленном ему Богом. И площадь разволнуется, зашумит, смешаются возгласы удивления, злорадный хохот, иронические выкрики, негодования, полные сарказма

116

3. Неслышный зов, или о том, как в просторном доме Аркама ждали Мухаммеда: вот он! легко вошёл, точно полный сил крепкий воин, даже предводитель воинства

130

4. *Убить — что есть проще?* Обретение искомого, или о том, что Мухаммеду явилось откровение: *«Всеведущ Бог о том, что спрятано в сердцах!»*

145

5. Краски полумесяца, или о том, как группа мухаммедианцев, спасаясь от преследований, нашла приют в Абиссинии, но в эти же дни на Мухаммеда обрушился удар: смерть Хадиджи, и дом стал пустыней

161

6. Семь джиннов, которые появились на пути Мухаммеда и так же неожиданно исчезли, и он услышал их готовность услужить ему и наказать недругов

183

7. Кривизна судьбы, или постоянный вопрос самому себе: Почему именно ты, Мухаммед?

197

III. НЕБОШЕСТВИЕ

204

Живым Мухаммед явлен был на крути неба, где медленно течение времён, и думами привязан ко всему земному: *Когда ты пребываешь там, или пребудешь, / узришь стремительную поступь на земле, / скор день и скоро ночь в делах, заботах, мыслях*

204

1. Небо первое: *Адам*

214

2. Небо второе: *Ной*

237

3. Небо третье: *Авраам*, в чьём пространстве Ангел Ледопламенный

250

4. Небо четвёртое: *Моисей*, в чьём пространстве Ангел Слёз

257

5. Небо пятое: *Иисус*

265

6. *Шестое небо!..* — раздался голос Джебраила. — *А далее,* — слышит его Мухаммед, — *пойдёшь ты один, то небо седьмое!*

285

7. Суметь постичь возникшие виденья

289

IV. НОВОЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ

293

Ничто не случайно в жизни человека, если к тому же он избран пророком, а тем самым его судьба — как представляется простым смертным, постоянно творящим идолов, — изначально, казалось бы, очерчена, предопределена и защищена свыше

293

1. Чудодейственное спасение — бегство Мухаммеда из языческой Мекки, ставшей ему враждебной, в Йасриб, который вскоре назовётся Мединой, или *Городом Пророка*. Начало хиджры

297

2. Поступь первого года хиджры: побег из мекканского заточения в открытый всем ветрам город, радости и печали, надежды и горести, но прежде о том, что Мухаммеда тут ждали

308

3. Листы были двух родов: одни, сшитые нитями, а поля украшены орнаментами, и ясный почерк *куфи*, а другие собраны наспех с вклейками, и текст почерком *наسخ* был мелок, почти не прочитывался

332

4. А потом были войны. Потом и прежде. Много войн! Против язычников-мекканцев! Против... — да, много-много войн! Что выпали на долю? И даже сегодня — когда возникло признание. Признание сожаленья? Всего лишь зачин. Войн, когда проливается кровь. И кро-
воточит душа

348

5. День различения, или *ал-Фуркан*. Битва при Бадре: первая победа «ахли-Гур'ан», или «людей Корана», одержанная над язычниками-мекканцами, решившими пойти, случилось во второй год хиджры, войной против Мухаммеда, чтобы окончательно погасить враждебный Каабе очаг арабского единобожия

351

6. Проклятия и знаки траура на восточный лад из-за поражения при Бадре и в канун Охудского сражения, когда Мухаммед — пророк смертен, а не вечен, предупреждал Бог, — чудом спасся от гибели, и это случилось в третий год хиджры, походы и походы во имя нового единобожия: на Зу-Амарр! на Бахран! изгнание еврейского племени кайнукидов!..

368

7. Увеличивать и крепить войско! ширить оберегаемую территорию, а что до разногласий с сородичами-язычниками или единобожниками иудеями и христианами... — Мухаммед оставит разрешение спора на конечное усмотрение Бога в Судный день!..

377

V. МЕККАНСКО-МЕДИНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСЛАМА

379

Мухаммед велит передать мединским иудеям: *«Вы, люди Книги, которые уверовали в единого Бога, выжидаете, кто победит, я или идолопоклонники-мекканцы. Не с язычниками ли вы заодно?!»*

379

1. Обратился Мухаммед к собравшимся в мечети на пятничную молитву: *Передайте мекканцам! Всем арабам! Евреям и христианам, верующим в Мусу и в Ису! Всем, кто не насытился кровью! Бизанцам и персам! Сирийцам и Гассанидам! Не довольно ли Таифской и Колодезной, Севикской и Охудской войн? Не пора ли всем племенам угомониться?!*

381

2. Всё уже было, и льётся кровь поныне, каждый раз — скорбь, горе, эти казни, стычки, и видение того, что случится и завтра, и через десятки лет, и спустя даже не столетия, а тысячу и более лет: на нас победно смотрит красивый, полный сил статный человек, а в руке у него голова отрубленного врага-соседа, и его, весёлого, введу тут слово непривычное для древности, *фотографируют*, — нескончаема чередка казней!..

413

3. «Вот что я тебе скажу, вернее, повторю, что мне явилось. Те, которые придут после нас, а может, и те, которые придут после-после, будут лучше нас, а далее... — Вдруг взгляд Мухаммеда стал жёстче: — А далее явятся те, кто станет давать обеты, но не исполнять их, множество расплодится их, тучных, сытых и наглых. Испытанием для моей общины будет жажда власти и богатств! Запомни: будут, даже приняв нашу веру, клясться, воздев руки к небу: “Мы желали только благого!”»

424

4. И год был хиджры одиннадцатый: Мухаммед собирался, да не успел, отомстить ромеям за Муту, где пали близкие ему Джафар, брат и друг, славный воин Зейд ибн Харис! И сын Зейда Усама возглавит новый поход большого войска. Новые победы мухаммедианцев — уже без Мухаммеда! И ширится пространство ислама — тоже без Мухаммеда!

442

5. Клятва была дана составителями свода Корана: сохранить буквы и слова Божественного текста, как они были ниспосланы Пророку, и остались, можно полагать, верными той клятве, и появился Коран, книга нового единобожия — ислама

449

6. Человеческий фактор, или Вторжение в Божественный текст: прямое — путём вставок, и косвенное — через интерпретации или иные структурные формы

456

7. Сколько тростниковых перьев понадобилось, чтобы записать Коран почерком *куфи* на обработанных шкурах животных. И кожаные эти листы, сшитые воловьими жилами, содержались в особо отведённом для них помещении, названном «Место, где хранится Коран»

466

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ МУХАММЕДА И ЯВЛЕННЫХ АЙАТОВ

472

1. Допроороческие годы

472

2. Начало пророчества в Мекке

474

3. Бегство в Йасриб, который вскоре назван Мединой, начало нового летоисчисления хиджры

479

Список использованной литературы

485

Гусейнов Ч. Г.

Г 96 Мухаммед/Чингиз Гусейнов. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 492[4] с. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1670).

ISBN 978-5-235-04028-1

Книга посвящена жизни и деяниям пророка Мухаммеда (570—632), через которого был явлен божественный Коран и возникла новая религия — ислам; ныне её исповедует на земле свыше миллиарда человек.

Автор книги, Чингиз Гасан оглы Гусейнов, — российский писатель и учёный, филолог-востоковед, профессор, пишущий на азербайджанском и русском языках, автор многих художественных произведений, в том числе исторических романов, научных исследований по национальным культурам и религиям мира. Адресована книга самому широкому кругу читателей — как верующих, так и не верующих, но любознательных и мыслящих, открытых к познанию нового и неведомого.

УДК 28-31

ББК 86.38

знак информационной
продукции

16+

Гусейнов Чингиз Гасан оглы

МУХАММЕД

Редактор А. А. Юрьев

Художественный редактор И. И. Суслов

Технический редактор М. П. Качурина

Корректор Г. В. Платова

Сдано в набор 13.06.2017. Подписано в печать 14.07.2017. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26,04. Тираж 4000 экз. Заказ № 1713030.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04028-1

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Данилкин
«ЛЕНИН»

В. Бондаренко
«ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»

А. Вдовин
«ДОБРОЛЮБОВ»

А. Коровашко
«МИХАИЛ БАХТИН»

И. Фаликов
«ЕВТУШЕНКО»

М. Макеев
«НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»



Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Сенкевич
«БУДДА»

В. Антонов
«ЭЙТИНГОН»

П. Ренуччи
«КЛАВДИЙ»

А. Кулагин
«ШПАЛИКОВ»

А. Куланов
«ОЩЕПКОВ»

Н. Старосельская
«КАВЕРИН»



Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ

ДЛЯ ОПТОВЫХ

ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сушевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*



**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**



**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

